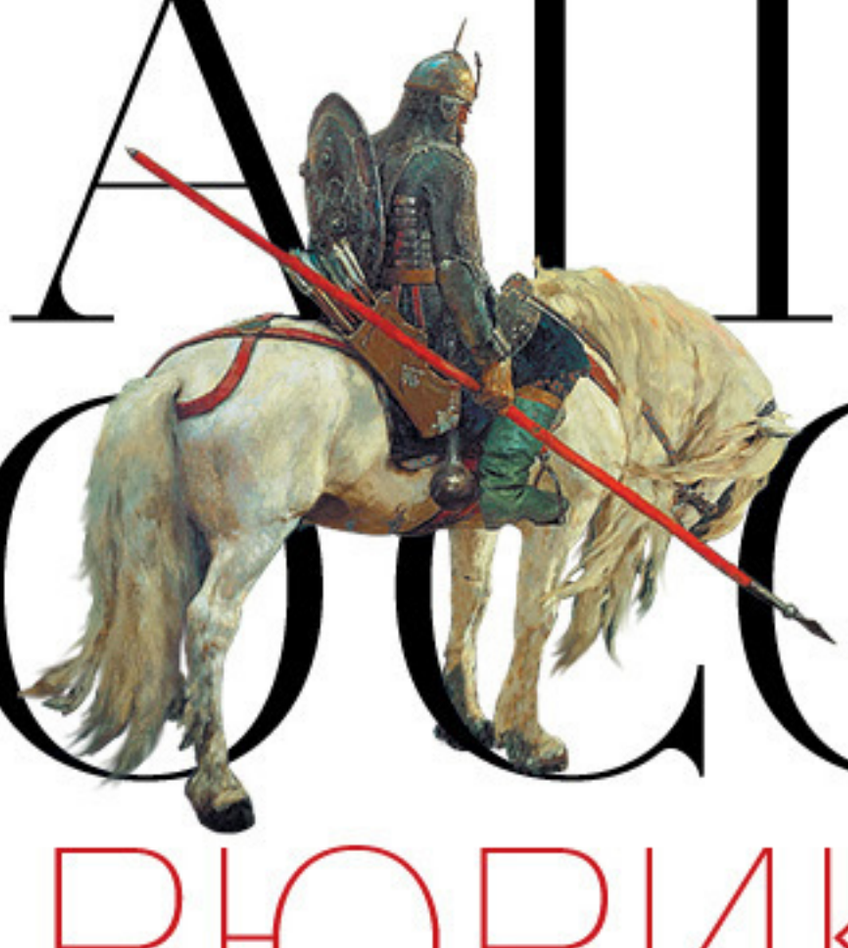
ИГОРЬ КУРУКИН, НИКИТА СОКОЛОВ

ВЫБИРАЯ СВОЮ ИСТОРИЮ

РАЗВИЛКИ НА ПУТИ РОССИИ



СОКРУЗ

ОТ РЮРИКОВИЧЕЙ ДО ОЛИГАРХОВ

18+

862 | 1252 | 1380 | 1418 | 1453 | 1564 | 1610 | 1666 | 1697 | 1730 |
1763 | 1792 | 1820 | 1824 | 1830 | 1860 | 1878 | 1881 | 1903 | 1907 |
1917 | 1918 | 1927 | 1928 | 1948 | 1957 | 1968 | 1987 | 1997 | 2024 |

ВЫБИРАЯ СВОЮ ИСТОРИЮ

ИГОРЬ КУРУКИН, НИКИТА СОКОЛОВ

ВЫБИРАЯ СВОЮ ИСТОРИЮ

РАЗВИЛКИ НА ПУТИ РОССИИ

ОТ РЮРИКОВИЧЕЙ ДО ОЛИГАРХОВ

издательство **АСТ** Москва

УДК 821.161.1+94
ББК 84(2Рос=Рус)+63.3
К93

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЮ) ПРОИЗВЕЛ ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ СОКОЛОВ НИКИТА ПАВЛОВИЧ, ЛИБО МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАННОГО ИНОСТРАННОГО АГЕНТА.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

К93 **Курукин, Игорь Владимирович.**
Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от Рюриковичей до олигархов / Игорь Курукин, Никита Соколов. — Москва : АСТ : CORPUS, 2024. — 640 с.

ISBN 978-5-17-163083-6

Книга российских ученых — собрание очерков, повествующих об исторических развилках, когда история нашего Отечества могла пойти не так, как она пошла. Но это не учебник альтернативной истории. Это глубокие и насыщенные историческими фактами рассуждения о зарождении гражданского общества в России, о проблеме исторического выбора и о том, что историю во все времена творили конкретные люди, причем по собственной воле.
Книга была опубликована в 2005 году и вызвала дискуссии как в профессиональной среде, так и среди простых читателей, интересующихся судьбой России. А потому мгновенно стала бестселлером. Перед вами — отредактированное и существенно дополненное издание.

УДК 821.161.1+94
ББК 84(2Рос=Рус)+63.3

ISBN 978-5-17-163083-6

© Курукин И.В., Соколов Н.П., 2006, 2015, 2024
© Юрганов А.Л., предисловие, 2006
© А.Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
© ООО “Издательство АСТ”, 2024
Издательство CORPUS ®

Содержание

Андрей Юрганов. **“Что быть могло, но стать не возмогло...”** 7

С точки зрения ежика. Вместо введения 11

862 Власть и волость **15**

1252 Меж Ордой и орденом **36**

1380 Несостоявшийся союз **58**

1418 Самоубийство средневековой демократии **75**

1453 Шемяка против Темного **91**

1564 Опричнина против земщины **106**

1610 За что боролись в Смуту **123**

1666 От “симфонии” к расколу **138**

1697 Европеизация от амуниции **159**

1730 Тридцать душ — цена “конституции” **183**

1763 Минерва и канарейки **204**

1792 Гром победы и храбрые россы **223**

1820 В поисках розы без шипов **239**

1824 “Мыслящие восстали...” **258**

1830 “Апогей самодержавия” **284**

1860 Отступничество русского Галилеянина **306**

1878 Кровь по совести **326**

1881 Плоды “ананасного” манифеста **355**

1903 “Полицейский карьерист” против “полужида” **384**

1907 Конституционный эксперимент **408**

1917 Война и революции **434**

1918 Красные, белые, розовые и зеленые **460**

1928 Соблазн большого скачка **485**

1948 Победа над победителями **506**

1957 Накануне коммунизма **540**

1968 “Я — могу — говорить!” **568**

1987 Человеческий фактор **586**

1997 Пейзаж после битвы **609**

Горизонт ожиданий. Вместо эпилога 636

“Что быть могло, но стать не возмогло...”

Эта книга необычна. Профессиональные историки делятся с читателями мыслями об альтернативах исторического развития. Мысли эти остаются подчас невостребованными, таятся в уголках сознания, пока общество не потребует сказать о них открыто. Такой момент настал. Часть российского общества явно взыскует ответа на вопрос о том, что “с нами происходит”...

Необычной книге хотелось бы предпослать и не совсем привычные слова напутствия. Можно разделять или не разделять основные интенции авторов, моих коллег, — все-таки альтернативная история выходит за рамки строго доказательной академической истории, — но их книга мне интересна. Более того, считаю ее полезной и для широкого круга читателей, которые могут увидеть русскую историю в контексте “упущенных возможностей”.

Что же в этом интересного и полезного?

Всякая косность мысли оборачивается догмой, хуже того — идеологией, которая по природе своей не терпит разномыслия, сомнений, рефлексий. Сейчас в России вновь наступает эпоха, когда история становится разменной монетой в политической игре, при помощи которой государственные мужи намереваются “сплотить народ” на основе идеи “священной державы”. Авторы книги продолжают начатый во времена перестройки и прерванный впоследствии разговор о судьбах страны, народа, государства.

Сталкиваются два несогласия “так жить”. Одних пугает непредсказуемость науки, непредсказуемость личности, непредсказуемость творчества. Другим претит безжизненность схемы, самодовлеющий механизм шаблона.

Взыскующие “порядка” правы по-своему — нет уже сил просто взирать, и не видно других средств цивилизованно управиться с разгулом примитивного эгоизма в “невнятном” государстве: с двуглавым орлом, советским гимном и олигархами. Но своя правда и у тех, кто не ожидает ничего доброго от победы над эгоизмом ради “общей пользы” ценой удушения живой мысли, живого дела.

В этой ситуации не случайно возникает потребность в провоцирующей книге, смысл которой — поколебать уверенность в том, что возможно лишь одно объяснение прошлого. Нет, говорят историки, объяснений может быть больше. Хотя — и это тоже важно — существенна не только сама возможность исторической “развилки”, но и то, насколько она была осознана современниками.

Уверен, книга вызовет неоднозначное отношение читателя, потому что авторы сознательно ставят перед собой цель возмутить обывательский уют привычных представлений, порой далеко не бесспорных. “Разве мы не страдали от монголов, от ига, и поэтому у нас не сложилась современная демократия?” — спросит иной поборник “традиции”, привыкший находить в исторических событиях объяснение своей собственной отсталости. Речь, конечно, не идет о том, чтобы определить здесь и сейчас “окончательный” взгляд на факты прошлого — историки продолжают разговор о возможностях научного сомнения, прибегая к казусам альтернативы, чтобы нагляднее показать, что к истории, как и ко всему на свете, можно относиться по-разному.

Когда сегодня ставится вопрос о воспитании историей, то хотелось бы знать: что мы стремимся воспитывать? Одни найдут в истории примеры единения ради общих интересов и вопреки мнению отдельных личностей и целых социальных слоев, другие... Весь пафос этой книги заключается в том, что должны быть “другие”: верившие, боровшиеся, часто отдававшие собственную жизнь за иное будущее своей родины; наверное, не обладавшие полнотой истины (а кто из смертных ею обладает?), но имевшие право думать иначе. Только это признание права на “инаковость” позволяет стать гражданином, для которого история страны — это не звук фанфар на юбилейных торжествах, а боль утраты, острое желание не быть отсутствующим в собственной отчизне. Не сносить молча, по выражению Н. М. Карамзина, все ее “нестроения” и несправедливости, “терпя, чего терпеть без подлости не можно”.

Словом, эта книга вызовет спор, несогласие, сомнения, рефлексии. Это, я думаю, и требуется от альтернативной истории — не быть скучной, назидательной, окончательной, но вызывать заинтересованный взгляд читателя беспокойством мысли, неожиданностью сравнений, порой даже рискованностью сомнений. Ради одного — пробуждать гражданский интерес к истории России. Или, по словам Карамзина, к тому, "что быть могло, но стать не возмогло...".

Андрей Юрганов

С точки зрения ежика
Вместо введения

> И вы себе не представляете, как ужасно неудобно играть, когда все они живые!.. А вот сейчас я могла крокировать королевиного ежика, а он взял да и убежал от моего ежа...
>
> Льюис Кэрролл. *Алиса в Стране чудес**

Эта книга — вовсе не учебник. Она скорее “антиучебник”. И даже не потому, что некоторые события здесь получают непривычное освещение. Существеннее другое. Учебники рассказывают о правилах и законах, которые нужно выучить и запомнить. Когда так пишут учебники по физике и химии, это естественно; беда, что тем же манером пишут и учебники по истории. Даже когда “закон истории” не формулируется в них открыто, построение рассказа всегда подразумевает некоторую скрытую предопределенность исхода. Представления эти проявляются в оценках действующих лиц как “прогрессивных” и “реакционных”, то есть приближающих или отдаляющих желательный “конец истории”.

Это происходит не по злому умыслу. В конце концов, история состоялась так, как состоялась, а не иначе, и человек, изучающий ее, знает (пусть даже эти знания весьма ограниченны), как и чем закончились те или иные события. Но проблема в том и состоит, что история не имеет объективных законов, кроме тех, которые придумывают пишущие. Все попытки подвести историю под какое бы то ни было общее правило, будь то: божий промысел, понимаемый в качестве генерального плана; прогресс просвещения; “естественно-исторический процесс” смены общественно-экономических формаций; позаимствованные

* Перевод Б. Заходера.

у биологии законы рождения, роста и гибели цивилизаций — пошли прахом. Целенаправленная деятельность человека в прошлом, составляющая существо истории, не подчиняется никакой кабинетно измышленной закономерности. Если бы подчинялась, историк, подобно физику и химику, мог бы знать, чем закончится процесс, и делать верные предсказания на будущее. Удавалось — весьма редко и самым чутким — угадывать. Предсказывать не удавалось никому, и не потому, что предсказателям недоставало таланта или знаний. Просто история — поле деятельности человека, который обладает не только разумом, но и свободой воли. В силу этой свободы никакая последовательность исторических событий не представляет собой "процесса", подчиняющегося закономерности, которая хотя бы отдаленно напоминала законы, действующие в природе. Траекторию движения упругих тел после столкновения можно предсказать с большой точностью, но совершенно бессмысленно требовать, как Алиса, чтобы живые ежики вели себя как деревянные крокетные шары. Нет, они, конечно, катятся после удара носом фламинго, но... куда сами хотят.

Именно потому, что человек наделен разумом и волей, нельзя сделать никакого верного прогноза относительно будущего человеческого общества. В 40-е гг. XIX в. Карл Маркс, наблюдая чудовищную эксплуатацию промышленных рабочих, предрек неизбежность построения коммунизма в результате обострения классовой борьбы и победы пролетариата. Нашлись люди, приложившие немало усилий для приближения пролетарской революции. Но немало усилий было затрачено и теми, кто старался такого будущего избежать, среди них были как рабочие, так и работодатели. Прошло 100 лет, и в мире (по крайней мере в той его части, которая активно сопротивлялась проекту будущего по Марксу) уже не существует того пролетариата, об участи которого сокрушался Маркс. Проблемы, касающиеся будущего, не исчезли, но это уже совершенно другие проблемы.

Как остроумно заметил французский историк Антуан Курно, общий ход истории правильнее уподоблять шахматной партии, где каждый новый ход — результат свободного выбора игрока. Мы можем постараться понять его мотивы (собственно, в этом и состоит главная задача историка), но не можем сформулировать общий закон развития партии и предсказать ее результат. Игрок свободен в тех пределах, которые диктует ему позиция, также являющаяся результатом предшествовавшего свободного выбора, а не какой-либо закономерности. Более того, у каждого человека свое понимание этих пределов. И это единственный неоспоримый вывод, к которому пришла историческая наука, пройдя за последние полтора столетия через множество искуше-

ний и соблазнов. Урок истории — это урок свободы. Урок, усвоенный еще в глубокой древности. “К свободе призваны вы, братия!” — писал апостол Павел (Гал. 5:13). Разумеется, свободу в этом смысле, свободу действий самостоятельного и ответственного гражданина, не следует путать с безграничной холопско-казацкой “волей” и купечески-новорусским своевольством.

Свобода — это возможность выбора. Даже у самой незамысловатой шахматной позиции есть несколько продолжений. Жизнь человеческого общества гораздо богаче вариантами. И, хотя зачастую приходится выбирать из двух зол, безвыходным мы обычно называем такое положение, ясный и очевидный выход из которого нам просто не нравится.

Исторический выбор мы делаем ежедневно, подчас совершенно этого не сознавая. Иногда только весьма отдаленные последствия могут прояснить все значение сделанного некогда шага. Но всегда наш выбор диктуется образом желательного будущего. Мы выбираем свой проект будущего не только тогда, когда выбираем президента и парламент. Мы делаем это ежедневно, выбирая людей, с которыми дружим, и книги, которые читаем. В любом сообществе людей постоянно идет эта сложная борьба между разными проектами будущего.

В ходе этой борьбы довольно часто общественные системы оказываются в состоянии неустойчивого равновесия, и тогда выбор немногочисленной, но энергичной группы (и даже одного человека!) может существенно изменить траекторию движения всего сообщества. Или, наоборот, повседневная деятельность множества “обычных” людей, преследующих собственные, часто мелкие и сиюминутные, цели, сдвигает общество в ту или иную сторону, вопреки замыслам могущественных государственных мужей и великих реформаторов.

В этом смысле история представляет собой длинную цепочку развилок (в научной литературе для их обозначения пользуются специальным термином “точки бифуркации”). Каждый акт выбора отодвигает в тень нереализованные, потенциальные возможности, набор которых, существовавший на момент совершения выбора, по прошествии времени часто уже с трудом поддается реконструкции.

Гораздо проще и удобнее описывать только пройденный обществом путь, не задумываясь о том, какими ответвлениями и почему оно пренебрегло в цепочке развилок. Но при таком подходе неизбежно возникает иллюзия “тотально целенаправленной” и “фатально предопределенной” истории, для описания мистического механизма которой и пользуются метафорами “божьего промысла”, “национальной судьбы” и проч. Историю этого типа любят власти предержащие,

поскольку такая история служит обоснованием если не "исторической прогрессивности", то уж по меньшей мере "исторической неизбежности" наличествующей власти.

"Казенная" история, история "допущенных и рекомендованных" учебников, не знает сослагательного наклонения. По существу, это предыстория торжествующего на данный момент "проекта будущего". Ее задача — воспитать гордость "героическими деяниями предков". Овладение этой историей — главная добродетель верноподданного, готового малодушно передоверить власти строительство будущего. Понимать обстоятельства и мотивы выбора предков (нередко совершавших деяния, гордиться которыми затруднительно) — добродетель гражданина, готового действовать сознательно и свободно.

Знание и понимание альтернатив прошлого — лучшая из известных профилактик тяжелого заболевания национальной памяти типа "сделайте нам красиво", увы, весьма распространенного в наших широтах. Если немецких школьников водят на экскурсии в музей бывшего концлагеря Дахау, где они учатся каяться и не забывать, а следовательно, и не повторять ошибок предков, то наших водят в Оружейную палату — любоваться золотом и блеском алмазов (той самой имперской "славой, купленною кровью", от которой отрекался Лермонтов). Обязательного посещения музея "Петровский пыточный застенок" и экскурсий в "Сталинский лагерь" в отечестве нашем не заведено. Но прав был немецкий философ Карл Ясперс, когда требовал: "Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило".

Эта книга — собрание очерков, повествующих об исторических развилках, когда история нашего отечества могла получить существенно различное продолжение, и о том спектре альтернатив, который держали в уме участники событий (историки называют его "горизонтом ожиданий"). Пусть вас не смущает, что выбор всякий раз, по видимости, совершают значительные и высокопоставленные личности. Они всего лишь знаковые фигуры, о которых мы больше знаем и чей выбор символизировал выбор определенной части нации. Важно то, что, сознательно одобряя или не одобряя этот выбор, вы совершаете свой собственный.

862 Власть и волость

8 сентября 1862 г. в Великом Новгороде на площади между Софийским собором и Присутственными местами проходила невиданно пышная церемония. В присутствии государя императора, наследника цесаревича, членов императорской фамилии, Синода и Сената был торжественно открыт памятник Тысячелетия России.

Грандиозное сооружение, плод фантазии дотоле никому не известного выпускника батального класса Императорской академии художеств Михаила Микешина, силуэтом напоминало одновременно шапку Мономаха и колокол. Но главная удача скульптора, обеспечившая победу его проекту, заключалась в удивительно точном переводе на язык скульптуры традиционного взгляда на отечественную историю. Сущность России виделась в уникальном сочетании "православия, самодержавия и народности". Соответственно, в верхней части монумента ангел, олицетворяющий православие, благословляет коленопреклоненную женщину — Россию. Помещенные на втором уровне шесть групп представляли разные стадии становления российской монархии. В нижнем ярусе располагалось 109 персонажей, в частности и простого звания, положивших жизнь на создание великой России. Тысячелетняя история России мыслилась как тысячелетняя история монархии.

16 Памятник себе

Почетное место в среднем ярусе монумента занимала сцена призвания славянами на княжение варяга Рюрика. К юбилею этого события, собственно, и было приурочено торжество, ибо с актом "добровольного призвания" связывалось установление на Руси монархического начала и даже появление государственности вообще. Уже Василий Никитич Татищев — первый российский историк — изображал древнерусских князей самовластными государями, а политическую систему Древней Руси как монархию. Идея эта закрепилась в российском общественном сознании с появлением в 1816 г. "Истории государства Российского" Николая Михайловича Карамзина, ставшей для россиян своеобразным "открытием" собственной истории. Прекрасный язык, глубокое знание источников, яркие образы героев — все это сделало труд Карамзина основой исторических знаний многих поколений.

> Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец — и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки, с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.
>
> (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. Гл. 4)

В трудах историка Михаила Петровича Погодина (сына крепостного, отпущенного на волю, получившего возможность учиться в Московском университете и впоследствии ставшего его профессором и главой кафедры русской истории) добровольное призвание было истолковано в духе этой доктрины, но со значительным антизападническим заострением в соответствии со знаменитой триадой министра народного просвещения графа С.С. Уварова "Православие, самодержавие, народность". Сама формула Уварова была создана как своего рода полемический ответ на знаменитый лозунг Великой француз-

ской революции “Свобода, равенство, братство”: вместо свободы Уваров предлагал православие как подлинную свободу (не в человеческом, а в божественном смысле), равенству противопоставлял самодержавие, а вместо космополитического братства выдвигал народность, то есть национальную идею.

Противопоставление России Западу особенно усердно насаждалось в эпоху Николая I. Перо Михаила Погодина было отзывчиво на пожелания начальства, и он писал, что в Западной Европе государства возникали в результате завоевания (например, галлов франками, бриттов норманнами), а на Руси — добровольного призвания варягов новгородцами. Поэтому русская история бесконфликтна и проникнута “народностью” (то есть идеей единства русского народа и единения его с царем), а западная началась с порабощения и движется социальной борьбой и т. д.

Впоследствии представление об исконном существовании монархии на Руси было усвоено и “государственной школой” историков и марксистской историографией. Так, М. Н. Покровский считал возможным говорить о “варяжском абсолютизме” в Древней Руси. Да и в наши дни, открыв любой школьный учебник, мы непременно обнаружим в начале главки сакраментальную формулу: “Во главе Руси стояли великие киевские князья, которые были полноправными правителями страны”, позднее переходящую в тезис о Киевской Руси как о “раннефеодальной монархии”. А популярный политик запросто может заявить с экрана телевизора, что гражданское общество в России невозможно, ибо ее “естественный путь” — самодержавие.

Между тем при обращении к первоисточникам уже в эпизоде с призванием варягов обнаруживается устройство власти, весьма далекое от самодержавной монархии.

> Древнейший летописный свод “Повесть временных лет” под 862 годом сообщает, что несколько племен, населявших северо-запад современной России, — ильменские словене, кривичи и чудь, платившие дань варягам, — возмутились, “изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой

всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля".

Распространенная в XVIII–XIX вв. трактовка варяжского призвания как момента образования государства давно оставлена наукой. В момент же своего появления она была вполне основательной научной гипотезой, поскольку считалось, что феодальные отношения возникают только в результате завоевания, когда иноплеменные победители "надстраиваются" в качестве высшего сословия над подвластными и порабощаемыми племенами. Поскольку, по крайней мере с XII столетия, на Руси несомненно обнаруживались элементы социальной (экономической и политической) конструкции, близкой к феодальной, то естественно было историкам искать и завоевателя. Варяги вполне подходили на эту роль. Когда к концу XIX в. выяснилось, что феодальные отношения могут возникать без всякого завоевания, гипотеза потеряла основание и из научной литературы перекочевала в пропагандистские брошюры, изготавливавшиеся как в России, так и в Европе для моральной подготовки подданных к войне (от Семилетней в XVIII в. до холодной в XX столетии).

Впрочем, просто при внимательном чтении летописного известия становится очевидным, что призвать кого-либо, хотя бы и варяга, для исполнения общественных функций можно только в том случае, если сами эти функции уже существуют, когда есть кому и куда призывать. В известии о призвании Рюрика мы, несомненно, обнаруживаем три важнейших элемента политической конструкции Древней Руси в их взаимодействии. На первый план выступает здесь собрание представителей племен, прообраз земской власти, известной нам по более поздним источникам как вече. Вторую силу представляет призываемый "володеть и судить" князь. Князь приходит не один, он является в окружении соратников, пособляющих ему исполнять княжескую должность. Мифические братья Рюрика, бесследно исчезающие сразу после прибытия, по всей видимости, — плод недоразумения. Скорее всего, летописец, читая скандинавский источник, принял описание традиционного окружения варяжского предводителя — конунга — за имена его братьев: Синеус возник из sine hus ("свой род"), а Трувор из thru varing ("верная дружина"). Вооруженный отряд князя, его интернациональная дружина, составляет третий необходимый элемент древнерусской политической конструкции. Эти три силы находятся в сложном взаимодействии, которым и определяется все своеобразие нашей политической истории древнейшего периода.

В 1862 г. самодержавная империя увековечила в бронзе тот образ истории, который ее наилучшим образом устраивал. Выбор, сделанный нашими более отдаленными предками в 862 г., имел совершенно другой смысл. Во всяком случае, у современных историков есть веские основания полагать, что, если бы жителям Древней Руси довелось участвовать в открытии микешинского монумента, они пришли бы в недоумение, а разобравшись что к чему, потребовали бы поменять ярусы местами.

Земля наша велика и обильна

Историки много спорили и будут спорить впредь относительно реальных событий, отразившихся в легенде о призвании варягов, произвольно и, по всей видимости, неточно отнесенных летописцем к 862 г. Идиллическая картина "добровольного призвания", во всяком случае, не соответствует действительности. Скорее всего, тогда речь шла о призвании варяжского конунга с дружиной не на княжение, а для помощи в войне. Позднее варяги совершили "государственный переворот", сопровождавшийся избиением словенских предводителей и знати, смутные воспоминания о котором сохранились в поздней Никоновской летописи (XVI в.). Под 864 г. там повествуется о том, как "оскорбились новгородцы, говоря: каково быть нам рабами, принимая столько зла от Рюрика и его родичей! В том же году убил Рюрик Вадима Храброго, и других многих перебил новгородцев его советников". В 867 г., по сообщению той же летописи, "убежали от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей". Так что варяжская династия утвердилась в Новгороде не без борьбы, но все попытки более детальной реконструкции тогдашних событий сталкиваются с острой нехваткой надежных источников, и все выводы остаются в высшей степени гадательными.

Несомненно, однако, что летописец, повествуя о событиях IX в., осмысливает их через реалии конца XI — начала XII столетия, когда политическая система Древней Руси вполне оформилась и на основе племенных союзов завершилось образование волостей-земель.

Прежде всего, приходится устранить обманчивую ясность слова "земля". О какой земле говорится в речах, вкладываемых летописцем в уста словен, кривичей и чуди? Безусловно, имеются в виду не тучность новгородских почв и не лесные богатства. Землею, или волостью ("властью"), именуется в наших летописях самостоятельная государственная область, находящаяся под управлением "города".

Древнерусский город — автономный общественный союз, носитель суверенитета. То, что в наших учебниках называется Древнерусским государством, по существу, представляло собой совокупность таких волостей. Во время похода Олега на Царьград он потребовал с греков дань не только для всех участвовавших в походе воинов со всех кораблей "по 12 гривен на уключину", но и для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и для других городов, то есть в пользу всех общин, участвовавших в организации похода.

Древнейшие города возникают, как установили археологи, в результате слияния нескольких родовых поселков. Относительно Киева смутные воспоминания о существовании таких поселений сохраняются в предании об основании города тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом. Точно так же образовались в результате слияния нескольких первобытных поселений Новгород, Суздаль и Смоленск. Аналогичная картина прослеживается и в других городах.

Город возникал как центр взаимодействия нескольких племен, территориального, а не родового объединения — земли-волости, включавшей сельскую округу и малые укрепленные центры, подчиненные городу, числящиеся его "пригородами". О главенствующем положении старшего города свидетельствует множество эпизодов, описанных в летописях. В частности, в 1151 г. жители Белгорода отказались открыть ворота Юрию Долгорукому, поскольку его не пустил к себе их старший город Киев.

Волости не были вполне устойчивы. Пригороды стремились к обособлению от своих городов и образованию самостоятельной земли-волости. Мотивы, толкавшие к такому обособлению, были не только материально-меркантильными. Пригороды, конечно, тяготились военными и финансовыми повинностями в пользу волостного центра, но главным образом стремление к обособлению порождала структура власти в земле-волости. Чересчур крупные размеры волости препятствовали непосредственному участию жителей в осуществлении власти.

Основным отличительным внешним признаком города были городские стены (в древности — просто частокол). Но замечательно то, что в сознании людей Древней Руси город отличался от других огороженных поселений — пригорода, городка и городища — признаком совсем не внешним. Городом именовался центр земли-волости, в котором функционировало вече.

Вопреки распространенному предрассудку вече действовало не только в Новгороде, Пскове и Вятке. Само слово "вече" употреблялось преимущественно в Северной Руси, но народные собрания, игравшие

аналогичную роль в политической жизни, существовали повсеместно. В летописях они скрываются под псевдонимом "дума". Ключ к такому пониманию дает сообщение Лаврентьевской летописи под 1176 г. о вечевом собрании во Владимире, решавшем вопрос о том, какой князь должен "занять стол" после убийства Андрея Боголюбского.

> Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на веча сходятся; на что же стареишии сдумають, на том же пригороди стануть*.
>
> (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 377–378)

Помимо ясного указания на устройство земли-волости, в которой периферийные центры — "пригороды" — безусловно подчинены власти вечевых "городов", в этом отрывке ценно пояснение летописца, утверждавшего, что собрать вече — то же самое, что сойтись на думу и, соответственно, сдумать — значит принять вечевое решение. Это указание позволяет увидеть действие вечевого института и в тех случаях, когда само слово "вече" не упоминается. Благодаря этому ключу можно с большой долей уверенности утверждать, что, когда в ответ на хазарские требования "сдумавше поляне" и дали в качестве дани от дома по мечу, они придумали это не каждый сам по себе, а сойдясь на племенную сходку. Точно так же и древляне в 945 г. "сдумавше со князем своим Малом" оказать сопротивление киевскому князю Игорю, проявившему "несытовство" — то есть требовавшему непомерной дани, — видимо, приняли это решение на собрании, аналогичном вечу.

Источники не позволяют проследить промежуточные формы и этапы эволюции, но большинство историков склоняется к мысли, что вечевые собрания естественным образом вырастают из племенных сходок эпохи военной демократии. Косвенным свидетельством существования у славян таких собраний служит известие византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского, отметившего, что славяне "не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом". Длительное отсутствие термина "вече" в отечественных летописях, скорее всего, не означает перерыва в существовании самого этого института. Летописцы (составлявшие свои своды при княжеских дворах или в кельях — как правило, тоже княжеских монастырей) вообще мало интересовались регулярной работой органов власти и обращали на них

* Новгородцы же издревле и смоляне, и киевляне, и полочане, и все волости, как на думу, на веча сходятся; что старейшие [города] решат, на том и пригороды станут.

внимание только в моменты внутри- и внешнеполитических кризисов. Во всяком случае, неосновательным представляется мнение, высказанное в 1930-е гг. Б. Д. Грековым и получившее довольно широкое распространение по вненаучным причинам, а ныне разделяемое, кажется, только М. Б. Свердловым, будто "племенное вече — верховный орган самоуправления и суда свободных членов племени — с образованием государства исчезло, а в наиболее крупных территориальных центрах — городах (правда, не во всех русских землях) вече как форма политической активности городского населения появилось в XII–XIII вв. вследствие растущей социально-политической самостоятельности городов".

Такой перерыв в деятельности старинного института представляется странным и к тому же не подтверждается источниками, в которых вечевые собрания эпизодически упоминаются и в XI столетии. В 1015 г. Ярослав Мудрый, варяжская дружина которого накануне перебила новгородскую верхушку "нарочитых мужей", вынужден был при получении на другой день известия о захвате власти в Киеве Святополком просить у новгородцев помощи "на вечи". В 1068 г. киевляне "створиша вече", дабы организовать отпор половецкому набегу, в борьбе с которым потерпел неудачу князь Изяслав. А на следующий год, когда изгнанный Изяслав попытался вернуться в Киев с помощью польских войск, горожане вновь "створиша вече", призвавшее на помощь братьев Изяслава — Святослава и Всеволода, угрожая в противном случае, сжегши город, уйти в "греческую землю".

Разумеется, сущность этого учреждения со временем менялась, и племенная сходка эпохи родового быта существенно отличалась от волостного веча XI–XII столетий. Однако ограниченность наших сведений не позволяет совершенно однозначно определить характер этих изменений. Спорными, как и 100 лет назад, остаются вопросы о составе и компетенции вечевых собраний, порядке их проведения.

Во всяком случае, неправильно представлять себе вече в виде хаотической толпы, принимавшей или отвергавшей предлагаемые меры силой крика. Единственное подробное летописное описание вечевого собрания позволяет заключить, что это было вполне формализованное действо, проходившее по определенному протоколу. На митинг собрание было мало похоже; по сообщению Лаврентьевской летописи, в 1147 г. "многое множество" киевлян, явившихся на вече у Софийского собора, прежде всего "седоша". Далее рассевшиеся киевляне выслушали сообщение князя о причине собрания, приветствия послов, обращенные с соблюдением строгого этикета сначала к митрополиту, тысяцкому, а затем и ко всем "киянам", и только затем выслушали посольские предложения.

То обстоятельство, что участники веча сидели, заставляет предполагать, что число их было невелико. Археолог В. Л. Янин, непревзойденный знаток быта древнего Новгорода, провел однажды с участниками своей археологической экспедиции эксперимент. Когда вечевую площадь уставили скамьями, оказалось, что поместиться на них может не более 400 человек. Но если в этих сходках принимали участие не все жители города, то каким образом формировался их состав?

Относительно состава вечевых собраний продолжаются споры. Часть исследователей разделяет убеждение Янина о том, что 300 "золотых поясов", заседавших на новгородском вече, по сообщению иноземного путешественника, представляли городской патрициат, старейшин усадеб, из которых состоял средневековый город. Другие полагают, что вечевые собрания были более "демократическими" и включали в себя выборных представителей городских районов — "концов". Споры ведутся, конечно, относительно "правильного" веча в обычной ситуации; во времена смутные — в случае военной катастрофы или острого социального конфликта — на сходки сбегалось множество народа, и там уж было не до процедурных тонкостей.

Компетенция веча была довольно обширна. Среди важнейших вопросов, решавшихся вечем, были вопросы войны и мира, приглашение князя и заключение договора ("ряда") с ним. В случае недовольства князем и нарушения им условий ряда вече могло указать князю "путь чист" (то есть изгнать). Некоторые эпизоды такого рода широко известны. Например, события 1136 г. в Новгороде, когда был посажен на два месяца под арест со всей семьей, а затем и изгнан князь Всеволод Мстиславич, внук Владимира Мономаха. Новгородцы дважды изгоняли и князя Александра Ярославича (Невского), покушавшегося на городские вольности. Беда в том, что в наших учебниках эти случаи представляются как чрезвычайные и исключительные, между тем это была рутинная практика древнерусских волостей.

Участвовало вече и в направлении "иностранных дел". Например, в договоре Новгорода с Готским берегом указывалось, что в выработке условий договора, которым князь Ярослав Владимирович утвердил мир "с послом Арбудомь и всеми немецкыми сыны... и с всемь латиньским языком", участвовали посадник Мирошка, тысяцкий Яков и все новгородцы.

Вече должно было утверждать чрезвычайные расходы на военные предприятия. В скандинавских сагах, где говорится, что во времена Владимира и Ярослава на Руси собирались тинги — народные собрания, содержится характерный рассказ об Эймунде, предлагавшем свою военную службу "русскому конунгу", который ответил ему: "Дайте

мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я", и созвал тинг.

Княжеская дружина составляла "корпус быстрого реагирования", но основная тяжесть военных предприятий, как наступательных, так и оборонительных, если речь шла о земских интересах, ложилась на плечи рядовых "воев" — народного ополчения.

Основная масса свободного населения древнерусской волости была хорошо вооружена и представляла внушительную военную силу. Поляне, по преданию, дают хазарам по мечу "от дыма", то есть в понятиях летописца меч есть в каждом доме, а не только у знати. О том же свидетельствует и статья 13 "Русской правды", предусматривающая такой казус: "Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшее в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду". Очевидно, что "в своем миру" обнаружить собственное украденное военное снаряжение мог рядовой свободный общинник, а не княжеский "муж". Народное ополчение состояло как из городских, так и из сельских свободных обывателей. После неудачного для Руси сражения с монголами на реке Калке, как сообщает летопись, "бысть вопль и плачь и печаль по градом по всем и по селом". Очевидно, "по селом" плакали не из простого сочувствия, но оплакивали павших односельчан. Как отмечают археологи, меч в XII столетии становится массовой продукцией русских оружейников, причем появляются образцы "серийного производства", для которого был несомненно тесен исключительно дружинный и даже городской "рынок".

Неверно было бы представлять себе свободного общинника только в роли пешего воина. Простые воины на коне постоянно встречаются на страницах летописи. Князь Изяслав Мстиславич призывал с собой в поход на черниговских Ольговичей всех киевлян "от мала и до велика, кто имеет конь, кто ли не имеет коня, а в лодьи". В другой раз киевляне последовали за своим князем "на конях и пеши многое множество".

Земские "вои" составляли особую военную организацию, отличную и независимую от княжеской дружины. В мирное время поддерживалась сотенная "мобилизационная система": все население волости (не только городов, но и сел) было разбито на административные единицы — десятки и сотни, объединенные под общим руководством избираемого вечем тысяцкого. В походе это войско, находящееся под командой собственных воевод, действовало под общим руководством князя, но не было подчинено ему безусловно. Нередки случаи, когда городские "вои" прямо нарушали княжеские распоряжения. Князья Святополк, Владимир и Ростислав во время похода 1093 г. решили не переходить Стугну, стремясь избежать столкновения с половцами. Однако киевляне не со-

гласились с этим решением, они постановили двинуться “на ону сторону реки”, и князья вынуждены были следовать за земской ратью.

Своей численностью городской “полк” по крайней мере на порядок превосходил княжескую дружину. Неудивительно, что в случае конфликта князя с городом, когда горожане расторгали договор с князем и “казали ему путь чист”, неугодному “самодержцу” ничего не оставалось, как подчиниться и отправиться по указанному пути искать другого “стола”. Для вооруженного противодействия сил дружины явно было недостаточно.

Суверенитет древнерусских городов-государств ярко проявляется в том, что они вступали в дипломатические сношения — “правили посольства” друг к другу и в отдаленные страны. В 1164 г. к византийскому императору Мануилу прибыли “Кыевский сол (посол) и Суждальский сол Илья, и Переяславьский, и Черниговьский”. В 1229 г. для заключения договора с Ригой и Готским берегом отправились послы “от Смолнян”, то есть послы городской общины участвовали в заключении договора наряду с княжескими и отдельно от них. Существовал и институт “международного посредничества”: в 1135 г. “ходил Мирослав посадник из Новгорода мирить киевлян с черниговцами”, успеха акция, правда, не имела.

В целом позволительно утверждать, что политическая система древнерусской волости была вполне “демократической” (постоянно имея в виду условность и неточность употребления современной политической терминологии по отношению к такой удаленной эпохе). По всей видимости, в рамках города существовал некий олигархический орган. Однако скудные сохранившиеся источники не позволяют сказать ничего определенного относительно статуса упоминаемых в них “старцев градских”, с которыми, например, в 988 г. держит совет относительно принятия новой веры князь Владимир Святославич. Во всяком случае, не будет большим преувеличением утверждать, что русские волости не отличались в этом отношении по своему устройству от античных полисов и городов-государств средневековой Европы. Но только в античном полисе не было князя с дружиной, а русский город не знал западноевропейской “коммунальной революции” — этому препятствовала сама его структура, он состоял из княжеских и боярских дворов-кварталов. Один из лучших знатоков Древней Руси И. Я. Фроянов пришел к заключению, что “с помощью веча, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины XI — начала XIII в., народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении”. Едва ли положение было существенно иным в предшествующие два столетия.

Изучение всего комплекса источников, доступных нам, неизбежно приводит к выводу, впервые сформулированному историком древнерусского права В. И. Сергеевским еще в начале XX столетия: "Наша древность не знает единого "государства Российского"; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств". Трудно говорить о Древней Руси как о едином государстве при отсутствии единой административной организации, единого "экономического пространства" и даже общего наименования, охватывающего все русские земли-волости, население которых, довольно резко различавшееся хозяйственными и культурными обычаями, невозможно представить в виде "единой древнерусской народности".

Наши летописи говорят о "русской земле" в совершенно своеобразном смысле, и значение этого словосочетания остается не вполне ясным. В частности, в 1145 г. "вся Русская земля" ходила походом на... Галич. С помощью скрупулезного анализа семисот упоминаний "русской земли" в памятниках домонгольской эпохи, проведенного В. А. Кучкиным, было установлено, что словосочетание это используется в двух различных значениях. "Русской землей" "в узком смысле" именуются южные волости в нижнем течении Днепра, южного Буга и Днестра. Причем в состав этой "русской земли" никогда не включаются области Великого Новгорода, Полоцка, Смоленска, Суздаля (Владимира), Рязани, Мурома, Галича и Владимира на Волыни. Относительно смысла и происхождения этого словоупотребления нет даже убедительной гипотезы. Помимо этого, словосочетание "русская земля" употребляется "в широком смысле", и тогда оно охватывает не только те земли, которые мы и сейчас назвали бы русскими, но и болгарские, польские, валашские, а позднее и литовские города. В основе этого объединения лежал принцип единства церковнославянского языка. Таким образом, "русская земля" "в широком смысле" — совокупность земель, исповедующих истинную веру, связанную с церковнославянским языком, то есть вообще православный, богоспасаемый мир. Но это представление древнерусских книжников мало влияло на политические реалии Древней Руси, которая предстает совокупностью независимых земель, объединяемых общностью веры, княжеской династии и языка.

С домом и дружиной

Обращаясь к летописям, мы обнаруживаем, что князь — совершенно необходимый элемент социально-политической организации древне-

русского общества. Случаи, когда та или иная волость временно оказывалась в положении "безкняжья", неизменно привлекают внимание летописца. Летописец, повествуя о конфликте родного Владимира с Ростовом и Суздалем, отмечает как чудо и проявление особого божественного благоволения, что владимирцы выстояли в этой борьбе целых семь недель "безо князя будуще". Вольнолюбивые новгородцы и те, оставшись на полгода без князя, "не стерпели без князя сидеть". С князем горожане чувствовали себя спокойнее: когда Изяслав Мстиславич, отлучавшийся из Киева на несколько месяцев для поездки в Новгород и Смоленск, вернулся обратно, радовалось все "людье".

Радость эта легко объяснима. Князь выступает в наших древнейших памятниках прежде всего как организатор обороны, и его отсутствие приводило к существенному ущербу "обороноспособности" волости. В 1152 г. дружина князя Изяслава не смогла остановить половцев у днепровского брода, поскольку князя с ними не было, а "боярина не вси слушають". Необходимость быть при войске и вдохновлять его своим примером отлично сознавали и сами князья, признавшие в один голос на одном из княжеских съездов — снемов: "Не крепко бьются дружина и половцы, если с ними не ездим сами". Древнерусский князь во многом сохраняет черты военного предводителя родоплеменной эпохи. Например, он должен принимать непосредственное участие в битвах в качестве передового бойца.

Идеальный князь денно и нощно сам печется о военном "наряде". В "Поучении" Владимир Мономах наставляет детей своих: "На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано".

Главная добродетель князя — храбрость, отвага. Волость могла изгнать князя, проявившего трусость, то есть обнаружившего, как сказали бы сейчас, "неполное служебное соответствие". В 1136 г. новгородцы изгнали князя Всеволода Мстиславича за то, что тот уехал из похода "впереди всех". Смерть князя на поле брани считалась нормой. "Дивно ли, если муж пал на войне? — писал Мономах о гибели собственного сына Изяслава. — Умирали так лучшие из предков наших".

Помимо собственно руководства военными действиями на князе лежала обязанность снабжения дружины оружием и конями, для чего князьям приходилось организовывать внешнеторговые предприятия и заводить собственные "села", где разводили боевых коней.

Другой важнейшей задачей князя было поддержание внутреннего порядка. "Княж двор" был местом суда, а судебные разбирательства со временем превратились в повседневное занятие князя. В распоряд-

ке дня Владимира Мономаха было установлено специальное время, когда он должен был "люди оправливати". В тех случаях, когда князь по немощи и болезни, как, например, Всеволод Ярославич на склоне лет, отходил от судебных дел, передоверяя их своим помощникам — тиунам, "княжа правда", по выражению летописца, переставала доходить до людей.

Княжеский суд должен был быть "истинен и нелицемерен", что в значительной степени гарантировалось его открытостью, гласностью и "равноудаленностью", не случайно в принципиально ограничившем княжескую власть Новгороде князь остался прежде всего судьей. Состязательный процесс, в котором тяжущиеся стороны доказывали свою правоту, проходил "пред людьми". В судебном процессе активную роль играли разного рода свидетели — видоки, послухи, поручники, — отзыв которых позволял князю верно выбрать подлежащую применению к разбираемому случаю норму традиционного, обычного права. С начала XI в. нормы обычного права начинают дополняться писаным законодательством. Около 1016 г. создается Правда Ярослава, между 1054 и 1068 гг. — Правда Ярославичей, затем появляются Уставы Владимира Мономаха. Но следует обратить внимание на то, что законодательство не было исключительной прерогативой князя. В перечне "мужей", участвовавших в разработке и утверждении Правды Ярославичей, помимо членов их дружин указаны земский воевода Коснячко и просто "киевлянин Микифор". Для составления Устава о резах (резы — проценты по займу), первого в нашей истории свода коммерческого законодательства, Владимир Мономах "созва дружину свою... Ратибора Киевьского тысячьского, Прокопью Белогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского". Несмотря на скудость данных, которыми мы располагаем, можно утверждать, что участвовало в законодательстве и вече. В предисловии к Уставной грамоте князя Ростислава смоленской епископии указывается, что князь готовил этот акт "сдумав с людми" (просто людьми, в отличие от княжеских приближенных — "мужей", именовались в то время все свободные жители земли-волости).

Князь действует не в одиночку, он всегда появляется в памятниках в окружении своей дружины. Дружина в глубокой древности, по всей видимости, обозначала боевой отряд племени или мужской союз, составлявший единицу общеплеменной военной организации, подобную тем, какие европейцы еще в XVIII в. могли наблюдать у индейцев Северной Америки.

Князь и его дружина соединены общностью очага и хлеба, это своеобразная военная община. Оторвавшись и изолировавшись от общины свободных людей, дружина как корпорация профессиональ-

ных воинов воспроизводила общинные порядки в своем внутреннем устройстве. Среди дружинников князь не господин, но только первый между равными. Как отмечал византийский автор Лев Диакон, лично видевший князя Святослава Игоревича, “его белые одежды не отличались от одежд его людей и были лишь чище”.

Князь должен был считаться с мнением дружины, без которой существовать не мог. Князь Святослав Игоревич отказался принять христианство, несмотря на решительные уговоры матери, опасаясь насмешек дружины. Характерен в этом смысле эпизод, помещаемый летописью под 945 г., о гибели Игоря в древлянской земле. Дружинники Игоря возмутились, что князь плохо содержит их, и завидовали дружинникам боярина Свенельда, которые “изоделись оружием и одеждой, а мы наги”. “И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его”. Тем самым мы видим, что Игорь уступил требованию своей дружины и отправился к древлянам за дополнительной данью, презрев как соображения о несправедливости повторного собирания дани, так и соображения личной безопасности.

Схожий рассказ читаем в летописи за 996 г. На пиру у князя Владимира Святославича дружинники принялись роптать, что им приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Услышав это, Владимир немедленно “повелел исковать серебряные ложки”. Летописец, ставивший перед собой задачу нарисовать идеальные отношения между князем и дружиной, вкладывает в уста князя такое объяснение его поступку: “Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра”.

Как правило, дружина следует за своим князем, переходящим со “стола” на “стол”, разделяя его удачи и невзгоды. Но не обязательно. Так, в 1146 г. князь Святослав Ольгович вынужден был бежать из Новгорода Северского под натиском своего противника Изяслава Мстиславича, “дружина же его — иные пошли с ним, а другии оставили его”. Когда Ярослав Святославич был принужден бежать из Владимира в “угры” (Венгрию), его бояре “отступиша от него”.

Что же привязывало дружину к князю? Едва ли не главным достоинством князя с точки зрения дружины считалась щедрость. Хороший князь удостаивался похвалы летописца, если “любил дружину, золота не собирал, имения не щадил, но раздавал дружине”. Между прочим, пир — это не только многодневная гульба, но и своеобразное политическое учреждение той эпохи, когда власть еще не окончательно отделилась от народа. Именно там князь общался с подданными, творил

суд, выслушивал просьбы, отличал заслуживших: так вот "поступил на работу" былинный "мужичище-деревенщина" Илья Муромец — в качестве современных анкет и резюме он предъявил пленного Соловья-разбойника.

Там князь назначал на службу и жаловал своих богатырей-дружинников, раздавал им золото и серебро — кубки, мечи, кольца и т. п. Причем раздаваемые предметы не составляют богатства, материальной ценности в нашем современном понимании. По понятиям людей того времени, в золоте и серебре аккумулируются удача, счастье и благополучие. "При этом золото и серебро сами по себе, — как отмечал один из лучших знатоков европейского Средневековья А. Я. Гуревич, — не содержат этих благ: они становятся сопричастными свойствам человека, который ими владеет, как бы "впитывают" благополучие их обладателя и его предков и удерживают в себе эти качества". Раздавая золотые чаши и кольца, князь делился своей удачей.

Вместе с даром к его получателю переходила часть удачи, счастья дарителя. Акт дарения устанавливал зависимость получателя от дарителя. Дар, не возмещенный равноценным даром или верной службой, становился угрозой чести и даже жизни принявшего дар.

Характерно, что дружинники, взыскуя внешних признаков богатства, связанного с удачей, никогда не требовали земельных пожалований. Земля в Древней Руси до XII в. не стала феодальной собственностью. Ее было слишком много, а границы обрабатываемых земель, которые только и могли стать основанием феодальной условной службы, невозможно было установить, поскольку расчищенные от леса угодья быстро "выпахивались" и земледелец приступал к раскорчевке нового лесного участка. По всей видимости, именно это обстоятельство затормозило в Восточной Европе развитие классических феодальных отношений. Эти отношения, сопряженные с появлением земельного владений — вотчин, складываются в XII–XIV вв. и так и не приводят к появлению на Руси известной по школьным учебникам феодальной иерархии.

Понятно, что при таком способе формирования дружины она не могла быть велика. Для того чтобы обзавестись дружиной, князь должен был совершить немало удачных военных предприятий и раздать много злата. По свидетельствам иноземных путешественников, косвенное подтверждение которым находится при археологических раскопках дружинных "городищ", у князя, находившегося в зените карьеры, дружина насчитывала от 200 до 400 воинов.

Состав княжеской дружины сложен. Влиятельную "старшую дружину" составляли бояре (происхождение и точное значение этого слова по сю пору неясно, в источниках наряду с ним используются как синонимы "огнищанин", "русин", "княж муж" или просто "муж"), часто имевшие собственные дружины. Это соратники и сотрудники князя, пользовавшиеся правом свободного выбора, кому служить. По всей видимости, старшая дружина была по своему происхождению дружиной "отцовской" и потому не только честью, но и возрастом буквально старшей. "Младшая дружина" состояла из "гридей", "отроков" и "детских" — боевых слуг князя, людей несвободного состояния.

Судьба двух этих частей дружины была различной. Старшая часть (члены которой периодически получали временные назначения судить и собирать дань с известной территории и постепенно заводили более прочные связи в земле-волости) уже с XI в. обзаводилась земельной собственностью и теряла подвижность, переставала перемещаться вместе с князем. Младшая дружина по мере разрушения архаических дружинных отношений постепенно сливается с "двором" князя — служебной организацией, обслуживающей княжеское хозяйство.

Кочующие "самодержцы"

Несмотря на значительный вес в обществе и важность отправляемых князем функций, он так и не стал в Древней Руси подлинным монархом, государем. Прочная монархическая власть невозможна без земельной собственности, но, как установил еще В. О. Ключевский, в Древней Руси "понятия о князе как территориальном владельце, хозяине какой-либо части Русской земли, имеющем постоянные связи с владеемой территорией, еще не заметно".

В советской исторической литературе, трудами главным образом академика Л. В. Черепнина, была разработана концепция верховной княжеской собственности на землю. Однако трудно представить верховным собственником князя, который, приезжая в ту или иную волость, должен был рядиться с вечем и принимать выдвигаемые вечевой общиной условия. Акт княжеского призвания никак не сочетается со статусом собственника. Как писал авторитетный историк-юрист К. Д. Кавелин, "отношений по собственности нет и не может быть, потому что нет прочной оседлости. Князья беспрестанно переходят с места на место, из одного владения в другое, считаясь между собой только по родству, старшинством".

Действительно, князья Рюриковичи постоянно перемещаются из одной земли-волости в другую. В этом их коренное отличие от князей — племенных вождей древнейшей эпохи. Общеславянское слово "князь", родственное древненемецкому kuning, обозначало первоначально старейшину рода. Воспоминание об этом архаическом значении слова удержалось в русских свадебных песнях, в которых жениха и невесту как основателей нового рода, родоначальников, именуют "князем" и "княгинею". Варяги, подчиняя себе славянские земли вдоль днепровского торгового пути, довольствовались установлением даннических отношений, оставляя подчиненные племена жить прежним бытом со своими племенными князьями.

В уже упоминавшемся договоре, заключенном киевским князем Олегом с греками в 907 г., указывалось, что дань полагалась на все русские города "ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу". Нет никакого основания видеть в этих великих князьях потомков Рюрика. Выделение "Рюрикова рода" из общей массы "княжья" происходит постепенно. По всей видимости, племенные княжеские династии пресеклись, а уцелевшие представители их влились в состав боярства в результате длительного процесса "примучивания" (то есть подчинения) киевскими Рюриковичами окрестных славянских племен. В 945 г. во главе древлян мы видим еще их собственного князя Мала, но к исходу этого столетия во всех русских землях наблюдаем только потомков Рюрика, заметно размножившихся и образовавших несколько конкурирующих династических линий.

Отношения между князьями Рюриковичами довольно сложны. Неоднократно историками предпринимались попытки объяснения их на основании какого-либо единого принципа. Наибольшей популярностью пользуется до сих пор предложенная С. М. Соловьевым и развитая В. О. Ключевским гипотеза "очередного порядка" или "лествичного восхождения" князей. В соответствии с этой гипотезой Русь находилась в нераздельной собственности всего рода Рюриковичей. При этом существовало понятие об иерархии земель (старшим городом считался Киев, за ним шли Чернигов, Переяславль и т. д.) и параллельной иерархии княжеского рода по старшинству. После кончины очередного киевского князя две эти иерархии должны были заново приводиться в соответствие: на киевский престол переходил старший во всей династии Рюриковичей (как правило, это был не сын, а брат почившего князя), следующий за ним по старшинству перебирался в Чернигов и так далее. Однако и этот порядок, по мнению авторов гипотезы, устанавливается только со времени Ярослава Мудрого, а до того, по мысли В. О. Ключевского, "при отце сыновья правили

областями в качестве его посадников", когда же отец умирал, "разрывались все политические связи между его сыновьями... между отцом и детьми действовало семейное право, но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права". Эта гипотеза позволяет объяснить гораздо меньшее число фактов, нежели остается фактов, ей противоречащих, так что Ключевскому приходилось признавать, что этот "очередной порядок" "действовал всегда и никогда — всегда отчасти и никогда вполне".

Прямо противоположную гипотезу выдвинул в конце XIX в. историк-юрист В. И. Сергеевич. Он настаивал, что все отношения между князьями "Рюрикова дома" носят исключительно договорный характер. Этими договорами, до XIV в. заключавшимися в устной форме, устанавливались вполне произвольно взаимные отношения старшинства князей по "чести" вне зависимости от кровного родства. Князь, испытывая судьбу, считал себя вправе "искати" любого стола и в случае удачи приобретал более "чести". Князь, признававший себя по такому договору "братом молодшим", мог приходиться в действительности своему "брату старейшему" дядей. Средством выяснения взаимного старшинства служили почти непрерывные княжеские "усобицы" (вооруженные конфликты, в которых князь воевал "о собе" — отсюда слово "усобица", — а не за земские интересы).

Несмотря на то что в рамках обеих гипотез было сделано много полезных наблюдений, ни одна из них не может претендовать на полное описание реального механизма междукняжеских отношений. Перемещение князя из одной волости в другую определялось множеством факторов — княжескому стремлению занять определенный стол могло воспрепятствовать как противодействие другого князя-претендента, так и вмешательство интересов главного областного города, мало считавшегося с княжеским старшинством.

Первой попыткой установления наследственности княжеских столов считается предсмертное завещание Ярослава Мудрого. Этот "ряд Ярославль" в изложении Лаврентьевской летописи предписывал:

> "Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он

> вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск". И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: "Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают". И так наставлял сыновей своих жить в любви.

Ни из чего не следует, что это предсмертное распоряжение Ярослава — акт частного права — имело значение общегосударственной нормы. Даже собственные дети не исполнили его завещания. Мирное соправление Ярославичей продолжалось недолго. В 1073 г. между ними началась кровопролитная усобица, продолжавшаяся до 1078 г., после завершения которой князья стали предпринимать энергичные усилия к установлению большего порядка в междукняжеских отношениях. Однако известное постановление княжеского съезда, собравшегося в Любече в 1097 г., гласящее: "…каждый да держит отчину свою" (то есть не ищет других княжений, кроме тех, которые занимали его непосредственные предки), — еще долгое время оставалось благим пожеланием. Лишь постепенно происходит закрепление определенных земель за определенными княжескими линиями. Эта общая тенденция отчасти была связана с "оседанием на землю" дружины. Отчасти укрепление княжеской власти и более тесная связь князя с известной волостью возникали вследствие того, что в каждой волости со временем увеличивался удельный вес населения, находящегося под непосредственной княжеской юрисдикцией.

Помимо княжеских "мужей", дружины, под собственной юрисдикцией князя вне власти земских городовых органов оказывались знаменитые смерды — одна из самых загадочных категорий населения древнерусской волости, о статусе которой на протяжении столетия шли в науке ожесточенные споры. Смерды выступают как один из разрядов неполноправного населения, что выражается в пониженном штрафе за убийство смерда и низкой цене его службы. В 1016 г. Ярослав, награждая участников похода, приведшего его на киевский стол, выдал "смердам по гривне, а новгородцам по десять гривен всем". Однако характер неполноправности смерда из юридических памятников неясен. Многие историки трактуют смердов как категорию феодально-зависимого населения, однако смерды не находятся в частной зависимости, а являются княжескими людьми. В частности, выморочное имущество смерда отходит князю.

Ключ к пониманию положения смердов дает наблюдение, сделанное И. Я. Фрояновым: тогда как свободное население волости, "люди", платит полюдье — общегосударственный налог, смерды всегда в источни-

ках оказываются плательщиками дани, которая имеет значение военной контрибуции или платы за несостоявшийся набег. Смерды наших древнейших памятников (с XIV столетия это просто бранное слово) — недавно покоренные и обложенные данью племена, как правило неславянские. Толковать несвободное состояние этих "внешних смердов" как феодальную зависимость не представляется возможным. Они жили традиционным бытом и внутри своих общин были свободны, но община смердов как целое облагалась данью. Помимо них существовали "внутренние смерды", то есть представители тех же племен, переселенные вглубь земли-волости на положении государственных рабов. Князья изначально несли в волости обязанность "блюсти смердов", составлявших тем самым собственную социальную опору князя, со временем увеличивавшуюся.

С тремя политическими силами, которые так наглядно взаимодействуют в легенде о призвании Рюрика, связаны различные варианты исторического пути городов-государств Древней Руси. Постоянная борьба трех политических сил приводила в разных землях к различным результатам. В киевской и северо-западных волостях постепенно усиливаются демократические вечевые институты, в Юго-Западной Руси заметны олигархические тенденции, связанные с усилением положения боярства. Здесь бояре сожгли на костре любовницу князя Ярослава Осмомысла, когда он захотел передать престол сыну от нее в обход сына от законной жены, а на княжеском столе некоторое время сидел боярин Владислав Кормиличич (единственный случай на Руси). На северо-востоке — во Владимиро-Суздальской области — обозначились монархические тенденции. Однако борьба эта была далека от завершения, и условия для становления монархии (и то первоначально только во Владимиро-Суздальской Руси) сложились уже за пределами древнерусского периода отечественной истории.

Подробнее на эту тему

Вернадский Г. В. *Киевская Русь*. М., 2001 (http://gumilevica.kulichki.net/vGv/vgv2.htm).

Данилевский И. Н. *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.)*. М., 1999 (http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/index.htm).

Пресняков А. Е. *Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий*. М., 1993.

Сергеевич В. И. *Русские юридические древности*. СПб., 1902.

Фроянов И. Я. *Начала русской истории*. М., 2001.

1252 Меж Ордой и орденом

24 июля 1252 г. в канун памяти святых Бориса и Глеба под стенами Владимира явилась ордынская рать. Событие было чрезвычайное по многим причинам. Двенадцать лет на Руси не видали вооруженных монголов. К тому же на сей раз пришли они не сами собой, а были "наведены" одним из русских князей на другого. А что еще более существенно, приход войска царевича Неврюя по просьбе князя Александра Ярославича означал, что этот сильнейший из князей Северо-Восточной Руси сделал окончательный выбор в пользу союза с Ордой — выбор, в значительной степени определивший весь дальнейший ход отечественной истории, ибо с прихода "неврюевой рати", собственно, и начинается установление на Руси ордынского ига.

Нашествие и иго

Тринадцатое столетие — век глубокого перелома в истории Руси. Со времени выхода в свет "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина перелом этот связывают с установлением "монгольского ига". Это удивительное слово в значении формы военно-политической зависимости со "страдательным" оттенком, впервые введенное в ученый

обиход Карамзиным, пережило в школьных учебниках императорский и советский периоды и удерживается до сих пор.

Иго (латинское jugum от jungere — "соединять") — всего-то навсего воловье ярмо, которое надевали на шею побежденному предводителю варваров во время триумфального входа военачальника-победителя в Рим. Выбирая именно это слово, Карамзин следовал библейской церковнославянской традиции, в которой оно употребляется в двух смыслах: как ярмо, бремя, тяжесть (в прямом и переносном смыслах) и как владение, господство.

Обычно такие художественные образы в научном и школьном обиходе не приживаются, но "иго" живет уже второе столетие. Живучесть слова, по всей видимости, объясняется его замечательными "камуфляжными" свойствами, благодаря которым в массовом сознании россиян двухсотлетние отношения с Ордой представляются едва ли не непрерывным Батыевым погромом.

Если присмотреться внимательно, то окажется, что под игом понимается форма даннических отношений, при которых русские князья обязаны были периодически выплачивать ордынским ханам денежную дань и предоставлять войска для ордынских походов, а взамен получали ханский ярлык на княжение — удостоверение, что предъявитель находится под защитой и покровительством хана. Отношения такого типа были широко распространены как в Западной Европе, так и на Востоке и в своей наиболее известной форме называются вассальными отношениями. Ничего унизительного, по средневековым понятиям, даннические отношения не заключали. Для чего же понадобилось называть эти отношения туманным словом "иго"?

Ответ, по всей видимости, заключается в том, что "иго" позволяет избежать бестактного разговора об обстоятельствах и способах установления этой зависимости. "Иго" продолжает воспроизводиться в наших учебниках, чтобы закамуфлировать тот неприятный факт, что зависимость Северо-Восточной Руси от Золотой Орды есть результат сознательного выбора и целенаправленной политики князей.

Едва ли не во всех доступных широкой публике учебниках и популярных исторических сочинениях дело представляется так, будто пресловутое иго установилось сразу после Батыева нашествия 1237–1240 гг. Беда, однако, в том, что даннические отношения такого рода не "возникают", не "складываются" и не "устанавливаются" сами собой. Это договорные отношения, и они должны быть зафиксированы юридически значимым актом. В Западной Европе вассал должен был, став на колено, произнести формулу присяги — оммажа, сюзерен — нанести ему символический удар мечом плашмя по спине и также произ-

нести свою часть ритуальной формулы; в Монгольской империи был особый ритуал, скреплявший отношения старшего хана с поступавшим под его власть "улусником".

Первым из русских князей совершил этот обряд по монгольскому обычаю великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Старейшее из сохранившихся до нашего времени повествований об этих событиях — Лаврентьевская летопись — эпическим слогом сообщает, что в 1243 г. великий князь Ярослав поехал к Батыю, а сына своего Константина послал к великому хану в Каракорум; Батый же "почтил Ярослава великою честию" и даровал ему старейшинство во всей Руси*. То есть князь по собственной воле отправился в Сарай на Нижней Волге — кочевую ставку только что вернувшегося из похода в Западную Европу Батыя, принес присягу, по-монгольски — шерть, и сделался данником хана.

На следующий год его примеру последовали другие князья Северо-Восточной Руси — Владимир Константинович, Борис Василькович, Василий Всеволодович поехали в Орду и получили от Батыя ярлыки на свои "отчины".

Учебники даже если и упоминают об этих поездках, то, как правило, объясняют покорность князей Северо-Восточной Руси непреодолимостью монгольской силы, которой не могли противостоять разобщенные земли и княжества, опустошенные нашествием. Все эти традиционные аргументы имеют силу только с существенными оговорками.

Древнейшие наши летописи при описании нашествия действительно всячески подчеркивают многочисленность, силу и неутомимость "татар". Однако летописный текст не следует понимать буквально, летопись — не столько описание, сколько способ осмысления событий. Нашествие "иноплеменных" рассматривалось книжниками как бич божий, кара господня, а монголам приписывались черты библейских "нечистых" народов, появление которых знаменует начало светопреставления. Летописные фрагменты, повествующие о нашествии, часто буквально совпадают с текстами библейских пророчеств.

Ранние летописи по этой причине не содержат никаких цифр. Единственное точное указание численности монгольского войска находится в позднейшем и недостоверном источнике, знаменитой "Задонщине", где сказано, что "у Батыя было четыреста тысящ окован-

* "Великыи князь Ярослав поеха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла к Канови; Батыи же почти Ярослава великою честию и мужи его, и отпусти, и рек ему: "Ярославе! буди ты стареи всем князем в русском языце". Ярослав же възвратися в свою землю с великою честию".

ныя рати", то есть только тяжелой конницы. Это, разумеется, преувеличение, такого множества бойцов не было во всей Монголии XIII в. Противоположную крайность представляет мнение Льва Гумилева, утверждавшего, что "у Батыя и его братьев было всего 4 тысячи всадников". Однако невозможно представить себе, чтобы такое малочисленное войско прошло без единого поражения от Волжской Булгарии до Адриатики, разгромив не только русские полки, но и шестидесятитысячную польско-немецко-моравскую рать в битве при Легнице. Широкое распространение получили расчеты В. В. Каргалова, оценивавшего общую численность Батыева войска в 120 тыс. воинов на том основании, что обычно монгольские ханы командовали в походе туменом (по-русски — тьма, отряд численностью 10 тыс. человек), а вместе с Батыем пришло от 12 до 14 ханов. Но цифра, полученная Каргаловым, по всей видимости, требует уточнения. В современной научной литературе большее доверие вызывает другой способ расчета. В 1235 г. на съезде монгольской знати — курилтае — было решено отправить в Великий поход на Запад половину всех имперских сил, то есть, по расчетам современных демографов, примерно 70 тыс. человек. Войско действительно немалое, но едва ли можно говорить о подавляющем превосходстве монголов в живой силе даже во время кампаний 1237–1240 гг., не говоря уже о времени после 1242 г., когда значительные силы, подчинявшиеся непосредственно императорскому правительству, оставили приволжские степи, где Батый образовал собственное государство — Золотую Орду. Название, кстати, условное, оно появляется в русских источниках XVI в., когда основанная Батыем держава уже распалась на отдельные ханства. Сами монголы называли эту территорию "улусом Джучи", то есть землей, принадлежащей сыну Чингисхана Джучи и его наследникам.

Степень разорения Руси в 1237–1240 гг. также сильно преувеличивается в результате излишнего доверия историков летописным эсхатологическим описаниям. Смоленское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть Новгородской земли вообще не были затронуты нашествием. Но и взятие Батыем того или иного города было событием, разумеется, трагическим, однако отнюдь не катастрофическим. Все крупные города, которыми овладели монголы, в дальнейшем продолжали существовать в качестве значительных центров. Летописное известие о том, что "весь Киев разбежался", "не терпя татарского насилья", относится к 1300 г., то есть окончательный упадок Киева наступил через семь десятилетий после нашествия и под влиянием совершенно иных факторов. Единственная столица крупного древнерусского княжества, на месте которой нет современной

городской застройки, Старая Рязань, длительное время претендовала на звание русских Помпеев — города, погибшего в одночасье под ударами монголов. Но это представление не соответствует летописным и археологическим источникам. "Повесть о разорении Рязани" описывает восстановление города непосредственно вслед за нашествием таким образом: "Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя". Археологические изыскания последних десятилетий подтверждают, что Старая Рязань в течение по крайней мере столетия после нашествия не только была оживленным городом, о чем говорит обилие керамики второй половины XII — начала XIV в., но и сохраняла статус важного политического центра. Об этом, в частности, свидетельствует обнаруженная здесь медная пластина, украшенная золоченым рисунком поверх черного лака. Эта очень дорогая техника, как правило, употреблялась для украшения парадных дверей главных соборов крупнейших городов. Замечательно, что старорязанская пластина датируется XIV в.

В целом современные археологи убеждены, что упадок многих поселений, ранее приписывавшийся монгольскому нашествию, произошел существенно позже и под действием факторов климатического характера. Появление монголов совпало с длинной чередой чрезвычайно дождливых лет, в результате чего старые пашенные участки в речных долинах были заброшены, зато велась распашка более возвышенных земель на водоразделах. Население перемещалось и вследствие истощения лесных угодий, что негативно сказывалось на лесных промыслах и связанной с ними торговле пушниной, медом и воском. Эти перемены неизбежно должны были привести (и в полстолетия привели) к изменению сравнительной мощи городских поселений, некоторые из которых пришли в упадок, вовсе не пострадав во время "Батыева погрома". Разруха, вызванная собственно нашествием, продолжалась недолго, и "структуры повседневности" были восстановлены в кратчайшее время. Показательно, что уже в 1239 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович собрал довольно сил для крупного похода и разорил город Каменец на границе Киевских земель, где княжил в это время его противник Михаил Черниговский, а на обратном пути разбил литовский отряд, вторгшийся в пределы смоленской земли, и "урядил" смолян, "посадив" им против их воли князя Всеволода Мстиславича.

Таким образом, современная наука накопила немало доказательств того, что разрушительные последствия монгольского нашествия в традиционной литературе сильно преувеличены. Страна хотя и понесла значительные потери, но сохранила достаточно сил для сопротивления монголам и отстаивания независимости. Так, во всяком случае, считали многие влиятельные современники событий, князья и лидеры городских общин. Ориентация Северо-Восточной Руси на союз с Ордой утвердилась в результате острой внутренней борьбы.

Водружение ярма

Для того чтобы отбиться от монголов, разумеется, нужны были совокупные усилия всех русских княжеств. И надо заметить, что удельный порядок вовсе не препятствовал организации совместных военных предприятий, в которых нередко принимали участие практически все русские земли (как в походе Андрея Боголюбского на Киев в 1174 г.). В марте 1238 г. в битве на реке Сити монголам противостояли соединенные силы Владимирского, Ярославского, Углицкого и Юрьевского княжеств, однако их было явно недостаточно. Соединение усилий Северо-Восточной и Юго-Западной Руси было вполне возможно, а кроме того, для борьбы с монголами можно было опереться на помощь внешнего союзника.

Такого союзника естественно было искать на Западе. Вся Европа в те времена, несмотря на взаимные анафематствования в 1054 г. папы римского и константинопольского патриарха, еще считалась относительно единым "христианским миром", номинальным главой которого был папа. Одним из первых русских князей вступил в переговоры с папской курией Михаил Черниговский, отправивший в 1245 г. на Лионский собор своего кандидата на Киевскую митрополичью кафедру — игумена Петра Акеровича. В том же 1245 г. вступил в сношения с Римом Даниил Галицкий, выразивший готовность в ответ на помощь против татар признать "Римскую церковь матерью всех церквей". Великий князь владимирский Ярослав Всеволодович также, по всей видимости, не рассматривал присягу Батыю как окончательное и бесповоротное решение вопроса о политической ориентации. Во всяком случае, в 1246 г., во время поездки в столицу Монгольской империи Каракорум, куда он был вызван для "утверждения" великим ханом (Золотая Орда номинально оставалась частью монгольской державы, и назначенцам Батыя требовалось утверждение великого хана), он вел переговоры о союзе с папским легатом Джованни дель

Плано Карпини и, по уверению Карпини, согласился принять покровительство римской церкви. Не исключено, что эти переговоры, о которых донес Туракине — матери великого хана Гуюка, фактической правительнице империи — русский толмач Темер из свиты Ярослава, и послужили причиной убийства князя в Каракоруме. По свидетельству Карпини, он был отравлен "матерью императора, которая как бы в знак почета дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело".

Великим князем владимирским в соответствии с традиционным порядком стал младший брат Ярослава Святослав Всеволодович. Но уже в конце 1247 г. его племянники Александр и Андрей Ярославичи отправились к Батыю. Они оспаривали великокняжеский стол, ссылаясь на акт ханского пожалования их отцу и указывая, что ханское пожалование сильнее обычая. Батый не решился своей властью разрешить спор и отправил братьев в Каракорум.

В 1249 г. новая правительница империи вдова хана Гуюка Огуль-Гамиш признала Александра Ярославича "старейшим" среди русских князей: он получил Киев. Но великое княжение владимирское было пожаловано Андрею. Александр предпочел не ехать в удаленный и сильно разоренный город и продолжал княжить в Новгороде.

Андрей Ярославич, сев во Владимире в качестве ставленника Каракорума, попытался не только проводить политику, независимую от Золотой Орды (что облегчалось конфликтом внутри империи — у Батыя были натянутые отношения с кланом Гуюка), но вместе с младшим братом Ярославом, княжившим в Твери, начал создавать коалицию для совместной борьбы с монголами. Он заключил союз с сильнейшим князем Южной Руси Даниилом Романовичем Галицким. Союз был скреплен в 1250 г. браком Андрея с дочерью галицкого князя, несмотря на то что при этом нарушались нормы церковного — канонического — права, не допускавшие брака между близкими родственниками, в данном случае двоюродными братом и сестрой.

Даниил Романович также готовился выступить против татар и вел интенсивные переговоры с римской курией, которая в этот период стала проявлять большой интерес к русским княжествам как к возможным участникам антимонгольской коалиции. Переговоры Даниила Галицкого с Римом привели в 1246 г. к формальному распространению власти папского престола на Галицко-Волынскую землю. Немногие сохранившиеся документы (до нас дошли папские буллы, но писем русских князей в нашем распоряжении нет) позволяют тем не менее утверждать, что, выражая готовность подчиниться римской церкви,

Даниил Галицкий преследовал исключительно политические цели. Не случайно уже в одну из первых папских булл, посланную в мае 1246 г., включено обещание "совета и помощи" против татар. Между тем от прямого подчинения духовной иерархии Риму Даниил сумел уклониться. Выдвинутый им кандидатом на киевскую митрополию княжеский печатник Кирилл в 1246 г. был направлен для утверждения в Никею к патриарху Мануилу II, изгнанному крестоносцами-католиками из Константинополя.

В разгар этих антимонгольских приготовлений удар по создаваемой коалиции неожиданно нанес Александр Ярославич, которому, разумеется, не могло быть приятно назначение на почетный, но утративший всякое значение киевский стол. До времени князь терпел. Изменение положения дел в Каракоруме облегчило ему разрешение задачи. Не благоволившая Батыю Огуль-Гамиш была свергнута 1 июля 1251 г., а великим ханом стал друг и ставленник Батыя Мунке. Между ними, по всей видимости, существовало соглашение о полной автономии Батыева улуса. Руки Батыя оказались развязаны, чем и не преминул воспользоваться Александр Ярославич, которому Батый благоволил.

Лаврентьевская летопись (древнейшая из содержащих рассказ о драматических событиях 1252 г.) кратко сообщает, что ходил "Александр князь новгородский Ярославич в татары, и отпустили его с честью великою, дав ему старейшинство во всей братьи его". По сообщению Василия Никитича Татищева, который, работая в 1730-е гг. над своей "Историей Российской", пользовался многими не дошедшими до нас источниками, свои притязания на владимирское великое княжение князь Александр подкрепил изветом на брата: "Жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна".

В промежутке между прибытием Александра в Орду и возвращением его с "честью" Батый отправил на Русь две карательные экспедиции: одну под командованием Неврюя — против Андрея, другую под руководством Куремсы — против Даниила Галицкого. Андрей и его брат Ярослав были разбиты в сражении у Переславля, после чего Андрей бежал в Швецию, а Ярослава призвали на княжение псковичи*.

* Лаврентьевская летопись так описывает эти события: "Здума Анреи князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесарем служити, и побеже на неведому землю со княгынею своею и с бояры своими". "И погнаша Татарове в след его, и постигоша и у города Переяславля. Бог же сохрани и и молитва его отца. Татарове же россунушася по земли и княгыню Ярославлю яша, и дети изъимаша, и воеводу Жидослава ту убиша, и княгыню убиша, и дети Ярославли в полон послаша, и людии без щисла поведоша до конь и скота, и, много зла створивше, отидоша".

Даниил Галицкий со своей стороны без большого труда отразил нападение Куремсы и повел более решительные переговоры с Римом, требуя в обмен на признание власти папы в церковных делах Южной Руси реальной военной помощи против татар. Дело было улажено в 1253 г.: в обмен на твердое обещание польских князей выставить войско в помощь Даниилу против татар галицкий князь согласился принять от папы королевскую корону.

Получив ярлык на великое княжение и обосновавшись во Владимире, Александр Ярославич, опираясь на монгольскую силу, предпринял шаги по закреплению за собой прав на Новгород, добиваясь признания республикой своим князем того, кто занимал великокняжеский стол во Владимире. Во всяком случае, став великим князем Владимирским, Александр сохранил за собой и новгородское княжение, посадив там своего старшего сына Василия, только с правами наместника.

Новгородцы решительно воспротивились новому порядку. В 1255 г. сторонники самостоятельности выгнали из города Василия Александровича и пригласили из Пскова младшего брата Александра, князя Ярослава Ярославича. Александр двинулся на Новгород ратью и, став под городом, потребовал покорности и выдачи своих противников из числа новгородской знати. Горожане раскололись на две партии. "Меньшие" бояре во главе с посадником Ананьей Феофилактовичем, которых поддерживали простые люди (чернь) и купцы, дали клятву стать всем не на живот, а на смерть "за правду новгородскую, за свою отчину". "Великие" бояре, сторонники Александра, готовились "побити" меньших людей, а князя ввести "на своей воле". Следует обратить особое внимание на то, что в этот период именно новгородское простонародье твердо стояло за старинные вольности и добилось от князя уступок. Столкнувшись с упорным сопротивлением, Александр Ярославич сбавил тон и вместо выдачи всех "врагов" требовал уже только головы Ананьи, угрожая в противном случае пойти на город "ратью". Высланные для переговоров с князем архиепископ и тысяцкий достигли компромиссного решения — Ананья должен был лишь оставить пост посадника, который занял ставленник "великих" бояр Михалко Степанович, вскоре возвратился и великокняжеский наместник Василий Александрович.

Но противоборство Александра с новгородцами на этом не завершилось. Вскоре произошло новое выступление новгородской оппозиции. Обстановка в городе обострилась, когда монголы решили ввести в русских землях регулярную систему сбора дани. Для этого в 1257 г. в Новгородскую, Суздальскую, Рязанскую и Муромскую земли были отправлены монгольские "численники", которые должны были про-

извести поголовную перепись населения. Александр Ярославич, недавно вернувшийся из очередной поездки в Орду, со своей дружиной сопровождал монгольских переписчиков. Новгородцы взбунтовались, причем на сторону противников подчинения великокняжеским притязаниям и татарским требованиям стал и наместник — сын Александра Ярославича Василий. Новгородцы не дали татарским послам регулярных сборов — "десятины и тамги", ограничившись дарами хану. Монголы отправились восвояси. Не добившись полной покорности сюзерену, Александр жестоко расправился с мятежниками: Василия "выбил" из Пскова (куда тот бежал при приближении отца) и отослал в Суздальскую землю, а тем, кто подбил его на неповиновение, "овому носа урезаша, а иному очи выимаша".

Неудача переписи в Новгороде, несомненно, вызвала недовольство Орды. В 1258 г. Александр был вызван в Сарай и получил военную подмогу для обуздания новгородцев. В 1259 г. дружина Александра Ярославича явилась под Новгородом вновь в сопровождении значительного татарского отряда. Новгородские власти, опасаясь погрома, согласились на ордынскую перепись, но, когда татарские переписчики, сопровождаемые дружинниками Александра, начали "ездить окаянные по улицам, переписывая дома христианские", в городе вновь поднялся мятеж*. После недолгого сопротивления новгородцы были сломлены и "дали число", успеху Александра содействовали "великие" бояре, которые, по выражению летописи, творили "себе легко, а меньшим зло". Александр уехал вместе с татарами, оставив наместником своего второго сына Дмитрия. Так был подавлен еще один очаг сопротивления ордынскому игу.

Союз Александра Ярославича с Ордой предопределил подчинение татарами и Юго-Западной Руси. Даниилу Галицкому, оставшемуся без союзников в русских землях, труднее было добиться помощи католической Европы. Монголы, состоящие в союзе с князем-христианином, перестали казаться Европе опасными. В 1258 г. против Даниила было отправлено большое войско под руководством одного из лучших монгольских полководцев, Бурундая, и к 1261 г. сопротивление Юго-Западной Руси было подавлено, Даниил был вынужден даже срыть укрепления многих городов.

* Сопротивление переписи помимо чисто прагматического — новгородцы не желали платить дань (ордынский выход), не считая себя связанными обязательствами владимирского князя, — имеет и религиозный мотив. Отказ от "дачи числа" был связан с защитой правой веры. Дело в том, что сам факт исчисления людей в сознании средневекового христианина был делом небогоугодным и прямо греховным. Во всяком случае, ветхозаветный царь Давид глубоко раскаивался в проведении переписи: "И вздрогнуло сердце Давидово после того, как он сосчитал народ. И сказал Давид Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего; ибо крайне неразумно поступил я" (2 Цар. 24, 10).

Сопротивление установлению ордынского ига на этом, однако, не прекратилось. В 1262 г. восстание охватило практически всю Северо-Восточную Русь. В крупных городах — Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле — собрались веча, горожане, взявшие в свои руки власть, изгнали и частью перебили ордынских чиновников и откупщиков дани (часто это были купцы-мусульмане и даже русские люди вроде поразившего воображение современников бывшего монаха Зосимы, принявшего ислам). Позднейшие летописи пытались изобразить русских князей вдохновителями восстания. Устюжская летопись XVI в. даже сообщает, безусловно, вымышленный эпизод о рассылке Александром "грамоты", "что татар бити". Но Александр Ярославич, разумеется, не имел отношения к народному движению — ранние летописи ни слова не говорят об участии в нем князей, а хвалебное "Житие" Александра вовсе не упоминает о восстании. При самом начале восстания Александр поехал в Орду, цель и исход этой поездки нам неизвестны. "Житие" и единственная летопись, упоминающая о ее причинах, сообщают, что хан Берке потребовал присылки русских войск для участия в монгольских походах ("гоняхуть христиан, веляще с собою воиньствовати"), а князь отправился в Орду, "дабы отмолити людии от беды тоя". Панегиристы князя предполагают, что в результате его "дипломатических усилий" хан оставил восстание безнаказанным. Но скорее всего, хану Берке, который в это время вел тяжелую войну с ильханом Персии, было не до Руси, и он предоставил разбираться с горожанами самим русским князьям, в преданности которых мог быть вполне уверен. Известно, во всяком случае, что русские отряды впоследствии неоднократно участвовали в монгольских походах.

Таким образом, целенаправленными и долговременными усилиями князя Александра Ярославича ордынское иго над Русью было установлено.

Миф о Крестовом походе

Какие же цели преследовал князь Александр, подводя Русь под ордынское ярмо? Скудость наших источников не позволяет ответить на этот вопрос совершенно однозначно. Поэтому в ходу несколько версий. Традиционная панегирическая трактовка действий Александра Ярославича, несколько модифицированная в 20-е гг. XX в. историками-евразийцами (главным образом Георгием Вернадским) и получившая в последние десятилетия особенно широкую известность в биологически-пассионарной версии Льва Гумилева, сводится к тому, что

князь, заключив союз с Ордой, предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас русское православие — основу национальной самобытности.

В основании этой версии лежит представление о глубоком культурном противостоянии православной Руси и католической Европы, будто бы двинувшейся в XIII столетии на Русь Крестовым походом с целью вернуть православных "схизматиков" "в лоно истинной церкви". Орда же представляется историками этого направления в идиллическом виде совершенно толерантного и веротерпимого государства, союз с которым не внушал никаких опасений за чистоту православной веры.

Миф о "благоверном" князе, стойко противостоящем католической угрозе, начали творить уже вскоре после кончины Александра Ярославича, в конце XIII в., когда было составлено его знаменитое житие. В этом памятнике, написанном книжником из окружения митрополита Кирилла (который, напомним, получил поставление в Никее — самом антикатолическом месте тогдашнего мира) при участии сына Александра Невского, князя Дмитрия Александровича, вполне заурядная пограничная стычка на Неве впервые приобретает чуть ли не вселенские масштабы столкновения цивилизаций. По сообщению жития, из которого в основном переписываются батальные картины в наши учебники, на Неве в июле 1240 г. высадилась не просто ватага шведских искателей приключений — явилась рать "короля части Римьскыя от полунощные страны", то есть "католической части Севера". Широкую известность получил эпизод жития о неудаче католической миссии, присланной для обращения Александра Ярославича. Послы из Рима так говорили князю: "Папа наш сказал: "Слышал я, что ты князь славный и храбрый и что земля твоя велика. Того ради послал я к тебе от двенадцати моих кардиналов двух искуснейших, Агалдада и Гемонта, да послушаешь ученья их о законе Божьем". Папские посланцы получили отрицательный ответ в предельно резкой форме, князь после раздумья "с мудрецами своими" будто бы отвечал: "Все это нам хорошо известно, а учения вашего мы не примем".

Ориентация православной церкви на Восток вполне объяснима. Она едва ли могла много приобрести в результате политического союза русских князей с католической Европой и могла потерять очень много в результате обострения отношений с татарами. Церковь в монгольской державе обладала значительными льготами. Только "церковные люди" не подлежали переписи и не несли никаких повинностей. Церковь всячески стремилась упрочить добрые отношения с Ордой, в 1263 г. митрополит Кирилл основал новую православную епархию в столице Золотой Орды Сарае, установив тем самым дополнитель-

ный канал постоянных дипломатических сношений с ханами; его примеру вскоре последовала и католическая церковь. Неудивительно, что православные иерархи были верными союзниками Александра Ярославича в его промонгольской политике. Когда князь вернулся из Орды в 1252 г. во Владимир, митрополит Кирилл устроил ему торжественную церковную встречу и сам венчал Александра Ярославича на великое княжение, в 1256 г. митрополит даже сопровождал князя в финский поход, а позднее произнес по нем надгробную речь, где впервые появилась знаменитая позднее формула "зашло солнце земли Суздальской".

Уже в 80-е гг. XIII в. во Владимире начинается почитание Александра Ярославича как святого, в 1380 г. состоялось открытие мощей, а церковный собор 1547 г. формально канонизировал князя в качестве благоверного, то есть защитника истинной веры. Следует иметь в виду, что все это были периоды обострения отношений русской православной церкви с католиками. На церковном соборе в Лионе 6 июля 1274 г. греческая депутация во главе с печатником константинопольского патриарха Георгием Акрополитом принесла присягу в том, что греки "отрицаются от всякого разделения с римской церковью и признают ее главенство". И хотя эта Лионская уния, заключенная под давлением византийского императора Михаила Палеолога, носила чисто политический характер (греки даже сохранили Символ веры без римского добавления об исхождении святого духа "и от сына" — filioque), воспринята она была как акт католической экспансии. В этих обстоятельствах и создается образ Александра Невского как стойкого противника католицизма.

Однако в 40-х — начале 50-х гг. XIII столетия монгольская опасность и оживленные контакты с Римом Михаила Черниговского и Даниила Галицкого привели к заметному ослаблению напряженности в межконфессиональных отношениях. В 1245 г., выступая на соборе в Лионе с призывом к борьбе с Ордой, папа Иннокентий IV упомянул Русь в ряду "христианских" стран, разоренных татарами, а в 1248 г. вступил в переписку непосредственно с Александром Ярославичем.

В своем послании к князю от 22 января 1248 г. папа увещевал русского князя, чтобы тот последовал примеру отца, согласившегося признать верховенство Рима, и просил в случае татарского наступления извещать о нем "братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это [известие] через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы могли безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать".

Ответное письмо Александра до нас не дошло, но, судя по содержанию следующего послания папы (15 сентября 1248 г.), князь был готов принять "покровительство римской церкви". Во втором послании Иннокентий IV соглашался на предложение Александра построить в Пскове католический собор и просил принять своего посла — архиепископа Прусского. Но, когда в конце 1248 г. к Александру явились послы от папы за окончательным ответом на предложение о переходе в католичество, он ответил решительным отказом. Похоже, перемена мыслей князя была связана не с защитой православия, а с переменой его взгляда на возможность союза с монголами, с порядками которых он успел хорошо ознакомиться во время пребывания в Сарае у Батыя и путешествия в Каракорум.

Защитник Русской земли

Второй традиционный способ объяснять промонгольскую политику Невского связан с его образом защитника "геополитических" интересов Руси на Балтике. Традиция эта складывается в начале XVIII в. В 1724 г. по распоряжению Петра Великого мощи святого были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург. Очевидно, что эта акция должна была служить символическому закреплению за Россией прав на новообретенные в результате Северной войны земли. Не случайно по приказу Петра празднование памяти Александра Невского было установлено 30 августа — в день заключения Ништадского мира со Швецией. В дальнейшем этот образ был закреплен в отечественной социальной памяти целым рядом официальных символических жестов. В 1725 г. Екатерина I учредила высший военный орден имени Александра Невского, а в 1753 г. был учрежден ежегодный крестный ход из Казанского собора в Петербурге в Александро-Невскую лавру.

К этому образу после непродолжительного перерыва обратились и советские власти в начале Великой Отечественной войны. В 1941 г. был выпущен на экраны ставший знаковым фильм Эйзенштейна "Александр Невский", снятый еще в 1938 г., но ввиду союзных отношений СССР и Германии "положенный на полку". Вскоре после выхода фильма на экраны его создатели были удостоены Сталинской премии.

В основе этой трактовки мотивов Александра Ярославича лежит представление о скоординированной и планомерной "агрессии немецко-шведских феодалов" в Прибалтике. Решительные же действия Александра Ярославича, как писали в советские времена, "предотвра-

тили потерю Русью берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси".

В действительности собственно русские земли никогда не были целью немецкой и шведской экспансии, речь идет об освоении "буферных" территорий, заселенных языческими племенами, не имевшими собственной государственности.

Проникновение немцев в Ливонию — прибалтийские земли, населенные племенами ливов, латгалов, земгалов, куршей и эстов — начинается на рубеже XII–XIII столетий. Это были торговые люди, выходцы из Вестфалии и Любека, которые уже раньше завели фактории в городке Висби на острове Готланд. Вскоре вслед за купцами двинулись католические миссионеры. Первым епископом Ливонии был назначен Мейнгард (1186–1196). Новая епископия, столицей которой был городок Икскуль, находилась в зависимости от бременского архиепископа. Распространение христианства встречало сильное сопротивление местных племен, несмотря на то что Мейнгарду оказывал покровительство полоцкий князь Владимир. Мейнгард неоднократно взывал к римскому папе Целестину III, который практической помощи не подал, хотя и много обещал. Более успешной была поначалу деятельность второго ливонского епископа Бертольда (1196–1199), которому удалось в 1198 г. организовать крупный крестовый поход, но уже в следующем году епископ погиб в столкновении с язычниками. Третьему ливонскому епископу Альберту фон Буксгевдену (1199–1229) удалось усмирить ливов. Весною 1201 г. он основал новый город — Ригу — и перенес туда епископскую кафедру. В 1202 г. для распространения христианства на восточном побережье Балтийского моря Альберт основал духовно-рыцарский орден меченосцев. В 1207 г. он отправился к германскому императору и получил от него в лен всю Ливонию.

Ведя упорную борьбу с прибалтийскими языческими племенами, главным образом эстами и литовцами, немцы нередко заключали союзы с русскими князьями и городами. Так, в 1212 г. Альберт заключил оборонительный и наступательный союз с полоцким князем Владимиром, который отказался в пользу епископа от права взимать дань с ливов и латгалов. Альберт даже породнился с псковским князем Владимиром Мстиславичем, женив своего брата на его дочери. Борьба с эстами шла успешно для ордена, но литовцы нанесли рыцарям сокрушительное поражение под Шауляем в 1236 г., после чего ослабленный орден меченосцев был слит с Тевтонским орденом и стал его филиалом.

В 1219 г. в борьбу за Восточную Прибалтику вступил Вальдемар Датский, который построил здесь крепость Ревель (ныне Таллин) и овладел значительной частью земель эстов — областью Вирумаа.

К середине XIII в. в результате довольно острой борьбы за власть между магистрами ордена и рижскими епископами окончательно оформилось устройство ливонского государства, представлявшего собой средневековую федерацию, состоявшую из Ливонского ордена, Рижского архиепископства, Дерптского, Эзельского и Курляндского епископств и городских общин. Крупнейшие города Ливонии пользовались самоуправлением, важнейшие решения принимали городские советы — раты, возглавляемые бургомистрами. Члены федерации, преследуя собственные интересы, далеко не всегда проводили согласованную политику. Городские власти нередко заключали договоры о торговле со Смоленском, Полоцком, Новгородом, где указывалось, что, если орден начинает войну, "немецкому купцу дела до этого нет".

Русские также нередко обращались за помощью к немцам в ходе междоусобных столкновений. Например, в 1213 г. нашел убежище в Ливонии изгнанный из Пскова князь Владимир Мстиславич, позднее помогавший рижскому епископу в борьбе с Полоцком и даже ставший фогтом (судьей и управителем) одного из орденских замков. В Ливонии же оказался его сын Ярослав и изгнанный из Новгорода тысяцкий Борис Негочевич со своими сторонниками.

По-видимому, какую-то часть псковичей и новгородцев, заинтересованных в развитии торговли с немцами, больше привлекали политические порядки ливонской конфедерации, чем "самовластие", к которому явно стремились Ярослав Всеволодович и его сын Александр. В 1228 г. псковичи решительно отказались участвовать в походе Ярослава Всеволодовича на Ригу и заключили договор о взаимопомощи с рижанами (в частности, рижане обязывались защищать Псков от Новгорода). Новгородцы, в свою очередь, отказались участвовать в предприятии князя "без своей братьи — псковичей". Князю пришлось оставить затею. В 1240 г. немцы вместе с князем Ярославом Владимировичем овладели псковским "пригородом" Изборском, ворота им открыли псковские бояре, бывшие с немцами в сговоре ("перевет держали", по выражению летописца).

Столь же мало походила на одностороннюю шведскую "агрессию" борьба за право взимания дани с финских племен. С 1157 г. правители Швеции приступили к систематическому покорению и христианизации Южной и Центральной Финляндии, населенных племенами суоми, тавастов (сумь и емь русских летописей) и карелов. На эти языческие племена новгородцы издавна периодически устраивали набеги, облагая их данью, причем постепенно племенная верхушка включалась в состав русской знати. Южная Финляндия стала объектом довольно острой борьбы, которая велась с переменным успехом.

Шведы во время морских набегов разоряли русские поселения. Но и на шведские берега не раз обрушивались нежданные удары с восточных берегов Балтики. Например, в 1187 г. союзные новгородцам карелы разрушили до основания шведский город Сигтуну (на месте которого позднее будет заложен Стокгольм). Городские ворота разоренной Сигтуны, сделанные в 1152–1154 гг. в Магдебурге по заказу епископа Вихмана, украшают и поныне западный фасад Софийского собора в Новгородском кремле.

Представлять эту довольно рутинную борьбу Ливонии, Дании, Швеции, Новгорода и Пскова за контроль над землями чуди, эстов, ливов, суми, еми и карел согласованной агрессией, и тем более крестовым походом против Руси нет никаких оснований. Тем не менее миф о западной угрозе был создан. Для придания ему некоторого правдоподобия идеологам промонгольской политики, проводимой князем Александром Ярославичем и его потомками, достаточно было вырвать отдельные эпизоды этой прибалтийской сутолоки из контекста и раздуть их до событий европейского, а то и мирового масштаба. Так возникли мифологизированные образы Невской битвы и Ледового побоища. Характерно, что популярная отечественная историческая литература в значительной степени черпает детали описания Невской битвы из "Жития", ну разве что не повторяет вслед за его составителем, что большая часть шведов была побита "от ангела господня" на другой стороне реки, где было "непроходно полку Александрову". Позднее, когда потомки Александра Невского образовали династию московских великих князей, картина битвы украсилась новыми подробностями к вящей славе Александра Ярославича. Так, в московских летописных сводах с конца XV в. в качестве предводителя шведов начинает фигурировать ярл Биргер, которому будто бы лично Александр Ярославич нанес глубокую рану на лбу, "возложил ему печать на лице". Участие ярла Биргера действительно говорило бы о государственном характере шведской вылазки, а победа над ним была бы большой честью. Но, увы, Биргер Фолькунг из Биэльбо — фактический основатель современного шведского государства, жизнь которого известна в подробностях, а имя носит центральный проспект Стокгольма, — титул ярла получил только в 1248 г., шрама на лбу не имел никогда, а поход в финские земли совершил только один, в 1249 г., и вполне успешный.

Сотворение мифа об эпохальном сражении на Неве, начатое антикатолически настроенным митрополитом Кириллом, было продолжено московскими летописцами, а затем дипломатами Петра Великого, которому позарез понадобился предшественник на берегах Невы,

и было завершено послушными борзописцами от истории сталинской эпохи, опусы которых должны были подготовить советский народ к борьбе с германским фашизмом. Собственно, до сих пор в основе представлений рядового российского гражданина об этой эпохе лежит полный исторических нелепостей гениальный фильм Эйзенштейна. Между прочим, блестящая критическая рецензия на сценарий этого фильма, написанная академиком М. Н. Тихомировым, называлась "Издевка над историей".

По всей видимости, о реальных масштабах сражения можно судить по потерям сторон. Русских воинов, по сообщению новгородской летописи, пало в бою 20 человек, а то и меньше, "бог весть". Но по именам летописец называет всего четверых, и в том числе сына кожевника. Внимание к столь социально незначительному персонажу, скорее всего, означает, что потери были невелики, во всяком случае сравнительно с другими подобными столкновениями, которые происходили в "буферной зоне" довольно регулярно. Из предприятий шведов и их союзников суоми наиболее известны набеги 1142, 1164, 1249, 1293 и 1300 гг. Новгородцы и их союзники карелы совершали аналогичные походы в 1178, 1187 и 1198 гг., но едва ли этот список исчерпывающий. Многие из этих предприятий были гораздо более значительны по масштабам, чем прославленная Невская битва. Например, в 1164 г. шведы пришли под Ладогу на 55 шнеках (эта большая ладья вмещала до 50 пеших или десяток конных бойцов). Горожане сожгли посад и затворились в крепости, послав за князем Святославом Ростиславичем и новгородцами, четыре дня стойко держали осаду, пока не подошла подмога, разбившая шведов наголову. Лишь небольшой части шведского отряда удалось уйти на 12 поврежденных шнеках. По всему, это был гораздо более значительный и несомненный триумф русского оружия, совершенно, однако, стершийся из народной памяти, отрихтованной столетиями официозной пропаганды.

Столь же превратный вид имеет в нашей популярной литературе и знаменитое Ледовое побоище на Чудском озере. Если верить официальной советской версии, "этой крупнейшей битвой раннего Средневековья впервые в мировой истории был положен предел немецкому грабительскому продвижению на восток". Насчет "грабительства", как и в большинстве подобных предприятий, упреки могут быть обоюдными. Из массовой литературы как-то незаметно исчезает предыстория знаменитого побоища. А между тем в 1242 г. Александр Ярославич начал кампанию с того, что разорил немецкий острожек, который почему-то имеет вполне русское название Копорье, "освободил" вовсе о том не помышлявший Псков, пленив немецкий "гар-

низон", состоявший из двух фогтов. Далее князь повел свое войско в землю чуди, позволив ему воевать "в зажития", то есть разорять хозяйство, и после первой неудачной стычки с немцами повернул восвояси. Неудивительно, что "вдогонь" ему пустилась не только наличная орденская сила (рыцарей в обоих ливонских орденах в это время всего было около 100, причем большая часть во главе с магистром воевала в этот момент с балтским племенем куршей), но и великое множество эстов (чуди русских летописей). Относительно масштабов столкновения и, соответственно, потерь цифры расходятся: по сообщению новгородской летописи, было убито 400 и пленено 50 немцев, а чуди "паде бещисла". Согласно ливонской "Рифмованной хронике", потери ордена составили 20 убитых и шесть пленных. Даже если летопись говорит обо всех немцах (помимо рыцарей в бою участвовали их военные слуги — кнехты, воины дерптского епископа, отряды из немецких колонистов-горожан), а "Хроника" только о полноправных рыцарях, то и тогда "поворотное" значение Ледового побоища оказывается сомнительным на фоне других подобных столкновений. Например, в сражении под Шауляем в 1236 г., где орденские войска были наголову разбиты литовцами, погиб магистр Волквин и 48 полноправных рыцарей. Скорее всего, в результате именно этого поражения крестоносцам пришлось надолго умерить завоевательный пыл. Беда только, что вспоминать об этом сражении в отечественных учебниках неудобно: все-таки под Шауляем на стороне ордена сражался большой отряд союзных псковичей — "муж двести", из которых домой вернулась едва десятая часть.

Во всяком случае, ни Невское, ни Чудское сражения не были решительными и переломными в борьбе за сферы влияния в Прибалтике. Перелом в этой борьбе наметился после того, как новгородцы в 1262 г. взяли Дерпт, а в 1268 г. совершили большой поход против датских владений в землях эстов, завершившийся кровопролитным сражением под Раковором. Шведы, несмотря на будто бы разгромное поражение на Неве, к середине XIII в. покорили всю Финляндию и в конце столетия приступили к завоеванию Карелии. В 1293 г. они построили крепость Выборг на берегу Финского залива, а в 1300-м — Ландскруну на Неве. Относительно устойчивая граница между владениями Новгорода и Швеции была установлена только Ореховским миром в 1323 г.

Знаменательно, что сам Александр Невский в последние десять лет жизни участия в борьбе за Прибалтику не принимал, хотя, казалось бы, должен был использовать на этом направлении всю мощь своего ордынского покровителя. Единственное исключение — зимний поход 1256 г. в Южную Финляндию, который описывается в летописи чрез-

вычайно туманно, без всякого указания мотивов и целей, сообщается только, что русским дружинам удалось убить и захватить в плен много финнов “и придоша... вси здорови” (эта стандартная летописная формула обычно употреблялась для описания неудачного военного предприятия). Так что едва ли обеспечение тыла для борьбы с западной экспансией в Прибалтике было главным мотивом Александра Ярославича при установлении вассальных отношений с Ордой.

Благоверный прагматик

По всей видимости, прав наш современник, историк Антон Горский, утверждающий, что в действиях Александра Ярославича не следует искать “какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь по-современному, “прагматиком”: он выбирал тот путь, который казался ему выгодней для укрепления его земли и для него лично. Когда это был решительный бой, он давал бой; когда наиболее полезным казалось соглашение с одним из врагов Руси, он шел на соглашение”. С этим можно было бы и согласиться, осталось уточнить, что именно князь считал “полезным”.

Основная деятельность князя в последнее десятилетие его жизни позволяет ответить на этот вопрос вполне однозначно. Союз с монголами значительно облегчал великому князю укрощение строптивых вечевых городов, с которыми владимирские князья боролись со времен Юрия Долгорукого. Союз с Западом неизбежно усилил бы позиции городов, поскольку города Западной Европы уже давно освободились от власти феодальных сеньоров. Русь неизбежно втягивалась в систему европейского права, способствовавшего укреплению модели власти, связанной с договорными отношениями автономных сторон.

А вот система правления, принятая в монгольских улусах, устраивала Александра Ярославича вполне. Живыми штрихами ее рисует Плано Карпини: “Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. <...> Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми... ибо среди них нет никого свободного”. Получая из рук хана

ярлыки на княжение, русские князья приняли и постепенно утвердили на Руси эту модель властных отношений. Под властью Орды уже не могли далее сохраняться старинные дружинные отношения. Князья Северо-Восточной Руси, сделавшись "служебниками" монгольских ханов, обязанные беспрекословно повиноваться их воле, уже не могли примириться с независимостью старшей дружины. Система подданства со временем должна была привести к установлению княжеского деспотизма в создаваемой потомками Невского Московии.

Есть важная крупица горькой правды в словах историка Михаила Сокольского: "Позор русского исторического сознания, русской исторической памяти в том, что Александр Невский стал непререкаемым понятием национальной гордости, стал фетишем, стал знаменем не секты или партии, а того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал".

Помимо исторического пути, на который столкнул Северо-Восточную Русь Александр Ярославич, существовал и другой путь, по которому пошли русские земли, князья которых не пожелали служить ордынским ханам. Из этих земель со временем сформировалось другое государство — Великое княжество Литовское. В течение нескольких столетий оно успешно вело тяжелую борьбу на два фронта, против ордена и против Орды, которую наши официальные историографы объявили "безнадежной" и "бессмысленной". И победило. К концу XIV столетия великий литовский князь Витовт назначал своей волей ордынских ханов, в 1381 г. решал, посадить ли ему "во Орде на царствие царя его Тохтамыша", а в 1410 г., по существу, покончил с Тевтонским орденом. Наследниками некогда единой Киевской Руси стали в XIII–XV вв. три государства с различной политической системой, три Руси — Литовская, Московская и Новгородская. Их борьба за гегемонию в объединении всех русских земель и победа Москвы в этой борьбе определили дальнейшую судьбу нашей страны. Но это уже другая история.

Подробнее на эту тему

Горский А. А. *Александр Невский* // Мир истории. 2001. № 4 (http://www.tellur.ru/~historia/archive/04-01/nevsky.htm).

Данилевский И. Н. *Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*. М.: Аспект Пресс, 2001.

Джиованни дель Плано Карпини. *История монголов*. М., 1957 (http://www.darktimes.ru/Karpini.html).

Макаров Н. *Русь. Век тринадцатый. Характер культурных изменений* // Родина. 2003. № 11.

Сокольский М. М. *Неверная память (Герои и антигерои России)*. М., 1990.

Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси. 1200–1304*. М.: Прогресс, 1989.

Флоря Б. Н. *У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.)* СПб.: Алетейя, 2004 (журнальный вариант доступен по адресу: http://www.krotov.org/library/f/florya/flor04.html).

Чернецов А. В. *К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа* // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Юрганов А. Л. *У истоков деспотизма* // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — нач. XX в. М., 1991. Кн. 1. С. 34–75 (http://anevskiy.narod.ru/library/24.html).

1380 Несостоявшийся союз

3 мая 1626 г. страшный московский пожар уничтожил большую часть государственных архивов России XVI столетия. Составлявшие опись дел Посольского приказа — Министерства иностранных дел того времени — чиновники-дьяки обнаружили уцелевший тогда, но так и не дошедший до нас исторический документ. Речь в нем шла о том, как могла пойти наша история в конце XIV в.

> "Тетратка ветха, а в ней писан список з грамоты доканчальные Ягайлова с великим князем Дмитреем Ивановичем... о женитве великого князя Ягайла Ольгердовича, женится ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, быти в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди" — так обозначен в описи проект русско-литовского договора, составленный в 1381 или начале 1382 г.
>
> (Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 34)

После победы на Куликовом поле Дмитрий Донской склонил молодого литовского князя Ягайло к заключению династического союза. В этом союзе Ягайло должен был играть роль младшего партнера. Из рук тестя он получал не только жену, но и православную веру, которую должны

были принять все его подданные — ведь Литва оставалась последним языческим государством в Европе. История этого государства началась на полтораста лет раньше...

В середине XIII в. литовский князь Миндовг сумел объединить литовские племенные союзы под своей властью. В борьбе с немецким Тевтонским орденом Миндовг то принимал от папы римского королевский титул, то искал союза против крестоносцев с Александром Невским, то становился католиком, то возвращался в язычество. Не знавшая татарского господства Литва быстро расширяла свою небольшую территорию за счет ослабевших западнорусских княжеств и уже в XIII в. стала балто-славянским государством, почти на три четверти состоявшим из бывших древнерусских княжеств. К концу следующего века западнорусские земли составляли уже девять десятых всей территории государства и подавляющее большинство населения было православным.

В XIV в. князья Гедимин (1316–1341) и Ольгерд (1345–1377) создали державу, в состав которой вошли Полоцк, Витебск, Минск, Гродно, Брест, Туров, Волынь, Брянск, Чернигов. Казалось, лидерство на Руси перешло к Гедиминовичам; в 1358 г. послы Ольгерда заявили тевтонским рыцарям, что "вся Русь должна принадлежать Литве". Ольгерд первым выступил и против Орды: в 1362 г. он разгромил татар при Синих Водах, ликвидировал зависимость своих земель от Золотой Орды и закрепил за Литвой древний Киев. Но в это же время "собирать" земли стали и московские князья. Так к середине XIV в. сложились два центра, претендовавшие на объединение всех древнерусских земель: Москва и Вильно. Конфликт между ними был неизбежен, тем более что в союзе с Литвой выступали старинные соперники Москвы — тверские князья; перейти "под руку" Литовского государства порой стремились и новгородские бояре. В 1368–1372 гг. Ольгерд в союзе с Тверью совершил три похода на Москву, но силы соперников были примерно равны, и договор 1372 г. разделил "сферы влияния".

Вот тогда-то, в начале 80-х гг. XIV в., и наметилось объединение двух "половинок" некогда единой Руси: Северо-Восточной "Московской" и Юго-Западной, находившейся в составе Великого княжества Литовского. К чему привел бы такой вариант объединения? Скорее всего, он подтолкнул бы консолидацию Руси и на полстолетия раньше привел к освобождению от ордынской зависимости. Но, возможно, и к усилению сословного представительства, сохранению региональных особенностей, получению выхода к Балтике задолго до Петра I, более активному включению в повседневный обиход и культуру западноевропейских элементов...

Могло быть, но не стало. Точнее, стало, но совсем иначе. Дмитрий Донской не смог противостоять хану Тохтамышу: Москва была в 1382 г. разорена и вновь стала платить дань Орде. Союз с несостоявшимся тестем перестал быть привлекательным для Ягайло; уния же с Польшей давала не только королевскую корону, но и реальную помощь в борьбе с сильным противником — Тевтонским орденом.

Ягайло женился — но не на московской княжне, а на польской королеве Ядвиге, и принял крещение — но не из Москвы, а из Рима, стал королем Владиславом и основателем новой династии на польско-литовском престоле. Вместо литовско-московского союза состоялась Кревская уния 1385 г. между Литвой и Польским королевством, на столетия определившая развитие соседа и соперника московских государей. С этого времени история Литвы тесно связана с историей Польши: в XIV–XVI вв. у этих государств был один король из династии потомков Ягайло — Ягеллонов.

При великом князе Витовте (1392–1430) княжество вступило в период своего наивысшего расцвета. В союзе с двоюродным братом Владиславом Ягайло Витовт разгромил Тевтонский орден при Грюнвальде (1410), присоединил Смоленскую землю (1404) и княжества в верховьях Оки. Витовт сажал своих ставленников на ордынский престол. Огромную дань-откуп платили ему Псков и Новгород, а московский князь Василий Дмитриевич женился на его дочери и называл Витовта "отцом", что по тогдашнему феодальному этикету означало признание вассальной зависимости. Тогда земли Великого княжества простирались от Балтийского моря до Черного, а восточная граница проходила под Вязьмой и Калугой.

Распад СССР в числе прочих проблем породил "взрыв" национальных трактовок, казалось бы, уже давно решенных вопросов — будь то оценка деяний гетмана Мазепы или спор о том, являлось ли средневековое Великое княжество Литовское литовским или белорусским и насколько именно. Главная же "потеря" состоит в том, что со страниц отечественных учебников истории вместе с рассказами о прошлом народов Кавказа или Средней Азии (что тоже не очень хорошо) исчезли сюжеты, касающиеся самого ближнего, славянского зарубежья, а история России оказалась сведенной к развитию Московского царства как единственного "законного наследника" Древней Руси.

Определять раннесредневековое Великое княжество Литовское как "русское" или "литовское" значило бы применять современные понятия об этничности по отношению к другой эпохе, в которой термин "русский" чаще всего означал "православный". В то же время источники XV–XVI вв. свидетельствуют о том, что восточные славяне в грани-

цах Польши и Литвы считали себя единой этнической общностью — "русским народом". Трудно установить, когда эта этническая общность стала разделяться. Появившийся в московских источниках с конца XVI в. термин "белорусцы" как будто говорит о том, что в Москве уже тогда стали воспринимать братьев-славян на территории Польско-Литовского государства как особый народ. Но это название относилось ко всему восточнославянскому населению соседней державы: "белорусцем" мог быть также житель Киевщины или Волыни. Еще труднее определить, с какого времени восточные славяне к северу от Припяти стали смотреть на восточных славян к югу от Припяти как на представителей иного этноса, то есть можно говорить о существовании особого украинского и белорусского народов.

Однако на западных землях Руси объединение проходило иным, по сравнению с Московским государством, путем.

Федерация земель

В Северо-Восточной Руси процесс "собирания земель" шел дольше и труднее, но зато и степень зависимости бывших самостоятельных княжеств от тяжелой руки московских государей была выше. В московской державе медленно, но верно складывалась система военно-служилой государственности на элементарной экономической основе, где все более или менее знатные подданные должны были нести пожизненную и безусловную службу своим государям, а попытки отстоять свои права становились "изменой".

В Литве взаимоотношения власти и подданных были иными, намного более либеральными. В противовес жесткой московской централизации и унификации Литва была рыхлой федерацией княжеств, земель и владений магнатов под властью отдельных князей — потомков Гедимина. Включая в свой состав более развитые, чем коренная Литва, земли, Гедиминовичи сохраняли их автономию: "Старины не рушаем, новины не вводим". Некоторые князья Рюриковичи (Друцкие, Воротынские, Одоевские) долгое время сохраняли свои владения.

Другие земли, входя в состав Литовского государства, получали от великого князя грамоты — привилеи: их жители могли требовать смены наместника; великий князь обязывался не "вступать" в права православной церкви, не переселять местных бояр, не раздавать земельных владений выходцам из других мест, не отменять принятых местными судами решений. Эти права не оставались на бумаге. В 1526 г. бояре и мещане Витебска пожаловались на "тяжкости"

и “кривды” от воеводы Ивана Богдановича Сапеги, и король Сигизмунд вынужден был дать им другого воеводу. В русских землях Великого княжества — Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской — действовали местные сеймы, где решались вопросы о строительстве укреплений, введении единых условий переходов крестьян, раскладке субсидий великому князю. До XVI в. на славянских землях Великого княжества действовали правовые нормы, восходившие к Русской правде.

Многоэтничный характер державы отражало ее официальное название — Великое княжество Литовское и Русское. Его официальным языком был русский (можно назвать его старобелорусским или староукраинским — большой разницы между ними до начала XVII в. не было) — на нем составлялись законы и акты великокняжеской канцелярии. Образцом социального устройства и государственных порядков для Литвы стала союзная Польша. Нуждавшиеся в поддержке польской знати Ягайло и его потомки вынуждены были даровать ей все новые привилегии, а затем распространять их и на своих литовских подданных. К тому же Ягеллоны вели активную внешнюю политику: пытались — порой успешно — овладеть чешской и венгерской коронами, соперничали с императором Священной Римской империи. Но за это тоже надо было платить отправлявшемуся в походы рыцарству.

В языческой Литве в условиях постоянной войны с Тевтонским орденом долго сохранялось свободное крестьянство, обязанное нести военную службу. Еще в конце XIV в. официальные грамоты называли всех свободных воинов боярами. В следующем столетии раздачи земель и крестьян привели к образованию слоя землевладельцев — бояр-шляхты (от немецкого Geschlecht — род, происхождение), обязанных великому князю военной службой.

Великого князя литовского окружала знать: князья Рюриковичи и Гедиминовичи, паны или крупные землевладельцы литовского и русского происхождения (Радзивиллы, Сапеги, Воловичи), выводившие на войну сотни слуг и занимавшие виднейшие посты при дворе и в управлении. Литовский статут — свод законов, впервые утвержденный в 1529 г. и затем дополнявшийся в 1566 и 1588 гг., — закреплял все права шляхты, полученные ею за 150 лет: пожалованные шляхтичам земли объявлялись их частной собственностью, они могли свободно переходить на службу к панам и уезжать за границу и не подвергались аресту без решения суда; местные земские суды избирались самой шляхтой на собраниях-сеймиках, где также решался вопрос о платеже государственных налогов, от которых шляхетские владения были освобождены.

Запрещение православным князьям и боярам занимать высшие государственные должности вызвало сопротивление — после смерти Витовта в Литве началась настоящая гражданская война, в которой одного из претендентов, князя Свидригайло, поддержали восточные земли и города Великого княжества. Но привилеи 1432–1434 гг. уравняли православных в правах с католиками и провозгласили неприкосновенность вотчин и их владельцев от репрессий без суда. С этого времени развертывается оформление единого правящего сословия — политического народа.

Привилей 1447 г. освобождал всех зависимых крестьян от натуральных и денежных податей в пользу государства и предоставлял землевладельцам право суда над своими крестьянами. Тем самым государь терял право вмешиваться во взаимоотношения вотчинников с их подданными, тогда как в Московской Руси государство ограничивало судебные права феодалов.

Крупных городов в Литве было немного: Вильно, Троки, Ковно, Берестье, Новгородок, Минск, Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев, Луцк, Владимир (Волынский) и Кременец; для их развития князья, как и в Польше, приглашали иноземцев — немцев и евреев, получавших особые привилегии. В 1495 г. великий князь Александр приказал "жидову з земли вон выбити", изгнал все еврейские общины и конфисковал их имущество. Но разразившийся финансовый кризис заставил в 1503 г. великого князя вернуть евреев в свое государство; им были возвращены дома, лавки, огороды, поля и луга — все, чем они владели до изгнания, а также право взыскивать долги со всех должников. Еврейские купцы и банкиры постоянно предоставляли казне значительные средства; один из таких дельцов, Аврам Езофович, стал при Александре подскарбием земским, то есть министром финансов.

В XIV–XV вв. Вильно, Ковно, Брест, Полоцк, Львов, Минск, Киев, Владимир (Волынский) и другие города получили "магдебургское право" — городское самоуправление: горожане-мещане избирали городских радцев — советников, ведавших городскими доходами и расходами, и двух бурмистров — католика и православного, судивших горожан вместе с великокняжеским наместником — войтом. С XV в. в городах появляются ремесленные цеха, права которых закрепляются в специальных уставах.

В Польше и Литве не сложился аппарат центрального управления, подобный системе приказов в Москве. При дворе великого князя были должностные лица, но не было государственных учреждений и быстро растущей бюрократии. Подскарбий земский хранил и расходовал деньги, но не собирал налоги; гетман командовал шляхетским

ополчением, когда оно собиралось; постоянная армия короля и великого князя насчитывала в XVI в. примерно 5 тыс. наемных солдат. Единственным постоянным органом была великокняжеская канцелярия, где велась дипломатическая переписка и хранился государственный архив — Литовская метрика.

Свои действия великий князь с 1492 г. должен был согласовывать с радой панов в составе епископов, воевод и наместников из числа крупнейших магнатов. Рада управляла страной в отсутствие князя, контролировала все земельные пожалования, расходы и внешнюю политику. Один из знатнейших панов княжества, Альбрехт Мартинович Гаштольд, говорил, что в отличие от Польши "что решается господарем и панами-радой, то шляхтой обязательно принимается к исполнению; мы ведь приглашаем шляхту на наши сеймы как будто бы для чести, на самом же деле для того, чтобы всем явно было то, что мы решаем".

В ходе многочисленных войн великому князю приходилось прибегать к займам у своих князей и панов под залог своих имений. За это паны получали в "заставу" великокняжеские земли и доходы с них до погашения суммы долга. Затем они стали обращаться за субсидиями к другим подданным, так стал созываться "Вальный сейм", который включал не только раду и "значнейших" панов и князей, но и более широкий круг шляхты — как католиков, так и православных. Сначала шляхта приглашалась поголовно, и на сейм приезжали все, кто хотел или имел такую возможность. С 1511 г. представители шляхты стали избираться на местах (по два человека от области — повета); в заседаниях сейма участвовала рада панов, лица, занимавшие важнейшие государственные должности (старосты, "державцы"), а также персонально князья Слуцкие, Друцкие, Лукомские, Свирские, Сангушковичи, Збаражские, Заславские, Корецкие, паны Хребтовичи, Кухмистровичи и представители других знатных фамилий. Вызывались на сеймы и православные епископы как владельцы вотчин, с которых шла земская служба.

Впервые сеймы в таком составе стали собираться при великом князе Казимире (1440–1492). С 1507 г. сейм созывался регулярно; на Виленском сейме 1514 г. было решено продолжать войну с Москвой; сейм 1522 г. одобрил конфискацию захваченных великокняжеских земель; на сеймах 1514 и 1522 гг. шляхта пожелала составить свод общегосударственных законов, а на сейме 1544 г. "рыцарство" просило, чтобы в каждом повете шляхта избирала судью и писаря, которые могли судить любого князя, пана или духовное лицо на своей территории. Все эти пожелания были удовлетворены.

В XVI в. сейм стал высшим законодательным органом Великого княжества. В его компетенцию входило принятие законов, решений о сборе налогов для князя и созыве шляхетского ополчения. В 1566 г. сейм постановил: никакое изменение в законах невозможно без его одобрения. В отличие от сословно-представительных учреждений других европейских стран в сейме была представлена только шляхта — в виде исключения туда были допущены бурмистры Вильно с правом совещательного голоса. Депутаты-послы избирались по воеводствам местными сеймиками и отстаивали на сейме наказы своих избирателей. На местных сеймиках шляхта обсуждала свои сословные дела и выбирала членов местного суда.

Экономический расцвет и политическое влияние польского и литовского дворянства-шляхты обеспечили наметившееся в XVI столетии общеевропейское "разделение труда": регионы с развитой промышленностью (Фландрия, Нидерланды, Англия, Южная Германия, север Италии) требовали все больше сырья и продуктов сельского хозяйства, поставщиком которого становились страны Восточной Европы. Землевладельцы преобразовывали свои владения в плантации, ориентированные на производство как можно большего объема продукции на продажу. Такие имения, фольварки, требовали массового применения барщинного труда, а вместе с ним и крепостнических порядков.

В 1557 г. в Великом княжестве была проведена реформа — волочная помера: вся земля великокняжеских имений объявлялась собственностью государя и делилась на участки — волоки, за владение ими крестьяне платили денежный оброк; кроме того, каждую седьмую волоку они должны были пахать на великого князя. Эта реформа послужила образцом для введения барщинного хозяйства и на частновладельческих землях. Все землевладельцы должны были предъявлять свои документы на владение, при этом возвращались в "простое состояние" шляхтичи, обманом присвоившие себе это звание и имение. Волочная помера лишила свободы "выхода" крестьянина, который до того мог продать свою "отчину" и стать "вольным похожим человеком". Отныне беглые и самовольно ушедшие крестьяне отыскивались и "осаживались" на пустых волоках. Отменялось и прежнее крестьянское самоуправление: в селах великокняжеские державцы и старосты назначали войтов по немецко-польскому образцу.

По Литовскому статуту 1588 г. за крестьянами сохранялось только право владения движимым имуществом, необходимым для выполнения повинностей с земельных наделов, находившихся в их пользовании. "Человек вольный", осевший на земле феодала и проживший

на новом месте десять лет, мог уйти, только откупившись значительной суммой. Закон, принятый сеймом в 1573 г., давал панам право карать крестьян по своему усмотрению вплоть до смертной казни. Виселица являлась обычной принадлежностью двора знатного пана, чему порой удивлялись русские офицеры-помещики в XVIII в. Имел шляхтич и привилегию пропинации — право на производство и продажу пива и водки в пределах своих владений.

Между Польшей и Москвой: образование Речи Посполитой

У Витовта не было детей, и после его смерти в Великом княжестве начались усобицы. Занявший престолы Польши и Литвы младший сын Ягайло король Казимир и его дети потеряли интерес к "общерусской" программе Ольгерда. Эту задачу перехватил московский правнук Витовта — великий князь Иван III (1462–1505). Уже в 1478 г. он заявил о "возвращении" бывших древнерусских земель — Полоцка, Витебска, Смоленска. Эту задачу облегчало нарушение конфессионального баланса в Литве после Флорентийской унии. В 1481 г. король Казимир запретил православным строить новые храмы и восстанавливать прежние; по просьбе короля константинопольский патриарх посвятил для Литовской Руси особого митрополита Григория Болгарина, помощника изгнанного из Москвы сторонника унии митрополита Исидора. Наступление на православие вызвало в Литве оппозицию. В 1481 г. был раскрыт заговор против короля, во главе которого стояли князья Михаил Олелькович и его двоюродный брат Федор Иванович Бельский. Бельский бежал в Москву и остался там навсегда со своим потомством.

Так начались переходы православных князей Великого княжества на сторону Москвы, сильно облегчившие Ивану III и его сыну Василию III борьбу с западным соседом. Вслед за князьями Бельскими на московской службе оказались владельцы других окраинных земель Великого княжества — князья Белевские, Воротынские, Мезецкие, Вяземские, Новосильские, Одоевские, Трубецкие. В 1500 г. перешли к Москве вместе со своими "волостями" потомок Дмитрия Шемяки, князь Василий Иванович Шемячич, и князь Семен Иванович Можайский, сын сторонника Шемяки Ивана Андреевича Можайского. В результате двух больших войн, 1487–1494 и 1500–1503 гг., Великое княжество Литовское потеряло треть территории; великий князь Александр признал за Иваном III титул государя всея Руси. К России были присоединены Вязьма, черниговские и новгород-северские земли (Чернигов,

Новгород-Северский, Брянск, Стародуб, Гомель). После трех походов в 1514 г. был отвоеван Смоленск, который на 200 с лишним лет стал главной крепостью и воротами на западной границе России. Во время этих войн московские государи умело использовали недовольство части православных князей Литвы — в дальнейшем такая политика станет традиционной по отношению к Польско-Литовскому государству и в конце концов послужит одним из факторов его крушения.

Но уже во время третьей (1512–1522) и четвертой (1534–1537) по счету войн силы противников оказались примерно равными, а население Великого княжества больше не изъявляло желания присоединяться к Москве. По территории Восточной Европы пролегла граница, по сторонам которой сложились глубокие различия в общественно-политическом строе двух восточнославянских государств. При этом православные славяне в границах держав Ягеллонов называли себя русскими или русинами, а свой язык русской мовой, но при этом отличали себя от "Москвы". В Москве же на соседей смотрели как на "литвинов" и после бедствий Смуты даже православных "литовских людей" встречали подозрительно, а католиков-"ляхов" представляли уже как главных врагов, по сравнению с которыми даже "немец-лютор" выглядел симпатичнее. Правда, это не мешало вполне православным русским мужикам и в XVII, и в XVIII вв. бежать за границу к тем же "ляхам". Крепостничество там было такое же; но барин мог быть и добрым, а вот злое государство с его чиновниками, податями и рекрутчиной — намного слабее.

Политическая элита Литвы и Москвы выработала свои исторические традиции и мифы о собственном прошлом. В литовских хрониках помещался рассказ о князе Палемоне, который с 500 шляхтичами бежал от тирании Нерона на берега Балтики и покорил бывшие княжества Киевской державы. В сочинениях Ивана Грозного и московских дипломатических актах появилась теория о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа. Гедимина же московское "Сказание о князьях Владимирских" называет бывшим княжеским конюхом, женившимся на вдове своего господина и захватившим власть над Западной Русью.

Осознавались и принципиальные различия в характере политической культуры: в источниках XVI в. появляется противопоставление "жестокой тирании" московских князей правам и "вольностям" шляхты и мещанства Великого княжества Литовского. Во времена Ивана Грозного уже московские служилые люди бежали в Литву.

Князь и боярин Андрей Михайлович Курбский становится одним из первых политических эмигрантов. Знаменитая переписка царя

Ивана и беглого боярина стала самым известным памятником русской политической мысли XVI в., споры вокруг которого продолжаются и поныне. Князь-диссидент обличал царя в безвинных гонениях против московской знати, но в то же время его жизнь в Литве показала несовместимость московского боярина с чуждой общественной средой. Курбский до самой смерти не выходил из-под суда и искренне не понимал, почему он "княжа на Ковлю" не может "чинить бой морды" своей жене — знатной панне Гольшанской, раздавать слугам данные ему в держание короной земли или посадить евреев-заимодавцев в пруд с пиявками.

Ливонская война (1558–1583) была попыткой разом решить две важнейшие для России внешнеполитические проблемы: утвердиться в Прибалтике и объединить русские земли, оказавшиеся в составе Польско-Литовского государства. К 1560 г. Ливонский орден был разгромлен. Россия овладела восточной Эстонией и впервые получила порт на Балтике — Нарву. В 1561 г. часть рыцарей и город Ревель перешли под власть Швеции, а последний магистр ордена передал его владения польскому королю. В 1562 г. Россия начала войну против Литвы и захватила Полоцк, а в 1570-м стала воевать и против Швеции. Но утвердиться на балтийском побережье и стать равноправным торговым партнером Запада Россия тогда не смогла. Стремление Ивана Грозного завоевать "мало не вся Германия" втянуло страну в большой европейский конфликт, в котором в итоге ей пришлось одновременно воевать против Польско-Литовского государства, Крыма и Швеции, да еще и имея в тылу опричнину. К 1577 г. царь Иван овладел почти 2/3 территории Ливонии. Но затем в войне наступил перелом: польско-литовская армия короля Стефана Батория в 1579–1581 гг. отобрала у русских Полоцк, Великие Луки и осадила Псков. Шведы захватили в 1581 г. Нарву. По мирным договорам с Речью Посполитой (Ям-Запольское перемирие 1582 г.) и Швецией (Плюсское перемирие 1583 г.) Россия утратила все завоевания в Прибалтике и сохранила лишь небольшой участок Финского залива с устьем реки Невы.

В начале Ливонской войны обозначился перевес Москвы. На мирных переговорах 1563–1564 гг. Москва объявила целью своей внешней политики возвращение всех бывших древнерусских центров — Киева, Волыни, Полоцка, Витебска и прочих земель. В 1564 г. литовский гетман Николай Радзивилл разбил на реке Уле московское войско князя Петра Ивановича Шуйского, но попытка перейти в наступление на московские владения с юго-запада потерпела неудачу. Ежегодные кампании истощили государственные финансы Литвы; ее паны и шляхта вынуждены были обратиться за помощью к Польше.

Совместный сейм открылся в Люблине в январе 1569 г. Литовские магнаты соглашались на создание единого государства только на условиях отдельного существования литовского сената и сейма. Но большинство шляхты, наоборот, стремилось к объединению, поскольку желало получить те права и "вольности", которыми уже обладало польское дворянство. Опираясь на поддержку шляхты, король Сигизмунд II Август передал Польше (из состава Великого княжества) Украину. После этого литовские паны согласились на унию.

Люблинская уния объединила Польшу и Великое княжество Литовское в единую Речь Посполитую (*Rzeczpospolita* — польский перевод латинского выражения *res publica*) с общими сенатом и сеймом; вводились единые денежная и налоговая системы. Однако Литва сохранила автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну и официальный русский язык. В 1572 г. после пресечения династии Ягеллонов король стал избираться на сейме, и Речь Посполитая превратилась в своеобразную республику с выборным королем во главе.

Верховным законодательным органом стал шляхетский сейм: "Отныне и на будущие времена нами, королем, и нашими преемниками не может быть установлено без совместного позволения сенаторов и земских послов ничего нового, что было бы в ущерб и тягость Речи Посполитой, а также во вред и в оскорбление кому-либо или же направлено к изменению посполитского права и вольности публичной" — так гласил один из основных законов государства — Радомская конституция 1505 г., *nihil novi* (конституцией в Польше называлось любое постановление сейма). Сейм устанавливал налоги, созывал ополчение — "посполитое рушение", — определял направление внешней политики, заключал мирные договоры и союзы. На сейме происходил под председательством короля сеймовый суд по особо важным делам. Сейму принадлежало право помилования и амнистии.

Деятельность короля контролировали сенаторы-резиденты. Сам же король, вступая на престол по воле и выбору шляхты, торжественно отказывался от наследственности трона, обязывался не объявлять войну и не заключать мир без сената, не созывать "посполитого рушения" (шляхетского ополчения) без согласия сейма. Гарантией и "зеницей вольности" считалось право шляхты отказать королю в повиновении, если он не будет соблюдать ее права и привилегии. В таком случае недовольные создавали конфедерацию и начинали "законный" мятеж против своего государя.

Конец XVI — первая половина XVII в. стали временем наивысшего подъема шляхетской республики, на короткое время она стала великой державой Восточной Европы. Речь Посполитая стала главной житни-

цей Европы. Зерно отправлялось вниз по Висле до Гданьска, а оттуда по Балтийскому морю в Голландию; далее хлеб развозился по всей Западной Европе. Из южных земель громадные стада скота перегоняли в Германию и Италию. Вывозивший зерно землевладелец был заинтересован в свободе торговли. Законы снижали экспортные пошлины и одновременно открывали доступ иноземным товарам, хотя и в ущерб собственным производителям и купцам. Шляхта добилась лишения горожан права голоса в сейме. Самостоятельность городов подрывали принадлежавшие шляхтичам городские дворы и целые кварталы, не подчинявшиеся городским законам и администрации. Кроме того, короли приглашали в города иммигрантов — немцев, евреев, поляков, армян, которые стали составлять большинство населения украинских и белорусских городов, особенно крупных (как Львов).

Вновь появились и проекты унии польско-литовской державы и России. Теперь уже шляхта Речи Посполитой допускала выборы московского государя королем с целью использовать военный потенциал Москвы для возвращения потерянных Польшей земель на Западе, организации надежной обороны южных границ и победы в войне с турками. Шляхетские политики уже не опасались за свои вольности, поскольку король "за несоблюдение прав наших всегда может быть низложен"; к тому же "московит почитал бы все обычаи наши, так как по сравнению с московской грубостью все бы ему казалось наилучшим" — так полагали предвыборные публицистические сочинения в 70–80-х гг. XVI в.

В 1572 г. сенат Речи Посполитой сообщил Ивану Грозному, что все "станы и рыцарство" желают видеть на троне Речи Посполитой его младшего сына царевича Федора, который должен перейти на воспитание к польским советникам и не вмешиваться в управление государством. За допущение царевича к наследованию польского трона Ивану IV предстояло уступить Новгород, Псков и Смоленск. Конечно, царь отказался, но в то же время предложил "русскую" программу объединения. Идеолог и практик "вольного самодержавства" соглашался признать нетерпимые им вольности шляхты, но требовал передачи России Киева; в будущем объединении трех государств — России, Польши и Великого княжества Литовского — власть единого монарха (независимо от того, будет им сам царь или его сын) должна была быть наследственной.

Эти проекты так и остались нереализованными: ни царь, ни его сын так и не выступили "кандидатами" на выборах. Но после смерти Ивана Грозного русские послы выехали в Варшаву в 1587 г. для официального выдвижения кандидатуры Федора Ивановича на элекционном

(избирательном) сейме. Они уже не рассчитывали на утверждение наследственного правления московской династии, но предполагали создать военно-политический союз между Россией и Речью Посполитой, направленный против Швеции, Османской империи и Крымского ханства. Московский государь обещал соблюдать права шляхты ("справ и волностей не нарушит, ещо к тому и прибавливати хочет"), не "вступатися ни в какие доходы и скарбы" Речи Посполитой, проявить веротерпимость ("людем всяким тех государств вера вольно будет держать по своей вере"), заплатить долги прежних монархов польско-литовской армии, дать купцам свободный проезд в своем государстве, а шляхтичам — земли в Диком поле.

Взамен московские политики хотели получить в свои руки руководство внешней политикой нового союза и утвердить первенствующее место России в политической структуре Восточной Европы: "Божьей милостью государь, царь и великий князь... всея Русии, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский" — так должен был звучать титул Федора. Но после победы в Ливонской войне государственные деятели Речи Посполитой уже не допускали равноправного союза двух держав: по их мнению, царь должен был в случае избрания принять католичество, а сейм — принимать важнейшие внешнеполитические решения.

В результате русский царь так и не участвовал в выборах на польский престол. Попытки унии в конце XVI в. были уже нереальными — слишком разошлись в своем развитии социально-политические структуры двух держав. В начале XVII в. король Речи Посполитой и его окружение предпочли "силовой" вариант осуществления унии. Во времена Смуты военные действия уже шли на территории России. Польские войска заняли Москву от имени сына своего короля — принца Владислава, которого московские бояре признали в 1610 г. новым государем России. Польско-Литовское государство возвратило Смоленск и Чернигово-Северские земли и сумело отстоять их в Смоленской войне (1632–1634) от войск Михаила Романова.

После Люблинской унии Польша присоединила большинство украинских земель великого княжества (Волынь, Киевщина и Подолье). Здесь создавались огромные владения-латифундии магнатов Замойских, Жолкевских, Калиновских, Конецпольских, Потоцких, Вишневецких. Вслед за магнатами и шляхтой шли католические священники. В проповедях и на диспутах они обличали догматические "заблуждения" и культурную отсталость православных. Иезуит Петр Скарга доказывал, что положение православия безнадежно, а единственный выход для его последователей — воссоединение с Римом:

“Греки обманули тебя, о русский народ, ибо, дав тебе святую веру, не дали греческого языка, вынудив пользоваться славянским наречием, дабы ты никогда не постиг истинного учения... Еще не было на свете академии, где бы философия, богословие, логика и другие свободные науки преподавались по-славянски. С таким языком нельзя сделаться ученым...” В этих словах было бы много справедливого, если бы они зачастую не служили лишь маскировкой для полонизации и окатоличивания.

При поддержке королевской власти была осуществлена Брестская уния 1596 г. — попытка мягкого, постепенного вхождения православных подданных в орбиту католической церкви. Брестская уния 1596 г. — союз православной и католической церквей на территории Речи Посполитой на условии признания православными католических догматов и верховной власти папы римского при сохранении православной церковью богослужения на славянских языках и обрядов. Православные иерархи в Речи Посполитой склонялись к унии, чтобы добиться независимости от власти константинопольского патриарха, получить места в сейме и покровительство короля в спорах духовенства с патриархом и православными братствами. В 1595 г. епископы И. Потей и К. Терлецкий получили в Риме согласие папы на унию. В 1596 г. в Бресте был созван провинциальный синод для решения вопроса об унии. Он разделился на две части. Православный собор, возглавлявшийся посланцами Константинопольского и Александрийского патриархов и поддержанный частью православного духовенства, шляхты и мещанством, объявил неправомочными действия сторонников унии и лишил их духовного сана. Митрополичий (униатский) собор, на котором присутствовали представители папы и короля, принял унию и лишил духовного сана противников. В результате сопротивления украинского и белорусского народов Речь Посполитая была вынуждена в 1633 г. разрешить легальное существование православной церкви. Официально Брестская уния была расторгнута на церковном соборе 1946 г. во Львове, созванном под нажимом Сталина и по существу неканоничном. Униатство было легализовано после ослабления советской власти в 1989 г. Вызванный этими пертурбациями конфликт (в частности, спор из-за храмов) продолжается до сего дня.

Уния не разрешила религиозных противоречий: столкновения между православными и униатами носили ожесточенный характер (например, витебский мятеж 1623 г., когда был убит проповедник униатства епископ Иосафат Кунцевич). Власти закрывали православные церкви, а отказывавшихся присоединиться к унии священников изгоняли из приходов. И все же в 1620 г. под давлением украинского

мещанства и казачества была восстановлена параллельно с униатской православная иерархия с митрополией в Киеве, юридически зависимая от константинопольского патриарха. Киевское духовенство извлекло уроки из противостояния с униатами. В 1621 г. Поместный собор духовенства и мирян разработал целую программу по публикации книг, устройству и улучшению сети православных училищ, усилению братств и т. д. Венцом ее стало открытие киевским митрополитом Петром Могилой в 1632 г. первой православной академии (впоследствии получившей название Киево-Могилянской), ставшей позднее, в конце XVII и XVIII вв., "кузницей кадров" высшего духовенства России.

Привилегии шляхты, блеск ее образованности и культуры привлекали православных дворян: началось отречение украинской и белорусской знати от веры отцов и переход в католичество. В 1610 г. один из православных деятелей, Мелетий Смотрицкий, в трактате "Тренос, или Плач по святой восточной церкви" писал об утрате православной Русью ее знатнейших родов: "Где дом Острожских, славный пред всеми другими блеском древней веры? Где роды князей Слуцких, Заславских, Вишневецких, Сангушков, Чарторыйских, Пронских, Ружинских..." Вместе с новой верой перенимались и новый язык и новая культура, что навсегда отчуждало "панов" от "быдла". В XVII в. при составлении документов выходят из употребления старобелорусский язык и кириллица. Полонизация привела к ликвидации украинской и белорусской национальной элиты в начале Нового времени, когда в Европе шло становление национальных государств.

Было создано своего рода правовое государство, но его полноправными гражданами были только шляхтичи, владеющие собственным имением. Республиканская модель государственного устройства обеспечила шляхте широкие возможности для политического развития и экономического господства, но на базе крепостного права. Привилеи сохраняли местное своеобразие, а широкое самоуправление охраняло шляхетские права и от короля, и от мужиков: в Польше и Литве не было ни опричнины, ни крестьянских войн. Однородный юридический статус господствующего класса придал Речи Посполитой определенную прочность, чему способствовали общность веры, языка и этнического самосознания подавляющей части шляхты. Гордая сознанием своих прав шляхта только себя считала "политическим народом", из которого исключала другие сословия. Так установилось понятие шляхетской нации: к ней причислялась литовская, белорусская и украинская шляхта, но исключались польские и прочие крестьяне и мещане.

Эта нация свысока смотрела на московских “государских холопов”. Однако “златая вольность” уже в XVII в. постепенно оборачивалась параличом государственной власти. Но это уже была другая история...

Подробнее на эту тему

Бардах Ю., Леснодорский Б., Петрчак М. *История государства и права Польши*. М., 1980.

Думин С. В. *Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское)* // История отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991.

Любавский М. К. *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*. М., 1915.

Субтельный О. *Украина: история*. Киев, 1994.

1418 Самоубийство средневековой демократии

В 1418 г. в Новгороде разразилось очередное восстание: “От грозы тоя страшныя и от возмущениа того великого вострясеся весь град”. Некий Степанко схватил на улице боярина Данила Божина с криком: “Пособите ми тако на злодея сего!” Собравшиеся новгородцы стали с увлечением бить боярина: “…казниша его ранами близ смерти… сринуща... с мосту”. Еле спасшийся Божин (его вытащил какой-то “рыбник”) через несколько дней сам захватил Степанко и стал его пытать. Разборка боярина с одним из “меньших” людей вновь всколыхнула город. Толпа со знаменем, “стягом”, двинулась на Козьмодемьянскую улицу, разграбила дом Божина и “иных дворов много”. Степанко тут же освободили; но восставшие напали на усадьбы знати “много разграбиша домов бояръских” и Никольский монастырь с криками: “Зде житнице боярскыи”. Только вооруженные жители “аристократической” Прусской улицы отбились от нападавших.

По городу загремел набат, “вста страна на страну ратным подобием”. С обеих сторон были убитые. Архиепископ с духовенством двинулись крестным ходом на Волховский мост и посреди моста благословляли обе стороны. Срочно прибыл посадник Федор Тимофеевич “с иными посадникы и с тысяцкими”; после совещания делегация от духовенства была послана убедить восставших: “да идут в домы своя”. Те потребовали от бояр провести следствие. По-видимому, сре-

ди самих восставших к этому времени произошел раскол, и волнения прекратились.

Удивить новгородцев волнениями было трудно. Но "восстание Степанки" стало не очередным столкновением городских районов-концов во главе со "своими" боярскими группировками. Впервые "сташа чернь с одиноя стороны, а с другую боляре и учинися пакости людем много мертвых". Боярская верхушка Новгорода учла урок и скоро установила свое господство: восстание 1418 г. стало последним успехом "черни". Но наступившая "стабильность" означала и конец своеобразной новгородской демократии.

"Господин Великий Новгород"

Устройство средневекового Новгорода окружено дымкой легенд, созданных в более поздние времена. Московские летописи XV–XVI вв. обличали "изменников-новгородцев", а просвещенная государыня Екатерина II в своих исторических штудиях доказывала несостоятельность новгородского "буйства" и "безначалия". В XIX в. декабристы, напротив, противопоставляли новгородскую "вольность" московскому "деспотизму"; да и наши современники порой судят о новгородских порядках по фильмам на фольклорно-сказочные сюжеты, где народные массы на вече с громким криком принимают решение о войне или мире, а патриот-ремесленник спихивает с вечевой "трибуны" корыстного и трусливого боярина...

К счастью, о средневековом Новгороде нам известно больше, чем о других древнерусских землях. Север не был затронут татарскими набегами, и здесь лучше сохранились летописи и документы. С 1932 г. в Новгороде постоянно ведутся раскопки, в ходе которых полвека назад было совершено важнейшее открытие — впервые найдены берестяные грамоты, число которых к настоящему времени приближается к тысяче. Эти источники позволяют нам представить иную, по сравнению с большинством южнорусских ("низовских", как говорили новгородцы) земель, модель общественного и государственного устройства. При этом надо иметь в виду, что речь идет не просто о городе, но об обширном государстве — "Господине Великом Новгороде", никогда, в отличие от других земель и княжеств, не дробившемся на уделы.

Раздоры между местными племенами (словенами, кривичами и чудью) привели, согласно известному летописному рассказу, к "призванию" князя со стороны в 862 г. Таким образом, государственность на Севере возникла на основе договора. Она была изначально ограни-

чена определенными условиями, которые новгородцы считали законами "отцов и дедов": князь не имел права распоряжаться государственными доходами и расходами. Столкновения новгородцев с князьями, претендовавшими на расширение своих полномочий, привели к тому, что Ярослав Мудрый был вынужден дать им то, что сейчас мы бы назвали "основными законами", — Русскую правду.

Современные исследования подтвердили, что Новгород — это действительно относительно "новый город": он возник из трех поселков объединившихся славянских и угро-финских племенных союзов в середине X в.; спустя век была построена первая общегородская крепость — Детинец. Возможно, новый центр возник как раз в ответ на усилившуюся власть князя (князья и дружина размещались в IX–X вв. на Рюриковом городище за пределами Новгорода). Скоро княжеская резиденция переместилась на юг, в Киев; но "новый город" на Севере уже окреп и со временем стал главным торговым портом страны. Основанный при истоке Волхова из озера Ильмень город "замкнул" в важнейшей географической точке систему рек ильменского бассейна (Ловать, Мсту, Шелонь), охватывавшую значительную территорию северной части Руси.

В большинстве учебников приводится известная дата — 1136 г., когда новгородцы изгнали неугодного им князя и стали приглашать князей по своему выбору. Но это событие — только один из этапов на пути оформления социального и государственного устройства Новгорода, которое в основных чертах сложилось в XIII в.

Верховным законодательным органом власти было новгородское вече. Вече — главная загадка новгородской истории: оно десятки и сотни раз упоминается в летописях и актах, но их составители не считали нужным объяснять современникам (им-то это и так было известно), кто и каким образом входил в его состав, каковы были его компетенция и порядок работы. Поэтому потомкам все это до сих пор остается не вполне понятным.

Судя по размеру вечевой площади на Ярославовом дворище около Никольского собора (1200–1500 м^2), собрание было относительно небольшим. Там находились "степень" — трибуна для посадников — и скамьи для прочих участников (на вече не стояли, а сидели, как в настоящем парламенте). Такая площадь могла вместить несколько сот человек, но никак не все многотысячное население города. Поэтому одни историки полагают, что вече состояло из бояр — владельцев усадеб, другие считают возможным более широкий состав представительства через систему кончанских вечевых собраний, участниками которых могли быть все свободные жители концов и улиц. Но новго-

родские крестьяне-смерды никогда не участвовали в вечевом управлении — их делом было платить дани и пошлины администрации, строить крепости на рубежах и трудиться в боярских вотчинах.

Главным представителем исполнительной власти в Новгороде был посадник, выбиравшийся только из числа бояр. Однако долгое время князья также оказывали влияние на политику Новгорода через своих сторонников: в XII в. новгородцы часто меняли князей, но и князья устраняли неугодных посадников, используя противоречия между боярскими кланами.

> В 1230 году Михаил Всеволодович Черниговский посадил в Новгороде князем своего сына Ростислава. Против черниговского князя и его ставленника — посадника Внезда Водовика — выступили сын бывшего посадника Степан Твердиславич и боярин Иванко Тимошинич, которых поддерживал владимиро-суздальский князь, соперник Михаила Черниговского Ярослав Всеволодович. После публичного столкновения (Степан и Иванко "распрелись" с посадником) Иванко был избит людьми посадника и на другой день созвал вече на Водовика. Последний в союзе с бывшим посадником Семеном Борисовичем сумел одержать верх. Прямо на вече был убит боярин Волос Блудкинич, обвиненный в попытке поджога посадничьего дома. Затем убили и бросили в Волхов Иванко Тимошинича, а их сторонник Яким убежал к князю Ярославу Всеволодовичу. Но уже в декабре 1230 г., после того как Водовик уехал с молодым князем в Торжок, "суздальская" группировка победила: новгородцы убили Семена Борисовича, разграбили двор и села Внезда Водовика и его сторонников и вручили посадничество Степану Твердиславичу. После такого "избрания" Степан Твердиславич пригласил на новгородский стол Ярослава Всеволодовича.

Цивилизованной смене власти пришлось долго учиться — посадников порой изгоняли, а то и убивали. Только в XIII в. республиканский строй утвердился окончательно. Отныне посадник стал избираться на год из числа пяти пожизненных кончанских посадников, а взаимоотношения Новгорода с князьями четко регулировались "типовыми" договорами.

В ведении второго лица — новгородского тысяцкого — находились организация ополчения, сбор налогов, торговый суд (нынешний арбитраж). С середины XII столетия в Новгороде избирали (по жребию из числа нескольких претендентов — игуменов окрестных монастырей) кандидата в архиепископы, который затем направлялся к митрополиту для посвящения в сан. Новгородский архиепископ вершил

церковный суд, хранил государственную казну, во время конфликтов мирил враждовавшие стороны и нередко выполнял дипломатические поручения в отношениях с другими княжествами. Он же выступал в качестве своеобразного нотариуса по сделкам с недвижимостью — вотчинами. У каждого из перечисленных должностных лиц был свой аппарат, каждый из них обладал в рамках своих полномочий судебной властью. Их судебные права определялись особой Новгородской судной грамотой.

Республика никогда не жила без князя. В меру воинственный и удачливый князь должен был обеспечить независимость государства от покушений со стороны других Рюриковичей и свободу торговых путей из Новгорода на "низ" — в южнорусские земли. Богатая республика имела уязвимое место: лесистые и болотистые северные почвы были неплодородными, и Новгород постоянно нуждался в подвозе хлеба. В случае политических конфликтов князья-противники тут же перекрывали торговые пути, и тогда цены на новгородском рынке взмывали в 5–10, а иногда и в 30 раз. "Резаху люди живые и ядяху, а инии мертвая мяса и трупие обрезающе ядяху, а друзии конину, псину, кошкы, а ини же мох ядяху, сосну, кору липову и лист, кто что замысля; а инии пакы злии человеци почаша добрых людии домы зажигати, кде чююче рожь..." — так описывал летописец голодную весну 1231 г. в богатом городе.

Поэтому на новгородском престоле мог находиться даже князь-ребенок или его представитель-наместник, обозначавший такой союз. В случае необходимости (но далеко не всегда) князь возглавлял объединенное войско новгородцев и своих дружинников. Повседневной же функцией князя в Новгороде был суд, судебные решения скреплялись княжеской печатью. Но судил князь вместе с посадником. Победа 1136 г. навсегда поставила князей под республиканский контроль. Стандартная формула новгородского "ряда" с князем выглядела так: "А без посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамот даяти. А без вины мужа волости не лишати". За работу князь получал судебные пошлины и доход с определенной территории, но не становился ее владельцем.

В XIII в. договоры, определявшие отношения князей с Новгородом, имели уже вполне разработанный формуляр (первый из дошедших до нас относится к 1264 г.). При заключении "ряда" князь целовал крест "на всей воли новгородской", обязывался "держати... Новгород по пошлине" (то есть по старине).

Гарантией соблюдения договора был запрет князю и его слугам приобретать в новгородских владениях земли. К тому же новгородцы

были “вольны во князьях”, поэтому у них не было одной “законной” княжеской династии. Приглашенный князь ставился в положение высокооплачиваемого чиновника и мог быть в любое время сменен: в случае конфликта ему “указывали путь” из Новгорода. Небольшая княжеская дружина в 300–500 человек ничего не могла поделать с многочисленным городским ополчением и боярскими отрядами.

Истоки такого порядка уходят в глубокую древность, когда родоплеменная верхушка славянских и угро-финских племен возглавила эту “федерацию”. Скорее всего, именно ее потомки превратились в наследственных бояр. В отличие от других земель, где боярином становился княжеский советник или дружинник, новгородским боярином нужно было родиться: лишь представители 40–50 родов носили это звание. Археологические раскопки показали, что каждому роду принадлежало по 8–10 городских усадеб (площадью около 2 тыс. м^2), на протяжении столетий не менявших своих границ. Такие клановые владения представляли собой мощные комплексы с двухэтажными боярскими хоромами (с балконами, стеклянными окнами и цветными витражами) и хозяйственными постройками, запасами, ремесленными мастерскими, с челядью и прочими зависимыми людьми.

Усадьбы каждого рода группировались в определенном конце Новгорода и держали под контролем несколько кварталов с их обитателями. Они составляли городскую опору боярских родов, являвшихся настоящими хозяевами в городе и на подвластных ему территориях. В Неревском конце господствовали Мишиничи и их родичи: Онцифоровичи, Самсоновы, Борецкие; в Славенском — Лошинские, Селезневы, Грузовы, Офонасовы; на Прусской улице — потомки Михалки Степановича. Новгородские бояре не рассредоточивались по своим вотчинам, а сидели в Новгороде, иначе они утратили бы возможность участвовать в борьбе за власть.

В Киеве и прочих землях полюдье осуществляли князь с дружиной; в Новгороде сборщиками дани стали в X–XI вв. местные бояре. Древнейшие известные берестяные грамоты — это записи долгов горожан и крестьян-смердов, хранившиеся в боярских усадьбах. Так начиналось и укреплялось боярское влияние в Новгороде. С XII в. новгородские бояре превращаются в землевладельцев, а через двести лет 90% новгородских земель стали боярскими вотчинами. “Есть в Новгороде знатные сеньоры, которых они называют бояре. Власть этих знатнейших горожан неимоверна, а богатства их неисчислимы: некоторые владеют земельными угодьями протяженностью в 200 лье”, — такими увидел новгородских “граждан” французский рыцарь Жильбер де Ланнуа в начале XV в.

Только в центре, на давно освоенных землях, боярским фамилиям принадлежало около 80 тыс. гектаров. Там находилось примерно 20 тыс. крестьянских хозяйств — в среднем по 500 на каждого владельца. Знаменитой боярыне Марфе Борецкой принадлежало около 1200 дворов, то есть примерно 6–7 тыс. крестьян. Не менее богатыми стали новгородские монастыри: Хутынский, Юрьев, Аркажский. Самым богатым землевладельцем являлся "дом святой Софии" — архиепископская кафедра. Огромными были боярские владения на окраинах Новгорода, в его северных лесных колониях.

Вотчинное хозяйство (целые "погосты" в сотни квадратных километров с десятками деревень) и промыслы давали боярам возможность концентрировать в своих руках ценные экспортные товары. Из боярских владений поступали сотни пудов воска, десятки тысяч бобровых и беличьих шкурок, мед, рыба и "рыбий зуб" (моржовые клыки). До конца XVI в. Новгород был для Руси окном в Европу и главным центром торговых связей с западными и северными странами, куда отправлялись воск и меха на кораблях купцов немецкой Ганзы.

Ганза (от средненижненемецкого Hanse — союз, товарищество) — федерация североевропейских городов под руководством Любека, в котором собирались съезды членов этого союза и принимались обязательные для всех решения. В Ганзу входило более 100 городов от Норвегии до Нидерландов (Бремен, Антверпен, Кельн, Гамбург, Брюгге, Берген, Гданьск, Ревель, Рига и другие). Ганзейские купцы со своим флотом в XIV–XV вв. были монополистами в торговле и перевозках на севере Европы: с востока везли зерно, воск и меха, из Швеции вывозили металл. В обратном направлении перевозились сукна, вина, соль, цветные металлы и изделия из них, оружие. Именно через эти города Русь получала необходимые ей западноевропейские товары. Отношения между Новгородом и ганзейским купечеством регулировались договорами, самый ранний из которых датируется концом XII в. Немецкий двор в Новгороде пользовался автономией и управлялся "олдерманом" — старшиной, который избирался общим купеческим собранием. Ганзейцы подлежали компетенции новгородских властей только при возникновении тяжб с новгородцами. Они вносили в новгородскую казну только одну проездную пошлину — на пути в Новгород и одну торговую — за взвешивание товаров. При покупке мехов "немцы" имели право осматривать их и требовать к ним наддачи дополнительного количества, не засчитывавшегося в счет купленного меха. При покупке воска ганзейцы могли его "колупать" — откалывать куски для проверки качества, причем отколотые куски также не входили в счет веса купленного воска. Новгородцы же при покупке

ганзейских товаров — сукна, соли, сельди, меда, вина — не имели права проверять их качество, взвешивать или измерять.

В обмен на драгоценную новгородскую пушнину шли западноевропейские товары: серебро и золото, бочки дорогого вина, кипы сукна, драгоценности, изысканная утварь, соль, янтарь и полуфабрикаты (цветные металлы). Все это добро поступало на боярские усадьбы, где располагались мастерские ремесленников: бояре предоставляли им не только покровительство, но также сырье и продовольствие; оттуда готовые товары расходились по всей Руси. У былинного купца Садко был вполне реальный исторический прототип, только это был не купец, а как раз боярин — Садко Сытинич, на свои средства построивший церковь Бориса и Глеба в конце XII в. Церкви рядом со своими усадьбами строили и другие бояре: местные священники поддерживали влияние "своего" боярина на соседей по улице и кварталу.

От демократии к олигархии

И все же новгородское боярство не было единым. Отдельные кланы, опиравшиеся на свои центры и концы, соперничали друг с другом, что в первые столетия существования республики давало возможность "черным людям" заявлять о своих интересах. Вперемежку с боярскими усадьбами на улицах находились дворы землевладельцев-небояр ("житьих людей"), ремесленников, духовенства, купцов. Все это население составляло уличанские общины: "прусов" (Прусской улицы), "витковцев", "кузмодемьян" — и собиралось на уличанские вече; свое вече было у каждого конца — района. Археологи обнаружили выгороженные и вымощенные участки для таких собраний на перекрестках улиц; там новгородцы во время заседаний дружно грызли орехи, скорлупа которых так и осталась лежать толстым слоем на мостовой.

На них решались прежде всего местные дела (мы бы сказали сейчас — "вопросы коммунального хозяйства") — например, не пора ли заново мостить улицу (в Новгороде меняли деревянные мостовые через каждые 20–25 лет, а в XIV в. появились первые водоотводные системы). Помимо включения в уличанские общины небоярское население Новгорода для участия в ополчении и уплаты налогов разделялось на десять сотен; во главе этого устройства — тысячи — стоял выборный тысяцкий, представлявший интересы непривилегированных граждан.

Во время нередких восстаний "черные люди" оказывали давление на всю боярскую верхушку. Восстание 1207 г. против посадника Дми-

тра Мирошкинича и его "администрации", вводившей новые тяжелые налоги, закончилось победой "черных людей": "...и села их распродаша и челядь, а сокровища их изыскаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу по 3 гривне, и от того многи разбогатеша". Но даже массовые выступления в Новгороде не приводили к принципиальным изменениям в политическом строе. Возглавляемые боярами городские концы постоянно боролись друг с другом; широко использовалась социальная демагогия: в наших бедах виноваты стоящие у власти "плохие" бояре с другого конца, давайте их скинем и поставим "своих"!

Со временем бояре все больше прибирали к рукам власть в Новгороде. К середине XIV в. они закрепили за собой должность тысяцкого. Борьба за посадничество заставила бояр "расширить" этот орган, а ограничение срока посадничества должно было ослабить борьбу за власть среди боярских группировок. В 1354 г. посадник Онцифор Лукич провел реформу, по которой стало избираться шесть посадников — пять от каждого из городских концов и один главный — степенной. Создавалась коллегия посадников, представлявших разные боярские группировки и концы. Таким образом, в поисках стабильности в Новгороде рождается олигархический режим, когда представители замкнутого круга знати открыто становятся полноправными хозяевами республики.

Онцифор был сыном Луки Варфоломеевича, основавшего на Северной Двине крепость Орлец, и внуком посадника Варфоломея Юрьевича. Варфоломей же был сыном посадника Юрия Мишинича и внуком Миши, героя Невской битвы 1240 г. Родовитый боярин начал свою политическую деятельность с руководства восстанием "черных людей" в 1342 г. и был за это из Новгорода изгнан. Впоследствии он вернулся и в 1346 г. одержал во главе новгородского войска победу над шведами на Жабьем поле. С 1350 по 1354 г. он был новгородским посадником, в 1367 г. умер. Найдено его берестяное письмо, адресованное матери; сын дает ряд поручений: "Челобитие к госпоже матери от Онцифора. Вели Нестору рубль скопить да идти к Юрию укладнику, проси его, чтобы купил коня. Да иди с Амвросием к Степану, взяв жеребий, а может быть, он и рубль возьмет, купи и другого коня. Да проси у Юрия полтину да купи соли с Амвросием. А если он не добудет мехов и серебра до зимнего пути, пошли за ними с Нестором сюда".

(Арциховский А. В. Письма Онцифора //
Проблемы общественно-политической истории России
и славянских стран: сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова.
М., 1963. С. 115)

Реформа поначалу не смогла прекратить внутриполитических конфликтов. Однако такие выступления постепенно становились все более "отрежиссированными", как, например, в 1359 г.

Степенной посадник Андреян Захарьинич представлял Плотницкий конец. Его противники из самого сильного и влиятельного Славенского конца пришли с оружием на вече, устроили драку и силой смогли навязать свою кандидатуру. В уличных столкновениях концов погибло несколько бояр, не говоря уже о многих "невиноватых". В итоге боярин "славлянин" так и не смог захватить власть и поплатился своими "селами", которые были разграблены его противниками. Но и боярин Андреян не смог вернуть посадничество, и к власти пришел представитель третьего клана.

Все же, несмотря на издержки, новый способ властвования пришелся боярству по вкусу, и развитие политической системы республики пошло в том же направлении. Следующий этап установления боярской олигархии приходится на начало XV в.: в 1410-х гг. число посадников увеличилось до 18. Реакцией на новые порядки и стало "восстание Степанки", когда "черные люди" били уже не только указанных им "чужих" бояр, а всех представителей правившей верхушки. Но выбор был сделан. К началу 1420-х гг. в Новгороде одновременно существовало уже 24 посадника и шесть тысяцких; к середине XV в. посадников стало 36, то есть практически каждый боярский клан имел своего представителя в этой властной структуре.

Новгород иногда не вполне корректно сравнивают с вольными западноевропейскими городами-коммунами. Точнее было бы его сопоставлять с близкой по типу аристократически-купеческой республикой Венецией. Но Венеция сумела стать одним из самых богатых государств Средневековья и сохранить свою независимость вплоть до конца XVIII в. Новгород же этого сделать не смог, и не только по причине неравенства сил в поединке с Москвой.

В 1171 году Венеция была разделена на шесть районов. Исходя из такого территориального деления был образован Большой совет: нобили каждого из шести сестьеров выбирали двоих представителей, каждый из которых, в свою очередь, назначал еще 40 человек. Большой совет состоял из 2500 членов — отпрысков патрицианских родов, из их числа рекрутировалось большинство должностных лиц республики. Основными институтами коммуны являлись сенат, возглавляемая дожем коллегия и кварантия — главный судебный орган по криминальным делам. Выбираемый тайным голосованием Большого совета дож становился пожизненным правителем республики, но его реальная власть ограничи-

валась сложной системой комиссий и советов, следивших за действиями дожа и друг за другом. С XIII века элита замкнулась, перестав принимать в свой круг новые, пусть даже весьма богатые фамилии.

Маленькая Венеция долго оставалась одной из сильнейших морских держав Средиземноморья: создала собственный торговый и военный флот, самую совершенную в Европе дипломатическую службу, сеть заморских торговых факторий, развернула собственное уникальное производство (знаменитого венецианского стекла и зеркал). Новгородское же боярство создавало свои богатства за счет экспорта природных богатств и вполне этим удовлетворялось.

Такая "сырьевая" эксплуатация обширных лесных колоний приносила колоссальные доходы боярству, но тормозила развитие передовых по тому времени отраслей. Новгородские молодцы-ушкуйники могли периодически устраивать дальние экспедиции на Север за пушниной да еще совершать лихие пиратские набеги на "низовые" города: "Проидоша из Новагорода Волгою из Великого полтораста ушкуев с разбойники новогородскыми, и избиша по Волзе множество татар и бесермен и ормен... Новъгорад Нижний пограбиша... И поидоша в Каму, и проидоша до Болгар", где с успехом "полон христьянский весь попродаша". Однако новгородская торговля целиком зависела от более предприимчивых и технически оснащенных немецких купцов. Товары в Новгород и из него шли на немецких судах, поэтому новгородское купечество не могло соперничать и даже заключать равноправные договоры с ганзейцами, не говоря уж о морской торговой экспансии. Создание собственного флота было затруднено отсутствием морских гаваней.

Раннее участие в управлении облегчило новгородским боярам подчинение свободных смердов и горожан, а связи вотчин с городскими хозяйствами-усадьбами обеспечили боярству контроль за экономикой и политическое господство. Технический уровень новгородских мастеров был достаточно высоким, однако зависимость купцов и ремесленников (по раскопкам известно уже 150 таких "боярских" мастерских) мешала формированию профессиональных корпораций горожан — цехов, развивавшихся в западноевропейских городах. Эти обстоятельства, помноженные на общие причины слабости русского города, не дали возможности процветавшему и свободному Новгороду стать инновационным центром передовых технологий и форм производства на Руси.

Боярство смогло полностью подчинить своей воле как экономику, так и политические институты Новгорода. Но эта победа как раз и подрывала новгородскую самостоятельность. Еще в XIV в. черно-

му люду было что защищать в республиканских порядках: сохранялось некоторое влияние горожан на "своих" бояр, а их зависимость от народной поддержки не позволяла резко усиливать налоговый гнет. Установление же после 1418 г. открытой олигархии объединило враждующие кланы, но фактически ликвидировало вечевой строй, а вместе с ним и желание "черных людей" защищать новгородские порядки. Социальная рознь ослабляла республику — как раз тогда, когда ей пришлось отстаивать независимость.

Конец республики

В отличие от тверских или нижегородских правителей новгородцы никогда не участвовали в борьбе за гегемонию на Руси. Новгородская элита, как правило, принимала к себе в князья того, кто становился великим князем Владимирским, что гарантировало от конфликта с Ордой. Власть любого, даже самого сильного князя была в новгородских владениях ограничена. Боярство получало огромные выгоды от сбыта мехов и транзитной торговли, и его мало интересовали политические события на "низу", если они не задевали новгородских интересов.

Случались порой и столкновения. В 1170 г. под стенами Новгорода стояли дружины владимирского "самовластца" Андрея Боголюбского; в 1387 г. на него двинулись силы почти всей русской земли во главе с Дмитрием Донским; в 1428 г. в новгородские пределы вторглось войско могущественного великого князя литовского Витовта. Но новгородцы держались стойко: "суздальцы" князя Андрея потерпели страшное поражение, запечатленное на новгородской иконе "Чудо от иконы Знамение". Когда же противник оказывался сильнее, северяне откупались: выплачивали "черный бор" (одноразовую дань) великому князю Московскому или его литовскому конкуренту.

Но к середине XV в. ситуация в Северо-Восточной Руси принципиально изменилась. Исчезли соперничавшие друг с другом и беспрерывно воевавшие княжества, всегда дававшие новгородцам возможность выбрать удобного партнера. Великое княжение владимирское прочно закрепили за собой московские князья. С окончанием междоусобной войны московских князей Новгород остался единственной политической структурой, претендовавшей на проведение независимой политики. Должна была настать и его очередь.

Зимой 1456 г. войска великого князя Василия II (1425–1462) провели короткую победоносную кампанию — разгромили новгородское ополчение под Руссой; посадник Михаил Туча угодил в московский

плен. В деревеньке Яжелбицы москвичи заключили договор с Новгородом: посадники пообещали признавать московского князя своим сувереном, выплатили ему немалую контрибуцию в 10 тыс. рублей. Но при этом новгородские представители упорно отстаивали "старину" — неприкосновенность боярских вотчин, особое республиканское устройство и невмешательство в него великого князя. Яжелбицкий мир повторил почти без изменений традиционные нормы "докончаний" между великим князем и новгородскими боярами: "Новгород держати вам в старине, по пошлине, без обиды; а нам, мужем ноугородцем, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды. А пошлин ваших, князей великих, не таити, по целованию. А что волостей ноугородцких всех, вам не держати своими мужи, держати мужи ноугородцкими, и дар имати от тех волостей. А без посадника вам, князи, суда не судити, ни волостеи роздавати, ни грамот давати... А без вины вам, князи, мужа волости не лишити, ни грамот не посужати..."

Однако в договоре впервые было записано: "Вечным граматам не быти", то есть Москва впервые потребовала ликвидации высшего новгородского органа власти. Как восприняли это требование новгородские послы, неизвестно; однако сохранилось оно только в московском экземпляре Яжелбицкого договора. И все же мир был восстановлен. Победитель и побежденные, как равные договаривающиеся стороны, "целовали крест" — ратифицировали договор, который не собирались долго соблюдать. Для Москвы он стал некоторой передышкой в борьбе за подчинение Новгорода; историкам известны грамоты, выданные от имени веча уже после Яжелбиц.

Судьба Новгорода была решена Иваном III (1462–1505). Новгородцы уже лишились пространства для маневра: обращаться за реальной помощью можно было только к сопернику Москвы — королю Польскому и великому князю литовскому Казимиру. В 1463 г. к нему отправилось новгородское посольство с жалобой о "возмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича". Русская земля стояла на пороге новой войны; но она не началась — очевидно, верх в Новгороде взяли сторонники "худого мира". В 1470 г. на новгородском столе оказался Михаил Олелькович — потомок Ольгерда Литовского. Его княжение было недолгим, но именно в это время "литовская партия" среди новгородских бояр решительно выступила против Москвы.

Дети покойного посадника Исака Борецкого и его вдова Марфа призвали новгородцев: "Не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиною его. Волныи есмы люди, Великы Новъгород. А московский князь велики много обиды и неправду над нами чинит. Но хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казиме-

ра". Вскоре был заключен договор: "честный король" обязался "всести на конь за Велики Новгород", то есть лично возглавить польско-литовскую рать. Переход под власть короля означал разрыв не только с Москвой, но и с вековой "стариной" признания прав великих владимирских князей.

Князья из Литвы приходили в Новгород не раз: в 1414 г. здесь княжил Иван Владимирович, дядя Михаила Олельковича, в 1435, 1445 и 1459 гг. — другой его родич, Юрий Семенович, сын Семена-Лугвеня, защитника Новгорода от Ливонского ордена. Михаил Олелькович был вассалом и родичем Казимира, но еще и двоюродным братом самого Ивана III. Однако теперь приглашение князя "из королёвы руки" стало для Москвы удобным предлогом для обвинения новгородцев заодно и в измене, и в склонности к "латинству".

И хотя Михаил уехал из Новгорода весной 1471 г., расплата не замедлила. В мае московские и псковские войска, действуя по согласованному плану, вышли в поход "пленующе и жгуще, и люди в полон поведуще". Последовали подряд четыре поражения новгородских войск; самое сокрушительное — на реке Шелони, где конница москвичей уложила на поле боя 12 тыс. новгородцев. Военный разгром в 1456 и 1471 гг. был неслучайным. На закате Средневековья Новгород не смог создать не только флота, но и современной профессиональной армии — боярской олигархии она была не нужна и даже опасна. Но в борьбе с поместной московской конницей громоздкое городское ополчение оказалось бессильным.

Новгородские послы даже не успели доехать до Казимира, когда все было кончено. Посадник Дмитрий Борецкий, а с ним еще несколько знатных "изменников" были казнены, другой посадник Василий Казимир и 50 "лутчих" новгородцев отправлены в московские тюрьмы. Зато "мелких людей" великий князь Иван III после побоища "велел отпущати к Новгороду" — он умел быть расчетливо милостивым.

Впервые "Господин Великий Новгород" официально признал себя "отчиной" великого князя, объявившего себя верховной судебной инстанцией в Новгороде.

Спустя несколько лет последовал новый поход великокняжеской рати. Но у богатейшей республики, никогда не знавшей междоусобных войн и татарских набегов, не осталось ни сил, ни воли к сопротивлению, хотя за 100 лет до того новгородцам удавалось отбиться от самого Дмитрия Донского и разгромить войско его сына Василия Дмитриевича.

К моменту последнего столкновения с Москвой в республике проявился раскол: "И разделишася людие — инии хотяху за князя (Ива-

на III), а инии за короля за Литовского". Рядовые новгородцы уже не рвались защищать боярское правление. Сами же бояре так и не смогли выступить в борьбе с грозным противником единым фронтом: одни стремились "заложиться" за Казимира Литовского, другие надеялись на компромисс с Москвой и сохранение своей власти и привилегий в обмен на признание Ивана III "государем".

"Новгородские посадницы [то есть посадники] и тысячские, купцы и житии люди, и мастеры всякие, спроста рещи плотници и гончары, и прочии, которыи родився на лошади не бывали, и на мысли которым того не бывало, что руки подняти противу великого князя, всех тех изменници они силою выгнаша; а которым бы не хотети пойти к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку Влъхов вметаху", — насмехался над усилиями бояр-"изменников" организовать сопротивление московский летописец. Но и его новгородские собратья также не смогли скрыть отсутствие единства у сограждан: "И всколебашася аки пьяни, и бяше в них непособица и многые брани, мнози бо велможи бояре перевет имеаху князю великому и того ради не изволиша в единомыслии быти, и всташа чернь на бояр, а бояри на чернь".

В итоге в студеном январе 1478 г. новгородская знать выслушала из уст Ивана III приговор: "Вечю колоколу в отчине нашеи в Новегороде не быти. Посаднику не быти. Волостем быти, селом быти, как у нас в Низовской земле". Последним днем республики стало 15 января: московские "дети боярские" и дьяки привели новгородцев к присяге своему государю.

Новгородскую "демократию" не стоит идеализировать: большинство населения города находилось в зависимости от боярских кланов, а окрестные крестьяне-смерды в политической жизни никак не участвовали. Но в боярской республике была создана сложная система "разделения властей"; население города участвовало (на уровне улиц, сотен, концов) в деятельности местных органов самоуправления. Археологи обнаружили остатки деревянных "палат" суда вместе с массой берестяных грамот о судебных спорах. Рядовые торговцы и ремесленники были грамотными и умели отстаивать свои права. "От Незнанка к Рюре. Собираешься ли платить 6 гривен? Если не собираешься, то поезжай (на суд) в город", — так корректно приглашал новгородец своего оппонента разрешить имущественный спор в начале XIII в.

Это было не худшее "наследство" республиканских порядков. Однако "собирание земель" Москвой "закрыло" новгородский, а затем и псковский "эксперимент" с вечевым "народоправством". После покорения Новгорода Иван III последовательно ликвидировал и саму

основу былых "вольностей". В 1480 г. был "поиман" архиепископ Феофил (умер в заточении в кремлевском Чудовом монастыре), а затем в несколько приемов конфискованы десятки тысяч гектаров светских и церковных вотчин. Их владельцы — бояре, "житьи люди", купцы — получили взамен земли в разных уголках Руси: "Жаловал их на Москве, давал поместья, и в Володимере, и в Муроме, и в Новегороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городом; а в Новгород в Великый на их поместья послал московских многих лучших гостей и детей боярских и из иных городов". Расправа с верхушкой новгородского боярства явилась демонстративным нарушением Иваном III данного им в 1478 г. новгородцам обещания не вмешиваться в боярские вотчины и не "выводить" бояр из Новгорода. Последние остатки новгородских прав исчезли после опричного погрома зимой 1570 г.

Подробнее на эту тему:

Алексеев Ю. Г. *"К Москве хотим": Закат боярской республики в Новгороде*. Л., 1991.
Лурье Я. С. *Две истории Руси XV века.* СПб., 1994.
Янин В. Л. *Новгородские посадники*. М., 1962.

1453 Шемяка против Темного

23 июля 1453 г. загнавший коня гонец, подьячий Василий Беда, привез в Москву весть: в Новгороде скоропостижно умер главный соперник московского великого князя Василия II, его двоюродный брат Дмитрий Юрьевич Шемяка. Подьячему с выразительным прозвищем за это известие был пожалован дьяческий чин. А для великого князя оно означало окончание многолетней войны, ставкой в которой была не только власть над всей Северо-Восточной Русью, но и направление развития государства.

Звезда Москвы

Начало XV столетия приходится на времена раздробленности, а к концу его уже было создано единое Московское государство. Но процесс этот шел не просто и не однолинейно. “Кто то знал, что Москве государством слыти?” — спрашивали в ту эпоху книжники и летописцы, осмыслявшие процесс объединения Северо-Восточной Руси “под рукой” московских князей. В учебниках можно прочесть, что Владимиро-Суздальское княжество уже в домонгольский период было сильнейшим среди русских земель. Именно здесь складывалась

тяжелая, но справедливая державная власть, которую затем унаследовала и приумножила Москва. Московские государи считали себя прямыми и единственными наследниками этой традиции, что отразилось в летописях конца XV–XVI в., где своему княжеству уделялось наибольшее внимание, а свои князья выглядели самыми сильными и мудрыми.

Однако в начале XIII в. столь же сильными, как владимирские, были князья черниговские и галицкие. На Киев претендовали также смоленские Ростиславичи. Их земли были богаче и превосходили Северо-Восточную Русь как по количеству крепостей, так и по числу крупных сел и городов.

Ситуация изменилась лишь после монгольского нашествия. Южнорусские княжества испытали слишком сильный удар, на Черниговщине многие поселения навсегда прекратили свое существование — сохранилось только два процента селищ домонгольской поры. После нашествия усилилось дробление, а крупного "столичного" княжества в Черниговской земле под непрерывным давлением Орды не сложилось. Галицкая держава располагалось между сильными соседями — Ордой, Литвой, Польшей и Венгрией, и необходимого "запаса прочности" ей не хватило. Смоленские князья еще в XIII в. истощили свои силы, претендуя разом и на киевский, и на новгородский столы. В итоге из четырех сильнейших в первой половине XIII в. княжеств два (Черниговское и Галицко-Волынское) в XIV в. прекратили существование, а их территории оказались в составе других государств — Польши и Великого княжества Литовского. Та же судьба постигла позднее Смоленск — он стал предметом спора между Москвой и Литвой.

У затерянной в лесной глуши Москвы особых преимуществ не было — ни плодородных почв, ни богатых промыслов, ни выхода к магистральным торговым путям. Пожалуй, его выгодно отличало только одно — относительное спокойствие. "Залесские" земли служили убежищем для беглецов как из Южной Руси, так и из разоренного ростово-суздальского ополья. Так, на службе у младшего из детей Александра Невского, первого московского князя Даниила Александровича (1276–1303), оказались основатели будущих знатных родов — боярин Федор Бяконт из Чернигова, Нестер Рябец из Киева и другие.

Их "люди" и слуги составили "кованую рать" и силу князей Москвы. А необходимость обеспечить содержание слуг толкало князей на войну за новые волости. Основу будущего могущества заложил Даниил Александрович: у Смоленского княжества он отнял Можайск, у Рязани Коломну, по завещанию бездетного племянника присоединил Пере-

славль-Залесский. Сын Даниила Юрий выпросил у хана выморочное Городецкое княжество.

Однако такими же преимуществами обладали и соседи Москвы — Тверь и Нижний Новгород. Ханы Золотой Орды сознательно сделали стол владимирских князей "старейшим" на Руси. Объявлялся своего рода конкурс: продемонстрировавший наибольшую надежность князь получал ярлык на великое княжение владимирское, а вместе с ним территорию великого княжения с ее городами и доходами — до появления еще более надежного претендента. За великокняжеский престол началась борьба.

> В лето 1307 князь Юрий выехал в Москву с Рязани, а осек была Таирова рать. В ту же осень князья Александр и Борис отъехали в Тверь из Москвы. В ту же зиму князь Юрий уби князя Константина Рязанского.
> В том же году великий князь Михаил Ярославич Тверской ходил второй раз с войском к Москве, со всею силою своею; был бой у Москвы, на память святого апостола Тита, и город не взяли, и не добившись ничего возвратились…
> В лето 1317 пришел из Орды князь великий Юрий Данилович на великое княжение, а с ним ханский посол Кавгадый. В том году князю Ивану Даниловичу родился сын, месяца сентября в 7 день, и назван был князем Семеном. В ту же зиму князь великий Юрий Данилович приходил с большим войском к Твери, у Бортенева был великий бой, сеча злая, и помог бог тверичам, победил князь Михаил, и побили московскую рать, а иные разбежались, а князя Бориса — в плен взяли и Кончаку княгиню Юрьеву. Повели их в Тверь, и там была отравою уморена Кончака, княгиня великая Юрьева, ханская сестра, названная в святом крещении Агафия…
> В лето 1325 пошел в Орду князь великий Дмитрий Михайлович. В ту же зиму, месяца ноября в 21, на память честного введения святой Богородицы, князь Дмитрий Михайлович Тверской убил в Орде великого князя Юрия Даниловича, и привезли его в Москву и положили его в церкви святого Михаила.
>
> (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 352–357)

Тверской князь Михаил Ярославич (1305–1318) первым принял титул великого князя всея Руси. Именно в Твери был построен первый после нашествия каменный собор, а в 1305 г. составлен общерусский летописный свод. Несколько десятилетий продолжалась борьба тверских и московских князей за гегемонию на Руси. Юрий Данилович соперничал с Михаилом Тверским за великое княжение и добился его в 1317 г., взяв

в жены ханскую дочь. Задиристого московского князя убил в Орде сын казненного татарами Михаила Ярославича, за что сам поплатился жизнью. Престол вновь перешел к тверскому князю Александру Михайловичу, но ненадолго. В 1327 г. произошло решающее событие в противоборстве московских и тверских князей. В Твери вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани, к которому после некоторых колебаний присоединился и Александр Михайлович. Его соперник Иван Калита шанса не упустил: он поспешил в Орду, откуда явился с монгольскими отрядами и жестоко опустошил Тверскую землю. Тверской князь бежал сначала в Псков, затем в Литву. Силы Твери были подорваны, а Иван Калита получил ярлык на великое княжение владимирское, сбор дани был передан в его руки.

Осторожный князь Иван Данилович (1325–1340) пять раз ездил с богатыми дарами в Орду и сумел закрепить за собой и своими детьми великое княжение владимирское. Руками хана он в 1339 г. устранил главного соперника, Александра Михайловича Тверского, и выпросил у повелителя Орды в пожизненное владение Углич, Галич и Белоозеро, обязавшись вовремя выплачивать дань с этих земель.

> Московские воеводы выколачивали дань умеючи. После пожалования в 1328 г. Ивану половины Ростовского княжества они "принесли великое несчастье в город и всем живущим в нем, и многие гонения в Ростове умножились. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали, а сами вместо этого удары по телам своим с укором получали и с пустыми руками уходили, являя собой образ крайнего бедствия, так как не только имущества лишались, но удары по телу своему получали и со следами побоев печально ходили и терпели это. Да к чему много говорить? Так осмелели в Ростове москвичи, что и самого градоначальника, старейшего боярина ростовского, по имени Аверкий, повесили вниз головой, и подняли на него руки свои, и оставили, надругавшись. И страх великий объял всех, кто видел и слышал это, — не только в Ростове, но и во всех окрестностях его".
>
> Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 288–290)

Технология сбора дани была оборотной стороной той самой "тишины велией по всей земли", о которой писал неизвестный книжник в похвале деловому князю: "Сии бо князь великои Иоан имевше правыи суд паче меры… В то бо время благочестию велию восиявши, многим святым церквам съзидаемым". И это тоже правда — во всяком случае отчасти: первые каменные храмы Москвы заложил именно Калита.

Хозяйственный князь покупал и "примысливал" даже отдельные села в соседних княжествах. При Калите в Московском княжестве появилась новая торговая пошлина с татарским названием "тамга", представлявшая часть от стоимости проданного и купленного товара. Московские князья привлекали в Москву и крестьян, и воинов из окрестных земель, разоренного Владимира и самой Твери. Так на московской службе оказались бояре Годуновы, Романовы, выходцы из Литвы (князья Голицыны, Хованские) и ордынские "царевичи". С 1326 г. князь переманил из разоренного Владимира митрополита, и Москва стала церковной столицей Руси, а глава церкви получил обширные владения и целый город — Алексин. Своим детям Калита завещал систему совместного управления и получения доходов с Москвы и ее окрестностей по "третям", что исключало дробление и войны за обладание крупнейшим экономическим центром.

Сын Калиты Семен Иванович Гордый (1340–1353) за 13 лет княжения побывал в Орде шесть раз, и недаром: в обмен на лояльность он получил рязанские владения на левом берегу Оки, присоединил к территории великого княжения Юрьевское княжество, подчинил себе смоленского князя.

Накопленный в правление Ивана Калиты и его детей потенциал позволил внуку Дмитрию Донскому (1359–1389) сохранить за собой великое княжение: при Дмитрии оно сливается с собственно московскими землями, к которым присоединяются Галич, Дмитров, Белоозеро. Московские бояре и слуги были заинтересованы в этом процессе: они становились воеводами, судьями и наместниками на территории великого княжения и здесь же получали новые пожалования-вотчины. Вслед за ними на московскую службу потянулись владельцы мелких уделов и прочие "вольные слуги". В 1366–1367 гг. Москва получила новые укрепления — белокаменный Кремль, трижды (в 1368, 1370 и 1372-м) выдержавший осады литовских войск князя Ольгерда, союзника главного противника Москвы, тверского князя Михаила Александровича.

За шесть лет до Мамаева побоища, после княжеского съезда в Переславле-Залесском, Дмитрий Иванович прекратил выплату дани в Орду, а затем в 1375 г. провел совместный поход против Твери, и тверской князь признал себя его вассалом. Москве удалось создать и возглавить союз северо-восточных русских княжеств — это была главная историческая заслуга князя Дмитрия, его бояр и митрополита Алексия. То же самое произошло в западной части бывшей Киевской Руси под эгидой литовских князей. В 1362 г. Ольгерд во главе коалиции сил юго-западных княжеств разбил монголов в битве на Синих Водах (ныне речка Синюха, приток Южного Буга), освободил земли Подолии, Киевско-

го, Черниговского и Новгород-Северского княжеств от ордынской зависимости, раздвинув границы своего государства до берегов Черного моря.

Возвышение Москвы не смогли остановить ни поход хана Тохтамыша и сожжение города в 1382 г., ни возобновление выплаты ордынского "выхода". Дмитрий Донской не только сохранил за собой великое княжение, но накануне смерти в 1389 г. передал его своему сыну Василию Дмитриевичу (1389–1425). Хан Тохтамыш с этим согласился не по доброте душевной: просто у московского князя больше не было в Северо-Восточной Руси соперника достаточно сильного, чтобы решить вопрос иначе.

В 1392 г. Василий Дмитриевич захватил Нижний Новгород, фактически выторговал его у хана, отчаянно нуждавшегося в средствах для войны с другим завоевателем — Тимуром. Не слишком воинственный князь тихой сапой подчинил Муром, Городец, Мещеру, Тарусу, Ржеву. Василий попытался — правда, неудачно — контролировать и Великий Новгород: в 1397 г. его войска захватили старинную новгородскую волость — Двинскую землю. С 1399 г. Псков стал принимать князей "от руки" великого князя, а рязанский князь по договору 1402 г. отказался без согласия Москвы вступать в какие-либо отношения с Литвой. Где-то в начале XV в. появился великокняжеский и царский венец — знаменитая шапка Мономаха, символизировавшая преемственность власти московских князей от византийских императоров. Искусствоведы до сих пор спорят о ее происхождении: по одной версии, она была изготовлена в Орде восточными мастерами, по другой — в московских мастерских по византийским образцам.

Деревня и город Руси

Мирные и насильственные присоединения московских князей подробно описаны в учебниках, как и конфликты Москвы с Ордой или Литвой. При этом в тени остается тихая повседневная практика создания нового "образа жизни" на просторах Северо-Восточной Руси и порядка, который шел на смену домонгольским обычаям взаимоотношений власти и подданных.

Именно в это время на Руси постепенно меняется культурный ландшафт. Вместо больших прибрежных поселений появились разбросанные на значительном расстоянии деревеньки. Обиход в деревне XIV в. стал беднее по сравнению с домонгольским временем: почти исчезли металлические украшения, стеклянные бусы и импортные то-

вары — Русь переходила к натуральному хозяйству. Такая "перестройка" происходила не только в центре, но и в северных землях, не затронутых монгольским нашествием. Ее вызвали внутренние причины: климат в XIII–XIV вв. стал более холодным и влажным — трудно стало пахать в поймах и на низких террасах рек. Постепенный рост населения и исчезновение ценной пушнины сокращали возможности промыслов и торгового обмена. Выход был один — отрывочные сведения из сохранившихся грамот сообщают, что в XIV в. возобновляется освоение новых земель под пашню, впервые упоминаются водяные мельницы и новая культура — гречиха. Спокойные "залесские" земли привлекали переселенцев из разоренной Южной Руси. На новых местах появлялись деревни и слободы. До XVII в. средневековая община обычно состояла из села (5–10 дворов) и тяготевших к нему 15–20 деревень (по 2–4 двора).

Крестьянская община существовала и на Западе. Там в условиях развития городов и товарно-денежных отношений господа предпочитали получать устойчивую денежную ренту и предоставляли мужикам-вилланам хозяйственную самостоятельность. Недостаток свободных земель заставлял крестьян интенсифицировать свой труд и приспосабливаться к условиям рынка. В XVI в. уже появились настоящие фермеры, скупавшие землю или арендовавшие ее у сеньора. Такой путь развития стимулировал появление частной собственности на землю. Крестьянская община существовала еще долго: обеспечивала соседям пользование угодьями и форму местного самоуправления — для защиты от рыцаря-разбойника, для содержания приходской церкви или школы. Но она не регулировала повседневную экономическую жизнь крестьянина.

В нечерноземной Северо-Восточной Руси рабочий сезон крестьянина был коротким — с мая по сентябрь, в то время как во Франции и Англии на полях не работали лишь в декабре и январе. Бедные почвы и худшие климатические условия обеспечивали низкие урожаи — четыре-пять центнеров с гектара (во Франции — в два раза больше). Хорошим урожаем в Нечерноземье считался "сам-четыре", но при этом около четверти урожая предстояло отдать в виде оброка землевладельцу, а каждый седьмой-восьмой год был в средневековой Руси неурожайным. Особенно тяжело приходилось, когда неурожай совпадал с эпидемией или эпизоотией, как, например, в 1309 г.: "Мор на люди и на кони и на скот; мышь поела рожь и овес, и пшеницу, и всяко жито". Тогда даже в скупых строках летописей прорывалось отчаяние: "О, горе бяше… по торгу трупие, по улицам трупие, по полю трупие, не можаху псы изъедати человецы".

В таких условиях крестьянин со своим неустойчивым хозяйством постоянно нуждался в поддержке общины. Возник обычай крестьянских "*помочей*" во время страды, при постройке новой избы, на содержание сирот, вдов, увечных и стариков. Община же была жизненно заинтересована в том, чтобы в ней не было нищих, чтобы все земли и сенокосы использовались максимально эффективно, для чего их надо было перераспределять. В деревне начались "*поравнения*" — передел земель между общинниками в зависимости от количества работников в семье. Русская крестьянская община постепенно стала приобретать важные отличия от западной; пройдет время, и в ней исчезнет частная собственность на землю.

В XIX в. получившие университетское образование господа рассуждали о соборности (в смысле христианского единства, противостоящего как западному индивидуализму, так и социалистическому коллективизму) и нравственности природы мужика. Их оппоненты веровали в особую склонность того же мужика к социализму. Вот только мужик об этом не подозревал, что стало сюрпризом и для тех, кто пошел "в народ" звать его "к топору", и для умилявшихся верности народа "престол-отечеству".

Утверждение общинной собственности на землю произошло не само собой и не в силу особого "русского духа". В XV в. общинник еще мог свой участок продать соседу или человеку со стороны, хотя и с согласия односельчан и с условием несения тех же повинностей (*тянуть тягло*), что и прежний хозяин. Но чем больше требовал от мужиков вотчинник, чем сильнее давил налогами князь, тем больше следила община, чтобы "тягло" несли все поровну.

Князья же в это время раздавали земли светским и духовным слугам. Получавшие новые владения (относительно небольшие вотчины) слуги стали называться "детьми боярскими". Во второй четверти XV в. они уже предстают сплоченной общностью воинов, состоявших на службе великого князя Московского Василия II Темного. Среди них были потомки князей (например, утратившие титул Волынские, Ржевские), обедневшие бояре (Аксаковы, Апраксины, Румянцевы), совсем незнатные вотчинники и даже выделившиеся из общины и поступившие на княжескую службу крестьяне (Касаговы, Нелидовы-Ракитины) и слуги бояр (Козодавлевы).

В XV в. городовые корпорации детей боярских принимали участие во всех важнейших военных акциях московских князей: они защищали Василия II от родственников во время борьбы за московский стол, сражались с татарами и литовцами. Их было не очень много: в сражении с татарами 7 июля 1445 г. под Суздалем участво-

вало 1,5 тыс. воинов, в 1456-м против Новгорода Василий II послал пятитысячную рать.

Уровень экономического развития страны был невысок: в обычном княжестве XIV в. было два-три города, в то время как в Германии в XIV–XV вв. появились сотни новых городов. В Москве только в XIV в. появились объединения купцов, торговавших со странами Средиземноморья ("гости-сурожане", известны с 1357 г.), Литвой и "немцами" ("суконники", известны с 1382 г.), в Вильно, Риге и Дерпте находились русские кварталы. У "гостей" занимали крупные суммы даже князья, а иные купцы становились в Москве видными администраторами, как Василий Ховрин — "гость да и болярин великого князя". Вместе с "гостями" городскую общину составляли "черные люди", объединенные в сотни и слободы, во главе их стояли купеческие старосты, участвовавшие в суде вместе с княжеским наместником.

Но в русских городах так и не произошла "коммунальная революция" — создание собственного самоуправления и суда. Представителем городской общины перед князем был тысяцкий. В первой половине XIV в. его власть в Москве была настолько велика, что в договоре Семена Гордого с братьями для тысяцкого отведено место тотчас после великого князя. Назначал тысяцкого князь, но это не мешало тысяцким при поддержке бояр и горожан становиться силой, с которой приходилось считаться, тем более что тысяцкие стремились передать свою должность по наследству. В Твери она сделалась наследственной в роде Шетневых, в Москве — в руках бояр Хвостовых и Воронцовых-Вельяминовых. В Москве в XIV в. вокруг этого поста началась борьба.

В 1356 г. старый московский тысяцкий, боярин Алексей Петрович Хвост, был убит. "Убиение же его произошло как-то удивительно и непонятно, — рассказывает летописец-современник, — точно он был убит неведомо от кого и неведомо кем, только оказался лежащим на площади, некоторые говорят, что на него втайне составили заговор и приготовили западню, и так от всех бояр общею думою был убит". Загадочное убийство вызвало срочный отъезд из Москвы на Рязань "больших бояр" и "мятеж" на Москве.

Должность была опасной для княжеской власти. Не случайно Дмитрий Донской решил ее упразднить. Оскорбленный сын умершего тысяцкого Василия Вельяминова Иван в 1375 г. бежал в Тверь и получил в Орде для тверского князя Михаила Александровича ярлык на великое княжение владимирское, что вызвало новую московско-тверскую войну. Вельяминова же схватили "хитростью", привезли в Москву и публично казнили: "Множества народа стояще, и мнози прослезиша о нем и опечалишася о благородстве его и о величествии

его". Можно предположить, что за Вельяминовым и Некоматом стояла группа гостей, для которых мир с Золотой Ордой был чрезвычайно важным. Однако рядовые горожане скорее теряли от уничтожения должности тысяцкого, связанного с посадом и защищавшего его права и интересы.

Загадка Дмитрия Шемяки

Во второй четверти XV в. в Москве вспыхнула война между сыном Василия Дмитриевича Василием II (1425–1462) и его дядей, князем звенигородским и галичским Юрием, и его детьми Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. Юридической основой спора, приведшего к войне, были духовные грамоты Дмитрия Донского, "приказывавшего" свою отчину "всем детем своим" — Василию, Юрию и другим, и противоречившее им завещание Василия I, отдававшее Москву и "великое княженье" не братьям, а сыну Василию II.

Дважды князь Юрий Дмитриевич лишал соперника московского стола. В 1434 г. Василий II бежал в Новгород, оттуда в Тверь, но поддержки не встретил нигде и даже собирался… уйти в Орду. Его счастливый соперник уже чеканил монету с изображением всадника, поражающего змия (будущий московский герб), но внезапно умер. Неудачливый Василий II вернул себе столицу только с помощью сына своего врага — Дмитрия Шемяки. Серия сражений окончилась разгромом Василия Косого. Но Василий Васильевич не чувствовал себя бесспорным главой государства, о чем свидетельствует хотя бы чеканка "деньги" от имени двух "великих князей" — его и двоюродного брата Дмитрия, ставшего в 1444 г. новгородским князем.

В 1445 г. Василий II вновь был разбит, на этот раз войском казанского царя, попал в плен к татарам и обязался выплачивать огромный "окуп". Тогда Дмитрий Шемяка в 1446 г. вновь захватил Москву, он выколол Василию глаза и взял с него "проклятую грамоту" об отказе от великого княжения. И вновь свергнутый и слепой князь сумел объединить своих сторонников: в декабре 1446 г. его отряд захватил Москву, а в следующем году Василий II вернул себе великое княжение. В 1450-м начался заключительный этап долгой борьбы: великокняжеское войско двинулось на столицу Шемяки — Галич. Дмитрий отправил жену и детей в Новгород. Будучи наголову разбит, он все-таки не сложил оружия: Новгород по-прежнему признавал Шемяку великим князем, и еще несколько лет его отряды действовали на Севере, захватили и удерживали Устюг, воевали с Тверью.

В июле 1453 г. проклятый церковью Шемяка умер в Новгороде. Ссылаясь на "людскую молву", независимая Ермолинская летопись сообщала, "что будто со отравы умер, а привозил с Москвы Стефан Бородатый" — дьяк Василия II. Стефан передал зелье "Исаку посаднику, а Исак деи подкупил княжа Дмитреева повара именем Поганка, тот же даст ему зелие [то есть яд] в куряти".

Спустя 500 с лишним лет версия убийства подтвердилась: исследование мумифицированных останков князя показало, что Шемяка был отравлен соединениями мышьяка. Проигравший враг Москвы стал Новгороду не нужен. По иронии судьбы непримиримого противника Василия отправил на тот свет посадник Исак Борецкий, чья жена Марфа и сын Дмитрий будут отстаивать независимость Новгорода от сына победителя в этой драме.

Вплоть до XX в. основным направлением русского исторического процесса считалась борьба между мудрыми строителями государства и сторонниками раздробленности — "удельно-княжеской оппозицией". При этом историки постоянно опирались на традицию, сложившуюся в XVI в., когда летописцы рассматривали события прошлого века с позиции победителя.

Но так ли уж справедливо утверждение В. О. Ключевского, что "все русское общество… духовенство, князья, бояре и другие служилые люди решительно стали за Василия"? Ведь известно, что в 1446 г. московские торговые люди были на стороне Шемяки. Клан Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки действительно часто опирался на торгово-ремесленные посады Севера России — на мужиков-солеваров, по выражению А. А. Зимина. Именно на Севере — в Галиче, Вятке, Устюге — тогда развивалась соледобывающая промышленность, существовало свободное крестьянство и намечались пути, осторожно скажем, предбуржуазного развития России.

В одной из последних своих книг замечательный историк русского Средневековья Александр Александрович Зимин выделил "три тенденции, или силы, поступательного развития. Первая — Новгород и Тверь, которые богатели на транзитной торговле с Западом и Востоком. Как в торговле, так и в политике они балансировали между другими странами и землями. Вторую силу составляли Север и отчасти Поволжье, точнее, Галич, Вятка, Углич и Устюг. Север во многом еще смотрел в далекое прошлое, грезил о золотых временах безвластия. В варварстве северян был один из источников их силы. Север и Поволжье этнически были не чисто русскими землями, а многонародными, имперскими. Кто знает, кого там жило больше — русских или пермяков, удмуртов или мари, чувашей

или мордвы. Их язычество еще было достаточно сильно и враждебно казенному православию. Северу была присуща ценность, которой не знала Москва, — любовь к свободе…

Третья сила — хлебородный Центр с его холопьей покорностью властям и благочестивостью бессловесной паствы... Его средоточию — Москве — суждено было одержать победу в борьбе за единство Руси. Ключ к пониманию этого лежит в особенностях колонизационного процесса и в создании военно-служилого войска (Двора)… Ненасытные бояре и дети боярские, обнищавшие князья-изгои и пролезавшие в щели ветхого великокняжеского дворца дьяки ждали своего времени, будучи готовы на все, с тем чтобы получить землицу, а еще лучше — варницу за участие в походах великого князя против его недругов… "Оставя грады и домы" служилые князья, бояре и дети боярские создали ядро войска, для которого война стала делом всей жизни… Стоял вопрос, по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому?

(Зимин А. А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 200–204, 209)

В то же время другие специалисты скептически оценивают шансы "победы" торгово-ремесленных посадов и свободного крестьянства русского Севера над московским военно-служилым и землевладельческим Центром.

(Панеях В. М. Панорама истории России XV–XVI вв. А. А. Зимина // Отечественная история. 1992. № 6. С. 79)

Трудно разделить участников этой войны на "сторонников феодальной раздробленности" и "проводников централизации". Отец Ивана III не был борцом ни против уделов, ни за освобождение от ордынского ига. Напротив, в столкновениях с Юрием Дмитриевичем, а затем с Шемякой Василий Васильевич не раз опирался на помощь хана. Новгородские летописи сообщают, что успех заговора против Василия II был обусловлен его неудачей в борьбе с татарами и сбором огромного выкупа, дабы выручить Василия II из ордынского плена. Дмитрий Шемяка и его союзники схватили великого князя и ослепили его с обвинениями: "Чему еси татар привел на Рускую землю, и городы дал еси им, и волости подавал еси в кормление? а татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и сребро и имение даешь татаром".

Противники московского князя были энергичными правителями и полководцами. Они не выступали за возвращение к временам раз-

дробленности и, в отличие от Василия II, стремились к борьбе с Ордой, хотя, когда ситуация вынуждала, за помощью к "царю" Мамутяку обращался и Шемяка. Юрий и его дети яростно сражались за Москву, но скорее стремились восстановить "старину" в виде федерации самостоятельных княжеств под московским руководством и опирались на свои "дворы" и свои провинциальные земли. Дмитрий Шемяка даже успел воссоздать на короткое время ликвидированное Василием I Нижегородско-Суздальское княжество. Потеряв Галич, он пытался создать особое, союзное с Новгородом государство на севере страны с центром в Устюге.

Во всяком случае, на Руси были люди, которые так мыслили. Составленный в 1430-е гг. в Новгороде или Смоленске летописный свод (Новгородско-Софийский) имел общерусский характер. Его главная идея — единство Русской земли и ее князей в борьбе с ее внешними врагами, осуждение внутренних раздоров и усобиц. Свод подробно рассказывал о тверском восстании против татар в 1327 г., Куликовской битве, ее герою посвящено "Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского". Но вместе с тем летописец постоянно напоминал о правах новгородцев "вводить" к себе князей и "показывать им путь", если они не соблюдают новгородский "наряд" (то есть порядок, устройство), хвалил мужество тверских и смоленских князей, осуждал предательство Олега Рязанского во время Куликовской битвы. Отмечая заслуги Москвы, он признавал права и независимость отдельных земель, подчеркивал необходимость соблюдения князьями договоров.

В Москве XIV — первой половины XV в., в отличие от западноевропейских королевств, не было выработано правового порядка передачи власти ни по прямой нисходящей линии, ни по "очередной системе" — старейшему в роде. В XIV в. воля хана была законом, спустя 100 лет уже можно было обойтись без нее. В борьбе соперники использовали разные формы легитимизации власти: опору на старейшинство, передачу власти по наследству и по завещанию, а также путем завоевания, дворцового переворота, приглашения на престол, обращения к хану. В такой борьбе могла родиться новая правовая формула монархии, твердый порядок престолонаследия, но этого не произошло: в московском обществе не нашлось ни политического лидера, ни сил, которые бы смогли утвердить новые представления об устройстве государства. Победила в итоге "вотчинная" традиция, когда государь-отец делит государство на уделы с преимуществом для старшего сына.

Не слишком удачливый, хотя и храбрый Василий II победил потому, что за ним пошел "государев двор" — военно-административная кор-

порация знатных и незнатных слуг московских князей. В завещании Ивана Калиты среди прочих встречается распоряжение: “А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Воръкову, аже имет сыну моему которому служити, село будет за ним, не имет ли служити детем моим, село отоимут”. Неведомый Бориска стал одним из первых русских помещиков, владевших землей только при условии пожизненной и безусловной военной службы. Хитрый князь одним из первых оценил преимущества поместного землевладения.

Эти люди в той или иной мере способствовали принципиальному изменению политического порядка — смене вольной личной службы личной зависимостью всех служилых людей. В последней четверти XV столетия начала создаваться поместная система: на место сравнительно небольшого числа привилегированных вотчинников и их вассалов выдвинулись десятки тысяч помещиков, сидевших на государственной земле (нередко конфискованной у князей и бояр) и обязанных постоянной и безусловной службой своему государю.

Новгород и Тверь, занятые внутренними делами, не вмешивались в борьбу Василия II и Юрия Дмитриевича. Новгородцы по очереди принимали к себе проигравших князей — сначала Василия, потом Дмитрия. Тамошние летописцы с некоторым превосходством описывали московские неурядицы: “Князь Василей выбежа во Тферь, и приехаша к нему князи и бояри и татари, и слышав князь Дмитрий и князь Иван Можайский, и выехаша за Волгу и Галич и на Кострому и на Вологду, и стоаху [стояли] противу себе о реце о Волге, а новгородци не вступишася ни по едином, а землю Русскую остаток истратиша, межи собой бранячися”.

Скоро новгородцам пришлось расплатиться за близорукость: в 1456 г. многочисленное, но нестройное новгородское ополчение было разгромлено профессиональной московской конницей. Статья Яжелбицкого договора 1456 г., подписанием которого завершилась эта война, предписывала “Великому Новугороду… Ивана Дмитреевичя Шемякина и его детей, и его матери княгини Софьи и ее детей и зятьи Новугороду не приимати”.

Поражение Новгорода в 1456 г. стало поворотным моментом в его отношениях с Москвой. Но, кажется, тогда бояре этого не поняли. Они “сдали” Василию жену и детей Шемяки, как тремя годами ранее его самого, выплатили огромную контрибуцию и успокоились. В 1478-м сын Василия II без особой борьбы ликвидировал новгородскую независимость. В 1485 г. настала очередь Твери, столь же напрасно полагавшейся на союз с Литвой и помогавшей Москве в войне с Новгородом.

Наконец, был еще один, никем не планируемый результат многолетней усобицы. Как полагается во время гражданской войны, великие и удельные князья "и воевали, и грабили, и полон имали", людей "безчислено пожигали", "в воду пометали", "иным очи выжигали, а иных младенцев, на кол сажая, умертвляли". Татары продолжали опустошительные набеги "до самого рубежа Тверского". Жителей разоренных городов и сел пугали "лютая зима", "великий мор", частые неурожаи: "Мнозе от глада падающе умираху, дети пред родители своими, отцы и матери пред детьми своими; и много разидошася: инии в Литву, а инии в Латиньство, инеи же бесерменом и жидом ис хлеба даяхуся [то есть продавали себя в холопство] гостем".

В этих испытаниях потихоньку исчезли городские вечевые собрания. Судя по междукняжеским договорам, князья имели право посылать своих наместников в города, чтобы "очищать холопов наших и сельчан", то есть возвращать ушедших в город подданных. Этим русские "посады" отличались от развитых центров Западной Европы, где "городской воздух делает свободным": по прошествии года и одного дня проживания в городе человека нельзя было вернуть в зависимость от прежнего владельца. Последующее "собирание земель" в одном Московском государстве завершило этот процесс, уничтожило почву, на которой могли действовать вечевые институты. Как писал А. А. Зимин, "градус несвободы повысился". И все же в конце XV — первой половине XVI в. самодержавие не могло существовать без "земства" и местного самоуправления — у него еще не было армии солдат и чиновников. Самодержавно-крепостнический путь развития еще не был предопределен.

Подробнее на эту тему

Борисов Н. С. *Иван Калита*. М., 1995.

Зимин А. А. *Витязь на распутье: феодальная война в России XV в.* М., 1991.

Кривошеев Ю. В. *Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.* СПб., 1999.

Лурье Я. С. *Две истории Руси XV века*. СПб., 1994.

Пашуто В. Т. *Голодные годы в Древней Руси* // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964.

1564 Опричнина против земщины

В воскресенье 3 декабря 1564 г. Москва застыла в недоумении. Царь по обычаю уезжал в Коломенское праздновать Николин день. Но на сей раз царский "подъем" был совершенно необычен. Царь забирал с собою не только "святость" — иконы и церковную утварь, но и всю свою казну и даже объемистую "либерею" (библиотеку). Избранные бояре, ближние дворяне и приказные получили распоряжение следовать за государем с женами и детьми. Сопровождать гигантский царский поезд из двух сотен подвод должна была отборная дворянская конница "со всем служебным нарядом". Ясно было, что "богомолье" предстоит из ряда вон выходящее. Царь что-то затевал, но даже маршрут поездки держался в сугубой тайне.

Объяснение появилось ровно через месяц. 3 января 1565 г. из Александровской слободы, где обосновался государь, пришло его послание митрополиту Афанасию, немедленно оглашенное на импровизированном Земском соборе. Свой отъезд царь объяснял "гневом" на "государевых богомольцев" — церковных иерархов, а также бояр, детей боярских и всех приказных людей. Царь подробно "исчислял" "измены боярские и воеводские и всяких приказных людей". Бояре и воеводы, если верить царю, растаскивали казну и присваивали государевы земли, а оборонять страну от крымских татар, Литвы и "немец" вовсе не желали. Вина церковных иерархов состояла в том, что

они заступались за тех неугодных царю слуг, которых он хотел "поналказать". В завершение послания царь объявлял, что "не хотя их многих изменных дел терпеть, оставил свое государство" и поехал поселиться, где "его, государя, Бог наставит". Одновременно в особой грамоте торгово-ремесленному люду столицы Иван IV писал "чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет".

В совокупности послания Ивана составляли очевидный единый ультиматум. Городская чернь натравливалась на верхи общества и после оглашения царского послания выразила полную готовность собственноручно царских "изменников" истребить. Условия ультиматума были немедленно приняты. В тот же день митрополит Афанасий послал в слободу депутацию с соборным приговором, предлагающим царю править страной "как ему, государю, годно".

5 января царь принял в слободе московскую депутацию, сообщил ей о милостивом согласии вернуться к управлению государством, но на особых условиях, а именно "учинить ему на своем государстве себе опричнину". Опричное (особое, личное царское) войско послужило инструментом установления неограниченного самовластия. Путь построения сословно-представительной монархии, начатый реформами предшествующего десятилетия, был отвергнут.

Земское строение

21 июня 1547 г. в Москве случился страшный пожар, какого прежде не бывало. Загорелось на Арбате в церкви Вознесения, при сильном ветре занялся весь западный посад до Москвы-реки, потом огонь перекинулся на Кремль и Китай-город, а там и на большой посад вдоль Покровки. Унять огонь не было никакой возможности. Выгорело пол-Москвы, погибших насчитали более 1,5 тыс. В Кремле задыхались от дыма. Царю ничего не оставалось, как бежать в село Воробьево.

26 июня в Кремле на площади у Успенского собора бояре опрашивали рядовых горожан — "черных людей" — о причинах несчастья. В толпе поднялся крик, что город подожгли Глинские. Будто бы княгиня Анна Глинская "со своими детьми волховала, вынимала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, ездя по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела". Среди бояр, наряженных вести следствие, стоял на площади и князь Юрий Глинский. Почуяв недоброе, он бросился спасаться в собор, толпа кинулась за ним, выволокла из собора и побила камнями на площади. Труп его бросили вне Кремля

на торжище, где казнили преступников. Народ начал громить дворы Глинских, перебил их слуг, а заодно досталось и многим государевым дворянам, некоторые из них, впрочем, сами участвовали в погроме. На третий день толпа, собранная городским палачом, пришла в царскую загородную резиденцию. Ближним боярам с трудом удалось успокоить ее, убедив, что Глинских в Воробьеве нет. Через день мятеж в городе улегся.

Никаких требований, никакой программы, кроме истребления Глинских, бунтовщики не выдвигали, отчего современные историки-социологи называют июньское восстание в Москве "примитивным бунтом". Но примитивный бунт не был бессмысленным. Пало правительство Глинских, а с ним вместе окончилась эпоха "боярского правления". В годы малолетства Ивана IV, особенно после кончины в 1538 г. матери царя Елены Глинской, реальная власть неоднократно переходила от одного боярского клана к другому: в 1539-м Бельские свергли Шуйских, в 1542-м Шуйские — Бельских, в 1544-м близ царя утвердились Глинские. Временщики стремились не упустить момент и извлечь для себя как можно больше выгод, растаскивали казну, обзаводились вотчинами... Вовлекая великого князя в свои склоки, фавориты Ивана баловали, потакали всем его капризам, и он стал предаваться диким и неистовым "потехам". В двенадцать лет он развлекался, сбрасывая с колоколен кошек и собак, с четырнадцати начал "человеков ураняти".

Самовластное хозяйничанье соперничающих боярских кланов больно отражалось на рядовых обывателях. Вся система государственной администрации, созданная в правление Ивана III и Василия III, опиралась на местнический принцип организации служилого сословия. Служебное старшинство боярина определялось его "местом" в собственном роде и "местом" его рода среди других родов. Дети, племянники и внуки одного боярина должны были находиться на службе в таком взаимоотношении с потомками другого, в котором когда-то служили их предки. "Отеческая честь" зависела от происхождения, но ее необходимо было поддерживать службой. Поэтому бегство с поля боя или отъезд в Литву одного представителя семьи могли привести весь род к царской опале и "закосненью", то есть род оказывался на задворках местнической иерархии. Честь рода определялась прецедентами, поэтому нельзя было пропустить "невместное" назначение, от этого была "поруха" всему роду. Нередко бывали случаи, когда назначенный в поход боярин отказывался выступать под командой менее "честного" воеводы. Верховным судьей в местнических спорах был сам государь, который до известных пределов мог "высить"

род своим благоволением. Когда наверху властной пирамиды оказывался слабый, малолетний великий князь, административная система начинала давать сбой. К 1547 г. административная и военная организация страны в результате олигархических склок была сильно расшатана. Власть не могла даже обеспечить надежной защиты от набегов своевольных татарских мурз. По сообщению иностранного путешественника, в одном только 1551 г. в Казани продавалось на невольничьем рынке до 100 тыс. пленников из Московии (все население страны, по расчетам демографов, не превышало тогда 6 млн человек). Московский бунт, а подобные мятежи происходили и в других городах, ясно показал, что требовалось немедленное и энергичное "устроение" Московского государства.

В понятиях того времени настроения, царившие в Москве после июньского пожара и бунта, описывались как всеобщее "покаяние". Необходимо иметь в виду, что покаяние означало не только христианское таинство, но и отказ от прежней, дурной, греховной жизни и сознательный переход к лучшей, праведной. В этом смысле следует понимать сообщение Степенной книги о том, что сам "благочестивый царь" и "вельможи его до простых людей все сокрушенным сердцем... греховные дела возненавидев", "умилились и на покаяние уклонились".

В правительственной среде нашлись люди, которые давно замышляли реформы. В 1548 г. к власти приходит неформальный кружок администраторов во главе с Алексеем Федоровичем Адашевым, который иногда историки называют "избранной радой". Название это неудачно во многих отношениях. Оно впервые было пущено в оборот князем Андреем Курбским в "Истории о великом князе Московском", сочиненной после многих лет жизни беглого воеводы в Польше, где он усвоил многие польско-литовские политические термины. Разумеется, на Москве не пользовались словом "рада", и само понятие, определяющее политический институт Польско-Литовского государства, едва ли в данном случае применимо. Кружок реформаторов был сугубо неформальным и не составлял правительства, облеченного ясно очерченными полномочиями. Правильнее говорить, видимо, о фактическом правительстве, душой которого был Алексей Адашев при формальном "председании" царя. Помимо Адашева, в этот ближний круг входили священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, посольский дьяк Иван Висковатов, бояре Захарьины-Юрьевы. Вопреки распространенному заблуждению Андрей Курбский не входил в этот правительственный кружок, "воинский чин" в нем представляли бояре Иван Шереметев и Михаил Воротынский.

Правительство должно было разрешить несколько важнейших проблем, и прежде всего упорядочить военное дело и финансы. Указами 1549–1550 гг. было ограничено ведение местнических споров, причем служебное начало при назначении на должности было поставлено выше родового. Местничать воеводам в военное время было запрещено. В 1556 г. был введен в действие детально разработанный Устав о службе, выровнявший тяготы всех "воинников" — один конный воин в полном снаряжении должен был выставляться с каждых 100 четвертей пахотной земли, состоящей в поместном или вотчинном владении. Упорядочено и унифицировано было налогообложение. Единицей обложения стала соха, включавшая 800 четвертей поместной, 600 — церковной или 400 — крестьянской земли.

Однако важнейшую и наиболее болезненную часть реформ составляло упорядочение государственного управления и суда. Реформаторы рассчитывали укрепить правопорядок, предоставив всем сословиям возможность соучаствовать в выработке и реализации властных решений. В 1549 г. было введено первое важное новшество — состоялся "собор примирения", на заседаниях которого помимо Боярской думы и церковного "чиноначалия" присутствовали воеводы и дети боярские. Московские великие князья и прежде устраивали подобные расширенные совещания, но они обсуждали исключительно военные проблемы. На соборе 1549 г. восемнадцатилетний царь публично заявил о необходимости радикальных перемен в государственном устройстве, и собор приговорил разработать новый свод законов — Судебник. Казенный приказ, во главе которого стоял Адашев, энергично принялся за дело, и в 1550 г. новый свод законов был утвержден Боярской думой, а некоторые его положения через год обсуждались и утверждались собором.

Новый Судебник существенно ограничивал произвол назначаемых царем наместников-кормленщиков, отныне вершить суд (а надо заметить, что в те времена слово "суд" означало и административную деятельность) они должны были при непременном участии земских выборных. Адашевское правительство завершило начатую еще при Елене Глинской губную реформу. В новых административных округах (губа, как правило, включала два-три уезда), созданных в центральной части страны — "Замосковном" крае, — местное управление и полицейские функции передавались выборным губным старостам из "детей боярских", то есть служилых людей, будущих дворян. В 1552 г. в тех уездах, где губные институты не могли быть сформированы за малочисленностью служилых людей, главным образом на севере страны, начинается проведение земской реформы, в ходе которой наместники заменялись земскими старостами и "излюбленными головами" из по-

садских людей и черносошных крестьян. Земские старосты, опираясь на нижестоящих выборных сотских и десятских, проводили разверстку и сбор налогов, вели следствие и суд. Выборность и сменяемость этих новых "чиноначальных" людей ставили государственную власть под контроль подданных, приобретавших черты граждан. Выборность местных властей сокращала масштабы злоупотреблений и произвола, в частности, выборные должны были наблюдать, чтобы судьи не брали "посулы" — взятки от тяжующихся сторон. Центральная власть поступалась частью своих прерогатив в пользу "лучших людей" на местах.

Проведение земской реформы было связано с необходимостью обеспечения единства законодательства, вступавшего в противоречие с существовавшей системой исключительных иммунитетных прав светских и духовных "сильных людей", освобождавших их от подчинения общим нормам закона. Особыми — "тарханными" — грамотами предоставлялись освобождение от повинностей и право неподсудности никакому суду, кроме великокняжеского. Судебник решительно положил конец этой практике. Статья 47 гласила: "...тарханных вперед никому не давать, а старые тарханные грамоты поимати у всех".

Местный суд становился образцом отношений государственной власти с выборными от сословий. Логическим завершением этой конструкции было бы создание представительного учреждения от "всей земли" также и при верховной власти. И в этом направлении даже были сделаны первые шаги. Помимо "собора примирения" мы знаем о созыве в эпоху адашевского правительства в 1551 г. собора, получившего по числу глав в соборном "уложении" название Стоглава, однако труды этого собора главным образом относились к упорядочению церковной жизни, и соответственно, состав его был ограничен преимущественно церковными людьми.

Создание системы сословного представительства в эпоху Адашева не было завершено: созыв соборов производился нерегулярно, не существовало правил о выборах депутатов, не был определен круг вопросов, подлежащих соборному рассмотрению. Тем не менее не подлежит сомнению, что установление "праведного" суда под контролем выборных — "излюбленных" — людей было шагом к созданию сословно-представительной государственной системы, из которой в дальней перспективе могли вырасти парламентская монархия и демократия современного европейского типа. Современники эту связь сознавали вполне отчетливо. Андрей Курбский в своей истории грозненского царствования писал, что Адашев был "общей вещи зело полезен". "Общая вещь", или "общее дело", — в данном случае дословный перевод латинского понятия *res publica*. Ростки понимания государственной

работы как общего дела монарха и подданных, работы "всей земли", пробившиеся в реформах 1550-х гг., бесспорно, открывали для Руси правовую перспективу.

Для создания полноценного парламента на Руси недоставало сословий в европейском смысле слова, то есть наследственных корпораций, обладающих обязанностями и правами, закрепленными законом и обычаями. А проведение губной и земской реформ как раз и было крупным шагом к оформлению таких сословий. Это ясно чувствовали наиболее заинтересованные в таком ходе дела городские торгово-промышленные круги. Пискаревский летописец (одна из немногочисленных летописей, вышедшая не из великокняжеских канцелярий), составленный в начале XVII в. в Нижнем Новгороде, сообщал о времени правления Адашева: "...в те поры русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе... Да в ту же пору был поп Сильвестр и правил Русскую землю с ним за один и сидели вместе в избе у Благовещения, где ныне полое место между палат". "Полое" — пустое — место действительно вскоре образовалось, не только на месте палат, где заседал Адашев с товарищами, но и на месте сословного представительства. И было это "полое" место результатом резкой смены политического курса.

Историки-педанты продолжают спорить, было ли создание сословно-представительной системы сознательной целью Адашева и его товарищей, но что таков неизбежный объективный результат их деятельности, было вполне очевидно современникам. И прежде всего тому влиятельнейшему современнику, которому одному было по силам разрушить эти планы и повернуть ход событий в иное русло.

Августейшая публицистика

Иван IV быстро почувствовал опасность, угрожающую полноте царской власти. В 1560 г. все члены кружка были преданы опале. Формальным поводом послужило несогласие Адашева с продолжением бесперспективной Ливонской войны, но, по существу, царь не скрывал, что удалены его прежние советники за покушение на самодержавие. В посланиях Андрею Курбскому Грозный формулирует это совершенно недвусмысленно: главная вина опальных советников в том, что "восхваляли" и стремились ввести такой порядок, когда "рабы властвуют помимо государя".

Будучи блестяще образованным человеком и талантливым писателем, Грозный в многочисленных "широковещательных" посланиях

выстроил весьма стройное обоснование необходимости неограниченной самодержавной власти. Сама природа человека такова, что грешные люди неспособны к добру без принуждения, и потому подданным надлежит находиться в полной "государской воле", а где они "государской воли над собой не имеют, тут как пьяные шатаются и никакого добра не мыслят".

Корень зла всякого "народоправства" в том, что "там особо каждый о своем печется". Неизбежные при этом смуты и раздоры способна прекратить только неограниченная царская власть, но "если царю не повинуются подданные, они никогда не оставят междоусобных браней".

Самодержец руководствуется непосредственно провидением, человеческие советы могут лишь замутить ясность божественного откровения: "Мы же уповаем на милость божию... — писал Грозный, — и от человек учения не требуем".

Посему образцы народоправства, доступные тогда непосредственному наблюдению подданных московского государя, подлежат решительному осмеянию и принижению. Особенно достается от Грозного выбираемым шляхтой польским королям, положение которых хуже "худейших рабов". Не должен быть властитель и "старостой в волости", каков, по мнению Грозного, шведский король, которого извиняет только то, что он "мужичий род, а не государской".

Наиболее отчетливо неприятие парламентских ограничений монаршей власти Грозный формулирует в письме английской королеве Елизавете, отказавшей ему в прямом ответе на запрос, поскольку ответ зависел от решения парламента: "Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государской чести и выгодах для государства... Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как простая девица".

Ни бояре, ни торговые мужики царю не указ. Более того, не должна ограничивать его власти и церковь. Грозный подбирает из Священного Писания множество выразительных примеров для доказательства пагубности церковного вмешательства в дела светской власти.

История Руси весьма вольно трактуется царем, дабы доказать, что "наши великие государи, от Августа кесаря обладающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя... все государи самодержцы, и никто же им не может указу учинить и вольны добрых жаловать, а лихих казнить".

Тогдашние "интеллигенты" — московские книжники, сочинившие в 20-е гг. XVI столетия "Сказание о князьях владимирских", откуда позаимствовал Грозный эту мифическую родословную, пеклись прежде всего о вящей славе и величии родной державы. Оказалось, от державности всего шаг до самодержавия.

Дело оставалось за малым. Царю, взыскующему "самодержьства", недоставало реальных рычагов власти. Обычаи и новые установления эпохи адашевских реформ препятствовали воплощению идеала. Но вскоре способ нашелся.

Опричный погром

Указ об опричнине был издан на следующий день после возвращения царя в Москву из Александровской слободы, 3 февраля 1565 г. Содержание не дошедшего до нас указа в передаче летописи сводилось к двум основным пунктам. Во-первых, царь получал возможность сформировать "особный двор" с особыми боярами, дворецкими, казначеями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, с целым придворным штатом. Из служилых людей он отобрал в опричнину тысячу человек, которым в столице были отведены отдельные улицы (Пречистенка, Арбат и левая по ходу от Кремля сторона Никитской) с несколькими слободами до Новодевичьего монастыря.

Начался "перебор людишек" — не зачисленные на опричную службу прежние обыватели этих улиц и слобод были выселены из своих домов в другие части посада. Для содержания этого двора "на свой обиход" царь отобрал в опричнину около 20 городов с уездами и несколько отдельных волостей, в которых земли розданы были опричникам, а прежние землевладельцы выведены были из своих вотчин и поместий и получили земли в неопричных уездах. Опричная область не составляла сплошной территории, в нее вошли волости, расположенные на разных концах Московского государства, и даже отдельные части городов (как, например, позже была взята в опричнину Торговая сторона Новгорода). Остальная страна получила наименование земщины. Все центральные учреждения, оставшиеся в земщине, приказы, должны были действовать по-прежнему, "управу чинить по старине", под руководством земской Боярской думы, которая должна была о важнейших делах докладывать государю.

Второй пункт указа вводил в стране новый правовой режим: за царем признавалось полное право по произволу казнить и миловать "лиходеев" и "изменников" ("и в тех ведает бог да он, государь,

и в животе и в казни его государьская воля...”). Таким образом, высшая власть получала право бессудной казни. До тех пор обычай не позволял великому князю лишать кого-либо чести, жизни или имущества, “не осудя праведным судом с бояры своими”. В силу этого пункта уже в ближайшие недели было казнено и отправлено в ссылку несколько видных бояр.

Во всей истории России нет эпизода (кроме, может быть, Петровских реформ или ленинской революции), который вызывал бы между историками столько ожесточенных споров, как опричнина. Историки XIX в., начиная с основателя отечественной исторической науки Николая Михайловича Карамзина, видели в ней лишь “бессмысленную тиранию”, следствие “ужасной перемены в душе царя” после смерти любимой жены Анастасии. В. О. Ключевский говорил о введении опричнины: “Если все это не простое сумасбродство, то очень похоже на политический маскарад, где всем государственным силам нарочно даны несвойственные им роли и поддельные физиономии”, а сама опричнина имела характер орудия, направленного исключительно “против лиц, а не против порядка”, и в этом качестве не имела “политического смысла”. В конце века С. Ф. Платонов попытался найти в опричной политике социальный смысл: он выдвинул гипотезу, будто бы опричнина была орудием борьбы центральной власти с “потомками владетельных князей” и “подвергла систематической ломке вотчинное землевладение служилых княжат вообще, на всем его пространстве”, а целью Грозного было “ослабление родовой аристократии”. Гипотеза Платонова была без доказательств принята советской исторической литературой в качестве полновесной теории. Бодрое и единодушное это усвоение произошло по вненаучным причинам. Понимание опричнины как механизма смены старого боярства новым дворянством в качестве опоры власти позволяло представить террористический режим опричнины достигающим исторически “прогрессивных” целей, ибо в такой смене и заключался, с точки зрения марксистов, прогресс. С. В. Бахрушин, например, писал в 1947 г., что “опричнина, несмотря на ряд темных сторон, достигла больших и положительных результатов в деле государственной централизации. Опричнина была, несомненно, прогрессивным явлением, поскольку она помогла ликвидировать остатки феодальной раздробленности и расчистила путь к созданию в будущем абсолютистского государства, которое в данных исторических условиях было необходимо для развития экономической и политической мощи русского народа”. А куда же было деваться Сергею Бахрушину (бывшему члену кадетской партии, о чем ему напоминали на экзаменах советские студенты),

если сам "корифей всех наук" Иосиф Сталин даже однажды побранил Сергея Эйзенштейна за то, что в его "Иване Грозном" "прогрессивное войско опричников изображено как банда разбойников и мародеров", добавив, что единственная ошибка Ивана Грозного состояла в том, что он "не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами".

Как только сталинский режим рухнул, зашаталась и "прогрессивная" схема — были опубликованы работы С. Б. Веселовского, показавшего, что в годы опричных гонений боярство пострадало не больше других сословий. Позднее В. Б. Кобрин окончательно развеял легенду о мнимой "демократичности" опричнины, показав, что опричное воинство формировалось из тех же социальных слоев, из которых и ранее составлялся государев двор.

Р. Г. Скрынников, проанализировав состав опричных жертв, пришел к выводу, что более всего пострадали старомосковское боярство, приказная бюрократия и руководство церкви, а "с политической точки зрения террор против указанных группировок был полной бессмыслицей". Дело заходило в тупик. Сталинская ясность оставалась только на страницах школьных учебников.

Между тем никакой загадки в опричнине нет. Загадочным это явление становится, только если подходить к нему с предвзятым убеждением в наличии у Грозного социальной программы, а таковой у царя, как мы убедились, не было. Достаточно вглядеться в способ формирования опричного войска и направление основных его ударов, и смысл чудовищного нововведения будет совершенно ясен.

Прежде всего, следует отрешиться от распространенного заблуждения, что, вводя опричнину, Грозный разделил страну. Ничего подобного, разумеется, не было, царь продолжал управлять всем государством, но его маневр обеспечил раскол в рядах Боярской думы, чинов "государева двора", приказной бюрократии и даже духовенства (в опричнину входили и некоторые монастыри). Царь получил возможность сформировать собственное частное войско, набор в которое происходил не по общепринятому сословному принципу, а по принципу личной преданности. Опричники, которых набралось до 6 тыс., давали присягу служить царю верой и правдой, "доносить на изменников, не дружиться с земскими... не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя". Бесчинства, грабежи и издевательства над земскими ставились опричникам в заслугу. Чем более ненавидели земские опричников, которых звали "кромешниками", тем большее доверие испытывал к ним Грозный, которому нужна была сила, способная на все и по-собачьи преданная ему лично. Не слу-

чайно знаком опричного "достоинства" была назначена притороченная к седлу собачья голова. Доказательства личной преданности требовались иногда самые чудовищные (передавали, что некто из опричных должен был зарезать родного отца). Но и этих скреп казалось Грозному недостаточно. Дополнительной гарантией верности государю должен был стать монашеский обет. Ближайшие три сотни опричников составили псевдомонашеское братство, где царь был игуменом.

Религиозная подоплека опричнины, как показывают последние исследования А. Л. Юрганова, заключалась в последовательном, хотя и рискованном с канонической точки зрения доведении Иваном Грозным до логического конца идеи о царе как наместнике Божьем на земле. Еще Иосиф Волоцкий писал, что "царь убо естеством [то есть телом] подобен есть всем человеком, а властию же подобен есть вышням [то есть Всевышнему] Богу". А значит, по разумению Ивана, царь "яко Бог" имеет право на ярость наказания, может начинать Страшный суд "здесь и сейчас", казня грешников и милуя праведников. Так что в восприятии самого Грозного опричнина, скорее всего, была явлением и политическим, и религиозным. Разумеется, с точки зрения строго церковной это чудовищное искажение самого существа Нового Завета. Именно об этом бесстрашно напоминал царю митрополит Филипп.

Первые опричные казни ставят исследователей в тупик, в списках жертв невозможно проследить какой-либо закономерности. Кроме того, невозможно себе вообразить, что все сложное заведение опричнины предпринималось ради казни в феврале 1565 г. пятерых бояр и ссылки в Казань десятка ростовских и ярославских княжат. По всей видимости, в течение года Грозный лишь острил опричный топор, и только когда орудие было вполне готово, употребил его по назначению. Основные "потоки", которые ясно просматриваются в кажущемся хаосе опричных казней, показывают совершенно недвусмысленно, для чего этот топор создавался.

Первой жертвой широкомасштабного и целенаправленного опричного террора стали члены Земского собора 1566 г. Собор был созван для подтверждения правительственного курса на продолжение войны в Ливонии и, соответственно, утверждения чрезвычайных налогов. На Соборе значительная группа участников потребовала отмены опричнины. Последовали казни и ссылки.

Следующий удар был нанесен по земской думе. 11 сентября 1568 г. были казнены конюший — председатель думы И. П. Челяднин-Федоров, окольничие М. И. Колычев и М. М. Лыков, боярин А. И. Катырев-Ростовский и с ними до 150 дворян, приказных людей. Мы никогда

не узнаем, насколько основательны были выдвинутые против думцев обвинения в заговоре с целью смещения Ивана Грозного и замены его старицким князем Владимиром Андреевичем. Обвинение, скорее всего, было ложным, существенно, однако, что под этим предлогом уничтожался целый слой старинных советников московских государей, носителей традиции "вольных слуг", не готовых беспрекословно повиноваться любому княжескому распоряжению.

Оппозиция в думе была обезглавлена, ничто не мешало теперь Грозному расправиться со строптивыми церковными иерархами, также ставшими в оппозицию режиму. 9 мая 1566 г. митрополит Афанасий демонстративно сложил с себя сан и удалился в Чудов монастырь в знак протеста против опричнины. Грозный предложил занять кафедру казанскому архиепископу Герману, который даже переехал на митрополичий двор. Однако вскоре новый митрополит попытался склонить царя к отмене опричного режима "тихими и кроткими словами", и члены опричной думы настояли на немедленном изгнании Германа. В Москву был спешно вызван игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Степанович Колычев). Филипп принадлежал к знатному старомосковскому боярскому роду и по прибытии в Москву быстро сориентировался в положении дел. Он согласился занять кафедру, но при этом потребовал отмены опричнины. Царь был в ярости и хотел удалить Филиппа, не сделал он этого лишь из опасения окончательно испортить отношения с духовенством, которое и без того было до крайности раздражено. В конце концов церковному собору удалось уговорить соловецкого игумена, и 20 июля 1566 г. Филипп дал обязательство "не вступаться" в опричнину и царский "домовный обиход" при условии, чтобы он и впредь "советовал бы с царем и великим князем", и взошел на митрополию. Однако "советовать" не "вступаясь" было немыслимо, и митрополит не исполнил бы своей должности в глазах паствы, если бы не попытался образумить государя. В марте 1568 г. митрополит посетил царя и долго беседовал с ним наедине. Убедившись в тщетности приватных увещаний, митрополит выступил публично: 22 марта во время богослужения в Успенском соборе при большом стечении народа митрополит Филипп начал с государем "враждовати о опришнине". Митрополит несколько раз публично обличал царя. Опричники начали готовить над ним расправу. В Соловки была отправлена ревизионная комиссия, в результате митрополит был обвинен в "порочном поведении". Обвинение было до такой степени шито белыми нитками, что его отказался подписать единственный авторитетный член следственной комиссии епископ Пафнутий. Тем не менее 4 ноября 1568 г. им-

провизированный Земский собор Филиппа осудил и лишил его сана. Не зная о соборном решении или не желая подчиниться ему, 8 ноября Филипп произносит очередную проповедь против опричнины. Опричники во главе с Алексеем Басмановым ворвались в собор, сорвали с митрополита облачение и отправили его в заточение в Тверской Отрочь монастырь, где через год во время похода на Новгород его лично задушил Малюта Скуратов.

Расправа над Филиппом означала гораздо большее, нежели просто устранение неугодного иерарха. Право "вступаться" и "советовать", за которое упорно держался митрополит, издревле принадлежало иерархам православной церкви на Руси. Одна из главных светских обязанностей митрополита заключалась в "печаловании" царю, указании власти на "неправедность" ее действий. Обычай, который в те времена был важнее писаного закона, запрещал князю не прислушиваться к митрополичьему "печалованию", которое таким образом служило важным инструментом политической адвокатуры и обратной связи великого князя с его подданными. Устранение Филиппа, сопровождавшееся почти полным "перебором" церковных иерархов, положило конец этой практике. Царь освободился еще от одного важного и эффективного механизма, ограничивавшего его произвол. С этого времени церковная организация на Руси стала приобретать характер служилого сословия, жестко контролировавшегося верховной властью. Смирение церкви покупалось отчасти и "пряником" — взятые в опричнину монастыри (московский — Симонов, ярославский — Спасский) получали существенные льготы и привилегии.

Наконец, последний и самый кровопролитный удар опричного террора был нанесен по городам Северо-Западной Руси. Формально карательный поход был предпринят на Новгород. Новгородцам было выдвинуто обвинение в "изменном деле", будто бы они хотели "Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси хотели злым умышленьем извести, а на государство посадить князя Владимира Андреевича". Но в декабре 1569 г. по дороге на Новгород опричное войско устроило резню в Клину, Торжке, Твери и Вышнем Волочке, против которых никаких обвинений не выдвигалось вовсе. 2 января 1570 г. передовой опричный полк подошел к Новгороду и блокировал его "учиниша великия сторожи и крепкия заставы... кабы ни един человек из града не убежал". 6 января в город въехал сам царь, и начался пятинедельный погром и грабеж.

В советской исторической литературе, пытавшейся представить опричнину борьбой царя-централизатора с непокорным боярством,

масштабы и значение новгородского погрома всячески преуменьшались. Считалось, что во время новгородского "похода" погибло около 3 тыс. человек. Цифру эту следует увеличить на порядок. Новгородское предание и опричник из немцев Генрих Штаден также называют цифру 2770 убитых, но только в первый день по приезде Грозного. Далее во время только одной акции "Малюта отделал 1490 человек ручным усечением, ис пищали отделано 15 человек". По всей видимости, в Новгороде погибло от рук опричников до 40 тыс. человек. Город был обескровлен и разграблен. Опричный немец Штаден не без бахвальства отмечал в своих воспоминаниях: "Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра". Чтобы оценить по достоинству это известие, надо принять в расчет, что опричное войско, двинувшееся в декабре из Москвы на север, насчитывало 15 тыс. всадников, а Штаден не занимал в этом войске никаких руководящих постов.

Вслед за Новгородом погром был учинен опричниками в Нарве, Ивангороде и Пскове. Но во Пскове убийства продолжались недолго, прежде всего потому, что бить было уже некого: несколько сотен видных псковских горожан за несколько месяцев до того были выселены из города, отправлены на переселение и при встрече перебиты опричниками в Торжке и Твери. По возвращении летом 1570 г. на Чистых прудах в Москве царь устроил показательную казнь 120 "изменников", в их числе многих видных дьяков московских приказов. "Новгородский поход" Грозного навсегда подорвал силы тех "торговых мужиков", которые, вольно чувствуя себя в традиционно вечевых волостях, могли бы содействовать установлению в Московском государстве представительного правления по литовскому или английскому образцу. А образец этот им был хорошо известен. Первые торговые переговоры с Англией от имени Московского государства вели в 1556 г. именно "торговые мужики" — двинские "богатеи" Фофан Макаров и Михаил Косицын. Они же вместе с вологжанином Осипом Непеем отправились в Англию в качестве московских "гостей" — торгового посольства.

При таком взгляде на события опричнина оказывается не только совершенно осмысленным, но и в высшей степени эффективным институтом утверждения личной власти. Только привилегированный военизированный корпус, сформированный по принципу личной преданности вождю, мог обеспечить поворот от строительства сословно-представительной монархии к неограниченной диктатуре.

Для настоящей войны опричное войско не годилось. Летом 1571 г. оно не сумело преградить путь крымскому хану Девлет-Гирею, чьи

войска прорвались к самой Москве и сожгли столицу. После этого царь перестал доверять своему окружению — объединил земскую и опричную армии, казнил руководство опричнины (бояр М. Т. Черкасского, В. И. Темкина-Ростовского; еще раньше погибли основатели опричнины бояре отец и сын Басмановы и князь А. И. Вяземский) и многих рядовых опричников: "Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхов-реку, с камением топил". После победы над татарами под Серпуховом в 1572 г. опричнина была официально отменена. Однако в 1575 г. царь вновь разделил свое государство на "земщину" и "двор". Деление на земскую и "дворовую" службу, на земские и "дворовые" уезды сохранялось до конца его царствования, хотя массовых репрессий больше не было.

Опричный поворот не представляется фатально неизбежным и неотвратимым. В Московском государстве было достаточно влиятельных социальных групп, способных повести страну по иному пути развития. Грозный не без основания опасался за свою безопасность. В 1566 г. он даже принялся строить гигантскую крепость в Вологде в качестве убежища на случай антиопричного восстания. А в первых числах сентября 1567 г. Грозный вызвал английского посланника Дженкинсона в опричный дворец, где приказал ему устно передать королеве "великие тайные дела". Поручения были столь необычны, что посланнику запретили делать какие-либо записи, но по приезде в Лондон он составил письменный отчет, из которого следовало, что царь просил королеву предоставить ему убежище в Англии "для сбережения себя и своей семьи".

Жестокими мерами царь подавил всякую оппозицию, но внутри- и внешнеполитическое положение страны стремительно ухудшалось. Эпидемия чумы и неурожаи на рубеже 60–70-х гг. XVI в. привели к разорению многих крестьянских хозяйств и дворянских владений, чему способствовали и произвол при взимании налогов, и прямые грабежи опричников. Писцовые книги начала 1580-х гг. говорят о том, что во многих уездах значительно сократилась пашня, а население вымерло или разбежалось.

Итоги опричной политики не исчерпываются списком жертв. Попытка царя насильственным образом изменить сложившуюся систему не укрепила, а, скорее, ослабила государство: репрессии и опричные преобразования подорвали единство армии и государственного аппарата, но зато резко усилили личную власть государя. Была проиграна Ливонская война. Экономический кризис, сокращение налоговых поступлений и небоеспособность армии привели к тому, что при проведении по отдельным уездам новой переписи земель в начале 1580-х гг.

крестьянам было запрещено уходить из вотчин и поместий. Так с введением "заповедных лет" (отменой Юрьева дня) началось становление системы крепостного права, то есть ликвидировались личные права крестьян в России.

Антиопричные силы оказались разрознены и парализованы террором. Но это не означало, что они смирились с опричным поворотом навсегда. В начале XVII в. эти силы предпримут попытку взять реванш в ходе гражданской войны, скрывающейся в нашей исторической литературе под псевдонимом Смуты.

Подробнее на эту тему

Альшиц Д. Н. *Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного.* Л., 1988.

Зимин А. А. *Опричнина*. М., 2001.

Зимин А. А. *Реформы Ивана Грозного*. М., 1960.

Кобрин В. Б. *Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.)*. М., 1985.

Кобрин В. Б. *Иван Грозный*. М., 1989.

Скрынников Р. Г. *Царство террора.* СПб., 1992.

Юрганов А. Л. *Опричнина и страшный суд* // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–75.

1610 За что боролись в Смуту

В декабре 1610 г. патриарх Гермоген стал рассылать по городам грамоты, в которых освобождал свою паству от присяги царю Владиславу и призвал русских людей к вооруженному выступлению, чтобы они по зимнему пути "собрався все в збор со всеми городы, шли к Москве на литовских людей". В ответ на этот призыв рязанский дворянин Прокопий Ляпунов поднял знамя восстания под лозунгом защиты православия, а московские бояре и польский наместник Александр Гонсевский посадили патриарха под арест; его "дияки и подьячие и всякие дворовые люди поиманы, а двор его весь разграблен". Так оказался сорван "конституционный эксперимент" — одна из нескольких неожиданных развилок российской политической истории, которыми было богато Смутное время на рубеже XVI–XVII столетий.

"Выборные цари" и самозванцы

На фоне потрясений XX столетия не такой уж далекий от нас XVII в. представляется тихим и даже "застойным" временем. Но впечатление обманчиво; он прошел в непрерывных войнах, государство и общество сотрясали внутренние конфликты.

В 1601–1603 гг. Россия пережила страшный голод. Начавшиеся волнения крестьян и холопов превратились в затяжную гражданскую вой-

ну, осложненную вторжением иностранных войск. Новорожденной державе Романовых пришлось вести две войны с Речью Посполитой (1632–1634 и 1654–1667), войну со Швецией (1656–1658); затем последовала первая в нашей истории Русско-турецкая война (1677–1681); ее продолжением стали Крымские (1687 и 1689) и Азовские (1695–1696) походы. За казацкими бунтами 1614–1616 гг. по стране прокатились городские восстания: Соляной бунт 1648 г. в Москве, выступления в Сольвычегодске, Устюге, Курске, Воронеже, Новгороде, Пскове и других городах. Во второй половине "бунташного века" Московское царство сотрясали Медный бунт 1662 г., крестьянская война 1670–1671 гг., стрелецкие бунты и дворцовые перевороты 1682–1689 гг. В это время произошел не преодоленный и по сей день церковный раскол.

Внимательный наблюдатель, английский ученый и дипломат Джильс Флетчер сделал в 1589 г. в трактате-донесении о состоянии России точный прогноз: меры Ивана Грозного "так потрясли государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе как всеобщим восстанием"*. Так и произошло: в стране наступила Смута, сопоставимая по размаху с гражданской войной 1918–1920 гг.

Ее не смогли предотвратить ни наследник царя Ивана Федор (1584–1598), мало похожий на доброго царя из трагедии А. К. Толстого, ни царский шурин и ловкий политик Борис Годунов. Восхождение молодого опричника к "высшей власти" напоминало детективный сюжет. Борис не раз находился на грани опалы и даже казни. Он посмел сватать свою сестру-царицу (при жизни хилого мужа) за австрийского принца, и этот секрет узнала польская разведка. Ему приходилось отбивать нападения вооруженной толпы на свой двор и даже просить политического убежища у английского посла. И все же Борис сумел оттеснить соперников — Мстиславских и Шуйских, поставил "своего" патриарха и стал фактическим правителем страны.

В январе 1598 г. умер царь Федор. Законная династия пресеклась, началась ожесточенная борьба придворных группировок за власть. Борис Годунов блестяще провел "избирательную кампанию": пока в думе спорили его противники Мстиславские и Романовы, он от имени сестры-царицы объявил амнистию "всех винных людей и татей и разбойников по всем городам из тюрем" и демонстративно удалился от мирских забот в монастырь. Бориса поддержали церковь во главе с патриархом Иовом, младшие бояре, опричные "выдвиженцы", назначенные им руководители приказов. В феврале 1598 г. он был избран

* Так в смягченном традиционном переводе, в оригинале сказано мрачнее — *civil flame*, то есть гражданской войной.

царем. Упустившая время знать сопротивлялась, но раздача войску во время объявленного царем похода на татар (так и не появившихся) жалованья сразу за три года устранила сомнения служилых людей в правильности выбора. Боярам пришлось смириться, и Борис венчался на царство в Успенском соборе Кремля.

Годунов оказался талантливым правителем и многое сделал для страны, порой опережая свое время: в два раза снизил налоги, стремился ликвидировать "белые" (не платившие налогов) частновладельческие слободы и дворы в городах, основал главный порт допетровской России Архангельск. Заключив мир на Западе со Швецией в 1595 г. и Речью Посполитой в 1600-м, Борис обратился к делам на Востоке и укрепил южную границу. Новая цепь сторожевых постов и укрепленных острогов, важнейшим из которых был Царицын, выдвинулась далеко в Дикое Поле. Первым из русских царей он просватал свою дочь за иноземного принца и за 100 лет до Петра I стал приглашать в Россию иностранных специалистов: врачей, рудознатцев, военных. Он хотел основать в Москве университет и послал в Вену и Оксфорд дворянских "ребят" для изучения иностранных языков и прочих наук. В результате реализации строительной "программы" царя появились колокольня Ивана Великого, Лобное место, стены Белого города в Москве и мощная Смоленская крепость на западной границе. Часть этих сооружений — результат организованных впервые в отечественной истории "общественных работ", имевших целью предоставить заработок голодающим крестьянам.

Но "наследство" Ивана Грозного — крепостническая политика — заложило основу для будущих потрясений: указами 1592–1593 гг. был повсеместно отменен Юрьев день, указ 1597 г. ввел пятилетний срок сыска беглых крестьян. На осваиваемых окраинах появились московские воеводы и помещики; свободное население и бежавшие на окраины "казаки" вновь попадали в крепостную зависимость.

Еще десяток спокойных лет — и новая династия окрепла бы, а юный и образованный сын царя вполне годился для роли реформатора. Но полоса успехов была прервана голодом 1601–1603 гг. Катастрофическое положение заставило царя в 1601 г. восстановить Юрьев день для крестьян провинциальных помещиков. Крестьяне стремились уйти от владельцев, а те — любой ценой удержать рабочую силу. Беглые и холопы собирались в крупные отряды, против которых в 1603 г. приходилось посылать войска; в том же году был — уже окончательно — отменен крестьянский "выход". Последствия голода и колебаний правительства стали гибельными для династии. В глазах знати Борис всегда был худородным выскочкой, теперь же он оказался "плохим" ца-

рем и для служилых, и для крестьян. Природные катаклизмы и социальные тяготы воспринимались людьми того времени как наказание стране, оказавшейся под властью грешного или "неистинного" царя.

В такой общественной атмосфере просто должен был явиться царь "истинный", "природный". Один за другим появляются самозванцы из "низов", выражавшие характерные для общества настроения и чаяния. Григорий Отрепьев, бывший дворянин на службе бояр Романовых ("чудесно спасенный царевич Дмитрий"), осенью 1604 г. перешел русскую границу. Его польско-казацкий отряд был сразу же разгромлен, но самозванец получил поддержку крестьян, посадских людей и казаков с южной границы, открывавших ему ворота крепостей. После скоропостижной смерти Бориса в апреле 1605 г. на сторону претендента перешло войско, уже в июне он вступил в Москву.

Заняв престол, "Димитрий Иванович" (1605–1606) оказался в сложном положении. Посулив всем "благоденственное житие", он не мог выполнить все обещанное: передать будущему тестю, польскому сенатору Юрию Мнишеку, Новгород и Псков, отменить крепостное право. В результате осложнились отношения с Речью Посполитой. Льготы получили лишь крестьяне Комарицкой волости и путивльские горожане, первыми признавшие царя. Землевладельцы получили разрешение возвращать крестьян и холопов, бежавших после 1600 г. Московские бояре, прекрасно знавшие, что царь — самозванец, стали просить у польского короля Сигизмунда III его сына на московский престол.

Лжедмитрий пытался уйти от этих осложнений: готовился к большому походу на Крым и получил поддержку служилых людей южных уездов. Он был храбр, молод, энергичен, но явно не "вписывался" в образ "природного" царя, постоянно задевал национальные и религиозные чувства подданных: окружал себя иноземцами, не спал после обеда, не ходил в баню, собрался венчаться с "гордою полячкой" Мариной Мнишек накануне постной пятницы. Есть сведения о готовившейся им секуляризации церковных земель. Поползли толки, что и этот царь "неистинный". В таких обстоятельствах боярам во главе с Василием Шуйским легко удалось организовать заговор и возмутить толпу: во время начавшегося в мае 1606 г. в Москве восстания царь был убит.

Новым царем "выкрикнули" главу заговора князя Василия Ивановича Шуйского. Князь Василий был избран на царство не в последнюю очередь потому, что имел к этому времени репутацию страдальца за правду. Он едва ли не единственный подвергся репрессиям в короткое правление самозванца по "политическим" мотивам. Ведь в 1591 г. он в качестве главы следственной комиссии утвердил заключение о гибели царевича Дмитрия в Угличе в результате несчастного случая.

После воцарения самозванца ему пришлось опровергнуть свое давнишнее заявление. Но как-то на пиру боярин в ближнем кругу проговорился, что настоящий царевич и впрямь в Угличе "помре". О его "непригожих речах" донесли Лжедмитрию (по слухам, доносчиком выступил знаменитый архитектор Федор Конь), и Шуйский угодил в опалу, хотя и ненадолго.

Вступая на престол, он дал "крестоцеловальную запись" — первое в нашей истории юридическое обязательство государя перед подданными.

> ...И поволил есми яз, царь и великий князь Василий Иванович всеа Русии, целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом з бояры своими, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животов у братии их, и у жен и у детей не отымати, будет которые с ними в мысли не были, также и у гостей, и у торговых, и у черных людей, хотя которой по суду и по сыску дойдет и до смертные вины, и после их у жен и у детей дворов, и лавок, и животов не отымати, будут они с ми в той вине неповинны; да и доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтоб в том православное християнство без вины не гибли... На том на всем, что в сей записи написано, яз царь и великий князь Василий Иванович всеа Русии, целую крест всем православным християнам, что мне, их жалуя, судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своея не класти, и недругам никому в неправде не подавати, и от всякого насильства оберегати.
>
> (Собрание государственных грамот и договоров. Т. II. № 141. С. 299–300)

Но попытка "общественного договора" успеха не имела. Шуйский был царем именно "выкрикнут", то есть избран наскоро созванным "собором" только из московских людей, без призыва депутатов из провинции. Десятки городов и уездов не признали "боярского царя": для них "истинным" государем оставался Дмитрий. Шуйский оказался на редкость неавторитетным (как сказали бы сейчас, "нехаризматичным") правителем. Он был искушен в придворных интригах, но оказался бездарным полководцем и вероломным политиком; его вместе с братом обвиняли в отравлении племянника, молодого и талантливого воеводы Михаила Скопина-Шуйского.

Наступил новый этап Смуты — гражданская война. Еще недавно в учебниках события этих лет называли первой крестьянской войной в России. Закрепостительная политика в условиях голода на самом

деле вызвала волну сопротивления, хотя повстанцы вроде бы не стремились к новому общественному устройству и, по свидетельству патриарха Гермогена, призывали жителей осажденной Москвы: "Велят боярским холопам побивать своих бояр и жен их, и вотчины и поместья им сулят. Шпыням и безымянникам ворам велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити и призывают их, воров, к себе, хотят им давати боярство, воеводство, окольничество и дьячество". Появились "воровские помещики", получившие свои владения от предводителей восставших. Против Шуйского поднялись не только холопы и крестьяне. Тяготы службы и разорение поместий заставляли провинциальных служилых людей выступать против столичных "богатин" и "боярского царя". Под водительством бывшего "боевого" холопа, а теперь воеводы "царя Дмитрия" Ивана Болотникова сражались его прежний господин князь Андрей Телятевский, воевода князь Григорий Шаховской; вместе с атаманом Илейкой выступили дворянин Прокопий Ляпунов и стрелецкий сотник Истома Пашков.

Борьба с мятежниками несколько месяцев шла с переменным успехом. Армия Шуйского окружила войско Болотникова в Туле; после тяжелой осады царь заключил договор с восставшими: большую часть отпустил, но жестоко расправился с предводителями. Однако торжествовать победу Шуйскому пришлось недолго: летом 1607 г. объявился Лжедмитрий II — личность до сих пор загадочная. Достоверных сведений о его судьбе практически нет; современники поговаривали, что был он школьный учитель и будто бы из крещеных евреев, но эти "известия" вполне могли быть и пропагандой его противников.

Новый царь половины европейской России был извлечен нуждавшимися в предводителе повстанцами из долговой тюрьмы города Пропойска, поскольку имел точно такую же бородавку на носу, как и первый самозванец. В его лагере собралось разношерстное воинство: изгнанные из Польши мятежники с гетманом Романом Ружинским и Яном Сапегой, признавшая "воскресшего" мужа Марина Мнишек, болотниковские атаманы Юрий Беззубцев и Иван Заруцкий, бояре Салтыковы и Черкасские, ростовский митрополит Филарет (представитель боярского рода Романовых, насильно постриженный в монахи Годуновым), запорожские казаки и татары. На их сторону перешли Псков, Ростов, Ярославль, Кострома, Вологда, Галич, Владимир. В стране оказалось две столицы: Москва и ставка Лжедмитрия II — подмосковное село Тушино; два правительства и даже два патриарха — "законный" Гермоген и тушинский Филарет.

Кроме упоминаемых в учебниках Лжедмитрия I и Лжедмитрия II появилось еще не менее 15 самозванцев: Лжедмитрии III и IV, дру-

гие “дети” и “внуки” Ивана Грозного — царевич Осиновик, царевич Иван-Август, царевич Лаврентий; на власть претендовала вдова Лжедмитрия I “царица Марина Юрьевна”, родившая от Лжедмитрия II “царевича Ивана Дмитриевича”. Обилие “родственников” порождало конкуренцию: Лжедмитрий II повесил семерых “сыновей” царя Федора — “царевичей” Клементия, Савелия, Симеона, Василия, Ерошку, Гаврилку и Мартынку. Уезды и города по нескольку раз переходили из рук в руки. Каждый из “царей” по городам сажал своих воевод, проводивших поборы и реквизиции “изменничьих животов”. Сколько было таких удальцов на “местном” уровне, мы не узнаем никогда.

В уездах власть захватывали казачьи отряды со своими панами-атаманами. Казаки той поры не были похожи на военное сословие, известное по шолоховскому “Тихому Дону”. Кто только не становился казаком в Смуту: беспоместные дворяне, разорившиеся купцы и посадские, беглые холопы, поповские дети, крещеные и некрещеные татары, выходцы с литовской “украины”, “немцы” и даже евреи. Их атаманы служили всем, кто мог обеспечить “корм” и жалованье. Казачьи отряды в качестве вознаграждения за службу получали или силой забирали территории в кормления — “приставства” — и брали с мужиков деньги и продукты.

Когда никто не знает, какая власть законна, теряет силу святость присяги и “честь” рода: постоянно росло количество “перелетов” — перебежчиков из одного лагеря в другой. В дезориентированном обществе становятся заметны черты морального упадка: “жития” и “видения” эпохи изобилуют сообщениями о клятвопреступлениях, пьянстве, сквернословии, осквернении святынь.

В критической ситуации правительство Шуйского в феврале 1609 г. заключило договор со Швецией, которая предоставила московскому правительству вспомогательное войско, но эта акция стала поводом к войне для польского короля Сигизмунда III. Польское войско осадило Смоленск, хотя Речь Посполитая официально войны России не объявляла, так как король начал поход без формальной санкции сейма. Воеводы царя Василия с помощью шведов нанесли ряд поражений мятежникам на севере и изгнали их из Тушина. Но в июле 1609 г. поляки разбили армию Шуйского под Смоленском. Командующий, брат царя Дмитрий Шуйский, бежал; иноземные наемники перешли на службу к королю, победителям достался весь обоз и артиллерия.

Царя Василия бросили его последние союзники — крымские татары князя Богадыр-Гирея. Тогда состоявшееся в Москве у Арбатских ворот собрание, в котором участвовали бояре, служилые люди и московский посадский “мир”, постановило “бывшему государю... Васи-

лию Ивановичу всеа Русии отказати и на государеве дворе не быти и вперед на государстве не сидети". Неудачливый царь был "ссажен" с престола и пострижен в монахи.

Августовский договор и его судьба

Впервые в Москве исчезла всякая законная власть. Угроза развала государства заставила бояр и в Москве, и в лагере самозванца искать выход.

В феврале 1610 г. служившие самозванцу бояре и дворяне (М. Г. Салтыков, князь В. М. Масальский, князь Ф. П. Засекин, Т. В. Грязной, Ф. Ф. Мещерский, М. А. Молчанов) призвали на русский престол сына Сигизмунда III, королевича Владислава. Теперь предстояло решать Москве. Выбор был невелик: с запада надвигался польский гетман Станислав Жолкевский; с юга — Лжедмитрий II, чьи отряды уже принялись жечь московские слободы. Принять самозванца с его казацкой вольницей москвичи категорически не желали: "Лучши убо государичю служити, нежели от холопей своих побитым быти и в вечной работе у них мучитися". Цвет московской знати — бояре князь Ф. И. Мстиславский, князь В. В. Голицын, Ф. И. Шереметев, окольничие, думные дворяне, виднейшие дьяки отправились к гетману и через несколько дней труднейших переговоров 18 августа 1610 г. подписали договор. Россия и Речь Посполитая заключали "вечный мир и союз". На московский престол приглашался королевич Владислав, отныне "государь царь и великий князь Владислав Жигимонтович".

Утверждение новой династии и союз с Польшей сопровождались рядом принципиальных условий. Король Сигизмунд, осаждавший в это же время главную русскую крепость на западной границе — Смоленск, должен был прекратить военные действия и "городы, к Московскому государству належачие... со всем, как были до нынешние смуты, к Московскому государству очистить". Новый царь обязывался блюсти православие как единственное допустимое вероисповедание: "Всем православным християном быти в православной християнской вере греческого закона по-прежнему, и римские веры и иных разных вер костелов и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городом и по селом нигде не ставити".

Послы отстаивали сохранение прежней социальной структуры и национальной независимости: "Польским и литовским людем на Москве ни у каких земских росправных дел и по городам в воеводах и в приказных людях не быти... и всех чинов служилых и жилецких людей Российского государства имети государю королевичу всех

по достоинству в чести и в жалованье и в милости, как было при прежних великих государех царех московских; и прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве не переменяти".

Но главное — определялся круг вопросов, которые отныне государь должен был решать "с приговору и с совету" представителей русского общества:

> На Москве и по городом суду быти и свершатись по прежнему обычаю и по судебники Российского государства, а буде похотят в чем пополнити для укрепления судов, и государю на то поволити з думою бояр и всей земли... А не сыскав вины и не осудивши судом всеми бояры, никово не казнити и чести ни у ково не отымати и в заточенье не засылати, поместей и вотчин и дворов не отымати. И о всем том делати государю с приговору и с совету бояр и всех думных людей, а без думы и приговору таких дел не совершати.
>
> (Сборник Русского исторического общества. Т. 142. С. 101–109)

Таким образом, за годы Смуты в сознании "верхов" московского общества уже появилось представление, что государь должен был занять трон с согласия "всей земли" как верховного сословного органа. "И что нам от земли повелят, то мы и учиним", — говорили послы польским дипломатам.

Августовский договор не был тайным сговором нескольких бояр, а выражал волю находившихся в Москве "чинов" русского общества — более 500 человек "стольников и дворян". На следующий день жители Москвы принесли присягу в Успенском соборе, а затем из столицы стали рассылать грамоты в другие города с предписанием привести их население к присяге. Нового царя признали Новгород, Владимир, Кострома, Ярославль, Ростов, Вологда, Углич, Белоозеро, Коломна. Еще раньше, на основании февральского соглашения, королевичу присягнули служилые и посадские Зубцова, Ржевы-Володимировой, Дорогобужа, Вязьмы, Можайска, Старицы, Брянска и Серпейска. Чтобы не допустить в Москву самозванца, бояре в сентябре 1610 г. впустили в столицу польский гарнизон.

Некоторые историки полагают, что эти договоры, как и "крестоцеловальная запись" Шуйского, могли стать началом выхода из Смуты и являлись шагом от самодержавия к правовому государству. Приглашение иностранного, но "законного" и "природного" принца на престол, как и ограничение его прав при избрании, скорее всего, было возможно. Несомненным было и стремление правящей элиты гарантировать себя от повторения опричных казней. Можно полагать,

что были бы обеспечены свободные контакты между государствами и подданными, что сделало бы русское общество доступным для польско-литовского культурного влияния. Военный союз позволил бы более успешно бороться с татарскими набегами. Купцам обоих государств позволялось свободно торговать всякими товарами на их территории. Наметилось бы некоторое сближение политического строя Речи Посполитой и России, при том что последняя сохранила бы свое социально-политическое устройство и "прежние обычаи".

Но договор сразу же оказался под угрозой. Во время переговоров выявились "недоговоренные статьи": остался открытым вопрос о переходе Владислава в православие и его браке — москвичи настаивали, что их государь должен взять себе жену "в Московском государстве православную". Для решения спорных вопросов к королю отправилось многолюдное посольство из представителей уездных дворянских корпораций-городов, стрельцов, подьячих и нескольких "торговых людей", во главе с митрополитом Филаретом и боярином князем Василием Голицыным. Резонно полагая, что овладеть русским троном можно только при поддержке русского общества, московские политики считали, что для достижения этой цели король должен немедленно прекратить войну и отправить сына в Москву. Послы просили, чтобы "государь наш королевич пожаловал, крестился в нашу православную хрестьянскую веру греческого закона", настаивали на недопустимости пропаганды католицизма и сохранении территориальной целостности своего государства.

Однако высшие чины московского двора, в руках которых находилось ведение переговоров, не очень-то стремились расширять права "земли". Не случайно договор зафиксировал широкую компетенцию боярской думы, а "вся земля" получила право лишь участвовать в пополнении Судебника новыми статьями. Трудно сказать и насколько перечисленные в договоре принципы соответствовали представлениям массы мелких служилых и "тяглых" людей о справедливом общественном устройстве. Казаку нужна была "воля" (личная свобода вне государственных рамок) и лихие военные экспедиции "за зипунами"; крестьянин хотел мирной жизни, по возможности без податей и без помещика, а дворянин — поместий и "людишек" за верную службу. А всем вместе нужен был стоящий над всеми "чинами" государь как источник милостей и гарант от произвола "сильных людей". В народном сознании уже сложился идеальный образ праведного и благочестивого "великого государя царя" — защитника веры, "благолепного" в общественной и личной жизни, обязанного заботиться о подвластных. Не случайно в народных песнях и преданиях об Иване Грозном

(даже в новгородских землях, где особенно свирепствовали опричники) современные ученые находят "оправдательные тенденции": вот был настоящий царь — умел казнить, но умел и миловать...

Офицер московского гарнизона шляхтич Самуил Маскевич пересказал разговоры, которые он и его товарищи вели с русскими дворянами: "...наши хвалили им вольности, чтобы, с нами соединившись, ее добыли". Собеседники отвечали ему: "Ваша вольность для вас хороша, а наша неволя для нас... У вас более могущественный угнетает более худого; вольно ему взять у более худого имение и его самого убить". Москвичи неплохо представляли себе польские порядки, где равенство "панов-братьев" на деле приводило к всевластию магнатов, занимавших высшие государственные должности. Владения таких магнатов, как литовские Радзивиллы, с десятками городов и сотнями сел, были сравнимы по размерам с современными европейскими государствами вроде Бельгии. Их владельцы содержали собственные армии, которые по численности и оснащению превосходили коронные войска. На другом полюсе находилась масса бедной шляхты, гордой своим происхождением и правами: "Шляхтич на загроде (крохотном участке земли) равен воеводе!" На деле такие малоземельные или безземельные "паны" были бессильны противостоять воле сильного соседа и часто из милости служили при магнатских дворах, хотя и требовали, чтобы хозяин порол их только на персидском ковре... А в Москве государь мог возвысить бедного сына боярского, а любого знатного и богатого боярина отправить в ссылку.

Возможно, со временем отношение русского дворянства к шляхетским "вольностям" могло измениться, если бы сама шляхта и ее вожди проводили более гибкую политику. Однако Сигизмунд III договор выполнять не собирался и известил Жолкевского, что некоторые условия он принять не может: порядок в России будет обеспечен, только если польские войска будут находиться в пограничных крепостях и в Москве. Король справедливо полагал, что его 15-летний сын не имел опыта управления, но еще меньше он доверял его новым подданным. "Это такой народ, — писал он Жолкевскому, — которому уже из-за его религии опасно доверять, грубых обычаев и твердого сердца, у которого жестокость заменяет право, а несвобода стала его природой". Если гетман стремился с помощью уступок утвердить Владислава на русском троне и вовлечь Россию в орбиту польского политического и культурного влияния, то король и его советники не стремились к сохранению Российского государства и планировали включить его в состав Речи Посполитой. Сейму король объявил главной целью своего похода возвращение Смоленщины и Северской земли, утрачен-

ных Великим княжеством Литовским в конце XV — начале XVI в., в то время как согласно августовскому договору Российское государство сохраняло свои существовавшие до Смуты границы.

Коронный подканцлер Феликс Крыйский на сейме 1611 г. заявил, что московиты "уже у нас в руках; если о государе, то должны того принять, кого им дадут, и терпеть то, что прикажет победитель". Ревностный католик Сигизмунд III упрекнул гетмана за то, что тот обещал "костелов римских в Московском государстве не строити" и собирался заставить московские "чины" передать власть ему самому. С помощью пожалований и наград он предполагал купить большую часть русской политической элиты и оставить ее при своих "правах и обычаях".

Королевич Владислав не приехал в Москву (о его переходе в православие так и не договорились), а его отец от имени "царя Владислава Жигимонтовича" стал раздавать поместья и воеводства в России. Русская знать не обнаружила единства. Часть ее, преимущественно из бывших "тушинцев", пошла на поклон к королю. Сигизмунд и его наместник в Москве Александр Гонсевский распоряжались ценностями казны, назначали на должности своих ставленников. В Пушкарском приказе был посажен князь Юрий Хворостинин, в Ямском — Никита Вельяминов, в Большом приходе — князь Федор Мещерский. Поместный приказ по распоряжению короля возглавил дьяк Иван Грамотин. Иные московские бояре, как князь Григорий Ромодановский, выезжали в лагерь короля, чтобы исхлопотать себе новые вотчины. Другой боярин, князь Иван Куракин, выполняя королевскую инструкцию, уговаривал своих коллег выбрать на престол Сигизмунда. Одним из наиболее ярых приверженцев польской власти стал бывший купец, дьяк Федор Андронов; он стал московским казначеем и советовал королю "доставать" недовольных соотечественников "саблею и огнем", за что получил две волости в Старицком уезде.

Неисполнение договора и действия польских войск вызвали в марте 1611 г. восстание в Москве. После целого дня ожесточенных боев поляки по совету бояр стали поджигать город: "Михайло Салтыков первой нача жечь двор свой". Восставшие вынуждены были отступить; начался грабеж города. Мартовское восстание означало перелом в отношении русского общества к польско-литовским "союзникам". Если до того провинциальные города еще признавали договор при условии, что "Жигимонт король... сына своего... на Московское государство дал и сам бы от Смоленска отшел, изо всей бы земли Российского государства польских и литовских людей вывел", то отныне указаний боярского правительства на местах больше не исполняли. Бессильная дума окончательно потеряла традицион-

ный авторитет и отныне не могла оказывать влияния на русское общество.

Короля это уже не беспокоило — 2 июня 1611 г. польско-литовские войска взяли штурмом Смоленск. Глядя на польские успехи, другие соседи приступили к дележу территории Московского государства: шведские войска захватили Новгород, а местные власти заключили договор о "переходе" под покровительство шведской короны; практичные англичане подали своему королю в 1612 г. проект оккупации Русского Севера.

На пике кризиса провинциальные города начали движение за возрождение национальной государственности. Посадские и волостные "миры" создавали выборные органы, которые взяли в свои руки сбор государственных доходов, занялись организацией обороны, формировали свои отряды. Разосланные весной 1611 г. грамоты призывали "королю и королевичу креста не целовать и не прямити ни в чем, никоторыми делы... короля и королевича польского и литовского на Московское государство и на все государства Российского царствия не хотеть"; поляки "Московское государство выжгли и высекли, и Божия святыя церкви разорили и чудотворные мощи великих чудотворцев московских обругали, и раки чудотворных мощей разсекли... и в церквах для поругания лошади оставили".

Первое ополчение 1611 г. не достигло цели — казаки и дворяне не смогли договориться. Дворяне добивались возвращения беглых после изгнания поляков, казаки не хотели расставаться с вольной жизнью и вновь возвращаться в крестьянское или посадское "тягло". Кончилось тем, что лидер дворянского ополчения Прокопий Ляпунов был убит на казачьем "кругу". Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде по инициативе мясника, уважаемого земского старосты Козьмы Минина был принят приговор о создании нового ополчения: "Стоять за истину всем безызменно... На жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы. И жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать".

Зимой 1611–1612 гг. был создан Совет всея земли — подобие Земского собора, куда вошли "из всех городов всяких чинов выборные люди". Новое правительство организовало сбор налогов, создало собственные приказы — Поместный, Разрядный и Посольский. Раздача жалованья и поместий помогла создать боеспособную армию во главе с князем Дмитрием Пожарским. Была налажена чеканка "законных" денег с именем прежнего царя Федора. Летом 1612 г. ополчение утвердило свою власть в северных "замосковных" городах, а 27 октября осажденный польский гарнизон в Москве сдался.

Сразу же после освобождения Москвы от поляков по городам были отправлены грамоты о созыве Земского собора. Точное число его участников нам неизвестно: за многих из них расписывались "умевшие грамоте": "Кузмодемьянского города посадцкой человек Григорей Иванов и [за] чебоксарцов выборных людей детей боярских и посадцких людей и стрелцов, руку приложил". Но он стал одним из самых представительных собраний; среди 700–800 выборных были не только служилые люди и горожане, но и казаки и даже черносошные крестьяне.

Начавшаяся в январе 1613 г. предвыборная борьба была ожесточенной, но в итоге из всех претендентов (князя Дмитрия Трубецкого, Ивана Голицына, Дмитрия Черкасского и даже Дмитрия Пожарского) большинство собора предпочло кандидатуру 16-летнего Михаила Федоровича Романова. Представитель славного боярского рода, состоявшего в родстве с предшествовавшей династией, он по молодости в "измене" не был, но его родичи находились в обоих лагерях — и в Москве, и в Тушине. Под давлением казаков и под влиянием пущенной в ход легенды, будто царь Федор завещал престол Романовым, Михаил был избран 21 февраля 1613 г. По иронии судьбы призванную восстановить порядок в стране династию избрали казаки. Как сообщали шведские лазутчики, именно казаки и "чернь" "с большим шумом ворвались в Кремль к боярам и думцам", обвиняя их, что они "не выбирают в государи никого из здешних господ, чтобы самим править и одним пользоваться доходами страны...".

Но Смута не закончилась с освобождением Москвы: в 1615 г. шведский король Густав Адольф пытался овладеть Псковом; на западной границе практически постоянно шла война с отрядами Сигизмунда III и Владислава, не раз предпринимавшими походы на Москву вместе с русскими "ворами" и запорожскими казаками гетмана Петра Сагайдачного. По стране бродили отряды казаков, порой бравшие штурмом даже такие крупные города, как Вологда или Астрахань.

Только к исходу 1614 г. на Яике были схвачены преданные своими казаками атаман Заруцкий и Марина Мнишек; трехлетний сын "царицы" и Лжедмитрия II — "воренок" — был публично повешен в Москве. К 1619 г. удалось справиться с казачьей вольницей: "воровским" атаманам дали жалованье и даже поместья, казаков отправили на службу по разным городам и границам.

Страна вновь обрела единство и законную власть. Но при этом не произошло обновления в системе управления, социальном строе, культуре. Участие "всей земли" в воссоздании государственности привело к восстановлению старого варианта политического устройства.

Духовно-религиозный подъем не нашел выражения в юридических установлениях, которые бы регулировали отношения власти и подданных. Возможно, здесь проявляется определенная закономерность: общество, уставшее от социальных потрясений, из предложенных возможностей выбирает наиболее консервативный путь.

Подробнее на эту тему

Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. СПб., 1998.

Кобрин В. Б. *Смутное время — утраченные возможности* // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 163–185.

Платонов С. Ф. *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв*. М., 1937.

Флоря Б. Н. *Польско-литовская интервенция в России и русское общество*. М., 2005.

Черепнин Л. В. *Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв*. М., 1978.

1666 От “симфонии” к расколу

С ноября 1666 и до июля 1667 г. в Москве тянулся церковный “великий собор” с участием вселенских патриархов, многочисленных греческих епископов, русского духовенства, царя и Боярской думы. Созван он был для разрешения двух наболевших и буквально раздиравших русскую церковь конфликтов, тесно между собой связанных: один, разворачивавшийся между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, подрывал основы взаимоотношений светской и церковной властей, другой, между сторонниками и противниками проведенных Никоном церковных реформ, привел к расколу русской церкви.

Как Никон, так и вожди раскола неоднократно вызывались высоким собранием для увещеваний и объяснений. И та и другая стороны решительно отрицали свою вину и во всех “нестроениях” обвиняли царя и поддерживавших его греческих иерархов. Опальный патриарх честил греческих судей как “бродяг” и “султанских невольников”, советовал им, вместо того чтобы “ходить всюду за милостынею”, поделить между собой золото и жемчуга с его патриаршей митры и панагии и заявил, что греческие канонические правила, которыми руководствовались судьи, “не прямые, печатали их еретики”. В ответ собор обвинил его в оскорблении восточных патриархов, лишил сана и отправил в северный Ферапонтов монастырь простым монахом.

Возглавлявший староверов протопоп Аввакум точно так же "покаяния и повиновения не принес, а во всем упорствовал... освященный собор укорял и неправославным называл". Как потом вспоминал Аввакум, дело чуть не дошло до драки, и тогда "я отошел к дверям да набок повалился: "посидите вы, а я полежу", говорю им. Так оне смеются: дурак-де протопоп! И патриархов не почитает!" Юродствуя, Аввакум обличал и "Никона-волка", и "немощных" от "насилия турскаго" греков, и идущего у них на поводу царя, утверждал, что "до Никона-отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна". В итоге собор отлучил от церкви всех сторонников старых обрядов и книг, а вождей раскола отправил в ссылку. Следствием фанатической бескомпромиссности Никона и Аввакума стала церковная катастрофа, о которой ярко свидетельствуют события 6 января 1681 г.

Во время крещенского обряда освящения вод, когда торжественный крестный ход царя Федора Алексеевича вместе с патриархом, духовенством, приказными и стрельцами спустился от Успенского собора Московского Кремля к Москве-реке, где была устроена иордань (крестообразная прорубь), московские староверы ворвались в опустевшие соборы. Они учинили там разгром, осквернили могилу покойного царя и разбрасывали (впервые в русской истории!) с колокольни Ивана Великого листовки с карикатурами на власть и церковь, изготовленные по "эскизам" тогда уже "тюремного сидельца" Аввакума.

> ...Безстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству безчестные. И в то же время, подобно ворам, тайно вкрадучися в соборныя церкви, как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальныя свечи ставили, не отличаясь ничем от святокрадцев и церковных татей. Сии все злодеяния были в Москве от раскольников наущением... вождя своего Аввакума. Он же сам, окаянный изверх, в то же время... сидя в... земляной своей тюрьме, на берестяных своих хартиях рисовал царских персон и высоких духовных лиц с хульными надписаниями, и толкованиями, и блядословными укоризнами.
>
> (*Цит. по:* Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН. М.; Л., 1965. Т. 21)

Крещенская "замятня" 1681 г. показала всю остроту религиозного противостояния. Это хорошо видно по характеру средств, использованных староверами для осквернения святынь. В отличие от восковых

сальные свечи в церковном обиходе не использовались, их считали нечистыми. Деготь — общеизвестный знак позора, им и в XX в. в деревнях мазали ворота девкам, которых считали "гулящими". Как писал один из лучших знатоков культуры XVII в. А. М. Панченко, "в глазах бунтарей официальная церковь утратила непорочность, уподобилась блуднице и не могла претендовать на духовное руководство".

Как же русское православное царство "дошло до жизни такой"? Как вообще мог случиться и "получиться" раскол, когда две партии истово веровавших и преданных церковному делу людей буквально "съели" друг друга, ослабив церковь и создав предпосылки для ее полного подчинения государством (по выражению Ф. М. Достоевского, "паралича") в XVIII–XIX вв.? Каковы были взаимоотношения церкви и власти, церкви и общества, наконец, что из себя представляло русское религиозное сознание?

Крещение Руси, его предпосылки и альтернативы

Как известно, Русь приняла крещение от Византии около 988 г. Вплоть до 1448 г. история Русской православной церкви — это история одной из митрополий константинопольского патриархата. Крещение было второй религиозной реформой киевского князя Владимира, предпринятой в значительной степени вследствие неудачи первой. В 980 г. Владимир предпринял попытку создания единого государственного пантеона из племенных языческих божеств во главе с Перуном. Насаждение культа вдвойне чужого (киевского и княжеского) бога вызвало восстания в недавно покоренных землях и, вместо того чтобы укрепить власть Киева, наоборот, ее ослабило. Владимиру "с боярами и старцами градскими" пришлось искать другой способ духовного и идеологического скрепления разноплеменного населения подвластных ему земель. Варианты могли быть — и были — разные, что отразилось в источниках.

Наш древнейший летописный свод 986–987 гг. дает знаменитый рассказ о выборе веры Владимиром. Согласно ему, к князю поочередно приходили волжские булгары (принявшие ислам в 922 г.) с проповедью мусульманства, затем "немцы" от папы римского, хазарские иудеи. "После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя". Владимир, особо впечатленный рассказом последних, по совету бояр и старцев отправил послов посмотреть "кто как служит Богу". Побывав и у булгар, и у немцев, послы были потрясены византийской

церковной службой "ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом". Они сделали и практический вывод — "не можем уже более пребывать в язычестве", поддержанный боярами ссылкой на прецедент — "если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей".

Это предание, сочиненное, скорее всего, задним числом, тем не менее вполне достоверно отражает конфессиональное окружение молодого киевского государства. Русь действительно могла выбирать, и некоторые авторы даже рисуют захватывающую дух картину, к примеру, потенциального исламского выбора Владимира и его последствий для судеб Европы. Так, Д. В. Поспеловский полагает, что если бы Владимир принял ислам, то создалась бы реальная угроза европейской христианской цивилизации со стороны воинственных мусульманских народов (мавры на Пиренеях, турки-османы на Балканах и булгары с русскими в Восточной Европе). Именно эту угрозу, по его мнению, и сняло крещение Руси. Следуя такой логике, придется признать, что европейскую христианскую цивилизацию спасла любовь Владимира к вину. Ведь именно запрет на него заставил князя отвергнуть ислам с известной мотивировкой: "Руси есть веселие питие, не можем бес того быти".

Если говорить серьезно, то у иудаизма, как и у мусульманства, были очень небольшие шансы. Хазарский каганат был разгромлен отцом Владимира Святославом, опустошившим также и Волжскую Булгарию. Но главное, Русь предшествующими веками истории была гораздо теснее связана многообразными политическими, экономическими и культурными связями с Европой, чем с южными или восточными степями. Уже в конце IX — первой половине X в. она постепенно превращалась в пусть и отдаленную, но существенную часть *orbis christianus*. Константинопольский патриарх Фотий Великий еще в 864 г. посылал епископа на Русь. И хотя эта первая христианская миссия была уничтожена Олегом после захвата Киева в 882 г., проникновение христианства на Русь из Византии, Болгарии и Скандинавии продолжалось. Великое дело "первоучителей и просветителей словенских" Кирилла и Мефодия, погибшее в Моравии, продолжилось в Болгарии и оттуда было передано на Русь. Множество варягов-дружинников были христианами. К середине X в. в Киеве было уже два христианских храма и, соответственно, две общины. В договоре киевского князя Игоря с Византией в 944 г. часть его дружинников клянется Перуном, а часть — церковью Св. Ильи.

Реально выбор стоял, конечно, между старым и "новым" Римом (Константинополем). В одной из немецких хроник зафиксирова-

но, что княгиня Ольга, крестившаяся в Византии, отправляла в 959 г. послов к германскому королю и императору Священной Римской империи Оттону I "прося, чтобы их народу были поставлены епископ и священники". Известны и некие германские планы убитого Владимиром сводного брата Ярополка (скорее всего, одновременно брачные и конфессиональные). Однако в итоге именно большая степень интенсивности русско-византийских связей продиктовала выбор Владимира, породнившегося после крещения с сестрой византийского императора Анной (в подобной высокой чести за несколько лет до этого было отказано Оттону II, сватавшемуся к одной из византийских принцесс). Православие стало государственной религией и оставалось ею вплоть до 1917 г.

Первый киевский митрополит из русских Иларион (1051–1054) так описывал последствия крещения: "...начал мрак идольский от нас отходить и зори благоверия явились, тогда тьма бесослужения рассеялась и слово евангельское землю нашу озарило; жертвенники были разрушены, а церкви поставлены; идолы сокрушены, а иконы святых предстали... фимиам, Богу воскуряемый, воздух освятил; монастыри на горах поднялись, монахи появились, мужчины и женщины, знатные и незнатные, — все люди заполнили святые церкви..." Это, несомненно, сильно идеализированная картина. Насаждение новой веры шло, естественно, сверху вниз: вначале были крещены горожане, причем зачастую принудительно (в Киеве все, кто не явится на реку креститься, были объявлены врагами великого князя, а в Новгороде жители Софийской стороны и вообще восстали с оружием в руках), затем настала очередь большинства, то есть сельского населения. Христианизация растянулась до XIV–XV вв., когда православная вера действительно становится основой духовной жизни народа.

Правда, религиозное сознание Древней Руси не было ни единым, ни цельным. Современные исследователи выделяют в нем три пласта. Первый связан с развитием собственно христианского, византийского наследия, второй — с причудливым взаимодействием христианской и восточнославянской языческой традиции и, наконец, третий — с судьбами "третьей культуры", не христианской и не языческой, но скорее ахристианской, основанной на сложном синтезе позднеантичных, ближневосточных и западноевропейских элементов. "Третья культура", народная и городская по своему происхождению, была представлена переводами греческих и иудейских апокрифов, светскими повестями и хрониками, естественно-научными трактатами.

Иногда своеобразный сплав христианских и языческих представлений называют "двоеверием". Наиболее точное описание этого яв-

ления дал богослов и историк церкви Г. В. Флоровский: “Язычество не умерло и не было обессилено сразу. В смутных глубинах народного подсознания... слагались две культуры: дневная и ночная. Носителей “дневной” культуры было, конечно, меньшинство... Заимствованная византийско-христианская культура не стала “общенародной” сразу, а долгое время была достоянием... культурного меньшинства... История этой культуры не исчерпывает всей полноты русской духовной судьбы... В подпочвенных слоях развивается “вторая культура”, слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие переживания сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения. Эта вторая жизнь протекает под спудом и нечасто прорывается на историческую поверхность. Но всегда чувствуется под нею, как кипящая и бурная лава...” Главным различием между этими двумя культурами Флоровский считает различие “духовных и душевных установок”. “Дневная” культура была культурой духа и ума, это была “умная” культура: “ночная” культура есть область мечтания и воображения...” Действительно, христианство на Руси было воспринято скорее эстетически (через красоту богослужения и церковного искусства) и морально-этически (как система норм и запретов), но не было воспринято как религия Логоса (Бога как всеобъемлющего смысла). Более того, постепенно укреплялась традиция противопоставления сердца и чувства — разуму, веры — рациональному знанию. Отсюда вытекали многие печальные последствия, в том числе поверхностное знание Библии, магизм и ритуализм, когда вторичные, материальные, святыни (иконы, мощи, освященная вода) заслоняли собой первичные (евхаристию и Священное Писание).

Одновременно с христианизацией язычества идет “объязычивание” христианства. Православная церковь включает языческие праздники в свой календарь или ставит новые на место старых (как в случае с Масленицей, ставшей неделей сыропустной перед Великим постом). Возникает православный культ “явленных” икон (обретенных на деревьях, воде или камнях) — явный отголосок языческого поклонения деревьям, источникам вод и камням. К сожалению, рука об руку с достижениями — распространением грамотности, книжности, искусств — начинают накапливаться и проблемы, отчасти бросающиеся в глаза и даже считающиеся особенностями русской религиозной жизни и сознания, а отчасти пребывающие под спудом, в глубинах народного сознания, вырывающиеся наружу во время кризисов и нестроений (ереси XIV–XV вв., “капитоновщина” или раскол). “Народное христианство”, например, плохо отличает догмат от обряда, делает акцент на поклонении, а не на понимании, враждебно относится к любым изменениям.

144 Византийская “симфония” в русском исполнении

Внешняя канва утверждения и развития православия, его основных институтов и культуры на Руси в допетровский период хорошо известна. Любой учебник рассказывает о митрополите, епископах и епархиях, игуменах и монастырях, священно- и церковнослужителях, книгах и обрядах, храмах и иконах и т. д. Но нередко в стороне остается вопрос о своеобразии русского православия, его взаимоотношений с государством и обществом. Между тем это своеобразие с самого начала властно заявило о себе, определенным образом направив развитие церкви, страны, культуры и сузив круг альтернатив.

Русь получила от Византии вполне разработанное христианское вероучение и развитую христианскую культуру. Ко времени крещения славян эпоха доктринальных споров на вселенских соборах подошла к концу. Основные догматы, сформулированные в Никео-Цареградском Символе веры, были уже разработаны и переданы славянам в окончательном виде. Быть может, именно поэтому русская церковь дала мало оригинальных богословов, а периодически возникавшие религиозные споры редко носили догматический характер. Кажется, что все основные усилия поколений русских священников и богословов были направлены на овладение византийским наследством, а не на его творческое развитие. Первые четыре-пять веков вообще в основном стояла проблема переводов текста Библии и богослужебных, учительных и т. д. книг на церковнославянский язык. Как известно, проблема эта была решена довольно поздно — только к концу XV в., когда под руководством архиепископа новгородского Геннадия была составлена так называемая “Геннадиевская Библия” (полный кодекс библейских книг). Напечатана полная славянская Библия была в 1580 г. в Остроге (Речь Посполитая), а в Москве по этому изданию — только в 1663 г. Долгое время Священное Писание на Руси не столько читали, сколько слушали. Ветхий и Новый Завет (помимо Псалтыри и Евангелий) были известны только в отрывках, читавшихся за богослужением. Впрочем, распространение так называемых толковых списков библейских книг, где к тексту Писания присоединены толкования, указывает на постоянно существовавший интерес к такому чтению среди грамотных людей. Для неграмотных основные положения веры разъяснялись в проповедях, иконах и фресках церквей.

Греки передавали свою веру и цивилизацию Руси не в греческом оригинале, а в славянском переводе Кирилла и Мефодия. Но это благо со временем обернулось отрывом от греко-римской традиции (в до-

петровской Руси мало знали латынь и греческий), очень выборочным и приблизительным знакомством с античной и средневековой богословской и философской мыслью. Раскол христианского мира и нараставшее отчуждение его частей привели к тому, что Русь упустила опыт западноевропейской схоластики, опыт открытой богословской дискуссии. Признаком подлинного благочестия на Руси стал считаться нерассуждающий разум ("не должно смети иметь мнение, мнение — второе падение"; "не чти много книг, да не во ересь впадеши").

Наконец, с крещения Руси начинается собственно история (а не предыстория) русской культуры. Христианизация и окультуривание идут вместе и "сверху". "Повесть временных лет" сообщает, что Владимир после крещения "посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное... матери же детей этих плакали о них... как о мертвых". Так возникает тесная связь церкви и государства, когда церковь не только служит целям национальной, государственной политики, но и просто берет на себя выполнение некоторых государственных функций. И не всегда это было столь плодотворным, как в случае с грамотностью и книжностью.

В Византии взаимоотношения власти и церкви строились на принципе "симфонии", сформулированном в VI в. в кодексе Юстиниана. Церковь и государство, священство (*sacerdotium*) и власть императора (*imperium*) рассматривались как две части единого организма. Император Иоанн Цимисхий говорил: "Я признаю две власти: священническую и императорскую. Творец вверил первой заботу о душе, а второй — попечение о людских телах. Пусть ни одна из властей не подвергается нападкам, дабы мир мог процветать". Такова была теория, а практика ее нередко корректировала в сторону безусловного приоритета императорской власти. Например, один из византийских архиепископов XIII в. писал: "Император есть мерило в отношении церковной иерархии, законодатель для жизни и поведения священников, его ведению подлежат споры епископов и клириков и право замещения вакантных должностей". Надо сказать, что эта древняя традиция идет от римского императора Константина Великого, сделавшего христианство государственной религией, созвавшего в 325 г. первый Вселенский церковный собор в Никее и постоянно вмешивавшегося в богословские споры и церковные дела (крещение он принял только накануне смерти). Недаром продолжавшуюся вплоть до XX в. эпоху в истории церкви, когда политическая власть осуществляла свои цели, опираясь на христианство как государственную религию, принято называть "константиновской". Критики теократии говорят о "пленении" церкви государством, о том, что императоры приковали церковь

к своей колеснице, что в итоге привело к религиозно-политическому диктату, к "христианским" гонениям против инакомыслящих. Благостная в теории, на практике идея "симфонии" государственной религии была попыткой "воцерковления" языческой по сути монархии, в основе своей противоречившей постулатам Нового Завета.

Русь вместе с православием восприяла от Византии и ее церковно-политические концепции. Каноническая норма "симфонии" священства и царства была представлена уже в Кормчей книге, то есть в сборнике церковного законодательства (по-гречески — Номоканон) XII в., а в 1551 г. включена в постановления Стоглавого собора (причем повторена в нем дважды). Греческое понятие "симфонии" в первом случае переведено как "совещание", во втором — "согласие", то есть гармоническое взаимодействие между государственной властью и церковной иерархией. Практика, как обычно, корректировала благие намерения.

В начале киевского христианства мы видим, может быть, лучший вариант такого взаимодействия. Владимир уделял большое внимание тому, что мы бы сейчас назвали социальными аспектами христианства (и с чем так плохо обстоит дело сегодня). Он не только основывал школы, но и раздавал пищу голодным, поддерживал немощных. В Киеве X в. им была создана своеобразная система "социального обеспечения". Его примеру пытались следовать другие князья. Владимир Мономах в своем знаменитом "Поучении" наставлял сыновей: "Всего же более сирых не забывайте, насколько можете, по силе кормите, подавайте, сироту и вдовицу защищайте сами и не давайте сильным погубить человека". Владимир также глубоко воспринял христианские требования милосердия и, когда вводил в Киеве византийское право, настаивал на смягчении его наиболее жестоких черт (наказаний в виде смертной казни, пыток, увечья).

Основанный в XI в. Киево-Печерский монастырь в лице его знаменитых настоятелей преп. Антония, преп. Феодосия, многих монахов продолжал эту "социальную" линию. Все они воплощали идеалы "умаления", служения ближним через помощь беднякам, наставление буйных князей, личную аскезу. Киево-Печерский патерик содержит, например, рассказ о "черноризце" (то есть монахе) Прохоре, который во время голода раздавал хлеб и соль, в то время как киевский князь солью, наоборот, спекулировал.

В отношениях церкви и государства в это время "симфония" действует под знаком влияния первой. Так, церковный устав Владимира Святославича значительно расширяет по сравнению с византийскими уставами сферу церковного суда, к которому переходят все семейные

дела, чтобы церковь могла успешнее воздействовать на общественную жизнь. Еще важнее постоянная в XI — начале XII в. практика принятия князьями наставления и руководства от церковных иерархов.

Но с началом удельного дробления начинается и постепенное затемнение "симфонии". Андрей Боголюбский в 1156 г., не поладив с ростовским епископом Нестором, выгоняет его, а через несколько лет и его преемника Леона (по словам летописи, "хотя самовластец быти всеи Суждальскои земли"). В 1162 г., пытаясь сделать из Владимира "новый Киев", он просит константинопольского патриарха Луку Хрисоверга основать там митрополию и предлагает своего кандидата на этот пост, мотивируя просьбу тем, что он выстроил многие храмы и даже кафедральный Успенский собор. Патриарх хвалит его за ревность к делам благочестия, но отказывает в просьбе и строго напоминает, что не дело князя влиять на поставление епископов: "…начнеши гонити сего Богом ти данного святителя и учителя… а ведомо ти буди, благословеный сыну, то аще всего мира исполниши церкви, и грады… гониши же епископа… то не церкви, то хлеви…" Но суровое предупреждение о том, что стремление князей подчинить себе церковь превращает "храмы в хлевы", то есть обесценивает их, кажется, не было услышано. Брат Мономаха Ростислав убивает инока Григория за обличение, а великий князь киевский Святополк тоже за обличение мучил печерского игумена Иоанна.

С монгольскими завоеваниями начинается новый период церковно-государственной "симфонии", продолжавшийся до падения Византии в 1453 г. С началом "собирания земель русских" Москвой церковь соединяет свою власть и авторитет с линией московских князей, что закрепил переезд митрополита Петра в 1326 г. из Владимира в Москву (позднее была перенесена и митрополичья кафедра). "Но, соединив свою судьбу с одной линией, всячески поддерживая ее, — отмечал протоиерей Александр Шмеман, один из самых авторитетных современных православных богословов, — Церковь незаметно сама оказалась во власти этой линии, поставила себя ей на службу, перестала быть "совестью" государства, чтобы превратиться постепенно в опору и почти инструмент Московского "империализма". Московские князья нередко бесцеремонно вмешиваются в церковные дела, нарушая все предписания и каноны. Так, Дмитрий Донской пытается сделать митрополитом угодного себе архимандрита Митяя и заключает в тюрьму епископа Дионисия, отказавшегося благословляться у еще не поставленного в епископы священника. Когда в Москву приезжает поставленный в Константинополе митрополит Киприан, Дмитрий прогоняет его, а за ним прогоняет и Пимена, подкупом добившегося

посвящения в том же Константинополе. Только когда все эти неприглядные истории начисто изгладились из церковной памяти, Дмитрий Донской был канонизирован на Поместном соборе 1988 г.

Не случайно русские святые в XIV–XV вв. начинают уходить из городов в далекие и безлюдные места, основывая там монастыри нового типа, соединяющие мистические и молитвенные подвиги с социальным служением. И самый замечательный из них, преп. Сергий Радонежский, решительно отказывает митрополиту Алексию, когда тот хочет сделать его своим преемником, — "если не хочешь отогнать мою нищету [то есть меня, убогого] от того, чтобы слушал святые слова твои, более не говори и никому другому не вели".

Через 60 лет после смерти Сергия под ударами турок пала Византия. За несколько лет до этого Русь, преимущественно по политическим соображениям, отказалась примкнуть к Флорентийской унии 1439 г. — последней попытке объединения церквей. Подписавший унию от московской митрополии митрополит Исидор был изгнан московским князем Василием Васильевичем, а на митрополию в 1448 г. без санкции константинопольского патриарха был поставлен Иона. Де-факто это стало окончанием зависимости русской церкви от Константинополя (де-юре русская православная церковь сделается вполне самостоятельной — автокефальной — в 1589 г. с поставлением патриарха московского как пятого вселенского), но усугублением зависимости от воли великого князя московского. Русское церковное сознание, потрясенное гибелью православной империи от рук неверных, в спешном порядке конструирует московское самодержавие — не как политическую практику, к этому времени вполне сложившуюся, а как идеологему. Возникает идея Москвы как "нового града Константина", или Третьего Рима, священной миссией которого является защита и утверждение православной веры. При этом великий князь, а потом и царь московский сакрализируется "верою и честию всех презыйдя".

Третий Рим не продолжает, а заменяет собой Второй (Константинополь), возникает опасная подмена "вселенского церковного предания местным и национальным", по словам Флоровского. Доктрина о Москве как о Третьем Риме становится идеологическим базисом для образования деспотического Московского царства. Оно оформляется под символом мессианской идеи, при фактической, как писал Н. А. Бердяев, национализации церкви — "религиозная идея царства вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть служебную роль". Церковь, таким образом, попадает в ловушку, освящая своим авторитетом практически любое

деяние московских государей. Разумеется, были и исключения — митрополит Филипп мужественно обличал опричные порядки и принял за это мученическую кончину, были и другие примеры отстаивания правды перед лицом неправой власти. Но, например, утверждение крепостных порядков и несвободы общественной жизни прошло практически без реакции со стороны церкви. Увы, прав был строгий критик русской действительности Петр Чаадаев, писавший почти 300 лет спустя: "Почему… русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским… Пусть православная церковь объяснит это явление. Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой". Справедливости ради надо заметить, что отдельные голоса все-таки были, например нестяжатели Максим Грек и Вассиан Патрикеев. Последний, будучи учеником знаменитого отшельника и мистика Нила Сорского, резко протестовал как против закабаления крестьян монастырями, так и против смертных казней еретиков. Но опять же это были исключения, и судьба их была печальной. Новый виток драмы взаимоотношений власти светской и духовной пришелся на XVII в.

Церковные реформы Никона и раскол

После Смуты Московское государство восстанавливалось сложно и с колоссальным напряжением всех сил. Слабость светской власти дополнялась ослаблением авторитета духовной. Епископы признавали: "Многие священники мало умеют грамоте, и в церковь Божию мало ходят, и церковного правила не исполняют, и крестьян к церкви быть не понуждают". В исповедных вопросах к кающимся грешникам духовного звания постоянно отмечаются такие провинности, как "обедню похмелен служил" или "упився, бесчинно валялся", участие в драках и даже "разбоях".

Своеобразная "симфония" государства и церкви при отсутствии в стране влиятельного и образованного "третьего сословия", казалось бы, исключала появление широкого антицерковного движения, подобного Реформации на Западе. Но в середине XVII в. реформы патриарха Никона вызвали неожиданный и тяжелый раскол среди православного духовенства и мирян. Созванные им церковные соборы 1654–1656 гг. постановили устранить различия в богослужебных книгах и обрядах между русской и константинопольской церквями. Наиболее заметны-

ми из изменений стали: новое написание имени Христа (Иисус вместо Исус); замена двоеперстия на троеперстие при совершении крестного знамения; изменение отдельных слов Символа веры и многих молитв (не носивших догматического характера); замена "трисоставного" (восьмиконечного) креста на "двоечастный" (четырехконечный), хождения во время обряда крещения по солнцу ("посолонь") на хождение против солнца.

Проведение реформы было вызвано не только "нестроениями" в самой церкви, но и внешнеполитическими планами правительства. В это время решался вопрос о присоединении Украины, шли переговоры о том же с молдавским господарем, и надо было устранить религиозно-обрядовые расхождения с православными церквями этих стран.

Никон, в миру Никита Минов (1605–1681), происходил из семьи мордовского крестьянина. Обучался грамоте и книжной премудрости в Макариево-Желтоводском монастыре. В 20 лет он стал священником, в 30 постригся в монахи в отличавшемся строгим уставом Анзерском скиту на Белом море. Через восемь лет стал игуменом, познакомился с юным царем Алексеем Михайловичем и произвел на него сильное впечатление, стал по его рекомендации новгородским митрополитом, а в 1652 г. — патриархом. Никон фактически выполнял роль главы государства: во время отсутствия царя вмешивался в деятельность приказов, поддерживал войну со Швецией; с 1652 г. к нему обращались как к "великому государю". Основное дело Никона — церковная "справа", но не менее энергично он централизовал и управление церковью, при этом стремясь сохранить ее автономию. В предисловии к изданному в 1655 г. служебнику он прославлял "премудрую двоицу": "великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя святейшего Никона патриарха, которые праведно преданные им грады украшают и суд праведный творят". Основал новые монастыри, самым знаменитым из которых стал Воскресенский Новоиерусалимский под Москвой, выстроенный как "русская Палестина", повторяющая христианские святыни и сооружения Святой земли. Там в трехэтажном каменном "отходном скиту", где Никон жил почти восемь лет после отъезда из Москвы, сейчас находится его музей. Патриарх был человеком просвещенным и книжным, оставил после себя большое литературное наследие. Никоновская теократическая идея входила в противоречие с усиливавшейся светской властью — итогом этого столкновения был разрыв царя со своим "собинным другом". В 1658 году Никон отказался от патриаршества, но сохранил за собой сан патриарха и надеялся вернуть престол. "Дело" опального патриарха тянулось

несколько лет. Никон защищался от всех обвинений и, в свою очередь, доказывал: “Не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство пользуются... яко священство царства превыше есть”. На церковном соборе 1666–1667 гг. с участием двух восточных патриархов Никон был осужден и лишен сана, хотя проведенные им реформы собор подтвердил. Умер он в 1681 г. по пути из ссылки, откуда его вернул царь Федор Алексеевич.

Новые обряды противоречили “старине”, бывшей в сознании людей традиционной культуры наиболее надежной гарантией истинности веры. Для русского религиозного сознания было немыслимо даже малейшее изменение в священных текстах или в Символе веры, поэтому, например, добавление всего одной буквы в имени Спасителя понималось как принуждение поклоняться “другому Богу”, а изменение обряда крещения (обливание водой вместо погружения) делало недействительным само таинство.

Кроме того, весьма невысоким было и качество исправлений. Реформа проводилась под знаком возвращения к византийским корням, однако инициаторам не хватило образования: за основу “справы” были взяты не тексты древних греческих или славянских книг, как утверждали реформаторы, а современная им греческая богослужебная практика и тексты греческих изданий XVII в. (напечатанных в Венеции за неимением типографии в Константинополе). Неоднократно заявлявший о своем “грекофильстве” Никон греческого не знал, а его помощники трактовали своеобразно. По старообрядческому преданию, на вопрос Арсения Грека об исправлениях патриарх ответил: “Правь, Арсений, как попало, лишь бы не по-старому”. Это предание очень похоже на правду. В ходе “справы” были допущены многочисленные ошибки и нелепости. Многие из них — причем в основных богослужебных текстах — дожили в Русской православной церкви и до сего дня. Например, в Символе веры вместо слов “и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго” осталось только “и в Духа Святаго, Господа животворящаго”. Из-за такого весьма произвольного редактирования получалось, страшно сказать, что никониане верили в Бога “животворящего”, а не “истинного”. Справедливые возражения противников реформ привели только к еще большему ожесточению партии власти. Эти недочеты реформы, оказавшиеся в итоге роковыми, отражали кризисные явления в Русской православной церкви и обществе. Еще на Стоглавом соборе 1551 г. было признано, что в московском царстве “учителей нет, а те, что есть, сами грамоте мало умеют”, и решено повсеместно “у священников, у дьяконов... учинити

в домех училища... на учение грамоте и на учение книжнаго письма". Однако сделано в этом направлении было мало. Спустя 100 лет один из обвинителей Никона на соборе 1666–1667 гг., митрополит газский Паисий Лигарид, выразил единодушное мнение приехавших в Москву греческих иерархов — главной причиной раскола является состояние общего и богословского образования: "Искал я корня сего духовного недуга и в конце концов нашел два источника его: отсутствие народных училищ и недостаточность библиотеки... Если бы меня спросили, что служит опорой духовного и гражданского сана, то я ответил бы: во-первых, училища, во-вторых, училища и, в-третьих, училища".

Наконец, с психологической точки зрения интересен тот факт, что сам Никон, очевидно, довольно быстро охладел к своим реформам — книги, издававшиеся при нем в 1658–1666 гг. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, напечатаны по-старому, без исправлений. Своему бывшему единомышленнику Неронову он разрешил в 1657 г. служить по старым служебникам — со словами "обои-де добры — все равно, по которым хощеш, по тем и служи".

Тем не менее церковные соборы 1656 и 1666–1667 гг. отлучили противников реформ от церкви и прокляли их "как еретиков и непокорников". Эти решения закрепили раскол русской церкви на никонианскую, признаваемую государством собственно церковью, и старообрядческую, объявленную после анафематствования еретической. С этого времени движение раскола стало набирать силу. В "воззваниях" 1667–1668 гг. патриарх Иоасаф называл в числе поборников "старой веры" и служилых людей, и "ленящихся работати" крепостных крестьян, и монахов, и "белых" священников; по его словам, это было "всенародное множество". У раскольников появились свои вожди: дьякон Федор, инок Епифаний, священники Лазарь и Аввакум.

Аввакум (Петров) — протопоп, писатель, один из вождей старообрядчества (1620 или 1621–1682). Родился в семье сельского священника Нижегородского уезда. В 21 год стал дьяконом, в 23 был рукоположен во священника. С начала служения вступил в конфликт с окружением и за крайнюю строгость в церковных делах неоднократно изгонялся как властями, так и недовольной "бременами неудобоносимыми" паствой. Оказавшись во время одного из таких изгнаний в Москве, примкнул к кружку "ревнителей благочестия" и повел яростную борьбу против упадка нравов и нестроений церковной жизни — с позиций крайнего максимализма и традиционализма. Аввакум сознавал себя пророком, призванным обличать и наставлять, бороться со злоупотреблениями церкви и государства, проповедовать и окормлять своих многочислен-

ных духовных чад, которых “по се время сот с пять или шесть будет”. “Не почивая, я, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, и во царствующем граде, и во стране Сибирской проповедуя”. Церковную реформу Алексея Михайловича и Никона Аввакум не принял, попытки царя и иерархии привлечь его на свою сторону оказались безуспешными. Его ссылали, бросали в тюрьмы, разлучали с семьей, но он остался непреклонен. По духу и темпераменту он был борцом, полемистом, обличителем. На церковном соборе 1666–1667 гг. был лишен сана и заточен в Пустозерский острог (в устье реки Печоры) вместе со своими единомышленниками Федором, Епифанием и Лазарем. Именно там Аввакум на 49-м году жизни становится писателем и продолжает борьбу, создавая в нечеловеческих условиях 15-летнего содержания в земляной яме многочисленные послания, проповеди, библейские толкования и знаменитую, не имеющую аналогов в древнерусской литературе автобиографию — “Житие протопопа Аввакума, им самим написанное”. В нем Аввакум рассказывает потрясающим по силе и новаторским по художественным средствам слогом о своем мученическом, по примеру древних пророков и первохристиан, исповедании истинной веры, обличает “никоновские новины”. Несмотря на строгие условия содержания, сочинения Аввакума расходились буквально по всей России. В 1682 году Аввакум и его соузники по приказу царя Федора Алексеевича были казнены (заживо сожжены) “за великие на царский дом хулы”. Пустозерские мученики были канонизированы старообрядцами на соборе 1916 г.

Вожди раскола призывали уходить от гонителей и совершать церковные таинства самим, а попов-никониан обманывать. Староверческое движение стало первым в России массовым проявлением гражданского неповиновения; оно обеспечивало крестьянам организационные связи, необходимые для всех форм его борьбы. Раскольничьи скиты служили укрытием для беглых и исходной базой для повстанческих выступлений, а борьба за “старую веру” — идейным обоснованием социального протеста. Раскол стал своеобразной альтернативой московскому самодержавию и никонианской церкви, но обращен он был не в будущее, а в прошлое. Фанатичную верность традиции как условие спасения души зафиксировали знаменитые слова Аввакума, его кредо: “Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком!”*

Никоновскую реформу Аввакум и его последователи воспринимали как “блудню еретическую” (показывая тем самым, что не умеют отли-

* Сохраню до конца в том виде, в каком принял; не нарушу заветов: до нас положено, лежи оно так во веки веков.

чить догматы, на которые покушались реальные еретики, от обрядов, реформированных никонианами). Для них церковная "справа" — это крушение богоустановленного порядка: "Никон начал правоверие казнити, оттоле все зло постигает нас и доныне". Поэтому и разинщина, и "чумной мор" 1654–1655 гг., и войны с Речью Посполитой и Швецией были для них общественными проявлениями нарушения установленного Богом порядка. Аввакум в прошлом Руси видел "райский сад", верил в неизбежное в будущем восстание против никониан накануне Страшного суда и мечтал: "Даст Бог, преже суда тово Христова, взявше Никона, разобью ему рыло. Блядин сын, собака, смутил нашу землю. Да и глаза те ему выколупаю, да и ткну его взашей: ну во тьму пойди, не подобает тебе явиться Христу моему свету. А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Того мне надобно шелепами медяными [то есть медными прутьями] попарить". "Огнепальный" протопоп был убежден, что на Страшном суде он сможет приказывать Иисусу Христу...

Вожди раскола предвещали приход Антихриста, конец света в 1666 г. и грядущее царство небесное, где не будет различия между рабами и господами, "но вси едино есть". Даже после того как ожидаемого светопреставления не произошло, активность сторонников староверия не спала. Ужесточилась и правительственная политика. Указ 1684 г. предписывал всех отказывавшихся посещать церкви "пытать и разыскивать накрепко"; упорствующих "если не покорятся, жечь в срубе и пепел развеять". Начались печально знаменитые старообрядческие "гари", в которых сжигали себя сотни людей.

Иногда сторонники "старой веры" решались на сопротивление: в 1668–1676 гг. упорно держались против правительственных войск монахи и работники Соловецкого монастыря, отказавшиеся принять новые богослужебные книги. Когда же открытая борьба была невозможна, преследование властей и сознание безысходности порождали отчаяние: мир захвачен Антихристом, "нигде нет исходу — только в огонь да в воду".

Старообрядчество, староверие или раскол (в терминологии РПЦ до 1971 г.) — общее название объединений русских православных духовных лиц и мирян, отказавшихся признать реформы патриарха Никона. Собственное наименование староверия — древлеправославное христианство. Сохранив каноническую и догматическую основу православия, старообрядчество звало своих последователей не столько к возвращению обратно к дореформенной церкви, сколько к церкви новой, основанной на желании более активной и более целостной религиозной жизни при соблюдении дониконовской традиции. Старообрядчество отличается

строгим соблюдением принципа соборности (добровольного соединения верующих на основе любви к Богу и друг другу в духе Святом), значительной ролью мирян в жизни общин, верой в особую миссию русского православия. В силу давнего конфликта старообрядчества с государством в нем особое значение имеет идея разделения церковной жизни и государственной власти.

Старообрядчество не было единым движением; с конца XVII в. оно стало распадаться на отдельные толки и согласия ("федосеевщина", "поморское согласие" и др.). Старообрядчество делится на "поповщину" и "беспоповщину". Поповцы признают необходимость церковной иерархии и всех церковных таинств. Они в середине XIX в. создали свою церковную организацию (так называемую Белокриницкую иерархию) с центром в Буковине, тогда входившей в Австро-Венгерскую империю (позднее — в общине Рогожского кладбища в Москве).

Беспоповщина распространилась на Севере; ее приверженцы отрицали необходимость духовной иерархии и некоторых таинств. Наиболее радикальные ее толки ("филиповщина", "нетовщина") проповедовали необходимость "самоуморений" и самосожжений. В XVIII веке власти ослабили преследования старообрядцев, установив для них повышенное налоговое обложение. По мере того как раскольничьи общины втягивались в рыночные отношения, в них росло предпринимательство; из среды раскольников выделялась купеческая верхушка (знаменитые московские купеческие семейства Морозовых, Рябушинских, Кузнецовых, Расторгуевых). По данным Синода, в 1895 г. насчитывалось 13 млн старообрядцев, что составляло около 10% населения. В 1971 году Поместный собор Русской православной церкви признал постановления соборов 1656 г. и 1666–1667 гг. в части, касавшейся осуждения раскольников, недействительными, а сами старые обряды — равноспасительными и равночестными новым. Юбилейный собор 1988 г. (Собор тысячелетия) выразил сожаление по поводу возникшего 300 лет назад разделения единой церкви. В наше время наиболее крупными организациями являются: у "поповцев" — Русская православная старообрядческая церковь и Древлеправославная церковь во главе с митрополитами; у "беспоповцев" — Российский совет древлеправославной поморской церкви и Московские христиане древлеправославно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского федосеевского согласия.

Укрывшиеся в лесных скитах старообрядцы сохраняли свой уклад жизни, мировоззрение, старые иконы, книги "дониконовой печати" и рукописи. Уже 30 лет ученые Москвы, Петербурга, Новосибирска отправляются в экспедиции в районы старообрядческих поселений (с. Ветка на границе Украины и Белоруссии, Верхнекамье) за древними рукописями, запи-

сывают духовные стихи и песнопения; создается даже телевизионный архив, с помощью которого запечатлены церемонии и обряды прошлого, технологии традиционных ремесел.

Большинство старообрядцев верили, что с началом исправления книг наступило царство Антихриста. Эта вера, а также жестокие гонения со стороны государства привели наиболее радикальных "расколоучителей" к выводу, что самоубийство за веру есть подвиг, равный мученичеству. В 1687–1693 гг. на Севере бывший дьякон Соловецкого монастыря Игнатий и его товарищи организовали массовые самосожжения, в которых погибло около 5 тыс. человек. "Дерзайте всенадежным упованием, таки размахав — да и в пламя! Накось диавол, мое тело, до души моей дела тебе нет", — одобрял протопоп Аввакум своих последователей. Случаи самосожжения, самоутопления, самопогребения имели место даже в XIX в. Но не все могли последовать таким радикальным призывам. Десятки тысяч людей предпочитали уйти от гонителей-никониан: одни отправлялись в пределы Речи Посполитой, другие — к берегам Белого моря, третьи — в леса за Волгу и дальше в Сибирь, где и сейчас еще существуют общины старообрядцев.

"...И пришли они, подьячие с теми выборными людьми, в черные дикие леса к тому острогу, и, не подпуская их к острогу, начали воровские люди с того острога со стен по них стрелять ис пищалей. И подьячие с посыльными людьми учинили на тот острог окрик болшой и убили у них, воров, на стене острожной из лука чернеца [то есть монаха]. Да с того ж острога со стены сорвали они человека, Стенькою зовут, Климова. Да ис того ж воровского острога нашли... их воровское непристойное письмо. А по словам того вора Стеньки, в том остроге воры, церковные противники. И они, воры, видя над собою промысел и многой окрик и стрельбу, в том остроге заперлись и хоромы зажгли сами, и от того запаления згорели они все без остатка. А отнять их вскоре от огня было невозможно потому, что у острога ворота, и у них двери укреплены многими запорами. А острог был зделан в толстом лесу, от земли мерою трех сажен мерных, и поделаны были частые бойницы... И подьячие, войдя в тот острог, дождались того, как пожар истух, осмотрели в том пожаре многие погорелые тела, по смете тел двести с тритцать. И тот острог они, посланные люди, разорили до основания и пожгли" — так описывал самосожжение старообрядцев в Важском уезде в ноябре 1685 г. архиепископ Холмогорский Афанасий.

(*Цит. по:* Шашков А. Т. Неизвестная "гарь" 1685 года в верховьях Кокшеньги // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 110)

Итак, церковные реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона прошли по, увы, традиционной русской схеме — "хотели как лучше, а получилось как всегда". Точнее, получилось небывало хуже, и всю историю Русской православной церкви до собора 1917–1918 гг. правильнее было бы делить не на досинодальный и синодальный периоды, а на эпохи до и после книжной справы и раскола. В конфликте никониан и старообрядцев у каждой из сторон была своя правда. Никон и его сторонники совершенно справедливо пытались преодолеть замкнутость и отсталость русской церкви и восстановить авторитет ее главы, но действовали крайним насилием и сорвались в теократическую утопию. Аввакум и староверы мужественно противостояли зачастую неграмотному диктату и утверждали евангельские истины ценой собственной жизни, но замкнулись в невероятном традиционализме, гордыне, антиинтеллектуализме ("Не высокомудрствуй, но бойся!" — писал Аввакум, сам ничего не боявшийся).

Официальными же делателями церковного дела остались те, кого можно причислить к третьей стороне... Эти пастыри и эта паства — не ушедшие в раскол и формально принявшие никонианство — чаще всего действовали по принципу, сформулированному на соборе 1666–1667 гг. чудовским архимандритом Иоакимом, впоследствии патриархом московским: "Я не знаю ни старой веры, ни новой, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всем". "Хороши законоучители, — язвительно писал Аввакум, — что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: "А се, государь, бо се государь, добро, государь".

По верному замечанию американского историка Джеймса Биллингтона, "конфликт Никона и Аввакума был вовсе не богословским спором, но смертельной схваткой между двумя мощными первопроходцами в мире единой истины. Только после того, как они уничтожили друг друга, Россия стала безопасным местом для... доктрины служения государству". Именно конец русской "симфонии" в разрыве Никона с царем и расколе делает неизбежным превращение церкви при Петре I в часть бюрократического аппарата.

Подробнее на эту тему

Биллингтон Дж. *Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры*. М., 2001.

Панченко А. М. *Боярыня Морозова — символ и личность* // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 422–436.

Панченко А. М. *Русская культура в канун Петровских реформ*. Л., 1984.
Робинсон А. Н. *Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты*. М., 1963.
Успенский Б. А. *Раскол и культурный конфликт XVII века* // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2001. С. 313–360.
Федотов Г. П. *Святой Филипп митрополит Московский*. М., 1991.
Федотов Г. П. *Святые Древней Руси*. М., 1990.
Флоровский Г., прот. *Пути русского богословия*. Вильнюс, 1991.
Шмеман А., прот. *Исторический путь православия*. М., 2003.

1697 Европеизация от амуниции

Зимой 1697 г. в Москве готовилось Великое посольство — укреплять союз европейских стран против “салтана турского, хана крымского и всех бусурманских орд”. Среди волонтеров, ехавших обучаться морской науке, под именем Петра Михайлова скрывался Петр I. Он хотел сам увидеть приоткрывшийся ему в московской Немецкой слободе западный мир с его деловым размахом, океанской торговлей, процветанием наук и искусств.

Во время подготовки миссии кем-то из чинов Посольского приказа был составлен документ о положении крестьян в странах Европы. Появление такой “аналитической записки” не случайно совпало с кануном Петровских реформ. Небывалый вояж “великого государя царя” (да еще в качестве простого работяги) в чужие страны означал конец российского Средневековья. “Дух времени” постепенно подрывал основы старой российской военно-государственной системы и средневекового мировоззрения.

> Во Франции, сказывают, невольных никаких нет, а служат все за плату в урочные лета и с крестьян господам брать в слуги невольно. А волен во всех крестьянех король, естли кого из них хочет взять в салдаты и до протчих услуг своих. А господа их токмо берут с них уреченной оброк по уставу. В Англии и в Италии також, как сказывают, и в Гишпании,

живут люди потому ж на урочные лета наемные; а как срок доходит, то должен слуга, естли впредь у господина наймывался не хочет, за несколко месяцов то сказать господину своему, что он более у него служить не будет. Да и крестьян невольных у них нет, токмо имеют господа земли свои, которыя крестьяне у них оброчат на несколко лет, а потом по воле своей или когда не возмогут в оброке договориться, могут в ыное место жить перейтить; а сверх договору ни в какую работу дворовую их господа нудить не могут. Такое ж поведение и волность людем и крестьяном и в Голандии, с таким еще различием, что и купленые неволники, хотя и не християнские веры, могут, когда хотят, свободно от господина своего к иному господину. А крестьяня во всей Германии неволные... против того ж и в Датцкой земле во всем. В Польше сие известно многим, что содержат во крестьянех и слугах слуги наемные, а крестьяны невольные...

(Выписка, каким образом в чужестранных разных государствах поступают со служителями и с крепостными людьми // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1905. Кн. 3. Смесь. С. 30–31)

В основе структурного кризиса Московского государства XVII в. лежало нараставшее отставание России от стран Европы; но попытки выхода из кризиса порождали в правящих кругах как "реформаторские" настроения, так и оппозицию им. Приведший Петра к власти переворот 1689 г., вопреки обычным представлениям, был не победой молодого реформатора над косным боярством, а консервативной реакцией на умеренно западническую политику царя Федора Алексеевича (1676–1682) и царевны Софьи. Великий русский историк В. О. Ключевский был уверен: "Процарствуй Федор еще 10–15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама".

"Первый министр" царевны князь Василий Голицын много потрудился для создания коалиции европейских стран для борьбы с Османской империей. По сообщениям дипломатов, князь готовился создать регулярную армию, ликвидировать государственные монополии и даже отменить крепостное право. Голицын стал и первым из плеяды официальных фаворитов при "дамских персонах". К подобным вещам в его время современники еще не привыкли: с криком: "Временщик!" в 1688 г. бросился на князя убийца.

Если бы Голицын пришел в политику несколькими годами позже, он вполне смог бы стать достойным сотрудником Петра. Но в 1689 г. они оказались по разные стороны баррикад. Привлечение иностранцев и попытка устройства университета вызвали неудовольствие церкви. Не случайно Петра в конфликте с Софьей поддержал патри-

арх Иоаким, сразу же потребовавший изгнания из России иностранцев. В своем завещании патриарх умолял царя разорить "еретические" храмы и не допускать православных "общения в содружестве творити" с иноверцами. Приход к власти Петра I не оправдал надежд церковного руководства: церковь была вынуждена смириться с падением своей роли в политической жизни страны. И все же прошло несколько лет, прежде чем царь понюхал пороха в Азовских походах 1695–1696 гг. и приступил к преобразованиям.

В исторической науке с начала 90-х гг. XX в. появились попытки выявить альтернативные пути и "точки бифуркации" исторического развития страны. Некоторые историки полагают, что к концу XVII в. обозначилась объективная тенденция капиталистического развития страны. Другие сомневаются в такой готовности, но думают, что энергичный царь в условиях кризиса системы служилых "чинов" мог бы при желании сравнительно легко избавиться от крепостного права. Приведенная выше записка свидетельствует: в "верхах" о положении крестьян думали. И смотрели — во время знаменитого путешествия по землям Швеции, Пруссии, Голландии, Англии, Австрии, — каково оно в этих странах.

Молодой царь и его окружение, не скованные рамками посольского этикета, могли знакомиться с разными сторонами жизни западноевропейского общества. Они общались с коронованными особами и их министрами — и мастерами, торговцами, моряками, епископами, актрисами. Петр с одинаковым интересом работал на верфи, посещал мануфактуры, монетные дворы, театр и больницы, повышал квалификацию в качестве кораблестроителя и артиллериста, сидел в портовых кабаках и наблюдал за публичными казнями.

Гулял в "русском" стиле. "Спальня, убранная голубой отделкой и голубая кровать, обитая внутри светло-желтым шелком, вся измарана и ободрана. Японский карниз кровати сломан. Индийское шелковое стеганое одеяло и постельное белье запятнаны и загрязнены. Туалетный столик, обитый шелком, сломан и изрезан. Стенной орехового дерева столик и рундук сломаны. Медная кочерга, пара щипцов, железная решетка, лопатка — частью сломаны, частью утрачены. Палевая кровать разломана на куски..." — таким он оставил предоставленный ему особняк в английском Дептфорде, с поломанными деревьями и истоптанным газоном. Но после неумеренного "веселья" вел переговоры, наблюдал морские маневры, знакомился с Оксфордским университетом, заглянул в парламент: "Царь московский, не видавший еще до тех пор собрания парламента, находился на крыше здания и смотрел на церемонию через небольшое окно".

Письма Петра, передающие его впечатления от калейдоскопа событий и достопримечательностей, предельно скупы и сообщают только о делах и передвижениях: “Здесь, слава Богу, все здорово, и работаем на Индейском дворе”; “Покупки, которые принадлежат к морскому каравану, от господина генерал-комисария искуплены, также и ружье, которое принадлежит к конным и пешим полкам, искупают же. Что станет впредь чиниться, писать буду. Из Амстрадама, декабря в 1 день”; “...о железных мастерах многажды говорил Витцену”; “...мы третьего дни, слава Богу, возвратились из Англии все здорово и на будущей недели, Богу изволшу, поедем отсель в Вену. *Piter*”.

Где-то здесь, в центре деловой, динамично развивавшейся Европы, Петр решил внедрить в России западноевропейскую “модель” жизни, как можно скорее перенять все необходимое наперекор старому укладу и его традициям. Случилось ли это на королевской верфи в Дептфорде, где царь постигал высокие технологии своего времени — искусство кораблестроения, или в лондонской часовой мастерской Карте, где выучился на часовщика, сказать трудно. Но в то же время ясно, что западный мир московский царь воспринял как сложную машину, набор технических приемов и форм, которые надо как можно скорее использовать у себя дома. Другой вопрос — мог ли он понять основы качественно иного мироустройства, социальной структуры, отношения власти и подданных? Едва ли.

И все же он пошел на принципиальный разрыв с “московской” традицией и утверждал новую культуру, основанную на иной “знаковой системе”. Образцом для восприятия объявлялось не восточное благочестие, а культурный уклад Западной Европы; бороду надо было менять на парик, русский язык — на немецкий; античная мифология (“еллинская ересь”) стала официальным средством эстетического воспитания. К прошлому у него был и личный счет. На глазах десятилетнего Петра во время стрелецкого восстания 1682 г. погибли знатнейшие бояре и братья его матери-царицы; такой он навсегда запомнил прежнюю Русь.

Отсюда и темпы реформ: на следующий день после прибытия из-за границы царь лично обрезал бороды у потрясенных бояр, потом сам стал укорачивать рукава и приказал “всем служилым, приказным и торговым людям” носить иноземное платье. Указами вводилось новое летосчисление — от Рождества Христова. С набором рекрутов началось формирование новой армии. Реформа 1699 г. лишила воевод судебной власти над горожанами, которым разрешено было выбирать свои органы — “бурмистерские избы” (правда, за милость надо было расплачиваться двойным размером податей). Началась подготовка нового свода законов.

По единодушному мнению современников, Петр обладал огромным запасом энергии, необыкновенной любознательностью, целеустремленностью и вместе с тем практическим трезвым расчетом, умением использовать обстоятельства и выбирать людей — немногим правителям удавалось собрать вокруг себя столько одаренных и на все способных помощников. Петр вставал в пять часов утра, большую часть жизни провел в бесконечных переездах и, кажется, совсем не умел отдыхать — отдыхом ему служила смена занятий.

Царь отличался колоссальной работоспособностью и универсальными способностями. Сам он гордился, что владел 12 профессиями и был не только матросом и плотником, но и высококлассным артиллеристом, капитаном, инженером-кораблестроителем (специальностей выше по техническому уровню в начале XVIII в. не было), а еще токарем, часовщиком, каменщиком и даже врачом; если же лекарское искусство ему изменяло, мог вполне профессионально сделать вскрытие и установить свою же ошибку в диагнозе.

Разносторонняя образованность и горячая любовь к отечеству сочетались в нем с поразительной жестокостью и пренебрежением к человеческой личности. Не терпевший непрофессионализма ни в чем, Петр мог указать палачам на погрешности в их работе ("ноздри вынуты малознатно", а надо — до кости!) или порадовать флорентийского герцога, приказав отловить в тундре ему в подарок шесть "самоедов" — ненцев — "подурнее рожищем". Русский царь и первый меценат личным примером учил соблюдать светские приличия (в том числе, например, что нехорошо во дворце валяться на кровати в грязных сапогах) — и рубить головы восставшим стрельцам.

Очень трудно сказать, как пошло бы развитие страны, если бы не началась тяжелейшая война с одной из великих держав Европы, обладавшей 180-тысячной армией и мощным флотом. Но к этой войне Петр сознательно и последовательно стремился. Во-первых, потому что прорыв в Европу был невозможен, пока Швеция господствовала на море и берегах Балтики; во-вторых, царь был молод, нетерпелив, жаждал побед и славы. В ходе войны окончательно сложились и политические взгляды Петра.

На первом месте для него было процветание и могущество государства как движущей силы общественного прогресса и главного условия благосостояния не всегда разумных и усердных подданных. До конца жизни он демонстрировал собой образец служения государству, последовательно (и на деле!) исполняя воинский долг от "бомбардира" до генерала и вице-адмирала и получая соответствующее жалованье.

Этому служению он подчинял и личную жизнь, не щадя ни себя, ни близких. Этого же требовал и от других. Когда Петр в 1716 г. в Копенгагене не смог повидать поутру своего союзника — датского короля Фредерика IV (тот проводил время с любовницей), он сделал царственному "брату" замечание и в ответ на упрек, что и он, Петр, имеет "метресс", возразил: "Мои шлюхи мне ничего не стоят. Но та, что содержите вы, обходится вам в тысячи рикталеров, которые вы могли бы потратить с гораздо большей пользой". В ходе "троевременной школы", как называл царь Северную войну, он создавал задуманное им "регулярное" государство; его основные черты обозначились на втором этапе реформ — примерно с середины 1710-х гг. Модернизация Московского царства шла стремительно, но Россия не стала похожей на Голландию.

Капитализм из-под палки

Исход войны решали не только полководцы и солдаты: при отце Петра железо в Россию ввозилось из Швеции, ружья — из Голландии, да и сам он еще несколько лет после Полтавской баталии вынужден был закупать оружие за границей. Но все же к 1725 г. количество мануфактур увеличилось с 20–30 до 200; появились новые отрасли: табачное, полотняное, шелкоткацкое, хлопчатобумажное, писчебумажное производства. Окрепли уральские металлургические заводы: объем их продукции вырос в пять раз и выдвинул Россию на третье место в мире.

Вырос настоящий "военно-промышленный комплекс": крупные (на некоторых работало по тысяче и больше людей) предприятия — Тульский и Сестрорецкий оружейные заводы, Адмиралтейская верфь, Петербургский литейный двор, Хамовный, Канатный, Суконный, Портупейный, Шляпный дворы и другие мануфактуры смогли вооружить, одеть и экипировать армию, оснастить всем необходимым флот.

С 1702 г. стали призываться иностранные специалисты — мастера, офицеры, ученые, ремесленники, в условия контракта которых включалось требование "учить русских людей без всякой скрытности и прилежно". Выгодные условия привлекали мастеров, к неудовольствию их правительств; английскому послу со слугами однажды пришлось ночью громить мастерскую британского подданного, чтобы не допустить утечки технологических секретов. Вслед за специалистами "импортировались" организационно-экономические формы: в России впервые появились акционерные общества — "кумпании" —

и биржа. Неудобную серебряную копейку заменили серебряные рубль и полтинник и медная мелочь.

Основанные казной предприятия передавались в частные руки с беспроцентными ссудами, беспошлинной продажей товаров и другими льготами. Берг-привилегия 1719 г. разрешала всем без исключения подданным разыскивать залежи полезных ископаемых и строить заводы даже на территориях частных владений. Таможенный тариф 1724 г. поощрял экспорт продукции отечественных мануфактур и охранял высокими пошлинами (до 50–75% от стоимости товара) внутренний рынок от наплыва "заморских" конкурирующих изделий. В итоге форсированного развития промышленности в 1725 г. в структуре русского экспорта 72% приходилось на готовые изделия и только 28% — на традиционные виды сырья. Русское железо и парусина стали конкурентоспособными на мировом рынке.

Но Петр I не стремился внедрить в стране систему свободного предпринимательства. "Заводы размножать не в едином месте, так, чтобы в пять лет не покупать мундира заморского, и заведение дать торговым людям, собрав компанию, буде волею не похотят, хотя в неволю" — так он представлял себе развитие суконного производства в стране. Грозные указы повелевали строить исключительно "новоманирные" суда или использовать предписанную свыше технологию изготовления юфти (кожи), "а кто будет делать юфти по-прежнему, тот будет сослан в каторгу и лишен всего имения". Промышленникам назначались размеры капиталовложений, ассортимент изделий и объем производства. Главной обязанностью было выполнение казенных заказов; лишь "сверхплановая" продукция могла идти на рынок. Несоблюдение условий грозило конфискацией предприятий — в русском языке Петровской эпохи отсутствовало само понятие "собственность".

Казна была крупнейшим предпринимателем и торговцем. Железо с казенных заводов (свыше 80% всего производства) продавалось за границу. Государство ввозило для последующей продажи "в народ" соль, табак, курительные трубки, игральные карты, иногда вино. Оно же, особенно в первые, наиболее тяжелые годы войны, объявляло монополию на производство или торговлю определенными товарами (пенькой, строевым лесом, смолой, мехами, икрой, табаком, солью), что приводило к повышению цен и нарушению рыночной конъюнктуры. Распоряжения о запрещении вывозить экспортные товары через Архангельск и Ригу рвали налаженные хозяйственные связи.

Царь решил ввести полную государственную монополию и на производство, и на продажу водки. Указы 1708–1710 гг. запретили всем

подданным — в том числе, вопреки старинной традиции, и дворянам — винокурение для домашних нужд; у "всяких чинов людей" предполагалось конфисковать перегонные "кубы". Но попытка провести в жизнь этот план не удалась даже непреклонной воле Петра. Казенная промышленность не смогла нарастить достаточные мощности, чтобы заменить частное производство, а провинциальная администрация была неспособна — да и не очень старалась — проконтролировать все дворянские хозяйства. В итоге власть отступила: указ 1716 г. разрешил "всяких чинов людям вино курить по-прежнему про себя и на подряд свободно" при условии уплаты особого промыслового налога.

В конце петровского царствования власть отказалась от наиболее грубых методов вмешательства в хозяйственную жизнь. Но на смену прямым запретам пришла система государственного регулирования экономики. Берг- и Мануфактур-коллегии оформляли разрешения на открытие предприятий, распределяли среди них заказы, контролировали качество и объем товаров, выдавали ссуды и даже судили "фабриканов".

Создание современной промышленности "сверху" не дополнялось массовым развитием предпринимательства "снизу". Реформы и военные расходы тяжело сказывались на развитии деревни и особенно города (горожане составляли всего 3% населения России). С началом губернской реформы в 1708 г. горожане опять, как в XVII в., попали в подчинение к местным властям — комендантам и воеводам. "Добрых и прожиточных" купцов и посадских с 1711 г. переселяли в неблагоустроенный Петербург. За право стать городским жителем крестьянин должен был уплатить двойную ставку налога, что не избавляло его от крепостной зависимости. В итоге даже петровское законодательство вынуждено было признать в 1721 г.: "Купеческие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва не все разорены, от чего оных весьма умалилось, и уже то есть не без важного государственного вреда".

С начала войны на горожан и крестьян, в дополнение к прежним, обрушились новые денежные и натуральные повинности: "запросные", "драгунские", "корабельные", на строительство Петербурга и т. д. Специальные "прибыльщики" придумывали, что бы еще обложить налогом; в этом перечне оказались бани, дубовые гробы и серые глаза. Крестьяне обязаны были возить казенные грузы, работать в счет податей на казенных заводах, строить новую столицу (по 40 тыс. человек в год), каналы и крепости. Первая перепись — "ревизия" — 1718–1724 гг. зафиксировала 5,6 млн душ мужского пола, из которых

4 млн принадлежали дворцовому хозяйству, церковным и светским владельцам. Им пришлось платить подушную подать: 74 копейки в год с каждой крепостной мужской души, по 1 рублю 14 копеек с государственных крестьян и по 1 рублю 20 копеек с горожан. Налоговая система принесла в 1724 г. доход в 8,5 млн рублей при девятимиллионном расходе, из которого 63% шли на армию (собственно, ставка подушной подати и была определена путем деления военных расходов на число выявленных при переписи плательщиков). За четверть века, даже с учетом падения стоимости денег, казенные доходы выросли в три раза; с реальной души эти поборы увеличились не менее чем на 50%.

Ежегодно, а то и два-три раза в год, деревня провожала новобранцев на бессрочную службу в армию. При Петре I в армию ушло около 400 тыс. рекрутов, то есть каждый десятый-двенадцатый мужик; 200 тыс. из них погибли в сражениях или от болезней, были ранены, искалечены, пополнили ряды бродяг и нищих. Оставшимся дома предстояло содержать войска. Это только в кино "обыватели" радовались входившему в городок полку: у солдат и офицеров не было казарм, и они жили на постое в частных домах; хозяева должны были обеспечить "гостей" помещением и дровами.

К казенным повинностям добавлялся крепостной гнет. В 1682–1710 гг. дворянам было роздано 43 тыс. крестьянских дворов (примерно 175 тыс. человек). Петровская "ревизия" уравняла в бесправии владельческих крестьян и холопов; по закону имущество крепостных стало рассматриваться как собственность их владельца и могло быть конфисковано за его вину. В 1724 г. были введены паспорта, без которых крестьяне и горожане не имели права покинуть место жительства. Результатом стало массовое бегство, в том числе за границу: в 1719–1727 гг. в бегах числилось почти 200 тыс. душ. На протяжении петровского царствования постоянно вспыхивали волнения: восстание в Астрахани в 1705–1706 гг., в Башкирии в 1705–1711 гг., движение Кондратия Булавина на Дону в 1707–1708 гг., Тарский бунт в Сибири в 1722 г. По дорогам империи бродили "разбойные партии" беглых и дезертиров. Вообще криминогенная обстановка в стране заметно ухудшилась, и это тоже необходимо включить в "цену" форсированной модернизации.

Но государственное вмешательство и усиление крепостничества — это еще не вся цена экономического скачка. Реформы "пересаживали" на российскую почву передовые формы производства; но, попадая в нее, элементы нового экономического и общественного порядка прочно "схватывались" сложившейся крепостнической системой отношений и деформировались ею.

В русских городах появились купеческие гильдии и ремесленные цехи (1721), но они стали не самоуправляемыми корпорациями с гарантированными правами, подобными западноевропейским, а группами "регулярных" налогоплательщиков, в которых наиболее состоятельные граждане обязаны были платить за неимущих. Государственное "ускорение" развития промышленности ставило предпринимателя в зависимость от бюрократии. Ликвидация слоя "вольных" и "гулящих" людей и массовый сыск беглых лишали его возможности рассчитывать на рыночную конъюнктуру и вольный найм рабочей силы и заставляли добиваться казенных привилегий и заводить крепостных рабочих.

К казенным предприятиям "приписывались" целые крестьянские волости. На мануфактуры стали принудительно отправлять нищих, бродяг и преступников ("виновных баб и девок"). Наконец, в 1721 г. Петр I издал указ, разрешавший частным владельцам заводов "деревни покупать невозбранно". Потенциальные капиталистические предприятия превращались в "крепостную мануфактуру"; ее владелец становился хозяином своих рабочих и мог обращаться с ними по своему усмотрению, например "штрафовать цепью" за проступки, включая "сварливую жизнь в семействе".

Сами мануфактуристы стремились любой ценой стать дворянами, чтобы получить привилегии и гарантии собственности; так поступали Строгановы, Демидовы, Баташовы и многие другие. Петровские законы намеренно открывали городской верхушке путь в "шляхетство" в обмен на "тщательное радение" в местных органах управления. Даже спустя много лет после Петра предприниматели оставались людьми "второго сорта" и жаловались: "А ныне, принеся казне большой доход, почтения и рангу себе больше не заслужат, как двух имян: первое — мужик сорокоалтынный, второе — подлой человек".

Зависимость предпринимателей от казны (заказы, гарантированный сбыт, монополии, даровой труд "приписных") не стимулировала технический прогресс и конкуренцию. Московские купцы критически отзывались о продукции отечественных шелковых мануфактур: "Против заморских работой не придут, а ценою продаются из фабрик выше заморских". В торгово-промышленную деятельность устремились вельможи вроде князя Меншикова — хозяина первых в России доходных домов, винокуренных, кирпичного, хрустального заводов и совладельца шелковой мануфактуры. Такие "предприниматели", как и "одворянившиеся" заводчики-купцы, смотрели на свои предприятия лишь как на источник доходов и не заботились о совершенствовании производства.

Созданная в кратчайшие сроки мощная экономическая база позволила догнать и даже перегнать по ряду показателей страны Западной Европы. Но оборотной стороной этого рывка был поворот промышленности на крепостнический путь развития, что привело к прогрессировавшему экономическому отставанию России с начала XIX в. Эта же причина предопределила экономическую и политическую слабость российской буржуазии: до самого начала XX в. она так и не сложилась в особую социальную группу с осознанными интересами.

"Регулярное государство"

В 1708–1718 гг. были намечены контуры нового государственного аппарата. Высшим органом управления стал Сенат (1711), которому подчинялись коллегии (начали работу в 1719–1721 гг.). К этой реформе царь готовился заблаговременно. Начиная с 1712 г. чиновники и дипломаты получали указания собирать и изучать "права других государств": законодательство Австрии, Дании и даже основного противника — Швеции. Для работы в коллегиях пришлось привлекать иностранцев — чехов, англичан, мекленбургских, саксонских, эстляндских, лифляндских "немчин" и пленных шведов.

Петр верил, что "лучшее устроение через советы бывает", и потому требовал коллегиального обсуждения и решения дел. Новая система управления имела ряд преимуществ по сравнению с приказной: четкое разделение сфер компетенции, действие на всей территории страны, единообразие устройства. Впервые закон определял рабочее время чиновников, круг их обязанностей, зарплату и даже отпуска; вводились присяга чиновников, единые правила делопроизводства. Все это определялось подробными уставами и регламентами, многие из которых сочинил сам Петр.

В 1708 г. Россия была разделена на губернии, которые, в свою очередь, с 1719–1720 гг. делились на провинции, ставшие основными единицами территориального деления. Провинции состояли из округов-дистриктов во главе с земскими комиссарами, избираемыми местным дворянством. При провинциальном воеводе появились камерир (ответственный за сбор налогов), ландбухгалтер, рентмейстер (казначей), ландрихтер (судья), контора рекрутских дел, контора розыскных дел и другие учреждения и лица, подчиненные соответствующим коллегиям. Так Петр пытался создать местные органы центральных учреждений, то есть ведомства. Он также впервые попробовал отделить суд

от администрации и создал судебные органы, подчинявшиеся только Юстиц-коллегии.

В систему новых учреждений при Петре была включена и церковь, сохранявшая до этого некоторую автономию от государства. В 1721 г. патриаршество было упразднено. Высшим церковным учреждением стал Святейший синод — "духовная коллегия" из епископов и других священнослужителей, где руководящая роль принадлежала сторонникам реформ Феофану Прокоповичу и Феодосию Яновскому и назначенному царем чиновнику — обер-прокурору. Как и прочие служащие, члены Синода получали жалованье и приносили присягу царю как главе церкви — "крайнему судии духовной сей коллегии".

Храмы и монастыри получили утвержденные штаты и должны были устраивать за свой счет богадельни для отставных солдат. Утвержденный Петром I основной закон по делам церкви — Духовный регламент — обязывал священников доносить об открытых на исповеди политических преступлениях. Приходским священникам вменялось в обязанность во все недельные праздники после литургии зачитывать вслух воеводские "публикации". Кроме того, от них требовали "подтвердительные сказки" "под лишением священства и под политическою смертью" об отсутствии беглых в приходах. В случае появления беглых священник обязан был доносить властям.

Модернизация государственного аппарата привела к увеличению числа чиновников. В 1715 г. в центральном аппарате было 1396 подьячих, а в 1721 г. — уже 3101; на местах появились коменданты, вальдмейстеры, провиантмейстеры, комиссары. Новая система учреждений вызвала к жизни новый, бюрократический принцип работы этого механизма взамен старого, служебно-родового: любой чиновник независимо от его происхождения и статуса мог быть сменен или назначен на должность по усмотрению начальства.

Отныне продвижение по службе, включая получение дворянского звания, определялось личными заслугами, усердием и опытом. Новый порядок был закреплен Табелью о рангах (1722) — "лестницей" из 14 основных классов-чинов гражданской, военной, морской и придворной службы. Табель о рангах облегчала карьеру неродовитым дворянам, а выходцам из "подлых сословий" давала возможность получить потомственное дворянство (в XVIII в. — с VIII класса). Этот закон просуществовал с некоторыми изменениями до 1917 г. и лег в основу традиций российской бюрократии.

Дополнительными "пряниками" для служащих стали представление к орденам (до 1826 г. награждение любым орденом означало получение потомственного дворянства) и пожалование титулами — ба-

ронскими, графскими и даже княжескими, на которые отныне могли претендовать даже лица "никакой породы".

Многие из петровских коллегий сохранили функции бывших приказов. Но в ходе реформ появились и совершенно новые учреждения. Для контроля над растущей администрацией в 1711 г. возник институт фискалов: 500 чиновников (по два в каждом провинциальном городе) обязаны были "над всеми делами тайно надсматривать и проведывать" и доносить в центр обер-фискалу о замеченных должностных преступлениях. Деятельность церковных властей контролировали духовные фискалы — "инквизиторы".

В 1722 г. тайный надзор был дополнен явным — прокуратурой. Первым генерал-прокурором Сената стал П. И. Ягужинский — "наше око и стряпчий о делах государевых", как называл его Петр. Ему подчинялись прокуроры коллегий и надворных судов в провинции; они имели право вмешиваться в деятельность всех учреждений и требовать пересмотра дел в соответствии с законом. Прокуроры контролировали деятельность фискалов, но и фискалы могли доносить на прокуроров.

Другим рычагом проведения реформ стали органы политического сыска — Преображенский приказ в Москве и Тайная канцелярия в Петербурге. При Петре они впервые выделились в самостоятельное ведомство и пресекали все попытки сопротивления правительственному курсу "сверху" или "снизу". Главный судья Преображенского приказа, жестокий, но неподкупно честный князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский даже замещал царя на время отъезда и сообщал ему о своей деятельности коротко и ясно: "Беспрестанно в кровях омываемся". Процедура следствия по политическим делам оканчивалась массовыми расправами: в результате стрелецкого восстания 1698 г. было казнено 1091 человек; из 500 человек, привлеченных по делу о восстании в Астрахани (1706), 365 были приговорены к повешению, отсечению головы, колесованию.

Контроль "сверху" Петр дополнял надзором "снизу". Основным средством для этого в централизованной системе было всемерное поощрение доносительства; в 1713 г. государь впервые обязался лично принимать и рассматривать доносы и призвал подданных "без всякого б опасения приезжать и объявлять... самим нам" о "преслушниках указам" и "грабителях народа". За такую "службу" доносчик мог получить имущество виновного, "а буде достоин будет — и чин", то есть новый социальный статус. Присяга обязывала подданного доносить — "благовременно объявлять" — о всяком "его величества интереса вреде и убытке".

Усилия Петра не пропали даром. Донос стал для власти эффективным источником информации о реальном положении вещей в далекой провинции, а для подданных — единственным доступным путем посчитаться с влиятельным обидчиком. Можно представить себе, с каким чувством "глубокого удовлетворения" обыватели сочиняли бумагу (а чаще по неграмотности объявляли "слово и дело" устно); в результате воевода, офицер, а то и бедолага-сослуживец могли угодить под следствие. "По самой своей чистой совести, и по присяжной должности, и по всеусердной душевной жалости... дабы впредь то Россия знала и неутешные слезы изливала", — восторженно доносил подьячий Павел Окуньков на соседа-дьякона, что тот "живет неистово" и "служить ленитца".

Реформы сделали общество более мобильным. Царь обладал умением выбирать толковых помощников; его "птенцы" быстро приобретали опыт и делали стремительную карьеру. Артемий Волынский в 15 лет стал солдатом, в 27 — полномочным послом в Иране, в 30 — полковником и астраханским губернатором. Поступивший на русскую службу бедный немецкий студент Генрих Остерман благодаря своим способностям и знанию языков в 25 лет стал уже тайным секретарем Посольской канцелярии, а в 40 — вице-канцлером и фактическим руководителем внешней политики России.

"Школой" для большинства деятелей той эпохи послужила гвардия. Гвардейцы Петра выполняли самые разные поручения: формировали новые полки, проводили первую перепись, назначались посланниками, ревизорами и следователями по особо важным делам. Простой сержант посылался (с правом личной переписки с царем) "для понуждения губернаторов и прочих правителей в сборе всяких денежных сборов" и делал выговор почтенному губернатору в генеральском чине. Символом доверия к гвардейцам стало включение 24 офицеров Преображенского полка в число судей над царевичем Алексеем: рядом с вельможами подпись под приговором сыну своего государя поставил прапорщик Дорофей Ивашкин.

"Петровское наследство"

Сын Петра I от нелюбимой и сосланной в монастырь Евдокии Лопухиной не смог — или не захотел — быть таким наследником, которого отец желал видеть; "омерзение" к образу жизни Петра переросло у сына в неприятие его преобразований. В 1715 г. в день похорон жены Алексей получил "Объявление сыну моему", которое после обвине-

ний в лени и нежелании заниматься государственными делами завершалось угрозой: "...известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангренный, и не мни себе, что один ты у меня сын..."

Итогом затянувшегося конфликта стало бегство царевича за границу, пресеченное блестящей операцией русской дипломатии. Затем последовали разыгранный в Кремле спектакль прощения, отречение от престола, следствие в застенках Тайной канцелярии, смертный приговор и загадочная смерть в Петропавловской крепости. Какими бы ни были последние часы жизни Алексея, в народном сознании царь мог выглядеть убийцей сына. Ветераны Петровской эпохи, как солдат Навагинского полка в Кизляре Михаил Патрикеев, спустя много лет рассказывали собеседникам: "Знаешь ли, государь своего сына своими руками казнил".

До недавнего времени эти события оценивались как разгром реакционных сил, знаменем которых был Алексей. Такой трактовке способствовало единственное издание материалов "дела" в XIX в., где текст документов правился с целью устранения информации о сочувствовавших царевичу представителях петровской знати.

Современные исследования "дела" показывают, что царевич не организовывал заговора против отца, но ждал своего часа. При дворе к середине 1710-х гг. сложились две противоборствовавшие "партии": во главе первой стоял А. Д. Меншиков, другую возглавляло семейство Долгоруковых, приобретавшее все большее влияние на царя. К взрослевшему наследнику тянулись лица из ближайшего окружения Петра, в их числе фельдмаршалы Б. П. Шереметев и В. В. Долгоруков, сенаторы Я. Ф. Долгоруков и Д. М. Голицын. Эта "оппозиция" готовилась после кончины Петра возвести отрекшегося по воле отца от престола Алексея на трон или сделать его регентом при единокровном младшем брате Петре.

Труднее говорить о планах оппозиции. Некоторые авторы считают возможным охарактеризовать эту группировку как "умеренных реформаторов европейской ориентации". Выводы эти кажутся обоснованными применительно к таким личностям, как моряк Александр Кикин или боевой генерал Василий Долгоруков. Однако проблема в том, что в кругу "сообщников" царевича были также люди, настроенные против всяких реформ. Едва ли стоит идеализировать и самого Алексея как политического деятеля. Он как будто хотел отказаться от имперской внешней политики, но в то же время собирался "не жалея ничего, доступать наследства", вплоть до использования военной помощи, которую обещал ему австрийский вице-канцлер граф Шенборн. Эти показания историки считают достоверными, тем более что они не были "подсказаны" ему в вопросах следователей.

Как бы сочетались в случае вступления Алексея на престол его намерения опереться на духовенство (царевич рассчитывал, что архиереи и священники его "владетелем учинят"), не "держать" флот и передать российские войска и "великую сумму денег" в распоряжение Австрии с планами просвещенных реформаторов? К тому же Алексей, выступая против реформ отца, унаследовал его темперамент: мог пообещать посадить на кол детей канцлера Головкина и всерьез собирался жениться на своей любовнице, крепостной Евфросинье: "Видь де и батюшко таковым же образом учинил". Похоже, приход царевича к власти вызвал бы новые столкновения в имперской верхушке и мог закончиться дворцовым переворотом. Или ссылкой, а то и плахой для слишком "европейски ориентированных" вельмож. Но избранный Петром "силовой" выход из кризиса вместе с устранением законного — в глазах общества — наследника тоже обещал в будущем потрясения.

Созданный в первой четверти XVIII в. мощный механизм власти помог мобилизовать силы страны, в кратчайший срок создать современную промышленность, выиграть тяжелейшую войну, заложить основы светского образования, внедрить ряд культурных инноваций и европеизированный образ жизни. Вместе с тем масштабная модернизация не была безоглядным разрывом с прошлым, как бы самому Петру этого ни хотелось.

Успех преобразований во многом был обусловлен как раз тем, что планируемые реформы царь велел приноравливать к местным условиям — "спускать с русскими обычаи", прежде всего с повышенной ролью государства во всех сферах общественной жизни и "служебным" характером отношений всех социальных слоев с властью. В результате западноевропейские "образцы" на русской почве приобретали местные черты.

Наиболее совершенным "детищем" Петра стала "регулярная" — то есть единообразно устроенная, обмундированная, вооруженная и обученная — армия. Ее победы сделали Россию великой державой: в 1720 г. страна могла выставить 79 тыс. штыков пехоты и 42 тыс. сабель кавалерии, мощный артиллерийский парк и инженерные части. В крепостях стояли гарнизонные полки; южные границы охранялись ландмилицией — территориальными войсками, набиравшимися из живших на юге мелких служилых людей — "однодворцев". Помимо регулярных войск имелись полки казаков, татар, башкир, численность которых достигала 40–70 тыс. человек. Российский флот стал сильнейшим на Балтике: Швеция в завершающую кампанию Северной войны могла вывести в море только 11 линейных кораблей, Россия — 30, оснащенных 2 тыс. пушек, с 10 тыс. матросов и солдат.

В новой армии утвердился рекрутский, а не наемный, как в большинстве европейских стран, порядок комплектования. Прибывшие в полк мужики-рекруты включались не только в официальные структуры (батальоны и роты), но и в привычные для них формы организации — солдатские артели с круговой порукой. Эти черты делали русскую армию XVIII в. социально и национально однородной и переносили в нее свойства привычного для крестьянина жизненного уклада. Вместе с солдатами пожизненную службу несли дворяне-офицеры, так же как их предки-помещики в XVI–XVII вв. Сохраняя тяжелую пожизненную службу, петровская европеизация не давала "шляхетству" гарантий, в том числе от телесных наказаний и регламентации личной жизни.

Петр отказался от шведской модели местного самоуправления (с кирхшпилем-приходом, управляемом кирхшпильфогтом вместе с пастором и выборными от крестьян): "...ис крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывают по указом из городов, а не от церквей, к тому ж и в уездех ис крестьянства умных людей нет". Начальником низшей административной единицы — дистрикта — стал выборный из дворянства земский комиссар. Его, в свою очередь, контролировал командир размещенного в данной местности на "вечные квартиры" полка. Эти же части стали параллельной гражданской военной администрацией и полицейскими командами по сбору податей и поимке беглых крестьян.

Вице-президент Коммерц-коллегии Генрих фон Фик (это он собирал в Швеции материалы для коллежской реформы) представил Петру проект регламента Главного магистрата. Этот проект предполагал настоящее городское самоуправление, а Главный магистрат только координировал бы деятельность самостоятельных городских магистратов. Петр и здесь пошел традиционно российским путем. В русских городах в 1723–1724 гг. появились магистраты. Однако слабость российского купечества не позволила им стать такими же реальными органами управления, какими они были в Западной Европе. Их задачей стало выполнение полицейских обязанностей: выявлять пришлых людей без "покормежных писем"; выдавать паспорта; организовывать полицейские наряды во главе с десятскими и сотскими; искоренять "праздных и гулящих", "понуждать" их "к каким возможно художествам и ремеслам или работам".

У этого "самоуправления" не было реальных, гарантированных законом источников доходов, что делало невозможным развитие местной экономики и инфраструктуры — "покровительство" мануфакту-

рам и рукоделиям, развитие "художеств" и торгов, учреждение бирж, ярмарок, школ, богаделен, обеспечение пожарного "охранения", чистоты улиц и ремонта мостов. Прибывший в город со своим отрядом офицер или местный воевода мог отдавать приказания бесправному "бурмистру", а то и поколотить его. Закон предписывал магистратам прежде всего собирать "положенные с них доходы"; к тому же это "самоуправление" было поставлено под контроль бюрократического "министерства городов" — Главного магистрата.

Родовитое дворянство сохранило за собой ключевые государственные посты первых четырех рангов. Бюрократический аппарат отторгал несовместимые с ним новшества вроде коллегиальности. Каково было, например, на заседании Военной коллегии безвестному полковнику Пашкову спорить с генерал-фельдмаршалом и личным другом государя Меншиковым? Независимый от администрации суд вскоре после смерти Петра был упразднен еще и по причине невозможности найти потребное количество юристов. Дело дошло до того, что в Сибири судьей назначили человека, судимого за два убийства и находившегося под следствием за третье, — как единственного грамотного и знакомого с юриспруденцией.

Оборотной стороной выдвижения новых людей стало снижение уровня профессионализма чиновников при возрастании их амбиций — теперь карьера обещала "беспородному" разночинцу и богатство, и дворянский титул. Дьяки и подьячие XVII в. взятки брали умереннее и аккуратнее, а дело свое знали лучше, чем их европеизированные преемники, отличавшиеся полным "бесстрашием" в злоупотреблениях.

> В записках Генриха фон Фика приведен портрет такого "нового чиновника", с которым ему пришлось встретиться в Сибири. "Молодой двадцатилетний детинушка", прибывший в качестве "комиссара" для сбора ясака, на протяжении нескольких лет "хватал все, что мог". На увещания честного "немца" о наказании за хищения "он мне ответствовал тако: "Брать и быть повешенным обое имеет свое время. Нынче есть время брать, а будет же мне, имеючи страх от виселицы, такое удобное упустить, то я никогда богат не буду; а ежели нужда случится, то я могу выкупиться". И когда я ему хотел более о том рассуждать, то он просил меня, чтоб я его более такими поучениями не утруждал, ибо ему весьма скушно такие наставлении часто слушать".
>
> (*Цит. по:* Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточной Сибири в первой половине XVIII в. // Ссылка и каторга в Сибири. Новосибирск, 1975. С. 28–29)

Уже при жизни Петра были казнены сибирский губернатор М. Гагарин, глава всех фискалов А. Нестеров (1722), сенатор Г. Волконский; беспрерывно находился под следствием Меншиков. В последний год жизни Петр приказал расследовавшему дела о казнокрадстве генерал-фискалу Мякинину "рубить все дотла", но это едва ли помогло. За сотни и тысячи верст от Петербурга воеводы и прочие должностные лица становились совершенно неуправляемыми.

Сенаторская ревизия графа А. А. Матвеева в 1726 г. вскрыла "упущения казенных доимков" на 170 тыс. рублей только по одной Владимирской провинции, бездействие судов и произвол "особых нравом" начальников. "Непостижимые воровства и похищения не токмо казенных, но и подушных сборов деньгами от камериров, комиссаров и от подьячих здешних я нашел, при которых по указам порядочных приходных и расходных книг здесь у них отнюдь не было, кроме валяющихся гнилых и непорядочных записок по лоскуткам" — таким увидел ревизор "регулярное государство" изнутри.

При этом петровская административная система не выработала строгих норм компетенции и ответственности. Субординация государственных "мест" и нормальное "течение" дел постоянно нарушались, чему немало способствовал сам император. Множество рапортов и жалоб шли прямо в Кабинет, а оттуда выходили — минуя Сенат и коллегии — именные указы и устные распоряжения царя. Заключить "работу" монарха в определенные правовые рамки Петр не мог и не желал — это означало бы ограничение самого принципа самодержавия, закрепленного в Воинском уставе 1716 г.: "Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен".

Петр провозглашал принципы "разума" и "порядка", по которым должно строиться государство и жизнь его обитателей; личным примером стремился утвердить идеал сознательной службы "общему благу"; но он не представлял себе возможности определения этого порядка (лицами или учреждениями) иначе как по его воле. Юношеские впечатления от заморской "вольности" у Петра остались надолго, но в зрелом возрасте он не мыслил ее применения для своих подданных. Простота обихода, демократизм в общении с людьми самого разного положения, даже пренебрежение традицией лишь сильнее оттеняли его право наставлять их "яко детей" и требовать беспрекословного послушания.

Петр Великий, беседуя в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: "Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольни-

ками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому — вы. Полезное слушать рад я и от последняго подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен — лишь бы не отягощали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог. Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; узда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру".

(Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 82)

Петр был убежден в том, что его армия — наиболее совершенный механизм управления, и стремился распространить армейские порядки на все государственное устройство. Царь желал, чтобы все дворяне прошли эту школу — если не в полках, то по крайней мере в гражданских канцеляриях.

Указ 1714 г. о единонаследии предписывал не дробить дворянские имения и передавать их только одному из сыновей; безземельные наследники должны были поступать на службу. Этот же закон ликвидировал разницу между поместьем и вотчиной, но одновременно предписывал "не продавать и не закладывать" дворянские земли, за исключением "крайней нужды", то есть прямо ограничивал дворянское право собственности. Другие указы не дозволяли безграмотным недорослям жениться, не разрешали производить в офицеры не служивших рядовыми в гвардейских полках, запрещали не служившим покупать земли и крестьян. Воинский устав был принят как образец для гражданских учреждений и служащих. Должностные преступления чиновников были приравнены к измене, большинство из них карались смертной казнью.

При помощи указов и инструкций царь стремился регламентировать всю жизнь людей, включая сюда даже их личную жизнь и чувства. Подданный "должен был жить не иначе как в жилище, построенном по указному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указном месте лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки" — так представлял идеал петровского "регулярства" замечательный исследователь эпохи М. М. Богословский. "Отеческий" надзор должен был исключить саму возможность существования сколько-нибудь независимой от государства сферы человеческого поведения.

Основным же инструментом для устройства "регулярной" жизни подданных Петр считал созданную им полицию, в которой видел подлинную "душу гражданства".

> В Уставе Главного магистрата содержится настоящий гимн полиции как движущей силе общественного развития: "...оная споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные прегрешения, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности".
>
> (Законодательство Петра I. М., 1997. С. 445–446)

Возможно, император все же ощущал перенапряжение сил страны: к концу царствования он желал продолжения преобразований таким образом, "дабы народ чрез то облегчение иметь мог". Однако курс на модернизацию "служилого" государства при сохранении сложившихся социальных отношений не изменился. Петр издал указ о "непринуждении рабов к браку", публично осуждал произвол помещиков, продававших крестьян "врознь", что, однако, нисколько не мешало подобной торговле.

Накопленная за столетия русской истории инерция развития все более уменьшала возможности иного, некрепостнического пути. Возможно, воля и темперамент Петра могли подвигнуть его если не на отмену крепостного права, то хотя бы на регламентацию крестьянских оброков и повинностей. Правда, только в том случае, если бы такая идея была признана им необходимой. А этого, судя по известным нам документам и свидетельствам современников, не было. Да и если бы было, не случилось ли бы тогда в нашей истории одним дворцовым переворотом больше? Ведь акция такого масштаба для ее успешного осуществления должна опираться на единство правящей группы, но его не было, как и осознания необходимости подобных перемен.

Образование и "европейский образ жизни" были доступны лишь помещикам — владельцам более 100 душ. Основная же масса дворян (90%) была мелкопоместной и имела не более 100 душ, а большинство из них (60%) — всего от одной до 20 душ. Их "имения" совсем не были похожи на барские усадьбы пушкинской поры с их парками и библиотеками. Дворяне первой половины XVIII в. свои "университеты" проходили в походах и "баталиях", воеводской и канцелярской службе, где тянуть лямку приходилось до 60 лет и старше. "Во Мценском уезде, в Большом Гороцком стану, деревня Юдино, а в ней двор помещиков, а на помещикове дворе строения: светлица белая да изба черная, между ими сени, посторонь их повалуша, 3 избы люцких пустых, житница с хлебом, а хлеба в ней — ржи молоченой 1 четь, 2 конюшни, баня, 3 житницы порозжие, на гумне помещикове овин, ржи стоячей помещиковы 2 скирда, да скирд гречихи, одонье овса; да в той же деревни крестьян... 2 двора" с 14 человеками крестьян вместе с детьми — вот как выглядело обычное имение такого служаки. Для мелких чиновников и низших офицеров даже такая "деревня" была средством обеспечения при никогда не выплачиваемом вовремя жалованье. При этом закон не гарантировал наследственного владения "недвижимым имением": описанная выше деревушка Юдино была конфискована у ее владельца Саввы Емельяновича Гринева за обычное "огурство" — неявку на службу. Всего же в первой четверти XVIII в., по неполным данным, земли были конфискованы у 3 тыс. дворян.

К тому же одержимость Петра в создании своего "регулярного" государства опиралась на реальную веру во всемогущество верховной власти и государственного принуждения. Убежденный сторонник преобразований Иван Посошков в своем экономическом трактате призывал "страхованием" заставлять детей учиться, шире вводить фискальную службу и доносы, принуждать работать нищих и "тюремных сидельцев" и даже называл сумму предполагаемого дохода в 200 тыс. рублей от труда заключенных — эта идея зародилась задолго до ее реализации в XX в.

Изобретатель, специалист ("водочный мастер") и не слишком удачливый предприниматель Посошков требовал установления жестких сословных рамок (вплоть до особого платья для "всякого чина" людей), введения для крестьян строжайшего паспортного контроля, норм посевов и регулярной планировки деревенских усадеб. Он был убежден в возможности царским указом утвердить курс рубля: "А наш великий император сам собою владеет и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну имать, то так и может правитися".

Петр пробуждал у подданных инициативу и чувство долга, оставляя их при этом в условиях всеобщей несвободы. В немалой степени ему это удалось: благосклонное внимание царя оставалось главным критерием, смыслом и стимулом службы дворян XVIII столетия. Правда, прошедшие петровскую "школу" дворяне со временем не могли не задуматься о плюсах и минусах реформ.

У самого же Петра колебаний, кажется, не было. Завершение переписи совпало с введением паспортной системы и устройством в 1724 г. "вечных квартир" для полков регулярной армии. Предусматривалось создание настоящих "военных поселений" — слобод с типовыми, поротно поставленными избами, полковым хозяйством, рабочим скотом и даже женитьбой солдат на местных крестьянках, которых в интересах армии предполагалось отпускать из крепостных.

В январе 1725 г. послы России в европейских странах получили для обнародования императорский манифест (он не вошел в официальное "Полное собрание законов Российской империи"), предписывавший им немедленно объявить царскую волю: "...дабы всяких художеств мастеровые люди ехали из других государств в наш российский империум" с правом свободного выезда, беспошлинной торговли своей продукцией в течение нескольких лет. Государство обязалось предоставить прибывшим квартиры, "вспоможение" из казны, свободу от постоя и других "служб". Похоже, Петр, как в начале своего царствования, готовил очередную "волну" иммигрантов, чтобы дать новый импульс преобразованиям в экономике.

Сохранившиеся в записных книжках Петра наметки предусматривали дальнейшую регламентацию новых порядков: "Уложение слушать", ввести единые сроки (в декабре) для производства в чины служилым, а "мужикам зделать какой малинкой регул и читать по церквам для вразумления".

Последние изданные именные указы Петра конца 1724 — начала 1725 г.: о жалованье чиновникам, скорейшем сборе подушных денег на гвардию, продаже товаров в Петербурге по ценам, аналогичным московским, о расположении к 1 марта 1725 г. полков на новых квартирах — свидетельствуют о неизменности избранного курса государственного строительства. Уже подготовлен был новый свод законов, который в разделе гражданского права ("О содержании добрых порядков и о владении собственностью") провозглашал формулу крепостной зависимости: "Все старинные крепостные люди и по вотчинам и поместьям и по иным всяким крепостям люди и крестьяня вотчинником своим крепки и в таком исчислении, как о недвижимом имении положено". В манифесте, которым надлежало объявить введение

нового Уложения, говорилось, что подданные “будут мирны, безмятежны и смиренни”, и каждый может “благочестно пребывать” и “познавать” свое звание.

Российская модернизация, проводимая рабами регулярного государства, неуклонно сворачивала на казенно-крепостнический путь.

Подробнее на эту тему

Bushkovitch P. *Peter the Great: the struggle for power. 1673–1725*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
Анисимов Е. В. *Время Петровских реформ*. Л., 1989.
Павленко Н. И. *Петр Великий*. М.: Мысль, 1994.
Петр Великий: Pro et contra. М., 2003.

1730 Тридцать душ — цена “конституции”

В ночь на 19 января 1730 г. в московском Лефортовском дворце (он и поныне стоит на берегу Яузы) умирал от оспы Петр II. Члены высшего государственного органа страны — Верховного тайного совета — должны были решать судьбу монархии: 15-летний император был последним мужчиной в роду Романовых.

Кто же реально управлял империей в царствование внука Петра Великого? Это братья князья Голицыны, предки которых соперничали с Романовыми на “выборах” в 1613 г. Старший, Дмитрий Михайлович — президент Камер-коллегии; младший, фельдмаршал Михаил Михайлович, за годы Северной войны стал одним из лучших российских полководцев и командовал расположенной на Украине армией.

Наиболее близкими к умиравшему Петру II были князья Долгоруковы — ведавший царской охотой Алексей Григорьевич (его дочь так и осталась царской невестой), умный и опытный дипломат Василий Лукич и фельдмаршал Василий Владимирович, недавно вернувшийся из завоеванных персидских провинций.

Формальным главой этого “правительства” был пожилой канцлер (так называли в России руководителей внешнеполитического ведомства — Коллегии иностранных дел) Гавриил Иванович Головкин, но истинным руководителем российской дипломатии был его заместитель — бывший немецкий студент, ставший российским бароном, Андрей Иванович Остерман.

Эти семь человек избрали на царство представительницу старшей линии династии — дочь царя Ивана, герцогиню Курляндскую Анну*. Но вслед за этим Д. М. Голицын предложил собравшимся "воли себе прибавить". "Хоть и зачнем, да не удержим этого", — откликнулся на это заявление В. Л. Долгоруков. "Право, удержим", — настаивал Голицын и пояснял: "Будь воля наша, только надобно, написав, послать к ее величеству пункты". Так появились на свет "кондиции" (позднее Анна назвала их "коварными письмами"), которые принципиально меняли вековую форму правления.

...По принятии короны российской, в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восми персонах всегда содержать и без оного Верховного тайного совета согласия:

1) Ни с кем войны не всчинять.
2) Миру не заключать.
3) Верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать.
4) В знатные чины, как в статцкие, как и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета.
5) У шляхетства и имения и чести без суда не отымать.
6) Вотчины и деревни не жаловать.
7) В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного тайного совета не производить.
8) Государственные доходы в расход не употреблять. И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать.

А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской.

(*Цит. по:* Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 17–18)

Этот шаг министров, прошедших огонь, воду и медные трубы петровских войн и реформ, не был внезапным. Петр хотел пробудить у под-

* В качестве претенденток на престол рассматривались также великая княжна Елизавета Петровна и даже невеста Петра II Екатерина Долгорукова. Выбор пал на Анну Иоанновну, скорее всего, в расчете на ее податливость. Овдовевшая после нескольких дней замужества (курляндский герцог скончался по дороге со свадебных торжеств, не выдержав безмерных петровских возлияний) и влачившая довольно жалкое существование в нищей сравнительно с Петербургом Митаве Анна действительно готова была принять корону на любых условиях.

данных инициативу, ответственность, чувство долга — но оставлял их при этом в условиях всеобщей несвободы. Сосредоточение в руках монарха всей полноты власти с опорой на армию и бюрократию не могло рано или поздно не вызвать оппозиции со стороны самой опоры этой власти — российского служилого дворянства. Ведь именно в петровское царствование эти самые дворяне (и прежде всего наиболее знатные) по воле царя-реформатора познакомились с европейскими нравами и порядками.

Побывавший послом во Франции Людовика XIV Андрей Матвеев был в восхищении от "Версальской слободы" и увидел "на обеде у короля чин слово в слово весь двора московского старого". Но он же подчеркнул в своих записках: "Но хотя то королевство деспотическое или самовладечествующее, однако самовластием произвольным николи же что делается, разве по содержанию законов и права, которыя сам король, и его совет, и парламент нерушимо к свободе содержит всего народу".

Первая попытка такого рода была предпринята уже в 1725 г. Во время предсмертной болезни императора Д. М. Голицын, В. Л. Долгоруков, Г. И. Головкин и ряд других "министров" выступили против передачи трона жене Петра — Екатерине. Это было не выступление аристократов против бывшей мужички неизвестной национальности (существует восемь версий происхождения этой российской императрицы!) и не борьба между "боярами" — сторонниками сына царевича Алексея с одной стороны и продолжателями Петровских реформ — с другой, как это до сих пор изображается во многих учебниках. Сенаторы и президенты коллегий хотели авторитетом Сената ограничить власть регентши Екатерины при маленьком императоре Петре II. Произвол абсолютной власти несколько упорядочивался бы рамками "европейского" образца.

Тогда не удалось. Противники оказались сильнее. Искусный дипломат П. А. Толстой пугал собравшихся во дворце вельмож неизбежной усобицей при царе-мальчишке. Напористый фельдмаршал Меншиков привел с собой гвардейских офицеров, от имени которых выступил майор Андрей Ушаков: "Гвардия желает видеть на престоле Екатерину и... готова убить каждого, не одобряющего это решение". Неутешная вдова Екатерина нашла силы, чтобы приготовить для своих защитников "векселя, драгоценные вещи и деньги". Расходные книги царского кабинета сообщают, что воцарение императрицы обошлось в 30 тыс. рублей, из которых 23 тыс. рублей выплатили солдатам гвардии; остальное пошло на "тайные дачи" майору Ушакову и другим офицерам, в том числе сержанту Петру Ханыкову, который со своим

бессменным караулом обеспечил изоляцию умиравшего императора от всяких нежелательных посетителей.

Министры проиграли. Но все же впервые в России вопрос о престолонаследии решался в открытом споре, пусть и далеко не парламентском. Манифест о начале нового царствования был издан не от имени Екатерины: присягать новой государыне "правительствующий Сенат и святейший правительствующий Синод и генералитет согласно приказали" — это означало слегка замаскированное избрание монарха. Добрая, но неграмотная императрица управлять государством не могла, да и не имела времени: петербургский двор, как доносил своему правительству польский посол Иоганн Лефорт, "целую ночь проводит в ужасном пьянстве и расходится, это уж самое раннее, в пять или семь часов утра". При государыне пришлось создать в 1726 г. Верховный тайный совет, который с тех пор фактически управлял страной.

Теперь наконец настало "время, чтоб самодержавию не быть". Посланцы Совета во главе с В. Л. Долгоруковым срочно выехали к Анне в Митаву с письмом, утверждавшим, что избрана она не только самим Советом, но "и духовного и всякого чина свецкими людьми", что не соответствовало действительности. Вечером 25 января 1730 г. Анна подписала "кондиции": "Тако по сему обещаю без всякого изъятия содержать". Росчерком пера самодержавная монархия в России стала ограниченной ровно на месяц — с 25 января по 25 февраля 1730 г., до следующего государственного переворота. Большинство подданных об этом так никогда и не узнали, но при ином раскладе политических сил эти ограничения могли бы стать рубежом в нашей истории. Неудивительно, что и оценки этого события оказывались противоположными.

"Официальная" точка зрения сложилась уже в XVIII в.: коварные вельможи избрали на престол Анну Иоанновну (1730–1740) и обманом ограничили ее власть ради собственного "властолюбия". Но благородные дворяне не могли вынести такое унижение монарха, вручили императрице самодержавную власть и низвергли "бояр-олигархов".

Коронованный историк Екатерина II однозначно оценила их возможную победу как катастрофу: "Безрассудное намерение Долгоруких при восшествии на престол императрицы Анны неминуемо повлекло бы за собой ослабление и — следственно, и распад государства; но к счастью намерение это было разрушено здравым смыслом большинства". Однако в общественной мысли появилась и иная позиция. Историк князь М. М. Щербатов в своем памфлете "О повреждении нравов в России" полагал, что те, кто в 1730 г. потерпел неудачу, "предопределили великое

намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть, учинить основательные законы государству, и власть государеву Сенатом или парламентом ограничить".

В новейших отечественных учебниках также можно встретить эту традиционную оценку действий членов Верховного тайного совета как попытку установления "олигархической формы правления" в интересах старинных боярских родов. Между тем еще маститые историки XIX — начала XX в. (С. М. Соловьев, Д. А. Корсаков, П. Н. Милюков) показали, что не все было так просто: на самом деле собравшиеся в Москве дворяне в спорах создали несколько проектов нового государственного устройства России и вовсе не сразу попросили Анну принять самодержавие. Некоторые авторы даже полагают, что победа "верховников" означала бы "культурный сдвиг" в истории России, то есть участие общества в управлении страной и контроле над государственной властью.

Если бы перенести современные средства передвижения в то время, то немедленное прибытие растерянной Анны с подтверждением "кондиций", пожалуй, могло бы и вправду резко изменить политический строй страны и упрочить положение Совета.

Подписанные императрицей "кондиции" тут же были бы опубликованы вместе с соответствующим манифестом и проведением присяги — все это поставило бы власти империи перед совершившимся фактом. А затем от имени Анны последовали бы раздачи чинов, наград и должностей для одних и отправка подальше от столицы других: в полки, в персидские провинции, на воеводства и губернаторства. Позднее начались бы коронационные торжества с новыми милостями... Быстрота, пожалуй, сулила членам Совета — "верховникам" известные шансы на успех хотя бы на какой-то срок.

Но время работало против "верховников". Для доставки Анны и ее свиты необходимо было приготовить не менее 1500 подвод и множество лошадей. Да и путешествовать с курьерской скоростью императрица не могла: необходимы были торжественные встречи с парадами войск и молебнами, остановки для отдыха и ночлега, для чего искали подходящие дома, где бы "тараканов не было". Только утром 29 января Анна отправилась в путь, занявший почти две недели.

В России и тогда было "все секрет, но ничего не тайна". Властные действия Совета и отсутствие точной информации не могли не волновать и не раздражать дворян, съехавшихся в столицу на царскую свадьбу и попавших на похороны Петра III. В этой среде обсуждали слухи о каких-то посланных к государыне письмах и подозревали пра-

вителей в желании захватить власть. В то же время, судя по донесениям иностранных дипломатов, шли споры насчет будущей "формы правления": "Одни хотят ограничить права престола властью парламента, как в Англии; другие — как в Швеции; иные думают сделать престол избирательным, по примеру Польши; иные же, наконец, высказывают мнение, что нужно разделить всю власть между вельможами, находящимися в государстве, и образовать аристократическую республику..."

Только 2 февраля "верховники" объявили в Кремле о согласии Анны и предъявили "кондиции". От такой новости "шляхетство" пришло в смущение — с чего это государыня сама себя "изволила" ограничить? Но князь Дмитрий Михайлович Голицын не допустил возражений — он предложил собравшимся самим разработать и подать в Совет проекты нового государственного устройства.

Дворянское "общенародие" и его проекты

До нас дошли составленные в те дни семь дворянских проектов. Наибольшее значение из них имел самый представительный "проект 364" (по числу подписей под ним). Этот проект, как и остальные, отражал чаяния пережившего годы войн и реформ служилого сословия: отмену закона о единонаследии 1714 г.; определение сроков дворянской службы и неназначение дворян рядовыми солдатами и матросами, "порядочное произвождение" по службе.

Главным же был вопрос о формировании верховной власти. "Проект 364" предусматривал создание "Вышнего правительства" из 21 "персоны". Это правительство, а также Сенат, губернаторов и президентов коллегий предстояло "выбирать и балатировать генералитету и шляхетству... а при балатировании быть не меньше ста персон". Таким образом, проект предполагал упразднить Верховный тайный совет в его прежнем качестве и составе — при выдвижении кандидатов надлежало "более одной персоны из одной фамилии не выбирать". Кроме того, предлагалось создать еще одно "собрание", которое бы назначало на ключевые должности в системе управления и устраняло от этого "Вышнее правительство".

Принять такое устройство "верховники" не могли: оно означало отстранение от власти их самих — тех, кто первым предложил ограничить деспотизм. В ответ Совет подготовил свой "проект формы правления". Дворянам было обещано производство по "заслугам и достоинству", освобождение от службы в рядовых солдатах и матросах

и жалованье “без задержания”. Совет согласился на увеличение своего состава путем выборов (но не более пяти новых членов), признавал выборы сенаторов и президентов коллегий и созыв представителей сословия для решения “новых и важных дел”. Но выбирать должны были... только сами “верховники” вместе с Сенатом!

Такое “представительство” не устраивало “оппозицию”, и члены Совета это поняли. Они даже не стали оглашать свой план и в последующие дни попытались создать новый документ: “Способы, которыми, как видитца, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное толь важное и полезное всему народу и государству дело”. Князь Голицын и его коллеги сделали еще один шаг навстречу оппозиции. Они предложили, чтобы “шляхетство” избрало бы “единосердечным согласием... годных и верных отечеству людей от дватцати до тритцати человек и утвердили б их письменно так, что оне внизу написанным порядком к ползе отечества сочинят и утвердят, и то имеет вечно твердо и нерушимо быть”.

“Внизу написанный порядок” подразумевал создание чего-то вроде Учредительного собрания из 20–30 человек для сочинения нового государственного устройства, куда могли бы приглашаться не только дворяне, но и представители других сословий (духовенства, купечества и “от всякого чина”) при обсуждении дел, касающихся этой группы. Сами депутаты должны были иметь “от своего чина выбор и верющие письма за руками”.

Но если приглядеться к содержанию этого документа, то можно увидеть, что и эта уступка была весьма относительной. Во-первых, только Верховный тайный совет имел законодательную инициативу на весь период составления нового законодательства. Во-вторых, депутатов еще предстояло выбрать с участием всех дворян империи. Сколько бы ушло времени на “избирательную кампанию” при понятных технических трудностях и обычном “нетстве”, то есть уклонении дворян от вызова в столицу на очередную тягостную службу? И в-третьих, новые законы должны были последовательно и единогласно приниматься сначала депутатами, затем Сенатом и... самим Верховным тайным советом. Таким образом, “верховники” гарантировали себе решающую роль в управлении. Но это означало, что они не смогли договориться с оппозицией в главном вопросе о власти.

С другой стороны, при взгляде на “проект 364” и другие “прожекты” с точки зрения нашего современника, хоть немного знакомого с проблемой становления более “демократической” политической системы, нельзя не заметить некоторой невнятности предлагавшихся мер. Как, например, можно и нужно было организовать выборы в собрание

из 100 “персон” по всей стране? Кто мог избирать и избираться? Перед кем такой избранник отвечал бы? Какие именно вопросы были бы в компетенции такого собрания и как его деятельность сочеталась бы с практикой “общего совета” с генералитетом и шляхетством? Как разграничивались бы его полномочия с “Вышним правительством” и императором, о котором проекты вообще не считали нужным упоминать?

Но кто же решал судьбу империи в зимней Москве 1730 г.? Там присутствовало примерно 2/3 “чинов” первых четырех классов (74 человека), то есть те, кто реально держал в руках власть в стране. Кроме “генералитета” в спорах участвовало еще около 500 дворян низших рангов — они оставили свои подписи на проектах и засвидетельствовали знакомство с “кондициями”.

Сейчас мы располагаем сведениями о чине и служебном положении большинства дворян (85%), подписавшихся под “проектом 364”; известны также возраст и имущественное положение примерно половины из них. Эти данные дают возможность представить “коллективный портрет” участников “проекта 364”. Из 318 человек, чины которых нам известны, 58% принадлежали к среднему звену по Табели о рангах: полковники и коллежские советники, подполковники, майоры и коллежские асессоры, капитаны. Из лиц с известным нам возрастом (127 из 185) 69% составляют люди зрелые и пожилые (51 человек в возрасте 41–50 лет и 76 в возрасте 51–60 лет). Почти половина из тех, данными о чьем землевладении мы располагаем (73 человека из 153), обладали имениями с количеством крепостных от 101 до 500 душ, у 32 человек было более 500 душ, у 39 — менее 100 душ, у 9 человек вотчин не было.

Получается, что в оппозиции Верховному тайному совету были те, кто составлял “становой хребет” российской государственности — опытные и зрелые (с осторожностью можно сказать, что и не самые бедные) офицеры и чиновники, занимавшие средние командные должности в армии и государственном аппарате. Заметно меньше представлена дворянская молодежь, зато довольно высока доля отставных — 26% (78 из 303 участников с известным нам служебным положением).

Среди них были посланные в свое время за границу “пенсионеры”, капитаны и лейтенанты нового флота, боевые офицеры, заканчивавшие карьеру на мирных должностях провинциальных воевод. Рядом стоят имена верных денщиков Петра I и проворовавшихся чиновников. В центр событий попали вызванные на смотр армейские офицеры и другие “командированные” — ожидавшие новых постов бывшие прокуроры или назначенные Сенатом для сбора недоимок в провинциях офицеры. Уничтожавший власть императора проект подписали чины московской полиции во главе с обер-полицмейстером, а вместе

с ними — начинавшие карьеру камер-юнкеры. Рядом со старинными чинами "стольников" и "жильцов" подписи ставили представители иного поколения — обучавшийся в Париже и прикомандированный к Академии наук (и одновременно французский шпион) Алексей Юров и "архитектурного и шлюзного дела мастер" Иван Мичурин.

Смешение имен, чинов, карьер, поколений, знатности и "подлости" не дает однозначного ответа на вопрос, что заставило этих людей вступить в "политику". Можно отметить только отраженное во всех проектах осознание сословных шляхетских интересов. Но вопрос о власти расколол "генералитет". В числе членов Совета находилось два российских фельдмаршала — М. М. Голицын и В. В. Долгоруков. На стороне их противников оказался весь наличный "русский" состав высшего армейского командования: три генерал-лейтенанта и шесть генерал-майоров. На стороне "оппозиции" оказалось трое из шести сенаторов — И. Г. Головкин, В. Я. Новосильцев, А. М. Черкасский.

Среди подписавших "проект 364" мы находим: президентов нескольких коллегий и их советников; руководителей других учреждений (главу Доимочной канцелярии, обер-прокурора Синода; начальника Оружейной и Мастерской палаты). Таким образом, в рядах оппозиции оказалось руководство не только армии, но и центрального государственного аппарата. Наконец, в рядах оппозиции выступили влиятельные придворные — камергеры А. Г. Строганов, С. Г. Нарышкин, С. В. Лопухин; старый обер-гофмейстер Петра I и Екатерины I, бывший глава Дворцовой канцелярии М. Д. Олсуфьев и ее нынешний директор гофмейстер А. Елагин.

Как и о чем спорили дворяне в условиях небывалой "гласности"? Редкие письма и следственные дела эпохи донесли до нас отзвуки дискуссий. Вице-президент Коммерц-коллегии Генрих Фик (один из создателей коллежской системы центрального управления в России), по словам сослуживцев, радовался, что "не будут иметь впредь фаворитов, таких как Меншиков и Долгорукой", и мечтал "о правительстве как в Швеции". На это асессор Рудаковский "ответствовал ему, что в России без самодержавства быть невозможно, понеже Россия кроме единого Бога и одного государя у многих под властью быть не пожелает".

Капитан-командор Иван Козлов тоже был доволен: императрица может по своей воле потратить только выделенные ей 100 тыс. рублей, "...а сверх того, не повинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому...". Но подписи самого автора под проектами нет, хотя он был в это время в Москве и даже удостоился аудиенции в Вер-

ховном тайном совете. Рисковать карьерой желали не все, как не все интересовались заморскими порядками. Многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства. Если для просвещенного Феофана Прокоповича Гуго Гроций был "славным законоучителем", то в дворянской массе скорее можно было услышать:

Гроциус и Пуфендорф и римские правы —
О тех помнить нечего: не на наши нравы.

Отсюда и иной уровень споров. "В смысле укора неограниченной власти в России, — докладывал датский посланник Вестфален, — выставляют случай, бывший в правление царицы Екатерины. В кратковременное свое правление она израсходовала для своего двора венгерских вин на 700 тыс. рублей и на 16 тыс. рублей данцигских водок в то самое время, когда тысячи ее подданных терпели недостаток в насущном хлебе. На этот рассказ люди иных воззрений отвечают: "Одна ласточка весны не составляет".

"Батюшка де мой з другими... не хотел было видеть, чтоб государыня на престоле была самодержавная. А генерал де Ушаков — переметчик, сводня; он з другими захотел на престол ей, государыне, быть самодержавною. А батюшка де мой как о том услышал, то де занемог и в землю от того сошел", — передавала состояние генерала Г. Д. Юсупова его дочь, сосланная в том же 1730 г. по доносу родного брата за то, что собиралась "склонить к себе на милость через волшебство" новую императрицу. Князь Юсупов, как и "другие" из генералитета, был не против умерить власть императрицы, хотя отнюдь не был "конституционалистом", просто "наперед слышал, что она будет нам неблагодетельница". Видимо, для знатного генерала, как и для мелкопоместного служивого, сравнение достоинств той или иной заграничной "формы правления" отступало на задний план перед простыми и понятными примерами. И примеры эти "работали" как против "верховников", так и против "конституционалистов".

Пока члены Совета молчали (ни один из их планов не оглашался и не обсуждался), подняли головы их противники — те, кто не желал никаких перемен. Талантливый публицист и "имиджмейкер" петровской монархии архиепископ Феофан Прокопович умело обращался к разным уровням восприятия в своей агитации против Верховного тайного совета: "Все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие. И везде в одну, почитай, речь говорено, что если по желанию оных господ сделается (от чего сохранил бы Бог!), то крайнее всему отечеству настоит бедство. Самим им господам нельзя быть долго с собою в согласии: сколько их есть человек, чуть ли

не столько явится атаманов междоусобных браней, и Россия возымет скаредное оное лице, каковое имела прежде, когда на многия княжения расторгнена, бедствовала".

Для одних здесь на первое место выставлялись "лакомство и властолюбие" "верховников" — семейство Долгоруковых использовало свою близость к трону для обогащения. Для более грамотных Феофан приготовил ссылку на эпоху раздробленности страны: утверждение у власти нескольких знатных родов грозит распадом империи! Эти угрозы действовали — казанский губернатор Артемий Волынский именно так и оценивал доходившие из Москвы новости: "Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать".

Иной же опыт государственности, похоже, не вспоминался. Дворянские проекты не упоминали ни Земские соборы XVI–XVII вв., ни попытки ограничения самодержавия в эпоху Смуты. Воспитанным в эпоху реформ участникам событий было трудно ломать созданную самим Петром Великим государственную машину. И это обстоятельство умело использовалось их противниками. Дипломаты отмечали: имя Петра I стало в 1730 г. аргументом в шляхетских спорах в виде "громогласных обвинений, словесных и письменных, против Голицыных и Долгоруких за непримиримую их ненависть к памяти Петра Великого и к его несчастному потомству".

"Конституционалистам" противопоставляли величие и заслуги Петра. Конечно, люди уровня князя Д. М. Голицына нашли бы что ответить. Но что было делать тем служивым, кто не привык к ученым спорам? Тем более что многих из них именно Петровские реформы "вывели в люди", дали возможность получать чины, ордена, крепостные души. Даже идейный "прожектер" Василий Никитич Татищев в своей "Истории российской" оценил Петровскую эпоху такими словами: "Все, что имею — чины, честь, имение и, главное над всем, разум — единственно все по милости его величества имею, ибо если бы он меня в чужие края не посылал, к делам знатным не употреблял, и милостию не ободрял, то бы я не мог ничего того получить".

А "верховники" продолжали молчать. Члены Совета съезжались, решали текущие дела, но так и не обнародовали никакой новой "формы правления". Быть может, правители были слишком уверены в себе? Или правы дипломаты, докладывавшие о разногласиях среди них? Совет так и не решился опубликовать "кондиции", вопреки "особливой секретной записке" фельдмаршала В. В. Долгорукова. Документальным свидетельством споров в рядах "верховников" осталась записка

В. Л. Долгорукова: опытный дипломат уговаривал коллег как можно скорее “убегнуть разногласия” и “удовольствовать народ”, а для этого немедленно пополнить Совет новыми членами, то есть принять главное требование оппозиции. Но ничего сделано не было — правители упускали инициативу.

Возможно, они уже были готовы капитулировать? Именно так можно расценить информацию посла Лефорта: за день до “революции”, 24 февраля, правители решили “объявить ее величество самодержицей, что и исполнили все члены собрания вместе. Она ответила им, что для нее недостаточно быть объявленной самодержицей только восемью лицами”. Так это было или иначе, но в любом случае пассивность “верховников” сыграла на руку крепнувшей “партии” сторонников самодержавия.

Хроника “революции” 25 февраля 1730 г.

Ядро этой “партии” стало складываться сразу, как только стало известно имя новой императрицы и поползли слухи об ограничении ее власти. Это родственники Анны Салтыковы, и прежде всего ее дядя В. Ф. Салтыков и двоюродный брат, майор Преображенского полка С. А. Салтыков; затем третий фельдмаршал князь И. Ю. Трубецкой и придворные вроде камергера Р. Левенвольде. Другую группу представляли фигуры, всем обязанные Петровским реформам: генерал-прокурор Павел Ягужинский и Феофан Прокопович. Ягужинский первым просил “прибавить нам как можно воли”. Но как только он понял, что оказался за пределами избранного круга правителей, то быстро переменил позицию и тайно отправил своего гонца — доложить Анне об обстоятельствах ее избрания и предостеречь от подписания “кондиций”. Загадочной остается роль А. И. Остермана. Не исключено, что опытный бюрократ и дипломат вполне мог вписаться в новое государственное устройство, но вот играть первую скрипку при решении внешнеполитических вопросов Д. М. Голицын и В. Л. Долгоруков ему вряд ли позволили бы. Остерман демонстративно “заболел” и устранился от участия в работе Совета, но он же после переворота стал одним из наиболее доверенных лиц императрицы и ее бессменным кабинет-министром.

Феофан был искренним сторонником реформ, и принять ломку этой системы ему было трудно, если не невозможно. Не исключено, что и его можно было склонить к сотрудничеству — Феофан был одним из немногих лиц, разбиравшихся в политической теории и идеях

своего времени. Но ему надо было обеспечить достойное место в политике, а князь Д. М. Голицын откровенно презирал пресмыкавшееся перед властью высшее духовенство. И новгородский архиепископ стал руководителем пропагандистской кампании против "затейки" правителей.

Умелая пропаганда на фоне молчания правителей помогла создать нужные настроения в гвардии. Считается, что в 1730 г. гвардейцы участвовали в подготовке проектов. Однако среди подписавших можно найти не более десятка преображенцев и семеновцев. В обсуждениях и подписании проектов участвовала гвардейская верхушка (майоры и подполковники) и некоторые вчерашние гвардейцы, опять-таки люди старшего возраста и высокого служебного ранга. Однако это движение не затронуло основную массу гвардейских офицеров и солдат. Эта гвардейская среда и стала ударной силой последовавшей "революции".

Спустя два дня после прибытия в село Всехсвятское под Москвой Анна рискнула нарушить принятые ею "кондиции" при представлении ей батальона Преображенского полка и кавалергардов. Гвардейцы во главе с майором Василием Нейбушем "с криками радости" бросились в ноги своей "полковнице", а более высокие по чину и положению кавалергарды удостоились приема в "покоях" и получили из рук Анны по стакану вина. Эта "агитация" была куда более доходчивой, чем какие-то политические проекты... Ответным ходом правителей был их визит к Анне, и князь Д. М. Голицын в приветственной речи напомнил Анне о взятых на себя обязательствах.

Но это были не более чем слова. Императрица "набирала очки" в глазах гвардейцев. 12 февраля она произвела преображенского сержанта Григория Обухова в прапорщики и трех солдат в капралы. На следующий день капитаны того же полка Александр Лукин и Дремонт Голенищев-Кутузов стали майорами, то есть вместе с третьим майором Семеном Салтыковым — фактическими командирами полка. 16 февраля императрица пожаловала адъютанта И. Чеботаева через чин сразу в капитан-поручики, "дабы на то другие смотря, имели ревность к службе".

15 февраля Анна, как сообщал газетный "репортаж" тех дней, "изволила пред полуднем зело преславно, при великих радостных восклицаниях народа в здешней город свой публичный въезд иметь". Она поклонилась праху предков в Архангельском соборе и проследовала под пушечную и ружейную пальбу полков в свои "покои" в Кремлевском дворце. В тот же день все гвардейские солдаты получили от Анны по рублю; на следующий день началась раздача вина по ротам, а 19 февраля полки получили жалованье.

30

Тридцать душ — цена "конституции"

Эти “именные повеления” воскрешали образ великого дяди — основателя гвардии и любимого полковника. Не случайно именно в эти дни французский резидент Маньян отметил вдруг появившееся “весьма высокое мнение о личных достоинствах этой государыни” и “великих талантах, признававшихся за ней Петром”. Так буквально на глазах творилось в зимней Москве 1730 г. “общественное мнение”. Недалекая и в общем-то несчастная Анна, заброшенная по воле Петра в курляндскую глушь, внезапно представала как истинная преемница великого императора.

Следующим этапом в “перетягивании” власти на сторону императрицы стала присяга. “Верховники” не рискнули сделать каких-либо принципиальных изменений в ее тексте, и для подданных Анна оставалась безусловной самодержицей.

21 февраля Анна даровала отставку от службы 169 гвардейцам. 23-го она отстояла службу в Успенском соборе и “публично кушала” во дворце. “Ведомости” отметили: “Дамские особы в преизрядном убранствии... явились”. Дипломаты и мемуаристы свидетельствуют, что придворные дамы активно участвовали в действиях “партии” самодержавия. Урожденные сестры Трубецкие — П. Ю. Салтыкова (жена будущего фельдмаршала П. С. Салтыкова) и М. Ю. Черкасская (жена кабинет-министра А. М. Черкасского), А. И. Чернышева (жена генерала Г. П. Чернышева), Е. И. Головкина (двоюродная сестра Анны и жена сына канцлера), дочь канцлера А. Г. Ягужинская стали передаточным звеном между вождями “партии” и императрицей, находившейся под присмотром В. Л. Долгорукова. Дамская “эмансипация” и приобщение к “политике” — тоже один из результатов Петровских реформ, сказавшийся в это бурное время.

Именно Прасковья Салтыкова была послана ночью 24 февраля известить Анну, что наутро ей поднесут челобитную от недовольного действиями Верховного тайного совета дворянства.

25 февраля 1730 г. наступила развязка — во дворец явилась депутация дворян во главе с “оппозиционерами” в генеральских чинах — Г. П. Чернышевым, Г. Д. Юсуповым, А. М. Черкасским. Но вначале императрице подали не то, что она надеялась увидеть. Мы не знаем, кто был автором нового документа (“первой челобитной”) и как именно он появился на свет; большинство исследователей считают его делом рук В. Н. Татищева. В нем императрице предлагалось не восстановить самодержавие, а “соизволить собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий, рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить”.

Интересно не столько содержание этого прошения — оно повторяло то, что уже было высказано в проектах, — сколько подписи под ним. Почти три четверти из них принадлежали офицерам и кавалергардам, кто не участвовал прежде в составлении каких-либо проектов. Почему они подписали текст, призывавший не к восстановлению самодержавия, а к учреждению нового "собрания" для составления будущей "формы правления"? Ночная спешка была тому виной или убежденность в том, что бумага направлена против ненавистных "верховников"? Если это так, то Татищев вольно или невольно повторил ошибку своих оппонентов-"верховников": высказался от имени тех, кто не разбирался в замысле или далеко не во всем его разделял.

Анна подписала поданную ей бумагу, противоречившую позднейшей официальной позиции, согласно которой подданные единодушно желали именно самодержавия. Потом этот документ таинственным образом исчез и известен нам только по неведомо кем и когда сделанной копии. Видимо, подписавшие его высокопоставленные лица уж очень не хотели сохранять такое свидетельство их нелояльности. Тогда, наверное, дело "верховников" не было окончательно проиграно — все-таки Анна еще неуверенно себя чувствовала в качестве императрицы. Но оказавшиеся во дворце гвардейцы (а вместе с ними, надо полагать, и те, кто не думая подписывал прошение) потребовали возвращения императрице ее законных прав: "Государыня, мы верные рабы вашего величества, верно служили вашим предшественникам и готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству, но мы не потерпим ваших злодеев! Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы!" Под крики офицеров испуганное шляхетство подало вторую челобитную с просьбой "всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели".

В зале присутствовали старшие обер-офицеры Преображенского полка — капитаны, капитан-поручики и поручики, полковые адъютанты и, самый младший по чину, только что произведенный Анной прапорщик Обухов. Одни из них подписали прошение Татищева, но, похоже, не ожидали, что императрице опять предложат какие-то условия, — и сорвали весь его план. Другие ни в какой "политике" замечены прежде не были и явились защитить свою "полковницу" от происков "бояр". Угрозы группы гвардейских офицеров (37 человек с майорами) и кавалергардов (36 человек) заставили собравшихся принять решение о вручении Анне "самодержавства".

Вслед за тем Анна потребовала подать "кондиции", которые "всемилостивейше изволила изодрать"... Последним днем заседаний Верховного тайного совета стало 28 февраля. В этот день правители сами

составили манифест о "принятии самодержавства", который отнесли на подпись к императрице вместе с черновиками "кондиций". "Верховники", как бы ни расценивать их политические взгляды и цели, не сумели ни выдвинуть приемлемый для "шляхетства" план государственного устройства, ни пойти на компромисс с другими представителями генералитета.

"Оппозиция" не смогла объединиться. Смелые "прожектеры", вельможи, недовольные выбором "благодетельницы", полковники и капитаны, сравнивавшие достоинства "кандидатов" в императоры, наконец, просто захваченные политическими спорами провинциальные служивые — как же трудно было им найти общий язык для того, чтобы совместно выработать новое государственное устройство страны! А если добавить давление "фамильных", корпоративных и карьерных интересов, открывшуюся возможность смелой интригой обеспечить себе счастливый "случай" или вынужденную оглядку на желание влиятельного и чиновного родственника-"милостивца"...

Но и Анна понимала, что самодержавием обязана 162 собравшимся во дворце дворянам, что немногим отличалось от "выборов" ее "верховниками". Поэтому на следующий день в Кремлевском дворце была положена копия второго прошения и началась процедура ее подписания с привлечением "общественности". Первыми этот документ подписали главные герои — гвардейские офицеры. Приложились и архиереи во главе со "смиренным Феофаном". Затем шли подписи офицеров гарнизона, чиновников центральных учреждений, придворных — от высших чинов до "дозорщиков конюшенного ведомства"; московских купцов, мещан городских слобод и даже случайных приезжих, как "вологжанина посадского человека Дмитрия Сукина". За десять дней к прошению "приложили руки" 2246 человек. Инициаторы этой пропагандистской акции умело использовали, в отличие от своих противников, тактику "гласности" и традицию "земских" челобитных XVII в. Подписи подданных разного чина должны были демонстрировать "всенародную" поддержку самодержавной Анны, чтобы ее "восшествие" не выглядело прихотью вельмож или гвардейских капитанов.

Победители и побежденные

В первые дни после победы власти издали манифест, гласивший, что "верные ж наши подданные все единогласно нас просили, дабы мы самодержавство в нашей Российской империи, как издревле наши пра-

родители имели, восприять изволили, по которому их всенижайшему прошению мы то самодержавство восприять и соизволили". Но уже через две недели спохватились, ведь манифест допускал зависимость самодержца от воли "общенародия". Новый манифест от 16 марта 1730 г. о венчании Анны на царство уже не допускал и мысли о каком-либо ином источнике власти: "...от единого токмо всевышнего царя славы земнии монархи предержащую и крайне верховную власть имеют".

Далее последовала раздача "пряников" вместе с пока умеренным применением "кнута". По случаю коронации раздавались звания, ордена и имения тем, кто помог Анне утвердиться на престоле: Андрею Остерману, Никите Трубецкому, Антиоху Кантемиру, Алексею Черкасскому. Новыми статс-дамами двора стали деятельно участвовавшие в борьбе за престол графини Головкина, Лопухина, Салтыкова, баронесса Остерман и княгиня Черкасская.

Применялся принцип "разделяй и властвуй". Молодой Иван Долгоруков уже 27 февраля был "выключен" из майоров гвардии, а 5 марта его посадили под домашний арест и потребовали вернуть вещи "из казны нашей". Одновременно фельдмаршалы В. В. Долгоруков и М. М. Голицын получили от Анны по 7 тыс. рублей. Последнему императрица, кроме того, пожаловала четыре волости в Можайском уезде; жена князя стала первой дамой двора — обер-гофмейстериной, а сам он — президентом Военной коллегии.

Скорее всего, все эти меры должны были поссорить влиятельные фамилии. Датский посол Вестфален рассказывал, как фельдмаршал Голицын у ног Анны просил ее о прощении и оправдывался тем, что "хотел защитить наше несчастное потомство от такого произвола, назначив благоразумные границы их (монархов) непомерной власти и власти фаворитов, которые немилосердно нас мучили". М. М. Голицын скончался в том же 1730 г. при не вполне понятных обстоятельствах. Его старший брат прожил еще несколько лет, прежде чем его обвинили в покровительстве зятю при получении наследства и заключили в Шлиссельбургскую крепость, где Д. М. Голицын и умер в 1737 г.

После коронационных торжеств Долгоруковых отправили сначала в почетную ссылку — губернаторами и воеводами в Сибирь, Астрахань и Вологду. А затем Василий Лукич был навечно заточен в Соловках, а Алексей и Иван Долгоруковы отправились по следам Меншикова в Березов. Фельдмаршал В. В. Долгоруков угодил в заточение за то, что посмел "собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять". У опальных были конфискованы вотчины, дома, загородные дворы и почти 25 тыс. душ "бывших князей". За ними тут

же выстроилась очередь, многие владения Долгоруковых перешли в руки новых владельцев; даже знаменитому шуту Анны, отставному прапорщику Балакиреву, достался дом в Касимове. В 1739 г. на ссыльных обрушилось новое следствие, на этот раз окончательное. Осенью этого года "верховники" Алексей и Василий и фаворит Петра II Иван Долгоруковы были казнены...

В выигрыше оказался обрадовавшийся было ограничению власти императрицы, но воздержавшийся от подписания проектов капитан-командор Иван Федорович Козлов. При Анне он спокойно выслужил генеральский чин, стал членом Военной коллегии; на одном из ее заседаний он в числе прочих решал вопрос о содержании когда-то вызывавших его с докладом "на ковер", а теперь заточенных фельдмаршала В. В. Долгорукова и Д. М. Голицына.

Всем офицерам гвардейских полков императрица дала великолепный обед. В отличие от прошлых "революций" императрица решила наградить не отдельных лиц, а весь офицерский состав гвардии — как только появился "премиальный фонд" в виде конфискованных имений "фамилии" Долгоруковых.

Капитаны получили по 40 душ, капитан-поручики — по 30, поручики — 25, подпоручики и прапорщики — по 20 душ. Награды семеновцам были несколько меньше, поскольку основную роль в событиях сыграли преображенцы. При раздаче учитывались конкретные заслуги офицеров: кому-то пожалования увеличили с 40 до 50 душ, другим уменьшили до 20 и 15. Награды ожидали и рядовых. 26 февраля Анна повелела выдать 141 рубль гвардейцам-именинникам и 38 рублей — новорожденным солдатским детям. В марте 1730 г. дворянам-рядовым разрешили отправиться в долгосрочный отпуск, в Преображенском полку этой милостью воспользовалось 400 человек.

Особо отличившихся награждали в индивидуальном порядке. Выказавший личную преданность императрице 25 февраля преображенский капитан И. Альбрехт отдельным указом получил 92 двора в Лифляндии и стал майором. Больше всего получили главные участники событий: С. А. Салтыкову пожаловали 800 дворов, а "переметчику" А. И. Ушакову — 500. В среднем же восстановление самодержавия "стоило" казне примерно 30 душ в расчете на каждого офицера — не слишком большая цена за ликвидацию российской "конституции". Но для многих гвардейцев с 20–30-летним стажем и это являлось немалой наградой, ведь многие за десятки лет службы так и оставались беспоместными и подавали прошения: "Во время всех походов, акций, атак и приступов и в морских кампаниях был при полку всегда безотлучно, а деревень родовых и купленных не имею..." Мы уже никогда не узнаем, за-

думывались ли они над тем, что могли повести себя 25 февраля 1730 г. иначе, или для них и проблемы такого выбора не существовало.

В 1730 г. гвардия сохранила сплоченность и приверженность своей "полковнице", как и пятью годами ранее при возведении на престол Екатерины I. Но тогда гвардейцев привели их командиры. Теперь же гвардия — в первый раз — выступила как самостоятельная политическая сила. Переворот "сделали" обер-офицеры — ротные командиры. Именно они обеспечили порядок в своих частях; они возглавляли дворцовые караулы и добились нужного им поворота событий, когда сочли предъявленные императрице требования неприемлемыми. Символично, что среди "восстановителей" самодержавия оказался дед первого дворянина-революционера кавалергардский капрал Афанасий Прокофьевич Радищев. При этом среди подписавших прошение о восстановлении самодержавия нет ни одного солдата или унтер-офицера, они пока еще находились вне "политики" и исполняли приказы старших.

Аннинский режим получил у потомков имя "бироновщины" и эпохи "немецкого засилья". Этот образ царствования утвердился не без помощи исторической беллетристики и оказался удивительно живучим; хотя историки еще в XIX в. указывали, что созданный поэтами и романистами образ эпохи не соответствует действительности, что управляли государственными делами совсем не "немцы", которые к тому же не представляли сплоченной "немецкой партии", и т. д.

Тайная канцелярия была вовсе не похожа на спецслужбы новейшего времени с их разветвленной структурой, многотысячным контингентом штатных сотрудников и нештатных осведомителей. В то время она была скромной конторой, в которой служило полтора десятка чиновников и один "заплечных дел мастер". Однако плохая "социальная репутация" правления Анны вызвана репрессиями именно против представителей господствующего сословия: почти треть осужденных Тайной канцелярией принадлежали к "шляхетству" — Анна хорошо запомнила, кто подписывал проекты в 1730 г. В результате Аннино десятилетие отучило дворян ставить политические вопросы — в этом, кажется, и состояла главная "заслуга" бироновщины перед российским самодержавием.

День воцарения Анны (19 января) ежегодно отмечался по особому ритуалу с выражением чувств в стиле национальной традиции. Гостям во дворце надлежало пить "по большому бокалу с надписанием речи: "Кто ее величеству верен, тот сей бокал полон выпьет". "На людей, пьющих умеренно, — пояснял этот обычай английский консул Рондо в 1736 г., — смотрят неблагосклонно; поэтому многие из русской зна-

ти, желая показать свое усердие, напились до того, что их пришлось удалить с глаз ее величества с помощью дворцового гренадера".

Бироновщина "закрывала" для дворянства возможность легальных политических действий, одновременно увеличивая его тяготы в виде поголовной и постоянной службы, и тем самым стимулировала попытки дворцовых переворотов. Анна срочно создала два новых гвардейских полка, Измайловский и Конногвардейский, куда брали солдат и офицеров из армии, из прибалтийских "немцев" и украинских полков. Но скоро былая корпоративность гвардии будет утрачена. Уже не только поручики, но и рядовые примут самое активное участие в "свержении" Бирона в 1740 г., а в декабре 1741 г. 300 пьяных гренадеров-преображенцев возведут на престол Елизавету Петровну, не спрашиваясь министров и генералов. Гвардия стала опасной и непредсказуемой силой, это было платой за "переворотное" сохранение самодержавия.

Но и в случае успеха "затейки" "верховников" последствия были бы однюдь не однозначно благими. А. С. Пушкин проницательно заметил, что утверждение самодержавия в 1730 г. "спасло нас от чудовищного феодализма", но "если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили путь к достижению должностей и почестей государственных". Пушкин видел главную опасность не в ограничении самодержавия, а в создании замкнутой правящей касты и ликвидации сильной власти, способной вмешиваться в отношения помещиков и крестьян. Во второй трети "осьмнадцатого столетия" претендовать на политические права могли только дворяне. Но сословие это в ту пору больше интересовалось крепостными душами. Две главные цели русского либерализма — политические свободы (конституция, ограничение самодержавия) и гражданское равенство (ликвидация крепостного права) — оказались в трагическом противоречии. Должна была миновать целая эпоха, эпоха Просвещения, чтобы разрешение двух "проклятых" вопросов стало возможно на совершенно новых основаниях.

Подробнее на эту тему

Анисимов Е. В. *Россия без Петра: 1725–1740*. СПб., 1994.

Корсаков Д. А. *Воцарение императрицы Анны Иоанновны*. Казань, 1880.

Курукин И. В. *Эпоха "дворских бурь": Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг.* Рязань, 2003.

Милюков П. Н. *Верховники и шляхетство* // Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903.

Протасов Г. А. *Верховный тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение)* // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып. 1. С. 65–103.

Протасов Г. А. *Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение)* // Там же. 1971. Вып. 2. С. 61–102.

Татищев В. Н. *Избранные произведения*. Л., 1979. С. 146–153.

Публикации шляхетских проектов и предложений Верховного тайного совета см.: Бестужев-Рюмин К. Н. *Документы о восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны* // Памятники новой русской истории. СПб., 1871. Т. 1. Отд. 2. С. 1–10; Конституционные проекты в России XVIII — начала XIX вв. М., 2000. С. 167–193; Плотников А. Б. *Программный документ Верховного тайного совета в 1730 г.* // Россия в XVIII столетии. М., 2002. Вып. 1. С. 38–49.

1763 Минерва и канарейки

11 февраля 1763 г. Екатерина II все-таки "изничтожила" манифест, несколько месяцев томившийся в ожидании опубликования. Императрица долго колебалась и теперь, надорвав свою подпись на документе, сделала его недействительным, юридически ничтожным. Манифест должен был известить российских подданных о создании Императорского совета и реформе высших органов власти.

Урожденная принцесса Анхальт-Цербстская София Фредерика Августа, получившая в православном крещении имя Екатерины Алексеевны, пришла к власти 28 июня 1762 г. в результате очередного дворцового переворота. Свергнутый супруг, император Петр III, убитый вскоре после переворота, в манифесте от 6 июля 1762 г. обвинялся в проведении антиправославной и антинациональной политики. Новая государыня провозгласила, что "самовластие, не обузданное добрыми человеколюбивыми качествами в государе, есть зло", и пообещала ввести "государственные установления", "чтобы каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка".

Составить проект преобразования высшего звена государственного аппарата было поручено воспитателю наследника и одному из главных действующих лиц переворота графу Никите Панину. Тот вновь выдвинул — после 30-летнего забвения — идею правового регулиро-

вания самодержавной власти. Активно участвовавшая в подготовке переворота Екатерина Дашкова вспоминала, что Панин "...стоял за соблюдение законности и за содействие Сената".

Проектируемый Паниным Императорский совет — новое высшее законодательное учреждение — должен был состоять из 6–8 сановников, назначаемых императрицей и работающих под ее непосредственным руководством. Четыре статс-секретаря возглавили бы государственные департаменты Совета — военный, морской, иностранных дел и внутренних дел. Все постановления и указы следовало утверждать не только подписью императрицы, но также подписью статс-секретаря, ответственного за данную сферу деятельности. Это было новое и важное положение об ответственности министров-советников не только перед монархом, но и перед "публикой" (хотя под "публикой" Панин понимал довольно узкий круг "генералитета").

Прямого покушения на самодержавие в документе нет: монарху принадлежит "последняя резолюция" по всем вопросам, а заключительный 11-й параграф еще раз подтверждает, что из Совета не могут исходить никакие указы "инако, как за собственноручным монаршим подписанием". Однако некоторое ограничение есть: Совет во главе с монархом как высший законодательный орган тесно взаимодействовал и в определенной степени зависел от Сената как высшего исполнительного органа.

Сенат получал право представления (то есть возражения) на решения монарха и Совета в случае, если их исполнение может "касаться или утеснять... государственные законы или народа благосостояние". Сенат должен был быть разделен на шесть департаментов с постоянным кругом вопросов, а решение дел в них предполагалось сделать единогласным. В случае невозможности его достичь дело передавалось на рассмотрение общего собрания Сената, где оно решалось большинством голосов. Обнаружение пробела в законодательстве влекло за собой обращение к императрице, что автоматически означало вступление в действие Императорского совета.

Историки давно спорят о смысле и возможных перспективах этого проекта. Однако, как бы их не оценивать, несомненно, что проект отчасти ограничивал самодержавную власть, разграничивал законодательные и исполнительные функции, способствовал внедрению в высший правительственный аппарат правовых механизмов. Это, кстати, сразу почувствовали современники. Так, критик проекта генерал-фельдцейхмейстер А. Вильбоа в своем отзыве предупреждал, что "Императорский совет слишком приблизит подданного к государю, и у подданного может явиться желание поделить власть с государем". Отсюда, по его

мнению, "могут произойти вредные следствия". Разумеется, речь шла о совсем немногих подданных — в основном вельможном дворянстве, участвовавшем в перевороте 28 июня и ожидавшем "фундаментальных законов" для защиты собственной чести, безопасности, имущества от произвола самодержца или его фаворитов.

Очевидно, такие опасения разделяла и императрица. 28 декабря она подписала манифест об Императорском совете, но отложила обнародование. В январе и начале февраля 1763 г. среди ближайшего окружения Екатерины шли острые споры вокруг проекта (именно тогда высказался и Вильбоа). В конце концов императрица надорвала свою подпись, сделав манифест недействительным.

Отвергнув проект Панина, Екатерина II уже больше не возвращалась к идее политических реформ высшей власти. Вполне реальная альтернатива шага по направлению к конституционной, "правовой" монархии была отвергнута. Отвергнута не из одного только властолюбия — императрица отказалась поступиться долей самодержавной власти, находясь под обаянием идеи французских писателей, разделяемой и королем прусским, что самодержавному государю гораздо способнее привести в просвещенное состояние народ и воля его не должна по этой причине ограничиваться волей непросвещенного народа.

Относительно народа как субъекта истории Екатерина вообще придерживалась взглядов довольно скептических, если не сказать циничных. В приватном письме Вольтеру она утверждала: "Хлеб, питающий народ, религия, которая его утешает, — вот весь круг его идей. Они будут всегда так же просты, как его природа; процветание государства, столетия, грядущие поколения — слова, которые не могут его поразить... Из всего громадного пространства, которое называют будущностью, он видит всегда лишь один только наступающий день; он своей нищетой лишен возможности простирать свои интересы в будущее". Кажется, именно о таких взглядах Радищев в оде "Вольность" напишет: "…чело надменное вознесши, царь... в народе зрит лишь подлу тварь".

Зато, по мысли самого монарха, в таком огромном государстве, как Россия, только неограниченная власть может и должна позаботиться о процветании и "грядущих поколениях", "действия людей направити к получению самого большего ото всех добра". Это уже слова самого знаменитого политического трактата императрицы — Наказа, в котором дано четкое определение гражданского общества: оно, "как и всякая вещь, требует известного порядка; надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются". Итак,

"правящая и повелевающая" монархиня решила делать это вполне в предшествующих традициях (по словам Ивана IV, "московские самодержцы издревле сами владеют своим государством, а не бояры и не вельможи").

"Торжествующая Минерва"

Именно с такой ноты началось новое царствование, которому было суждено стать эпохой в российской истории. Эпоха эта была богата событиями и идеями. В эту эпоху явились в России первое национальное законодательное собрание с открытыми дебатами (Уложенная комиссия) и первые учебные заведения для женщин (Смольный и Екатерининский институты), воспитательные дома для подкидышей (чтобы остались живы и получили образование) и дворянское самоуправление (губернские и уездные дворянские собрания).

Совершилось завоевание Крыма и утверждение России на Северном Кавказе, повлекшие за собой начало первой "священной войны" горцев — движения под предводительством шейха Мансура. Надолго запомнившаяся дворянам пугачевщина (по Пушкину — "русский бунт, бессмысленный и беспощадный", который, однако, не был ни тем ни другим) и покупка знаменитых эрмитажных коллекций, положивших начало созданию первоклассного национального музея. Три раздела Речи Посполитой, в результате которых были присоединены литовские, украинские и белорусские земли, а само польское государство исчезло — вместе с остатками доброжелательного отношения Европы к России. Зато Российская империя вобрала в себя массу еврейского и польского населения, чем была заложена мина замедленного действия под этой самой империей. Новаторское законодательство, которое на 3/4 не было воплощено в жизнь, а воплощенное оформило в России сословный строй — всего за несколько лет до начала его крушения в Европе в результате Великой французской революции.

В эту эпоху родился полный смелых мыслей либеральный Наказ, над которым императрица трудилась несколько лет, и не менее смелая "ультралиберальная" (по выражению В. О. Ключевского) книга Радищева, за которую он был приговорен Сенатом к казни четвертованием. Запрещение пыток и цензуры (с некоторыми исключениями для наиболее волновавших Екатерину лиц и книг), впервые введенное в законодательство понятие собственности и замена подписи "раб" в официальных документах на "подданный". Расцвет русского просветительства и масонства, появление консервативной и либераль-

ной оппозиции, а под конец царствования и общественного мнения как серьезной силы, и первых представителей русской интеллигенции (в лице Радищева и Новикова, отправившихся соответственно в Сибирь и Шлиссельбургскую крепость, где к тому времени уже сидел шейх Мансур).

Вступившая на русский трон 34-летняя женщина была вполне сложившимся политиком, решительным и целеустремленным. Еще за семь лет до переворота она писала в тайной записке английскому послу: "…будьте уверены, что я буду царствовать или погибну".

Честолюбие и жажда власти, железная воля и прагматизм, отличное знание человеческой натуры и умение играть на ее страстях и слабостях, сильно действующее как на мужчин, так и на женщин обаяние и замечательная начитанность, знакомство с передовыми идеями века и стремление хотя бы отчасти воплотить их на практике, прославить себя и страну — вот далеко не полный перечень достоинств этой редкой личности. При этом Екатерина II, как и Петр I, на которого она ориентировалась сознательно и бессознательно, была самоучкой и трудоголиком.

Ее рабочий день начинался в шесть утра, причем первые два-три часа она работала над своими сочинениями и государственными бумагами, затем шли аудиенции секретарей, вельмож и беседы с посетителями, обед (она никогда не ужинала), чтение и опять работа до вечера, пока не наступало время для прогулок, карт или театра — до десяти часов, когда императрица ложилась спать. И так каждый день на протяжении нескольких десятилетий. Поэтому Екатерина сумела оставить после себя десять томов изданного и почти 20 — неизданной переписки, написать великое множество законодательных, литературных, публицистических и мемуарных сочинений.

Она обладала несомненным литературным талантом — читая ее "Записки", невольно подпадаешь под влияние созданного ею собственного позитивного образа трудолюбивой, разумной и чувствительной овечки, равно как и крайне негативного образа Петра III (в эту ловушку часто попадают литераторы и историки). Литературное творчество Екатерины насквозь публицистично и было важной частью ее политической деятельности. Первой на русском троне она поняла общественную силу литературы и стремилась использовать ее в политических целях.

Русское общество к 1760-м гг. достигло определенной степени зрелости после бурной петровской модернизации, развиваясь в русле ее основных идей и противоречий. Это было хорошо видно иностранцам, один из которых (английский посланник при русском дворе

Джордж Маккартни) писал в 1767 г.: “На Россию надо смотреть не как на отдаленную сияющую звезду, но как на великую планету, вторгнувшуюся в нашу систему, чье место пока еще не определено, но чьи движения могут властно повлиять на орбиты других планет”.

Место российской планеты в европейской системе и предстояло определить. По чрезвычайно популярной в 1760-е гг. формуле, “Петр россам дал тела, Екатерина — души”. С чем, кстати, не поспоришь — с одной стороны, посеянное Петром могло взойти только спустя несколько поколений, с другой — деятельность его отдаленной преемницы немало тому способствовала.

Идеология царствования была сформулирована сразу же — как на бумаге (в уже цитировавшемся манифесте 6 июля 1762 г.), так и в образах художественных. Зимой 1763 г. в Москве состоялось грандиозное театрализованное шествие “Торжествующая Минерва”, призванное в аллегорических образах показать “гнусность пороков”, с которыми будет бороться императрица, и “славу добродетели”, то есть самой монархини в виде богини мудрости Минервы.

Режиссером действа был “отец русского театра” Федор Волков, тексты писали знаменитые поэты Александр Сумароков и Михаил Херасков. Три дня по забитым зрителями центральным московским улицам ездили многочисленные живые картины, хоры, оркестры и кукольные театры. Пороки клеймились в красочных образах Пьянства, Обмана, Невежества, ехавшего на осле в сопровождении “хора слепых, как ведут друг друга”, Праздности и Злословия “за коими следуют ленивые”. Мздоимство со своими присными гнало мешками, полными денег, хромую Правду на костылях с преломленными весами. Взятки высиживали яйца гарпий, а позади Взятколюба Обдиралова тащились с пустыми мешками Обобранные. Далее шел Превратный Свет — в “развратном платье” и надписью на повозке “непросвещенные разумы”, Мотовство и Бедность со свитой из картежников и игроков. И наконец, в заключение — Юпитер, Златой Век, Мир и “колесница, в коей торжествующая Минерва, в верьху оных Виктория и Слава”. С этого времени в литературе и общественной мысли начинает утверждаться образ Екатерины как “российской Минервы”.

Основная цель маскарада — развитие на русской почве созданного европейскими философами идеального образа просвещенного монарха, мудреца на троне, под скипетром которого расцветут науки и искусства, утвердятся закон и справедливость, будут повержены пороки. Одним словом, наступит “златой век” — во имя “блаженства всех и каждого”, как потом будет написано на нагрудных знаках депутатов Уложенной комиссии. Осуществлено это будет силой самодер-

жавной власти, являющейся одновременно инициатором и гарантом преобразований и выступающей в союзе с образованным обществом.

Программа эта, если вдуматься, была достаточно утопичной, так как для утверждения закона и справедливости требовалось ограничение самодержавной власти "непременными законами" и отмена (или значительное смягчение) крепостного права — "рабства", несовместимого с "естественной вольностью" человека. Между тем самодержавие и крепостничество были основами русской политической жизни. Судьба панинского проекта Императорского совета показала сложность воплощения в жизнь даже достаточно умеренных реформаторских идей. По выражению уже цитировавшегося английского дипломата, "своим величием и своими колониями Россия обязана именно деспотизму, так что если русская монархия когда-либо станет ограниченной, она потеряет свою мощь и силу в той же степени, в какой приобретет моральные достоинства и гражданские усовершенствования".

Это противоречие было заложено еще Петром I, который, как писал В. О. Ключевский, "надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка...".

Екатерине досталось в наследство и еще одно противоречие. 18 февраля 1762 г. Петр III издал манифест, отменивший обязательную государственную службу дворян. Дворянство, боровшееся за освобождение от службы со смерти Петра I, было наконец-то раскрепощено, то есть откреплено от государства (некоторые дворяне даже предлагали воздвигнуть императору золотую статую). Однако тем самым как с моральной, так и с юридической точки зрения теряло основание крепостное право для крестьян, ранее оправдывавшееся тем, что они служат своим хозяевам, а те — государю. Общество сразу это поняло. Как говорил вольнодумец Федор Кречетов, "раз дворянам сделали вольность, для чего же оную не распространить и на крестьян, ведь они тоже человеки".

Так перед императрицей выдвинулось две основные проблемы государственной и общественной жизни — устройство власти (построение взамен тирании просвещенной "законной монархии") и крестьянский вопрос. Они были в центре внимания все царствование Екатерины, хотя подходы и способы решения менялись — от экспериментов начала царствования к крутой, но плодотворной прагматике после пугачевщины и усилению консервативно-охранительного курса

последних лет. Менялись и степени риска принимавшихся решений — в сторону большей умеренности и рациональности. С начала 1770-х гг. к ним прибавились и другие сложности, связанные с отношением верховной власти, во-первых, к русскому просветительству, во-вторых, к своеобразному варианту синтеза культуры, веры и независимой общественной инициативы, представленному масонством последней трети XVIII в. Собственно, вокруг этих четырех вопросов — власть, крестьянский вопрос, просвещение и масонство — структурировалась общественная борьба, идейные и нравственные искания нескольких поколений русских людей.

На что канарейке свобода

Как справедливо писал о Екатерине П. Н. Милюков, "ранний пессимизм по отношению к людям совмещался у нее с оптимизмом по отношению к идеям". Идея общественной самодеятельности (разумеется, под контролем верховной власти) сильно увлекала ее в начале царствования. Императрица стремилась инициировать общественное обсуждение основных вопросов, поставленных как европейскими философами и просветителями, так и российской "почвой", прощупать реакцию общества и выработать направления "реальной политики". В Наказе это сформулировано следующим образом: "Законоположение должно применяти к народному умствованию... Для введения лучших законов необходимо... умы людские к тому приуготовить. Но чтоб сие не служило отговоркою, что нельзя установить и самого полезнейшаго дела. Ибо если умы к тому еще не приуготовлены, так приймите на себя труд приуготовить оные, и тем самым вы уже многое сделаете". "Приуготовление" умов выразилось в трех главных акциях — конкурсе в Вольном экономическом обществе (1766), деятельности Уложенной комиссии (1767–1768) и полемике на страницах сатирических журналов (1769–1770). Результаты оказались существенными, но довольно неожиданными как для императрицы, так и для русского общества.

В 1765 г. группой из 15 просвещенных дворян было основано Вольное экономическое общество (по типу английских экономических обществ), призванное помочь помещикам рационально организовать и вести хозяйство, знакомиться с западноевропейским опытом. Оно стало первой в России светской независимой от правительства общественной организацией и просуществовало до 1917 г. Сразу же началось издание "Трудов ВЭО", содержавших зарубежные и отече-

ственные экономические, предпринимательские и агротехнические рекомендации и инструкции.

> “Благодетельной судьбе моей было угодно, чтоб однажды, идучи по площади... в Москве... сторговал и купил себе книгу... Она была экономическая и составляла первую часть Трудов нашего экономического общества... и только что вышедшая в Петербурге из печати. Я и поныне не могу еще довольно надивиться тому, как могла она так скоро прислана быть в Москву... Не прежде как в самом сем году [то есть в 1766-м] была она напечатана, а года сего не окончился еще и первый месяц, как я купил ее, и мы не только об ней, но и о учреждении самого экономического общества не имели еще ни малейшего слуха, знания и понятия. ...Как о экономических обществах в иных землях имел я уже довольное понятие, то, увидев из книжки сей, что и у нас такое ж учредилось, да еще и именитое и взятое самою императрицею в особое покровительство, вспрыгнулся я почти от радости и с превеликой жадностью и вниманием начал читать все в ней напечатанное: и удовольствие мое усугубилось еще больше, когда увидел я, что и у нас по примеру иностранных, приглашались к сообщению обществу экономических своих замечаний все живущие в деревнях дворяне, равно как и другие всякого звания люди, и что для проложения им к тому удобнейшего пути приложено было при конце сей книжки и 65 вопросов такого существа и о таких материях, о которых не мудрено и не трудно было всякому ответствовать, буде кто сколько-нибудь о деревенской жизни и сельской экономии имел понятие, и сколько-нибудь умел писать и владеть пером. Самое сие и побуждало меня прилепляться к сему предложению в особенности”, — вспоминал в своих записках знаменитый писатель, агроном и селекционер А. Т. Болотов, сочинения которого трижды получали награды ВЭО.

Екатерина оказывала обществу всяческую, в том числе и материальную, поддержку. Еще в конце 1765 г. она анонимно обратилась в ВЭО с вопросом, что полезнее для земледелия — когда земля находится в единоличном или в общем родовом владении, то есть ставила вопрос об общине, который будет столь бурно обсуждаться в XIX и начале XX в. (от декабристских кружков до Государственной думы). Несмотря на то что аноним явно склонялся в своем вопросе в пользу первого, ответа не последовало. Тогда в 1766 г. ВЭО по инициативе Екатерины (опять анонимной, с приложением большой суммы для публикации ответов, наград и т. д.) объявило конкурс на лучшее решение проблемы: “Что полезнее для общества — чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права

на то или другое имение простираться должны?" На конкурс пришло более 160 работ, в основном французских и немецких авторов, среди которых были Вольтер и Мармонтель. Русских работ было всего семь.

Большинство авторов писали о неминуемом упадке общества, основанного на рабстве, об угрозе выступлений народа, доведенного до отчаяния, о паразитизме дворянства. Первую премию получило сочинение француза Беарде де л'Абея, считавшего, что "могущество государства основано на свободе и благосостоянии крестьян, но наделение их землей должно последовать за освобождением от крепостного права". Он рекомендовал не спешить ни с тем ни с другим и заниматься подготовкой крестьян к восприятию свободы. Интересно, что даже получившее первую премию сочинение было опубликовано только в 1768 г., после длительной дискуссии и вопреки мнению большинства (императрица присоединилась к меньшинству и "протолкнула" решение; так впоследствии поступит и ее правнук, "проталкивая" отмену крепостного права).

Русские проекты были сильны в критике и умеренны в предложениях. Переводчик и правовед А. Я. Поленов, учившийся в Страсбургском и Геттингенском университетах и получивший вторую премию, писал: "Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малейшей от законов защиты... претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильства, отчего неотменно должны они опуститься и прийти в сие преисполненное бедствий как для их самих, так и для всего общества состояние, в котором мы их... видим". Он предложил ограничить барщину одним днем в неделю, создать в деревнях суды, школы, больницы, дать крестьянину право собственности на движимое имущество и наследственного владения — на недвижимое. Однако вначале "следует приготовить народ наперед через воспитание" и вообще начинать с дворцовых и государственных крестьян, а уж потом постепенно распространять эти меры на крепостных.

Представлены были и другие точки зрения. К примеру, замечательный русский поэт и драматург А. П. Сумароков, женатый вторым браком на своей бывшей крепостной, рассуждал так: "Потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь. — Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей... Что же дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его: а ему что останется? ...Свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна..." Надо сказать, что сравнение крепостного с канарейкой или собакой звучало чересчур откровенно

цинично даже для того времени. Спустя несколько лет Н. И. Новиков в своих сатирических журналах ответит таким дворянам, выписав "рецепт г. Безрассуду, болеющему мнением, что крестьяне не суть человеки, но крепостные его рабы". Безрассуд должен "всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские, покуда не найдет он различие". Однако, как показали впоследствии дебаты в Уложенной комиссии, по-сумароковски рассуждало большинство дворян.

Наказ и Уложенная комиссия

Опыт конкурса был использован Екатериной при подготовке самого крупномасштабного мероприятия первого десятилетия ее царствования — Уложенной комиссии. По мысли императрицы, комиссия должна была дать обществу новые, совершенные законы. Вопрос о новом своде законов взамен устаревшего Соборного уложения царя Алексея Михайловича (1649) был крайне актуальным для русского правительства, начиная с Петра I. Уложенные комиссии, работавшие при нем, при императрицах Анне и Елизавете, собрали много материала, а последняя подготовила и ряд важных проектов, но все детища бюрократического усмотрения оказывались нежизнеспособны. Екатерина решила пойти другим путем.

Она задумала дать России новый законодательный кодекс, основанный на идеях и принципах эпохи Просвещения, с которыми была хорошо знакома в их умеренном варианте (Вольтер как писатель, а Монтескье как мыслитель сопровождали ее всю жизнь). Императрица решила сама определить главные отвлеченные начала, на которых следовало строить новые законы, а выяснить нужды и желания общества она предполагала с помощью новой, всесословной Уложенной комиссии. Почти два года она упорно работала над своим Наказом будущему законодательному собранию, обильно используя классический философско-политологический трактат Монтескье "О духе законов" (1749) и некоторые юридические труды. Получилось пространное, теоретическое и местами очень радикальное произведение, по прочтении которого окружение императрицы пришло в ужас, и ей пришлось вычеркнуть почти половину текста. Но и оставшиеся 20 глав и 526 небольших статей производили весьма сильное впечатление.

Наказ был первым русским правительственным документом, говорившим о "естественной вольности" человека. Если петровское законодательство ввело понятие "общего блага" как цели, то Екатерина этот принцип персонифицировала, постоянно подчеркивая "благо

всех и каждого", "безопасность каждаго особо гражданина". В Наказе вообще впервые в российском законодательстве ставился вопрос об обязанностях правительства перед гражданами. Еще одна новация — нехарактерное для русских законов внимание к собственности. Говорится даже и о стремлении "учредить нечто полезное для собственного рабов имущества". Отголоски конкурса в ВЭО слышны и в ст. 295: "Не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного". В Наказе развиваются просветительские идеи о необходимости распространения просвещения, искоренения беззакония, деспотизма, запрета смертной казни и жестоких наказаний, об умножении народного благосостояния.

Екатерина признает необходимость для России самодержавной власти ввиду огромного пространства империи, но цель такой власти — не то "чтоб у людей отнять естественную их вольность: но чтобы действия их направити к получению самаго большаго ото всех добра". Деятельность всех правительственных учреждений должна быть основана на законах — "чтобы люди боялись законов и никого бы кроме них не боялись". Законы же не должны запрещать ничего "кроме того, что может быть вредно или каждому особенному или всему обществу". Декларируется веротерпимость, так как "гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает".

Разумеется, Екатерина не просто компилировала тексты европейских философов и юристов, но и пыталась адаптировать их теории к интересам собственной власти и страны, как она их понимала. Многое, что называется, изменилось до неузнаваемости (например, коренная для Монтескье идея "посредствующих властей" — относительно независимых от трона органов управления, превратившихся в Наказе в проводников политики монарха).

В первоначальных набросках императрица, не настаивая на немедленном освобождении крепостных, предлагала смягчить их положение, предоставив право собственности на землю и оградив их от насилий помещиков. В окончательном варианте осталось лишь требование, чтобы законы, с одной стороны, "злоупотребления рабства отвращали", а с другой — "предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти". Но и в таком виде Наказ, вызвавший бурный восторг Вольтера, во Франции в 1769 г. был запрещен цензурой.

Уложенная комиссия была созвана осенью 1767 г. в Москве. Избранные в нее 564 депутата представляли все сословия империи, кроме крепостных (считалось, что их интересы выражают помещики). В итоге довольно сложной системы выборов и представительства почти половина депутатов были дворянами. Комиссия читала Наказ императрицы

и депутатские наказы, привезенные с мест, законодательство о крестьянах и т. п. Порой разгорались жаркие споры, главным образом о сословных правах и пределах власти помещиков над крестьянами. Прозвучали некоторые либеральные выступления, например дворянина Г. И. Коробьина, потребовавшего законодательного ограничения крепостничества, или казака А. И. Маслова, предложившего вообще отобрать крестьян у помещиков и передать в ведение специальной коллегии, которая бы собирала налоги и выплачивала бы их помещикам.

Но основная масса дворян продемонстрировала узкосословный эгоизм и враждебность каким бы то ни было реформам. Депутаты-горожане требовали права покупать крепостных и монополии на занятия торговлей. По меткому выражению С. М. Соловьева, "от дворянства, купечества и духовенства послышался этот дружный и страшно печальный крик: "Рабов!" Русское третье сословие добивалось не политических прав или юридических гарантий, а сословных привилегий. Через полтора года Уложенная комиссия была распущена и больше не собиралась. Своей законодательной задачи она не выполнила. Свод законов будет составлен в России только в 1832 г. командой опытных чиновников под руководством М. М. Сперанского.

Но ее деятельность не прошла бесследно ни для власти, ни для русского общества. Содержание местных наказов, речи депутатов, материалы подкомиссий широко использовались в дальнейшей деятельности правительства. По словам самой императрицы, комиссия "подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело иметь и о ком пещись должно". В дальнейшем императрица будет действовать более прагматично, учитывая требования и интересы высших сословий. Бурные дебаты в комиссии стимулировали подъем гражданского самосознания самых различных групп русского общества. Как писал знаток русской литературы XVIII в. Г. А. Гуковский, "в комиссии пережила свой первый расцвет русская политическая речь как особый и важный вид публицистики и литературы вообще". В комиссии начинали свою общественную деятельность — пока в качестве протоколиста и секретаря — гвардии поручик, а впоследствии знаменитый русский журналист, издатель и масон Н. И. Новиков и гвардии сержант, будущий замечательный поэт Г. Р. Державин.

В советской историографии было принято критиковать Екатерину за лицемерие (осуждает рабство и говорит о вольности, но при этом не делает и шага в сторону отмены или хотя бы смягчения крепостничества), попытку укрепить самодержавно-крепостнические порядки при помощи новейших западноевропейских идей — исключительно для "отвода глаз". Об этом недавно писал В. М. Живов: "Наказ", буду-

чи самым прогрессивным юридическим памятником XVIII столетия, был вместе с тем законодательной фикцией, не имевшей никакого практического значения... входил в мифологическую сферу и выполнял мифологическую функцию, был атрибутом монарха, устанавливающего всеобщую справедливость и созидающего гармонию мира".

Историку трудно согласиться с такой интерпретацией. Наказ был не фикцией, а, скорее, по выражению А. Б. Каменского, "декларацией о намерениях", подготовительной работой для будущих "фундаментальных законов" Российской империи, правда, так и оставшихся в виде набросков в бумагах императрицы (отдельные и не самые существенные части этого плана были осуществлены в 1770–1780-е гг.). Не имевший юридической силы, этот первый опыт государственного либерализма оказал значительное влияние на русскую "историю идей", способствовал "приуготовлению умов". От него тянется нить к проектам М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева, Н. М. Муравьева, к либерализму внука Екатерины Александра I и правнука Александра II, к Государственным думам эпохи Николая II. Либерализму, конечно, непоследовательному и противоречивому, так как трудно быть либералом самодержцу в европейской, но периферийной и пытающейся преодолеть отсталость стране при хронически недоразвитом обществе, где абсолютный монарх — и инициатор, и гарант движения вперед. Дилемму деспота-реформатора русские монархи, начиная с Петра I, решали каждый по-своему, с перевесом то в одну, то в другую сторону, но решена быть она не могла по определению.

Как писал о России екатерининский современник Дж. Маккартни, "уделом самодержца здесь всегда будет определять своей рукой уровень цивилизованности, следить за каждым улучшением, которое может прийти в противоречие с его властью и поощрять его только тогда, когда оно покорно его величию и славе".

Тем не менее Наказ и Уложенная комиссия важны для нас как законодательный и государственный прецеденты, как первая попытка приложения либеральных идей к российской почве (права и свободы личности, законность, правопорядок и т. п.).

"Прабабушка" и "дурные шмели"

Столкнувшись с неоднозначной реакцией общества на свои инициативы, Екатерина усиливает литературную активность, направляя ее на "два фронта" — как против непросвещенных крепостников, так и против инакомыслящей дворянской молодежи. Организовав пер-

вый сатирический журнал "Всякая всячина" (1769–1770) и призвав других литераторов последовать примеру "прабабушки", она вступает на поле публицистики, стремясь дать выход оппозиционным настроениям в печати и направить общественное мнение в нужное русло. Главная же идея самой императрицы во "Всякой всячине" — идея "сословного мира": все "сословия" должны быть довольны своим положением, так как они члены одного тела — государства. "Долг наш, как христиан и как сограждан, велит имети доверенность и почтение к установленным для нашего блага правительствам и не поносить их несправедливыми жалобами".

Императрица дала свою версию причин роспуска Уложенной комиссии. Так, например, в ее "Сказке о мужичке" рассказывается о том, как портные (депутаты) шили мужичку (народу) новый кафтан (уложение). И хотя у них был даже образец такого кафтана (Наказ), дело у них не шло. Тут "вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и холода помирали" (Лифляндия, Эстляндия, Украина и Смоленская губерния), которые, хоть и были грамотны, помогать портным не пожелали, а, напротив, стали требовать, чтобы им отдали те кафтаны, которые они носили в детстве (старинные привилегии). В итоге мужичок так и остался без кафтана. Стремление свалить вину с больной головы на здоровую говорит о том, что императрица переживала завершение деятельности Уложенной комиссии как неудачу, за которую надо было "назначить" виновных.

Касаясь общественных недостатков, Екатерина настаивала, что они происходят от пороков, свойственных всем людям (приказные становятся взяточниками потому, что их соблазняют посулами просители), а главной целью сатиры считала исправление нравов: поскольку грубость и жестокость свойственны необразованным людям, то, просветив помещиков, можно сделать их человечными по отношению к крепостным.

Из семи сатирических журналов, которые стали выходить в качестве "потомства" "Всякой всячины", два сразу же начали острую полемику с ней, это были "Трутень" Н. И. Новикова и "Смесь" Ф. А. Эмина. Новиков, поставивший эпиграфом к своему журналу на 1769 г. слова из басни Сумарокова "они работают, а вы их труд ядите" (прозрачный намек на паразитизм дворян, хотя у Сумарокова речь идет о писателях-плагиаторах), обрушился на помещичий произвол, обличал царящее в России беззаконие, издевался над невежеством и продажностью судей в жанре частных объявлений: "Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить, могут его сыскать в здешнем горо-

де", "недавно пожалованный прокурор отъезжает во свое место и по приезде желает он развесть редкое в том городе растение, именуемое цветущее правосудие, хотя воевода того города до оного растения и не охотник, чего ради потребен г. прокурору искусный садовник", "молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям до просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть, могут его видеть безденежно по многим улицам сего города".

"Всякая всячина" убеждала в необходимости умеренности, человеколюбия, подчеркивала достигнутые Россией успехи и советовала не торопиться: "Пока новые законы поспеют, будем жить, как отцы наши жили, с тем барышом противу них, что мы ощущаем более от вышней власти человеколюбия, нежели они". Что называется, сам себя не похвалишь, никто не похвалит. Но тут, скорее, было не столько самовосхваление, сколько стремление направить формировавшееся, в том числе и новиковским журналом, общественное мнение в нужное русло.

Однако полемика приобретала все более острый характер. В ответ на екатерининскую сатиру "в улыбательном роде" и утверждения типа "похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные" Новиков смело заявляет: "Многие, слабой совести люди, никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан, но таких людей человеколюбие приличнее называть пороколюбием". Это был совершенно беспрецедентный для России случай публичной полемики императрицы на равных со своим подданным, невозможно ведь представить себе Петра I, доказывающего в печати свою правоту. Кстати, не случалось подобного и впоследствии.

Терпения императрицы хватило ненадолго, и она от полемики перешла к мерам административным. Журналы Новикова и Эмина были подвергнуты более строгой дополнительной цензуре. В одном из последних выпусков "Трутня" следующим образом объяснялся отказ от публикации очередного критического письма: "… оно задевает Всякую всячину и критикует господина сочинителя за то, что от критики свободно". В попытке подчинить себе общественное мнение Екатерина II потерпела неудачу. "Дурные шмели, — сетовала она, — нажужжавшие мне уши своими разговорами о мнимом неправосудии", оказались сильнее. Тиражи "Всякой всячины" падали, вскоре она закрылась. Впоследствии императрица скрывала свою причастность к полемике 1769–1770 гг., а к публицистике вернулась только спустя

13 лет. Перестал выходить под давлением свыше и "Трутень", однако через полгода Новиков начинает издавать новый журнал, а с 1772 г. — знаменитый "Живописец", смело и необычайно ярко обличавший жестоких крепостников и коррумпированных чиновников. В разгар пугачевщины Новиков ухитряется выпустить его третье издание и тем продемонстрировать верность давнему принципу — "я чувствителен к крепостному состоянию".

"Маркиз Пугачев"

Грянувшая в 1773 г. пугачевщина охватила огромную территорию (от Оренбурга до Казани и Царицына) и в буквальном смысле потрясла государство. Сбылись слова тех, кто предупреждал о неминуемом взрыве народного возмущения тяжестью крепостных порядков. Именно в этом смысл крестьянского и казацкого бунта. В манифестах и указах Пугачева все дворяне квалифицируются как "сущие преступники закона и общаго покоя", "возмутители империи и разорители крестьян", их предлагается "казнить смертию, а домы и все их имение брать себе в награждение". Причем этот радикальный призыв аргументируется своеобразной, но хорошо понятной крестьянам справедливостью: "А на оное их, помещиков, имение и богатство, также яство и питие было крестьянского кошта, тогда было им веселие, а вам отягощение и разорение". На стороне восставших была страшная ветхозаветная правда — око за око, зуб за зуб.

По манифесту 31 июля 1774 г. крестьян призывали "ловить, казнить и вешать" дворян, "поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами". Будущее же рисовалось в самых радужных тонах: "По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякий сможет возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет". Кстати, искушению идеей отмщения поддались далеко не все. Нам, конечно, известны многочисленные случаи расправ, убийств и поджогов, но нередко крепостные сами прятали своих помещиков, спасая жизни им и их детям (так поступили с родителями и младшими братьями и сестрами А. Н. Радищева).

Спасовали и местные власти. Екатерина в письмах к подавлявшему бунт генералу Петру Панину (родному брату Никиты Панина) писала о причинах восстания: "Слабое поведение в разных местах гражданских и военных начальников я почитаю столь же общему благу вредным, как и сам Пугачев со своею сволочью". Возмущенная

новиковскими обличениями “мнимого неправосудия”, в приватном письме она говорила о том же: “Наперед раздражая жителей неправосудием и мздоимством, когда дошло до обороны, чувствуя народную к ним недоверенность, у них и руки упали, что способствовало бунтовщикам причинить толикия злодейства и разорения”.

Пугачевщина совпала по времени с важными внешнеполитическими мероприятиями. К 1775 г. Екатерина окончила три тяжелые войны — с Польшей (первый раздел которой в союзе с Пруссией и Австрией был в 1772 г., к России отошла Восточная Белоруссия), Турцией (война 1768–1774 гг., в результате которой были приобретены земли от Днепра до устья Южного Буга, крепости Керчь и Еникале в Крыму) и своим “воскресшим” супругом, которого она, по аналогии с героем известной сказки Ш. Перро, называла “маркиз Пугачев”.

Итоги первой, реформаторско-романтической, декады правления Екатерины II оказались неожиданными для нее. Новое законодательство так и не было создано, усилия по “приуготовлению умов” вызвали выход из-под контроля значительной их части. К этому императрица не была готова; вопрос о том, как работать со складывавшимся общественным мнением, оставался для нее открытым. В российской же литературе и общественной мысли начинает широко обсуждаться тема пределов и характера власти монарха.

Как писал знаток русской культуры XVIII в. Б. И. Краснобаев, “она была животрепещущей и в житейско-практическом плане, и в теоретическом, так как большинство мыслителей того времени связывали с характером правления, с деятельностью монарха не только особенности современного состояния государства и общества, а и надежды на будущее справедливое общественное устройство”. Одновременно возник крестьянский вопрос — как проблема и политическая (что делать с институтом крепостного права), и общественная (влияние крепостничества на господ и на рабов), и культурная (возникновение интереса к крестьянской культуре и начало собирания ее памятников).

Екатерина переходит к более традиционной, прагматической и менее рискованной политике. Во внутренних делах идет модернизация системы управления, оформление и укрепление сословности, поощряется развитие просвещения, во внешней — начинается новый виток традиционных для России войн с Турцией и Польшей. Этот курс, по выражению В. О. Ключевского, приведет в конце царствования к двум основным итогам — громадному увеличению материальных средств (территория, население) и значительному усилению социальной розни (отношения между различными сословиями и национальностями внутри империи).

А все могло бы быть по-другому... Если бы Екатерина не убоялась воплотить в жизнь панинский проект, Россия, пожалуй, лишилась бы множества блестящих и разорительных начинаний, но зато начатое, будучи под контролем хотя бы части образованного общества, скорее всего, развивалось бы более последовательно, закономерно и менее было бы подвержено капризам "российской Минервы". Действительно, прав был критик идеи Императорского совета Вильбоа — само его существование постепенно привело бы к формированию у подданных мысли разделить права с государем. И эти права, очевидно, в ходе практической государственной работы "разделялись" бы постепенно и мирно.

Увы! По словам Карамзина, "что быть могло, но стать не возмогло..." И все же публично провозглашенная в Наказе мысль о законе, который выше воли государя, уже не исчезла. Она получит продолжение спустя десятилетие в конституционном проекте Панина и Фонвизина, сочинениях Радищева, а затем и в проектах александровского царствования.

Подробнее на эту тему

Брикнер А. Г. *История Екатерины II.* Т. 1–2. М., 1996.
Вернадский Г. В. *Русское масонство в царствование Екатерины II.* М., 1998.
Каменский А. Б. *"Под сению Екатерины..."* М., 1992.
Ключевский В. О. *Императрица Екатерина II (1729–1796)* // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 5. М., 1989.
Мадариага И. де. *Россия в век Екатерины Великой*. М., 2001.
Омельченко О. А. *"Законная монархия" Екатерины II.* М., 1993.

1792 Гром победы и храбрые россы

23 апреля 1792 г. старый фронтовой служака князь А. А. Прозоровский — надменный и всеми ненавидимый московский генерал-губернатор — отправил из Москвы гусарского майора князя Жевахова с эскадроном из 12 гусар, унтер-офицером и капралом арестовывать масона Николая Новикова. Ночь напролет Жевахов со своими гусарами скакал в Авдотьино-Тихвинское, имение Новикова, где они нашли его в постели, больного, в полусознательном состоянии после произведенного накануне обыска. Однако Жевахов, имевший приказ "доставить важного государственного преступника, притворившегося тяжело больным", выполнил его, и Новиков был привезен в крытой повозке в Москву и допрошен Прозоровским.

Через несколько дней императрица Екатерина II повелела отправить масона под конвоем в Санкт-Петербург, где следствие должен был продолжить печально известный как "домашний палач кроткой Екатерины" С. И. Шешковский. В течение следующих недель Новиков давал показания о своей масонской деятельности, о связях с вольными каменщиками при враждебном Екатерине берлинском дворе и о своих отношениях с великим князем Павлом Петровичем. В конце концов он признал свою вину, сознался в публикации запрещенных масонских книг и попытке склонить наследника к масонству. В августе последовал приговор — заключение в Шлиссельбургскую крепость сроком на 15 лет.

О судьбе Новикова после ареста долгое время никто ничего не знал, и по Москве ходили о нем разные слухи. Так, А. Т. Болотов записал в своем дневнике 12 января 1796 г.: "Славного Новикова и дом, и его имение, и книги продаются в Москве из магистрата с аукциона... По-видимому, справедлив тот слух, что его нет уже в живых — сего восстановителя литературы". Учрежденная после ареста просветителя Комиссия духовных цензоров занялась работой по выявлению крамольных книг среди новиковских изданий. Через полтора года ее работа была завершена. Находившиеся в московском доме Новикова и в Авдотьине, а также на складах Типографической компании и ее магазинов 18 656 книг были 15 июня 1794 г. сожжены на Болотной площади в Москве. Среди других книг в огне погиб и шекспировский "Юлий Цезарь" в переводе Н. М. Карамзина.

Общество безмолвствовало. Лишь Карамзин дерзнул воззвать к гуманным чувствам Екатерины II. В майском номере 1792 г. издаваемого им "Московского журнала" была напечатана ода "К милости", где есть и такие строки: "Там трон навек не потрясется, где он любовью бережется". Страшновато звучали эти слова в условиях Великой французской революции. Наверху хранили молчание. Вскоре Карамзин закрыл журнал.

С расправой над Новиковым эпоха "торжествующей Минервы", богини мудрости и покровительницы искусств, закончилась. Императрица уничтожила первую в нашей стране независимую общественную инициативу, первое вольное просветительское и благотворительное дело. Именовавшая себя главой православной церкви (слово "Бог" в официальных документах писалось с заглавной буквы, в то время как "Екатерина" — одними заглавными), она нанесла смертельный удар по "практическому христианству" Новикова и его соратников. Это было, по словам В. О. Ключевского, "нравственное банкротство" блестящего царствования. А начало этой драмы — середина 1770-х, когда политика Екатерины начинает приобретать все более узкосословный и военно-имперский характер, а сама императрица все с большим подозрением относится к духовным и интеллектуальным поискам образованного дворянского общества, что хорошо отражают написанные ею комедии.

Губернские учреждения и жалованные грамоты

Вдогонку пугачевщине с 1775 г. начинается губернская реформа, во многом перестроившая и изменившая местную жизнь. Реформа

ввела новое административное деление (губернии и уезды), сохранившееся до 1920-х гг., и новую систему местных органов, просуществовавшую более 100 лет. Новаторскими были ее основные принципы: децентрализация местного управления, отделение суда от администрации и приближение их к населению, увеличение роли выборных представителей дворянства в местном управлении, создание на местах совершенно новых учреждений — "приказов общественного призрения", ведавших школами, больницами, приютами.

Правда, в российских условиях полного отделения суда от исполнительной власти не получилось — достаточно вспомнить взаимоотношения городничего и судьи Ляпкина-Тяпкина из гоголевского "Ревизора". Созданные в 1775 г. в уездах (в 1785-м — в губерниях) дворянские собрания избирали главу уездной власти и судей земского суда, но не могли контролировать их деятельность или смещать, а таким образом выборные представители дворянства превращались в разновидность коронных чиновников.

Процесс оформления сословного строя завершился жалованными грамотами дворянству и городам, изданными в один день — 21 апреля 1785 г. Дворяне получили законодательно оформленное подтверждение всех своих привилегий и некоторое расширение полномочий дворянских собраний. Вопрос о праве владения крепостными был обойден — говорилось о собственности дворянина на имение со всем, что в нем находилось. Но прямо о владении душами сказано не было.

Причины этого не очень ясны — возможно, Екатерина хотела показать, что право на владение крепостными не будет навсегда сохранено за дворянством. Надо сказать, что эта сторона дела привлекла внимание не столько современников, сколько историков. Жалованная грамота городам попыталась создать русское третье сословие в виде "градского общества". Городское население было разделено на шесть разрядов. Верхушка города освобождалась от телесных наказаний и подушной подати, за ней закреплялось право собственности на имущество, свобода торговли и предпринимательства. "Градское общество" получило права юридического лица и избирало городскую думу, ведавшую, правда, только благоустройством и санитарным состоянием города (и то под контролем городничего из дворян).

Была подготовлена и жалованная грамота государственным крестьянам, которая, однако, так и осталась неопубликованной, очевидно, из-за боязни возмутить дворянство. Историки справедливо считают, что эти грамоты в совокупности составляют всеобъемлющее сословное законодательство, призванное не столько поддержать то или иное сословие, сколько усилить само государство. Для этого надо было лик-

видировать пропасть между монархом и народом, пагубность которой показала пугачевщина, путем создания "посредствующих властей" — дворянства, "градского общества" и лично свободного крестьянства, законодательно закрепив их права и обязанности. Правда, из триады выпало государственное крестьянство, но и в таком виде сословное законодательство Екатерины было важным достижением. Некоторые историки называют, например, Жалованную грамоту дворянству первым правовым актом в русской истории — привилегии и свободы "благородных" были даны "навеки", "непоколебимо и ненарушимо". Правда, последовавшее затем павловское царствование показало истинную цену этой "ненарушимости"...

Екатерина II готовила и другие "фундаментальные законы" для России — Наказ Сенату, Уголовное уложение, которые должны были реформировать судебную систему и гарантировать всем подданным их права и судебную защиту, — но все они остались на бумаге. Императрица становилась все более осторожной (особенно после начала Великой французской революции), колебалась между стремлением к умеренной либерализации русских государственных и общественных порядков и боязнью утратить полный контроль над ситуацией в стране. Неоднократно заявляя о своей приверженности идее народного представительства ("Я в душе республиканка, деспотизма ненавижу"), она в то же время считала принципиально неправильным и неполезным для России ограничение самодержавной власти.

Это, конечно, была политическая квадратура круга, весьма, однако, характерная для русской истории. В тисках этого противоречия будут биться Александр I, Александр II, Николай II. Список можно и продолжить... Об этой характерной для российской истории дилемме деспота-реформатора с горечью напишет в 1782 г. Радищев: "Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что ли из своея власти, седяй на престоле".

На деле постепенно происходил переход от прагматики к реакции, что наглядно зафиксировали "дела" А. Н. Радищева (1790) и Н. И. Новикова (1792). В диалоге власти и просвещенного общества власть срывалась в охранительство и реакцию.

Потемкинские деревни и шейх Мансур

Изменению курса внутренней политики соответствовал и поворот во внешней. Начиналась (точнее, продолжалась — еще со времен

Петра) эпоха, отражением которой стал знаменитый военный гимн "Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый Росс!".

В бытность великой княгиней молодая Екатерина, определяя для себя заповеди монарха, сформулировала их следующим образом.

1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.
2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставлять его соблюдать законы.
3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.
4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.
5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании своего долга перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом...

(Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 647)

С середины 1770-х гг. начинается новый, в значительной степени вызванный успехами первой Русско-турецкой войны и раздела Речи Посполитой грандиозный "греческий проект" в Северном Причерноморье. Именно он в итоге сделал Российское государство "грозным" и "внушающим", но ценой этого стало опустошение казны и бесконечные войны и конфликты, идущие, например, на Кавказе и до сего дня.

Приверженность идеалам Просвещения вполне гармонично уживалась в сознании императрицы с имперской идеей, согласно которой великая Россия как наследница Византии обладала неотъемлемым правом вмешиваться в дела соседей и решать судьбы народов по своему усмотрению. Екатерина считала, что ее миссия состоит в защите и распространении христианства, а потому, борясь с Турцией, она действует в общеевропейских интересах. Как восточное (турецкая проблема), так и западное (польский вопрос) направления внешней политики России достались Екатерине от ее предшественников, но решающие действия были совершены ее дипломатами, военачальниками и солдатами.

"Греческий проект" стартовал с середины 1770-х гг., когда статс-секретарем становится А. А. Безбородко, а фаворитом (как считают некоторые историки, тайным мужем и соправителем) — Г. А. Потемкин. В апреле 1779 г. у Екатерины рождается второй внук, которого называют греческим именем Константин, нанимают ему кормилицу-гречанку, чеканят в честь его рождения монету с изображением храма Святой Софии в Константинополе. На специально устроенном по этому случаю празднестве читают греческие стихи. Все эти меры подготав-

ливали курс на борьбу с Турцией, завоевание ее территории и восстановление греческой империи с Константином на троне (по этому плану предполагалось, что в России будет царствовать первый и любимый внук Александр).

В начале 1780-х гг. Потемкин подает Екатерине записку о необходимости присоединения Крыма, которая потом легла в основу знаменитого письма императрицы от 10 сентября 1782 г. австрийскому императору Иосифу II. В своей записке Потемкин в манере геополитики XX в., играющей судьбами малых стран и народов, констатирует:

> Крым положением своим разрывает наши границы... Положите же теперь, что Крым ваш и что нет уже сей бородавки на носу — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны кубанской, сверх частых крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несумнительна, мореплавание по Черному морю свободнее... Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, цесарцы [т. е. австрийцы] без войны у турок в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки... С Крымом достанется и господство в Черном море, от вас будет зависеть запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду... Сколько славно приобретение, сколько вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждых хлопотах так скажет: вот, она могла, да не хотела или упустила. Если твоя держава — кротость, то нужен в России рай.
>
> (История России XVIII–XIX вв. Хрестоматия. М., 2003. С. 112–113)

Вскоре начались решительные и далеко не "райские" действия. В 1783 г. Крым был оккупирован русскими войсками. Потемкин торжественно принял присягу местной знати. Крымским татарам были гарантированы права собственности, уважение их религии и равенство с другими подданными российской императрицы. Первый шаг к реализации "греческого проекта" был сделан.

На очереди стояло наступление на Кавказе. В том же 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, по которому Восточная Грузия (Картли и Кахетия) переходила под протекторат России, гарантировавшей ее царю Ираклию II территориальную целостность владений. В Тифлис

было направлено два батальона русских войск. Соответственно, встала проблема охраны дороги через горные перевалы. Сначала кабардинцы, недовольные возведением на их землях Моздокской крепости (1764), потом ногайцы кубанских степей, а затем и горцы Северного Кавказа начинают воевать с Россией. Кавказская война, которую обычно начинают с А. П. Ермолова, на самом деле началась почти на 50 лет раньше. Как пишет В. А. Потто, основание Моздока "стало началом той великой программы, на выполнение которой потребовалось целое столетие и миллионы материальных жертв и нравственных усилий".

Одним словом, началась столетняя Кавказская война. Ее первым этапом стало национально-освободительное восстание горцев в 1785–1791 гг., возглавленное бывшим чеченским пастухом из аула Алды Ушурмой, провозгласившим себя Мансуром. У мусульман существует предание о том, что придет предсказанный великим пророком Магометом, но "скрытый" до поры имам (от арабского "амма" — стоять впереди, предводительствовать) Мансур и установит истинно исламский миропорядок.

Выросший в бедной семье и не обученный грамоте, Ушурма "осветился размышлениями о священном законе" и вскоре предстал перед жителями своего аула избранником Магомета, призванным избавить мир от пороков. "Нам предстоит исполнить волю Аллаха и обратить народы в магометанство. Под мои знамена встанет столько джигитов, что едва ли смогут они поместиться на чеченской долине... Когда придет время сражаться, я дам вам кинжалы, которые в бою будут удлиняться. Ни пушки, ни ружья неверных не будут вредить нам..."

Вскоре он был провозглашен своими сторонниками шейхом (по-арабски — старец, почетный титул учителей благочестия, правоведов, наставников), а затем и имамом — духовным, военным и светским руководителем мусульман. Далеко не все муллы согласились с таким статусом, а турецкий султан даже послал специальную богословскую миссию к Мансуру, чтобы выяснить, тот ли он, за кого себя выдает. Посланцы султана пришли к выводу, что "он не ученый и не особенно набожен, хотя и не уклоняется никогда от совершения молитв, предписанных законом". По их мнению, "Мансур есть не то лицо, которого ожидают на основании предсказаний Пророка, а обманщик, который притом не пользуется большим доверием в Дагестане".

Мансур, случалось, одерживал победы (осада Кизляра), но чаще терпел поражения, после которых терял почти всех своих сторонников даже из родного аула. Поэтому ему приходилось часто менять места пребывания и опираться на людей, достаточно далеких от Чечни. Мансур был взят в плен при штурме Анапы в 1791 г. и заключен

в Шлиссельбург, где умер от скоротечной чахотки в 1794 г. Впрочем, чеченцы верили, что он жив — в самом начале правления Александра I к нему в Петербург приезжала специальная делегация горцев с просьбой помиловать и освободить Мансура.

Но именно он положил начало горскому джихаду (или газавату) — священной войне за национальную свободу. Когда пленному Шамилю задали вопрос о том, кем был имам Мансур, он ответил — "Ушурма из чеченского аула Алды был великим родоначальником духовного и политического возрождения мусульман Кавказа". Вот в этом Шамиль, похоже, был прав. Мансур был первым, кто понял (для этого не требовалось особого религиозного образования) пагубные последствия разобщенности горских племен и попытался их преодолеть на основе ислама. Надо сказать, что к этому горцев толкало и усиливавшееся проникновение (военное и религиозное) Российской империи на Северный Кавказ. Как 200 лет спустя утверждал первый чеченский президент Джохар Дудаев, "Россия... вынудила нас стать на путь ислама". Призывая прекратить многолетние распри и кровную месть, подтачивавшие горское общество изнутри, Мансур проповедовал единение и прощение. Именно поэтому его образ остался в памяти чеченского народа.

Опираясь на народные предания, Лев Толстой в "Хаджи-Мурате" воссоздал этот образ устами своего героя Хан-Магомы: "Святой был не Шамиль, а Мансур. Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески, и каялся в грехах, и клялся не делать дурного. Старики говорили, что тогда все люди жили как святые — не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали... Тогда и Бог давал успеха народу во всем, а не так, как теперь". Это, конечно, почти фольклорный мотив "потерянного рая", но интересна живучесть подобных преданий — вплоть до наших дней, когда о Мансуре пишутся книги и защищаются диссертации. По словам А. С. Пушкина, "долго еще будет витать над Кавказом зловещая тень Мансура". Увы, Пушкин не представлял себе, как долго...

В январе 1787 г. Екатерина отправилась в свое знаменитое путешествие в "полуденные края России" — Крым и Новороссию. Путешествие вниз по Днепру и далее до Севастополя было организовано таким образом, чтобы показать всему свету мощь и величие Российской империи. Императрицу сопровождала многолюдная свита, к которой присоединились Иосиф II и польский король Станислав Понятовский. На всем пути следования устраивались всевозможные праздне-

ства, парады войск, маневры, балы и спектакли. Недавно основанные и старинные города и селения, через которые медленно проезжала Екатерина, были для большего эффекта и блеска украшены гирляндами цветов, арками и воротами (при въезде в Херсон надпись на них гласила, что здесь начинается путь в Византию). Режиссером и постановщиком всех этих мероприятий, носивших характер гигантского театрального действа, был Потемкин, располагавший огромными средствами и их не жалевший.

Именно во время этого путешествия возникло знаменитое выражение "потемкинские деревни". Как разъясняет словарь, это "что-либо специально устроенное для создания ложного впечатления показного благополучия, скрывающего истинное положение дел". В последнее время историки много спорят о том, существовали ли в действительности фанерные, рассчитанные на взгляд издали деревни и фальшивые склады с мешками песка вместо зерна. Разумеется, это скорее преувеличение потемкинских недоброжелателей. Но совершенно очевидны два обстоятельства. Во-первых, светлейший князь действительно декорировал строения, дороги и мосты, выстраивал специальные "перспективы" из колоннад, арок, ворот, рассчитанные на некоторый, по крайней мере оптический, обман. "Пехотных ратей и коней однообразная красивость" появилась уже тогда. Кстати, потом эти принципы закладывались в архитектурную концепцию строившихся (или перестраивавшихся) в стиле классицизма русских провинциальных городов.

Еще важнее второе обстоятельство, хорошо сформулированное Иосифом II: "Я вижу во всем этом гораздо больше эффекта, нежели внутренней цены. Князь Потемкин деятелен, но он гораздо лучше умеет начинать, чем завершать. Впрочем, так как здесь никоим образом не щадят ни денег, ни людей, то все может казаться нетрудным. Мы в Германии и во Франции не смели бы предпринимать того, что здесь делается. Владелец рабов приказывает; рабы работают; им или вовсе не платят, или платят мало; их кормят плохо, но они не жалуются..." Действительно, гигантомания и стремление пустить пыль в глаза любой ценой были характерными потемкинскими чертами, впоследствии прочно укоренившимися в российской действительности. Когда проектировался кафедральный собор в Екатеринославе, светлейший приказал архитектору "пустить на аршинчик длиннее, чем собор Святого Петра в Риме". Заложенный в результате фундамент оказался таким протяженным, что спустя почти пятьдесят лет, когда маленькая церковь все-таки была построена, он стал ее оградой. Все это, кстати, предвидел Иосиф, принимавший участие в торжественной закладке

собора и язвительно заметивший: "...Императрица положила первый камень в основание великого города, а я — второй и последний".

За всеми этими, по выражению П. А. Вяземского, "географическими фанфаронадами" последовали очередная Русско-турецкая война 1787–1791 гг., разделы Речи Посполитой и подготовка к едва не начавшейся войне с революционной Францией. Занятая хитросплетениями мировой политики, Екатерина все больше отдалялась от когда-то инициированной ею "вольной" общественной жизни. Русское же общество, наоборот, становилось более зрелым, училось вырабатывать критический взгляд как на себя, так и на монарха и проводимую им политику. Вырастало, по выражению Н. Я. Эйдельмана, второе "непоротое" дворянское поколение.

Просветители, масоны и радикалы

К последней трети "осмнадцатого" столетия русское общество уже обладало высоким уровнем умственных интересов, духовных и материальных потребностей, идейных и нравственных запросов. В своем "Опыте исторического словаря о российских писателях" (1772) Н. И. Новиков приводит данные о 220 писателях — духовных и светских. Начинается и набирает силу процесс диверсификации, "цветущей сложности" культуры — и ее эмансипации от государства. Условно говоря, Екатерине и ее ближайшему окружению противостоят несколько групп, или "проектов".

Во-первых, это либерально-дворянская оппозиция в лице Н. И. Панина, его секретаря Дениса Фонвизина, близкой к ним Е. Р. Дашковой. Эта группа ориентировалась на наследника Павла Петровича и даже попыталась в 1773–1774 гг., когда он достиг совершеннолетия, отстранить Екатерину от власти и передать ему трон, ограничив его власть умеренной конституцией. О заговоре с целью воцарения Павла рассказал в своих воспоминаниях декабрист Михаил Александрович Фонвизин, племянник знаменитого писателя и герой войны 1812 г.

> Мой покойный отец рассказывал мне, что в 1773 году или в 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екате-

рину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие... При графе Панине были доверенными секретарями Д. И. Фонвизин, редактор конституционного акта, и Бакунин (Петр Васильевич), оба участника в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решился быть предателем. Он открыл любовнику императрицы Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. Она позвала к себе сына и гневно упрекала ему его участие в замыслах против нее. Павел испугался, принес матери повинную и список всех заговорщиков.

(Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 123)

По словам Фонвизина, Панин предлагал "основать политическую свободу сначала для одного дворянства, в учреждении Верховного сената, которого часть несменяемых членов назначалась бы от короны, а большинство состояли бы из избранных дворянством из своего сословия лиц... Под ним в иерархической постепенности были бы дворянские собрания, губернские или областные и уездные, которым предоставлялось право совещаться в общественных интересах и местных нуждах, представлять об них Сенату и предлагать ему новые законы".

"Выбор как сенаторов, так и всех чиновников местных администраций производился бы в этих же собраниях. Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы власть исполнительная, с правом утверждать Сенатом обсужденные и принятые законы и обнародовать их. В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей". В этом проекте видны как идущие из прошлого идеи о выборном дворянском представительном органе, так и новые, уводящие в будущее, к проектам М. М. Сперанского, Н. И. Новосильцева, Н. М. Муравьева, принципы разделения властей, парламентаризма (правда, только дворянского), законодательной инициативы "снизу", наконец, отмены крепостного права.

Судя по дошедшим до нас сведениям, императрица упредила заговорщиков, и затея провалилась, но, как установил М. М. Сафонов, и за несколько дней до своей смерти в 1783 г. Панин убеждал Павла преобразовать государственный строй России на конституционных началах. Проект Панина и Фонвизина всплыл вновь в 1801 г. в заговоре теперь уже против Павла (правившего совсем не по заветам Пани-

на) — для ограничения самодержавия будущего Александра I. Не получилось и на этот раз.

Следующим был проект масонско-просветительский, новиковский. Для Новикова и созданной им из братьев — вольных каменщиков и с помощью их капиталов "Типографической компании" главными в масонстве были два направления деятельности. Во-первых, духовно-нравственное исправление собственной личности на стезях христианского вероучения (Новиков, его учитель И. Г. Шварц, соратники С. И. Гамалея, И. В. Лопухин, И. П. Тургенев, Г. М. Походяшин были людьми глубоко веровавшими и напряженно искавшими "Царства Божьего и правды его"). Правда, масоны были христианами гностического толка, искали некоего тайного знания, чем крайне настораживали многих, в том числе просвещенного и либерального митрополита московского Платона (Левшина). Как вспоминал Лопухин, "он очень в разговорах восставал против нашего общества; однакож расставались мы всегда приятелями". Именно под влиянием бесед с Платоном Лопухин написал краткий "Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов" — очевидно, первый мирянский катехизис в России.

Во-вторых, "практическое християнство" — грандиозный по своим масштабам просветительско-филантропический проект, в рамках которого за десять лет (1779–1789) аренды типографии Московского университета (Ключевский называл их "новиковским десятилетием в русской культуре") была издана почти тысяча наименований книг (треть всех вышедших в стране), первые в России женские, детские, философские, агрономические журналы, учебники и т. п. Новиковцы открыли при Московском университете первую в стране педагогическую семинарию для подготовки преподавателей гимназий и пансионов, первое студенческое общество ("Собрание университетских питомцев"), переводческую семинарию, ученики которой обучались на средства, собранные масонами, больницу и аптеку (бедным лекарства раздавались бесплатно).

Позднее Пушкин писал, что "Новиков был первый, кто сеял лучи просвещения в нашем отечестве". Не только просвещения, но и благотворительности. Когда в 1786–1787 гг. жестокие морозы и засуха стали причиной неурожая и голода, поразивших центральные губернии России, правительство, занятое потемкинскими прожектами в Крыму и подготовкой к новой войне с Турцией, не предприняло никаких мер, чтобы помочь голодающим. Собственно, для этого не было и необходимых средств — по словам графа Лудольфа, сопровождавшего Екатерину в путешествии по "полуденным краям", "для разорения России надобно не особенно много таких путешествий и таких расходов".

Именно Новиков и его соратники собирали средства для покупки зерна голодающим, раздавали крестьянам хлеб и семена для посева. По приблизительным подсчетам, они спасли от голода крестьян "более чем из 100 селений казенных и дворянских". Самую большую помощь оказал Новикову его друг и почитатель Г. М. Походяшин, сын богатого владельца уральских заводов, который передал для голодающих 50 тыс. рублей. Это, кстати, было не первое и не последнее пожертвование на нужды просвещения и благотворительности Походяшина, который умер в нищете, имея над головой портрет Н. И. Новикова, которого глубоко уважал. Между тем раздача хлеба, в том числе и казенным, то есть государственным, крестьянам, была расценена Екатериной как вызов власти, хотя эта самая власть и не справлялась со своими обязанностями.

Размах независимой от правительства просветительско-благотворительной работы насторожил Екатерину, вызвав в итоге не только разгром новиковского кружка и заключение самого Новикова в Шлиссельбург, но и начало в 1786 г. долго откладывавшейся школьной реформы, с тем чтобы перехватить инициативу у масонов. Новикову и его соратникам официально были предъявлены обвинения чисто политические (связи с берлинскими вольными каменщиками, вступление наследника Павла Петровича в масонство). Между тем еще наставник Новикова Шварц утверждал, что "всякое масонство, имеющее политические виды, есть масонство ложное", и деятельность Типографической компании и Дружеского ученого общества преследовала цели духовно-просветительские и филантропические. Именно эта активность вкупе с поездками эмиссара новиковского кружка архитектора В. И. Баженова из Москвы в Гатчину к Павлу Петровичу (с разного рода христианской и масонской литературой) и стали причиной гонений.

Кроме того, очевидно, рационалистке Екатерине были (с чисто психологической точки зрения) чужды и непонятны религиозные поиски масонов, их напряженная внутренняя работа по совершенствованию "дикого камня" души человека и превращению его в "камень краеугольный". Сама императрица, неукоснительно соблюдая все внешние формы православного благочестия, внутренне была к нему вполне индифферентна. По сообщению П. И. Бартенева, "всенощную Екатерина слушала на хорах, где у нее был столик, за который она садилась и раскладывала иногда гранпасьянс. Стоявшие внизу молельщики не могли этого видеть".

Наконец, складывается и радикальное направление, представленное, правда, по большому счету одним Радищевым (по отдельным

вопросам близки к нему были Я. Б. Княжнин, Ф. А. Кречетов). “Ультралибералу” Радищеву (по выражению Ключевского) здорово не повезло в науке — созданный В. И. Лениным образ “первого русского революционера-республиканца” надолго заслонил собой очень честного, чувствительного и мужественного писателя (кстати, управляющего петербургской таможней и единственного там чиновника, не бравшего взяток).

В знаменитом, но не до конца понятом и изученном “Путешествии из Петербурга в Москву” (1790) с невиданной доселе остротой и смелостью поставлены самые насущные вопросы российской действительности — о пределах власти монарха и правах граждан на сопротивление его злоупотреблениям, о губительных последствиях всеобщего крепостного права и “рабского покоя”, о коррупции и несправедливости судебно-правовой системы, драконовской цензуре и т. д.

Императрица, очень внимательно, хоть и с нараставшей яростью прочитавшая книгу, оставила много эмоциональных замечаний на ее полях. Напуганная Французской революцией, она увидела в труде Радищева “рассеивание заразы французской: отвращение от начальства”. Действительно, российское самодержавно-крепостническое государство не вызывало восторга у сочинителя. Еще в 1773 г. в примечании к трактату Мабли Радищев перевел термин *despotisme* словом “самодержавие” и пояснил — “самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние”. Ода “Вольность” (1781–1783) содержит обличение монархии и предупреждение о грядущей народной революции. Это отметила Екатерина, назвав оду “совершенно и явно бунтовскою, где царям грозится плахою, а Кромвелев пример приведен с похвалою”. Горькая ирония и отголоски собственного неудачного опыта слышны и в замечании императрицы на полях главы “Хотилов” — “уговаривает освободить мужиков, да хто послушает”. Приговор ее был суров — “бунтовщик хуже Пугачева”, “надежду полагает на бунт от мужиков”. Между тем в “Путешествии...” Радищева все не так однозначно.

В книге соседствуют и дополняют друг друга три взгляда на будущее России. Первый из этих прогнозов, вошедший во все учебники, — это путь крестьянской революции. Этот путь привлекает Радищева быстрым восстановлением попранных “естественных прав” человека, но неизбежной при этом “пагубы зверства” он страшится. Ему неприятен Пугачев — “грубый самозванец” и его сторонники, которые в бунте “искали паче веселия мщения, нежели пользы сотрясения уз”. Не то чтобы он сомневался в этой пользе, нет, он, скорее, верит в нее, но видит и другие пути, другие исходы.

Второй вариант развития событий — это постепенная ликвидация крепостного права и восстановление крестьянства как полноправного сословия (“Проект в будущем” в главе “Хотилов”). Основной его идеей было освобождение крестьян с землей за выкуп, в сочетании с освобождением дворовых и созданием судебной системы. Правда, осуществление этого плана относится в далекое будущее, но ведь там же (“я зрю сквозь целое столетие”) находится у Радищева и народное восстание. Это альтернативы, и какая из них осуществится, автору неясно.

Зато ясен и по-своему вечен третий, самый пессимистический и длительный путь — постоянный квазиисторический круговорот, вечное возвращение на исходные позиции (“в мире сем все преходит на прежнюю степень”). На этой идущей еще с античных времен идее построена смелая ода “Вольность”, в которой описывается смена деспотических и демократических режимов и делается вывод, что “таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности — рабство”. Чтобы распутать этот клубок, требуется вмешательство Творца — только ему под силу избежать многочисленных ловушек как тирании, так и демократии, “блестящий день родить из туч”.

Книга Радищева — как бы зачин ко всей нашей великой литературе XIX и XX вв. с ее темой униженных и оскорбленных. Первые слова “Путешествия...” — “я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала” — эпиграф и к Гоголю, и к Достоевскому, и к “Доктору Живаго” и “Факультету ненужных вещей”. Судьба писателя тоже характерна — именно он открыл русской литературе дорогу в ссылку.

Таким образом, “век златой” для интеллигенции закончился уходом наиболее деятельной ее части в оппозицию правительству и императрице, которая, кстати, в Наказе осуждала преследования за убеждения. Как писал из Сибири декабрист М. С. Лунин, “от людей отделаться можно, от их идей нельзя”. Кстати, это относится ко всем ним — и к Радищеву, Новикову, Фонвизину, и к Екатерине. Мы до сих пор добиваемся политической свободы, законов, прав личности. И мы опять хотим сильного государства, порядка и “твердой руки”. “В одну телегу впрячь неможно...”

Эти противоречия и пути выхода из них были очевидны иностранным наблюдателям, которые в своих книгах нередко не только ставили диагноз, но и “прописывали” лечение. Так, например, один из собеседников Екатерины II, весьма информированный английский ученый и писатель Уильям Кокс, подводя итоги русским главам своей книги, констатировал: “Благодаря преувеличенным рассказам, чи-

танным и слышанным мной о великих успехах цивилизации в Российской империи, я ожидал несравненно большего просвещения в нравах, чем нашел на деле, и, признаюсь, был поражен состоянием варварства, в которое до сих пор погружена основная масса народа. Общее усовершенствование немыслимо, пока существует крепостное право; какие-либо существенные перемены в нравах и обычаях народа невозможны без полной безопасности личности и имущества" (1784).

Диагноз, кстати, во второй своей части не устарел и до сегодняшнего дня. А ведь если бы Екатерина не разгромила новиковский кружок, поверив наветам, будто заговорщики замышляют новый переворот в пользу Павла Петровича, не уничтожила крупное общественное предприятие, дала ему развиться, втянуть в свою орбиту все более широкие слои, не пришлось бы любимому внуку императрицы Александру I с горечью констатировать, что ему "некем взять" (то есть провести) необходимые для России реформы...

Подробнее на эту тему

Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.
Екатерина II и ее окружение. М., 1990.
Зорин А. Л. *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века*. М., 2001.
Краснобаев Б. И. *Очерки истории русской культуры второй половины XVII–XVIII в.* М., 1983.
Потто В. А. *Два века терского казачества*. Ставрополь, 1991.

1820 В поисках розы без шипов

Вечером 16 октября 1820 г. в Петербурге началось "возмущение" первой гренадерской роты лейб-гвардии Семеновского полка, в последующие сутки перешедшее в выступление всего полка. Вызванное как бесчинствами нового полкового командира Шварца, так и общими серьезными проблемами воинской жизни, оно было жестко пресечено 18 октября, а сам офицерский и солдатский состав элитного полка раскассирован по другим армейским частям. Император, числившийся шефом той самой первой роты, усмотрел в событиях прежде всего последствия революционной агитации (была найдена смелая прокламация). "Семеновская история" сдетонировала, вызвав (вместе с революционными европейскими событиями) отказ от провозглашенных реформ и изменение всего курса царствования Александра I.

Когда будущему государю было всего шесть лет, его августейшая бабка императрица Екатерина II написала для нежно любимого внука нравоучительную сказку-притчу о том, как некий царевич Хлор искал "розу без шипов, которая не колется", то есть добродетель, которую нельзя достигнуть "косыми путями", но только "прямою дорогою", опираясь на два посоха — "Честность и Правду". Именно это потом и пытался сделать Александр на троне — найти розу без шипов в виде конституционно-европейского преобразования государства

и общества при сохранении в неизменном виде собственного неограниченного самодержавия. Результатом стала драма междуцарствия и события 14 декабря 1825 г. Но был ли избранный царем путь "прямою дорогою"?

Административные заботы

Вступив на русский престол в 1801 г., Александр I сразу же начал реформы, причем практически одновременно в нескольких ключевых сферах — в государственно-административной, в крестьянском вопросе и народном просвещении. Прославленное Пушкиным "дней Александровых прекрасное начало" было весьма многообещающим. Вот как вспоминал о нем чиновник Федор Лубяновский: "Надобно было видеть тогда движение свежей по виду, здоровой и радостной жизни… кругом пошли головы от смелого говора о государственных вопросах… вслух развивались такие идеи, которые может быть и до того были не совсем новы у нас, но были безгласны и безсловны: надежда, как вино, веселила сердца. Вслушиваясь в беседы, в этих надеждах и радостях, я впервые услышал речь о людях *aux idées liberales* [с либеральными идеями], или, как тогда переводили, о людях с высшим взглядом, о необходимости общаго преобразования, о конституции". Возникший при царе Негласный комитет его ближайших друзей начал обсуждение самых острых и насущных вопросов — введения конституции, отмены крепостного права. Но эти дебаты показали удивительную вещь — предложения "старых служивцев", екатерининских вельмож вроде шестидесятилетнего графа Александра Воронцова (младшего брата знаменитой Екатерины Дашковой и покровителя Александра Радищева), оказались гораздо радикальнее проектов молодых "людей с высшим взглядом". Воронцов, например, предложил издать Жалованную грамоту российскому народу, предоставлявшую всем гражданам гарантии безопасности личности и имущества (наподобие ставшего итогом английской революции XVII в. Хабеас корпус акта). Предложение было отвергнуто как "несвоевременное". Начались традиционные российские поиски розы без шипов…

Решено было пойти путем, казавшимся более практичным, — преобразовать находившиеся в расстроенном состоянии высшие органы управления. Их упорядочивание и европеизация, казалось, должны были подготовить почву для более решительных действий. В 1802–1804 гг. прежние коллегии были заменены министерствами. Но эта реформа оказалась не вполне удачной, и в 1810–1811 гг. прин-

ципы, положенные в ее основу, были существенным образом откорректированы. Суть преобразования заключалась в том, что с этого времени министерства становились центральными органами исполнительной власти. Управление страной больше не было подчинено исключительно фискальным и полицейским интересам, а все крупные отрасли управления были выделены в самостоятельные министерства.

Каждое министерство получило единообразное устройство. Во главе стояли министр и его товарищ (заместитель). Аппарат министерства состоял из нескольких департаментов (во главе — директор), которые делились на отделения (во главе — начальник отделения), а те, в свою очередь, на столы (во главе — столоначальник). Вся организация деятельности министерств строилась по принципу единоначалия. Директора департаментов подчинялись министру, начальники отделений — директорам департаментов, столоначальники — начальникам отделений. Через канцелярию министр поддерживал связи со структурными подразделениями, она же ведала вопросами, разрешение которых входило непосредственно в компетенцию министра.

Министры назначались императором и фактически были ответственны только перед ним. Они, таким образом, получали, по существу, ничем не ограниченную власть в своей отрасли управления. Как язвительно вопрошал автор знаменитых мемуаров Федор Вигель, "перед кем в России будут министры отвечать? Перед государем, который должен уважать в них свой выбор, которого делают они соучастником своих ошибок и который, не признавшись в оных, не может их удалить? Перед народом, который ничто? Перед потомством, о котором они не думают? Разве только перед своей совестью, когда невзначай есть она в каком-нибудь из них".

В 1810 г. был учрежден Государственный совет, просуществовавший вплоть до февраля 1917 г. Если следовать точному смыслу "Образования Государственного совета", он должен был стать высшим законосовещательным органом империи. Товарищ министра юстиции, замечательный русский законотворец и либеральный бюрократ Михаил Сперанский, в 1808–1809 гг. разработавший по инициативе царя и фактически вместе с ним обширный план преобразования политического строя России, готовил Государственному совету иную роль. По мысли Сперанского, Совет должен был стать связующим звеном между законодательной, судебной и исполнительной властью с одной стороны и монархом — с другой. Однако в 1810 г., как, впрочем, и позднее, его планам не суждено было сбыться: парламент не был созван. Вместо ограничения самодержавия представительным органом (Государственной думой), вместо переустройства всего госу-

дарственного порядка на европейский лад, как замышлял Сперанский, законосовещательные функции были присвоены Государственному совету, назначаемому императором из высших представителей одного сословия — дворянства. Хотя ему и пытались придать некоторые черты органа, ограничивающего самодержавную власть, основы самодержавного политического строя остались неизменными. Решение Совета принималось большинством голосов. Оно представлялось царю. Члены Совета, не согласные с общим решением, могли подать особое мнение, которое приобщалось к журналу заседания, но никакого правового значения не имело. В соответствии с этим все законы и уставы должны были хотя и издаваться царским манифестом, но обязательно содержать формулу "*вняв мнению* Государственного совета". Понятно, насколько ничтожными были ограничения власти самодержца, но показательно то, что и они вскоре были отброшены.

Буквально первые же годы деятельности Государственного совета засвидетельствовали, что император не в состоянии следовать даже тому закону, который он сам санкционировал. Принятая общая идея о введении в России законного правопорядка на практике приходила в противоречие с традиционным "правом на произвол" русского самодержавия. Любой шаг к введению обязательного для всех порядка вскоре сопровождался нарушением законов самим императором. Но даже такие непоследовательные и половинчатые реформы вызвали серьезную оппозицию "справа". Консервативно настроенный Дмитрий Рунич вспоминал: "Самый недальновидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут вверх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям. Недовольство высшего сословия было всеобщее".

Правда, как выяснилось, Александр I вовсе не был намерен рассматривать мнение большинства Совета в качестве обязательного для себя решения. Уже в 1811 г. при обсуждении подготовленной Сперанским реформы Сената царь дважды утвердил мнение меньшинства членов Государственного совета. Довольно быстро исчезла из употребления и формула "*вняв мнению* Государственного совета".

В дальнейшем верховная власть под давлением консервативной оппозиции стала последовательно уменьшать значение этого органа в жизни страны. Постепенно перестало соблюдаться положение, требующее обязательного предварительного обсуждения закона в Государственном совете. Многие важные законопроекты стали утверж-

даться царем, минуя Совет, по докладам председателя Комитета министров, председателей различных специализированных советов и комитетов. Таким образом, Государственный совет потерял даже статус единственного законосовещательного органа. Министр финансов Егор Канкрин как-то не без сарказма заметил, что Государственный совет был "совещательным местом, куда государь посылает только то, что самому ему рассудится".

С течением времени сфера компетенции Государственного совета вообще стала терять сколько-нибудь четкие очертания. Шел процесс ослабления его законосовещательных функций и наделения его финансовыми, судебными и административными полномочиями, вовсе не свойственными его первоначальному назначению.

Высшим административным органом страны в первой половине XIX в. был Комитет министров, возникший в 1802 г. Однако тогда его функции не были точно определены, и позже Сперанский справедливо указывал, что "сей комитет был ни место, ни особое установление" (то есть ни государственный орган, ни специальный порядок), он был только "образом доклада". Значение Комитета министров как высшего административного органа, а также его организационные основы были окончательно определены только "Учреждением Комитета министров", оглашенным 20 марта 1812 г.

В состав Комитета вошли председатели департаментов Государственного совета, а его председатель стал одновременно председателем Комитета министров. Однако, по существу, Комитет так и не стал органом, объединяющим и направляющим деятельность различных министерств. Он был местом совещания императора с наиболее доверенными высшими чиновниками. Таким образом, сохранялось смешение функций различных государственных учреждений. Нередко в противоречии с задачами Комитета министров, определенными Учреждением 1812 г., в нем рассматривались законопроекты. Затем они утверждались Александром I и становились законами, минуя Государственный совет. Наряду с этим Комитет министров постоянно был занят разбором судебных дел, причем поступление их не регламентировалось никакими установлениями, а полностью зависело от желания отдельных министерств.

Одно из центральных мест в системе государственных учреждений занимал Сенат. Созданный в 1711 г. Петром I как высший административно-судебный орган, Сенат с течением времени значительно изменил свою структуру и функции. В рассматриваемое время это был громоздкий, плохо действующий государственный механизм, лишенный, подобно уже рассмотренным нами высшим учреждениям,

строго очерченной сферы деятельности. По указу от 27 января 1805 г. Сенат делился на девять департаментов. Второй–восьмой департаменты формально были высшими апелляционными инстанциями для гражданских и уголовных дел. На деле же они таковыми не являлись: принятые ими решения не были окончательными. В случае разногласий между членами (для вынесения решения требовалось не менее 2/3 голосов) дело поступало на рассмотрение общего собрания членов всех департаментов, а затем передавалось на утверждение императору. С 1813 г. высшей инстанцией по отношению к общим собраниям Сената стал Государственный совет.

Ведущее место занимал в Сенате первый департамент. С одной стороны, он являлся как бы высшей "законоблюстительной" инстанцией, призванной наблюдать за точным исполнением законов, а с другой — был наделен массой разнородных административных функций. Первый департамент ведал обнародованием законов, однако наиболее важной его задачей было проведение сенаторских ревизий, в ходе которых проверялось, как правило, состояние отдельных учреждений или целых губерний. Сенаторские ревизии были важным инструментом составной частью внутренней политики самодержавия. Сенат, таким образом, не только следил за исполнением общих государственных законов, но и всесторонне контролировал деятельность всей государственной машины. Зачастую ревизии кончались преданием суду многих чиновников, а порой и губернаторов и других представителей бюрократической верхушки.

Через первый департамент Сената проходили дела о наградах и определении чиновников к должности, он руководил рекрутскими наборами и проводил ревизии крепостных душ. Как видим, функции его представляли причудливое смешение административных принципов и далеко выходили за рамки основного предназначения Сената. Особое положение занимал межевой департамент. Он соединял в себе функции высшей административной и судебной инстанций по делам межевания. Тем самым он одновременно и управлял важнейшей для сельскохозяйственной страны отраслью экономики, и являлся высшим судьей в возникавших спорах.

Во главе Сената стоял генерал-прокурор. С учреждением в 1802 г. министерств эту должность стал занимать министр юстиции. Высшее судебное учреждение империи оказалось подчиненным одному из министерств. Всю первую четверть XIX в. (да и впоследствии) такое положение оставалось неизменным. Совмещение должности генерал-прокурора и министра юстиции приводило к полному господству последнего в Сенате. В это время, как писал сенатор Иван Лопухин,

“укоренился несчастный обычай большинством голосов соглашаться с предложениями Министерства юстиции или какого-нибудь модного обер-прокурора, что все равно, как если бы они одни решали дела, а сенатские рассуждения и труды совсем становятся лишние”.

В первой четверти XIX в. вся полнота реальной власти на местах принадлежала губернаторам. Они, как и подведомственные им губернские учреждения, были непосредственными представителями самодержавной власти в глазах многомиллионного населения Российской империи. Министерская реформа 1810–1811 гг. поставила губернаторов в двойственное положение. С одной стороны, они назначались непосредственно царем, ежегодно представляли на “высочайшее имя” отчеты о состоянии дел в губернии и, таким образом, подчинялись непосредственно императору. С другой — они являлись чиновниками Министерства внутренних дел и тем самым полностью зависели от министра. Губернское же правление — исполнительный орган при губернаторе — осталось подчиненным Сенату. Смешение задач и функций, неясность вопроса о том, кто кому подчинен, вновь и вновь рождали путаницу и приводили к осложнениям.

Над всем этим громоздким бюрократическим зданием возвышалась фигура императора. Он один стоял во главе громадной пирамиды власти. Он издавал законы и самолично следил за их исполнением, он был верховным судьей и мог своевольно распоряжаться финансами страны — словом, делать все что заблагорассудится, не отдавая никому отчета в своих действиях.

Смешение функций различных частей государственного аппарата, отсутствие контроля за выполнением правительственных решений, дублирование ответственности правительственных чиновников, очевидный разрыв между издаваемыми законами и их исполнением, произвол и повсеместная коррупция — вот отличительные черты самодержавной власти этого времени. Характерно, что в признании неприкрытого чиновничьего грабежа — одной из глубочайших язв тогдашней России — сходились представители самых различных общественных направлений. Декабрист Александр Бестужев писал: “…в казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал”. И как будто эхом этого звучат строки одного из самых консервативных документов эпохи — “Записки о древней и новой России” (1811) замечательного русского историка и друга Александра I Николая Карамзина. “Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так

легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чины, ленты в ожидании, чтобы кто на них подал просьбу. А сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, какого они условно лишились. В два или три года наживают по нескольку сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни".

Многообещающие проекты Сперанского не получили практического воплощения. Ни одна из реформ государственного аппарата, проведенных в этот период, не задевала основы крепостнического строя. Глубокое противоречие между реальным состоянием самодержавия, его политических институтов и ставшей совершенно очевидной самой верховной власти необходимостью серьезных перемен было основным политическим противоречием первой половины XIX в.

Особенно отчетливо это стало проявляться после 1815 г. Победоносное завершение Отечественной войны, освобождение народов Европы от наполеоновского ига, завоевание Россией лидирующего положения на мировой арене — словом, все те блестящие достижения, которыми была ознаменована для страны середина 1810-х гг., не могли смягчить остроту внутренних противоречий и нерешенных вопросов. Наоборот, они ее усугубляли.

Страна была разорена войной, потребовавшей непосильного напряжения всей экономики и принесшей огромные материальные и людские потери. Серьезный урон, нанесенный крепостному хозяйству, усугубился почти полным расстройством финансов. Россия переживала тяжелый экономический кризис. Все с большей и большей силой заявляла о себе необходимость перемен, очевидная и ранее. Дальновидный Сперанский еще во введении к своему плану реформ 1810 г. сделал следующий вывод: "Настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа, и настало время переменить ее и основать новый вещей порядок".

Конституционный туман

Все передовое в стране с надеждой ожидало, казалось, неминуемых перемен. Иван Якушкин, рассказав в своих "Записках" о действиях Александра I в освобожденной союзными войсками Франции, которым "мог только радоваться республиканец Лагарп" (один из воспитателей будущего императора), писал затем: "В продолжение двух лет

мы имели перед глазами великие события, решавшие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо... слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед". Приведение политического устройства страны в соответствие с "духом времени" и освобождение крестьян, осознанные как неотложные проблемы не только молодой Россией, в офицерских мундирах прошагавшей по дорогам Западной Европы, но и самой верховной властью, поначалу казались вполне разрешимыми вопросами. Наконец в 1815 г. о неотложности преобразований заявил и сам Александр I.

Конечно, одной из главных проблем была в то время проблема конституционного ограничения самодержавной власти — идея, которая носилась в воздухе послевоенной Европы. И первые результаты вполне обнадеживали. В 1815 г. была дана конституция Царству Польскому, вошедшему в состав России после победы над Наполеоном. В том же году была установлена конституционная монархия во Франции, конституционное устройство получили некоторые германские княжества, была подтверждена шведская конституция.

Выступая в начале 1818 г. в Варшаве на открытии первого польского сейма, Александр I показал себя решительным сторонником конституционного устройства. Все, что происходило в Польше, он рассматривал как опыт введения конституции "сверху", как противовес революционному способу осуществления конституционных идей, который император решительно осудил. Более того, он во всеуслышание заявил о возможности в будущем распространить конституционные порядки на всю Россию.

"Устройство, уже существовавшее в вашем крае, — говорил Александр, обращаясь к членам польского сейма, а в сущности, ко всей России, — дозволило мне ввести немедленно то, которое я даровал вам, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, как начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости".

Русское дворянство с изумлением услышало от царя, что правила "законно-свободных учреждений" были предметом его "непрестанных помышлений", что он считает их ни более ни менее как "спасительными" и даже надеется распространить их "спасительное действие" на все подвластные ему народы. Оказывалось, что Александр I "с давних пор

приуготовлял" России конституцию. Конечно, для ближайшего окружения императора эти мысли были отнюдь не новы, но, произнесенные гласно не только на всю Россию, но и на весь мир, они приобретали совершенно иное звучание. Так, ошеломительно звучал вывод, адресованный полякам: "Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры".

Молниеносно разнесшаяся по России речь Александра вызвала резкое осуждение и сопротивление крепостников. Близкие ко двору сановники были удивлены и даже шокированы. Все были убеждены в твердости намерений императора исполнить данные обещания, настолько неожиданны и необычны они были. Среди помещиков речь императора была истолкована как свидетельство близящегося освобождения крестьян. Удивительно, как точно уловили крепостники-помещики взаимозависимость и взаимообусловленность процессов социального и политического освобождения. И хотя Александр, конечно, в Варшаве не говорил ни слова о перспективах крестьянской реформы, но слух именно об этом сейчас же пронесся по России. В составленном в мае 1812 г. "Обозрении духа народного" прямо указывалось, что в народе говорили, будто в августе 1818-го должен был последовать указ об освобождении крепостных крестьян. Важно отметить, что ни в среде влиятельных помещиков, ни в кругу высшей бюрократии и аристократии практически никто не выразил одобрения замыслам императора, ни в ком они не нашли явной поддержки.

Менее чем через год после варшавской речи обещание императора, казалось, стало приобретать реальные очертания: началась работа над проектом русской конституции. Правда, опасения по поводу сопротивления со стороны дворянства были настолько велики, что работа велась в строжайшей тайне, и даже не в Петербурге, а в Варшаве — подальше от любопытных глаз. Конституция создавалась под руководством крупного государственного деятеля того времени, будущего председателя Государственного совета и Комитета министров, а тогда "императорского комиссара" при польском правительстве Николая Новосильцева. Человек с острым умом и сильной волей, государственный деятель большого масштаба, он был в числе так называемых молодых друзей императора еще до вступления Александра на престол, а потому хорошо представлял себе образ мыслей императора. С именем Новосильцева как одного из активных участников Негласного комитета (совещательного органа при императоре в 1801–1803 гг.) связаны самые первые конституционные проекты "дней александровых прекрасного начала". Непосредственным автором конституционного проекта был секретарь Новосильцева, французский юрист Петр Пе-

шар-Дешан, про которого помогавший ему с переводами на русский язык поэт Петр Вяземский писал, что тот "набил себе руку во Франции на приготовлении и редакции" подобных сочинений.

Как ни старались держать работу над конституцией в тайне, сведения о ней просочились в европейскую печать. 21 ноября 1819 г. в парижской газете Бенжамена Констана *Le Constitutionelle* появилась заметка о близящемся введении конституции в России, где на основании письма из Варшавы кратко излагалось ее содержание. Правда, заметка заканчивалась весьма скептически: "Все это не будет ли просто игрой демагогической партии?"

В то время работа над конституцией на самом деле не была завершена и находилась еще в полном разгаре. Конституционный проект был полностью готов, видимо, только летом следующего года. Что же представляла собой русская конституция образца 1820 г. — первая конституция за всю многовековую историю России, получившая название "Государственная уставная грамота Российской империи"?

В сравнении с другими европейскими конституциями Уставная грамота, будучи осуществленной, без сомнения, оказалась бы одной из самых консервативных. Достаточно сказать, что в ее проекте суверенитет народа (то есть признание его источником государственной власти) — основополагающий принцип всех европейских конституций — заменен суверенитетом императора. В статье 12 прямо и недвусмысленно говорилось: "Государь есть единственный источник всех властей гражданских, политических, законодательных и военных".

Тем не менее это была настоящая конституция. В ней провозглашалось создание принципиально нового для России, буржуазного по своей сути органа — двухпалатного парламента, без рассмотрения и одобрения которого монарх не мог бы издать ни одного закона. Статья 91 торжественно провозглашала: "Да будет российский народ отныне навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в государственном сейме (государственной думе), составленном из государя и двух палат". Кроме общероссийского парламента учреждались и парламенты местные — в 12 наместничествах, из которых должна была состоять страна. Законодательная инициатива принадлежала исключительно императору, он же объявлялся главой исполнительной власти ("государь есть верховная глава общего управления империи").

Специальная глава конституционного проекта была посвящена провозглашению гражданских свобод, даруемых гражданам Российской империи. Объявлялась свобода слова, вероисповеданий (правда, оговаривалось, что православная религия остается господствующей, а политическое и гражданское равноправие предусмотрено только для

христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати, наконец, особая статья обосновывала право частной собственности. Само собой подразумевалось (хотя об этом нигде не было упомянуто), что крепостные крестьяне не входят в число граждан. Вообще о крепостном праве в проекте не было сказано ни слова. Его авторы как будто не замечали этой не менее важной, чем политические институты, проблемы русской действительности. Отличительной чертой проекта и его существенным новшеством было федеративное устройство страны, которая делилась на наместничества, где также создавались двухпалатные парламенты. Назначаемый царем наместник вместе с парламентом осуществлял всю полноту власти в наместничестве.

Таким образом, европейский и либеральный характер "Уставной грамоты" несомненен, как, впрочем, и ее ярко выраженная "русскость", опора на монархические традиции. Парламент мог отвергнуть предложенный императором закон, но в то же время он был не в силах принять его без высочайшей воли. За императором, кроме всей полноты исполнительной власти, сохранялось право решать практически все дела в государстве. Право монарха на помилование или на вмешательство в выборы депутатов в парламент на практике означало нарушение торжественно провозглашенного в проекте конституции принципа разделения властей. Ограничивая самодержавный произвол, вводя его в определенные законные рамки, проект конституции 1820 г. все же сохранял доминирующее положение самодержца во всех областях государственной жизни.

Итак, конституция была готова. Более того, были уже составлены проекты манифестов, призванные возвестить "любезным и верным подданным" императора о даровании им конституции и об одновременном уничтожении за ненадобностью конституции Царства Польского 1815 г. Однако ничего подобного не произошло. Ни манифесты, ни сама русская конституция 1820 г. так никогда и не были обнародованы. Что же произошло? Для ответа на этот вопрос полезно взглянуть, какие усилия предпринимал в это время Александр I в отношении смягчения крепостного права.

Неисполнимая эмансипация

Пристально вглядываясь в действия императора, мы замечаем, что начиная с 1816 г. (как 40 лет спустя и его племянник) он настойчиво пытается добиться дворянской инициативы в решении этого карди-

нального вопроса русской жизни. Поворотным пунктом здесь стала инициатива эстляндского дворянства, заявившего в самом начале 1816 г. о своей готовности освободить крепостных крестьян.

Прибалтийские губернии (Лифляндская, Курляндская и Эстляндская) коренным образом отличались от всей остальной России. Здесь не существовало крепостного права в его крайних формах. Уровень развития экономики был значительно выше, чем в европейской России. Главное же состояло в том, что помещики уже осознали экономическую невыгодность сохранения в неприкосновенности крепостного права. В предшествовавшее десятилетие в Прибалтике крестьяне получили определенные права. Рядом законодательных актов за эстляндскими крестьянами было закреплено право на движимую собственность и передачу по наследству хозяйства, а по закону 1804 г. были четко определены повинности крестьян в зависимости от количества и качества земли. Теперь формально было уничтожено и само крепостное право.

23 мая 1816 г. Александр I утвердил новое положение об эстляндских крестьянах. В соответствии с ним крестьяне получали личную свободу, но лишались права на землю, переходившую в полную собственность помещиков. Из-за запрещения свободного передвижения и выбора рода занятий крестьяне превращались фактически в бесправных арендаторов или батраков. Положение их оставалось крайне тяжелым. В течение нескольких следующих лет крепостное право было уничтожено также в Лифляндии и Курляндии.

При всех очевидных издержках уничтожение крепостного права в Эстляндии открыло принципиально новый этап в истории крестьянского вопроса в России. Уложение 1816 г. было практически первым за несколько столетий русской истории актом, которым самодержавие не углубляло или расширяло крепостное право, а, напротив, уничтожало его действие хотя бы на части территории огромной Российской империи. В 1816 г. верховная власть публично, не на словах, а на деле продемонстрировала свою готовность при определенных условиях пойти на конкретные меры по освобождению крепостных крестьян.

Однако никаких результатов в русских губерниях добиться не удалось. Неудачей закончилась и предпринятая в 1817 г. попытка склонить дворянство двух украинских губерний (Полтавской и Черниговской) к выступлению с просьбой хотя бы обсуждения проблемы крепостного права.

Все это, правда до поры до времени, нисколько не охлаждало стремление Александра I добиться важных результатов в решении крестьянского вопроса. В 1817–1818 гг. начинается работа над общим планом

ликвидации крепостного права в России. О серьезности и фундаментальности намерений Александра убедительно свидетельствует тот факт, что одним из исполнителей своего замысла он избрал Алексея Аракчеева. Аракчеев, которого современники чаще всего называли "змеем", в роли автора проекта освобождения крестьян — явление неординарное. Это как-то не вяжется с устоявшимися представлениями о роли и месте этого человека в отечественной истории. Ситуация, когда реализация прогрессивного замысла вверяется деятелю, имя которого для современников и потомства являлось символом реакции, в некотором роде парадоксальна. Но именно она ясно и недвусмысленно доказывает, что стремление на практике приступить к ликвидации крепостного права было не "заигрыванием с либерализмом", не желанием Александра I понравиться Европе или прослыть там просвещенным монархом, а вполне определенной и целенаправленной государственной политикой. Ведь хорошо известно, что именно Аракчееву Александр доверял разрабатывать и осуществлять свои самые сокровенные замыслы.

В это время Александр I полностью находился в плену иллюзий, что освободить крестьян можно без всякого насилия над помещиками — стоит только предложить им выгодные условия (и опыт Прибалтики лишь укреплял его в этой мысли). Он так и не смог до конца понять истинных причин, которые заставляли прибалтийское дворянство добиваться освобождения крепостных крестьян и в то же время толкали их российских собратьев на пассивное, но непоколебимое сопротивление любым эмансипационным шагам правительства, причин, обусловленных разным уровнем социально-экономического и культурного развития собственно русских губерний и Остзейского края. Поэтому в рекомендациях, данных Аракчееву перед началом работы, Александр настойчиво проводил мысль о недопустимости какого бы то ни было насилия со стороны государства по отношению к помещикам. Это было его единственным условием, а все остальное полностью отдавалось на волю автора.

Как и конституция, проект освобождения крестьян готовился в величайшей тайне. Неизвестно, как долго шла работа, но любопытно, что в феврале 1818 г., незадолго до отъезда Александра I на открытие первого конституционного сейма в Варшаву, проект лежал на столе императора. Оказывается, попытка выработать общие принципы крестьянской реформы непосредственно предшествовала началу работы над конституцией.

Как же думал решить проблему Аракчеев (точнее, чиновники его канцелярии во главе с историком и архивистом Алексеем Малинов-

ским)? Для освобождения крестьян от крепостной зависимости они предлагали начать широкую покупку помещичьих имений в казну "по добровольному на то помещиков согласию" и на некоторых "особенных правилах". Естественное стремление избавиться от долгов и вести хозяйство более рационально, либо обрабатывая наемными рабочими оставшуюся у них после продажи крестьян часть земли, либо сдавая ее в аренду крестьянам, — именно это, как им казалось, должно было заставить помещиков продавать государству крестьян и дворовых.

Насколько же реален был этот проект? Большинство специалистов, занимавшихся изучением вопроса, например Сергей Мироненко, признают, что вполне реален. Экономический кризис, поразивший страну после Отечественной войны 1812 г., привел к резкому упадку помещичьего хозяйства. Росла задолженность, все большее количество помещиков вынуждены были закладывать свои имения, проживая и проматывая проценты по закладным и вновь закладывая имения. Ежегодно за неуплату государственных и частных долгов объявлялись к продаже с публичных торгов десятки тысяч крепостных крестьян. Кстати, с большой долей вероятности можно предположить, что, предлагая выделять на покупку крепостных 5 млн рублей в год, Аракчеев исходил как раз из количества крепостных, ежегодно объявляемых к продаже за долги. Так что вряд ли в первые годы с этим могли возникнуть затруднения.

Но в дальнейшем поток неминуемо должен был иссякнуть, а никаких мер, которые заставили бы помещиков продавать крестьян, проект не предусматривал. Что бы стало делать правительство в этом случае, неизвестно. Но главное даже не в этом. Ведь и в том фантастическом случае, когда все помещики добровольно решились бы расстаться с крепостными, процесс освобождения растянулся бы не менее чем на две сотни лет. Это неопровержимо доказывает элементарный расчет. Если в среднем по России оценить стоимость одной души в 100 рублей ассигнациями (что на самом деле для того времени не такая уж большая цена), то на 5 млн рублей в год можно выкупить не более 50 тыс. крепостных. Двигаясь такими темпами, правительство не освободило бы всех крепостных и к 2018 г. Ясно, что решение крестьянского вопроса в России не могло ожидать такого срока. Наверняка это было понятно и Аракчееву. На что же он рассчитывал, выдвигая свои предложения? Очевидно, на желанные для Александра постепенность и добровольность реформы крепостной деревни и, скорее всего, на то, что, раз начавшись, реформа обнаружит выгодные для помещиков стороны. А тогда первоначальные медленные темпы могли бы смениться иными. Да и вообще время само внесло бы изменения.

Но подобные предположения — лишь догадки. Ведь одобренный царем проект (тому есть неопровержимые свидетельства) так и остался тайной Александра и Аракчеева. Нам, к сожалению, неизвестны конкретные обстоятельства отклонения проекта. Ясно только, что не было сделано никаких попыток не то что приступить к его реализации, а даже представить на рассмотрение какого-либо официального органа.

Но работа над проектом освобождения крестьян продолжалась. Только завеса тайны, окружавшая конкретные шаги правительства, направленные к разрешению крестьянского вопроса, становилась все более плотной. В 1818–1819 гг. под руководством министра финансов графа Дмитрия Гурьева и стараниями выдающегося ученого-юриста Михаила Балугьянского разрабатывался другой проект освобождения помещичьих крестьян. Для выработки основ крестьянской реформы был собран специальный секретный комитет — первый в ряду подобных комитетов. Окончательный проект так и не был создан, но сохранившиеся материалы показывают, что его авторы стремились предложить меры, которые могли бы привести к разрушению общины и созданию в России сельского хозяйства фермерского типа. Именно западноевропейские страны были для Балугьянского идеалом общественного и поземельного устройства. Крепостное право он считал "главным и единственным препятствием к распространению промышленности", и именно его уничтожения требовали "успехи просвещения и общего мнения". Взамен он предполагал создать несколько видов земельной собственности, а порядок заключения договоров между помещиками и крестьянами предоставить свободному соглашению сторон. То есть то, что в Западной Европе формировалось в течение нескольких столетий, предлагалось ввести росчерком пера самодержца. Разумеется, интересный теоретически, этот план был достаточно утопичен с практической точки зрения. Однако он, в отличие от проекта Аракчеева, почти не требовал денежных затрат и тем самым был привлекателен для царя.

В конце декабря 1819 г. первый набросок плана реформы был готов. Оставалось только получить одобрение императора, и можно было продолжать работу, уточняя условия освобождения. Но одобрения не последовало, и проект Гурьева так никогда и не был завершен. Больше мы ни о каких иных проектах решения крестьянского вопроса, выработанных правительством, не знаем. Скорее всего, их и не было. А было совсем другое… В марте 1822 г. император утвердил предложение Государственного совета, разрешавшее помещикам "за дурные поступки" ссылать крестьян в Сибирь на поселение. Между тем именно

ссылка крестьян в Сибирь по воле помещиков была запрещена самим же Александром указами 1809 и 1811 гг.

Что же произошло? Почему Александр I, казалось, так активно и решительно взявшийся за подготовку реформ, в итоге многотрудных дел отказался и от конституции, и от планов освобождения крепостных крестьян? Ответов на этот вопрос может быть несколько. Один из них — осуществлению намеченных реформ помешало мощное сопротивление подавляющей части дворянства. К преобразованиям стремился очень узкий общественный слой. Число членов тайных антиправительственных обществ, боровшихся за освобождение крестьян и за устранение или ограничение самодержавия, за всю их десятилетнюю историю ограничивается несколькими сотнями. Даже спустя несколько десятилетий, накануне реформы 1861 г., по которой крепостное право наконец-то было отменено, большинство помещиков были против освобождения. Среди правящей элиты переменам сочувствовала ничтожная по численности группа высших бюрократов, правда, возглавляемая царем. Очевидно, единственное, что могло в этих условиях обеспечить проведение реформ, — насилие правительства над собственной социальной опорой. Но именно такого поворота событий и страшился Александр I, никогда не забывавший об обстоятельствах своего вступления на трон в результате заговора и убийства Павла I. Эти чувства хорошо выразил его младший брат Константин, объяснявший свой отказ от прав наследования престола словами "задушат, как отца задушили".

Еще одно соображение — самодержавный либерализм Александра I был непоследователен и с течением времени, как и у его августейшей бабки, эволюционировал слева направо. Если в начале 1812 г. Александр рассматривал приближающуюся войну как борьбу "гуманности и либеральных идей" против "грозящего варварства и рабства", "последнюю войну либеральных идей против тирана", то впоследствии он стал задумываться над соотношением свободы и закона и уже формулировал более осторожно. Недаром, когда Петр Вяземский в переводе варшавской речи царя 1818 г. употребил термины "конституция" и "либеральные учреждения", самодержец поправил их на "государственное уложение" и "законно-свободные учреждения". По этому поводу Карамзин в письме Вяземскому ехидно заметил: "*Liberal* в нынешнем смысле свободный; а законно-свободный есть прибавок. В старину говорили, что закон с свободою живут как кошка с собакою. Всякий закон гражданский есть неволя". В 1821 г. император и вовсе начинает говорить о "революционных либералах", а в 1823-м — о "неуместном либерализме". Фактически отказ от "либерализма" в его по-

ложительном понимании (необходимость преобразований, конституции) означал и отказ от социального реформирования.

Другой резон, заставивший в итоге положить под сукно все проекты, — непригодность огромной бюрократической государственной машины к каким-либо капитальным преобразованиям в стране. В ней просто не было органа, способного разработать и провести в жизнь такие реформы. Впоследствии Александр II в проведении своей крестьянской реформы 1861 г. опирался на результаты работы таких специально созданных органов, как дворянские губернские комитеты и Редакционные комиссии, но его августейший дядя не решился конституировать нечто подобное. И в итоге пожертвовал реформами ради стабильности, по сути — будущим ради отжившего прошлого. Очевидно, он сам это понимал и переживал как поражение — отсюда его усталость, надломленность последних лет, попытка бегства в семейную жизнь, планы отречения от трона. Часть русского общества не согласилась с отказом от реформ, встав на путь вооруженной борьбы. Но это уже совсем другая история.

А если бы тогда, в 1820–1821 гг., после "семеновской истории", которую недаром называли "мирным бунтом", царь не дал бы себя сломать, прежде всего своим собственным страхам, сумел бы путем сложных политическим маневров (ведь политика — искусство возможного) создать в правительственной среде относительное равновесие охранителей и либералов и опереться на последних в проведении так нужных стране реформ, то появилась бы реальная возможность завершить "революцию сверху". И тем самым открыть перед Россией новые возможности развития. К сожалению, печально знаменитые слова Александра "некем взять" (то есть нет помощников в проведении реформ), похоже, относились прежде всего к человеку, их изрекшему, — в том смысле, что самодержавный властелин не рискнул хоть в малом ограничить собственную власть, привлечь к участию в разработке реформ общество и опереться на его реформаторский потенциал. "Некем взять" было прежде всего самого себя. По словам будущего изгнанника Николая Тургенева, "к концу царствования Александра общественное мнение обнаруживало много больше либеральных стремлений, чем в начале; но тогда император уже не сочувствовал им: народ пошел вперед, государь же, наоборот, подвинулся назад".

Подробнее на эту тему

Давыдов М. А. *"Оппозиция Его Величества". Дворянство и реформы в начале XIX века.* М., 1994.

Лапин В. В. *Семеновская история: 1618 октября 1820 года*. Л., 1991.
Мироненко С. В. *Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.* М., 1989.
Сафонов М. М. *Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв.* Л., 1989.
Сахаров А. Н. *Александр I* // Российские самодержцы. М., 1993. С. 1490.
Чибиряев С. А. *Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского*. М., 1989.

1824 “Мыслящие восстали...”

В марте 1824 г. в Петербург приехал командир Вятского пехотного полка, 30-летний полковник Павел Пестель. Этого человека в столице хорошо знали: сын жестокого и властного генерал-губернатора Сибири, “сибирского сатрапа”, как называли его современники, блестящий выпускник Пажеского корпуса, герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, он уже семь лет был заговорщиком. К моменту приезда в столицу он еще и бесспорный лидер тайного Южного общества, действовавшего на значительной части Украины и в Бессарабии.

Главной целью его визита была попытка объединения Южного общества с петербургским Северным обществом. Кстати, оба названия условны, так как были даны во время следствия и по географическому принципу теми, кто вел допросы; впрочем, сами декабристы к ним привыкли и нередко использовали в своих воспоминаниях. Для объединения предстояло прежде всего договориться с лидером северной организации — 28-летним штабс-капитаном Гвардейского генерального штаба Никитой Муравьевым. Муравьев, один из основателей российских тайных обществ, происходил из семьи известного писателя, друга Карамзина и попечителя Московского университета Михаила Муравьева, сам окончил Московский университет и тоже был героем заграничных антинаполеоновских походов. В прошлом Ники-

та Муравьев был другом и единомышленником Пестеля, а теперь стал его политическим оппонентом.

Начались знаменитые петербургские "объединительные совещания" 1824 г. Для декабристских организаций это была важнейшая веха, развилка, от которой зависело будущее движения.

Если бы удалось объединить общества, установить дату выступления (на чем настаивал Пестель), выработать единый план "военной революции" и действий после захвата власти, то тогда резко возросли бы шансы на успех восстания и начало радикальных реформ. Неудача же значительно ослабляла и без того разрозненные силы заговорщиков. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что Северное общество изначально строилось на принципе противопоставления идеям и планам южан и их лидера, а борьба людей в заговоре была не менее, а порой и более острой, чем столкновение программ. Пестель, собираясь в Петербург, предвидел сложность стоявших перед ним задач и говорил своему соратнику Сергею Муравьеву-Апостолу (дальнему родственнику руководителя Северного общества), что "более всего ожидает сопротивления на счет принятия "Русской правды", тем паче, что в Северном обществе существует конституция, сочиненная Н. Муравьевым". "Русская правда" предусматривала установление в постреволюционной России республики, в то время как Никита Муравьев был сторонником конституционной монархии.

Однако реальный ход переговоров оказался иным, не таким, каким он виделся Пестелю до его приезда в Петербург. Сразу же выяснилось, что программные расхождения не столь велики, они касались скорее формы, нежели существа дела. И преодолеть их было вполне возможно. Тем более что "Конституция" Никиты Муравьева, в отличие от "Русской правды", не была официально утвержденной программой Северного общества.

Давний заговорщик и один из директоров Северного общества князь Евгений Оболенский был согласен с республиканскими идеями "Русской правды", другой директор, Трубецкой, "то был согласен на республику, то опять оспаривал ее", и даже споры с Никитой Муравьевым не выявили принципиальной разницы во взглядах. Муравьев, по словам Пестеля, отзывался "с сильным негодованием" о членах императорской фамилии и утверждал, "что монархические формы" даны им (Муравьевым) своей конституции "ради вновь вступающих членов". Да и сам Пестель ради объединения был готов отказаться от собственной республиканской программы (по словам Трубецкого, "показал вид, что убежден нами, и что в России конституционное правление не иначе может быть, как монархическое").

Гораздо более сложными оказались переговоры о конкретном плане действий по захвату власти и введении нового строя. План Пестеля предполагал, во-первых, цареубийство, причем в исполнении своеобразного "отряда обреченных" ("избранные на сие должны находиться вне общества, которое после удачи своей пожертвует ими и объявит, что оно мстит за императорскую фамилию"). Во-вторых, предусматривалось введение диктаторского Временного верховного правления (только из заговорщиков) с неограниченной властью, которое "приняв присягу от Синода, Сената и всей России, раздав министерства, армии, корпуса и прочие начальства членам общества, мало-помалу... будет постепенно вводить новое образование". Сам Пестель видел себя одним из диктаторов, а бывшее тайное общество — своего рода кузницей кадров и "номенклатурой" новой России — "никто, не поступив предварительно в оное, не должен быть облечен никакою военною или гражданскою властью". Таким образом, из тайного общества получалась фактически политическая партия, которая захватывает власть в стране и удерживает ее с помощью военной силы до тех пор, пока революционные преобразования не станут необратимыми.

Планы Муравьева были совершенно иными. Во-первых, распространить "между всякого состояния людей "Конституцию", произвести "возмущение в войске" и обнародовать текст конституции. Во-вторых, по мере военных успехов "во всех занятых губерниях и областях приступить к собранию избирателей, выбору тысяцких, судей, местных правлений, учреждению областных палат, а в случае великих успехов — и Народного веча". Именно оно должно было договориться с царем, решить вопрос о форме правления и принять или отвергнуть муравьевский конституционный проект. Это был план гораздо более демократический, но и гораздо более трудный в исполнении. В отличие от пестелевской военной диктатуры он предусматривал на переходный период своеобразную национальную ассамблею, решения в которой принимались бы большинством голосов. Однако такой план был уравнением со многими неизвестными. Например, неясно было, кто, как и на основании каких принципов будет проводить местные выборы, что будет в случае отказа принять конституцию с императором и его семьей (автор предполагал при таком раскладе установление республики и высылку августейшей фамилии за границу, но непонятно, что надо было бы делать в случае отказа семьи "высылаться"). Не принимался в расчет и фактор времени, которое понадобилось бы на местные выборы и достижение "великих успехов", а затем и на избрание Народного веча. Трудно поверить, что работавшие долгие годы в Генеральном штабе Муравьев и Трубецкой могли так по-любительски планировать

будущее “дело”. Скорее всего, их план был составлен наспех, к приезду Пестеля и с целью продемонстрировать ему независимость столичных заговорщиков, наличие у них собственной программы.

Видимо, это понял и Пестель, соглашавшийся буквально на все как стратегические, так и тактические предложения северян, но настаивавший на слиянии двух обществ и беспрекословном повиновении всех членов единому руководству. В результате на совещании, состоявшемся на квартире Рылеева, было принято решение о соединении обществ. Казалось, заветная цель была достигнута. Однако через несколько дней это решение было отменено.

Роковую роль здесь сыграла приватная встреча Пестеля с Рылеевым, в ходе которой лидер южан неосторожно выразил восхищение Наполеоном: “Вот истинно великий человек! По моему мнению: если уж иметь над собою деспота, то иметь Наполеона. Как он возвысил Францию! Сколько создал новых фортун!” Рылеев с его подчеркнутой любовью к “общественному благу” заподозрил в собеседнике мотивы личной корысти и, вероятно, первым из заговорщиков сравнил его с французским узурпатором. Он рассказал о своей беседе другим северянам, и те в результате заговорили о Пестеле как о честолюбце, возмечтавшем воспользоваться плодами произведенной в столице революции. В итоге этого дележа шкуры неубитого медведя северные лидеры отказались иметь дело с Пестелем, а Никита Муравьев, не присутствовавший при принятии “объединительного” решения, потребовал его отмены и добился своего.

В итоге объединение обществ было отложено до 1826 г., а репутация Пестеля бесповоротно испорчена.

Как справедливо отметила биограф Пестеля О. И. Киянская, враждебное отношение северных лидеров вызвала прежде всего сама личность Пестеля. Кондратий Рылеев на следствии утверждал, что “Пестель человек опасный для России и для видов общества”. “Корифей” заговора, гвардейский полковник и опытный штабист князь Сергей Трубецкой вспоминал, что он “имел все право ужаснуться сего человека”, а Никита Муравьев назвал идеи Пестеля “варварскими” и “противными нравственности”. Все они единодушно подозревали полковника в “личных видах”, честолюбии и властолюбии.

> Никита Муравьев представлял его мне как человека опасного и себялюбивого, но я не мог в том увериться, не исследовав сего сам лично...
> Я говорил... о предложении его ввести республиканское правление.
> Мне нужно было узнать, каким средством он сего хотел достигнуть, и я успел узнать тогда ж, что он обрекал смерти всю высочайшую фамилию,

> и для того именно нужно ему было содействие здешних членов... Сам он садился в Директорию. Я ему представлял ужас, каковой подобные убивства нанести должны, что убийцы будут гнусны народу, что людям, никакого имени не имеющим и неизвестным, невозможно сесть в Верховное правление... но уже тогда он увидел, что я его подозреваю в личных видах, когда я ему стал доказывать, что он вместо законного самодержавного правления поставляет самовольный деспотизм директоров, которым отдает всю высочайшую власть в руки на неопределенное время.
>
> (Трубецкой С. П. Записка-показание об истории тайных обществ // Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. I. М.; Л., 1925. С. 90–91)

Версию о пестелевском бонапартизме приняли не только его оппоненты из Северного общества и впоследствии его следователи и судьи. Версию эту мы можем видеть даже в воспоминаниях добрейшего протоиерея Петра Мысловского, окормлявшего декабристов во время следствия и присутствовавшего при казни. По его словам, полковник "увертками, телодвижением, ростом, даже лицом очень походил на Наполеона. И сие-то самое сходство с великим человеком, всеми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всех его сумасбродств и самих преступлений. Ему погрезилось, так сказать, наяву, что он легко может сделаться в России тем же самым, чем был во Франции Наполеон". Внешнее сходство, сыгравшее немалую психологическую роль в судьбе Пестеля, подтверждают и прижизненные портреты, и пушкинские наброски.

В итоге личные амбиции и борьба характеров сорвали переход всего заговора на более высокую ступень зрелости и уменьшили его шансы на успех 14 декабря 1825 г. Замысел, имевший долгую и значительную историю, так и не сумел окончательно организоваться для политической победы. Это, между прочим, не помешало ему победить в иной плоскости — моральной и нравственной, создав (не без помощи Александра Герцена) знаменитую декабристскую легенду, мощно и долговременно повлиявшую на русское общественное сознание и культуру (от стихов Пушкина и Тютчева до песен Галича и фильма Мотыля "Звезда пленительного счастья").

"Произшествия 1812, 13, 14 и 15 годов"

История декабризма начинается с роста общественной, и особенно молодежной, активности в 1810–1811 гг., когда возникают первые объ-

единения — офицерские кружки и артели, тайные общества. Перед Отечественной войной 1812 г. это было, например, сообщество офицеров Кавалергардского полка, "Юношеское собратство" (или "Чока") и "Рыцарство". Для них помимо чисто дружеских и образовательных стремлений, как показала в своем исследовании В. М. Бокова, были характерны смутные, слабо оформленные идеи гражданского служения, патриотической жертвы на благо отечества (причем "жертва" явно превалировала над "благом"), поиски сферы приложения сил.

Колоссальный толчок процессу кристаллизации тайных обществ дала "гроза двенадцатого года" и особенно заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. Как считают многие исследователи, 1812 г. стал первым совместным действием русской нации, рождавшейся на полях сражений, и привел к пробуждению национального сознания в самых разных его формах — от политических до литературных. Многие из будущих заговорщиков прошли Европу от Москвы до Парижа, участвовали в важнейших событиях, менявших судьбы народов, и, очевидно, первыми из всех поколений русских людей могли почувствовать себя подлинными действующими лицами всемирной истории. Знакомство с общественным и политическим строем европейских стран (некоторые были лично знакомы и беседовали с французскими либералами — Бенжаменом Констаном и др.), чтение и обсуждение прочитанного сформировали у этой военной молодежи совершенно особое мировоззрение и круг интересов. "Все, что они видели, и все, что они вычитывали из иноземных книг, они прилагали к своему отечеству, сравнивали его порядки и предания с заграничными" (В. О. Ключевский). Сравнение нередко оказывалось не в пользу России, и тут в действие вступал очень характерный именно для этого поколения деятельный дух, который точно выразил Николай Тургенев: "Нельзя же не делать ничего оттого, что нельзя сделать всего!"

> На вопрос следователей о том, что внушило ему революционный образ мыслей, Павел Пестель ответил: "Произшествия 1812, 13, 14 и 15 годов... показали столько престолов низверженных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных… столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии произшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобностями оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противуположностей. То же самое зрелище

представляет и вся Америка. Дух Преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (*fait bouillir les esprits*).

(Восстание декабристов. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 105)

О том же говорили и другие заговорщики, называя в качестве причин своего мировоззрения то "вольнодумческие и либеральные мысли как господствующее тогда мнение" (С. Г. Волконский), то "трехлетнюю войну, освободившую Европу от ига Наполеонова; последствие оной, введение представительного правления в некоторые государства; сочинения политические... читаемые с жадностью молодежью; дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств..." (С. И. Муравьев-Апостол).

"Клокотание умов" подогревалось и печальной картиной российских порядков, основательно подзабытых за военные годы. На родине "рабство бесправного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство" (М. А. Фонвизин). Естественно, "возвратясь в Петербург, могли ли наши либералы удовольствоваться пошлою полковою жизнию и скучными мелочными занятиями и подробностями строевой жизни, которые от них требовали строгие начальники, угождая тем врожденной склонности Александра и братьев его к фрунтомании?". Позднее историки назовут такие настроения тяжелым кризисом невостребованности, осознанием ограниченности своих возможностей в строго сословном, крайне зависимом от верховной власти обществе. Ответом стало возникновение новых тайных обществ.

Либеральные разбойники

Самым значительным из них стал образовавшийся в 1816 г. в Петербурге Союз спасения. Его основали шесть боевых офицеров, прошедших через "произшествия" 1812–1815 гг. Старшему из них, Сергею Трубецкому, было 27 лет, а младшему, Сергею Муравьеву-Апостолу, всего 19. Вскоре в общество был принят 23-летний кавалергард Павел Пестель, быстро ставший благодаря острому уму, начитанности и ораторскому таланту одним из лидеров. Члены общества, которых насчитывалось около 30 человек, "согласились" в том, что необходимо бороться за установление представительной формы правления в виде конституционной монархии и освобождение крестьян. Царя необходимо было

"принудить" дать стране конституцию. Заговорщики поклялись на кресте и Евангелии (отголоски практики масонских лож) добиться своей цели при смене императоров на престоле — они решили не присягать новому царю до тех пор, пока он не подпишет предложенную ему конституцию. Однако оставалось неясным, как действовать в конкретных обстоятельствах, чтобы, с одной стороны, не спровоцировать "ужасы народной революции", а с другой — обеспечить выполнение своих требований. Об этом шли бурные споры, которые вскоре под влиянием известий о польских планах Александра I перешли в острую фазу — возник так называемый Московский заговор 1817 г.

Осенью 1817 г., во время пребывания царского двора и сопровождавшей его гвардии в Москве (в связи с закладкой на Воробьевых горах храма в честь войны 1812 г.), среди офицеров распространились слухи о намерениях Александра присоединить к образованному в 1815 г. Царству Польскому западнорусские губернии (доставшиеся России в результате разделов Речи Посполитой в 1790-х гг.). Скоро выяснилось, что слухи эти неосновательны, но умы уже успели всклокотать (поляки в кампании 1812 г. воевали на стороне Наполеона). Многие заговорщики "вскричали, что покушение на жизнь императора есть необходимость", а Иван Якушкин предложил себя в убийцы со словами: "Рок избрал меня в жертвы, сделавшись злодеем, я не должен, не могу жить: совершу удар и застрелюсь". Правда, уже на следующий день мысль о цареубийстве была оставлена. Заговорщики поняли, что смутившие их слухи ложны, "предположенное злодейство будет бесплодно, ибо тайное общество не имеет еще средств оным воспользоваться" (Сергей Муравьев-Апостол). Кроме того, большинство заговорщиков пока еще не свыклись с мыслью о цареубийстве — "крови по совести". Против цареубийства высказался, например, Пестель, его поддержал его будущий оппонент Трубецкой.

В Московском заговоре, как в зародыше, уже содержались все основные проблемы и противоречия декабризма — как внутренние, так и внешние. Еще в Петербурге при обсуждении написанного Пестелем устава, "статута", Союза спасения, во многом копировавшего масонские обряды и клятвы, многие из участников обсуждения отвергли этот документ. Отвергли на том основании, что он "годен разве для разбойников муромских лесов", а не для культурного общества с политическими целями. Предложенные Пестелем строго конспиративный характер организации, деление членов общества на "разряды", безоговорочное подчинение "низших" "высшим", угроза смерти за предательство — все это считалось среди современников "якобинством" (имелся в виду печальный опыт якобинского террора во Франции).

Начались длительные споры о принципах построения и деятельности общества, целях и средствах их достижения. Историки по-разному трактуют эти споры — то как столкновение либеральной и радикальной (революционной) линий движения, то как споры любителей и профессионалов, то как конфликт сторонников разных европейских моделей тайных обществ (одни декабристы ориентировались на немецкий просветительский Тугенбунд, другие — на итальянских революционных карбонариев) или разных масонских систем (из масонских лож вышло более 50 декабристов). Споры эти в плане организационно-тактическом шли вплоть до утра 14 декабря 1825 г., а в идейном — продолжались и в ссылке, при написании мемуаров.

Организационные и тактические зигзаги декабристов в значительной степени объясняются тем, что заговорщики и правительство работали над одним и тем же — планами реформ для России. Катастрофическое столкновение 1825 г. было следствием прежде всего деспотического режима и отсутствия "обратной связи" общества и власти. Даже сравнительно либеральное правительство Александра I, намекая на возможность коренных реформ, держало в тайне от общества процесс разработки конкретных документов, периодически от них отрекаясь. Мыслящее же дворянство, не видя реальных перемен, вынуждено было создавать тайные общества.

Правда, после кризиса 1817 г. заговорщики осознали необходимость перестройки узкого и заговорщического по своему характеру Союза спасения, расширения его состава, привлечения на свою сторону общественного мнения, разработки новой развернутой программы.

Союз благоденствия

В начале 1818 г. в Москве возникла следующая декабристская организация — Союз благоденствия, насчитывавшая уже через полгода более 200 членов. Стремительный рост рядов был вызван как изменением программы и тактических установок, так и воздействием на русское общество знаменитой варшавской речи Александра I. В ней император впервые открыто заявил о подготовке конституции для России. Кроме того, в частных беседах он в это время осуждал крепостное право, что скоро стало достоянием гласности.

> Трудно было устоять против обаяний Союза, которого цель была: нравственное усовершенствование каждого из членов, обоюдная помощь для достижения цели, умственное образование как орудие для разумного

понимания всего, что являет общество в гражданском устройстве и нравственном направлении, наконец, направление современного общества, посредством личного действия каждого члена в своем особенном кругу, к разрешению важнейших вопросов... тем влиянием, которое мог иметь член... В дали туманной, недосягаемой виднелась окончательная цель — политическое преобразование отечества, — когда все брошенные семена созреют и образование общее сделается доступным для массы народа.

(Оболенский Е. П. Воспоминания о К. Ф. Рылееве //
Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1980. С. 79–80)

Из этих слов видно, что новое общество строилось на началах постепенности, просвещения и гражданственности. Основные цели оставались теми же — установление конституционной монархии, освобождение крестьян, демократические реформы в различных областях государственной жизни. Однако тактика изменилась — действовать предполагалось путем распространения просвещения и формирования либерального общественного мнения как силы, способной преобразовать российскую действительность в отдаленном, но реальном будущем. "Даль туманная, недосягаемая" должна была, по расчетам заговорщиков, приблизиться через 20 лет. За этот срок общественная деятельность Союза призвана была подготовить грядущие перемены и сделать их бескровными.

Была написана программа общества, в которой (по негласной договоренности) предусматривалось две степени посвящения членов: одним была известна окончательная политическая цель союза, другие же знали только о просветительских и благотворительных его намерениях. Первая часть программы, получившая по цвету переплета название "Зеленая книга", не содержала в себе ничего противозаконного. Участникам общества, не посвященным в конечную, "сокровенную" его цель, предлагалось избрать для себя одну из четырех возможных областей деятельности: "человеколюбие", то есть благотворительность, облегчение участи крепостных или иных страждущих; образование; правосудие; общественное хозяйство. Вторая часть устава, которая должна была быть известна только посвященным, так и осталась ненаписанной, известен только ее проект, предполагавший установление в России конституционной монархии.

Общество состояло из управ (Петербургской, Московской, Тульчинской, Кишиневской и других), подчинявшихся Коренному совету. За почти три года своего существования Союз благоденствия, будучи самой многочисленной из декабристских организаций, развил бурную и многостороннюю деятельность. Декабристы помогали крепостным

получить вольную — так, например, Николай Басаргин активно участвовал в освобождении двух беглых дворовых девушек, спасавшихся от грозившей им участи стать наложницами жестокосердного барина, их собственного отца (по справедливому замечанию М. В. Нечкиной, случай, почти совпадающий с описанием безобразий крепостников в книге Радищева). Союз выкупил крепостного поэта Сибирякова у рязанского помещика Маслова, который потребовал огромную сумму (10 тыс. рублей) за своего кондитера (как писал Петр Вяземский, "в отечестве — поэт, кондитер в барском доме"). Чтобы скопить денег и принять участие в выкупе крепостного поэта, небогатый декабрист Федор Глинка отказался от чая, стоившего тогда очень дорого, и пил вместо чая кипяток, откладывая сэкономленные деньги.

Лицейский однокашник и друг Пушкина Иван Пущин, выполняя программу борьбы с судебным беззаконием, совершает невиданный для дворянина поступок — уходит в надворные судьи и, по выражению Н. Я. Эйдельмана, "вторгается в мир московского правосудия, куда доселе не ступала нога человека". В результате такой деятельности, по свидетельству Глинки, "многие взяточники обличены, люди бескорыстные восхвалены, многие невинно утесненные получили защиту; многие выпущены из тюрем... иные прощены и от ссылки избавлены... купец Савастьев уже с дороги в Иркутск возвращен и водворен благополучно в семействе...". Николай Тургенев и Александр Муравьев написали и подали царю обстоятельные записки о вреде крепостного права и неотложной необходимости реформ. Записка первого осталась без ответа, второму император велел передать — "дурак, не в свое дело вмешался". Это был хороший урок на будущее...

Наконец, во время голода 1820 г. в Смоленской губернии члены Союза Иван Якушкин и Михаил Фонвизин организовали комитет помощи голодающим и спасли тысячи человек. Это вызвало тревогу у Александра I, заметившего одному из своих придворных: "Эти люди могут кого хотят возвысить и уронить в общем мнении".

Однако, разрастаясь, Союз благоденствия терял и без того шаткое организационное и идейное единство. В обществе оказалось слишком много случайных людей, и — при весьма слабой конспирации — его деятельность стала слишком прозрачной для правительства. Кроме того, усилился радикализм взглядов левого крыла, не желавшего мириться с медлительностью и постепенностью преобразований и все более склонявшегося к мысли о военном перевороте и цареубийстве.

Сам Пестель в это время, по его собственным словам, "от монархического конституционного образа мыслей был переведен в республиканский" — размышлениями над "возрастаниями благоденствия в се-

верных Американских Соединенных Штатах", упадком Рима времен империи и "щастием" Великого Новгорода. На петербургских совещаниях зимой 1820 г. он выступил с докладом о "выгодах и невыгодах как монархического, так и республиканского правлений" с целью, чтобы "потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения". В итоге все высказались за республику. Это, в свою очередь, потребовало пересмотра тактики (Павел Пестель и Никита Муравьев высказались за цареубийство, остальные считали, что оно "неминуемым последствием будет иметь анархию и гибель России") и разработки конституционных проектов для будущей "преображенной России".

Собравшийся весной 1821 г. в Москве съезд Союза благоденствия проходил в сложных общественных условиях. Революции в Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте расшатывали троны западноевропейских монархов и давали русским заговорщикам обильную пищу для размышлений. В России тоже было неспокойно: происходят восстания в военных поселениях, осенью 1820 г. случилась "Семеновская история". Правительство Александра I фактически отказалось от проведения обещанных реформ. По справедливому замечанию С. В. Мироненко, "на отказ верховной власти от реформ тайное общество ответило переходом от тактики просветительской конспирации к тактике прямого революционного действия". Сама жизнь начинает новый этап в истории тайного общества. Новое вино невозможно было вливать в старые мехи.

Этот новый этап начался в 1821 г.: именно тогда, на съезде в Москве, участники Союза благоденствия объявили о ликвидации собственной организации. Правда, роспуск этот был мнимым, направленным на "очищение рядов" тайного общества. Новой организации, которую предстояло создать на руинах Союза благоденствия, надо было избавиться как от случайных и благонамеренных, так и от крайне радикальных сотоварищей.

К числу последних принадлежал, например, генерал-майор Михаил Орлов. Орлов к этому времени имел немалый военный опыт: с 1805 г. он воевал, прошел всю Отечественную войну и заграничные походы, в 1814 г. подписал акт о капитуляции Парижа, был лично знаком с императором Александром I и неоднократно исполнял его конфиденциальные дипломатические поручения. Орлов считал, что всего этого вполне достаточно для того, чтобы стать единоличным лидером будущей русской революции.

В распоряжении генерала была реальная военная сила — к 1821 г. он командовал 16-й пехотной дивизией. На съезде Орлов потребовал немедленного начала военной революции и при этом "ручался за свою

дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению"; разговор шел также "о заведении типографии в лесах, даже делании там фальшивых ассигнаций, для доставления обществу потребных сумм". После отказа участников съезда поддержать его "неистовые меры" Орлов покинул тайное общество.

Однако большинству участников Московского съезда был чужд не только генерал Орлов, но и радикалы иного, якобинского толка. Поэтому Пестелю и его приверженцам было объявлено о роспуске общества. Но Пестель решениям съезда не подчинился.

В Тульчине (город в Киевской губернии, место дислокации штаба 2-й армии, в котором Пестель служил) он созвал совещание собственных сторонников. Согласно показаниям участника совещания Александра Барятинского, Пестель спросил у собравшихся: "Ужели собравшиеся в Москве члены имели право разрушать общество, и согласны ли мы его продолжить?" На что все единогласно изъявили свое намерение его продолжить.

Так в марте 1821 г. возникло Южное общество (в терминологии следствия; сами его участники сохранили название Союза благоденствия), а Пестель стал его руководителем.

На этом же совещании была официально принята и новая тактика — "революционное действие посредством военной силы" (военная революция). Согласно идее Пестеля, русская революция должна начаться в Петербурге "яко средоточии всех властей и правлений". Задачей же тех членов тайного общества, которые служили вне столиц, было, по его собственным словам, "признание, поддержание и содействие Петербургу". В тактические планы южных заговорщиков было официально включено и цареубийство.

Думы южные и думы северные

Следующим шагом стало образование в 1823 г. Северного общества (самоназвание — Союз убежденных и присоединенных) и создание двух основных декабристских документов — "Русской правды" Пестеля и "Конституции" Никиты Муравьева. Как вспоминал Басаргин, "Южная и Северная думы приняли два различных направления: первая положила себе целью демократический переворот, вторая — монархически-конституционный. Несмотря на это разногласие целей и средств, обе думы, не действующие совокупно, не прекращали сношений между собою. Двигателем по Южной думе был Павел Пестель, по Северной — Никита Муравьев".

Следует отметить, что оба эти проекта, как и большинство других теоретических разработок декабристов, имеют очень много общих черт: ликвидацию самодержавия и введение в России представительного правления (в виде республики или конституционной монархии), отмену крепостного права, упразднение дворянства. И это не случайно. При всех личных и идейных разногласиях, при всех колебаниях и сомнениях члены тайных обществ были едины в одном: будущая Россия должна быть государством бессословным, построенным на началах всеобщего юридического равенства и всеобщих равных возможностей. "В отношении дворянства вопрос о реформе ставится так: что лучше — быть свободным вместе со всеми или быть привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти?.. Истинное благородство — это свобода; его получают только вместе с равенством — равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех", — утверждал Николай Тургенев. Судя по "Русской правде" и "Конституции", авторы обоих этих проектов были с Тургеневым вполне солидарны.

Однако различий в проектах Пестеля и Муравьева тоже было немало. Различия эти носят теоретический характер и объясняются в основном стремлением их авторов создать альтернативу друг другу в плане организационно-тактическом и личном. В рамках обрисованной выше общей программы ряд конкретных целей и способов их достижения лидеры Северного и Южного обществ представляли себе по-разному. Разногласия относились к вопросам о земле, политических правах граждан и форме правления, федеративному или унитарному строю будущей России, а также способам осуществления своих революционных планов.

В первом варианте конституции Муравьева развивался принцип безземельного освобождения крестьян ("земли помещиков остаются за ними"). Предусматривалось даже возмещение убытков, причиненных переселением крестьян в другие места. В последнем, третьем варианте (написанном уже в крепости по требованию следователей) утверждалось иное: "Помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия, в оных находящиеся, и по две десятины земли на каждый двор, для оседлости их". У Муравьева политические права обусловлены высоким имущественным цензом, тем более высоким, чем о более высоких государственных должностях идет речь (от 500 до 60 тыс. рублей).

На совещании 1820 г. Муравьев был согласен с Пестелем в требовании республики. Однако в 1821 г. он — не в последнюю очередь под влиянием отрицательного отношения к тактике и личности лидера южан — уже

сторонник монархии, основанной на разделении властей. Законодательную власть, по конституции Муравьева, осуществляет Народное вече, состоящее из Верховной Думы и Палаты народных представителей.

Верховная исполнительная власть принадлежит императору (он "есть верховный чиновник российского правительства"), но при этом монарх не имеет права объявлять войну и заключать мир. При вступлении в правление он приносит присягу Народному вечу — клятву верности сохранять и защищать конституцию России. Права императора довольно обширны (назначение министров, чиновников, послов, право отлагательного вето, право верховного командования войсками и др.), но его деятельность и деятельность чиновников исполнительной власти подлежат контролю и оценке Народным вечем. Исполнительную власть осуществляет "державный правитель", избранный Народным вечем и утвержденный императором. Верховная дума (в составе Народного веча) избирается собраниями держав, то есть административных единиц. Высшим органом судебной власти является Верховное судилище. Предусматривалось создание системы судов (областные, уездные заседания) с участием присяжных. Судьи, по мысли Муравьева, должны быть выборными.

Конституция была монархической, но в крайнем случае (а с учетом российской политической практики весьма вероятном) Муравьев предполагал введение республики. Как он говорил на следствии, "если бы императорская фамилия не приняла конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение республиканского правления".

Необходимость же монархии для России он обосновывал высказанным еще в Наказе Екатерины II аргументом — обширностью территории страны, требующей значительной силы власти. При этом Муравьев высказывал опасение, что сила власти может прийти в столкновение с началами свободы, и для этого необходим повышенный контроль представительных учреждений за действиями администрации. "Всякий чиновник исполнительной власти отвечает за каждое свое действие, никто не может оправдываться полученным приказанием... и всякий исполнитель противозаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление. Император не подлежит суждению (если же сам император лично учинит какое-либо преступление, за которое никто другой не подлежит ответственности, то сие приписывается нравственному недугу Народным вечем, которое, в таком случае, учреждает регентство посредством особого закона)".

Если в столице (по первому проекту ею должен был стать Нижний Новгород, по второму — Москва) деятельность императора и чинов-

ников контролирует Народное вече, то в обширной стране трудно обеспечить законность действий чиновников, отдаленных от столицы, без дополнительных гарантий.

Этим обстоятельством Муравьев в значительной степени объясняет федеративный характер будущего российского государства: "Федеральное или Союзное правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан". Муравьев был большим поклонником федеративного устройства Северо-Американских Соединенных Штатов и внимательно штудировал как федеральную американскую конституцию, так и конституции всех 23 штатов. Будущая Россия мыслилась им как федерация, состоящая из 15 держав и областей (в третьем проекте), образованных по территориальному принципу (Балтийская, Заволжская, Западная, Черноморская, Ленская и др.). В каждой из держав предусматривалось двухпалатное законодательное собрание (Державная дума и палата выборных). Державы делились на уезды во главе с выборными начальниками — тысяцкими.

При этом понимание Муравьевым федерализма, как справедливо заметил его биограф Н. М. Дружинин, было довольно специфическим: в столице Народное вече под контролем императора издает общегосударственные постановления, а в державах и областях действуют областные собрания, которым предоставлены "частные расположения, касающиеся до областей". Такая интерпретация федерализма очень далека от североамериканского права, утверждавшего первоначальную власть каждого отдельного штата и не признававшего исключительного суверенитета за союзными органами. Произошло это потому, что Муравьев видел в федеративном правлении только противовес бюрократическому централизму, для чего вполне достаточно расчленения государственной территории на полуавтономные области.

В отношении тактики Муравьев полагал, что военная революция произойдет в столицах и других частях страны, где имеются вооруженные силы, руководимые офицерами — участниками тайных обществ. "Силою оружия", как лаконично ответил он на вопрос следственной комиссии, Сенат будет принужден к опубликованию Манифеста об отмене крепостного права, о равенстве всех перед законом, о свободе печати и т. д. Предполагалось избрание выборных "представителей народных", которые "учредят на будущее порядок правления и государственное законоположение". Одновременно в тех частях России, где одержат успех войска, руководимые тайными обществами, упраздняется крепостное право ("раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным") и военные поселения, вводятся представитель-

ные учреждения, свободы печати, слова и совести. Движение войск на столицы прекращается с упразднением прежнего правления.

По-другому эти же проблемы решал Пестель в своей знаменитой "Русской правде" — наказе Временному верховному правлению на переходный период. Нарочито архаическое название было дано для того, чтобы подчеркнуть связь будущей революции с историческим прошлым русского народа, почтить национальные традиции. Той же цели служило и предполагавшееся перенесение столицы в Нижний Новгород с переименованием его во Владимир, введение древнерусских образцов в форменную одежду.

Во времена Союза благоденствия Михаил Лунин, посмеиваясь над обстоятельностью Пестеля, говорил, что тот "хочет наперед енциклопедию написать, а потом к революции приступить". "Русская правда" действительно была документом стратегической важности — она должна была гарантировать "что Временное правление единственно ко благу Отечества действовать будет", а не по "своему произволу, личным страстям и частным видам", а следовательно, не ввергнет государство в "ужаснейшие бедствия и междоусобия".

Лидер южан был горячим противником крепостного права. "Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало", — утверждал он на следствии. О необходимости его уничтожения написаны самые страстные, яркие страницы проекта:

> Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми. Нельзя ожидать, чтобы нашелся один злосовестный дворянин, чтобы не содействовать всеми силами к уничтожению рабства и крепостного состояния в России. Но ежели бы, паче всякого чаяния, нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то Временное верховное правление обязывается всякого такового злодея безызъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского. Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на Временное верховное правление, яко священнейшая и непременнейшая его обязанность.
>
> (Пестель П. И. Русская правда // Восстание декабристов. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 156)

Аграрная программа Пестеля преследовала цель, освободив крестьян, улучшить их положение "а не мнимую свободу им даровать". Для этого земли каждой волости делятся на две части, одна из которых будет

собственностью общественной, другая — частной. Для формирования общественного земельного фонда предусматривалась частичная конфискация помещичьих земель (если у помещика имелось более 10 тыс. десятин, то половина отбиралась "без всякого возмездия", а если менее — то с денежным или земельным возмещением). Но в любом случае помещик не мог владеть более чем 5 тыс. десятин. Национализированные таким образом земли Пестель предполагал разделить на две части: общественную и частную.

Земли общественные (волостные) предназначаются для "доставления необходимого всем гражданам без изъятия"; они не могут продаваться или закладываться. Каждый россиянин имеет право получить в своей волости участок земли, достаточный для пропитания одной семьи (муж с женой и тремя детьми). Земли частные свободно продаются и покупаются; они "будут служить к доставлению изобилия". Цель всего этого необычного аграрного проекта — обеспечить каждому россиянину прожиточный минимум, защищающий его от нищеты и от произвола "аристократии богатств".

Этот аграрный проект Пестеля вызывал неоднозначную реакцию у его сторонников, особенно у тех, кто владел крупными земельными угодьями. Неоднозначны в его оценке и историки. Александр Герцен считал, что руководитель Южного общества был "социалистом прежде, чем появился социализм"; немало позднейших историков эту точку зрения разделяют. Другие усматривают в этом проекте отражение общинной традиции землепользования: часть земель используется коллективно, часть — индивидуально. Наконец, третьи справедливо указывают на общность этих глав "Русской правды" с системой землевладения в Древнем Риме. Очевидно, что главным для Пестеля был понимаемый в широком смысле слова принцип справедливости, социальной правды, устраняющий потенциальные конфликты и противоречия, цементирующий общество и способствующий желанному "единородству, единообразию и единомыслию".

Одним из первых отечественных мыслителей Пестель отразил в теории новые общественные противоречия, складывающиеся в развитых странах Европы. "Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократией, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристократии феодальной". Возникновение в России "аристократии богатств" неизбежно, поскольку в гражданском обществе будут обеспечены собственность, свобода предпринимательства, частная инициатива и конкуренция. Именно поэтому, считал Пестель, следует принять особые меры против всевластия богатых и обнищания масс.

Пестель выступал против имущественного ценза: “Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества”. По “Русской правде” все русские, достигшие 20 лет, имеют всю полноту гражданских и политических прав, в том числе и избирательных. Голосовать могли граждане любого достатка, грамотные и неграмотные (кроме женщин).

Пестель был сторонником республики. По его проекту, верховную законодательную власть в России будет осуществлять Народное вече, избираемое на пять лет (каждый год обновляется 1/5 его часть). Законы “обнародуются и на суждение всей России предлагаются”. Верховная исполнительная власть поручается Державной думе, состоящей из пяти человек, выбранных народом (затем один ежегодно избирается Народным вече из кандидатов, предложенных губерниями). В подчинении Державной думы состоят все министерства (приказы). Для того чтобы эти власти не выходили из своих пределов, учреждается судебная власть, которая поручается Верховному Собору (120 “бояр”, пожизненно назначаемых Народным вечем из кандидатов от губерний). Верховный Собор проверяет законность всех мер, принимаемых государственными учреждениями.

В отличие от Муравьева Пестель — сторонник единого русского централизованного государства. Федерацию он отвергал как возрождение “удельной системы”. Особенно пагубной и вредной он считал федерацию в России, где много “племен”, языков и вер. В будущей России, полагал Пестель, все они обрусеют: “Все различные племена, составляющие Российское государство, признаются русскими и, слагая различные свои названия, составляют один народ русский”. Исключение составит Польша — Пестель был сторонником ее отделения от России (включая и присоединенные при Екатерине II западнорусские земли), но при условии, что в Польше события будут развиваться по сходному с Россией сценарию (революция, уничтожение сословного строя и угнетения крестьян, установление республики, проведение либеральных реформ).

Для тех же народов, которые трудно было интегрировать в “единое и неделимое” российское государство, Пестель предусматривал переселение. Таковы были его планы в отношении горцев Кавказа и евреев. Кавказские народы предполагалось разделить на “мирных” и “буйных” — “первых оставить на их жилищах, дать им российское правление и устройство”, а вторых “силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям”, а на отнятых у них землях “завести русские селения... дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то

есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую".

Еще грандиознее было предполагаемое Пестелем решение еврейского вопроса. Отмечая, что "евреи составляют в государстве, так сказать, свое особенное, совсем отдельное государство", Пестель обдумывал план выселения евреев из пределов России. По его расчетам, "ежели все русские и польские евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, какия турки могут им противупоставить и, пройдя всю европейскую Турцию, перейти в азиятскую и там, заняв достаточныя места и земли, устроить отдельное еврейское государство".

Судя по всему, это еврейское государство должно было быть создано в Палестине. Единственный прецедент, на который здесь мог сослаться Пестель, — это исход евреев из Египта. Видимо, понимая, что для воплощения этого проекта нужна личность масштаба пророка Моисея, Пестель сделал оговорку: "Но так как сие исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и истинно-гениальной предприимчивости, то и не может быть оно поставлено в непременную обязанность Временному верховному правлению и здесь упоминается только для того, об нем чтобы намеку представить на все то, что можно бы было сделать". Кажется, намек автора "Русской правды" был услышан как русскими самодержцами, так и еврейскими сионистами, только вот итоги в первом случае оказались печальными, а во втором — позитивными.

Для осуществления "Русской правды" предполагалось установление Временного верховного правления. Сам Пестель предусмотрительно не оговаривал время его деятельности, но по показаниям других декабристов на следствии можно утверждать, что планировался срок в 10–15 лет. Временное правительство из пяти директоров при опоре на тайные общества и воинские части должно провести размежевание общественных (волостных) и частных земель, предупредить и подавить возможные волнения и беспорядки. Эта часть пестелевского плана — фактически введение военной диктатуры на переходный период — вызывала, пожалуй, самые резкие возражения и упреки в якобинстве как у современников, так и у историков. Однако для автора эта мера была скорее строго практической и направленной на предотвращение гражданской войны.

Историки давно спорят о степени утопичности двух декабристских конституционных проектов, об их большей или меньшей укорененности в российской действительности и традиции. На сегодняшний день

очевидно, что основанный на европейских идеях цензового избирательного права, конституционной монархии и федерализма муравьевский проект как раз именно в силу этих обстоятельств имел весьма туманные перспективы. Напротив, "Русская правда" с ее идеей традиционной для России сильной государственной власти и уравнительной демократии лучше вписывалась в российскую практику. Когда спустя 36 лет после восстания декабристов монархия решилась на отмену крепостного права, то реформа оказалась ближе к пестелевскому плану (хотя крестьянам досталось гораздо меньше земли и за выкуп).

Не случайно в исторической перспективе (на сегодняшний день почти 180-летней) многие пестелевские идеи, начиная с создания всепроникающей тайной полиции и кончая революционной диктатурой, получили практическое воплощение. Предложенные же Муравьевым меры по гамбургскому счету до сих пор остаются для нас "в дали туманной, недосягаемой" — там же, где и подлинное "политическое преобразование отечества".

Помимо проектов Пестеля и Муравьева до нас дошли сочинения и других, более умеренных заговорщиков, например Федора Глинки, Николая Тургенева, Михаила Фонвизина. В последнее время, в значительной степени под влиянием историографической усталости от "трех этапов русского революционного движения" и усиления интереса к истории русского либерализма, почти все декабристское движение, за исключением лишь "тоталитарного" Пестеля, стали трактовать как либеральное.

Действительно, в заговоре были очень разные по своим взглядам и стремлениям люди. Николай Тургенев, Михаил Фонвизин, Федор Глинка были бесспорными либералами, всегда ставившими под сомнение революционные идеи и методы захвата власти. Особенно показательна фигура первого. Сын директора Московского университета, друга Новикова, масона, он учился в Москве и Геттингене. Вернувшись в Россию, служил в Государственном совете и Министерстве финансов, стал одним из крупнейших экономистов своего времени. Его книга с сухим названием "Опыт теории налогов" выдержала два издания и была интеллектуальным бестселлером своего времени.

В десятой главе "Евгения Онегина" при описании декабристских собраний есть слова: "Одну Россию в мире видя, / Преследуя свой идеал, / Хромой Тургенев им внимал / И, плети рабства ненавидя, / Предвидел в сей толпе дворян / Освободителей крестьян". Действительно, и государственная служба, и литературная деятельность, и участие в Союзе благоденствия, и директорство в Северном обществе для Тургенева были средствами для достижения главной цели — освобождения кре-

стьян. Ибо: “Какое просвещение может быть там, где факел христианства еще не рассеял сумерки варварства; какая цивилизация — там, где человек порабощен человеком!” Он пытался и практически облегчить положение крестьян — перевел своих крепостных с барщины на оброк, в 1821 г. передал им безвозмездно тысячу рублей, организовал больницу.

В 1824 г. он уехал за границу “для поправления здоровья” и в восстании не участвовал, но за активную деятельность в тайных обществах был приговорен к смертной казни (замененной впоследствии вечной каторгой) и в Россию не вернулся, став, очевидно, первым русским политэмигрантом.

В 1847 г. Тургенев издал свой знаменитый трехтомный труд “Россия и русские”, в первом томе которого поместил свои воспоминания, во втором — общий очерк политической и социальной жизни России, в третьем — проект грядущих преобразований. Здесь он остался верен себе: сначала отмена крепостного права, реформа судопроизводства с введением суда присяжных, выборность администрации и реформа местного самоуправления, свобода печати. Только затем Тургенев предполагал установление конституционного строя, основанного на основном законе (как и Пестель, он назвал его “Русской правдой”) и разделении властей. При категорическом отрицании им любых насильственных методов вся надежда оставалась на мудрость верховной власти. Действительная история реформ Александра II показала цену такой надежде.

После восстановления в 1856 г. в гражданских правах он приезжал в Россию, горячо участвовал в обсуждении крестьянской реформы. Когда в феврале 1861 г. в церкви русского посольства в Париже читался манифест об отмене крепостного права и священник вынес крест, все присутствовавшие посторонились, уступая дорогу Николаю Тургеневу и признавая тем самым его вклад в великое дело.

Тургенев был автором “либеральной” концепции истории тайных обществ в России. Согласно этой концепции, не только сам ее автор, но и большинство других участников этих организаций никогда не желали насильственного переворота, цареубийства и республики. А если какое-то тайное общество и желало всего этого, то сам он, Тургенев, никогда в такой организации не состоял. Правда, далеко не все декабристы были впоследствии согласны с этой концепцией. Так, Сергей Волконский, создавая на старости лет свои мемуары, заметил по поводу книги Тургенева “Россия и русские”: “Случай, за который радуюсь за Тургенева, выпихнул его лично из Верховного уголовного суда, но не было ли ему еще более в обязанности не порочить печатно своих собратьев?” Интересно, что в последнее время в отечественной исто-

риографии взгляды Тургенева возрождаются. Так, В. М. Бокова в своей книге по истории тайных обществ сомневается в "революционной природе" движения по причине "слабого присутствия намерения захватить власть и править самим". Разумеется, с таким подходом трудно согласиться. В очень неоднородном, "густонаселенном" и противоречивом декабристском движении всегда существовали и боролись революционная и либерально-реформистская линии (а порой и переходили из одной в другую, как у Никиты Муравьева), но первая несомненно преобладала. Это обстоятельство хорошо показывают слова Пестеля на следствии: "Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования и во все свое продолжение не переставало никогда быть таковым. Перемены, в нем происходившие, касались собственного его устройства и положительного изъяснения его цели, которая всегда пребывала революционная, и потому не было члена в Союзе, на которого бы Союз не надеялся именно для произведения революции, содействия ее успехам или участия в ней". Думается, что категоричному утверждению ключевой фигуры десятилетнего тайного заговора можно верить.

14 декабря 1825 года

Разногласия Северного и Южного обществ помешали их объединению. Петербургские совещания весны 1824 г. закончились вместо объединения скорее отчуждением двух тайных обществ и их лидеров. Пестель переживал случившееся как тяжелое поражение: "Я начинал сильно опасаться междуусобий и внутренних раздоров и сей предмет сильно меня к цели нашей охладевал". Как он признался на следствии, "Русская правда" "не писалась уже так ловко, как прежде". Своим соратникам и друзьям в 1824 и 1825 гг. он не раз говорил о желании покинуть общество, уехать за границу, потому что только так он сможет доказать своим единомышленникам, что он не честолюбец, который "намерен половить рыбку в мутной воде".

Сергей Волконский сетовал впоследствии, что отговорил Пестеля от этой идеи. "Он был бы жив, и был бы в глазах Европы иным историком нашего дела, как так недобросовестно и скажу даже лживо высказал печатно Николай Тургенев, который уверяет, что не был членом общества", — писал он в мемуарах.

По воспоминаниям же Николая Лорера, в ноябре 1825 г. Пестель заговорил с ним о необходимости "принесть государю свою повинную голову с тем намерением, чтоб он внял настоятельной необходимости

разрушить общество, предупредив его развитие дарованием России тех уложений и прав, каких мы добиваемся". Но ни один из своих планов Пестель воплотить в жизнь так и не успел. Как известно, он был арестован 13 декабря 1825 г. по доносу своего подчиненного, капитана Майбороды, принятого им же в тайное общество.

В 1825 г. перемены происходят и в обществе Северном. Отошел от дел Никита Муравьев: он женился, у него появились дети, умерший дед оставил немалое состояние, и хозяйственные дела требовали постоянного внимания. В начале того же года столицу покинул и другой оппонент Пестеля, князь Трубецкой. Он уехал в Киев, на новое место службы. Уезжая на юг, Трубецкой, между прочим, хотел ослабить влияние Пестеля в Южном обществе, предложить участникам этого общества собственное руководство. "Я намерен был ослабить Пестеля", — сообщал Трубецкой следователям.

В руководство Северным обществом пришли новые люди. И главным из них стал Кондратий Рылеев.

В отличие и от Пестеля, и от многих других декабристов по своей психологии Рылеев был человеком сугубо штатским. Окончив кадетский корпус, он несколько лет прослужил в военной службе. Несмотря на то что Рылеев участвовал в заграничных походах, он не выслужил ни чинов, ни орденов, ни денег. Рылеев долго искал себя и наконец нашел: он стал знаменитым поэтом, журналистом и издателем. Кроме того, с 1824 г. он — правитель дел в крупном коммерческом предприятии, Российско-Американской компании, занимавшейся разработкой промыслов в российской части Американского континента.

Благодаря коммерческой, литературной и издательской деятельности Рылеева вокруг него к 1825 г. сформировался кружок свободолюбиво настроенных молодых людей, большинство из которых были гвардейскими офицерами. Именно эти офицеры, "рылеевская отрасль" в Северном обществе, как называют их историки, оказались 14 декабря 1825 г. главными действующими лицами. Последние перед восстанием совещания заговорщиков проходили на квартире Рылеева.

Смерть Александра I, нелепое междуцарствие, возникшее в результате яростной и еще во многом для нас загадочной борьбы в правящей верхушке, подхлестнули заговорщиков. Яков Гордин в своей замечательной книге "Мятеж реформаторов" буквально по часам и минутам рассмотрел события и междуцарствия, и самого 14 декабря, показав их необыкновенный драматизм и ошеломляющие, но упущенные возможности. Когда анализируешь эти события, трудно отделаться от мысли, что какой-то злой рок преследует опытных военных людей, прошедших поля сражений и кабинеты государственной службы.

Весьма перспективный план восстания, разработанный вернувшимся из Киева князем Трубецким, рухнул еще до рассвета 14 декабря. Сам он вследствие этого не явился на Сенатскую площадь. Новый же "диктатор" восстания, поручик князь Оболенский, был выбран только за час до того, как Николай I отдал приказ стрелять картечью по каре мятежных полков. Горячие головы заговора, бравшие на себя 11, 12 и 13 декабря его основные задачи, один за другим отказывались или не могли их выполнить. По свидетельству современника, М. М. Сперанский, стоя вечером 14 декабря у окна с видом на Сенатскую площадь, печально произнес: "И эта штука не удалась!"

Южное общество тоже сделало попытку вооруженного выступления. Как и в Петербурге, эта попытка оказалась неудачной. 29 декабря 1825 г. подполковник Сергей Муравьев-Апостол, командир батальона в Черниговском пехотном полку, поднял свой полк на восстание. Однако через три дня похода выяснилось, что другие воинские части, даже те, в которых служили члены Южного общества, не спешат поддержать восставших. Сергей Муравьев не смог удержать полк в повиновении: восстание черниговцев превратилось в анархический бунт, а сам полк — в полупьяную толпу. 3 января полк был расстрелян правительственной артиллерией, а тяжело раненный руководитель восстания арестован. Активный участник восстания, друг Сергея Муравьева Михаил Бестужев-Рюмин с горечью признал перед казнью: "Самый успех нам был бы пагубен для нас и для России".

Когда читаешь написанный Трубецким радикально-реформаторский "Манифест к русскому народу", близкий к пестелевской "Русской правде", или "Православный катехизис" Сергея Муравьева-Апостола, смелую попытку политического и социального христианства, доселе практически неизвестного на русской почве, невольно думаешь о том, что мысль их авторов обогнала свое время и могла быть воплощена в жизнь только силой верховной власти, которую они не сумели завоевать.

Очевидно, прав был отошедший в последний год от заговора Михаил Орлов, заметивший, что "обстоятельства созрели прежде их замысла". Но созреть замыслам не дали собственные амбиции и яростная борьба внутри движения, непрошибаемая непреклонность одних, подозрительность других, двойная игра третьих. В итоге после полугодового следствия 120 участников тайных обществ были приговорены к каторге, ссылке, разжалованию в солдаты. Пять человек: Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский (застреливший на Сенатской площади генерал-губернатора Петербурга графа М. А. Милорадовича) — были приговорены к смертной казни. 13 июля 1826 г. они были повешены. Самому стар-

шему из казненных, Пестелю, едва исполнилось 33 года, самому младшему, Бестужеву-Рюмину, было 25 лет.

Но если бы тогда, на петербургских совещаниях 1824 г., они сумели объединиться, события могли бы принять совсем другой оборот. Исследователи декабризма и писатели не раз пытались заглянуть в это воображаемое будущее. Одна из самых удачных попыток — это глава "Фантастический 1826-й" в книге Н. Я. Эйдельмана "Апостол Сергей".

В ней автор со всем блеском своего таланта и эрудицией историка дает краткий очерк "альтернативной истории" победы восстания Черниговского полка, к которому присоединяется весь 3-й корпус армии и другие части. К 7 января взят Киев, "временное правление армии" провозглашает конституцию, освобождение крестьян с землей, облегчение солдатской службы и отмену военных поселений. Корпус во главе с Бестужевым-Рюминым идет на Москву, поляки восстают, арестовывают наместника Константина и провозглашают независимость. Крестьяне захватывают земли и жгут усадьбы. Николай I в Петербурге совещается с несколькими преданными вельможами, а в порту готов корабль, который увезет его с семьей в Пруссию. В феврале объединенные силы нескольких корпусов берут Москву, Николай бежит, а императрицей московское временное правление провозглашает вдову Александра I Елизавету Алексеевну.

В феврале — марте в Петербурге власть берет в свои руки Директория (от тайных обществ — Пестель и Орлов, от Сената и Государственного совета — Сперанский, Мордвинов). После смерти тяжелобольной Елизаветы Алексеевны объявляется республика. Нарастают внутренние и внешние конфликты, в верхах идут яростные споры о немедленных выборах или диктатуре армии. Могло произойти много неожиданного, но и в случае реставрации уже невозможно повернуть вспять — восстановить крепостное право, отменить конституцию. Мудрый историк завершает свой рассказ словами: "Не было. Могло быть".

Подробнее на эту тему

Бокова В. М. *Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX века*. М., 2003.

Гордин Я. М. *Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 г.* Л., 1989.

Киянская О. И. *Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик*. М., 2002.

Киянская О. И. *Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 — 3 января 1826 г.).* М., 1997.

Парсамов В. С. *Декабристы и французский либерализм*. М., 2001.

Эйдельман Н. Я. *Апостол Сергей*. М., 1975.

Эйдельман Н. Я. *Лунин.* М., 1970.

1830 “Апогей самодержавия”

Вечером 29 ноября 1830 г. молодой офицер польской армии Петр Высоцкий объявил еще более молодым учащимся Варшавской школы подпрапорщиков: “Братья, час свободы пробил!” Повстанцы пошли на штурм гвардейских казарм, а отряд из 14 заговорщиков отправился на захват резиденции русского наместника в Царстве Польском великого князя Константина Павловича. Сообщники отперли им решетки Бельведерского дворца, но Константин успел выскочить в ночном халате и спрятаться. Пока русские полки, не получая никаких приказов, бездействовали, варшавские студенты, мещане и рабочие захватили город. Потрясенный восстанием своих “детей” (Константин искренне считал себя “большим поляком”, чем они сами), наместник без боя вывел свои части из города, а затем русские войска и чиновники ушли из Царства Польского.

Ветеран Наполеоновских войн генерал Юзеф Хлопицкий, не пожелавший принять звание главнокомандующего от “бунтовщиков”, принял его от имени польского правительства, провозгласил себя диктатором, но все же немедленно отправил посольство к законному польскому королю Николаю I. Требования восставшей Польши можно было бы назвать умеренными (послы просили о соблюдении конституции 1815 г., свободе и гласности заседаний сейма, вотировании налогов палатами и охране королевства исключительно польскими

войсками), если бы не стремление вернуть границы Речи Посполитой 1772 г., то есть возвратить Украину и Белоруссию.

Возникший призрак былого величия Речи Посполитой губил дело независимости. На такую капитуляцию император пойти не мог, как не могло ее признать и российское общество. Посольство завершилось безрезультатно, и царь в манифесте от 24 декабря 1830 г. заклеймил неблагодарных подданных, "осмелившихся диктовать условия своему законному государю", после чего восставшие лишили его польской короны. Но превратить восстание в народную войну члены польского сейма и руководители польского правительства боялись больше всего.

Сеймовые дебаты о крестьянской реформе завершились безрезультатно и оттолкнули крестьянство от шляхетского восстания: "Наварили себе паны пива, так сами его и пейте".

Спор "братьев-славян" должен был решаться оружием. Перевес сил явно был на стороне Николая, но после отчаянного сопротивления поляков в битве при Грохове в феврале 1831 г. русские войска, уже было занявшие восточное предместье Варшавы, вынуждены были отступить. Польское командование весной пыталось — и не без успеха — перехватить инициативу: армия восставших была доведена почти до 80 тыс. человек, польская конница вторглась на Волынь и в Литву.

В эти дни Николай подал своему "отцу-командиру", фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу, записку о необходимости "ухода" России из Польши:

> Оставаясь верным вышеуказанному началу, в силу которого следует сообразоваться исключительно с истинными интересами России, я полагаю, что единственный способ рассмотреть этот вопрос и действительно уяснить его себе, следующий: Россия — держава могущественная и счастливая сама по себе; она никогда не должна быть угрозою ни для своих соседей, ни для Европы. Но оборонительное ее положение должно быть настолько внушительно, чтобы сделать всякое нападение невозможным. Бросая взгляд на карту, страшно становится, видя, что граница польской территории Империи доходит почти до Одера, между тем как на флангах она отступает за Неман и Буг, чтобы упереться близ Полангена в Балтийское море и у устьев Дуная в Черное море. В этой выдающейся части находится население существенно враждебное к России и потому требуется армия для удержания его в подчинении. Эта страна ничего не приносит Империи, напротив, она не может существовать иначе, как посредством постоянных жертв со стороны Империи, чтобы дать ей возможность содержать свое собственное управление. Таким образом, ясно, что выгоды от этого беспокойного владения ничтожны, между тем как неудобства велики и даже опасны.

> Остается решить, как пособить этому. Я тут не вижу другого средства, кроме следующего:
> Объявить, что честь России получила полное удовлетворение завоеванием Царства Польского, что Россия не имеет никакого интереса владеть провинциями, неблагодарность которых была так очевидна, что истинные ее интересы требуют установить и утвердить свою границу по Висле и Нареву, что она предоставляет остальное, как недостойное принадлежать ей, своим союзникам, которые могут сделать из него все, что им покажется нужным.
>
> (*Цит. по:* Щербатов А. Г. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб., 1894. Т. 4. С. 174)

Шаг был неожиданным — со стороны фигуры, как будто хрестоматийно известной в качестве тупого солдафона, только что потопившего в крови восстание декабристов, и "жандарма Европы". Но он показал и другого Николая — человека, способного на уступки и реформы.

Этим планом российский самодержец не только демонстрировал, что готов предоставить Польше свободу — он, по-видимому, искренне считал, что "пользы от приобретения никакой, только ущерб, в том числе промышленности". По сути дела, Николай высказал намерение "сдать" всю выстроенную его предшественниками после эпохи Наполеоновских войн систему устройства Центральной Европы.

Распался бы союз "трех черных орлов" — Австрии, Пруссии и России, основанный на совместных разделах Польши в XVIII в. и на совместной борьбе с либеральными попытками преобразования европейских абсолютистских режимов в рамках "Священного союза". Борьба за оставленные русскими войсками польские земли, безусловно, обострила бы противоречия между Берлином и Веной, которым, таким образом, передавалась роль главных "держиморд" в Европе. Россия бы навсегда освобождалась и от сомнительной чести быть "жандармом Европы", и от "неблагодарных" провинций. Не было бы в наших с Польшей отношениях ни подавления нового польского восстания 1863–1864 гг., ни безнадежной попытки русификации "привислинского края" — с обучением на русском языке в Варшавском университете и возведением помпезного православного собора в центре польской столицы. Воссоздание Польши столетием раньше если бы и не уничтожило вовсе, то существенно смягчило противостояние "братьев-славян" в XX в. с его очередной русско-польской войной 1920 г., пресловутым "четвертым разделом" в 1939 г. и катынской трагедией.

Как бы изменилась международная ситуация — да и положение в самой России — под влиянием такого резкого поворота, нам знать

не дано. Окружение царя к такой радикальной мере было явно не готово. "Отец-командир" Паскевич царский проект раскритиковал и предложил более привычный путь территориальных комбинаций: отдать Пруссии левый берег Вислы, а Австрии Краков, но в обмен получить от первой часть Восточной Пруссии с Мемелем (нынешней Клайпедой), а от второй — Восточную Галицию. Пока стороны обсуждали возможную дележку, ситуация вновь изменилась — польская армия проиграла кровопролитное сражение при Остроленке, и войска Паскевича двинулись на Варшаву.

Утром 25 августа 1831 г. 400 русских орудий открыли огонь; русские полки под грохот барабанов и полковых оркестров атаковали варшавские укрепления и взяли их в штыки. Завязались бесплодные переговоры, но теперь речь шла уже только о капитуляции. На следующий день Паскевич вступил в город и написал царю: "Варшава у ног вашего величества". Прежние планы были забыты; победитель Паскевич рекомендовал уничтожить Царство Польское с его "представительным правлением", а поляков "за вероломство и неблагодарность искоренить с лица земли".

Что и было сделано — в меру возможностей. Польская государственность с ее конституцией, подавшая в свое время немало надежд насчет введения "законно-свободных" учреждений в самой России, была "искоренена". Но поляков превратить в благонамеренных подданных так и не удалось — Польша на протяжении всего существования монархии сделалась ее постоянной головной болью. От разгрома 1831 г. Россия теряла почти столько же, сколько и сама Польша: парламентский опыт, испробованный в Варшаве, неизбежно был бы ориентиром для российского общества, да и для самой власти, вынужденной оглядываться на общественное мнение.

Польская война пробудила исторические страхи времен Смуты и вызвала мощную волну патриотических чувств, захлестнувшую все сословия: "И какое русское сердце, чистое от заразы общемирного гражданства, не забилось сильнее при первом известии о восстании Польши? Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствует над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствовавший всеми силами Европы, совестился явно требовать, силился исторгнуть — и не мог! Давыдов скачет в Польшу". Вслед за поэтом-гусаром Денисом Давыдовым усмирять восстание пошли многие из тех, кто еще недавно сочувствовал либеральным идеям. Другие же "поскакали" на Польшу в прессе, стихах, лубочных книжках и толстых журналах. Именно на этой волне утвердилась и овладела

умами и душами даже честных и талантливых русских людей идеологическая доктрина николаевского царствования — пресловутая триада: самодержавие, православие, народность. Патриотический подъем прочно связал славу и величие страны с самодержавием, которое потерпело очередную победу.

"Дух времени" или николаевская модернизация

Но ведь могло быть и иначе. Забытый эпизод с попыткой "отпустить" Польшу показал неоднозначность николаевского правления, во всяком случае в его первые годы. Традиционно воспринимаемое как эпоха крепостнического застоя, царствование Николая I (1825–1855) поражает внутренней противоречивостью: золотой век русской культуры — и вопиющее крепостничество; систематизация законов — и неприкрытый произвол власти; высокий международный престиж — и позорный разгром в Крымской войне.

Эти противоречия уживались даже в казавшейся монолитной фигуре императора — статного красавца, от грозного взора которого, бывало, старые служаки падали в обморок. Николай называл себя "солдатом в душе", демонстративно спал в Зимнем дворце на походной кровати и называл государство по-военному: "моя команда". Но он, кажется, был вторым — после Петра I — "правителем-технарем", который понимал и ценил практические знания и техническое образование: именно при нем были основаны Технологический институт в Петербурге (1828) и Техническое училище в Москве (1830), Институт гражданских инженеров (1842), Межевой институт (1844), Лесной институт (1848). В 1833 г. Николай по случаю открытия промышленной выставки пригласил ее участников на обед в Зимний дворец и провозгласил тост "за здоровье московских фабрикантов и всей мануфактурной промышленности". В 20–30-е гг. XIX в. для российского купечества стали издаваться "Коммерческая газета", "Журнал мануфактур и торговли".

Император не раз провозглашал, что "революция на пороге России, но не проникнет в нее, пока в нем сохранится дыхание жизни". Однако как раз при Николае в России незаметно началась другая, научно-техническая революция, или промышленный переворот — переход от мануфактуры с ручным трудом к фабрике с системой машин. В 1834–1835 гг. на заводе в Нижнем Тагиле была построена первая в России железная дорога и паровоз мастеров Черепановых. В 1843 г. была проложена первая телеграфная линия между Петербургом

и Царским Селом. По Волге пошли пароходы общества "Меркурий" (в будущем — "Кавказ и Меркурий").

По мнению некоторых историков, этот процесс начался в 30-е гг. XIX в., другие относят его к середине столетия. Но так или иначе, к 1860 г. в России было уже 423 фабрики, в том числе были основаны первые машиностроительные заводы. Появились и новые промышленные центры: быстро рос Петербург, село Иваново, где уже действовало 125 ситценабивных и бумаготкацких фабрик, стало в 1853 г. городом. С 1801 по 1860 г. обороты русской внешней торговли выросли в три раза. На первые места в российском импорте выходили хлопок, красители, машины и станки. Таможенные тарифы второй четверти XIX в. неизменно носили протекционистский характер — защищали отечественного производителя.

"Дух времени" постепенно менял привычный уклад жизни, прежде всего в больших городах. В 40-х гг. XIX в. появился первый общественный транспорт на конной тяге — дилижансы на 10–12 человек и более вместительные омнибусы, пассажиров которых остряки окрестили "40 мучениками". На городских окраинах появились первые фабричные корпуса, на главных улицах — магазины, приходившие на смену лавкам и ярмаркам, средоточием "модной торговли" стал в Москве Кузнецкий мост. Россияне стали покупать отечественные спички и класть в чай свекловичный сахар, переставший быть экзотическим "колониальным товаром".

В начале 50-х гг. XIX в. в Санкт-Петербурге открывалось ежегодно по три новых гостиницы, предназначенные для деловых людей и приличных "вояжиров". Для таких же солидных горожан в 1841 г. "высочайше разрешено" учредить новые заведения под названием "кафе-ресторант" с продажей "чая, кофе, шоколада, глинтвейна, конфектов и разного пирожного, бульона, бифштекса и других припасов, потребных для легких закусок". Посетители имели возможность почитать российские и иностранные (естественно, дозволенные правительством) газеты, а также сыграть в бильярд, кегли, домино и шахматы. Открылись фешенебельные "ресторации", которые считались уровнем выше прочих заведений: они предлагали посетителям иностранную кухню и вина; входить туда могли только лица "в пристойной одежде и наружной благовидности", правда, за исключением женщин, вход которым в такие заведения был запрещен.

Появились городские общественные банки (в Вологде, Осташкове, Иркутске), биржи (в Одессе, Варшаве, Москве) для оптовой продажи промышленных и сельскохозяйственных товаров. В 1827 г. возникло Первое Российское страховое от огня общество. В 1836 г. появился

первый закон об акционерных обществах. В 1842 г. открылись первые сберегательные кассы. В круг новых интересов втягивается и дворянство. Так, управляющий знаменитым Третьим отделением "собственной его императорского величества канцелярии" Л. В. Дубельт одновременно состоял пайщиком сибирской золотопромышленной компании, а его шеф А. Х. Бенкендорф — членом правления страхового общества в Петербурге, и они, надо полагать, были весьма заинтересованы в таких акционерах.

С началом промышленного переворота и хозяйственного подъема появились новые общественные группы, которым не находилось места в старом сословном делении, — буржуазия, научная и техническая интеллигенция, частнопрактикующие врачи, юристы, служащие, мелкие предприниматели и торговцы. Правительство должно было учитывать эту реальность. С 1818 г. крестьяне могли свободно заводить фабрики в деревнях, где часто и возникали новые производства вблизи сырья и дешевых рабочих рук. В 1827 г. неслужащим дворянам разрешили "записываться" в купеческие гильдии, а ведь полувеком ранее Екатерина II искренне считала таких дворян сумасшедшими. Появились первые законы о рабочих и о проститутках, существование которых пришлось официально регламентировать. Манифест 1832 г. устанавливал новое городское сословие свободных от подушной подати и телесных наказаний "почетных граждан", куда включались предприниматели из купечества, служащие, дипломированные специалисты, ученые, художники. Заодно в 1845–1847 гг. от порки были освобождены мещане, окончившие гимназии и высшие учебные заведения лица непривилегированных сословий и... русские писатели.

Попытки включить нарождавшиеся новые общественные слои в жесткую сословную структуру были относительно удачными, так как они еще не представляли общественной силы — на 72 млн населения в николаевской России приходилось всего 22 тыс. почетных граждан. Круг интересов российского третьего сословия был еще весьма ограниченным.

> 1840 год. Господи благословил меня, перешедшего из 40-ка летнего мещанского сословия ныне на наступающей 1841 год в чухломские 3-й гильдии купцы...
> 1841 год. Февраля 4-го дня во вторник на масляной продано из лавки товару 1068 руб. 29 коп., более всех прочих годов. Потому, что у нас ныне крупный сухой судак был почти у одних, коего куплено к масляной 150 пудов, стерлядей осталось на великий пост не более 12 пуд. 14 фунт., судаков сухих не более 50 пудов с мелкими, коих было и означенных 150-ти

пудов еще мелких 60 пудов. Итого вышло перед масляной и на масляной рыбы, судаков сухих, 160 пуд, стерлядей 80 пуд, севрюги коренной 76 пуд, малосольной, 24 пуд. 38 фунт. Судаков свежих, 15 пудов. А без меня 15 числа января в четерток был выбран я городским обществом в городские головы, которое почтило выбором.

(Памятная книга города Чухломы мещанина Ивана Васильевича Июдина, с 1841 года купца, содержащая на 50 листе рождения детей и разные для его и семейства его прошедшие случаи и достопамятные дела и мысли, к склонности его ума относящиеся // Губернский дом. Кострома, 2001. № 3. С. 36)

25 Октября. Был на вечеринке у Пелагеи Семеновны по зову, где было много хорошеньких нимфочек, с коими танцовали, веселились и шутили; и я очень был весел, потому что прежде были в желтом доме, где полдюжины осушили залихватского пива. На вечеринке ж были недолго, потому, что время нас призывало в желтый дом, где у нас удовольствия рекою протекали; но, однако, мы все осушили, т. е. две бутылки цымлянского и 5 бут. меду. Но я остался чист, т. е. не проиграл ни копейки. На вечеринке ж кто то еще при нас выбил стекла и чуть-чуть не ушиб милых существ.

(Дневник опочецкого обывателя Ивана Игнатьевича Лапина, веденный с 1817 по 1836 гг. // Труды Псковского археологического общества. Псков. 1915. Вып. 11. С. 69)

Российский обыватель в меру наживался и веселился, почитывая романы Загоскина и Фаддея Булгарина. Но в сфере технического прогресса Россия стала утрачивать завоеванные в XVIII в. позиции. По производству железа в результате промышленной революции Англия в начале XIX в. (250 тыс. тонн) оставила Россию далеко позади (160 тыс. тонн) и вытеснила ее с мировых рынков. К 1860 г., несмотря на все успехи, общий объем промышленной продукции России составлял 1,7% мирового производства и уступал той же Англии в 18 раз. Войну 1812–1815 гг. Россия и Франция вели одинаковым оружием, однако уже к середине века Англия и Франция обладали качественно новым паровым флотом и нарезными винтовками; в России же при колоссальных расходах на армию (в мирное время — 40–50% бюджета) на создание новых видов оружия тратилось только 3% от этой суммы.

В военно-технической сфере количественный и качественный рост производства тормозился системой казенных заказов и дотаций отсталым уральским заводам. Развитию других отраслей при очевидном

преимуществе вольнонаемного труда (его производительность была в 2–3 раза выше подневольного) препятствовал весь крепостнический уклад империи. "Новые русские", то есть в ту пору крепостные предприниматели (Морозовы, Прохоровы) вынуждены были скрывать свои капиталы, заключать сделки через подставных лиц, "откупаться" от рекрутской повинности, при этом находясь в полной зависимости от барина. Система паспортов и отпускных "билетов" мешала формированию рынка рабочей силы, да и барин в любое время мог вернуть своих отходников; так что пришлось издавать специальный закон 1835 г., запрещавший помещикам отзывать их крепостных до истечения срока договора с владельцами фабрик. В то время случались анекдотические ситуации, когда крепостной "фабрикант" на свое предприятие, юридически принадлежавшее барину, нанимал крепостных односельчан (зарплату они отдавали помещику в качестве оброка), а своего барина "устраивал на работу" в качестве надсмотрщика за собственными крепостными, сам при этом оставаясь его собственностью. На казенном языке учебников это в советское время называлось "несоответствием производительных сил производственным отношениям".

"Крестьянский вопрос"

Российский барин находился, как правило, на службе, но помимо жалованья получал доход от имения в виде оброка (более характерного для Нечерноземья), барщины (на плодородных землях) или их сочетания. В большинстве случаев хозяйством повседневно он не занимался — на то были управители и старосты, — но и расходов не нес, ведь труд крепостных был даровым. Увеличивались посевные площади за счет освоения районов Южной Украины и Северного Кавказа. Появились новые культуры: картофель, подсолнечник, сахарная свекла. С 20 до 70 миллионов пудов вырос экспорт хлеба, увеличился его оборот на внутреннем рынке — ввоз сельскохозяйственной продукции в Москву возрос в первой половине века в пять раз. В нечерноземных губерниях начался массовый отход на промыслы и заработки: в "отходниках" к середине XIX в. числилось 1300 тыс. крестьян.

Как известно, 18-летний Евгений Онегин "был глубокий эконом" и хорошо знал, что основу национального богатства составляет не "золото", а "простой продукт" сельского хозяйства. Но "Отец понять его не смог / И земли отдавал в залог". Роман Пушкина не случайно назван "энциклопедией русской жизни". Быт светского человека в столице (ресторан, театр, бал, роскошный кабинет, "в последнем вкусе

туалет", модная стрижка, заботы иностранцев-гувернеров, содержание дома, слуг, лошадей для выезда) неизбежно требовал постоянных и значительных расходов. Для этого "простой продукт" из вотчины надо было реализовать на рынке. Но трудно представить Онегина интересующимся ценами на рожь на бирже или Пьера Безухова в компании Анатоля Курагина торгующим свеклой или водкой. Только немногие хозяева пытались заниматься агрономией и покупали первые сельскохозяйственные машины. Но интенсификация крепостного хозяйства наталкивалась на незаинтересованность крепостных в более производительном труде.

Большинство помещиков предпочитали идти простым путем: повышали денежные оброки (в имениях графа Воронцова они возросли в 5–6 раз, у князя Юсупова — в 19 раз) и увеличивали барщину до 5–6 десятин на крестьянский двор. Расширение барской запашки и увеличение повинностей давали кратковременный эффект, но в итоге разоряли и крестьян, и самого помещика. Приходилось делать займы у "процентщиков" или, как отец Онегина, "жить долгами", то есть закладывать земли и крестьян в Государственный заемный банк или Опекунский совет. Так поступил и помещик Александр Сергеевич Пушкин: в 1831 г. перед свадьбой с Натальей Николаевной Гончаровой он заложил свое село Кистенево с двумя сотнями душ за 40 тыс. рублей.

Предполагалось, что на полученные средства помещик улучшал свое хозяйство, но на деле он, как родитель Евгения Онегина, "давал три бала ежегодно / И промотался наконец", в результате чего сын отказался от обремененного долгами наследства. Онегину еще повезло — досталось имение дяди, другим приходилось рассчитываться с долгами. "Левочка, неужели и теперь будет у тебя выходить по 1000 рублей серебром в месяц?.. Уж конечно ты бы убавил лошадей и людей... Сколько ты получил и сколько уплатил из долгов своих?" — переживала жена жандармского генерала Л. В. Дубельта. А Дубельт, помимо акций и немалого жалованья, был еще и владельцем 2 тыс. душ. 70% российских помещиков были мелкопоместными (до 20 душ), как Н. В. Гоголь и герои его "Мертвых душ", и "жить по-дворянски" им было еще сложнее.

К концу дореформенной эпохи помещики заложили 7,1 млн душ, то есть 65% всех помещичьих крестьян в России. "Бизнес" Павла Ивановича Чичикова как раз и состоял в том, чтобы таким образом выручить по 40–60 рублей за каждую почти даром доставшуюся ему "мертвую душу".

В начале николаевской эпохи правительство задумалось над решением "крестьянского вопроса", чему способствовали и крестьянские волнения: мужики верили, что новый государь после коронации пе-

реведет их в казенное ведомство с "прощением" всех государственных податей, а "посему больше работать и платить помещикам оброков не следует". Сам Николай искренне хотел отменить крепостное право, называл его "злом" и, показывая на тома собранных им материалов по этому вопросу, говорил, что собирается "вести процесс против крепостного права". Он еще в 1827 г. предложил "составить проект закона для прекращения личной продажи людей". Но здесь российский самодержец впервые столкнулся с почтительной, но жесткой оппозицией своих слуг. Члены Государственного совета указали монарху, что "существующая в России система крепостничества тесно связана со всеми частями государственного тела: правительственной, кредитной, финансовой, права собственности и права наследственного". Поэтому, признавая совершенно необходимым создание нового закона о состояниях, они считали наиболее правильным не спешить и поручить анализ имеющихся материалов и подготовку проекта закона особому комитету.

Началась неспешная подготовка проектов, которые долго путешествовали по высоким инстанциям. Они даже посылались в Варшаву к великому князю Константину, полагавшему, что крепостное право является "заповедным наследством... древнего порядка главных состояний" и тесно связано с "твердостию" государственного строя. Вследствие этого, с его точки зрения, все преобразования следует "отдать на суд времени". Затянувшиеся дискуссии в Департаменте законов и Общем собрании Государственного совета закончились только в 1833 г. Николай I подписал указ о запрещении продажи помещичьих крестьян без земли и дворовых за частные долги их владельцев и запрете разделения семей — с разрешающими это делать оговорками: при передаче по наследству, в качестве дара или приданого.

В дальнейшем ситуация повторялась неоднократно. Для решения "заколдованного" крестьянского вопроса последовательно создавались девять "секретных комитетов" из высших чиновников. Итогом была реформа управления государственными крестьянами 1837–1841 гг.: над волостным крестьянским самоуправлением были поставлены губернские палаты и Министерство государственных имуществ. Крестьянам было передано 5 млн десятин земли, для них создавались на случаи неурожая "хлебные магазины" — склады и вводились принудительные посевы картошки, что вызвало "картофельные бунты" на Урале и в Поволжье. Но по отношению к крепостным правительство ограничивалось полумерами: запрещено было продавать крестьян без семьи; они получили право выкупаться на свободу при продаже имения с торгов, приобретать недвижимую собственность с согласия помещиков.

Почему же назревшие и частично даже подготовленные реформы ни при "либеральном" Александре I, ни при консерваторе Николае I так и не были осуществлены? Александр I не случайно говорил об отсутствии "деловых людей": в среде высшей бюрократии не более десятка человек сочувствовали реформам, остальные — около 700 — им активно сопротивлялись. Чиновники, реально имевшие власть (министры, губернаторы, директора департаментов, высшее военное начальство), — потомственные дворяне, крупные и средние землевладельцы совершенно не стремились к радикальной перестройке и больше всего боялись, что она может вызвать социальные потрясения. Их настроения отразил крупный чиновник Модест Корф: "...не трогать ни части, ни целого; так мы, может быть, более проживем". Попытки преобразований тонули в недрах секретных комитетов, состоявших из тех же сановников.

> Речь Николая I в заседании Государственного совета 30 марта 1842 г.:
> "Но если нынешнее положение таково, что оно не может продолжаться, и если вместе с тем и решительные к прекращению его способы также невозможны без общего потрясения, то необходимо, по крайней мере, приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей и, не устрашаясь перед всякой переменой, хладнокровно обсудить ее пользу и последствия. Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу к переходному состоянию, а с ним связать ненарушимое охранение вотчинной собственности на землю".

На министров можно было и прикрикнуть — Николай умел это делать. Однако он сам не мог просто перешагнуть через интересы дворянства — и это заставляло его откладывать решительные меры в отношении крепостного права. К тому же к реформам не была готова большая часть дворян. Молодой Александр Герцен и его друзья-студенты стыдились карательной политики царизма: "Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неуспехам поляков..." Но за спорами западников и славянофилов в столичных салонах, предлагавших свои — весьма различные — пути либерализации существовавшего строя, стояла масса "героев своего времени", не представлявших себе иной жизни и иных порядков.

Вдали от столицы интеллектуальные споры заменялись более простыми развлечениями, которые потом вспоминали люди николаевской эпохи: "...ездили друг к другу в гости по грязи верхом на обывателях из евреев, стреляли в них клюквой, провинившемуся перед ними статскому мазали лицо горчицей или заставляли выпить смесь вина с пивом, уксусом и елеем".

Утром от нечего делать идем (не по службе) в манеж смотреть смены. Из манежа отправляемся на квартиру эскадронного командира. Там на столе уже приготовлены кильки, доставленные полковым маркитантом Мошкой, ветчина туземного изготовления, яйца и очень объемистый графин водки, настоенной на каких-нибудь корках. Любезный хозяин, приглашая гостей закусить, говорит немецкую пословицу, которая гласит, что один шнапс это не шнапс, два шнапса также не шнапс и только три шнапса составляют полшнапса. Молодежь, слушая такие остроумные речи, поучается, и графин опоражнивается живо. Так проходит время обеда. Ровно в два часа денщик ставит на стол борщ из курицы, потом дает рубленые котлеты и неизбежные сырники или блинчики. Гости кушают с большим аппетитом, то и дело прикладываясь к графину. После сытного обеда является потребность отдохновения. Все расходятся по квартирам до чая; вечером снова идут к эскадронному командиру. Там устроивается пулька в преферанс... Молодежь группируется около другого столика, на котором красуется объемистая баклага белого рома. Разговоры идут, разумеется, о "бердичевских временах", когда существовали гусарские дивизии, молодецких попойках, шалостях, лихих атаках, дуэлях и т. д. <...> М. рассказывал, в чем заключается игра в кукушку. Гусары бросали жребий: кому быть стрелком, кому кукушками. Стрелок становился среди темной комнаты с заряженным пистолетом в руках, остальные крались по стенам и кричали "куку". При этом слове раздавался выстрел, но представлявший кукушку, крикнув "куку", спешил перебегать на другое место; таким образом, несчастные случаи бывали редко, а если они случались, то их относили к простой неосторожности и дело кончалось ничем. Так изумительно однообразно проходили наши дни. Читать книги или газеты не было в обыкновении.

(Попов Н. А. Воспоминания кавалериста // Исторический вестник. 1891. № 11. С. 370–379)

Мнение большинства выразил Н. М. Карамзин, используя аргументы из теорий "века Просвещения". В статье 1802 г. "Приятные виды, надежды и желания нашего времени" он писал: "Чужестранные писатели, которые непрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы, удивились бы, если бы могли видеть их возрастающую промышленность и богатства многих так называемых "рабов"... Просвещение истребляет "злоупотребления" господской власти, которая по нашим законам не есть тиранская и неограниченная. Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданском отношении, помощником в бедствиях случая и натуры — вот его обязанность! За это требует от них половины рабочих недель —

его право!" Основная масса провинциального дворянства считала так и в середине XIX в.

Шаги к катастрофе

Вначале на Николая возлагались в обществе большие надежды. Лучшие умы России, и Пушкин в том числе, сравнивали его с Петром. "Ничтожности... замыслов и средств" декабристов Пушкин противопоставлял просвещение нации, прогресс, осуществляемые "сверху", утверждал идею созидательной роли императорской власти в России и ее программу: "Правительство действует или намерено действовать в смысле европейского Просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы", — писал он в 1830 г. По мысли поэта, "просвещенная свобода" включала сотрудничество с правительством и личную инициативу дворянства в создании гражданского общества. Его условиями должны были стать "семейственная неприкосновенность" и "гласность", благодаря которым "образуется и уважение к личной чести гражданина, и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов".

Так предполагалось совместить ценности западного Просвещения и либерализма с отечественной политической реальностью. Получилось иначе. Николай был достаточно осторожен и умен, чтобы игнорировать проявившееся в 1825 г. общественное движение или не замечать недостатков в работе государственной машины. Он даже приказал составить резюме допросов своих "друзей 14 декабря" с критикой существовавших порядков, так называемый "Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства"; часто просматривал его и находил "много дельного". Эти материалы даны были в наставление комитету, учрежденному 6 декабря 1826 г., чтобы он мог "извлечь из сих сведений возможную пользу при трудах своих", суть которых царь видел в том, чтобы выяснить, "что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить".

Так, Сенат предполагалось разделить на Сенат судебный и Сенат правительствующий; предлагались меры по усилению контроля за деятельностью местных органов, по ограждению дворянского сословия "от неприятного ему и вредного государству прилива разночинцев". Помимо Комитета 6 декабря была создана Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Ее Николай превратил в особый высший орган власти, стоявший над всем государственным аппаратом

и позволявший монарху контролировать его и вмешиваться в решение любых дел.

Первое отделение канцелярии стало всероссийским "отделом кадров": здесь были сосредоточены дела по определению на службу, производству в чины, перемещению и увольнению всех чиновников империи. Сам Николай заявлял: "Я желаю знать всех моих чиновников, как я знаю всех офицеров моей армии".

Второму отделению была поручена задача систематизации законов, впервые после Соборного уложения 1649 г. успешно завершенная. В результате появились "Полное собрание законов Российской империи" и включавший только действовавшие нормы "Свод законов" (1833), использовавшиеся с изменениями и дополнениями до 1917 г. Новый свод должен был юридически закрепить основы государственного и общественного строя России. Появился и первый в России уголовный кодекс — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Третье, наиболее известное отделение представляло собой политическую полицию со своим исполнительным аппаратом — Отдельным корпусом жандармов (200 офицеров и 5 тыс. рядовых), части которого были размещены по жандармским округам. В сферу ведения "высшей полиции" входил широкий круг вопросов — от контрразведки до театральной цензуры и должностных преступлений чиновников. По замыслу создателей, Третье отделение должно было стать не тайным обществом шпионов, а официальным и "всеми уважаемым" органом верховной власти и надзора. Поэтому на службу туда приглашали и бывшего декабриста генерала М. Ф. Орлова, и самого Пушкина. Еще одной задачей ведомства был сбор информации о положении в стране, настроениях различных классов и групп населения.

Четвертое отделение ведало женскими учебными заведениями и системой социального обеспечения — воспитательными домами, больницами, инвалидными и странноприимными домами. Ему же подчинялись кредитные учреждения (ссудные и сохранные казны), выдававшие займы помещикам под залог их имений.

Пятое отделение проводило реформу управления государственными крестьянами, а Шестое отделение занималось созданием системы управления на самой беспокойной окраине — Кавказе.

Стиль царствования задавал император. В первом часу дня, невзирая на погоду, он отправлялся, если не было назначено военного учения, смотра или парада, инспектировать учебные заведения, казармы и прочие "присутственные места". Во время таких визитов царь вникал во все подробности и никогда не покидал учреждения без замечаний, а то и грозных разносов нерадивым чиновникам. Он полагал, что

в России чиновников “более чем требуется для успеха службы” и “весьма многие [из них] остаются праздными, считаясь для одной формы на службе, шатаясь по гуляньям и в публичных местах от праздности...”.

Внезапно появившийся из-за угла царь мог “подловить” небрежно несущего караульную службу часового, а то и лично пресечь нарушение порядка. “Соскочить немедленно из саней; вбежать самому в кабак, вытолкать оттуда, собственноручно, провинившихся; по возвращении во дворец послать за кн. Меншиковым и военным генерал-губернатором — все это было для государя делом минутной решимости”, — восхищался барон Корф поимкой Николаем двух загулявших матросов, которые безуспешно пытались скрыться от бдительного царского глаза в питейном заведении.

Николай искренне боролся со злоупотреблениями. Но, похоже, он не представлял себе, что это можно делать иначе, чем усилением начальственного контроля; что возможно устройство общества без повседневной и всепроникающей государственной опеки. Царь верил в то, что можно раз и навсегда навести идеальный порядок, но только путем назначения строгих начальников, создания новых министерств и ведомств, секретных комитетов.

Образцом идеально устроенного общества для него являлась армия: “Здесь порядок, строгая безусловная законность (царь имел в виду параграфы воинского устава. — *Прим. авт.*), никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого”. Поэтому при Николае I половина министров, членов Государственного совета и губернаторов были генералами, даже обер-прокурором Синода был назначен гусарский полковник. Целые отрасли управления получили военное устройство: горное и лесное ведомства, сеть путей сообщений. В каждом губернском городе был расположен батальон Корпуса внутренней стражи для охраны тюрем, арестантов и водворения “тишины и спокойствия”. Одновременно Николай стремился сохранить дворянский характер высшей гражданской бюрократии и офицерского корпуса, поэтому в 1845 г. право на получение потомственного дворянства стало даваться только с VI класса Табели о рангах (чина полковника). Был запрещен прием на государственную службу лиц из податных сословий.

Кроме того, Николай оставлял за собой право на решение любого дела и тратил время на то, чтобы вникать в мелочи повседневности, вплоть до покроя платьев придворных дам. Регламентировался повседневный быт: запрещалось курить на улицах, высочайше предписывались прически для служащих и офицеров и маскарадные костюмы. Даже для чинов полиции была разработана особая инструкция с перечнем состояния задержанных гуляк: “бесчувственный, растерзан-

ный и дикий, буйно пьяный, просто пьяный, веселый, почти трезвый, жаждущий опохмелиться...” Светская и духовная цензура искореняла любые проявления вольномыслия; в газетах и журналах той поры не упоминалась, вероятно, половина известных нам по всем учебникам событий той поры: голодные годы, массовые эпидемии холеры (от нее только в 1848 г. умерло 668 тыс. человек), восстания в России и революции в странах Европы. Борьба с вольномыслием логично завершилась циркуляром министра внутренних дел 1854 г., категорически запретившим печатные “похвалы и одобрения действиям и намерениям его императорского величества”, чтобы никто не подумал о самой возможности неодобрения.

Императора, несомненно, всю жизнь одолевала подозрительность по отношению к тому самому просвещенному дворянству, роль которого в создании гражданского общества подчеркивал Пушкин. Ведь 14 декабря Николай I столкнулся не с мирными реформаторами, а с военным заговором, имевшим целью “истребление императорской фамилии”. Царские опасения умело использовали казенные патриоты, демонстрировавшие преданность в сочетании с отсутствием вредных (и вообще каких-либо чуждых начальству) идей и изящными доносами на излишне самостоятельных и вольно мыслящих.

> Все, что есть дерзкого, буйного, вольнодумного, революционного между молодыми людьми, покровительствуется партией Карамзина и Муравьева, и, к удивлению всех, от вступления на престол императора Николая юноши, которые даже в своем кругу почитались дерзкими и опасными, получили в два, три года по несколько чинов и орденов и заняли важные места...
>
> Правительство, будучи всегда окружено этими людьми и веря в усердие, в благодарность за милости, никогда не обращало внимания на то, чтобы противодействовать влиянию партии на общее мнение и, напротив, увлеклось духом сей партии. Она ныне известна под именем патриотов. Правительство ищет только тайных обществ. Но их не будет более. Форма действий общества изменилась, и оно действует явно, открыто к овладению общественным мнением и всеми важными местами.. Символом веры членов сей партии есть, что русское дворянство столь же зрело к свободным формам правления, как и французы, что мужики русские умнее и смышленее французских и достойны быть свободными”, — пугал царя в 1830 г. Фаддей Булгарин в одной из своих многочисленных записок в Третье отделение.
>
> (Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в Третье Отделение. М., 1998. С. 393–394)

Итоги были печальны. “Говоря совершенно откровенно, и я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большей части государственных мер, принимавшихся в царствование Николая, преобладала полицейская точка зрения, то есть забота о сохранении порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати. Даже в деле военном, которым император занимался с таким страстным увлечением, преобладала та же забота о порядке и дисциплине: гонялись не за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантическим соблюдением бесчисленных, мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух”, — такую оценку николаевской эпохе дал историк и военный министр при Александре II Дмитрий Милютин. “Социальный заказ” давал и соответствующих исполнителей.

> Шагистику всю и фрунтовистику, как есть, поглотил целиком! Бывало, церемониальным маршем перед начальством проходишь, так все до одной жилки в теле почтение ему выражают, а о правильности темпа в шаге, о плавности поворота глаз направо, налево, о бодрости вида — и говорить нечего! Идешь это перед ротой, точно одно туловище с ногами вперед идет, а глаза-то так от генерала и не отрываются! Сам-то все вперед идешь, а лицом-то все на него глядишь. Со стороны посмотреть, истинно думаю, должно было казаться, что голова на затылке. А нынче что? Ну кто нынче ухитрится ногу с носком в прямую линию горизонтально так вытянуть, что носок так тебе и выражает, что вот, мол, до последней капли крови готов за царя и Отечество живот положить!
>
> (Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001. С. 122)

Польское восстание явно ускорило конец Комитета 6 декабря: формально он прекратил свою деятельность в начале 1832 г. Создание системы ведомств привело к увеличению числа чиновников к середине XIX в. в пять раз (с 15 до 74 тыс. человек). При этом все решения принимались в центре — в министерствах и главных управлениях. Например, постройка в любом городе России двухэтажного дома с числом окон более семи требовала утверждения проекта в Петербурге самим императором.

Максимальная централизация управления и бюрократический контроль оказались неэффективными: владеющий информацией на месте чиновник не мог принять решение, а министр или император не могли знать существа дела, знакомясь с ним только по чиновничьим докладам. Даже во время Крымской войны Николай I из Петербурга отдавал приказы полкам и батальонам, стоявшим под Севастополем. Разросшийся аппарат был некомпетентным и неповоротливым, порождал огромную переписку и коррупцию.

"Всеподданнейшие отчеты" Третьего отделения не могли порадовать царя состоянием дел: Министерство юстиции — "учреждение, где посредством денег всякая неправда делается правдою"; морской министр Моллер — "вор"; министр внутренних дел Закревский — "деятелен и враг хищений, но совершенный невежда"; министр народного просвещения Ливен — "неспособен к управлению, не имеет достаточно просвещения". А чиновничество в целом жандармы характеризовали так: "Хищения, подлоги, превратное толкование законов — вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят... так как им известны все тонкости бюрократической системы". Даже в любимом Николаем военном ведомстве двое из каждых пяти рекрутов умирали не от ран, а от болезней, а ушлые чиновники ухитрились разворовать весь пенсионный фонд для инвалидов войны.

Ставка на ревностных исполнителей привела к тому, что среди бюрократии второй четверти XIX в. умные и образованные администраторы были редкостью. Костромской губернатор, генерал-майор И. В. Каменский, получил прозвище Иван Грозный, за то что выбил зубы своему правителю канцелярии, и был смещен после избиения вице-губернатора. Нижегородский губернатор В. И. Кривцов регулярно колотил ямщиков и станционных смотрителей за "медленную езду", а собственных подчиненных аттестовал "скотами, ослами, телятами".

Прочее местное начальство в невероятных размерах брало взятки и совершало всевозможные злоупотребления. Когда же являлись ревизоры из Петербурга, то порой приходилось отрешать от должности чиновников поголовно или признавать невозможность расследования. Так, дела курской гражданской палаты перед сенатской ревизией в 1850 г. специально были потоплены в реке. Чиновники откровенно смотрели на службу как на "кормление"; интересы больших и маленьких столоначальников сосредоточивались исключительно на служебных наградах и перемещениях, картах, вечеринках с музыкой, танцами, попойками, чтением романов Поля де Кока.

1 января 1827 г. в Таврическом дворце был устроен бал, где восторг вызвали платья императрицы и ее придворных дам, одетых в древне-

русские сарафаны и кокошники. Император мечтал о национальном стиле в жизни и архитектуре, который призван был объединить народ вокруг государя и предотвратить брожение умов. Молодой архитектор К. Тон представил на конкурс проект гигантского храма — памятника Отечественной войне 1812 г. в новом стиле — смеси древнерусского с византийским — и стал победителем.

В театре и в печати восхвалялась сила русского оружия. Краеугольным камнем идеологии николаевского царствования стала мысль о превосходстве православной и самодержавной России над "гибнущим Западом". Эта мысль лежала в основе доклада Николаю I министра народного просвещения С. С. Уварова, где провозглашалась официальная доктрина царствования: православие ("искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть"), самодержавие ("самодержавие составляет главное условие политического существования России") и народность ("довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий"), определение которых свелось к терпению и послушанию властям.

В 1839 г. вышел официальный учебник истории Н. Г. Устрялова. Его автор осмелился спорить с непререкаемым авторитетом Н. М. Карамзина, который выделял особые периоды древней, средней и новой русской истории. Устрялов же доказывал, что никакой "средней" истории не было и никаких принципиальных изменений при Иване III не произошло. Россия перешла из древней сразу в новую историю и не знала никакого феодализма — "европейского зла". Карамзин оплакивал гибель самодержавия в эпоху раздробленности; Устрялов видел только "конфедерацию самодержцев", принадлежавших к одному роду, что и соединяло все части русской земли в одно целое.

Патриотические драмы Нестора Кукольника, такие как "Рука всевышнего отечество спасла" или "Прокопий Ляпунов", собирали аншлаги. Но они были еще вполне художественными по сравнению с "сибирской сказкой" Н. А. Полевого "Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами с пением и танцами". В ней одна русская баба "побивает ухватом и кочергою 60 тыс. китайцев, которые все представлены трусами, дураками и шутами... В первом акте есть превосходное место о достоинстве русского кулака, которому много и крепко рукоплескали зрители".

Достоинства скоро воплотились на практике: в 1849 г. Николай I послал русскую армию на подавление национально-освободительного движения в Венгрии. Военное могущество скоро привело к захва-

тывающим дух проектам. “Россия защищает не собственные интересы, а великий принцип власти... Но если власть (на Западе) окажется неспособной к дальнейшему существованию, Россия будет обязана во имя того же принципа взять власть в свои руки”, — прогнозировал поэт и дипломат Ф. И. Тютчев. Лишь два факта, по его мнению, могут “открыть Европе новую эру. Эти два факта суть: 1) окончательное образование великой православной Империи, законной Империи Востока, одним словом, России будущего, осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя; 2) воссоединение двух церквей, восточной и западной. Эти два факта, по правде сказать, составляют один: православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима; православный папа в Риме, подданный императора”.

Весной 1853 г. Николай уже был уверен: “Думаю, что сильная экспедиция, с помощью флота, прямо в Босфор и Царьград, может решить дело весьма скоро. Ежели флот в состоянии поднять в один раз 16 тыс. человек с 32 полевыми орудиями, при двух сотнях казаков, то сего достаточно, чтобы при неожиданном появлении не только овладеть Босфором, но и самим Царьградом”.

Но к большой европейской войне Россия не подготовилась совершенно — ни в военном, ни в финансовом отношении. Проведенная в 1839 г. министром финансов Е. Ф. Канкриным денежная реформа ввела твердый курс бумажных денег: соотношение серебра и кредитных билетов было установлено как 1:3,5. Но огромные военные расходы привели к тому, что в 1849 г. Николай лично сфальсифицировал бюджет и скрыл от своего Государственного совета дефицит в 38,5 млн рублей. Великая империя на деле уже была неспособна воевать без иностранных займов (1828, 1831, 1832, 1840, 1842, 1849, 1854) у голландских, немецких и английских банкиров.

Амбиции Николая I скоро привели к войне. В 1853 г. император обратился к английскому послу в Петербурге с предложением о разделе Турции: под протекторат России должны были перейти Валахия, Сербия и Болгария, а англичане получали бы Египет. После отказа Англии Николай I был все же настолько уверен в своих силах, что ввел войска в Дунайские княжества; он не понимал, что европейские державы не допустят расчленения Турции и утверждения русского господства над проливами и на Балканах. Русские дипломаты “прозевали” образование союза Англии и Франции и фактическое подключение к нему Австрии, которую русский император считал своей верной союзницей. В январе 1854 г. соединенный флот Англии и Франции вошел в Черное море, и Россия оказалась в международной изоляции;

Крымская война была проиграна еще до ее начала. Но что бы произошло, если бы Николай смог ее выиграть?

Подробнее на эту тему

Выскочков В. Л. *Император Николай I: человек и государь*. СПб., 2003.

Корнилов А. А. *Курс истории России XIX века*. М., 1993.

Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001.

Янов А. Л. *Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825–1921*. Новосибирск, 1999.

1860 Отступничество русского Галилеянина

10 октября 1860 г. собравшиеся в здании кадетского корпуса на Васильевском острове (бывший дворец А. Д. Меншикова) на очередное заседание члены Редакционных комиссий, заканчивавших подготовку окончательного проекта крестьянской реформы, нашли двери своей залы закрытыми. Комиссии были упразднены и дела их переданы Главному комитету по крестьянскому делу. Подготовку великой реформы передали из рук приглашенных правительством экспертов, "сведущих людей" из общества — "свободного совещательного элемента", по точному выражению одного из лидеров комиссий, высокопоставленным бюрократам. Первые были в основном либералами, стремившимися освободить крестьян на вполне приемлемых для них условиях, вторые — крепостниками и консерваторами, стоявшими на страже выгод помещиков.

Образованное русское общество в очередной раз было отстранено от участия в перемене судьбы своей собственной страны, что не могло не усилить и без того немалое его отчуждение от власти, трагически сказавшееся в финале царствования Александра II.

Справедливости ради надо заметить, что свой вклад в такой поворот событий внесли и сами либералы, убежденные, что в России государству как движителю прогресса альтернативы нет, а дворянство только осложняет дело борьбой за свои корыстные интересы.

Но и власть поступила недальновидно. Отказываясь от сотрудничества с либералами разных мастей, она усиливала революционный и консервативный лагери, влияние которых на судьбы страны могло быть (а в итоге и стало: первого — до 1881 г., второго — после) весьма опасным.

В феврале 1858 г., в третью годовщину правления царя-реформатора, неугомонный критик самодержавия, политический эмигрант Александр Герцен напечатал в "Колоколе" статью, где приветствовал Александра II словами: "Ты победил, Галилеянин!" Таковы были, если верить благочестивой христианской легенде, предсмертные слова римского императора Юлиана. Император получил прозвище Отступник, ибо всю жизнь свою боролся с христианством (считал его провинциальной "галилейской" ересью) и восстановил язычество в качестве официальной религии империи. Восклицание стало крылатой фразой, выражающей сознание смирения перед истиной, признание себя побежденным.

"Имя Александра II, — объяснялся в любви к императору Герцен, — отныне принадлежит истории... Начало освобождения крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут! Но из этого не следует, чтоб он мог безнаказанно остановиться". Александр остановился.

Реформа и революция

Классики отечественной исторической науки С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, описывая основные факторы российского исторического процесса, в качестве одного из важнейших выделяли "ход внешних событий". Действительно, изучая родную историю, трудно отделаться от мысли, что основные импульсы для своего развития мы получали и продолжаем получать извне. Достаточно вспомнить роль норманнов в процессе складывания древнерусского государства и ордынцев в образовании Московского государства, значение войны за балтийское побережье как движущей силы Петровских реформ и так далее вплоть до Горбачева и перестройки, вызванной в основном проигранной холодной войной. Как будто бы в огромном организме российской государственности отсутствует ген саморазвития, подменяемого постоянными "революциями сверху".

Реформы Александра II не были исключением из этого правила. Необходимость преобразований понимали и его отец, и дядя, но на коренные перемены решился именно сын (и племянник), известие о рождении которого, кстати, Александр I получил после произнесения

на открытии первого польского сейма в 1818 г. своей знаменитой "варшавской речи", обещавшей конституцию для России.

Решился только после страшной внешнеполитической катастрофы Крымской войны (1853–1856), показавшей вполне реальную угрозу потери Россией статуса великой европейской державы. Именно военное поражение и стало главной причиной взятого правительством курса на реформы. Как писал В. О. Ключевский, "хмурясь и робея, пережевывая одни и те же планы, из царствования в царствование отсрочивая вопрос малодушными попытками улучшения, не оправдывавшими громкого титула власти, довели дело к половине XIX века до того, что его разрешение стало требованием стихийной необходимости, особенно когда Севастополь ударил по застоявшимся умам".

Впервые после нарвской "конфузии" 1700 г. Россия потерпела столь унизительное поражение. Она сдала противнику героически оборонявшийся Севастополь, потеряла часть Бессарабии, военно-морские базы и военный флот на Черном море. Война обнажила колоссальное отставание страны, многочисленные пороки и упущения в военной и прочих сферах жизни огромной крепостной империи. Как вскоре после восшествия на трон писал сам Александр, "первое дело — нужно освободить крестьян, потому что здесь узел всех зол".

В настроении русского общества за годы войны тоже произошли разительные перемены. Оно как бы приходило в себя, распрямлялось после "чугунного катка" предшествовавшего царствования. Характерен разговор двух великих русских историков — С. М. Соловьева и Т. Н. Грановского, встретившихся на панихиде по Николаю I в университетской церкви Св. Татьяны. В своих записках Соловьев вспоминает: "Первое мое слово ему было: "Умер!" Он отвечал: "Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно то, как мы с вами живы". Живые заговорили, и приговор их был неутешителен. Даже такой апологет николаевского режима, как профессор Московского университета историк Михаил Погодин (один из столпов "официальной народности"), в 1856 г. в своих знаменитых "Историко-политических письмах" писал: "Прежняя система отжила свой век". Самообольщение насчет благодетельной особливости русского пути было развеяно. Даже Погодин вынужден был признать, что "нельзя жить в Европе и не участвовать в общем ее движении".

На втором месте среди причин Великих реформ, бесспорно, находится та, которую историки несколько поэтически окрестили как "призрак пугачевщины", то есть страх перед грядущим (в случае отказа от реформ) кровавым крестьянским восстанием. В марксистской литературе в духе теории классовой борьбы было принято трактовать

канун реформ как "революционную ситуацию", только по причине отсутствия "субъективного" фактора — партии, способной повести массы за собой, — не завершившуюся революцией. Массовое крестьянское движение будто бы вырвало у колеблющегося самодержавия реформы. Уже в советское время наиболее трезвые (и смелые) историки, например П. А. Зайончковский, сомневались в том, что незначительный рост крестьянских волнений накануне отмены крепостного права имел решающее значение. В скобках заметим, что внушительные цифры выступлений получались только в результате жульнического приплюсовывания к собственно социальным столкновениям эксцессов, связанных с "трезвенническим движением", когда крестьяне, озверевшие от злоупотреблений винных откупщиков, безбожно вздувавших цены на водку, громили кабаки. Позднейшие исследования подтвердили правоту скептиков. Действительно, угроза крестьянской войны была скорее потенциальной, чем реальной. Тот же Погодин предупреждал, что "Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев… на сторону к Маццини не перешатнется никто, а Стенька Разин — лишь кликни клич". Один из главных деятелей Великих реформ Николай Милютин в своей записке Александру II писал, что дальнейшее сохранение крепостного права и откладывание реформ в перспективе (лет через 10–15) могут привести к поголовному восстанию крестьян.

Это понимали наиболее дальновидные дворяне, и этим же царь пугал менее дальновидных. В своем выступлении перед представителями московского дворянства 30 марта 1856 г. император сказал: "Слухи носятся, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния... Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого; мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели "снизу" (в записи А. И. Левшина, товарища министра внутренних дел).

В этой немногословной речи уже содержатся главные элементы конструкции крестьянской реформы: инициатива, исходящая от верховной власти; навязывание царской воли русскому дворянству, не слишком сочувствовавшему реформаторским планам; стремление опередить пугавшее всех "движение снизу" (то есть крестьянское восстание); наконец, взгляд на освобождение крестьян как на вектор исторического развития XIX в.

Здесь ясно обозначается еще одна важная причина отмены крепостного права — личность самодержца, осуществившего ее вопреки своим убеждениям предреформенной поры (когда он по некоторым

вопросам был консервативнее своего отца). Действительно, император, по праву прозванный впоследствии Освободителем (ссыльных декабристов, русских крестьян и болгар от турецкого ига), стал реформатором не в силу своих воззрений, а как военный человек, осознавший уроки жестокого поражения, и как самодержец, превыше всего ставивший престиж и величие возглавляемой им империи. Определенную роль сыграли и свойства его характера — доброта, сердечность, восприимчивость к "гуманным идеям", привитые ему всей системой воспитания В. А. Жуковского (приглашенного Николаем в наставники к цесаревичу). По словам Л. Г. Захаровой, тонкого знатока эпохи Великих реформ, "не будучи реформатором по призванию, по темпераменту, Александр стал им в ответ на потребности времени как человек трезвого ума и доброй воли". Правда, такая характерная российская зависимость правительственного курса от личных качеств правителя несла и немалую опасность для этого курса в случае изменения расположения "ума и воли" монарха. Увы, эта угроза реализовалась, что привело к постепенному свертыванию реформ после 1866 г. и острому кризису 1879–1881 гг.

Разумеется, один император не смог бы провести огромную работу подготовки и проведения крестьянской и других реформ. Помощниками в этом деле для него стали, во-первых, русское образованное общество, интеллигенция, складывавшаяся в 1840-е гг. Из этой среды вышли, например, такие деятели Великих реформ, как Юрий Самарин, Константин Кавелин, Алексей Унковский. Во-вторых, либеральная бюрократия, формировавшаяся в Министерствах государственных имуществ, внутренних дел, юстиции, морском ведомстве, канцелярии Государственного совета — оазисах просвещенного либерализма, чудом уцелевших в недрах николаевского плац-парадного государственного аппарата. Оттуда вышли такие деятели реформ, как братья Милютины и Сергей Ланской. Либеральная бюрократия не была отгорожена от общественных сил страны, она формировалась в содружестве с либерально настроенными учеными, литераторами, педагогами и т. д. Они дружили, общались на заседаниях ученых обществ и в великосветских салонах, особенно в знаменитом своими участниками и дискуссиями салоне тетки царя, великой княгини Елены Павловны. Эта среда, которую американский исследователь Теренс Эммонс назвал "бюрократическим третьим сословием", создала одну из главных предпосылок реформ Александра II.

Павел Анненков писал о них: "Изящные демократические чиновники, круг молодежи из служилой и высокопоставленной дворянской знати, интересовавшейся политэкономическими теориями и мечтав-

шей благоустроить Россию посредством административных новшеств в европейском духе при сохранении самодержавия, дворянской собственности и сословного принципа". Девиз этой партии довольно точно выразил Константин Кавелин: "В России нет политического вопроса, а есть вопрос административный". В такой позиции, делавшей ставку на инициативную роль монархии и преобразования "сверху", были как свои сильные (прагматизм и привязка к отечественным реалиям), так и слабые (незавершенность и половинчатость результатов) стороны, проявившиеся в ходе воплощения реформ в жизнь.

Сложным и спорным является вопрос о социально-экономических предпосылках отмены крепостного права. Если советские историки в основном развивали положение о кризисе и разложении феодально-крепостнического строя, то большинство западных исследователей приходят к заключению, что крепостная система хозяйствования накануне 1861 г. была вполне жизнеспособна. Впрочем, на сегодняшний день эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении. Бесспорным является то, что на подготовку реформы повлиял банковский и финансовый кризис конца 1850-х гг., вызванный войной. За годы войны общий дефицит государственного бюджета вырос в шесть раз, более чем наполовину уменьшилась обеспеченность золотом бумажных денег. Известный экономист Л. В. Тенгоборский в 1856 г. подал царю записку, в которой призывал "принять неотложно самые решительные меры к сокращению расходов... ибо в противном случае государственное банкротство неминуемо". Именно эти обстоятельства толкнули правительство на проведение широкомасштабной и не слишком выгодной как для крестьян, так и для дворян выкупной операции.

Условия воли

Подготовка реформы растянулась почти на пять лет, на протяжении которых во многом изменился облик страны. В самом реформаторском процессе видны три качественных скачка. Первый из них — переход от секретности в разработке реформ к гласности — пришелся на конец 1857 г. Ему предшествовали важные события в общественной и политической жизни.

После московского выступления Александра II в марте 1856 г. весть о грядущих переменах разнеслась по стране и вызвала необычайный подъем как страхов, так и надежд русского образованного общества. "Крестьянский вопрос поднял все на ноги, все затушил и поглотил собою, многие с ума сошли, многие умерли... Нет ни палат, ни дома,

ни хижины, где бы днем и ночью не думал, не беспокоился, не робел большой и малый владелец", — писал в столицу симбирский помещик. Беспокоиться и робеть было от чего — по словам другого провинциального дворянина, "свобода крестьян... всех нас разорит, все у нас растащат". Основная масса дворянства была настроена настороженно и враждебно. Правительство, понимая это, первое время даже избегало говорить об отмене крепостного права, используя взамен формулировку "улучшение быта помещичьих крестьян".

Но в самом воздухе уже пахло оттепелью, о которой Лев Толстой в 1860 г. в набросках к роману о декабристах напишет: "Как тот француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что, кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь". Только русская "революция" начиналась сверху и вполне традиционным способом — открытием в январе 1857 г. в Зимнем дворце очередного Секретного комитета (коих в предшествующее царствование уже было девять). На втором заседании государственные мужи николаевской эпохи решили, что правительству следует издать для всеобщего сведения указ о незыблемости основных законоположений по крестьянскому вопросу, отпечатать его, вставить "в рамочку под стекло" и разослать на места, чтобы "успокоить взволнованные умы". Указ не был издан, но император убедился в невозможности решения новых задач прежними методами и "кадрами" и усилил нажим на дворянство, с тем чтобы оно проявило законодательный почин (в деле, по сути, обездоливания себя самого). Это было непросто.

В конце концов личному другу Александра виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову в ноябре 1857 г. удалось добиться от дворянства вверенного ему края адреса на высочайшее имя с просьбой о безземельном (по примеру реформы 1816–1818 гг. в Остзейском крае) освобождении своих крепостных. Император потребовал срочно рассмотреть этот вопрос, и в Министерстве внутренних дел в течение 48 часов подготовили рескрипт (указ, адресованный одному лицу) на имя Назимова, разрешавший создание в трех губерниях дворянских комитетов для обсуждения вопроса об "улучшении быта помещичьих крестьян". Кроме того, к рескрипту прилагалось "дополнительное отношение" министра внутренних дел С. С. Ланского. В этом документе уже прямо говорилось об "уничтожении крепостной зависимости крестьян" и предоставлении им в "постоянное пользование" полевой земли, причем министр добился, чтобы всем губернаторам вместе с высочайшим рескриптом было направлено и министерское отношение — "для сведения".

Со стороны столичных дворян инициативы не последовало, но правительство воспользовалось их прежним ходатайством (правда, не совсем о том предмете), и в декабре аналогичный рескрипт был дан петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву. Дворянство получало права создавать губернские комитеты, разрабатывать в них "подробные проекты об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян" для каждой губернии и подавать их императору. Однако дворянству, потрясенному решительностью и гласностью действий правительства (оба рескрипта были опубликованы в "Журнале Министерства внутренних дел"), понадобилось несколько месяцев на раскачку. Только с конца января начали поступать адреса от дворянства различных губерний, на которые следовали ответные рескрипты, и на местах создавались губернские дворянские комитеты. До начала 1859 г. было открыто 46 таких комитетов в европейской части империи. Таким образом, подготовка реформы перестала быть тайной, и к ней наряду с бюрократией было подключено образованное дворянское общество. В выборах губернских комитетов и составлении адресов на имя императора участвовало 44 тыс. дворян, владевших крепостными (40% от их общего числа). Наконец, в феврале 1858 г., Секретный комитет с опозданием на три месяца после фактического рассекречивания был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу, правда, состав его вплоть до самого финала оставался неизменно консервативным и прокрепостническим.

Так был совершен, впервые в русской истории, переход от секретности к гласности в процессе подготовки важнейших реформ. На местах развернулась невиданно острая борьба внутри губернских комитетов вокруг условий и сроков освобождения крестьян. Либерально и консервативно настроенные дворяне, западники и славянофилы, амнистированные декабристы и петрашевцы образовали фракции "большинства" и "меньшинства", сделали сам процесс работы публичным (публикуя в местной печати подробные отчеты), терзали Главный комитет многочисленными запросами по поводу туманно изложенных положений рескриптов. На заседаниях комитетов происходили бурные сцены с нецензурной бранью, а порой и потасовками; у лидеров фракций появились телохранители. Особенно несладко приходилось либерально настроенным дворянам: славянофил Юрий Самарин приходил на заседания самарского губернского комитета "не иначе как с револьвером в кармане", а тульские депутаты пытались под видом дуэли организовать убийство выступавшего за освобождение крестьян с землей князя Владимира Черкасского.

Востребованы оказались идеи либералов позапрошлого царствования. Декабрист Иван Пущин, вернувшийся из сибирской ссылки,

послал в 1858 г. председателю тверского губернского комитета и лидеру местных либералов Алексею Унковскому (юристу по образованию) проект конституции Никиты Муравьева, для использования в работе комитета. А Авдотья Елагина писала другому возвратившемуся декабристу Гавриилу Батенькову: "Что-то у Вас в Калуге происходит? В Твери стенографируют и литографируют каждое заседание комитета, это очень эффектно, и выходит гласность, чего все желают. Нельзя ли то же учинить в Калуге: ну-ка, господин декабрист, учи парламентским штукам".

Правительство между тем колебалось между "реаками" (на тогдашнем жаргоне — реакционерами) и "прогрессистами". Поначалу казалось, что ретрограды возьмут верх. Весной 1858 г. Главный комитет принял решение о безземельном, по остзейскому примеру, освобождении крестьян, и проект повсеместного введения в России военного управления в виде генерал-губернаторств. В это же самое время Кавелин, преподававший наследнику престола, после публикации в "Современнике" записки о необходимости освобождения крестьян с землей, выкупленной для них государством у помещиков, был отстранен от должности. Атмосфера сгущалась, но тут возникли новые обстоятельства.

В конце 1858 г. произошел второй качественный скачок в подготовке крестьянской реформы — от безземельного освобождения к программе освобождения крестьян с землей за выкуп. Произошел он под влиянием нескольких факторов, самым существенным из которых стала знаменитая "война в Махтра" (годовщину которого до сих пор отмечают в Эстонии). В конце апреля 1858 г. в Эстляндии, где крепостное право было отменено еще при Александре I, но крестьяне были освобождены без земли, начались активные крестьянские выступления, для подавления которых через три месяца пришлось использовать войска. Посланный с ними генерал-майор В. Н. Исаков, доверенное лицо Александра II, сообщил царю о том, что главной причиной беспорядков является именно безземельное освобождение, а крестьянство нуждается в подлинном, а не мнимом "улучшении быта" — с землей. Тем самым остзейский путь был скомпрометирован в глазах правительства, а его противники получили неотразимый аргумент — безземельное освобождение может привести к уже всероссийской "войне в Махтра". О том же неоднократно писал и Герцен в "Колоколе", который читали в правительственных сферах. Кроме того, на изменение правительственной программы повлияли и отказ удельных крестьян от освобождения без земли, и борьба фракций в губернских комитетах. В итоге 4 декабря 1858 г. под давлением царя Главный комитет по крестьянскому делу принял новую программу крестьянской реформы — предостав-

ление крестьянам полевой земли в собственность (а не в пользование, как ранее) за выкуп. Огромную роль в перемене взглядов царя сыграл генерал-адъютант Яков Ростовцев, начальник военно-учебных заведений империи и член Главного комитета, который вдруг из "реакционера сделался ревностным прогрессистом и эмансипатором", сблизился с либералами и впоследствии много способствовал реализации их планов. Унковский утверждал, что неожиданное преображение Ростовцева произошло под влиянием просьбы умирающего сына загладить давний грех (в 1825 г. Ростовцев донес императору о подготовке восстания) деятельным участием в освобождении крестьян.

Приняв новую программу, правительство, однако, побоялось ее опубликовать — в верхах продолжалась борьба "реаков" с "прогрессистами". Между тем Главный комитет начал получать присланные губернскими дворянскими комитетами проекты освобождения крестьян, причем ни один из них не был похож на другой. Если очень грубо и приблизительно пытаться сгруппировать эти проекты, то помещики черноземной полосы предусматривали сохранение в своих руках максимального количества земли, нечерноземной — освобождение крестьян с землей, без переходного периода и за довольно большой выкуп, степной — освобождение с землей, но с длительным переходным периодом, на который сохранялись обязательная барщина и вотчинная власть помещика. Поскольку нередко фракции большинства и меньшинства составляли отдельные проекты, то Главный комитет ожидало поступление не 46, а гораздо большего числа проектов губернских комитетов. Стало очевидно, что ему просто не под силу справиться с обилием противоречивых материалов и выработать общие положения грядущей реформы. Для этого нужны были иные чиновники и иные идеи.

Новые деятели обнаружились в окружении лидера либеральной бюрократии Николая Милютина, ставшего в 1858 "временно исполняющим должность" министра внутренних дел. Новые идеи были почерпнуты из его программы освобождения крестьян, изложенной еще в записке 1856 г. и тогда же отвергнутой царем. Доработанный вместе с Кавелиным проект был подписан Александром 1 февраля 1859 г., а 17 февраля царь утвердил предложение Ланского и Ростовцева о создании специального органа — Редакционных комиссий под председательством Ростовцева — для окончательной доработки предложений с мест и подготовки общего проекта реформы.

Так в начале 1859 г. произошел третий и последний скачок в подготовке отмены крепостного права — создание качественно нового органа в системе российской государственности, который подгото-

вил не только крестьянскую, но и отчасти другие Великие реформы. Скромное название "Редакционные комиссии" (комиссий было две, но работали они как единый орган) было выбрано в значительной степени для маскировки и поддержания у членов главного комитета убеждения в том, что создается его "второстепенная комиссия" (выражение императора). Между тем современники сразу поняли значение происшедшего. Член комиссий Петр Семенов-Тян-Шанский характеризовал их как учреждение "доселе небывалое" в России, независимое и самостоятельное. Соратник Герцена Николай Огарев признавался: "...глядя на подписи в журналах Комиссий, сердце радуется, что встречаешь имена людей бескорыстных и образованных, а не встречаешь, как в Главном комитете, имена людей бездарных и неблагонамеренных в крестьянском вопросе". В системе высших органов власти Редакционные комиссии заняли особое место, так как подчинялись через Ростовцева непосредственно императору. По выражению одного из их членов, они представляли "как бы отдельное в государстве временное учреждение". Сам же Александр считал их "органами правительства".

Состав Редакционных комиссий, подобранный Ростовцевым с помощью Милютина и Семенова и утвержденный царем, был уникален: в них вошло 17 представителей министерств и ведомств и 21 независимый общественный эксперт из местных помещиков или специалистов (ученых, публицистов) по крестьянскому вопросу. Всего было 39 человек, дворян 35–40 лет, высокообразованных и в большинстве своем помещиков. Деятели эти принадлежали в массе к одному с царем поколению, среди них были как чиновники, так и главы различных общественных течений — например, западник Кавелин и славянофил Самарин. Их всех объединяла программа реформ сверху.

Подлинным лидером Редакционных комиссий стал Николай Милютин — ему удалось организовать работу с невиданной для тогдашнего государственного аппарата интенсивностью (за полтора года — 409 заседаний; для сравнения — Главный комитет за 1858 г. собирался 28 раз) и результативностью. Милютин буквально "гнал" работу комиссий, руководствуясь убеждением, что русские реформы надо проводить быстро, а когда возникали споры и разногласия, останавливал их словами: "Сейчас не время для разногласий, хорошо, если успеем бросить семя". Современники высоко оценили эти труды. Некрасов посвятил Н. А. Милютину стихотворение "Кузнец":

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.

В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал — исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доныне во всем.

С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин.

"Грубая ковка" программы Милютина и Редакционных комиссий была государственнической, бюрократической и патерналистской. В ней самой были заложены противоречия и ограничительные пределы дальнейшего хода реформ — например, ставка на инициативную роль монархии при отсутствии гарантий продолжения реформ или стремление создать крестьянина-собственника в будущем при консервации общины с ее архаичными переделами, круговой порукой и коллективной собственностью. Сохранялась и сословная неполноправность крестьян, которым запрещалось отказываться от надельной земли.

Разработанная почти за полгода, программа Редакционных комиссий уже осенью 1859 г. подверглась резкой критике с разных сторон. Правительство решило не обсуждать ее в губернских комитетах, чтобы избежать противодействия консервативного большинства помещиков. Поэтому в Петербург были в две очереди вызваны представители с мест, но и тут одни выступили против выкупа полевой земли крестьянами, их самоуправления и уничтожения вотчинной власти помещиков, другие — за выкуп при условии отрезки половины надела и в то же время за широкие реформы местного самоуправления, суда, просвещения и т. д. Хотя вместе им собраться не разрешили (Александр боялся конституционных требований, а Милютин "со товарищи" опасались за свою программу), в личных устных выступлениях перед комиссиями депутаты энергично нападали на занятую верховной властью позицию арбитра во взаимоотношениях между сословиями. В трудах Редакционных комиссий консерваторы усмотрели "коммунистические начала" (то есть защиту интересов крестьян в ущерб помещикам), а либералы намекали на необходимость конституции и "увенчания здания". Милютин в ответ на это заявил: "Никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся интересов и нужд всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему и только ему одному принадлежит всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны".

В итоге правительство, опасаясь противодействия как левых, так и правых, приняло чисто российское соломоново решение — запретить обсуждать крестьянский вопрос в уездных и губернских дворянских собраниях. Унковский, подводя итоги работы Редакционных комиссий, их главной ошибкой назвал стремление "ослабить плантаторскую партию" путем "устранения гласного обсуждения вопроса" в комитетах, чем комиссии, по его мнению, ослабили самих себя и вообще сторонников реформ. Трудно не согласиться с этим выводом, но это, видимо, неустранимый изъян самодержавно-бюрократического реформаторства.

Подготовленные комиссиями положения крестьянской реформы в октябре 1860 г. поступили в Главный комитет, а затем и в Государственный совет, где подверглись правке консерваторов. Размеры земельных наделов освобождаемых крестьян были существенно урезаны, повинности повышены, выросли и выкупные платежи. По выражению царя, "все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, было сделано".

Наконец 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину восшествия на трон, Александр II подписал Манифест и Положения о крестьянской реформе. Показательно, что накануне к Зимнему дворцу были стянуты войска, ночевал император не в своей спальне, а у заднего подъезда дворца приказано было держать наготове двух резвых лошадей — "Баязета серого и Адраса бурого" — на случай необходимости спасения государя. Но и подписанный Манифест держали в секрете еще две недели, дожидаясь протрезвления народа после окончания Масленицы, и огласили только в Прощеное воскресенье 5 марта 1861 г., последний день перед Великим постом.

Вот как вспоминал об этом будущий революционер и анархист, а тогда паж второго класса Пажеского корпуса князь Петр Кропоткин: "Я лежал еще в постели, когда мой денщик Иванов вбежал с чайным подносом в руках и воскликнул: — Князь, воля! Манифест вывешен в Гостином дворе... — Ты сам видел манифест? — Да. Народ стоит кругом. Один читает, а все слушают. Воля!

Через две минуты я уже оделся и был на улице. — Кропоткин, воля! — крикнул входивший в корпус товарищ. — Вот манифест. Мой дядя узнал вчера, что его будут читать за ранней обедней в Исаакиевском соборе. Народа было немного, одни мужики. После обедни прочитали и раздали манифест. Когда я выходил из собора, много мужиков стояло на паперти. Двое из них, в дверях, так смешно мне сказали: "Что, барин? Теперь фиють!" Товарищ мимикой передал, как мужики указали ему дорогу. Годы томительного ожидания сказались в этом жесте

выпроваживания барина. Я читал и перечитывал манифест. Он был составлен престарелым московским митрополитом Филаретом напыщенным языком. Церковнославянские обороты только затемняли смысл.

Но то была воля, без всякого сомнения, хотя и не немедленная. Крестьяне оставались крепостными еще два года, до 19 февраля 1863 г.; тем не менее было ясно одно: крепостное право было уничтожено, и крестьяне получают надел. Им придется выкупать его, но пятно рабства смыто. Рабов больше нет. Реакции не удалось одержать верх".

Выработанные в бюрократических муках и яростной борьбе "откупного торга" (по словам Петра Валуева) условия отмены крепостного права были крайне сложными. Суммировать их можно в четырех главных пунктах: личное освобождение, наделение землей, выкупная операция, крестьянское самоуправление. Крестьяне получили долгожданную личную свободу и ряд гражданских прав (заключать сделки, открывать торговые и промышленные заведения, свободно вступать в брак, переходить в другие сословия и т. д.). Но полноправным сословием они не стали: оставались рекрутские наборы, подушная подать, телесные наказания. Кроме того, на период "временнообязанного состояния" (то есть до перехода на выкуп) за помещиком сохранялось право вотчинной полиции. Он мог требовать смены сельских должностных лиц, удаления из общины неугодных крестьян, вмешиваться в решения сельских и волостных сходов.

Выйдя из-под власти помещика, крестьянин оказывался в зависимости от "мира", т. е. общины, которая оставалась собственником надельных земель. Крестьяне не могли отказаться от надела. Для каждой губернии были установлены его высшая и низшая нормы. После грубой корректировки предложений Редакционных комиссий в Главном комитете они были понижены, и в целом по России крестьянство потеряло около 20% той земли, которой пользовалось до реформы. Общине все равно приходилось арендовать землю у помещика, расплачиваясь обработкой уже его земель. Эта так называемая отработочная система ставила освобожденных крестьян в жесткую экономическую зависимость от своих вчерашних хозяев.

Средний размер крестьянских наделов составил всего 3,4 десятины на душу. По подсчетам земских статистиков, для того чтобы прокормить семью, в черноземной полосе требовалось 5–6 десятин, а в нечерноземной — около 8 (и это без учета уплаты податей). Самые большие наделы получили крестьяне северных и степных губерний, самые незначительные — черноземных губерний. Крестьянское малоземелье и связанная с ним нищета, недоимки стали бичом русской пореформенной деревни.

Для того чтобы стать собственниками земли, крестьяне должны были заплатить выкуп — не только за урезанный надел, но и за потерю помещиком крепостного труда. Выкупная сумма определялась путем так называемой "капитализации оброка": ежегодно уплачиваемый крестьянином оброк приравнивался к годовому доходу в размере 6% с капитала. Вычисление этого капитала и означало определение выкупной суммы. В центральных губерниях за высший надел платили 8–12 рублей оброка в год, следовательно, выкуп должен был составить 133–200 рублей с души (а в крестьянском дворе могло быть и пять, и семь душ мужского пола). У крестьян, разумеется, не было денег, чтобы внести всю сумму сразу. Поэтому они выплачивали около 20% от нее (или отрабатывали эту сумму на помещичьей земле), а остальные 80% помещикам выплачивало государство. Делало оно это не деньгами, а государственными ценными бумагами, доходность которых была значительно ниже утраченного оброка. Выплаченные помещикам средства с прибавкой 6% годовых государство затем взыскивало с крестьян в форме выкупных платежей в течение 49 лет. По подсчетам современных исследователей, крестьяне к 1905 г. заплатили почти в два раза больше рыночной стоимости полученной земли.

В результате от выкупной операции пострадало и дворянство, и крестьянство, что хорошо выразили знаменитые некрасовские слова: "Распалась цепь великая / Распалась, расскочилася, / Одним концом по барину, / Другим — по мужику". Обновленным из кризиса вышло только государство, правда, ненадолго.

Власть помещика в деревне заменялась "общественным управлением" по образцу крестьянского самоуправления в государственной деревне, созданного в ходе реформы П. Д. Киселева 1837–1841 гг. Крестьянская община составляла сельское общество (мир), которое распоряжалось полученной землей и несло за нее повинности перед помещиком, а также уплачивало подати государству. Домохозяева (главы семей) мира собирались на сход, избиравший сельского старосту, сборщика податей, представителей на волостной сход. Несколько сельских обществ образовывали волость (от 300 до 2 тыс. душ). В свою очередь, волостной сход избирал волостного старшину, волостное правление и волостной суд. Последний разбирал тяжбы между крестьянами на сумму до 100 рублей и наказывал за незначительные проступки денежными штрафами, общественными работами или розгами (на усмотрение провинившихся, которые чаще всего выбирали последнее). Без согласия сельского схода и волостного правления крестьянин не мог ни получить паспорт, чтобы уйти на заработки, ни выйти из общины, отказавшись от надела.

Надо сказать, что в Редакционных комиссиях вопрос об общине вызывал бурные споры, но в итоге был решен в пользу ее сохранения, в основном из фискальных и полицейских соображений. Правда, Николай Милютин и его соратники рассчитывали на постепенное упрощение для крестьян выхода из общины, отмену круговой поруки, облегчение малоземелья путем "прирезки" казенных земель. В действительности правительственная политика свела эти планы на нет, и их пришлось воплощать в жизнь уже в начале XX в. Столыпину в ситуации цейтнота и жесткого политического кризиса.

Наконец, надо сказать, что помещичьи крестьяне составляли около половины всех крестьян России. Удельные (принадлежавшие царской фамилии) и государственные крестьяне при освобождении получили значительно больше земли, но демографический взрыв второй половины XIX в. вскоре свел на нет это преимущество.

"Порядка ж нет как нет"

Объявленная воля была встречена большинством крестьян с недоумением. Документы полны свидетельств о том, что мужики говорили: "Да какая же это воля? Так еще через два года! Да господа-то в два-то года-то все животы наши вымотают". Порой во время чтения манифеста поднимался ропот и крик, часто народ выходил из церкви, не прикладываясь к кресту. Среди крестьян распространились подозрения, что подлинную волю от них скрыли, они требовали прочесть "настоящую" царскую грамоту. Начались волнения, на подавление которых пришлось посылать правительственные войска. В селе Кандеевка Пензенской губернии толпа, избив читавшего Манифест священника и должностных лиц, кричала: "Ни дня, ни минуты барину не будем работать, податей с нас царь не будет требовать 20 лет, земля вся нам, леса, луга, господские строения — все наше, а барину нет ничего, господ, попов бей, души!" Многие отказывались выполнять барщину, подписывать уставные грамоты, фиксировавшие условия освобождения.

Начался подъем не только революционного, но и либерального движения. Дворянство стремилось к более активному участию в государственном управлении. В начале 1862 г. петербуржское и московское дворянские собрания обсуждали вопрос о созыве представителей от дворянства и других сословий для обсуждения предполагаемых реформ.

Дальше всех пошли тверские дворяне во главе с Алексеем Унковским, подавшие в том же году Александру II "всеподданнейший адрес"

с требованием предоставления земли в собственность крестьянам, отмены дворянских сословных привилегий и созыва всенародного бессословного совещательного органа: “Преобразование, требующееся ныне крайней необходимостью, не может быть совершено бюрократическим порядком. Мы сами не беремся говорить за весь народ, несмотря на то, что стоим к нему ближе... Мы уверены, что все преобразования останутся безуспешными потому, что предпринимаются без спроса и ведома народа. Собрание выборных всей земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19 февраля”. По сути, это была реальная программа углубления и продолжения реформ на базе соединения усилий власти и всех слоев общества. При таком варианте развития событий, со всеми его трудностями и издержками открывалось по крайней мере две головокружительные возможности. Во-первых, это создание действенных гарантий продолжения преобразований и невозможности прекратить их или повернуть вспять. Во-вторых, русское общество могло на 40 лет раньше начать проходить школу парламентаризма (1 Государственная дума была созвана в 1906 г. и оказалась практически недееспособной ввиду отсутствия у большинства депутатов навыков публичной политики).

Результат подачи адреса был вполне традиционен — тверские либералы были арестованы и пять месяцев провели в Петропавловской крепости.

И все-таки общество было разбужено, и даже в среде высшей бюрократии появились конституционные планы, особенно после начала в 1863 г. второго польского национально-освободительного восстания. Их настойчиво предлагал новый (после отставки Ланского) министр внутренних дел Валуев. По его инициативе в 1863 г. был разработан законопроект о создании при высшем законосовещательном органе — Государственном совете — своеобразной нижней палаты из представителей земств, избранных на губернских земских собраниях, а также из депутатов от национальных окраин и крупных городов. Лишь пятая часть от общего числа членов этой палаты была бы назначаема “высочайшей властью”. Наряду с такой нижней палатой, или Съездом государственных гласных, предусматривалась и верхняя палата — Общее собрание Государственного совета, — члены которой бы по-прежнему назначались сверху. Съезд государственных гласных, по мысли Валуева, должен был участвовать в рассмотрении всех законопроектов, бюджета и других вопросов, представленных императором.

И этим планам не суждено было сбыться. Александр II после подавления польского восстания отклонил проект со словами: “Что

касается конституции, то мы для нее не созрели. Разве ж я пытаюсь удержать власть в личных целях?" Созвучно этому высказывались и многие либеральные лидеры. Константин Кавелин писал, что "Россия еще во многих отношениях печальная пустыня; ее надо сперва возделать, начиная дело снизу, а не сверху... Самоуправление... может начать осуществляться пока только в провинции, при деятельном содействии дворянства. В этой плодотворной школе оно и подготовится к дальнейшей более обширной политической деятельности..." Еще более определенно выразился Юрий Самарин: "Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, т. е. господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман". Все эти бесконечные упражнения на тему национальной самобытности на деле не приближали, а отдаляли и конституцию, и "политическую деятельность" гражданского общества. Жизнь очень скоро показала это.

Лебединой песней русской либеральной бюрократии и лично Николая Милютина стала проведенная в 1864 г. в Польше и западных губерниях аграрная реформа, по которой крестьяне получили землю в собственность сразу и без выкупа. Сделано это было в основном потому, что власти хотели противопоставить местных крестьян польским помещикам и тем лишить польское национально-освободительное движение опоры в народе. Но получилась, как в свое время у Александра I, чудовищная диспропорция — "свои" крестьяне были освобождены на гораздо менее выгодных для них условиях, чем "чужие" (в большинстве своем украинцы и белорусы).

В том же году начались еще две весьма плодотворные реформы — земская, основные положения которой были разработаны еще до 1861 г. комиссией при МВД под руководством Николая Милютина, и судебная. Земская реформа вводила начала всесословного, выборного представительства в масштабах губернии и уезда. Хотя дворянство играло в земствах ведущую роль, а из крестьян после многоступенчатых выборов попадали в число гласных самые "благонадежные", тем не менее крестьянство впервые после XVII в. получило место во всесословных учреждениях. Компетенция земств была ограничена местными хозяйственными вопросами, но в рамках этих скромных учреждений в ходе совместной работы были сделаны шаги к преодолению социальной пропасти между высшими и низшими сословиями, на земскую службу шла замечательная интеллигенция (врачи, учителя, статистики), а в конце века окрепло либеральное движение.

Судебная реформа была, по единодушному мнению историков, самой последовательной и радикальной из Великих реформ. Россия

впервые получила бессословный, гласный, независимый от администрации суд с состязательностью судебного процесса, адвокатурой, выборностью присяжных, несменяемостью коронных судей и т. д. Были проведены и другие реформы — народного просвещения, цензуры, военные, городского самоуправления, финансов, статистики. Все в российской жизни пришло в движение, кроме главного — высших органов государственной власти, центральной администрации, неограниченной власти монарха и всесилия бюрократии. Здесь-то и таилась угроза всему.

С середины 1860-х гг. преобразования сначала замедлились, а потом и прекратились. Последним актом было завершение в 1874 г. военной реформы введением всеобщей воинской повинности. Накануне военный министр Дмитрий Милютин, брат Николая Милютина, записал в своем дневнике: "Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда все стремилось вперед, теперь все тянет назад! Тогда государь сочувствовал прогрессу, сам двигал вперед, теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему окружающему его, даже к себе самому".

В 1865–1866 гг. на Александра II обрушилось сразу несколько испытаний. Умер его 22-летний старший и горячо любимый сын, на государя было совершено первое покушение — выстрел Дмитрия Каракозова, потрясший царя. Тогда же начался затяжной, отнимавший много сил и создававший мучительную раздвоенность жизни роман с княжной Екатериной Долгорукой. Сомнения в правильности избранного курса, усталость от борьбы общественной, бюрократической и внутрисемейной, крах надежд на скорое и безболезненное реформирование огромной империи — все сплелось в один узел. Не удалась и очередная попытка завоевания Царьграда. Победа в кровопролитной Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. была упущена дипломатами на Берлинском конгрессе. С 1878 г. поднимается новая волна террора, начатая выстрелом Веры Засулич в петербургского градоначальника и завершившаяся убийством царя-освободителя 1 марта 1881 г.

Трагедия 1 марта показала, как опасно правительству отсекать от себя общественные силы, оставаясь единственным игроком на политической сцене. Ведь если бы в октябре 1860 г. Александр II не распустил Редакционные комиссии, дал бы либералам возможность довести их планы до воплощения в жизнь и привлечь на свою сторону общество, то были бы существенно сужены возможности реакции как справа, так и слева. Весьма вероятно, что катастрофы можно было бы избежать. Ведь царя убили не за реформы, как иногда ошибочно

полагают, а за отречение от них. "Галилеянин" поплатился за отступничество.

Подробнее на эту тему

Великие реформы в России, 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.

Зайончковский П. А. *Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг*. М., 1964.

Захарова Л. Г. *Александр II* // Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993. С. 159–214.

Захарова Л. Г. *Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861*. М., 1984.

Кацва Л. *Эпоха великих реформ. Материалы для изучения*. — http://his.1septeber.ru/2003/04/1.htm

Литвак Б. Г. *Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива.* М., 1991.

Мамонов А. В. *Граф М. Т. Лорис-Меликов: К характеристике взглядов и общественной деятельности* // Отечественная история. 2001. № 4.

Эйдельман Н. Я. *"Революция сверху" в России*. М., 1989.

1878 Кровь по совести

С утра 31 марта 1878 г. у здания петербургского окружного суда наблюдалось небывалое оживление. Сановные господа и разряженные светские дамы заполнили до отказа зал заседаний, простая публика толпилась на улице. В этот день слушалось дело по обвинению дочери капитана Веры Засулич в покушении на убийство петербургского градоначальника Федора Трепова.

С фактической стороны дело было совершенно ясно, и правительство решило устроить показательный публичный процесс безо всяких опасений за его исход. Прокурор петербургской палаты Лопухин уверял министра юстиции Палена: "Это дело личной мести, и присяжные ее обвинят, как пить дадут".

Он ошибся. Преступление Засулич в глазах всей публики безусловно было "политическим", поскольку в Трепова она стреляла вовсе не из "личной мести". Мотив покушения был "общественный". 13 июля 1877 г. по распоряжению петербургского градоначальника был жестоко высечен розгами в доме предварительного заключения бывший студент Боголюбов, за то что при повторной встрече с Треповым не снял шапки. Помимо мелочности повода всех шокировала противозаконность треповского распоряжения, которое, однако, благословил министр юстиции граф Пален (после общей отмены телесных наказаний за дисциплинарные проступки 17 апреля 1863 г. они были сохранены только для крестьян по приговору волостных судов

и для каторжан, но приговор по делу Боголюбова еще не вступил в законную силу, а порка подследственных не допускалась). В доме предварительного заключения едва не случился бунт возмущенных студентов, томившихся там после демонстрации у Казанского собора, где будущий глава русских марксистов, а тогда юный студент Горного института Георгий Плеханов впервые поднял красное знамя с лозунгом "Земля и воля". Среди прочих сидел там Николай Морозов, который и через много лет будет вспоминать с жаром, как давал самому себе клятву: "За это надо отомстить… отомстить во что бы то ни стало. Если никто другой не отомстит до тех пор, то отомщу я, когда меня выпустят, и отомщу не как собака, кусающая палку, которой ее бьют. Я отомщу не Трепову!" В обществе также сильно негодовали, ожидали по меньшей мере монаршего внушения Трепову, но его не последовало (незаконнорожденный сын Николая I Федор Трепов пользовался благоволением Александра II, который на другой день после покушения заехал справиться о его здоровье).

Морозова опередили. 24 января 1878 г. Вера Засулич явилась в приемную градоначальника и выстрелила в него из револьвера. Цель ее, как она объяснила суду, состояла в том, чтобы "обратить внимание на это происшествие..." и "ценою собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью".

Рана Трепова оказалась серьезной, он по состоянию здоровья не мог явиться в суд и даже "подвергаться допросу на дому без явного вреда для здоровья", в подтверждение чего суду было предъявлено медицинское свидетельство, выданное профессором Н. В. Склифосовским.

В обвинительном акте деяние Засулич было квалифицировано как покушение на умышленное убийство, за что статья 1454-я Уложения о наказаниях предусматривала лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Но дело решали присяжные, приговор которых, как справедливо указывал министру юстиции председательствующий на процессе Анатолий Кони, "основывается на многих неуловимых заранее соображениях". Однако и он был уверен — "здравый смысл присяжных подскажет им решение справедливое и чуждое увлечений. Факт очевиден, и едва ли присяжные решатся отрицать его".

Обвиняемая и не пыталась отрицать намеренного покушения на убийство. На вопрос председательствующего, признает ли она себя виновной, Засулич ответила: "Я признаю, что стреляла в генерала Трепова, причем, могла ли последовать от этого рана или смерть, для меня было безразлично".

И тем не менее присяжные после короткого совещания вынесли вердикт о полной невиновности Засулич. Старшина едва успел выговорить "Не виновна" в ответ на первый, основной вопрос суда. Дальнейшую речь его нельзя было расслышать за громкими криками "Браво! Ура! Молодцы!", истерическими рыданиями, бурными аплодисментами и топотом ног, которыми присутствовавшие выразили свой восторг и полное одобрение решения присяжных. Публика с улицы хлынула в зал. Защитника Засулич, присяжного поверенного Александрова, принялись качать, а затем на руках вынесли на улицу и пронесли несколько кварталов.

Незадолго перед тем возникший революционный союз "Земля и воля" выпустил по поводу оправдания Засулич прокламацию "К русскому обществу", где говорилось: "31 марта 1878 г. для России начался пролог той великой исторической драмы, которая называется судом народа над правительством... В этот день разрыв русского общества с правительством выразился de facto в здании окружного суда оправдательным приговором присяжных и поведением публики, аплодировавшей приговору. Присяжные отказались обвинить ту, которая решилась противопоставить насилию насилие".

Адвокат Александров в речи на процессе подчеркивал, что "физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести". 31 марта 1878 г. русское добропорядочное, законопослушное, по большей части либерально настроенное общество в лице жюри присяжных, состоявшего на процессе Засулич из чиновников и купцов, "по убеждению совести" признало террористический акт "подвигом гражданской доблести".

Оправдание Веры Засулич было по существу антиправительственной демонстрацией. Таким образом, русское общество за неимением других средств выразило глубокое недовольство политикой правительства, переходящего от реформ к реакции. Вместе с тем вердикт присяжных имел громадное значение для внутренней борьбы в стане русских радикалов. С самого зарождения пореформенного революционного движения, известного под общим наименованием "народничества", в нем ясно обнаружилось два глубоко несходных течения. Историческая литература советского времени вслед за Лениным, выстроившим теорию трех этапов революционного движения в России, в спорах между участниками "разночинского этапа" видела только тактические расхождения. На самом деле за разногласиями относительно характера грядущей революции и отношений интеллигенции

и народа просматриваются два противоположных идеала будущего общественного устройства. Оправдав Засулич, общество дало своеобразный карт-бланш одному из этих радикальных течений, ослабляя и отталкивая на обочину общественной жизни другое.

"Социализмом к свободе"

Петр Чаадаев в "Философических письмах" впервые сформулировал тезис, оказавший огромное влияние на всю последующую российскую общественную мысль. Открытие его заключалось в преимуществах русской отсталости. Россия отстала от Европы, но именно "поэтому нам незачем бежать за другими... Мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам".

Русская революционная мысль вслед за европейской уже в 40-е гг. XIX в. усваивает идеал социализма. Один из первых русских политических эмигрантов Александр Герцен, выступая против европейского буржуазного "мещанства", отвергая общество "ничем не обуздываемого стяжания", видел в социализме новое Евангелие. "Поразительное сходство современного состояния человечества с предшествующими Христу годами... — записывает Герцен в 1844 г. — В наше время социализм и коммунизм находятся совершенно в том же положении, они предтечи нового мира общественного, в них рассеянно существуют *membra disjecta** будущей великой формулы".

Но если в передовых странах Европы, испытавших все ужасы первоначального капитализма, путь к социализму связывался с борьбой пролетариата, то для России открывалась возможность избежать "язвы пролетариатства" и мук, связанных со становлением капиталистических отношений. Отставшая Россия могла не только догнать, но и перегнать просвещенную Европу, срезав угол на новом историческом повороте. Россия может и должна миновать капитализм, было бы странно, убеждал Герцен, "повторять теперь всю длинную метаморфозу западной истории, зная вперед *le secret de la comedie***".

Практическая возможность такого рывка связывалась с тем, что к моменту европейского поворота в сторону социализма Россия сумела сохранить "свою незаметную скромную общину, то есть владение сообща землею, равенство всех без исключения членов общины,

* Разъединенные члены *(лат.)*.
** Секрет Полишинеля, то есть тайна, известная всем *(франц.)*. *Здесь* — развязка.

братский раздел полей по числу работников и собственное мирское управление своими делами".

Перспективы русской общины многим вовсе не казались блестящими. Другой эмигрант, ярый западник и теоретик анархизма Михаил Бакунин, упрекал Герцена и его друзей в том, что они "запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоит века в китайской неподвижности", и иронически вопрошал: "Почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжение десяти веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого печального или гнусного рабства?" Сам же, впрочем, и предлагал ответ: "В ней нет свободы, а без свободы, вестимо, никакое общественное движение немыслимо".

Но для Герцена существующая община — хранительница социального равенства не идеал, а только зародыш будущего общественного строя. Наличная русская община обладает чудовищным недостатком. Она сковывает индивидуальную свободу. Между тем идеал социализма предполагает, с точки зрения Герцена, необходимость "сочетания личной независимости, без которой нет свободы, с общественной тягой, с круговой порукой, без которых свобода делается одним из монополей собственника". В годовщину революции 1848 г., выступая на митинге, организованном европейскими социалистами, Герцен так представлял возможность согласования "личной свободы с миром". Каждый член общины, утверждал он, должен потребовать себе "все права, принадлежащие ему как особе, не утрачивая при том прав, которые он имеет как член общины".

На Западе "выработаны свобода личности" и демократические нормы, но они доступны лишь меньшинству. В России есть община, но она "поглощает личность". Задача революционного меньшинства, по мысли Герцена, заключается в том, чтобы "снять их противуречие" — "сохранить независимость британца без людоедства" всеобщей жестокой конкуренции и "развить личность крестьянина без утраты общинного начала". И в разрешении этого противоречия "вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм".

В развитых странах "безумно было бы начать переворот с уничтожения свободных учреждений, потому что они на деле доступны только меньшинству; еще безумнее уничтожить общинное начало, к которому стремится современный человек, за то, что оно не развило еще свободной личности в России".

Запад и Россия, утверждал Герцен, обращаясь к европейским социалистам, пойдут к одной цели "но не по одной дороге — вы пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе".

Предоставляя общинному быту развиться в результате свободного творчества свободного народа, Герцен решительно отказывался рисовать сколько-нибудь определенные картины будущего общественного порядка. В детальных проектах тогдашних социалистов, в частности у Фурье, его бесили "жалкие мелочи и подробности". "В широком и светлом фаланстере их тесновато", писал он, "народы будут холодны, пока проповедь пойдет этим путем; но учения эти велики тем, что они возбудят, наконец, истинно народное слово, как Евангелие".

Революция мыслилась в рамках этого направления исключительно как социальный переворот, совершенно не связанный с политическими потрясениями. Именно поэтому Россия, где нет политических свобод, имеет преимущество перед Европой, где либералы будут всячески препятствовать социалистическому перевороту. В Европе, писал Герцен, "либералы боятся потерять свободу — у нас нет свободы; они боятся правительственного вмешательства в дела промышленности — правительство у нас и так мешается во все; они боятся утраты личных прав — нам их еще надобно приобретать". Русским нечего терять и легче пойти сразу на социальный переворот.

Этот переворот связан с устранением общественных отношений и социальных институтов, но ни в коем случае не предполагает уничтожения людей, поставленных силою судьбы в эти отношения. По убеждению Герцена, "в социальных нелепостях современного быта никто не виноват и никто не может быть казнен — с большей справедливостью, чем море, которое сек персидский царь", и следовательно, "обрушивать ответственность за былое и современное на последних представителей "прежней правды", делающейся "настоящей неправдой", так же нелепо, как было нелепо и несправедливо казнить французских маркизов за то, что они не якобинцы...". "Мы убеждены, — писал Герцен в 1866 г., — что почин, что первые шаги нашего переворота совершатся без кровавых потрясений".

Задача революционной интеллигенции, возвращающей долг народу, из которого она вышла, заключается никак не в насилии над народными чаяниями и не в насильственном внедрении известного образа жизни. Редактор "Современника", самого передового журнала, рупора революционной демократии, Николай Чернышевский также верил, что к успеху ведет движение самих масс: "Прочно только то благо, которое не зависит от случайно являющихся личностей, а основывается на... самостоятельной деятельности нации".

Но они отчетливо осознавали: нация не вполне готова к социальному перевороту. Отсюда задача интеллигентного меньшинства — подготовка крестьянства к восприятию ценностей социализма.

Герцену и Чернышевскому, людям высокой культуры, было невозможно призывать к бунту непросвещенный народ, который эту культуру в ходе бунта уничтожит. Чернышевский в "Письмах без адреса" сетовал: "…народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию".

Герцен резко выступал против полного сокрушения старого порядка, к чему призывали некоторые горячие головы. "Старые студенты, жившие в отвлеченьях, они ушли от народа дальше, чем его заклятые враги, — ехидничал Герцен. — Поп и аристократ, полицейский и купец, хозяин и солдат имеют больше прямых связей с массами, чем они. Оттого-то они и полагают возможным начать экономический переворот... с выжиганья дотла всего исторического поля, не догадываясь, что поле это с своими колосьями и плевелами составляет всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, всю его привычку и все его утешенье". Поэтому, по мысли Герцена, "новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар по старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании".

1 марта 1860 г. в издаваемом Герценом в Лондоне "Колоколе" было напечатано "Письмо из провинции". Автор письма, скрывшийся под псевдонимом "Русский человек" (есть основания полагать, что это был Добролюбов) призывал Герцена: "...наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто кроме топора не поможет! <...> Другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш "Колокол" благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь".

"Призвавши к топору, — отвечал Герцен, — надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы и готовность лечь костьми, не только схватившись за рукоятку, но схватив за лезвие, когда топор слишком расходится".

Попытки подтолкнуть, радикальными средствами ускорить процесс народного взросления только вредны. В 1866 г., после того как

в царя стрелял студент Дмитрий Каракозов, Герцен высказался вполне определенно: “Пуль нам не нужно... мы в полной силе идем большой дорогой... Остановить нас невозможно, можно только своротить с одной большой дороги на другую — с пути стройного развития на путь общего восстания”.

Сообразно этому идеалу будущего общества, совмещающего свободу и коллективизм, строилась и первая народническая организация — “Земля и воля”, возникшая весной 1862 г. Программа организации лишь в самом общем виде предусматривала созыв Земского собора, которому на правах Учредительного собрания предстояло установить “правление выборное по областям, с главным избранным сеймом в Петербурге или в Москве”, отмену частной собственности и “изменение городского и сельского быта в общины”. Сама же организация представляла собой федерацию местных кружков, в которой Центральный комитет не обладал распорядительными, командными полномочиями, а играл исключительно координационную роль.

Едва ли не главной задачей организации мыслилось предотвращение кровопролития при грядущей народной революции. В первом номере издававшегося землевольцами листка “Свобода” сообщалось, что “организация наша составилась из людей непоколебимо убежденных… что при неспособности правительства революция в России неизбежна, что она неминуемо разразится в восстании ограбленного и подавленного народа и что при жестокости и тупоумии правительства она может получить исполинские размеры кровавой драмы, если все, или по крайней мере большинство, способное и честное, из образованных классов, не станет на сторону доведенного до восстания народа и не обессилит тем самым окончательно правительства, лишив его какой бы то ни было пользы в диком упорстве”.

В том же духе мыслил и Чернышевский, призывавший “барских крестьян” от имени их “доброжелателей”*, “покуда пора не пришла… силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать. <...> А когда все готовы будут, значит везде поддержка подготовлена, ну, тогда и дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вами единодушие будет... тогда и легко будет волю добыть”.

* Неопровержимых доказательств того, что прокламация, начинающаяся словами “Барским крестьянам от их доброжелателей поклон”, составлена Н. Г. Чернышевским, не существует, однако большинство исследователей на основании косвенных данных склонны приписывать текст именно ему.

Приготовление крестьян к социальному перевороту, очевидно, должно было занять длительное время. Такая тактика казалась проигрышной весьма многим народникам начала 1860-х гг. Дело было не столько даже в революционном нетерпении молодежи, которая составляла костяк движения. Сторонники радикальных мер опасались упустить благоприятный момент для такого переворота, поскольку “развитие капитализма и все большее и большее проникновение в народную жизнь (благодаря протекторату и стараниям русского правительства) разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного миросозерцания”.

Радикальное течение обнаружилось почти немедленно после крестьянской реформы в “эпоху прокламаций”. Первой ласточкой была прокламация “К молодому поколению”, появившаяся осенью 1861 г., она угрожала династии Романовых физическим уничтожением, если та не проведет требуемых от нее реформ.

В наиболее ясной форме основные догматы этого направления были представлены в прокламации “Молодая Россия”, составленной в первой половине 1862 г. студентом физико-математического факультета Московского университета Петром Заичневским. Разделив всю Россию на непримиримые “императорскую” и “революционную” партии, Заичневский утверждал, что герценовский “Колокол” “не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их”. “Близорукий ответ” Герцена “на письмо человека, говорившего, что пора начать бить в набат и призвать народ к восстанию, а не либеральничать”, его надежда “на мирный переворот; его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно только что-нибудь сделать, — окончательно уронили журнал в глазах республиканской партии”.

Составитель прокламации, ссылаясь на опыт европейских революций, честно предупреждает, что представляемая им “революционная партия” будет “последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года” и не побоится “для ниспровержения современного порядка” “пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90 годах”. Призываемая Заичневским революция, “революция кровавая и неумолимая, — революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества”, должна одновременно привести и физическому уничтожению — “погубить” — всех “сторонников нынешнего порядка”.

Основные программные требования, заявленные в прокламации, состояли в "изменении современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей", причем "на сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, — этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос". Каждая область должна состоять "из земледельческих общин, все члены которых пользуются одинаковыми правами", причем "всякий человек должен непременно приписаться к той или другой общине: на его долю по распоряжению мира назначается известное количество земли, от которой он, впрочем, может отказаться или отдать ее в наем. Ему предоставляется также полная свобода жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом, только он обязан вносить за себя ту подать, какая назначается общиною".

Далее прокламация требовала "заведения общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества, обязанные по истечении известного срока давать ему отчет"; и "заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обогащения". Выставлялись требования "общественного воспитания детей", "полного освобождения женщины", "уничтожения брака как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а следовательно, и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека".

Но исполнение всей этой демократической и гуманитарной части программы отодвигалось в неопределенное будущее. А на первое время революционная партия "должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем". Даже выборы в учредительное Национальное собрание должны происходить "под влиянием" революционного "Правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка".

Впрочем, учредительная роль этого Национального собрания тут же сводилась к нулю утверждением, что революционное правительство сохраняет централизованный аппарат политической власти, чтобы с его помощью "ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени".

Главными действующими силами революции назывались народ вообще, затем отдельно крестьянство и старообрядцы в частности, "войско" и молодежь. В один прекрасный день эта сила с громким криком "Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!" должна была двинуться "на Зимний дворец истребить живущих там".

Допускалось, что истреблением императорской фамилии дело и ограничится, но поскольку, скорее всего, "вся императорская партия, как один человек, встанет за государя... мы издадим один крик: "в топоры", и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!"

Заичневский блефовал, никакой партии за ним не стояло. Устрашающую прокламацию он сочинил, сидя под арестом в Тверской полицейской части в Москве за попытку пропаганды среди крестьян отцовского имения на Орловщине, предпринятую в полном одиночестве. Готовая применить эти рецепты организация появилась позже.

Осенью 1868 г. среди бунтующих студентов Петербургского университета появился новый вольнослушатель — учитель Закона Божия приходского училища Сергей Геннадьевич Нечаев, "худенький, небольшого роста, нервный, вечно кусающий свои изъеденные до крови ногти молодой человек с горящими глазами и резкими жестами". Молодой человек на сходках помалкивал, проблемы функционирования студенческих касс взаимопомощи и кухмистерских мало его занимали. Он высматривал людей, подходящих для создания боевой революционной организации.

Организация федеративного типа для замышляемой революции не годилась. Это должна была быть дисциплинированная армия, беспрекословно подчиняющаяся своему вождю. Для придания себе авторитета Нечаев пускался в мистификации. Он сочиняет записку товарищам, будто его арестовали и везут в Петропавловскую крепость, те бросаются его разыскивать и выясняют, что в Петропавловке Нечаева нет. Через некоторое время он появляется уже в Москве и рассказывает, что из крепости бежал. Взяв у товарища заграничный паспорт, он отправляется в Одессу и вскоре возвращается, рассказывая о новом своем аресте и побеге. В марте 1869 г. Нечаев наконец уезжает в Европу и здесь сближается с лидерами русской революционной эмиграции Михаилом Бакуниным и Николаем Огаревым. Им он рассказывает о будто бы созданной им в России многочисленной организации "Народная расправа", издает вместе с Бакуниным брошюру "Народная расправа", где обрисовывает "Главные основы будущего общественного строя".

> ...Выход из существующего общественного порядка и обновление жизни новыми началами может совершиться только путем сосредоточения всех средств для существования общественного в руках нашего

КОМИТЕТА и объявлением обязательной для всех физической работы. Комитет тотчас по низвержении существующих основ объявляет все общественным достоянием и предлагает составление артелей, объявляя при том таблицы, составленные знающими людьми и указывающие, какие отрасли труда наиболее необходимы в данной местности и какие обстоятельства могут мешать тому или другому разряду занятий. В течении известного числа дней, назначенных для переворота и неизбежно последующей за ним сумятицы, каждый индивидуум должен примкнуть к той или иной рабочей артели по собственному выбору, руководствуясь соображением с своими силами и способностями. Все оставшиеся отдельно и не примкнувшие к рабочим группам без уважительных причин не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни, ни в какие-либо другие здания, предназначенные для удовлетворения разных потребностей работников-братьев, или заключающие в себе продукты и материалы, запасы и орудия, предназначенные для всех членов установившего рабочего общества; одним словом, непримкнувшая без уважительных причин к артели личность остается без средств к существованию. Для нее закрыты все дороги, все средства сообщения, останется только один выход: или к труду или к смерти.

(Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997. С. 262)

Каждая артель должна была выбрать “из своей среды оценщика”, в обязанности которого входило “записывание суммы производительности труда каждого, по мере накопления, а также и его потребления”. Из представителей артелей составлялась региональная “Контора”, надзирающая за деятельностью артелей и непосредственно заведующая крупными “общественными работами” вроде рытья каналов. Над всем возвышался Центральный комитет.

Войти в светлое царство нечаевского социализма суждено не всем. Еще до начала революции революционерам придется “истребить целую орду грабителей казны, подлых народных тиранов”, а заодно “избавиться тем или иным путем от лжеучителей, доносчиков, предателей, грязнящих знамя истины”. В сочиненном, по всей видимости, вместе с Бакуниным “катехизисе революционера” — организационном наставлении для “Народной расправы” — с семинарским педантизмом российские подданные разбиваются на разряды, которым грозит неминуемая смерть или временно даруется жизнь в соответствии с видами революционеров.

§15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.
§16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и временно полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.
§17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым дарują только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.
§18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимой сокровищницею и сильною помощью для разных революционных предприятий.
§19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до нельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками мутить государство.
§20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.
§21. Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда. Одни — пустые, обессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третьею и четвертою категориею мужчин. Другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего безфразного и фактического рево-

люционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории. Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

(Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997)

Под революцией Нечаев понимал "не регламентированное движение по западному классическому образу — движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности". "Спасительной для народа, — утверждается в "Катехизисе", — может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России". Поэтому дело революционной организации — "страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение". Соответственно, революционеры должны, прежде всего, "соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака мироеда. <...> С лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России".

Первая задача конспиративной революционной организации как раз и состояла в том, чтобы сплотить этот мир в "одну непобедимую, всесокрушающую силу". Методы такого сплочения были принципиально безнравственными. По словам Бакунина, Нечаев уверял его, что для создания революционной организации — "общества серьезного неразрушимого, надо взять за основу политику Макиавелли и вполне усвоить систему иезуитов".

Бакунин был готов помочь. Он выдал Нечаеву мандат за собственной подписью, гласивший: "Податель сего есть один из представителей русского отдела Всемирного революционного союза, № 2771". Впечатляющий порядковый номер должен был уверить всякого, что "податель" принадлежит к могущественной организации. Мандат был мистификацией — во "Всемирном революционном союзе" состояло едва полторы дюжины анархистов, сторонников Бакунина в I Интернационале.

Бакунин же уговорил Огарева посвятить Нечаеву стихотворение "Студент", где повествовалось о молодом борце за свободу народа, который "жизнь окончил в этом мире в снежных каторгах Сибири".

Экипировавшись таким образом, Нечаев отправляется в Россию, где приступает к вербовке членов "Народной расправы" при помощи шантажа и провокаций. Организация строилась по принципу, заимствованному из опыта французских "бешеных" (тайного общества, созданного в 1796 г. Гракхом Бабефом для организации восстания), — пятерками. Только один из членов такой пятерки — "организатор" входил в вышестоящую, увенчивал эту иерархию таинственный и всесильный Комитет. За несколько месяцев Нечаеву удалось привлечь под свои знамена около 70 человек. Однако вскоре его мистификаторские приемы вызвали протест студента Петровской земледельческой академии Ивана Иванова. Он отказался выполнить очередное распоряжение Нечаева, настаивавшего, будто это воля Комитета. "Комитет всегда решает точь-в-точь, как вы желаете", — отрезал Иванов Нечаеву и объявил о выходе из организации.

Иванов не только был членом центрального московского кружка, но и пользовался в студенческой среде большим влиянием. Авторитет Нечаева оказался под угрозой, которую он и поспешил ликвидировать, одновременно "сцементировав кровью" организацию.

21 ноября 1869 г. в гроте Петровского парка на тихой, почти дачной окраине Москвы четверо членов "Народной расправы" убили Иванова. В числе убийц был и почтенный отец семейства сорокалетний литератор Иван Прыжов, автор знаменитой "Истории кабаков в России". Убивали, не умеючи, долго и мучительно, били камнями и кулаками, пытались душить руками, и только когда Иванов перестал подавать признаки жизни, Нечаев вспомнил о лежащем у него в кармане револьвере и для верности выстрелил трупу в голову. Тело сбросили в пруд, где его на другой день обнаружила полиция, которая в течение нескольких недель выявила и арестовала всех членов организации, но сам Нечаев успел бежать за границу.

Дело об убийстве Иванова слушалось летом 1871 г., это был один из первых судебных процессов, проводившихся гласно, в соответствии с новыми судебными уставами. Подробности "нечаевщины" попали в газетные отчеты и произвели на публику ошеломляющее действие. Ф. М. Достоевский в романе "Бесы", написанном под впечатлением от этих отчетов, обобщил явление "нечаевщины" до общенационального бедствия — "бесовщины". Ему возражал Н. К. Михайловский, популярный критик демократического лагеря, утверждавший, что нечаевская "история" — "печальное, ошибочное и преступное исключение". Этот взгляд всячески пропагандировали в советские времена. Революционеры должны были представать в истории людьми "с чистыми руками и горячим сердцем".

Между тем методы Нечаева вызвали отвращение отнюдь не у всех современников. Вера Фигнер, учившаяся в 1872 г. в Швейцарии, в момент поимки Нечаева и выдачи его швейцарскими властями России как уголовного преступника даже удивлялась, что "общественное мнение Швейцарии было настроено неблагоприятно для Нечаева" и "агитация, поднятая кружком цюрихских эмигрантов... в пользу Нечаева, успеха не имела". Только небольшая группа студентов, в том числе сербов, предприняла неудачную попытку "отбить" Нечаева на железнодорожном вокзале при отправке его в Россию.

Для многих современников только нечаевский образ действий и означал собственно революционную борьбу. В. К. Дебогорий-Мокриевич, один из видных народовольцев, вспоминал о впечатлении, произведенном на него судебным процессом нечаевцев в 1871 г., когда сам он был студентом Киевского университета: "… показания обвиняемого Успенского, оправдывавшего свое участив в убийстве студента Иванова тем соображением, что для спасения жизни двадцати человек всегда дозволительно убить одного, казались нам чрезвычайно логичными и доказательными. Рассуждая на эту тему, мы додумались до признания принципа "цель оправдывает средства". Так мало-помалу мы приблизились к революционному мировоззрению..."

Так что, по справедливому замечанию одного из лучших знатоков этой эпохи историка Б. П. Козьмина, "нечаевское дело... предвосхищает в некоторых отношениях ту постановку революционного дела, какую оно получило в следующее десятилетие". Однако эта "постановка революционного дела" утвердилась не вдруг. Спор между сторонниками бескровного социального переворота, совершаемого просвещенным народом, и апологетами революции, приводящей к власти группу заговорщиков, которая уже при помощи государственного насилия над большинством меняет социальный строй, не был завершен. Сложность заключалась в том, что народ представлял для обеих партий величину совершенно неизвестную, наподобие икса в алгебраическом уравнении. Выбор той или иной модели революции во многом зависел от решения этого уравнения.

"Демократо-туристические странствования"

Естественным представлялся путь, намеченный Николаем Огаревым в письме к друзьям еще в 1836 г.: "Снимите ваш фрак, наденьте серый кафтан, вмешайтесь в толпу, страдайте с нею, пробудите в ней сочувствие, возвысьте ее; ее возвышение будет глас, трубный!.."

Подобные призывы идеологов, носителей высокой культуры, исторически связанной в России с дворянским сословием, вызвали весьма своеобразную реакцию в той среде, которая оказалась к ним наиболее восприимчивой, — среде разночинной молодежи, сделавшейся главной опорой и главным поставщиком радикально-оппозиционных сил в 1860–1880-е гг. По самому своему происхождению этот слой людей, вышедших из податных сословий и не получивших дворянских прав, оказывался в культурном отношении маргинальным. Отстраняясь и часто презирая обычаи и культурный обиход социальной группы, которую они покинули (как правило, это были бывшие мещане и поповичи), и поверхностно освоив высокую культуру, эти люди по недостатку образования не могли глубоко вникать в тонкости теоретических рассуждений учителей социализма.

Господствующее умонастроение этой среды в начале 1860-х гг. противники называли "нигилизмом" (слово это вошло в широкий обиход после выхода в 1862 г. романа И. С. Тургенева "Отцы и дети", где разночинец был представлен фигурой Базарова). Нигилисты стремились не принимать безусловно на веру традиционные ценности и обычаи, поверяя их ценность наукой. Однако сама наука становилась в силу культурных особенностей этой среды объектом веры. Научные гипотезы вроде дарвиновской теории происхождения человека от приматов или теории немецкого естествоиспытателя Бюхнера о тождестве сознания и химических процессов в человеческом организме без подобающей критической оценки становились объектом веры.

Одновременно со стремлением к строгому знанию у разночинцев была сильна "потребность в религиозном построении". "С разных сторон, — вспоминал видный участник движения О. В. Аптекман, — мне приходилось слышать такого рода суждения: мир утопает во зле и неправде; чтобы спасти его, недостаточна наука, бессильна философия; только религия — религия сердца может дать человечеству счастье". Смертельно больной Нечаев просил позвать к нему священника для беседы и причастия — ему как извергу в этом отказали (кстати, умер он в 1882 г. 21 ноября, в годовщину убийства Иванова). Перед казнью, стоя на эшафоте, руководитель "Народной воли" Андрей Желябов поцеловал крест. Советские биографы террориста, утверждая, что "этот поцелуй предназначался для толпы, иначе эти темные суеверные люди сочтут революционеров выродками", кажется, сильно упрощали действительность. Многие из народников видели существо христианского учения в том, чтобы "отдать всего себя на служение другим", а "на этой почве уже нетрудно было усвоить и учение шестидесятых годов о дол-

ге перед народом, о необходимости заплатить ему за все блага, полученные от рождения".

Воображаемый народ, носитель и хранитель общинного идеала, наделялся всеми мыслимыми достоинствами. Считалось, что "народ сам укажет интеллигенту, желающему слиться с ним, что он должен делать и куда направить свои силы".

При таком настроении "хождение в народ" выходило за рамки простой общественной кампании, становилось таинством приобщения к предмету обожания. Крестьянство для народников этого начального этапа было не просто силой в политической борьбе, оно было объектом веры и поклонения. В. К. Дебогорий-Мокриевич сравнивал его с "таинством евхаристии". Степняк-Кравчинский, деятельный участник движения, отмечал в своих воспоминаниях, что "тип пропагандиста семидесятых годов принадлежал к тем, которые выдвигаются скорей религиозными, чем революционными движениями". И соответственно, движение интеллигенции в народ было "скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения".

Первые робкие попытки "хождения в народ" были предприняты уже в начале 1860-х гг., когда многочисленные одиночки отправились "узнавать настроения народа", собирать фольклор. Уже в 1857 г. правительство заметило новое движение и специальным указом строго запретило лицам, ходящим "по городам, посадам, селениям, ярмаркам, большим и торговым дорогам для собирания исторических, статистических, этнографических и т. п. сведений" "делать ложные разглашения" и "распространять рассуждения и толки, предосудительные для правительства".

Большое влияние на молодежь произвели публиковавшиеся 1868–1869 гг. в газете "Неделя" отдельными выпусками "Исторические письма" ссыльного профессора математики Петра Лаврова, в которых он связывал прогресс в истории с деятельностью "критически мыслящих личностей", то есть интеллигенции. Главный тезис Лаврова заключался в том, что "всякое цивилизованное меньшинство, которое не хотело быть цивилизующим в самом обширном смысле этого слова, несет ответственность за все страдания современников и потомства, которые оно могло устранить, если бы не ограничивалось ролью представителя и хранителя цивилизации, а взяло на себя и роль ее двигателя". Как вспоминал О. В. Аптекман, "книга овладела мною, как,

скажу, св. Писание или Коран верующим: она... сулила мне спасение, праведную жизнь". Число молодых людей, стремящихся к сближению с народом, быстро росло.

В народ стремились народники обоих очерченных выше течений, преследуя разные цели. Как отмечал Михаил Бакунин, "после несчастного исхода нечаевского предприятия" мнения относительно того, с чем идти в народ, "чрезвычайно разделились; но из общей неурядицы мыслей выделяются уже теперь два главные и противоположные направления. Одно — более миролюбивое и подготовительного свойства; другое — бунтовское и стремящееся прямо к организации народной борьбы".

В 1874 г. стихийное движение приняло массовые размеры. Сигнал к этому подало само правительство. В 1870-е гг. в Цюрихе, куда приезжали главным образом молодые женщины для получения высшего образования, путь к которому в России был для них закрыт, образовалась значительная русская колония. В этой среде идея возвращения долга народу быстро нашла питательную почву, и русская колония в Цюрихе превратилась в единый оппозиционный клуб. Обеспокоенное этим обстоятельством российское правительство издало указ, предписывающий всем русским слушателям Цюрихского университета вернуться на родину до 1 января 1874 г. под страхом лишения российского подданства. Цюрихские студенты и студентки решили протестовать против правительственного распоряжения весьма своеобразно — пойти в народ. Они составили наиболее энергичный костяк движения 1874 г.

И вот городская недоучившаяся молодежь под видом фельдшеров и оспопрививателей, ремесленников и крестьян, идущих на заработки, двинулась в деревню. Преимущественно в качестве районов деятельности она выбирала Дон, Поволжье и Урал, где, по мнению участников "хождения", еще была жива память о крестьянских бунтах Разина и Пугачева и где пропагандисты рассчитывали установить связи с другими активными носителями народного "протеста" — разбойниками и религиозными сектантами. Запас печатных брошюр был невелик, и главной формой воздействия на крестьян была устная пропаганда. Разговоры затевали везде, где крестьяне соглашались слушать: в полевых станах, крестьянских избах, где находили ночлег, даже в кабаках.

Воображаемое народниками крестьянство в деревне не обнаружилось, а реальный мужик, по словам Бакунина, оказался "свиньей безнравственной и добродушной". Крестьянство встретило пропагандистов отнюдь не хлебом-солью. Мужики поразили интеллигентов "торгашеским духом", "отсутствием солидарности" и одновременно

“отсутствием резких границ между эксплуататором и эксплуатируемым”. “Пропагатору”, доказывающему слушателям в “питейном заведении”, что все люди должны быть равны, немедленно возражали: “не ладно ты, брат, говоришь. Взгляни-ка на свою руку: на ней пять пальцев, и все неравные”. Практический разговор о малоземелье и податях, по воспоминаниям Аптекмана, крестьяне поддерживали охотно, “но стоило только пропагандисту перейти на почву социализма, как все совершенно изменялось. Не то чтобы его не хотели слушать... а слушали, как обыкновенно слушают занятную сказку: не любо — не слушай, а врать не мешай”. Участников похода поразили “крайне низкий, почти первобытный уровень народных потребностей” и “несокрушимый фатализм”, не оставляющий “места индивидуальной и коллективной инициативе и ответственности...”.

Полиция быстро выловила пропагандистов. Но это бы полбеды, беда заключалась в том, что народ не понял борцов за его права, а иных, приняв за турецких шпионов, сдал полиции. В 1874 г. под арестом оказалось около 4 тыс. человек. Но не эти потери были главным ударом по движению. Тяжелее был крах идеи. Народник образца 1874 г., несмотря на весь эстетический нигилизм и склонность к резанию лягушек, был чистым идеалистом. “Социализм был его верой, народ — его божеством, — вспоминал С. М. Степняк-Кравчинский. — Невзирая на всю очевидность противного, он твердо верил, что не сегодня завтра произойдет революция, подобно тому как в средние века люди иногда верили в приближение Страшного суда. Неумолимая действительность нанесла жестокий удар этой восторженной вере, показавши ему его бога, каков он есть, а не каким он рисовался его воображению”.

“Часть дезорганизаторская”

Народ оказался вовсе не таким “социалистом по инстинкту”, как полагали. Его подготовка к социальной революции требовала интенсивной и длительной пропаганды, а также определенного уровня грамотности и образованности самого народа. Действенная пропаганда социалистического учения оказалась невозможна без политических свобод, к которым до тех пор российские народники были совершенно равнодушны, поскольку стремились прямо к социальному переустройству, мало интересовались политикой и даже считали излишними демократические институты, выработанные “мещанской” Европой. Еще менее помышляли они о политической революции с целью захвата власти.

В программной речи на "Процессе пятидесяти" в марте 1877 г. одна из обвиняемых, Софья Бардина, говорила с полной искренностью: "Если бы мы стремились произвести политический *coup d'état**, то мы не так бы стали действовать; мы не пошли бы в народ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы целесообразнее, но дело-то именно в том, что мы к такому *coup d'état* вовсе не стремимся..."

В результате массового "хождения в народ" значительная и, что важнее, наиболее энергичная часть народников пришла к заключению, что без политических свобод никакая работа в деревне с целью подготовки социального переворота невозможна.

Стремление к организационному сплочению возникает сразу же после разгрома 1874 г. В 1876-м Марк Натансон собрал в одной организации все рассеянные и дезорганизованные народнические силы (за что получил от товарищей прозвище Иван Калита). Так возникла вторая "Земля и воля". Организация объединяла в своих рядах практически все наличные оппозиционные силы, включавшие весьма разнородные элементы.

Эта разнородность нашла яркое выражение в программных документах организации. С одной стороны, в них партия отрекается от намерения диктовать свою волю народу.

> Конечный политический и экономический наш идеал — анархия и коллективизм.
>
> Но, признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историей экономического и политического народного идеала, а с другой — что коронные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России, мы суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту. Мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу "земля и воля".
>
> (Программа общества "Земля и воля" //
> Революционный радикализм в России. М., 1997)

С другой стороны, партия усваивает главные принципы экстремистов нечаевского типа.

* Государственный переворот *(франц.)*.

§ 9. Цель оправдывает средства.
Примечание. Исключая тех случаев, когда употребленные средства могут подрывать авторитет организации.

(Устав общества "Земля и воля". Дополненная редакция 1876 г.)

Задачи партии подразделялись на две большие части. Во-первых, партия стремилась "помочь организоваться элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства". Для чего предполагалось "организация уже готовых революционеров, согласных действовать в духе нашей программы"; "сближение и даже слияние с враждебными правительству сектами религиозно-революционного характера, каковы, например, бегуны, неплательщики, штунда*"; "привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шаек типа понизовой вольницы"; "заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих".

Во-вторых, партия ставила перед собой цель "ослабить, расшатать, то есть дезорганизовать силу государства, без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного, плана восстания". В этой "дезорганизаторской части" предусматривалось заведение связей в армии и правительственных учреждениях. Последним пунктом значилось "систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок".

Строение организации на первых порах было вполне демократическим. Руководящим центром общества служил "центральный", или "основной", кружок. Из состава этого петербургского кружка избиралась "администрация" (или "комиссия" из 3–5 человек, осуществлявшая оперативную координацию кружков и отдельных революционеров в провинции. Весной 1878 г. в составе "комиссии" выделились "интеллигентская", "рабочая", "редакционная", "типографская" и "дезорганизаторская" группы.

Поначалу основные усилия партии были направлены на реализацию "организаторской части" программы, землевольцы пытались продолжать пропаганду в деревне, организовав оседлые колонии революционеров в провинции. Но их деятельность была столь же безуспешной, как и стихийное хождение. Постепенно в организации

* Секты, считавшиеся по официальной тогдашней терминологии "особо вредными", члены которых не признавали над собой власти государства.

укрепляется группа "политиков", считающих своей первоочередной задачей борьбу за политические свободы и подготовку политического переворота, предшествующего социальной революции.

"Дезорганизаторская" деятельность общества, направленная первоначально на самооборону, к началу 1878 г. приобретает самостоятельное значение. Логику этого перехода хорошо очертил в своих воспоминаниях Степняк-Кравчинский: террористические акты "вытекая из чувства мести… направлялись вначале на ближайших врагов — шпионов, и в разных частях России их было убито около полудюжины. Было, однако, несомненно, что эти первые попытки необходимо должны были повести к дальнейшим. Уж если тратить время на убийство какого-нибудь шпиона, то почему же оставлять безнаказанным жандарма, поощряющего его гнусное ремесло, или прокурора, который пользуется его донесениями для арестов, или, наконец, шефа жандармов, который руководит всем? А дальше приходилось подумать и о самом царе, властью которого действует вся эта орда".

Оправдание Веры Засулич послужило толчком, в результате которого "этот переход, на который при иных условиях потребовались бы, может быть, годы, был совершен почти сразу". Дело Засулич "озарило" террор "ореолом самопожертвования и дало ему санкцию общественного признания".

Полемика между "деревенщиками", считавшими главной задачей пропаганду в деревне, и "политиками" после оправдания Засулич резко обостряется, причем победа достается "политикам". В начале 1879 г. энергичная группа "политиков" во главе с А. Д. Михайловым образует "Исполнительный комитет" и приступает к формированию хорошо законспирированной террористической организации. В июне 1879 г. "политики" провели сепаратный съезд в Липецке. Попытка выработать компромисс и сохранить единство организации, предпринятая на Воронежском съезде "Земли и воли", успеха не имела. Организация окончательно распалась на две: пропагандистскую "Черный передел", вскоре свернувшую свою деятельность в России и тихо почившую в эмиграции, и "Народную волю", вставшую на путь террора, единственного средства политической борьбы, доступного меньшинству при отсутствии в стране политических свобод.

Отдельные террористические акты предпринимались революционерами-одиночками и ранее. Террор "Народной воли" приобретает качественно новые черты. Теракт перестает быть только местью и инструментом дезорганизации правительства. Он получает теоретическое оправдание и осознается в качестве важнейшего воспитующего средства. П. Н. Ткачев блестяще сформулировал это в своем журнале

"Набат": "Революционный терроризм является... не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство", но и "единственным действительным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина".

Сил для массированного террористического наступления на власть у народовольцев, разумеется, не было. Характерно, что в начале 1881 г. организация решала, убить царя или освободить из Петропавловской крепости Нечаева — на оба мероприятия ресурсов недоставало. Решено было в конце концов бросить все силы на организацию цареубийства, которое, по мысли народовольцев, должно было вызвать революционный взрыв по всей России.

После целой череды неудачных покушений 1 марта 1881 г. "метальщики" Гриневицкий и Рысаков, действовавшие по команде Софьи Перовской, "привели в исполнение" смертный приговор, вынесенный "Народной волей" Александру II еще в 1879 г.

Ожидаемого революционного взрыва, однако, не последовало. Единственной реакцией масс на покушение, среди организаторов которого были евреи, стали еврейские погромы, мощной волной прокатившиеся по Южной России (полиция зарегистрировала 259 случаев). "Народная воля" готова была приветствовать хотя бы и такое начало народного движения. В вышедшем осенью 1881 г. шестом номере листка "Народная воля" по поводу погромов было сказано только, что "все внимание обороняющегося народа сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом на евреях, этой местной "буржуазии", поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд". Разочаровывало только то, что движение захватило исключительно города и только в черте еврейской оседлости.

Поднять на борьбу широкие массы крестьянства при помощи террора не удавалось. Единственный удачный опыт подготовки народного восстания в деревне был связан с применением совершенно других средств: мистификации и обмана.

Зимой 1876 г. по деревням Чигиринского уезда Киевской губернии начал ходить молодой человек, представлявшийся Дмитрием Найдой. Выдавая себя за ходока от херсонских крестьян к царю, он легко заводил связи и знакомства с крестьянами, входил в доверие к ним. На самом деле молодого человека звали Яковом Стефановичем, он был одним из активных участников революционных кружков и на свой страх и риск решился исполнить собственный план, по отзыву Степняка-Кравчинского, "поразительный по соединению смелости с бесстыдством, грандиозности и практичности — с полной беспринцип-

ностью". План этот состоял в том, чтоб поднять народ на восстание именем царя.

В конце 1876 г. "Найда" вернулся в Чигирин. На сей раз при нем были важные бумаги — "утвержденная царем" "Высочайшая тайная грамота", устав крестьянского общества "Тайная дружина" и текст "Обряда святой присяги". В царской "грамоте", составленной Стефановичем и Львом Дейчем, царь сообщал крестьянам о своем бессилии побороть сопротивление помещиков установлению истинной воли и предписывал им объединяться в тайные общества для подготовки к восстанию против дворян для захвата всей земли. "Грамота" имела большой успех, крестьяне массами вступали в "Тайную дружину", которая к середине 1877 г. насчитывала около 3 тыс. человек под командой "атамана" — отставного унтер-офицера Олейника.

Заговор был раскрыт полицией, под суд угодило более тысячи крестьян, получивших разные сроки наказания. Инициаторам удалось скрыться за границей. Степняк-Кравчинский, описывая эту аферу, утверждал, что "принцип стефановичевского плана — обман народа, хотя бы для его же блага, и поддержание гнусной царской легенды, хотя бы с революционными целями, — был, безусловно, отвергнут партией и не имел ни одного подражателя". Но и ему приходилось признать, что "энергия имеет непреодолимую обаятельность, в особенности для русских, среди которых людей с энергией так мало".

Энергии малочисленных революционеров оказалось недостаточно, чтобы заставить власть пойти на созыв Учредительного собрания. Одновременно окончательно развеялись надежды на массовое революционное движение в желательном для народников направлении. Оставалось попробовать зайти с другого конца и, отказавшись от анархического идеала, по крайней мере на переходный период, попытаться использовать для проведения социальной революции принудительную мощь государства.

"Революционное государство"

Идея эта не была чужда и народовольцам. В проекте программы исполнительного комитета "Народной воли", составленном в конце 1879 г., в разделе 5 "Организация и совершение переворота" указывалось: "Ввиду придавленности народа, ввиду того что правительство частными усмирениями может очень долго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет

в состоянии обойтись без нее". Не публиковавшийся по тактическим соображениям пункт 5 раздела Д программы Исполнительного комитета "Народной воли" прямо предусматривал организацию "заговора" и "переворота". О его "дворцовом" варианте рассуждал в 1881 г. член Комитета Л. А. Тихомиров: "При тогдашнем настроении общества и офицеров, да еще при такой полиции положительно возможно бы было организовать дворцовый переворот". В 1882 г. офицеры, входившие в Военную организацию "Народной воли", обсуждали планы захвата Кронштадта и ареста царской семьи на майском параде (в крайнем случае предполагалось немедленное "истребление царя со свитой"). При провозглашении Временного правительства в него предлагалось привлечь высокопоставленных военных, например популярного генерала, героя Шипки Михаила Драгомирова.

Некоторый свет на содержание не подлежащего опубликованию раздела, по всей видимости, позволяет пролить составленная весной 1880 г. народовольческая инструкция, озаглавленная "Подготовительная работа партии". Государственный переворот — подготовительная часть социальной революции — описывался там следующим образом: "Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10–15 человек — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями".

Первоначально народовольцы возвращаются к нечаевской заговорщицкой тактике действий ради созыва Учредительного собрания. Пока что они не намерены диктовать народу свою волю. Народовольческая программа, напечатанная в № 3 журнала "Народная воля", вышедшем 1 января 1880 г., гласила: "Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней". Уже это свободно избранное Учредительное собрание должно "пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей".

Проблема была в том, какие инструкции избиратели дадут своим депутатам. Знакомство с крестьянами, состоявшееся в результате мно-

гообразных “хождений”, убедило народников, что эти инструкции едва ли будут созвучны чаяниям революционеров. Оставалось сделать следующий логический шаг и признать за партией меньшинства возможность ради построения светлого будущего отбросить идеалы непросвещенного народа.

Этот шаг был сделан Петром Никитичем Ткачевым, начинавшим революционную карьеру в нечаевском кружке. Во второй половине 1870-х гг. он широко пропагандировал свои идеи в издававшемся им за границей журнале “Набат”, имевшем огромное влияние в революционной среде. “Только обладая властью, — писал Ткачев, — меньшинство может заставить большинство перестраивать свою жизнь сообразно... с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития”. Однако неразумное большинство едва ли согласится без борьбы на установление непонятного “наисправедливейшего” строя. Поэтому революционерам не избежать применения революционного насилия в отношении самого этого трудящегося большинства (Ткачев был убежден, что все лица старше 25 лет безнадежно испорчены старым строем, не смогут включиться в новый и подлежат уничтожению).

Уже в 1875 г. в статье “В чем должна состоять ближайшая практически достижимая цель революции” Ткачев сформулировал этот важнейший тезис. “Ближайшая... цель революции, — писал он, — должна заключаться не в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственною властью и превратить данное консервативное государство в государство революционное”. А вот собственно социальная революция, доселе считавшаяся результатом массового действия освобожденного народа, “осуществляется революционным государством, которое... уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию”.

Деятельность ткачевского революционного государства должна была выразиться в “постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, частного владения, в общину — коммуну, основывающуюся на принципе совместного труда с использованием общих орудий производства”; в “экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении, и в передаче их в общее пользование”; “постепенном введении таких общественных учреждений, которые бы исключали всякое посредничество при обмене продуктов и изменили бы принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу, — принципам братской любви и солидарности”; “постепенном устранении

физического, умственного и нравственного неравенства между людьми при посредстве обязательной системы общественного, для всех одинакового, интегрального воспитании"; "уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщин, рабства детей и эгоистического произвола мужчин" и, наконец, "в развитии общинного самоуправления" и "постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти".

Программа Ткачева, в основных чертах сформировавшаяся уже в 70-е гг., приобрела особенно широкую популярность в 1880-е гг., когда "Народная воля" была окончательно разгромлена и сошла со сцены, а менее кровожадные народники занялись просто культурной работой в народе. Против Ткачева резко выступили соратник Маркса Энгельс и бывший народник, организатор "Черного передела" Плеханов. Плеханов посвятил критике ткачевских взглядов большой раздел полемической книги "Наши разногласия". Существо разногласий Плеханов видел в различном отношении к массам: как к цели или к средству. Плеханов к этому времени уже был социал-демократом и критиковал тактику Ткачева, называя его бланкистом (от имени французского теоретика и практика заговора Луи Огюста Бланки). С точки зрения первого (социал-демократа), писал он, — "РЕВОЛЮЦИЯ имеет "особенно важное значение" ДЛЯ РАБОЧИХ; по мнению второго, РАБОЧИЕ имеют, как мы знаем, особенно важное значение ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ. Социал-демократ хочет, чтобы рабочий САМ СДЕЛАЛ свою революцию; бланкист требует, чтобы рабочий ПОДДЕРЖАЛ революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими, положим хоть гг. офицерами, если вообразить нечто вроде заговора декабристов".

Как замечал позднее внимательный наблюдатель и тонкий аналитик Николай Бердяев, "полемика Плеханова с Ткачевым представляет большой интерес, потому что она звучит совсем так, как будто Плеханов полемизирует с Лениным и большевиками, в то время как их еще не существовало... Плеханов, как потом все марксисты-меньшевики, не хочет признать особенных путей России и возможность оригинальной революции в России. И в этом он, конечно, ошибся. Ткачев был более прав. Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам".

Сами большевики в начале своего правления отнюдь не стеснялись родства с Ткачевым. В 1923 г. в журнале "Пролетарская революция" видный большевик и второстепенный историк С. И. Мицкевич утверждал, что "русская революции в значительной мере произошла по Ткачеву: путем захвата власти в заранее назначенный срок (25 октября) револю-

ционной партией, организованной по принципу строгой централизации и дисциплины, и эта партия, захватив власть, действует во многом по тому методу, который рекомендовал Ткачев". Далее, перечислив основные преобразования, которые должно было осуществить после переворота "революционное государство", автор восклицал: "Как современны и близки нам все эти взгляды Ткачева! И наш теперешний строй, не есть ли осуществление мечты Ткачева, что революционная партия, захватив власть, будет править, опираясь на "Народную Думу". Его "Народная Дума" то же, что наши Советы". К нему вскоре присоединился официальный глава большевистской исторической науки М. Н. Покровский, в пространной статье "Корни большевизма в русской почве" (1923) он прямо называл в ряду предтеч большевизма Пестеля, "Молодую Россию" и Ткачева.

В борьбе двух вариантов "русского социализма" победа в конечном счете досталась самому радикальному и в этом смысле наиболее "русскому". Между тем события могли принять совершенно иной оборот, если бы присяжные, судившие в марте 1878 г. Веру Засулич, не соскользнули под влиянием оппозиционного настроения образованного общества с твердой почвы права на зыбкую почву справедливости.

Подробнее на эту тему

Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. *Революционная традиция в России: 1783–1883 гг.* М.: Мысль, 1986.

Пирумова Н. М. *Александр Герцен: революционер, мыслитель, человек.* М.: Мысль, 1989.

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997.

Седов М. Г. *Героический период революционного народничества*. М.: Мысль, 1966.

1881 Плоды “ананасного” манифеста

29 апреля 1881 г. государь император Александр III подписал манифест с предлинным названием “О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России”. Напомнив верноподданным, что “Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученической кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления”, государь сообщал, что “посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений”.

Шутники немедленно окрестили царский манифест о незыблемости самодержавия “ананасным” — при распевном церковном чтении с амвона из неизящного оборота “а на Нас возложить Священный долг” неудержимо выпирал досадный никчемушный “ананас”. Дело, однако, было вовсе нешуточное. Манифест был решительным ответом

разом нескольким партиям, обнаруживающим "поползновения" на самодержавность власти.

Прежде всего, он был ответом террористам, которые 10 марта 1881 г., через десять дней после убийства Александра II, выставили ультиматум его сыну.

В открытом письме Александру III Исполнительный комитет "Народной воли", нарисовав картину глубокого социального и политического кризиса, поразившего Россию, утверждал:

> Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. <...>
>
> Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их. Этих условий, по нашему мнению, два:
>
> 1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;
> 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями. Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:
>   1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;
>   2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;
>   3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить:
>   а) полную свободу печати,
>   б) полную свободу слова,
>   в) полную свободу сходок,
>   г) полную свободу избирательных программ.
>
> Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны

и всего мира, что наша партия, со своей стороны, безусловно, подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием.

Итак, ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

(Бурцев В. Л. За сто лет. Женева, 1898. С. 173–179)

Мало кто тогда в России так прямо и решительно требовал политических свобод и законодательного парламента, но о необходимости для власти "живого общения с представителями земли" говорили и писали многие, от вольнодумных либеральных публицистов до царских министров. "Ананасный" манифест был им ответом ясным и недвусмысленным. Вопрос о реформе системы государственного управления был снят с повестки дня.

Кризис доверия

Великие реформы Александра II не затронули организацию власти. В результате система государственного управления и принятия решений оказалась несоответствующей новым задачам и условиям жизни. Уже это обстоятельство само по себе создавало немалые трудности, которые были усугублены натиском агрессивного террористического меньшинства. Власть оказалась в глубоком кризисе, выход из которого часть сотрудников Александра II искала в допущении "общества делам внутреннего управления", другая часть, напротив, стремилась к ужесточению властной вертикали и более полному контролю над обществом.

Первое крупное столкновение, приведшее к победе консервативных сил, было спровоцировано покушением студента Дмитрия Каракозова на царя. 4 апреля 1866 г. Каракозов стрелял в государя, прогуливавшегося в Летнем саду, а уже 5 апреля в заседании Комитета министров ярый консерватор обер-прокурор Синода граф Дмитрий Андреевич Толстой повел наступление на либерального министра народного просвещения Александра Васильевича Головнина, утверждая, что распространение либеральных и революционных идей в студен-

ческой среде — результат политики министерства. В результате Головнин подал в отставку, и Толстой занял его место. Вслед за Головниным оставили свои посты еще несколько крупных либеральных сановников. Остряки шутили, что Каракозов "одной пулей сразил четырех министров".

Реакция поначалу затронула главным образом сферы просвещения и печати. Были немедленно закрыты два самых острых демократических журнала — "Современник" Н. А. Некрасова и "Русское слово" Г. Е. Благосветлова — "вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления". 13 мая 1866 г. задача власти в сфере образования была сформулирована в форме царского рескрипта на имя председателя Комитета министров князя П. П. Гагарина. "Провидению угодно было, — говорилось в рескрипте, — раскрыть перед глазами России, каких последствий надлежит ожидать от стремлений и умствований, дерзновенно посягающих на все для нее исконно священное, на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям".

Идеологом школьной реформы выступал блестящий консервативный публицист Михаил Никифорович Катков — издатель влиятельного журнала "Русский вестник" и газеты "Московские ведомости". Катков в своих изданиях резко критиковал головнинский гимназический устав 1864 г., называя "сущим злом" преподавание истории и словесности, приучающих учащихся к безответственному "верхоглядству". Восставая против преподавания предметов, способствующих формированию самостоятельного образа мысли, он требовал замены их предметами дисциплинирующими, позволяющими усваивать абсолютные истины и точные понятия и не дающими простора для "умствования".

На подготовку реформы ушло несколько лет, и только в мае 1871 г. законопроект был представлен в Государственный совет, где встретил сильное противодействие либералов (29 из 48 членов Совета голосовали против). Александр II утвердил, однако, мнение меньшинства, и 15 мая 1871 г. толстовский проект получил силу закона. Реформа заключалась в том, что единственным типом среднего учебного заведения, дающего право поступления в университет без экзаменов, становилась классическая гимназия, в курсе которой главенствующее место занимали древние языки и математика (5–6 часов в неделю, в начальных классах — до восьми). Преподавание русского языка, истории, новых языков и особенно словесности сильно сокращалось (до двух часов в неделю). Из естественных наук в программе уцелела только физика, на которую отводилось два часа в неделю и только в трех

старших классах. Реальные гимназии ликвидировались и заменялись реальными училищами с шестилетним курсом обучения (в гимназии — восьмилетним), окончание которых не позволяло поступить в университет. Более того, из программы реальных училищ тщательно вытравливались все общеобразовательные предметы, а "дисциплинирующую" функцию исполняли математика и черчение, которым отводилась львиная доля учебного времени. Естествознание было оставлено в мизерных объемах, причем преподаваться оно должно было, как говорилось в объяснительной записке к программе, не научно, а "технологически".

Затем последовала реформа начальной школы. Положение о начальных народных училищах 1863 г. отменило монополию власти на школьное дело, возможность открывать учебные заведения получили общественные организации и частные лица. Постепенно лидирующая роль в этой сфере перешла к органам земского самоуправления, в чьих школах учебный процесс был лучше поставлен, нежели в школах, находящихся в ведомстве Министерства народного просвещения и Священного синода.

Земская школа заводилась совершенно заново, поскольку земцы не без оснований находили постановку школьного дела в дореформенной России совершенно неудовлетворительной. Прежде всего, земства, не ассигнуя больших средств на открытие собственно школ, принялись за выработку программ и отработку постановки дела. Здесь быстро обнаружились талантливые теоретики и практики, такие как Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов, В. Я. Стоюнин, барон Н. А. Корф. Преимущественное внимание земства, взявшие на себя роль первопроходцев (черниговское, новгородское, петербургское), уделяли открытию учительских семинарий для подготовки хороших учителей, в число которых допускались и женщины. Заведование своими школами земства поручали, как правило, управам или членам училищных советов от земства и лишь в исключительных случаях передоверяли его полностью училищным советам, в которых помимо специально выбранных земских представителей состояли чиновники, назначаемые Министерством народного просвещения, и священники, по назначению епархиального начальства.

С приходом Д. А. Толстого Министерство народного просвещения взяло курс на установление строгой бюрократической опеки над общественной школой и учителями. Учебники и книги, допускаемые в народные училища, подвергались строгой цензуре ученого комитета Министерства; число таких книг было крайне ограниченно. В 1869 г. были учреждены должности инспекторов народных училищ, которые

скоро сделались в силу полученной ими в 1871 г. министерской инструкции не столько педагогами-инструкторами, как предполагалось изначально, сколько наблюдателями за благонадежностью учителей. Министерство старалось изъять вопросы содержания преподавания и постановки учебного дела у земств, с тем чтобы они только финансировали школы. Само же министерство старалось всячески сузить программу народных школ, не допуская никаких предметов, кроме Закона Божьего, чтения, письма, арифметики, пения и обучения ремеслу.

Этот натиск на земскую школу завершился изданием 25 мая 1874 г. нового положения о начальных народных училищах, отводившего главную роль в направлении школьного дела уездным и губернским училищным советам, состоящим под председательством предводителей дворянства. Земство утратило в значительной степени свободу действий в собственных школах, поскольку назначение и учителей, и инспекторов оказалось в ведении советов, в которых представители земств лишились решающего голоса.

Под давлением Толстого началось наступление и на органы земского самоуправления. Законом 21 ноября 1866 г. были ограничены бюджетные права земств, которым было запрещено облагать земскими сборами промышленные и торговые предприятия, что существенно сокращало возможности расширения земской работы. Законом 13 июня 1867 г. в земских собраниях была усилена роль председателя (предводителя дворянства), получавшего право по собственному произволу не допускать обсуждения самых различных вопросов, а все земские публикации с этого времени должны были проходить цензуру губернаторов. Последняя мера была особенно болезненно воспринята либеральным обществом, поскольку многие административно-правовые вопросы могли проникнуть на страницы печати только в форме протоколов земских собраний и отчетов земских комиссий.

Единомышленник Толстого граф К. И. Пален, занявший осенью 1867 г. пост министра юстиции, повел наступление на новые судебные уставы. Прежде всего была сокращена сфера применения новых судебных институтов. Законом 1871 г. дознание по политическим делам было изъято у судебных следователей и передано жандармерии. В 1872 г. дела по политическим преступлениям были изъяты из ведения "общих судебных установлений", для их рассмотрения было образовано Особое присутствие Правительствующего Сената, а дела "о сопротивлении властям" в 1878 г. были переданы в ведение военных судов. Пален уже административными мерами, не меняя законодательства, повел атаку и на независимую адвокатуру. Он перестал учреждать, как это предполагалось судебными уставами, советы присяж-

ных поверенных, и в тех судебных округах, где они до того не были созданы, все вопросы допущения в сословие и исключения из него разрешались не корпоративным адвокатским институтом, а коронными судьями.

Правительство Толстого перешло к полной русификации Царства Польского, где прежде считалось необходимым предоставлять полякам своего рода культурную автономию, решительно пресекая только попытки политического обособления. Начиная с 1866 г. в средних, а затем и в начальных школах Царства Польского вводится преподавание на русском языке. При попечителе учебного округа Апухтине стеснения доходят до того, что запрещается преподавание на польском языке даже Закона Божьего, в результате чего его преподавание в большинстве школ вовсе прекращается.

В сепаратизме были обвинены и "украинофилы" — немногочисленные интеллигенты, занимавшиеся на тот момент только этнографическим изучением Малороссии. В 1875 г. был закрыт Юго-Западный отдел Русского географического общества, вокруг которого группировались "украинофилы". Тогда же было запрещено печатание книг и театральные представления на украинском языке.

Толстовские акции имели последствия, совершенно противоположные тем, на какие он рассчитывал. Не достигнув своей непосредственной цели — "введения единомыслия", — они способствовали взрывному росту оппозиционных настроений в широких кругах легальной общественности, разочаровавшейся в возможностях правительства вести страну по пути прогрессивных преобразований. Власть не доверяла обществу, общество теряло доверие к власти. Возникшее таким образом отчуждение стало особенно опасно в условиях натиска, предпринятого на власть народовольцами-террористами в конце 1870-х гг.

После процесса Веры Засулич поток террористических актов начал нарастать лавинообразно. Но особое беспокойство правительства вызывало то обстоятельство, что террористы не встречали противодействия и даже морального осуждения в обществе. 24 июля 1878 г., когда одесский суд вынес смертный приговор группе народовольцев во главе с Ковальским, которые оказали при аресте вооруженное сопротивление, всеобщее негодование в адрес суда вылилось в антиправительственную демонстрацию, завершившуюся столкновением толпы с войсками. 4 августа 1878 г. в Петербурге Сергей Степняк-Кравчинский средь бела дня заколол на людной улице шефа жандармов Н. В. Мезенцова и скрылся. Публика не предприняла никаких усилий для задержания убийцы.

81

Плоды "ананасного" манифеста

Правительство начинает сознавать необходимость привлечения общества к борьбе с "крамолой". 20 ноября 1878 г. Александр II обратился к представителям сословий в Москве со словами: "Я надеюсь на ваше содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь".

Важным симптомом кризиса стала готовность земских либералов, принципиально отвергающих незаконные способы политической борьбы, перейти к нелегальным методам. Законопослушные земцы начинают устраивать конспиративные съезды. А 3 декабря 1878 г. в Киеве на квартире известного "украинофила" В. Л. Беренштама состоялось совещание либеральных земцев во главе с И. И. Петрункевичем с лидерами южного исполнительного комитета "Земли и воли". Петрункевич уговаривал революционеров "временно приостановить всякие террористические акты, чтобы дать нам, земцам, время и возможность поднять в широких общественных кругах и прежде всего в земских собраниях открытый протест против правительственной внутренней политики и предъявить требование коренных реформ в смысле конституции, гарантирующей народу участие в управлении страной, свободу и неприкосновенность прав личности". Предложение Петрункевича было отвергнуто.

Тем не менее земцы решились устроить на свой страх и риск кампанию заявлений в земских собраниях. Тверское губернское земское собрание обратилось к императору с адресом, в котором требовало для России конституции, ссылаясь на то, что она была дарована освобожденной недавно Болгарии. "Государь император в своих заботах о благе освобожденного от турецкого ига болгарского народа, — писали земцы, — признал необходимым даровать ему истинное самоуправление, неприкосновенность прав личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губернии смеет надеяться, что русский народ, с такою полною готовностью, с такою беззаветною любовью к своему царю-освободителю несший все тяжести войны, воспользуется теми же благами, которые одни могут дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепенного, мирного и законного развития". Власти поспешили прекратить земскую кампанию репрессиями. Министр внутренних дел циркулярно известил предводителей дворянства, председательствующих в земских собраниях, что они будут привлекаться к ответственности в случае подобных демонстраций. Черниговское губернское земское собрание, в котором Петрункевич выступил с обращением, аналогичным тверскому, было разогнано жандармами, а сам он был выслан административным порядком в Костромскую губернию.

Революционеры тем временем перешли от терактов против второстепенных представителей власти к прямой охоте на царя. 2 апреля 1879 г. один из членов Исполнительного комитета “Земли и воли” А. К. Соловьев совершил неудачное покушение на Александра II. Правительство ответило усилением административных репрессий, для борьбы с крамолой была укреплена “вертикаль власти” и образованы чрезвычайные временные генерал-губернаторства.

Однако становилось все очевиднее, что одними репрессиями преодолеть кризис невозможно. Первым практический опыт привлечения общественности на сторону власти предпринял М. Т. Лорис-Меликов, назначенный таким временным генерал-губернатором в Харьков. Популярный генерал, герой двух русско-турецких войн Михаил Тариелович привлек к себе общественные симпатии и как администратор. Незадолго до назначения в Харьков он прославился на всю Россию тем, что из 4 млн рублей, ассигнованных из казны на борьбу с эпидемией чумы в Астрахани, ухитрился потратить 300 тыс., чего оказалось совершенно достаточно для преодоления бедствия, а оставшиеся средства до копейки вернул в казначейство.

В Харькове Лорис-Меликов, усилив полицию, одновременно предпринял несколько шагов, чтобы привлечь на сторону власти “представителей местных интересов”, решительно ограничив произвол местной администрации. Одновременно идеи “примирения” с обществом стали развиваться некоторыми высшими чиновниками в Петербурге. Председатель Комитета министров граф П. А. Валуев извлек из нафталина собственный проект созыва совещательного учреждения, наподобие Земского собора, отвергнутый в начале 1860-х гг. На сей раз сочинение Валуева, “отличавшееся витиеватой и внушительной неопределенностью”, было встречено более внимательно, и его начали всерьез обсуждать в придворных кругах. В том же направлении действовал председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич, напомнивший государю об аналогичном проекте князя Урусова, составленном в 1866 г.

Государь пребывал в нерешительности, а тем временем Степан Халтурин, нанявшийся истопником в Зимний дворец, ежедневно проносил в свою подвальную каморку, расположенную прямо под парадной императорской столовой, очередную порцию динамита. 4 февраля 1880 г. дворец буквально взлетел на воздух. Только случайность спасла императорскую фамилию. Поезд, доставивший в Петербург принца Баттенбергского, которого предполагалось потчевать торжественным

обедом, опоздал, и царская семья не успела к моменту взрыва занять свои места в столовой. Происшествие было чрезвычайное не только по множеству жертв (между подвальной каморкой и столовой располагалось караульное помещение, и в результате взрыва погибло несколько десятков караульных). В случае успеха была бы уничтожена вся императорская фамилия, и тогда возник бы вопрос о выборе новой династии или о перемене формы правления. Взрыв царской резиденции в центре столицы означал во всяком случае полное крушение существовавшей системы охраны и крайнюю опасность сложившегося положения.

8 февраля 1880 г. Александр II созвал совещание для обсуждения валуевского проекта, в ходе которого наследник, великий князь Александр Александрович, предложил вместо созыва местных людей учредить чрезвычайную следственную комиссию, которой должна быть предоставлена и значительная распорядительная власть. План этот был первоначально царем отвергнут, однако на следующий день, проведя новое совещание с находившимися в Петербурге генерал-губернаторами, в числе которых был и Лорис-Меликов, царь пришел к выводу о необходимости ввести в стране диктатуру. 12 февраля было объявлено о создании Верховной распорядительной комиссии с чрезвычайными полномочиями во главе с Лорис-Меликовым.

Уже 15 марта Лорис-Меликов, следуя избранной тактике борьбы с крамолой путем привлечения на сторону власти либеральной общественности, опубликовал воззвание "К жителям столицы", в котором обратился за поддержкой к "благомыслящей части общества" для восстановления порядка в стране. "На поддержку общества, — писал в своем воззвании глава Верховной распорядительной комиссии, — смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества". Одновременно была продемонстрирована предельная жесткость в отношении террористов. Ипполит Млодецкий, совершивший 20 февраля покушение на Лорис-Меликова, уже 22 февраля был повешен по приговору военно-окружного суда.

Либеральный публицист Н. К. Михайловский ехидничал, что "благодарная Россия изобразит Лорис-Меликова в статуе с волчьим ртом спереди и лисьим хвостом сзади". Позже в советской литературе, основывавшейся на этой характеристике, Лорис-Меликов был изображен жестоким лицемером, что совершенно не соответствовало действительности. Свою задачу он видел в умиротворении страны путем возвращения к реформаторской политике, прерванной толстовской

реакцией. Программа ближайших преобразований, предложенная в докладе Лорис-Меликова 11 апреля 1880 г., предусматривала податную реформу, пересмотр паспортной системы, сковывавшей активность прежде всего крестьянства, расширение прав старообрядцев и законодательное регулирование отношений рабочих с нанимателями.

В подтверждение серьезности намерений правительства проводить более либеральный курс по почину Лорис-Меликова обществу было сделано два важных символических жеста. В конце апреля был отправлен в отставку министр народного просвещения Д. А. Толстой, бывший по совместительству и обер-прокурором Синода. Увольнение его состоялось накануне Пасхи и было принято обществом как "пасхальное яичко", в столицах обыватели вместо традиционного "Христос воскресе" приветствовали друг друга в Светлое воскресенье возгласами: "Толстой сменен!" — "Воистину сменен". 6 августа — одновременно с закрытием Верховной распорядительной комиссии — было упразднено ненавистное всем Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии, ведавшее политическим сыском. Впредь дела о политическом розыске вводились в общую систему государственного управления, для чего при Министерстве внутренних дел, которое возглавил Лорис-Меликов, создавался Департамент полиции, причем во главе департамента был поставлен бывший прокурор судебной палаты В. К. Плеве, что было воспринято как намерение ввести действия полиции в более строгие правовые рамки.

Эпоху правления Лорис-Меликова окрестили "диктатурой сердца". Решительно обрушиваясь на все силы, формально нарушавшие закон (от репрессий Распорядительной комиссии пострадали не только революционеры, но и либералы, хотя и в меньшей степени), он в то же время последовательно проводил курс на "ненарушимость гражданских прав" мирных обывателей. При Лорис-Меликове были отменены все стеснительные поправки к земскому положению, принятые в эпоху Толстого, и восстановлено в значительной мере действие судебных уставов. Назначенный вместо консерватора Грейга министром финансов либерал А. А. Абаза немедленно отменил тяжкий для низов налог на соль и приступил к разработке других либеральных финансовых мер.

Было облегчено положение печати, наступила новая "оттепель". Начал выходить либеральный журнал "Русская мысль" и еженедельная газета "Земство". Печати позволялось обсуждать в широких пределах политические вопросы за единственным исключением — она ничего не должна была говорить о конституции. 6 сентября 1880 г. Лорис-Меликов собрал у себя — невиданное ранее дело! — редакторов наиболее солидных петербургских изданий для беседы. Как

вспоминал позднее председатель Государственной думы С. А. Муромцев, бывший тогда редактором "Юридического вестника", министр преследовал цель "разъяснить им, чтоб они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении — в виде ли представительных собраний на манер европейских, в виде ли наших бывших земских соборов, — что ничего подобного в виду не имеется и что ему, министру, подобные мечтательные разглагольствования прессы тем более неприятны, что напрасно возбуждаемые ими надежды в обществе связываются с его именем, хотя он, министр, никаких полномочий не получал на это и сам лично в виду ничего подобного не имеет".

Толки в печати были вызваны неоднократно упоминавшимся в различных записках и докладах Лорис-Меликова намерением привлечь "сведущих людей", выборных от дворянства, земств и органов городского самоуправления, к обсуждению проектов правительственных распоряжений. В сентябре 1880 г. в провинцию по распоряжению Лорис-Меликова были посланы сенаторские ревизии, дабы "дознать желания, нужды и состояние населения разных губерний". В докладе, представленном императору 28 января 1881 г., Лорис-Меликов предлагал учредить по образцу редакционных комиссий, созданных в период подготовки крестьянской реформы, две комиссии для обработки собранных в ходе этих ревизий сведений и подготовки реформ, намеченных в его прошлогоднем апрельском докладе. В состав двух комиссий (одна условно именовалась "финансовой", другая "административно-хозяйственной") наряду с назначаемыми от правительства чиновниками должны были войти выборные депутаты от земств и городов. Далее предусматривалось участие 10–15 выборных членов комиссий в обсуждении этих законопроектов в Государственном совете. 5 февраля Александр II собрал особое совещание под председательством П. А. Валуева, которое одобрило предлагаемые министром внутренних дел меры, за исключением введения выборных в Государственный совет. 17 февраля император утвердил журнал совещания, сообщив ему тем самым силу закона, и повелел собрать заседание Совета министров для окончательного решения двух вопросов: публиковать ли во всеобщее сведение извещение об открытии комиссий и допустить ли выборных в Государственный совет. Сам созыв комиссий считался делом решенным. Совет министров должен был собраться 4 марта.

Заседание не состоялось. 1 марта Александр II был убит народовольцами. На престол взошел Александр III, человек совершенно ино-

го склада и темперамента. Лорис-меликовский проект вновь обсуждался в заседании Совета министров 8 марта, и здесь на него повели решительную атаку консерваторы — граф С. Г. Строганов и К. П. Победоносцев, пугавшие государя тем, что реализация скромного плана "ведет прямо к конституции". Министры-либералы стойко оборонялись, но в результате вопрос о призыве сведущих людей был отложен на неопределенное время. Полемика носила такой острый характер, что в последующие несколько дней министры-либералы Лорис-Меликов, Милютин, Абаза не разговаривали с Победоносцевым и его сторонниками. Правительство оказалось парализованным.

12 апреля Лорис-Меликов подал царю новую записку. "При такой разнородности центрального правительства, — писал он, — нельзя надеяться установить порядок на местах, и распри между министерствами будут служить лучшей пищей антиправительственной оппозиции". От царя требовалось или принять иную программу выхода из кризиса взамен лорис-меликовской, или устранить от власти консерваторов для образования "одномысленнного" правительства. Непременным условием успешного умиротворения страны Лорис-Меликов считал привлечение к законодательной работе "выборных представителей общественных учреждений".

21 апреля на новом совещании у царя в Гатчине либералы, по всей видимости, одержали победу, было принято решение о согласованных действиях министров, что при тогдашней расстановке сил в правительстве практически означало устранение Победоносцева от формирования правительственного курса. Военный министр Милютин писал в дневнике: "...совещание оказалось успешнее, чем мы ожидали. В нем высказалось совершенно непривычное для нас единство в общем взгляде министров: даже Победоносцев — и тот приложил все старания, чтобы сгладить резкий диссонанс, отделивший его от всех прочих коллег". Простодушный министр финансов Абаза был уверен, что Победоносцев "истерт в порошок".

Либералы рано праздновали победу. Вечером 21 апреля царь написал Победоносцеву записку: "Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление". "Невыносимо и странно" казалось царю слушать "умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики". "Лорис, Милютин и Абаза положительно... хотят, так или иначе, довести нас до представительного правительства, но пока я не убежден, что для счастья России это необходимо, конечно этого не будет, я не допущу". Царь был уверен, что счастье России обеспечивается другими средствами. Победонос-

цев в ответ посоветовал "обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия" и получил поручение подготовить манифест в этом духе.

26 апреля проект манифеста, составленный Победоносцевым при участии Строганова, был представлен царю, а 27-го государь ответил короткой запиской: "Одобряю вполне и во всем редакцию проекта".

"Ананасный" манифест явился 29 апреля 1881 г. полной неожиданностью для противников Победоносцева. Министры-либералы были глубоко поражены такой подлостью. "Как? — возмущался военный министр Д. А. Милютин. — После бывшего ровно неделю тому назад совещания в Гатчине, после положительно заявленного государем желания, чтобы впредь между министрами было полное согласие и единство, чтобы по всем важным вопросам они входили в предварительное между собою соглашение, и вдруг является совершенным сюрпризом для всех нас такой важный государственный акт как манифест царский!" 30 апреля подал в отставку Лорис-Меликов. Вскоре за ним последовали Д. А. Милютин и А. А. Абаза. Их место в правительстве заняли консерваторы.

Историки нередко иронически относятся к "конституции" Лорис-Меликова. Однако следует иметь в виду, что тогда в России мало кто рассчитывал на большее. Признанный лидер российских либералов, правовед, профессор московского университета Борис Николаевич Чичерин в записке "Задачи нового царствования", датированной 10 марта 1881 г., указывал, что для борьбы с социализмом для власти необходимо "живое общение с представителями земли", причем "нет необходимости, чтобы таким органом был непременно парламент, облеченный политическими правами. Такого рода учреждения пригодны только для общества зрелого, установившегося на своих основах, а нам пока предстоит воспитаться. Политическая свобода может быть отдаленным идеалом русского человека; насущная потребность заключается единственно в установлении живой связи между правительством и обществом для совокупного отпора разлагающим элементам и для внесения порядка в русскую землю. Эта цель может быть достигнута приобщением выборных от дворянства и земства к государственному совету".

Реализация лорис-меликовского проекта была пусть скромным, но шагом на пути создания в России политического строя, соответствующего общему "духу времени", господствующему тогда в Европе, к которой причисляло себя и значительное большинство русского образованного общества. Без большой натяжки можно утверждать, что, несмотря на все различия во мнениях, министры-либералы Александ-

ра II были западниками. В апреле 1881 г. к власти в России пришли почвенники, ратовавшие за особый путь развития страны, не имеющий ничего общего с европейским. Началась новая эпоха.

Эпоха “патриотического здравомыслия”

Царствование Александра III (1881–1894) обычно трактуется как период контрреформ или даже “разнузданной” реакции. Традиционные определения, подчеркивая лишь контраст между политикой Александра II и Александра III, не ухватывают своеобразия этого времени, на свой лад богатого административным творчеством. Реформы 1860-х гг. действительно объявлялись результатом “чужебесия” — некритического заимствования иноземных обычаев, однако начало этого губительного процесса виделось еще в эпохе Петра Великого. Соответственно и задача ставилась чрезвычайно амбициозная. Речь шла не просто о пересмотре новаций предыдущего царствования, которые, как писал Катков, “не все должным образом и с достаточной зрелостью продуманы, а во многом сфабрикованы по чужим лекалам, и потому... не имеют почвы и лишены смысла в России”. Программу-максимум нового царствования через несколько дней после кончины Александра II сформулировал лидер славянофильского крыла консерваторов И. С. Аксаков: “В Москву, в Москву призывает теперь своего царя вся Россия... Пора домой! Пора покончить с петербургским периодом русской истории...”

Новый царь, любивший допетровскую старину, охотно прислушивался к голосам тех, кого считал “истинно русскими людьми”. Однако между ними не было согласия относительно того, что практически означает такое возвращение “домой”, а доведенные до логического завершения программы их пугали радикализмом. Последовательная реализация славянофильской аксаковской программы предусматривала создание органа “единения” царя с народом в обход бюрократии, которая представлялась помехой, излишним посредствующим звеном, подлежащим уничтожению, “средостением” между верховной властью и народом. Воплощение в жизнь идей Константина Леонтьева о “византизме” как основе российской самобытности должно было завершиться взятием Царьграда-Константинополя. А для сохранения государственной мощи России, без которой неосуществимо ее религиозное призвание, Леонтьев считал необходимым “создать кое-что небывалое в подробностях (изгнать решительно евреев, сделать собственность менее свободной, а более сословной и государственной, и т. п., сосредоточить церковную власть, причем, конечно, она станет

деспотичнее)". Реализация программы переквалифицировавшегося из террориста в искреннего монархиста Льва Тихомирова предусматривала в качестве идеала построение "охранительного социализма". И даже катковская программа дебюрократизации с опорой на дворянство иным министрам казалась опасной, а издания Каткова не раз получали строгие цензурные взыскания.

Александр III прислушивался к советам М. Н. Каткова (которого в 1880-е гг. считали столь влиятельным, что английский посол почти не в шутку запрашивал свое начальство: при ком ему полезнее аккредитоваться — при Министерстве иностранных дел или при Каткове), издателя журнала "Гражданин" друга своей юности князя В. П. Мещерского. Однако практическую политическую линию формировал пользовавшийся безусловным доверием царя обер-прокурор Синода Константин Петрович Победоносцев, человек осторожный до мнительности. Значение его довольно точно определил в частном письме к единомышленнику, государственному контролеру Т. И. Филиппову Константин Леонтьев: "Он как мороз; препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничто не будет. Он не только не творец, но даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова: мороз... сторож, безвоздушная гробница, старая "невинная" девушка и больше ничего!!" Это мнение разделял по существу и Александр III, говоривший С. Ю. Витте о Победоносцеве, что тот "...отличный критик, но сам никогда ничего создать не может".

В результате ни одна из традиционалистских доктрин не была взята на вооружение властью в чистом виде и не проводилась последовательно. Усилиями Победоносцева программа нового царствования свелась к "патриотическому здравомыслию", проводимые меры заимствовались из разных почвеннических программ в той степени, в какой их проведение не требовало резких поворотов и не грозило непредсказуемыми последствиями. По необходимости проводя либеральную политику в экономической сфере и лелея в самом общем виде консервативно-почвеннический идеал будущего, власть в практической политике в значительно большей степени руководствовалась указаниями "здравого смысла", чем определенной теоретической моделью.

Отчасти это было связано с тем, что консервативно-традиционалистская идеология опиралась на систему иррациональных обоснований, ее постулаты были скорее предметом веры. В основе ее лежало представление о таких трудноуловимых субстанциях, как "русская почва" или "народный дух", не поддающихся научному исследованию и описанию. Идеологи власти оказались неспособны вооружить ра-

циональными аргументами "патриотическую" программу, чтобы она могла противостоять на равных либеральным и радикальным проектам преобразования России.

В самом общем виде консервативная идеология сводилась к представлению о России как особом мире, особой цивилизации. Значительное влияние на идеологов этого лагеря оказала теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, согласно которой идея, лежащая в основе того или иного исторического типа, остается неизменной, и соответственно, политические формы, выработанные одним народом, годятся только для этого народа.

В отличие от либералов и социалистов, разделявших оптимистический взгляд на возможность прогресса, консерваторы были убеждены в неискоренимом нравственном несовершенстве человека. Исправить человека невозможно, возможно только сдерживать негативные проявления человеческой натуры, чему служит отеческая власть государства. Монарх подобен отцу, а его подданные — детям. Россия представляет собой семью, а семья строится на основе естественной иерархии, аналогом которой применительно к обществу служит сословная структура.

Практическая политика сводилась к двум важнейшим направлениям: восстановлению "истинно русских" начал администрации и борьбе за чистоту "русского духа".

В исторической литературе нередко можно встретить утверждения, что этот курс во внутренней политике был взят не сразу после издания "ананасного" манифеста. Действительно, занявший место министра внутренних дел Н. П. Игнатьев, по всей видимости, продолжал некоторые начинания Лорис-Меликова. Он пригласил "сведущих людей" (только не выборных, а назначенных самим правительством) для обсуждения вопроса о снижении выкупных платежей, а в ноябре 1881 г. учредил особую комиссию под председательством члена Государственного совета М. С. Каханова для подготовки проекта реорганизации всей губернской и уездной администрации на основаниях всесословности. Однако в исполнении Игнатьева лорис-меликовские инициативы удивительным образом выхолащивались, приобретали откровенно бутафорский характер. Так, 19 марта 1881 г. в Петербурге градоначальником Н. М. Барановым был создан Временный совет при градоначальстве, члены которого избирались жителями, имевшими право участия в городских выборах. Некоторые либералы попростодушнее, как, например, издатель петербургской газеты "Голос", даже приветствовали этот "бараний парламент", единственная реальная функция которого состояла в штемпелевании полицейских распоряже-

ний. Система выборов в него была так устроена, что первым по числу набранных голосов попал в его состав бывший петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов (прославившийся помимо экзекуции над Боголеповым безграмотностью, вошедшей в поговорку; он ухитрялся делать четыре ошибки в слове из трех букв — писал "исчо" вместо "еще"). Такой же бутафорский характер должен был иметь и Земский собор, который Игнатьев предложил собрать во время коронации Александра III. Скромные комиссии Лорис-Меликова должны были реально участвовать в законотворчестве. Пышный собор Игнатьева, на который предполагалось созвать 4 тыс. депутатов, должен был продемонстрировать единение царя с народом и заставить "замолкнуть все конституционные вожделения".

Игнатьев продолжал либеральные мероприятия, замышленные в эпоху "диктатуры сердца", в области финансово-экономической, но в политической сфере его курс был прямо противоположен лорис-меликовскому. По крайней мере два важнейших акта, с которыми связана политика контрреформ, — положение "О мерах к охранению государственного порядка..." и "Временные правила о евреях" — появились именно в игнатьевское министерство. Оба эти игнатьевские акта грубо ограничивали гражданские права российских подданных, тогда как Лорис-Меликов стремился оборонять и даже расширять эти права в самые тяжелые моменты государственного кризиса. Поэтому можно смело утверждать, что новый курс был взят непосредственно после издания "ананасного" манифеста.

"Истинно русским началам администрации" соответствовала система отеческого попечения о нуждах подданных, причем начальство, безусловно, лучше подданных ведало их нужды и в своих распорядительных действиях не должно было стесняться выдуманными "прогнившей" Европой правовыми гарантиями. Во избежание таких помех 14 августа 1881 г. было издано положение "О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и приведении определенных местностей империи в состояние усиленной охраны". Согласно этому акту любая местность могла быть объявлена на положении усиленной или чрезвычайной охраны. Положение усиленной охраны вводилось генерал-губернатором с утверждения министра внутренних дел сроком на год; чрезвычайная охрана устанавливалась "высочайше утвержденным положением комитета министров, по представлению министра внутренних дел" на шесть месяцев. В пределах местностей, объявленных на положении усиленной охраны, генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам предоставлялось право издавать обязательные постановления и в админи-

стративном порядке подвергать нарушителей таких постановлений взысканиям (вплоть до трехмесячного ареста и штрафа в 500 рублей).

Кроме того, власти получали право запрещать общественные и даже частные собрания, закрывать торговые и промышленные заведения и "воспрещать отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных в положении усиленной охраны" (право административной высылки). Генерал-губернаторам предоставлялось право передавать отдельные уголовные дела военному суду для суждения по законам военного времени или требовать рассмотрения их при закрытых дверях. Значительно усиливался административный надзор за деятельностью земских, городских и судебных учреждений, служащие которых, признанные неблагонадежными, немедленно удалялись от должностей (за исключением выборных) по требованию губернатора или градоначальника. Местным начальникам полиции и жандармских управлений предоставлялось право задерживать внушающих подозрение лиц (на срок не более двух недель) и производить обыски во всякое время и во всех без исключения помещениях. При чрезвычайной охране генерал-губернаторы получали дополнительно права передавать военному суду не только отдельные дела, но и целые категории дел одним общим распоряжением; налагать секвестр на недвижимые и арест на движимые имущества; подвергать в административном порядке аресту, заключению в тюрьме или крепости до трех месяцев и штрафам до 3 тыс. рублей за любые проступки, "об изъятии которых из ведения судов будет заранее объявлено"; приостанавливать периодические издания и закрывать учебные заведения (на срок не более месяца). "Временное" положение об охране оказалось одним из самых долговременных актов. С 1881 г. и до крушения империи значительные ее части с завидной регулярностью, а обе столицы и примыкающие к ним губернии постоянно находились на положении усиленной или чрезвычайной охраны.

Сам Игнатьев, прислушивавшийся к советам И. С. Аксакова и состоявший с ним в переписке (откуда он позаимствовал идею коронационного собора), через год стал казаться недостаточно твердым проводником нового курса и был отправлен в отставку. 30 мая 1882 г. его место занял Д. А. Толстой. Катков приветствовал это назначение в передовице "Московских ведомостей", завершавшейся окриком обществу: "Встаньте, господа, правительство идет, правительство возвращается".

Прежде всего возвратившееся правительство навело "порядок" в печати. Лорис-меликовская "оттепель" закончилась с изданием 27 августа 1882 г. новых "Временных правил" о печати. Для газет, получавших ранее предостережения и приостановленных, вводился

новый вид предварительной цензуры — каждый номер должен был представляться в цензуру до 11 вечера, что лишало газеты возможности печатать последние новости и делало их издание бессмысленным. Вторым важным новшеством было создание особого судилища в составе министра внутренних дел, министра просвещения, министра юстиции и обер-прокурора Синода, которое могло в случае "обнаружения вредного направления" не только навсегда прекращать издание печатного органа, но и воспрещать его редактору впредь издавать что бы то ни было. Благодаря применению новых правил правительству удалось в 1883–1884 гг. закрыть все радикальные и наиболее острые из либеральных органов печати. Прекратили существование журналы "Отечественные записки" М. Е. Салтыкова-Щедрина и "Дело" Н. В. Шелгунова, закрылись газеты "Голос", "Земство", "Страна" и "Московский телеграф".

Затем новый курс был реализован в области народного просвещения. Во главе министерства на место либерала барона А. П. Николаи был поставлен глуповатый и смотрящий в рот Толстому и Каткову И. Д. Делянов. В 1884 г. был утвержден новый университетский устав, подготовленный при участии Каткова и практически ликвидировавший автономию университетов даже в тех скромных границах, которые очерчивались уставом 1863 г. Отменялась выборность ректоров, деканов и профессоров, при назначении которых министерство отныне руководствовалось не "учеными заслугами претендентов", а степенью их благонадежности. Студентам какие бы то ни было корпоративные организации запрещены были вовсе. В средней школе упорно проводилась "классическая" система. Однако надежды на то, что изучение древних языков будет формировать консервативный склад мыслей, не оправдались. Гимназист Володя Ульянов как раз в это время радовал родителей успеваемостью: "Из латыни — 5, из греческого — 5", — но пошел, как известно, другим путем.

Начальные школы предполагалось все передать в ведомство Синода, и только благодаря решительному противодействию земств, отказывавшихся передавать архиереям свои школы, которые земство продолжало бы финансировать, большинство школ остались в земском управлении. В ведомство "духовных дел" были переданы лишь элементарные "школы грамоты", устраивавшиеся самими крестьянами, учителя которых не должны были иметь специальной подготовки. Правительство усиленно поощряло создание на их основе церковно-приходских школ, в задачу которых входило, по мысли Победоносцева, "спасти и поднять народ… дать ему школу, которая просвещала бы и воспитывала бы его в истинном духе, в простоте мысли".

Не вписывался в традиционалистскую картину мира и независимый суд. Уже в 1884 г. князь В. П. Мещерский в своем журнале "Гражданин" потребовал "немедленно прекратить на время суд присяжных", отменить статью судебных уставов о несменяемости членов судебного ведомства", "на время отменить вовсе гласность судопроизводства" и "приступить одновременно к пересмотру судебных уставов". В 1885 г. Победоносцев в докладной записке мотивировал необходимость пересмотра судебных уставов тем, что "в Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти". Однако осторожный Александр III не любил "разрубать узлы". Только в 1894 г. была создана особая комиссия под председательством министра юстиции Н. В. Муравьева для подготовки проекта последовательной и всеобъемлющей судебной реформы, но рост общественного недовольства и разногласия в правительственных кругах сорвали ее проведение.

Укрепив властную вертикаль, правительство приступило к восстановлению нарушенного реформами 1860-х гг. сословного строя и поколебленного положения дворянства. В мае 1883 г. на коронации в Москве, обращаясь к волостным старшинам, Александр III предостерег крестьян, чтобы они не слушали никаких крамольных толков, и повелел: "...следуйте совету и руководству ваших предводителей дворянства". Восстановление положения дворянства, как материального, так и властного, сделалось главной заботой правительства. В 1885 г. был открыт Дворянский банк, задачей которого было поддержание льготными ссудами дворянского землевладения. В манифесте, изданном по этому случаю, выражалось недвусмысленное пожелание, чтобы "дворяне российские сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования".

Манифест вызвал поток благодарственных адресов, среди которых выделялся детальной проработкой дворянских требований адрес дворянства Симбирской губернии, составленный алатырским уездным предводителем А. Д. Пазухиным, который уже и прежде ярко проявил себя во главе консервативной части Кахановской комиссии. В 1885 г. Пазухин подробно обосновал свои взгляды в большой статье "Современное состояние России и сословный вопрос", напечатанной в "Русском вестнике" Каткова, где причиной всех российских бедствий объявлялся "бессословный строй", созданный реформами Александра II, прежде всего земской и судебной. "Социальная нивелировка", начавшаяся, по мнению Пазухина, с земской реформы, лишила дворян-

ство “всех служилых прав как по местному, так и по государственному управлению”, а эта “утрата служебных привилегий имела последствием ослабление связи дворянства с правительством, распадение дворянства как корпорации и постепенное падение его авторитета среди населения”. Главная опасность такого положения заключалась в том, что утрачивался уникальный, свойственный только России образ жизни и ментальность. “Русскость” в значительной степени коренится в сословности, и “утрачивая все сословно-бытовые особенности, русский человек утрачивает и все национальные черты”. Поскольку “великое зло” реформ заключалось в разрушении сословной организации, задача состояла в “восстановлении нарушенного”.

Идеи Пазухина произвели чрезвычайно благоприятное впечатление на Д. А. Толстого, который призвал сочинителя на должность правителя собственной канцелярии, поручив ему разработку законопроектов, позволяющих “восстановить нарушенное”. Результатом этой работы был закон о земских начальниках и новое положение о земских учреждениях.

“Положением о земских участковых начальниках”, изданным 12 июля 1889 г., в 40 губерниях России создавалось 2200 участков во главе с земскими начальниками, которые назначались министром внутренних дел по согласованию с губернатором из числа потомственных дворян-землевладельцев. Полномочия земского начальника, соединявшего в своем лице административную и судебную власть (к ним, в частности, переходили полномочия упраздняемых мировых судей), были очень широки, он мог отменять любое постановление сельских и волостных сходов, отстранять от должности выборных крестьянских старост, подвергать аресту и штрафу лиц податных сословий. Члены волостных судов, ранее избиравшиеся крестьянами, теперь назначались земскими начальниками. В именном указе Сенату введение института земских начальников мотивировалось заботой о крестьянстве. “В постоянном попечении о благе Нашего Отечества, — говорилось в нем, — Мы обратили внимание на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей Империи. Одна из главных причин этого неблагоприятного явления заключается в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и права частных лиц в сельских местностях”. По существу, введение института земских начальников означало восстановление в деревне власти аналогичной прежней помещичьей. Не удивительно,

что среди крестьян, как докладывал московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков министру внутренних дел, "бродит подозрение, что новые органы правительственной власти есть не что иное, как первый шаг к их вторичному закрепощению".

Проект преобразования земских учреждений, разработанный Пазухиным, предусматривал полную ликвидацию всесословности и выборности, но Государственный совет не решился на такую радикальную меру, и проекты были сильно смягчены. Принципы всесословности и выборности не были отброшены вовсе, но пределы их применения были значительно сужены. В соответствии с новым Положением о губернских и уездных земских учреждениях, утвержденным 12 июня 1890 г., землевладельческая курия, по которой ранее могли баллотироваться представители всех сословий, стала исключительно дворянской, причем доля гласных, избираемых по этой курии, была увеличена. Крестьяне утратили право непосредственного выбора своих представителей, теперь они выбирали только кандидатов в гласные, а гласные назначались губернатором из числа кандидатов по представлению уездного съезда земских начальников.

Остальные сословия должны были "знать свой шесток" и не пытаться с этого шестка соскочить. Идеалу "народной монархии" соответствовало общество с низкой, а в пределе — нулевой, как сказали бы современные социологи, "социальной мобильностью". Достижению этой цели должны были служить многочисленные законодательные акты, укрепляющие крестьянскую общину и затрудняющие крестьянам выход из нее, а также построение сословной школы. Именно эту цель преследовал знаменитый циркуляр министра просвещения И. Д. Делянова, прозванный острословами циркуляром "о кухаркиных детях". В 1887 г. министр, "озабоченный улучшением состава учеников", счел за благо закрыть доступ в гимназии "детям кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.".

"Россия для русских"

Второй важнейшей составляющей политики Александра III была решительная русификация окраин империи, предполагающая прежде всего повсеместное введение в официальное употребление русского языка и отмену некоторых особенностей местной администрации и законодательства.

Политика русификации не была в империи новостью. Однако прежде она применялась лишь в отношении народов, уличенных или подо-

зреваемых в сепаратистских устремлениях. В завещании, составленном в сентябре 1876 г., Александр II наставлял наследника не забывать, что могущество "нашего отечества... основано на единстве государства, а потому все, что может клониться к потрясению его единства, к отдельному развитию различных народностей, для него пагубно и не должно быть допускаемо".

При Александре III русификация перестала быть наказанием, налагаемым на непокорный край; она приобрела характер систематической политики по отношению ко всем подвластным российскому государю национальностям, даже наиболее ему верным. Само значение "русификации" резко изменилось. "Русский дух" и "русская почва" требовали энергичной защиты от коррозии, которой угрожали им разрушительные "идеи", носителями которых выступают иные нации с иным "культурным типом". Государство-семья не может вмещать в себя подданных чужеродных культурных типов, поскольку эти типы сопряжены с иным общественно-политическим строем. Как писал в 1882 г. Катков в "Московских ведомостях", "Россия может иметь только одну государственную нацию". Но "великие реформы" и экономический рывок во второй половине XIX в. способствовали социально экономическому и культурному развитию окраин, то есть иных наций.

Критерии "русскости" в царствование Александра III постепенно смещались в направлении чисто политическом. Если еще в начале XIX в. "русский" означало всего лишь "относящийся к России", а затем, в николаевскую эпоху "официальной народности", это слово стало означать православного верноподданного, то при Александре III слово "русский" теряет связь с культурными и вероисповедными качествами и становится исключительно политической характеристикой — настолько, что никому уже не казалось странным, что "истинно русским" называют главного московского черносотенного публициста Грингмута, ставшего после смерти Каткова редактором "Московских ведомостей", или ялтинского градоначальника Думбадзе, отличавшегося особой полицейской свирепостью. А в 1905 г. уже никому не казались дикими планы создания Мусульманского союза русского народа из казанских татар.

Представитель русского народа в этом политическом смысле не может быть носителем либеральных или революционных идей и намерений. Лица несоответственных убеждений, даже титулованные дворяне, как, например, лидер либералов князь Д. И. Шаховской, на титул "истинно русского" человека претендовать не могли. В этом смысле слово "русский" частенько употребляется и в современной полеми-

ке, например когда историк-монархист Александр Боханов говорит: "Александр III был русским человеком, русским по строю своих мнений и чувств, считал, что сильная государственная власть есть благо для страны".

Именно в этом смысле "Гражданин" Мещерского призывал "русскую партию" сплотиться "перед угрозой для русской народности со стороны партии польской, финской, жидовской, армянской, малороссийской".

Александр III решительно стал во главе "русской партии". При вступлении на престол в 1881 г. император впервые, вопреки обычаю, не подтвердил особые привилегии, которыми пользовались немцы в Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерниях, составлявших Прибалтийский край. Для подготовки мероприятий, долженствовавших унифицировать управление в крае, была проведена в 1882 г. ревизия под руководством сенатора Н. А. Манасеина, а вскоре по ее рекомендациям проведен и ряд реформ. Законом 9 июля 1888 г. прежняя выборная дворянская полиция была заменена правительственной, устроенной на тех же основаниях, что и в центральных губерниях. В 1889 г. было распространено на Прибалтику, хотя и не вполне, действие судебных уставов 1864 г. С 1884 г. немецкие училища преобразуются в городские училища с русским языком преподавания. Законами 1889–1890 гг. в крае было введено обязательное обучение на русском языке по всем предметам, кроме Закона Божьего евангелическо-лютеранского исповедания, во всех мужских и женских частных учебных заведениях. В 1893 г. немецкий Дерпт получил русское название Юрьев (ныне Тарту) и в юрьевском ветеринарном институте введено преподавание на русском языке, позднее на русский язык перешел и Юрьевский университет (кроме богословского факультета).

В 1885 г. приходские школы армянской григорианской церкви были преобразованы в русские, и хотя через год эта мера была отменена, она глубоко оскорбила армян и вызвала появление в их среде оппозиционных настроений, которых ранее там не было. В 1890 г. русский язык преподавания был введен в школах и духовных семинариях Грузии. В центре католической Варшавы был отстроен колоссальный православный храм Св. Александра Невского, снесенный "благодарными" поляками в 1920 г.

Особенно сильным стеснениям были подвергнуты евреи, влияние которых казалось идеологам александровской эпохи наиболее разрушительным для истинно русского сословного строя жизни. Впервые основания этого нового курса, который означал переход от политики

ассимиляции евреев к их дискриминации, были намечены в записке царю, составленной Игнатьевым 12 марта 1881 г. "В Петербурге, — утверждал Игнатьев, — существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел... Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы, ловко сохраняя свое нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права полякам и евреям, представительные учреждения на западный образец. Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что нужно слушать только "интеллигентный" класс и что русские требования следует отвергнуть как отсталые и непросвещенные". Собственно, и Земский собор был нужен Игнатьеву, чтобы заглушить эти "польско-жидовские крики".

Резолюций царя на экземпляре, сохранившемся в архиве Игнатьева, нет, но государь, вообще не жаловавший "инородцев", программу, несомненно, одобрял. Во всяком случае, Валуев в дневнике 21 апреля 1881 г. записал: "Государь сказал о графе Игнатьеве, что хорошо, что он у дел, потому что "настоящий коренной русский".

Проведение последовательной государственной политики дискриминации евреев требовало, однако, публичного идеологического обоснования. Свой вариант такого обоснования вскоре после цареубийства 1 марта 1881 г. предложил известный русский историк и консервативный публицист Дмитрий Иловайский. В статье, опубликованной в "Петербургских ведомостях" вскоре после цареубийства, он утверждал, что "нигилисты и социалисты" — только "грубое, нередко бессознательное орудие", что их направляют на преступления "не столько враги собственности и общественного порядка, сколько внутренние и внешние враги Русского государства, русской национальности". Среди врагов России Иловайский на первое место ставил поляков, а на второе — евреев, на том основании, что "в последних процессах, убийствах, покушениях и университетских беспорядках они выступают едва ли не самым деятельным элементом". Но этот простодушный аргумент Иловайского легко опровергался либералами указанием на то, что именно "стеснения" против поляков и евреев толкают их во множестве в ряды революционеров.

И тогда на помощь власти пришли гораздо более искушенные "истинно русские". Почтенный славянофил Иван Аксаков создал

из антисемитизма почти респектабельную политическую доктрину. В сентябре 1881 г., после чудовищной волны еврейских погромов, он опубликовал в издававшейся им газете "Русь" "План преобразования быта евреев в России", составленный на основании трудов Якова Брафмана. Как писал Аксаков в предисловии, "покойный Брафман — сам еврей, перешедший потом в протестантство — оказал истинную услугу человечеству раскрытием организации и тайн еврейского кагала, в своем известном издании "Книга кагала". "Услуга человечеству" была довольно сомнительного свойства. Брафман извлек из архива книгу постановлений виленского кагала — органа самоуправления еврейской общины в Речи Посполитой, а затем в черте оседлости занимавшегося сбором налогов с еврейского населения и налагавшего наказания на нарушителей религиозных обычаев. Постановления относились к XVIII в., но Брафмана это не смутило. Он принялся утверждать, что кагалы продолжают тайно существовать и после того, как они были упразднены законом 1844 г. Именно они, сплачивая еврейские общины в единую монолитную корпорацию, обеспечивают им успех в коммерции и возможность эксплуатации нееврейского населения.

По мысли Аксакова, российские кагалы, составляющие "государство в государстве", направляются из зарубежного центра, цель которого — установить власть еврейского народа, продолжающего считать себя единственным богоизбранным народом и не признавшего Христа мессией, над всем миром, то есть установить, как писал Аксаков, "миродержавство антихристианской идеи во образе миродержавства еврейского". Установление еврейского равноправия, за которое ратуют либералы, означало бы только "порабощение всей остальной России еврейскому "правовому порядку", юрисдикции и власти кагалов..."

Аксаков призвал власти к пересмотру существующих законов, "узаконяющих и ограждающих" "бытие этой чудовищной аномалии, какую представляют отношения еврейства к христианскому населению, — той исполинской, могущественной стачки, разоряющей десятки миллионов Русского народа, — того государства в государстве, — той тайной, космополитически-племенной иудейской организации, которая опирается, с одной стороны на свой политический национальный центр, на "Всемирный Еврейский конгресс" в Париже, с другой — на русское правительство, на Свод законов самой Российской империи?!."

Игнатьев, внимательно прислушивавшийся к советам Аксакова и даже принимавший на службу в министерство "экспертов" по его рекомендациям, решительно приступил к делу, и уже 3 мая 1882 г.

были опубликованы “Временные правила о евреях”, которые существенно ограничивали гражданские права евреев в губерниях “черты еврейской оседлости”. Евреям запрещалось селиться вне городов и местечек, а также прекращалось совершение всех купчих крепостей, закладных и арендных договоров на имя евреев, доверенностей на недвижимое имущество.

Далее правовые ограничения, тесно сковавшие экономическую и культурную жизнь российских евреев, посыпались как сор из дырявого мешка, причем эти ограничения весьма часто проводились не в форме нового закона, а в форме сенатских разъяснений действующего законодательства.

Число городов, где дозволялось жить евреям, постоянно сокращалось. Законами 28 марта 1891 г. и 15 октября 1892 г. было воспрещено проживание в Москве и Московской губернии евреев-ремесленников и отставных николаевских солдат. Эта льгота была отменена по требованию московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и привела к высылке из одной только Москвы 17 тыс. семей.

Ограничивалась свобода хозяйственной деятельности евреев. В 1893 г. в уставы бирж и кредитных обществ были внесены дополнения, в соответствии с которыми “число членов биржевого комитета из нехристиан не должно превышать одной трети общего числа членов, а председатель комитета должен быть из христиан”, а в 1892 г. евреям было запрещено занимать должности директоров городских общественных банков. С 1893 г. евреи могли приобретать и эксплуатировать нефтеносные земли, только получив каждый раз отдельное разрешение Министерства торговли и промышленности.

Ограничивалась для евреев и возможность получения образования. В 1887 г. Министерством народного просвещения была установлена процентная норма для евреев в учебных заведениях. В черте оседлости число учащихся-евреев не должно было превышать 10%, в остальных местностях империи — пяти, а в столицах — трех. В 1889 г. был закрыт доступ евреев в число присяжных поверенных.

Национальная политика правительства вызвала решительный протест в русском образованном обществе. Философ Владимир Соловьев, выступавший в качестве публициста в журнале “Вестник Европы”, убедительно показал, что насилие в религиозном и национальном вопросах противно Евангелию, а русификацию квалифицировал как “тамерлановщину”. Однако русские либералы, выступая против национально-религиозных гонений, могли в то время предложить в качестве альтернативы политике ассимиляции и дискриминации только идею “свободного соревнования” национальных культур. Реализация этой

привлекательной, на первый взгляд, идеи неизбежно обрекала на исчезновение малочисленные народы, не защищенные особыми охранными привилегиями и институтами собственной государственности.

Политика Александра III не достигла намеченной цели. Разоряющееся и деградирующее дворянство не могло стать надежной опорой власти. Дворянство образованное и преуспевающее оказывалось зараженным западным духом и требовало свобод. Установление дворянской опеки над крестьянами и стеснение крестьянской свободы привели к катастрофическому голоду 1891–1892 гг. Русификация молодых народов, не имевших собственной интеллигенции, вроде "сибирских инородцев", имела некоторый успех, но зато из числа народов с богатой собственной культурой и интеллигенцией выходили все более радикальные противники режима. Политика национальных и религиозных гонений способствовала разложению Российской империи как наднациональной общности. Все свое царствование Александр III "сеял ветер", "пожинать бурю" досталось его сыну.

Подробнее на эту тему

Евреи в России: История и культура. СПб., 1995.

Зайончковский П. А. *Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг.* М., 1964.

Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т. 1. Пг.; М., 1923.

Полунов А. Ю. *Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III.* М., 1996.

Репников А. В. *Консервативная концепция российской государственности.* М., 1999.

Секиринский С. С., Филиппова Т. А. *Родословная российской свободы*. М., 1993.

Твардовская В. А. *Царствование Александра III* // Российский консерватизм XIX столетия. М., 2000.

Чернуха В. Г. *Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг XIX в*. Л., 1978.

1903 “Полицейский карьерист” против “полужида”

16 августа 1903 г. министр финансов Сергей Юльевич Витте делал обычный “всеподданейший доклад” в Петергофе. Необычно было только одно: накануне государь просил Витте прихватить с собой управляющего Государственным банком Эдуарда Плеске. Николай II встретил министра “очень милостиво” и около часа выслушивал различные его “предположения относительно будущего”. И только когда Витте уже встал, чтобы проститься, император, “несколько стесненный, сконфуженный”, объявил: “Я вас прошу принять пост председателя Комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить Плеске”.

По сути, это была отставка. В самодержавной России не существовало правительства в смысле “кабинета”, члены которого связаны единством проводимого курса. Каждый из министров назначался лично государем и перед ним нес ответственность за политику, которую проводил в своем ведомстве, мало сообразуясь с мнением коллег. Точнее, сообразуясь с мнением того из министров, который в настоящий момент находился в фаворе у императора. Комитет же министров был совершенно формальной институцией, занятой многочисленными мелкими делами, формально требующими согласования нескольких ведомств, на тогдашнем жаргоне — “вермишелью”. Кресло председателя Комитета, хотя и числилось высшим в бюрократической иерар-

хии, фактически служило местом предпоследнего упокоения административных старцев.

Сергей Витте на старца не походил. Министр финансов не только был бодр и полон энергии, но и намеревался направлять всю политику империи. Отправка Сергея Юльевича на "бездеятельную" должность была победой противного, бюрократического клана, возглавляемого другим претендентом на монопольное владение монаршим ухом — министром внутренних дел Вячеславом Константиновичем Плеве.

Борьба за влияние на Николая II была особенно сложна. С младых ногтей государь обнаруживал склонность к фатализму, которая только усилилась после женитьбы на Алисе Виктории Елене Луизе Беатрисе, принцессе Гессен-Дармштадтской, в православном крещении получившей имя Александры Федоровны. Царь не любил принимать в сложных ситуациях вполне определенных решений, ожидая наставления и вдохновения свыше, в отношениях с инициативными министрами был уклончив и избегал решительных объяснений.

Программу своего царствования Николай II огласил 17 января 1895 г. на приеме депутации земств, городов и дворянства. В ответ на адреса девяти земств, довольно неприлично потребовавших в этих поздравительных по жанру сочинениях помимо соблюдения законности и личных свобод еще и привлечения общества к делам внутреннего правления (читай: конституции), государь произнес, поминутно опуская очи долу и внимательно разглядывая шапку, которую держал в руке: "Мне известно, что в последнее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель".

Речь произвела неприятный шок даже не потому, что государь, думавший по-английски (дневник его пестрит англицизмами вроде "весь день имели у себя дорогую Ольгу"), глядя в шпаргалку, лежавшую в шапке, оговорился и не исправился. "Бессмысленных" мечтаний по-русски быть не может, и в шпаргалке черным по белому было написано — "беспочвенными". Шпаргалку готовил все тот же бессменный Победоносцев, которому Николай II доверял столь же безусловно, как и Александр III. Реакция на речь была болезненной, уже через день по рукам стало ходить "Открытое письмо Николаю II", составленное П. Б. Струве. В нем говорилось, что речь царя бьет "по самым скромным надеждам" и тем вызывает на борьбу с самодержавием все "живые общественные силы". Шокировала речь не только

радикалов. В. Н. Ламздорф, крупный дипломат и будущий министр иностранных дел, отметил в дневнике, что "речь-нахлобучка" "произвела самое печальное впечатление", а в провинции "находит самый гибельный отклик". Сенатор А. Ф. Кони назвал ее "злобной выходкой". Речь произвела тягостное впечатление прежде всего потому, что "незабвенный родитель" "подморозил" Россию до глубокого внутреннего кризиса.

Консервация не удавалась, в стремительно меняющемся мире требовалось энергично отвечать на запросы времени. Отстранив общество от решения этих проблем, власть тщилась разрешить их сама. Но и во власти не было единства. Две существенно различные политические стратегии к концу века связывались с именами Витте и Плеве.

Вячеслав Константинович Плеве поначалу служил по судебной части, дослужился до прокурора Петербургской судебной палаты и в этой должности отличился такой решительностью в борьбе с "крамолой", что в 1881 г. был назначен директором Департамента полиции. На этом посту Плеве весьма успешно боролся с остатками "Народной воли", широко пользуясь услугами агентов-провокаторов, но понимал, что эта частная задача не может быть успешно решена без мер общего порядка. Вообще же видел спасение страны в "строгой общественной дисциплине во всех областях народной жизни, которые доступны контролю государства". Эту полицейскую дисциплину и пытался Плеве внедрять на всех постах, которые занимал, сделавшись уже к середине 1890-х гг. признанным лидером и идеологом консервативной "партии" в правительстве. В 1902 г., заняв наконец вожделенный пост министра внутренних дел после убийства террористами Д. С. Сипягина, Плеве покрыл страну сетью полицейских охранных отделений, ранее существовавших только в Москве, Петербурге и Варшаве, наделив их широкими административными полномочиями. Эта система политического сыска, поставленная на широкую ногу и даже на научную основу начальником московского охранного отделения Зубатовым, считалась тогда в мире образцовой. Информация о революционерах, поступавшая от "филеров", занимавшихся наружным наблюдением, и секретных агентов, через охранные отделения поступала в Департамент полиции, где тщательно систематизировалась и анализировалась. Однако эффективность этой системы была невысока, а некоторые ее элементы оказывали гораздо более разрушительное воздействие на власть, нежели революционное подполье само по себе. Самоубийственным средством борьбы с "крамолой" оказалась опасная игра полиции с агентами в "обследуемой среде" — пассивными (осведомителями)

и активными (провокаторами) участниками революционных организаций. В результате историки оказываются не в состоянии, например, сказать, кто убил в сентябре 1911 г. премьер-министра П. А. Столыпина. То есть они твердо знают, что сделал это Дмитрий Богров. Но вот в каком качестве он стрелял — члена революционной организации или агента департамента полиции, а Богров был и тем и другим, — установить невозможно.

Сергей Юльевич Витте прошел совершенно другую жизненную школу и до конца дней оставался чужаком в петербургской бюрократической среде. Инженер, дослужившийся до управляющего Юго-Западными железными дорогами, был замечен Александром III после страшного крушения царского поезда 17 октября 1888 г. близ станции Борки, когда государь спас семейство, удержав на могучих плечах крышу разбитого вагона. Витте был единственным, кто осмелился еще до катастрофы в особой записке честно сказать Александру III, что российские железные дороги не приспособлены для гонок тяжеленного царского поезда с бешеной скоростью. Сделавшись директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов (1889), а затем и министром (1892), Витте сохранил стиль обхождения и мышления предпринимательской среды, где начинал карьеру. Стремясь к ускоренной модернизации отечественной экономики, Витте прибегал к усиленному вмешательству государства в хозяйственную жизнь, но идеал его был иной. “По условиям жизни нашей страны, — писал министр Николаю II в 1895 г., — потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости, и где государство только регулирует частную деятельность”. Предлагавшиеся Витте решения, как правило, и были рассчитаны в перспективе на развитие “частного почина и личной предприимчивости”.

Друг друга Плеве и Витте ненавидели лютой ненавистью. Витте в мемуарах честил Плеве “полицейским карьеристом”. Плеве мемуаров сочинить не успел, но “золотое перо” полицейского лагеря, ренегат-народоволец Лев Тихомиров, явно передавал чувства шефа, аттестуя в своих дневниках министра финансов — столбового дворянина — “одесским полужидом”. Не удивительно, что Плеве и Витте расходились в решении практически всех политических проблем, из которых особенно значительны были “вопросы” крестьянский, рабочий, национальный и дальневосточный.

Самой острой российской проблемой был крестьянский вопрос. Реформы 1860-х гг., освободив крестьянина от власти помещика, полностью подчинили его сельской общине — миру. Община была одновременно и собственником земли, и властью. На мирские сборы содержались местные дороги, сельские церкви и школы, из них же выплачивалось жалованье лицам, занимавшим выборные должности по крестьянскому самоуправлению. Сельские старосты и волостные правления выполняли административные и полицейские функции, собирали статистические сведения.

После реформы до 80% крестьянских надельных земель оказались в общинном владении. Сельские сходы производили раскладку налогов между членами общины и распределяли между дворами надельные земли соответственно трудовым ресурсам крестьянской семьи. У неисправного плательщика надел могли отобрать, а самого его подвергнуть телесному наказанию (или денежному штрафу, или направить на общественные работы — крестьяне могли сами выбирать меру наказания и ввиду хронического безденежья, естественно, чаще всего выбирали розги) по приговору волостного суда.

Считалось, что такая организация предохранит крестьянство от "язвы пролетариатства". Однако попытка искусственно затормозить модернизацию деревни успеха не имела. Процесс расслоения крестьян на зажиточных хозяев и пролетариев-батраков лишь незначительно замедлялся, а главным образом камуфлировался существованием общинных институтов.

В то же время община сыграла важную негативную роль в развитии аграрного кризиса в России. Поскольку все крестьяне были связаны круговой порукой в отбывании государственных податей, как денежных, так и натуральных (воинская, конская и дорожная повинность), община крайне неохотно и с большим трудом отпускала каждого потенциального плательщика. Между тем по не вполне ясным причинам 30 лет, последовавшие за реформами, в деревне стали временем настоящего демографического взрыва (с 1867 по 1897 г. сельское население европейской России увеличилось на 26 млн человек, то есть почти удвоилось). Избыточное население не могло покинуть деревню, образовалось "аграрное перенаселение", на селе было гораздо больше людей, чем могло прокормиться при существовавшей технологии хозяйствования. Другой стороной перенаселения было крестьянское "малоземелье" — недостаток земель, не истощенных

варварской эксплуатацией с помощью допотопных методов (на общинных землях продолжало господствовать трехполье).

Мировой аграрный кризис в 1880–1890-е гг. привел к резкому падению цен на зерно. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств не совладало с таким падением доходности. Уже к середине 80-х гг. правительство было озабочено проблемой "оскудения Центра", экономического упадка и разорения крестьянства центральных губерний европейской России. Упадок выразился прежде всего в том, что малейший неурожай сразу же вызывал голод. Впервые это бедствие обрушилось на центральные губернии в 1874 г., затем голод повторился, в 1881 г. захватив более значительную территорию, а в 1891–1892 гг. голод охватил более 30 губерний европейской России. (Следует иметь в виду, что термин "голод" употреблялся в те времена совсем не в том значении, что позднее. Тогда голодом называлось такое положение, при котором крестьянский двор для обеспечения себя продовольствием вынужден был распродавать основные средства производства — сельскохозяйственные орудия и землю. Случаев голодной смерти формально зарегистрировано не было, но до 200 тыс. крестьян, ослабленных недоеданием, погибли от посетившей те же губернии на следующий год холеры.)

Правительство пыталось облегчить положение крестьянства паллиативными средствами. Одной из таких мер была легализация крестьянских самовольных переселений (к концу 1870-х гг. противозаконно уходило на окраины империи до 40 тыс. душ ежегодно). Однако закон 13 июля 1889 г. лишь незначительно облегчил процедуру переселения, теперь нужно было получить разрешение не двух, а только одного министра (внутренних дел), кроме того, переселенцы на три года освобождались от всех податей и повинностей.

Второй мерой было введение новых паспортных правил, которые должны были облегчить крестьянам переход в города. Паспорта были введены в 1719 г. петровским указом с чисто полицейскими целями — для борьбы с уклоняющимися от службы в регулярной армии. Вскоре после введения подушной подати ради удобства ее взимания правилами 1724 г. было запрещено крестьянам отлучаться без паспорта далее 30 верст от места постоянного жительства. С этого времени паспорт стал рычагом, при помощи которого контролировалось перемещение лиц податных состояний. О необходимости пересмотра паспортного законодательства, препятствовавшего "общественной и частной предприимчивости", в канцеляриях заговорили уже в период подготовки крестьянской реформы, но новые паспортные правила были введены только с 1 января 1895 г. Новшеств было, собственно, два. Во-первых,

вместо краткосрочных паспортов прежней системы, которые надо было раз в полгода-год хлопотно возобновлять, вводились пятилетние паспортные книжки. Во-вторых, паспорт можно было получить и тем лицам податных сословий, за которыми числились недоимки по общественным сборам, в самом паспорте отмечался размер недоимки, которую владелец документа должен был погасить до конца года, в противном случае полиция имела право паспорт отобрать.

Очевидно, что эти частные меры существа дела не касались. В решении же основного вопроса о крестьянском землевладении правительство Александра III взяло курс на укрепление общины. Закон 8 июля 1893 г. значительно ограничил свободу крестьян в проведении внутриобщинных переделов земли, а закон 14 декабря 1893 г. запретил крестьянам выход из общины без согласия "мира" (даже при досрочном погашении выкупного долга), продажу, залог и дарение наделов. Инициативный мужик вынужден был кланяться и унижаться перед соседями, ставить полведра, а то и ведро водки, только чтобы отпустили с миром.

При подготовке этих законопроектов в правительственных кругах ясно обнаружилось две партии. Плеве стоял во главе сторонников укрепления общины. Она была удобна и с фискально-полицейской точки зрения как "надежнейшее средство изыскания всех недоимок". Кроме того, Плеве разделял глубокое убеждение Победоносцева, который оправдывал существование общины "нищетой и отсталостью крестьянского населения". "В таком состоянии, — писал Победоносцев в своем "Курсе гражданского права", — только общинное хозяйство может обеспечить крестьянина от нищеты и бездомовности, или в самой нищете, составляющей обыкновенное у нас явление — отдалить опасность голодной смерти". Следовательно, полагал Победоносцев, "не настало еще время прямо или косвенно способствовать разложению общинного землевладения, а надлежит напротив до времени оберегать его. Время его придет само собой, с естественным развитием производительных сил и с изменением хозяйственных условий". Пуще всего защитники общины боялись, как выразился государственный контролер Лобко, появления "грозного сельского пролетариата".

Сторонником сохранения общины до времени был и Витте (в своих воспоминаниях он отметил, что "имел некоторое влечение к общине по чувству, сродному с чувством славянофилов"), но под влиянием практики взгляды его вскоре радикально переменились. Уже в пояснительной записке к росписи доходов и расходов на 1897 г. он писал, что только образование "особой группы зажиточных крестьян"

позволит преодолеть "неблагоприятные условия сельской жизни", и считал неизбежным развитие в сельской России капиталистических отношений. В 1898 г. Витте уже называл общину "рабством произвола" и предложил образовать особое совещание "для рассмотрения вопросов о развитии законодательства о сельском состоянии", то есть для радикального пересмотра правительственного курса в аграрном вопросе, но эта инициатива была провалена Плеве. По его настоянию Николай II распорядился оставить дело "без движения... впредь до особого повеления". С этого времени между Министерством внутренних дел и Министерством финансов разгорается острая борьба по вопросу об общине.

Апогея эта борьба достигла в 1902 г. 22 января Витте образовал при Министерстве финансов Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которому вменялось в обязанность изучить положение деревни и разработать меры к "улучшению быта и благосостояния крестьян". Было образовано 82 губернских и 536 уездных комитетов, в работе которых приняло участие около 12 тыс. человек. Совещание рекомендовало расширить имущественные и гражданские права крестьян, уравнять их с другими сословиями, а главное — способствовать переходу крестьян от общинного к подворному и хуторскому землевладению, а для исполнения административных функций упраздняемой общины создать волостные земства.

В пику виттевскому Совещанию в июне 1902 г. Плеве образовал при своем Министерстве внутренних дел Редакционную комиссию по пересмотру законодательства о крестьянах. Редакционная комиссия МВД, завершившая работу в октябре 1903 г., с одной стороны, признала зажиточное крестьянство "надежнейшим оплотом существующего порядка", а с другой — главной государственной задачей провозгласила защиту бедных крестьян от "натиска на них людей, одаренных большей энергией, а иногда и большей неразборчивостью к достижению намеченных целей". Признав хутор, то есть фермерское хозяйство, более совершенной формой хозяйства, Комиссия в то же время решительно высказалась против индивидуальной крестьянской собственности на землю в пользу собственности общинной. Чтобы составленный законопроект не имел формы "канцелярского измышления", Плеве передал его для обсуждения в губернские совещания, составленные из "достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных". В образованные по царскому указу от 8 января 1904 г. губернские комиссии крестьяне, однако, как-то не попали, а тщательно отобранные местные чиновники, земцы и землевладельцы безропотно одобрили выводы комиссии Плеве.

Вторым существенным пунктом расхождения между Плеве и Витте было "фабричное законодательство". Министерство внутренних дел, политику которого направлял Плеве задолго до того, как стал министром, смотрело на "рабочий вопрос" исключительно с полицейской точки зрения, видя главную задачу правительства в недопущении рабочих "беспорядков". В целях охранения "общественного спокойствия" по мнению министерства не следовало допускать самостоятельной борьбы рабочих (в частности, экономических стачек). Улучшение условий труда рабочих должно было быть делом государственного "попечения", правительство должно было подталкивать в этом направлении предпринимателей, одновременно гарантируя их от неприятностей прямого столкновения с фабричными.

Министерство финансов, по крайней мере со второй половины 1890-х гг., отстаивало иную стратегию разрешения рабочего вопроса. Оно считало главной задачей правительства установление законодательных рамок, в которых взаимоотношения фабрикантов и рабочих должны определяться прямым соглашением их друг с другом в зависимости от хозяйственного состояния предприятий и конъюнктуры на рынке труда, чего государственная бюрократия не могла учесть. Витте склонялся даже к разрешению экономических забастовок, если они не нарушали "общественного порядка", и считал допустимым создание организаций взаимопомощи рабочих, а всякое вмешательство административных властей, и в особенности полиции, в эти отношения признавал крайне опасным, поскольку такое вмешательство могло затруднить условия предпринимательской деятельности, поставив предприятия в неравное положение, и отпугнуть иностранный капитал.

Главным объектом борьбы между двумя министерствами стала фабричная инспекция, созданная в 1882 г. для надзора за соблюдением фабричного законодательства. Первый фабричный закон, принятый по инициативе либерального министра финансов Н. Х. Бунге 1 июня 1882 г., запрещал труд малолетних и ограничивал восемью часами рабочий день для подростков. 3 июня 1886 г. был принят новый закон "Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимоотношениях фабрикантов и рабочих", регулировавший отношения между нанимателями и работниками в более широких пределах. Закон устанавливал правила найма и увольнения рабочих, условия оплаты труда и наложения штрафов, запрещал натуральную форму расчетов. Одновременно закон предусматривал суровые карательные меры за участие в стачках и подстрекательство к ним.

Закон был первым шагом в реализации либеральной программы Бунге, который полагал, что с проникновением социалистических идей в рабочую среду можно успешно бороться только путем "установления более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов", причем наилучшим способом такого согласования Бунге считал участие рабочих в прибылях предпринимателей. Фабричная инспекция и должна была способствовать постепенному установлению такой "тесной связи".

Министерство внутренних дел, напротив, полагало, что фабричная инспекция должна играть роль "специального полицейского учреждения, обязанного принимать меры к охранению порядка и спокойствия на фабриках и, таким образом, делать распоряжения в тон отрасли управления, которая составляет предмет губернской администрации". Министр внутренних дел потребовал передачи фабричной инспекции в его ведомство и укрепления ее полицейско-карательных функций. Сменивший Бунге на посту министра финансов консерватор И. А. Вышнеградский обещал передать инспекцию в Министерство внутренних дел, чтобы из инспекторов "сделали становых приставов". Однако передача не состоялась, поскольку сами промышленники опасались, что в ведении МВД инспекция будет еще более придирчивым институтом.

Сменивший Вышнеградского Витте рассматривал инспекцию в качестве института социального партнерства, который служил бы посредником при достижении практических соглашений между нанимателями и работниками. В марте 1894 г. на фабричную инспекцию было возложено наблюдение и за техническим состоянием предприятий, вследствие чего состав ее был значительно расширен. 11 июля 1894 г. Министерство финансов издало специальный "Наказ чинам фабричной инспекции", в соответствии с которым на них возлагалось "устранение всяких поводов к недоразумениям между фабрикантами и рабочими". "Фабричным инспекторам, — говорилось в "Наказе", — должны быть в одинаковой мере близки интересы как фабрикантов, так и рабочих, ибо только в объединении этих интересов и в законно сообразном понимании их заключается залог правильного хода фабрично-заводского дела". Чинам инспекции предлагалось действовать "разумно, последовательно, без нарушения справедливых интересов промышленности".

В этот начальный период управления министерством Витте еще тешился иллюзиями относительно характера взаимоотношений работников и нанимателей в России. В циркуляре, изданном в декабре 1895 г., он объяснял происхождение стачек происками злонамеренных

лиц, стремившихся "искусственно создать" в России "ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западе" во имя "отвлеченных или заведомо ложных идей", "совершенно чуждых народному духу и складу русской жизни". "В нашей промышленности, — писал Витте, — преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочим. Эта патриархальность во многих случаях выражается в заботливости фабрикантов о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства, тогда не приходится прибегать к применению писаного закона и принуждения".

Мощные рабочие стачки 1895–1896 гг. развеяли эти мечтания, "рабочий вопрос" приобрел невиданную остроту. Правительство пошло на ограничение рабочего дня в порядке общего законодательства. Законом 2 июня 1897 г. устанавливалась верхняя граница рабочего дня — 11,5 часа, а в предпраздничные и субботние дни — 10 часов. Средний рабочий день во всей фабрично-заводской промышленности России на рубеже XX в. составлял 11–11,4 часа и был несколько продолжительнее, чем в более развитых промышленных странах (в Англии, США, Дании и Норвегии он равнялся 9 часам, во Франции, Германии и Швеции — 10), что было вызвано необходимостью поддерживать конкурентоспособность отечественных производителей. Закон 2 июня 1897 г. не распространялся на предприятия, имевшие менее 20 рабочих. Тем самым значительная часть российской промышленности была вовсе изъята из сферы надзора фабричной инспекции, здесь распоряжалась полиция.

12 августа 1897 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр о борьбе со стачками, которым "рабочие беспорядки" приравнивались к "делам политического характера", расследование которых должно было вестись на основании "положения о государственной охране". Полиции предписывалось "выяснять причины рабочих волнений и устранять по возможности поводы к неудовольствиям в тех случаях, когда рабочие имеют основания жаловаться на притеснения или несправедливость фабрикантов и фабричной администрации". Руководствуясь этими указаниями, охранные отделения перешли к осуществлению надзора за рабочими, совершенно игнорируя фабричную инспекцию.

Витте категорически высказывался против "введения полиции на фабрику". 12 марта 1898 г. Министерство финансов предписало чинам фабричной инспекции "никоим образом не передавать" своих

обязанностей полиции. Между Министерством финансов и Министерством внутренних дел возник открытый конфликт, принявший особенно острые формы в Москве, где усилиями обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова "дело постоянного надзора за взаимными отношениями и порядком на фабриках и заводах, — по выражению прокурора московского окружного суда А. А. Макарова, — "уплыло" из рук фабричной инспекции и перешло в руки полиции". Рабочие, недовольные решением фабричного инспектора, могли подавать жалобы на имя обер-полицмейстера или обращаться в охранное отделение.

Инициатором московских новшеств был Сергей Владимирович Зубатов. В юности он сам участвовал в социалистических кружках и даже в 1882 г. был исключен из гимназии за политическую неблагонадежность, но быстро стал на праведный путь, пошел на службу в полицию и к 1896 г. дослужился до начальника Московского охранного отделения. Зубатову удалось убедить московского градоначальника Д. Ф. Трепова и генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, что "одни репрессивные меры" эффективны, только "пока революционер проповедует чистый социализм", но "когда он начинает эксплуатировать в свою пользу мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер мало, а надлежит не медля вырвать из-под его ног самую почву". Полиция должна была "идти в народ": "Где пристраивается революционер, — писал Зубатов, — там должна быть и государственная полиция".

В сентябре 1900 г. в новой докладной записке великому князю Зубатов сформулировал программу более конкретно. Следовало обезоруживать "массы путем своевременного и неустанного правительственного улучшения их положения на почве мелких нужд и требований (большего масса никогда сама по себе и за раз не просит). Но обязательно это должно делаться самим правительством и притом неустанно, без задержки". Опекать и организовывать рабочих, помогая добиваться уступок у фабрикантов, должна была полиция.

С мая 1901 г. Зубатов начал проводить регулярные воскресные совещания рабочих в аудитории Исторического музея, прозванные "зубатовским парламентом", где выступали с лекциями ученые экономисты. Летом 1901 г. зубатовскими агентами в Минске была образована Еврейская независимая рабочая партия. 14 февраля 1902 г. был утвержден устав московского "Общества взаимного вспомоществования в механическом производстве", а уже 19 февраля общество провело с благословения полиции невиданную манифестацию, по выражению Зубатова — "генеральную репетицию управления народными громадами" у памятника Александру II в Московском кремле. Манифестация, в ко-

торой участвовало до 50 тыс. человек, проходила в образцовом порядке: "При пении гимна... рабочие проходили нога в ногу мимо великого князя и его свиты, в составе которой был не менее знаменитый, чем Зубатов, в полицейском мире П. И. Рачковский, заведовавший политической агентурой за границей".

Тогдашний министр внутренних дел Д. С. Сипягин отнесся к новациям Зубатова настороженно и газетную рекламу его начинаний прекратил. Начальник главного управления по делам печати Н. В. Шаховской разослал циркуляр, запрещавший пропагандировать манифестацию в качестве события "как бы указывающего на официальное признание существования у нас особенного класса рабочих". Однако в апреле 1902 г. Сипягин был убит террористами, а занявший наконец пост министра внутренних дел Плеве, посетив Москву, одобрил зубатовский опыт, который решено было распространять и за пределами московского промышленного района. Агент Департамента полиции Мария Вильбушевич, участвовавшая в создании Еврейской независимой рабочей партии, была командирована в Вильно "для постановки соответственного рабочего движения".

Заручившись поддержкой министра, Зубатов повел дело более энергично. 26 июля 1902 г. он устроил в знаменитом московском трактире Тестова встречу с фабрикантами, на которой убеждал их, что "торгово-промышленное сословие может найти искреннее сочувствие и защиту своих законных прав только в охранном отделении". Промышленники, которых зубатовские организации принуждали к выполнению требований рабочих, хотя и "справедливых" по мнению полиции, но не всегда законных, восстали. Председатель московского биржевого комитета Ю. П. Гужон представил министру финансов жалобу на действия Зубатова от лица всей московской торгово-промышленной корпорации.

В конце 1902 г. Зубатов был удален из Москвы, но не понижен, а повышен, сделавшись чиновником особых поручений при министре. А вскоре и вовсе был вознесен на самый верх полицейской пирамиды в результате интриги, возможной только в императорской России периода упадка. Начальник заграничной агентуры Департамента полиции П. И. Рачковский представил по начальству собранные им материалы, неопровержимо доказывающие, что пользующийся особым доверием и почитаемый за провидца в семье государя "доктор Филипп из Лиона" — шарлатан и мошенник, разыскиваемый французскими властями. Усердие не по разуму было сурово наказано. Рачковского с треском выгнали со службы, его место занял Ратаев, а во главе Особого отдела Департамента полиции был поставлен находившийся в кон-

трах с Рачковским Зубатов. Зубатов принялся повсеместно насаждать московский опыт полицейского "попечения" о рабочих. Особенно большого влияния зубатовские рабочие организации достигли в Минске, Киеве, Николаеве, Харькове и Одессе. Плеве с удовлетворением сообщил Витте, что отныне "полицейское спокойствие государства в руках Зубатова, на которого можно положиться".

Витте зубатовщину считал опасной, он был убежден, что эта авантюра приведет к "возникновению крупных недоразумений на фабриках и заводах". Витте оказался прав. Летом 1903 г. зубатовским организациям, начавшим стачку в Одессе, не удалось удержать движение в рамках экономических требований. Руководство стачкой перешло к социал-демократам, а одесская забастовка вылилась в волну стачек, парализовавших промышленность всего юга России.

Плеве распорядился о закрытии Еврейской независимой рабочей партии, а ее создателя Зубатова, затеявшего к тому же интриговать против министра, отправил в отставку. Однако от самой идеи полицейской опеки над рабочими Плеве не отказался. Только вместо бескорыстного Зубатова, искренне предполагавшего отстаивать интересы рабочих, главным проводником политики "полицейского социализма" был поставлен священник Георгий Гапон, не брезговавший брать деньги и от Зубатова за сведения о рабочем движении, и от Плеве за сведения о зубатовских организациях, и от доверенного лица японского посла в Париже на покупку транспорта с оружием для русских революционеров. Синод православной церкви даже отстранил было Гапона от обязанностей за "моральную греховность", но Плеве был нужен именно такой подручный. Рабочие кружки, заводимые по почину Гапона, радикально отличались от зубатовских, они не пытались выступать посредниками между рабочими и нанимателями и не поддерживали стачечников, а преследовали цели исключительно благотворительно-просветительские, как и созданное в августе 1903 г. на их основе и на деньги Департамента полиции объединение — Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга.

Около этого времени Плеве одержал над Витте еще одну победу: 30 мая 1903 г. фабричная инспекция, оставаясь формально в ведении Минфина, была фактически подчинена МВД. Губернаторы получили право требовать отчеты и отменять решения фабричных инспекторов. Витте твердил, что связь с полицией лишает инспекцию "нравственного авторитета в глазах рабочих" и делает ее органом "совершенно беспомощным для дела". Плеве продолжал настаивать на полной передаче фабричной инспекции в МВД, где был создан специальный Департамент труда.

Вопрос о конституции — реформе государственного устройства — к концу века оказался тесно связан с проблемой гражданского равенства, уже не в социальном плане, как во времена декабристов, а в плане национальном. На приеме в Зимнем дворце 1 января 1902 г. Витте доказывал военному министру А. Н. Куропаткину неизбежность “для земства стать силою, ограничивающей самодержавие”. Куропаткин тревожился: если “дадут конституцию и представительное собрание, то депутаты с окраин... дружно соединившись, отвоюют себе права, которые приведут Россию к штатам, к государству, состоящему из конгломерата народностей, но не к великой русской державе...”. Окраины и “инородцев” следовало по этой логике держать в черном теле. “Давление, которое мы оказываем на окраины, — возразил Витте, — приведет нас скорее к революции, чем если бы мы дали окраинам относительную свободу”.

Он вообще был убежден, что “вся ошибка нашей многодесятилетней политики — это то, что мы до сих пор не осознали, что со времен Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская Империя. Когда около 35% населения — инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белороссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторически капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, — их религию, их язык и проч. Девиз такой империи не может быть: “Обращу всех в истинно русских”. Этот идеал не может создать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить все население, создать одну политическую душу”.

В силу этого Витте решительно выступал против всех ограничительных мер в отношении “инородцев”, а в своей вотчине — экономической политике — действовал вразрез с общими национально-ограничительными мерами. Свою позицию Витте не скрывал и однажды даже вполне откровенно высказал ее Александру III, в результате чего приобрел репутацию “друга евреев”. На вопрос государя: “Правда ли, что вы стоите за евреев?” — Витте в свою очередь спросил царя, “может ли он потопить всех русских евреев в Черном море”. “Если может, — продолжал Витте, — то я понимаю такое решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев, так как в конце концов не существует другого решения

еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными государя".

Вячеслав Константинович фон Плеве, будучи "истинно русским" человеком, в национальном вопросе придерживался жесткой линии. В 1899 г. он был назначен статс-секретарем по делам Финляндии и проводил там русификаторскую политику с таким усердием, что мирные финны массой двинулись в эмиграцию, а наиболее горячие взялись и за оружие.

В 1903 г. благодаря решительной поддержке Плеве был принят указ, давно лоббируемый главнокомандующим на Кавказе Г. С. Голицыным, о конфискации всего движимого и недвижимого имущества армянской церкви. Голицын рассчитывал таким образом лишить средств революционных пропагандистов. Проводить указ в жизнь пришлось с помощью войск, причем в нескольких местах, в том числе в Эчмиадзине — резиденции католикоса, произошли кровавые столкновения. Через год указ отменили, поскольку он совершенно не достигал цели и, напротив, способствовал революционизированию Кавказа, но отношения правительства с доселе вполне лояльными армянами были напрочь испорчены. Витте, проведший на Кавказе молодые годы, решительно возражал против этой меры в Комитете министров и вообще настаивал на необходимости особых учреждений на Кавказе на том основании, что "племена Кавказа суть азиаты, у которых особая психология и особые понятия о гражданственности".

Особенно решительно Плеве обрушивался на евреев. Мотивы этой специальной нелюбви министра к евреям в отечественной печати обсуждать было не принято, но в разговорах с иностранцами Плеве давал вполне откровенные разъяснения. 10 августа 1903 г. он принял лидера сионистского движения Теодора Герцля, которому развил свои взгляды на "еврейский вопрос". "Русское государство, — считал Плеве, — должно стремиться к тому, чтобы его население было однородным". Понимая, однако, что невозможно "устранить всех различий религий и языков", он тем не менее считал должным "требовать от всех народов нашей империи, следовательно, и от евреев, чтобы они относились к русскому государству с патриотическими чувствами. Мы хотим ассимилировать их и идем к этой цели по двум путям: по пути высшего образования и по пути экономического подъема. Тому… о ком мы вправе полагать, что благодаря своему образованию и благосостоянию он стал сторонником существующего строя, — тому мы даем гражданские права". Плеве посетовал, что эта ассимиляция "протекает, однако, весьма медленными темпами". Но "благодеяния высшего образования" готов был "предоставить

лишь ограниченному числу евреев, так как иначе скоро не окажется работы для христиан".

Плеве убеждал Герцля: "Я не враг евреев. Я их знаю очень хорошо, я провел среди них мои юношеские годы в Варшаве, я в детстве постоянно играл с еврейскими детьми... Я хотел бы поэтому с большой охотой сделать что-нибудь для евреев. Я не хочу отрицать... что положение русских евреев не является счастливым. Если б я был евреем, я, вероятно, был бы также врагом правительства". Образование собственного еврейского государства, энтузиастом которого был Герцль, куда могли бы переселиться несколько миллионов евреев, Плеве находил "чрезвычайно желательным" и даже уверял, что российское правительство готово воздействовать в соответствующем направлении на правительство Оттоманской империи, куда входила Палестина. Однако министр подчеркивал, что Россия не желает "потерять всех наших евреев. Интеллигентные и состоятельные элементы, могущие ассимилироваться, мы охотно оставили бы у себя, от бедных же и мало культурных мы бы охотно избавились".

Руководствуясь этими общими соображениями, Плеве не только не находил нужным ослаблять стеснительные для евреев законы, но и не стремился снизить накал бытового антисемитизма в черте еврейской оседлости. Когда в Кишиневе 6–7 апреля 1903 г. разразился страшный еврейский погром, в ходе которого, по неполным официальным данным, было убито 45 человек, ранено около 400 и разрушено 1300 еврейских домов и лавок, полиция и войска бездействовали и вмешались только через 30 часов после начала "беспорядков". Более того, от правительства не последовало никакого публичного заявления с осуждением погрома, а большинство его участников были оправданы судом или, получив небольшие сроки, вскоре амнистированы. Тем самым правительство в глазах простонародья поощряло погромы. Они и не замедлили повториться — осенью 1903 г. в Гомеле и Могилеве.

Поразительная "нераспорядительность" полиции и войск при погромах бросалась в глаза современникам, которые были уверены, что Министерство внутренних дел пыталось "канализировать" недовольство масс экономическим положением, обратив это недовольство на евреев. Некоторые высказывания Плеве позволяют заключить, что подобный ход мыслей был ему не чужд. Например, в 1902 г. он говорил корреспонденту американского журнала *Russian Correspondence*, что "в России нет революционного движения, есть только евреи, которые и являются истинными врагами правительства".

Политические противники — либералы и социалисты — прямо обвиняли Плеве в организации погромов. В нашем распоряжении

нет свидетельств, которые позволяли бы это безусловно утверждать. Знаменитое письмо Плеве бессарабскому губернатору фон Раабену, в котором он предупреждал губернатора о готовящемся погроме и настоятельно рекомендовал его "прекратить мерами увещания, вовсе не прибегая, однако, к оружию", было фальшивкой. Нет ничего удивительного, однако, в том, что весь мир принял фальшивое письмо за подлинное, поскольку, по словам товарища министра В. И. Гурко, "сам Плеве, прочитав его в "Освобождении"... подумал, что оно действительно было им подписано", и собирался устроить нагоняй служащим, которые осмелились "подсунуть" ему к подписи такое письмо.

В осторожности своих сотрудников Плеве не мог быть безусловно уверен. Антиеврейские настроения министра были широко известны, и это способствовало распространению подобных взглядов между чинами министерства. Дошло до того, правда, уже после гибели самого Плеве, что прокламации, призывающие к погромам, печатались в секретной типографии Департамента полиции. Проделывал это в 1905 г. жандармский офицер Комиссаров — с ведома по крайней мере ближайшего своего начальства.

Более того, Плеве сыграл важную роль в укреплении антисемитской идеологии и во всемирном масштабе. Именно он способствовал опубликованию самой знаменитой антиеврейской фальшивки, сыгравшей зловещую роль в XX в. и продолжающей морочить головы нашим современникам. С 28 августа по 7 сентября 1903 г. в нескольких номерах петербургской газеты "Знамя", издававшейся тем же Паволаки Крушеваном, которому принадлежала и кишиневская газета "Бессарабец", статьями которой был спровоцирован кишиневский погром, была напечатана "Программа завоевания мира евреями", получившая позднее широкую известность под названием "Протоколы сионских мудрецов".

"Протоколы" представляют собой якобы стенограмму заседания всемирных лидеров евреев, планирующих завершающую часть операции по захвату власти во всем мире. Инструментами этой борьбы были университеты, школы и пресса, распространяющие идеи либерализма и равенства, которыми со времен Французской революции евреи подрывали основы традиционных монархий в Европе. Российская империя представлена в "протоколах" последним препятствием на пути установления всемирного еврейского правления.

Первоначально неизвестный владелец списка предложил его к публикации относительно благопристойной правой газете Суворина "Новое время", но там побоялись цензурных репрессий, российское законодательство формально запрещало "натравливать одну часть на-

селения на другую", а отношения Суворина с властями были сложными. Крушеван обратился к министру внутренних дел В. К. Плеве, с которым был хорошо знаком — румынский боярин Крушеван и потомок прибалтийских немцев фон Плеве, как "истинно русские" люди, оба были деятельными членами первой в России националистической общественной организации — "Русского собрания", созданного в Петербурге в 1900 г. Плеве дал соответствующие распоряжения цензурному ведомству, и публикация состоялась.

Трудно вообразить себе, что Плеве, возглавлявший Департамент полиции с 1881 по 1894 г. и вернувшийся в ведомство в качестве министра в 1902 г., не знал, что "Протоколы" были сфабрикованы между 1897 и 1899 гг. во Франции. Сырьем для составителей "Протоколов" послужил памфлет французского публициста Мориса Жоли "Диалоги в аду между Макиавелли и Монтескье" (написанный в 1864 г.). Саморазоблачительные речи, вложенные Жоли в уста Макиавелли, в котором тогдашний читатель легко узнавал Наполеона III, сделались постановлениями "мудрецов". Произведена была фальшивка по указанию главы заграничной агентуры Департамента полиции Петра Ивановича Рачковского, который вообще любил артистические подделки документов и часто пользовался этим приемом.

Во всяком случае, тогдашним сотрудникам Департамента полиции было известно доподлинно, кем и когда сфабрикованы "Протоколы". Об этом свидетельствует эпизод с монаршим увлечением ими. В 1905 г. подарочное издание "Протоколов" было поднесено Николаю II. Книга произвела на него глубокое впечатление, о чем свидетельствовали высочайшие пометы на полях: "Какая глубина мысли!", "Какое точное выполнение своей программы!", "Наш 1905 год точно под дирижерство мудрецов", "Всюду видна направляющая и разрушающая рука еврейства" и т. д. Лидеры крайне правых обратились в Министерство внутренних дел за разрешением широко использовать "Протоколы" для идеологической борьбы с "воинствующим еврейством". Тут министр внутренних дел П. А. Столыпин, отличавшийся от Плеве несколько большей моральной щепетильностью, велел произвести секретное расследование, которое не заняло много времени, — изготовители фальшивки, хотя и оставили службу по полицейскому ведомству, обретались в добром здравии. Николай II был глубоко потрясен и на прожекте использования "Протоколов" начертал резолюцию: "Протоколы изъять, нельзя чистое дело защищать грязными способами".

"Протоколы", однако, свою роль сыграли. Помимо разжигания антисемитских настроений у них была вторая цель, ныне совершенно

забытая, а тогда для Плеве главная. Они должны были дополнительно скомпрометировать в глазах царя "защитника евреев" Витте и были картой в игре, которую вел против него Плеве.

"Маленькая победоносная война"

Противоположные позиции Витте и Плеве занимали и относительно внешней политики, точнее, того ее направления, которое приобрело особую остроту в начале XX в. Дальневосточный узел международных противоречий Витте предлагал осторожно распутывать, Плеве готов был его разрубить.

Первые контакты России с Японией были установлены в середине XIX в., когда Япония вышла из изоляции. В 1855 г. в Симоде двумя державами был подписан договор, установивший между ними границу на Курилах между островами Уруп и Итуруп. Однако, когда Россия принялась за освоение Сахалина, считая его своим владением, это вызвало протесты со стороны Японии. Спор был разрешен в 1875 г., когда в Петербурге был подписан новый договор, по которому Россия получила Сахалин в обмен на 18 островов Курильской гряды. Отношения между двумя странами были вполне добрососедскими до тех пор, пока Япония не начала экспансию на материке. В 1895 г. она разгромила слабую китайскую армию и вынудила Поднебесную империю подписать в Симоносеки унизительный договор. Китай отказывался в пользу Японии от сюзеренитета над Кореей и, кроме того, уступал ей Тайвань и Ляодунский полуостров.

Утверждение Японии на материке вызвало тревогу великих держав. Россия, поддержанная Германией и Францией, заставила Японию отказаться от территориальных приобретений, ограничившись контрибуцией (причем Тайвань и Ляодунский полуостров оставались в составе Китая, а Корея получала независимость).

В 1896 г. Россия и Япония договорились о равных правах в Корее. Проникновение России в Корею велось финансовыми методами, в 1897 г. был открыт Русско-Корейский банк, управление корейскими государственными финансами было передано российскому советнику, а в корейской армии появились русские инструкторы.

Одновременно Россия вполне воспользовалась "благодарностью" Китая. В 1896 г. крупный сановник, фактический правитель Китая Ли Хунджан, которому Витте преподнес в "подарок" бриллиант ценой в миллион рублей, заключил с Россией договор об оборонительном союзе. Чтобы обеспечить быстрое прибытие в случае нужды россий-

ских войск, тем же договором Русско-Китайскому банку была предоставлена концессия на сооружение Китайско-Восточной железной дороги от Читы до Владивостока по территории северной китайской провинции — Маньчжурии, на которую положила глаз Япония. Акционерное общество КВЖД формально считалось частным, но полностью контролировалось российским правительством. Более того, в 1898 г. Россия добилась от Китая права на аренду южной части Ляодунского полуострова с Порт-Артуром. Все эти акции были восприняты Японией как нежелание России учитывать японские "интересы", отношения между державами испортились.

Положение осложнялось тем, что Россия и Япония были не единственными конкурентами в борьбе за преобладание в приходящей в упадок Поднебесной. Урвать свой кусок норовили все великие державы. Северо-Американские Соединенные Штаты провозгласили доктрину "открытых дверей и равных возможностей" для всех держав в Китае. Германия немедленно заняла бухту Цзяочжоу (Циндао), а Англия — Вэйхайвей. В 1899 г. в Китае поднялось восстание. Направляло его тайное общество Ихэтуань (буквально — "Кулак во имя справедливости и согласия"), на знаменах которого изображался красный кулак, почему иностранцы называли восстание "боксерским". Восставшие вроде бы выступали против императорского правительства, отдавшего страну на растерзание европейцам. Но при этом нередко вместе с правительственными войсками громили заведения, принадлежавшие иноземцам. Иностранцам в Китае пришлось туго. После долгих и бесплодных попыток призвать к порядку законное китайское правительство в 1901 г. соединенные силы великих держав жестоко подавили восстание и заняли Пекин.

Россия ради обеспечения безопасности КВЖД оккупировала северную Маньчжурию. После восстановления в Поднебесной относительного порядка в 1902 г. Россия заключила договор с Китаем о выводе своих войск в течение полутора лет, но взамен потребовала гарантий обеспечения своих интересов в Маньчжурии и в том числе добилась обещания китайского правительства не предоставлять другим державам концессий на этой территории. Исполнение этого требования било особенно сильно по японским интересам и амбициям.

Япония принялась за непосредственную подготовку к войне с Россией. В 1902 г. она заключила с Англией союзный договор, в силу которого Англия обязывалась соблюдать нейтралитет в случае войны Японии с какой-либо одной державой и оказывать Японии военную помощь в случае войны ее с двумя и более державами. Договор метил против России.

Войны можно было бы избежать. И к этому всячески стремился Витте, рассчитывавший на эффективность отработанных им приемов экономического укрепления позиций России в регионах, где у империи были "особые интересы". Методика эта была с успехом апробирована на Персии, правительству которой в 1900 г. был предоставлен в результате усилий Витте при посредстве Ссудного банка крупный кредит, обусловленный обязательством погасить долги Англии и впредь не заключать иностранных займов без согласия России. Шахское правительство быстро растратило эти средства и уже в 1901 г. подняло вопрос о новом крупном займе. Российское правительство дало в сентябре на него принципиальное согласие, выставив новые условия, которые Иран вынужден был принять. Соглашение было оформлено в виде Декларации об изменении Туркманчайского договора 1828 г. Декларация 27 октября 1901 г., по существу, подчиняла таможенную систему Персии российским интересам, шахское правительство не могло устанавливать на какой-либо границе более льготный таможенный тариф, нежели на русско-персидской, таможенные сборы поступали в российские банки. В результате политики Витте ему удалось добиться значительных преимуществ в Персии, поставив под контроль ее финансовую систему.

Методика Витте позволяла укреплять позиции России в области традиционных интересов Англии, избегая резкого столкновения с ней. Но акции Витте падали, верх при дворе взяла могущественная "безобразовская клика", стремившаяся окончательно и быстро разрешить конфликт с Японией военной силой.

Еще в 1896 г. владивостокский купец Ю. И. Бринер получил от корейского правительства концессию на право рубки казенных лесов вдоль пограничных рек Ялуцзян и Тумэн-Ула. Сам Бринер не сумел организовать лесопромышленное общество и стал искать покупателей на концессию. Предложением заинтересовалась группа дельцов, имевших значительное влияние при российском дворе. Во главе ее стоял отставной кавалергард А. М. Безобразов, еще в 1896 г. выступивший с проектом фактического завоевания Кореи, куда предполагалось ввести российские войска под прикрытием коммерческого предприятия. Войну с Японией Безобразов считал неизбежной. Вокруг Безобразова организовался сплоченный кружок сторонников обострения отношений с Японией, получивший в литературе наименование "безобразовской шайки" (генеральный консул в Корее Н. Г. Матюнин, крупный помещик В. М. Вонлярлярский — бывший однополчанин Безобразова, великий князь Александр Михайлович, адмирал Е. И. Алексеев, камергер Н. П. Балашев, князь Ф. Ф. Юсупов и др.).

В феврале 1898 г. Вонлярлярский и Безобразов, заручившись поддержкой министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова, представили государю свой проект овладения Кореей при помощи протежируемой правительством частной компании. Николай II увлекся этой аферой и придал делу "государственную важность": распорядился перекупить концессию Бринера, снарядить в Корею экспедицию, возложив общее руководство делом на великого князя Александра Михайловича, а "исполнительскую часть" — на Вонлярлярского и Безобразова. Операция проводилась в тайне от большинства министров, в том числе и от Витте. Дабы не посвящать министра финансов в затеваемую аферу, средства на нее были выделены из "кабинетских сумм" — личных средств государя императора. Лесные промыслы были убыточны, но под видом лесорубов на Ялу отправлялись войска.

В апреле 1902 г. на сторону "безобразовской шайки" стал Плеве, благодаря чему спор между двумя партиями решился в пользу партии войны. Уже в мае 1903 г. правительство провозгласило новый курс на Дальнем Востоке, где было учреждено наместничество во главе с адмиралом Алексеевым, послушным воле Безобразова. Сам Безобразов был назначен статс-секретарем Особого комитета по делам Дальнего Востока. Все дипломатические сношения с Японией должны были теперь идти через наместника и статс-секретаря, Министерство иностранных дел, во главе которого стоял осторожный и невоинственный Ламсдорф, было отодвинуто на второй план. Безобразов и компания быстро довели дело до войны, к которой Россия была совершенно не подготовлена.

"Безобразовская шайка" была для Плеве прежде всего рычагом, при помощи которого он и свалил наконец ненавистного Витте. Но был и второй мотив — полицейский, толкавший министра внутренних дел к поддержке авантюрного курса дальневосточной политики. Военному министру А. Н. Куропаткину, тревожившемуся, что затеваемая война будет стоить больших усилий и больших потерь, Плеве признался: "Вы настоящего положения России не знаете, чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война".

В августе 1903 г. Николай II поставил на Плеве, который оказался понятнее и ближе государю по духу. "Полицейский карьерист" получил полную свободу действий и меньше чем за год довел страну до взрыва. Расчет на "маленькую победоносную войну" не оправдался. Война приняла затяжной характер и вовсе не обещала быть победоносной. Крестьяне и фабричные волновались. Окраины клокотали. Сам Плеве был убит террористом в июле 1904 г. Программа уступок обще-

ству, предложенная новым министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским, в наиболее существенной части — призыва народных представителей — была царем отвергнута. И тогда разразилась уже настоящая революция. Царю пришлось поступиться гораздо большим, нежели предлагали министры-либералы и даже назначить ненавистного Витте председателем Совета министров, получившего в думской монархии статус кабинета.

Подробнее на эту тему

Игнатьев А. В. *Витте — дипломат*. М., 1989.
Кавторин В. В. *Зубатовщина*. СПб., 1992.
Кон Н. *Благословение на геноцид*. М., 1990.
Кризис самодержавия в России: 1895–1917. Л., 1984.

1907 Конституционный эксперимент

3 июня 1907 г. депутаты, сошедшиеся у Таврического дворца, обнаружили на запертых дверях российского парламента Манифест “О роспуске Государственной думы”. “Всем верным подданным” подробно исчислялись прегрешения распущенного законодательного собрания:

...Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства.... По этой причине выработанные правительством нашим обширные мероприятия Государственная дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением, или отвергала, не остановившись даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках. Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству, и Россия продолжает переживать позор преступного лихолетия. Медлительное рассмотрение Государственною думою росписи государственной вызвало затруднение в своевременном удовлетворении многих насущных потребностей народных. Право запросов правительству значительная часть Думы превратила в способ борьбы с правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения.

Однако для разгона хотя бы и негодной Думы требовались более веские аргументы. И Манифест возвещал: "…свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебной властью был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти".

"Высокий штиль" манифеста прикрывал довольно нехитрую полицейскую провокацию. Формальным основанием для разгона Думы послужила инсценировка антиправительственного заговора левых депутатов. Делопроизводитель Петербургского комитета РСДРП и по совместительству агент Департамента полиции Екатерина Шорникова сообщила, что с группой солдат в квартиру депутата Озола, где собирались социал-демократы, будет передан "наказ" "возмутительного содержания" (в делах Департамента была предусмотрительно оставлена машинописная копия). Предполагалось, что полиция застукает фракцию с поличным. Но стражи порядка сплоховали и явились на место уже после ухода "солдатской депутации". Более того, подлинный "Наказ воинских частей петербургского гарнизона в социал-демократическую фракцию Государственной думы" — главную улику обвинения — так и не нашли. Пришлось "шить" к делу о заговоре полицейскую копию, "белые нитки" следствия торчали совершенно явственно.

Тем не менее 1 июня по требованию правительства состоялось закрытое заседание парламента, в котором прокурор Петербургской судебной палаты предъявил 55 депутатам обвинение в подготовке заговора, направленного "к ниспровержению государственного строя", и потребовал немедленного лишения 16 членов Думы депутатской неприкосновенности. Дума не пожелала удовлетворить эти требования власти, не проверив основательности выдвинутых обвинений. В тексте пресловутого "Наказа" оказались только жалобы на бессмысленную тяготу солдатской лямки и призыв депутатам "заговорить... в Думе" о том, как "запирает начальство солдат в каменные клетки-казармы, как мучает их непосильной и ненужной работой, как терзает их бессмысленными учениями...". На улику в подготовке военного мятежа бумага никак не тянула. Для расследования обстоятельств дела была создана думская комиссия под председательством историка Александра Кизеветтера. Она должна была доложить результаты своей работы в понедельник 4 июня, но ее выводов никто не стал дожидаться.

Прокуратура, у которой по случаю революции было много и более насущных забот, обнаружила из ряда вон выходящее рвение в отношении думцев, разумеется, не по собственному почину. За спиной окружного прокурора маячила внушительная фигура премьер-ми-

нистра Петра Аркадьевича Столыпина, находившегося в то время в апогее влияния на государя. У честолюбивого премьера был свой план прекращения "смуты" и построения "великой России", но для исполнения этого плана нужны были совсем другие законодатели. Посему вместе с указом о роспуске было опубликовано новое "Положение о выборах в Государственную думу", радикально менявшее облик нижней палаты российского парламента. Избирательное законодательство по точному смыслу российской конституции — Основных государственных законов от 26 апреля 1906 г. — не могло быть изменено без одобрения Государственной думы. Издание нового Положения в порядке чрезвычайного законодательства было грубым попранием Основных законов, то есть государственным переворотом, единственным достоинством которого было отсутствие рукоприкладства и стрельбы по народным избранникам. Почитатели премьера немедленно углядели в нем "российского Бисмарка". Создателю великой Германии тоже пришлось распустить парламент и изменить избирательный закон.

"Бесстыжий" закон и послушная Дума

Состав Думы первых двух созывов предопределялся "виттевским" избирательным законом 11 декабря 1905 г. Закон этот имел несчастную судьбу. В феврале 1905 г. под впечатлением начальных событий революции рескриптом на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина Николай II повелел созвать совещательную Думу, не имевшую законодательных прав. Закон о выборах в "булыгинскую думу" был опубликован 6 августа 1905 г. Страна единодушно такую Думу бойкотировала. Совещательное представительство уже никого не могло удовлетворить. Революция продолжалась. Наконец под давлением всеобщей стачки Николаю II пришлось 17 октября 1905 г. подписать манифест, которым Думе сообщались законодательные права, а правительству, во главе которого был поставлен извлеченный из опалы Витте, было повелено "не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку".

В результате "виттевский" закон сохранил основные черты "булыгинского", в который наскоро были внесены лишь некоторые суще-

ственные поправки. Выборы не были всеобщими, к участию в них не допускались женщины, молодежь до 25 лет, деревенские батраки, военнослужащие действительной службы и некоторые разряды "инородцев". Выборы не были прямыми. Избиратели выбирали "выборщиков", которые, сойдясь в общем губернском собрании, выбирали уже непосредственно депутатов. Выборы оставались неравными. Избиратели делились на четыре курии — землевладельческую, городскую, крестьянскую и рабочую. Для участия в выборах по первым двум куриям устанавливался довольно высокий имущественный ценз. По рабочей курии к выборам допускались лишь мужчины, занятые на предприятиях, имевших не менее 50 рабочих. Для крестьянской курии вместо ограничительных цензов устанавливались многоступенчатые выборы "выборщиков". Куриальная система была выстроена таким образом, что один выборщик приходился на 2 тыс. землевладельцев, 4 тыс. горожан, 30 тыс. крестьян и 90 тыс. рабочих.

Закон намеренно предоставлял крестьянству почти половину мест (42%) в губернских собраниях выборщиков. Власти верили, что "мужичок" (хорошо бы еще и неграмотный, ценз грамотности был исключен из проекта булыгинского закона) сохранит верность самодержавию и будет верной опорой власти в условиях новой смуты. Дворянство — главный поставщик либеральных оппозиционеров — лишалось доверия монарха.

Однако купить лояльность крестьянина мог только земельный закон, урезавший помещичье землевладение. Справедливо решить наиболее острый тогда для страны аграрный вопрос, по мысли крестьянства, значило отобрать помещичьи земли, данные некогда за военную службу и удерживаемые после отмены обязательной службы дворян 18 февраля 1762 г. безо всякого на то права.

Умеренный вариант подобного закона разработал в конце 1905 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием Николай Кутлер. В преамбуле указывалось, что "слишком упорное отстаивание принципа неприкосновенности частной собственности и свободы распоряжения ею может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего, и притом на самых разорительных для себя и для всей страны условиях". Проект предусматривал принудительное отчуждение части помещичьих земель в пользу крестьянства.

Наиболее дальновидные и практичные из крупных землевладельцев были готовы пожертвовать частью земельной собственности ради легитимации оставшейся. Даже дворцовый комендант Д. Ф. Трепов, человек очень недалекий, говорил Витте: "Я сам помещик, и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что

только при этом условии я сохраню за собою вторую половину". Однако большинство дворян выступило решительно против кутлеровского проекта. Главное возражение их сводилось к тому, что "никакие частичные мероприятия по передаче крестьянам частновладельческих земель не приведут к успокоению их, так как они всегда будут стремиться, ободренные к тому в своих вожделениях, к полному захвату всей земельной собственности". Аргументация произвела сильное впечатление на Николая II. В результате Кутлер был с позором отставлен в феврале 1906 г. и "с горя пошел в кадеты" — предложил свои наработки Конституционно-демократической партии, которая, вооружившись кутлеровским проектом, имела на выборах большой успех.

Крестьянская Дума на деле оказалась левой. Правые, откровенно черносотенные, партии в Думу не попали. Из 478 мест большинство (179 мандатов) получили кадеты, отстаивавшие программу "принудительного отчуждения". Крестьяне, стоявшие на позициях партии социалистов-революционеров, формально выборы бойкотировавшей, образовали "трудовую" фракцию и выступили с собственным аграрным проектом ("проект 104-х"), предусматривавшим национализацию всех земель, превышавших "трудовую норму", то есть не обрабатываемых силами владельца и его семьи. К левым фракциям в решении социально-политических проблем примыкали "беспартийные" крестьяне и 70 "автономистов" — представителей окраин.

Программа прекращения бушующей в стране "смуты", предложенная I Думой, предусматривала прежде всего широкую политическую амнистию и разрешение аграрного вопроса путем принудительного отчуждения частновладельческих земель. Правительство И. Л. Горемыкина ответило резким отказом даже обсуждать все эти требования и предложило депутатам заняться практической законодательной работой. "Практичность" выглядела полным издевательством. Первый правительственный законопроект, внесенный в Думу, был "Об отпуске 40 029 руб. 49 коп. на постройку пальмовой оранжереи и сооружение клинической прачечной при Юрьевском университете". Между Думой и правительством разгорелся острый конфликт. Дума продолжала обсуждать законопроекты, предусматривавшие принудительное отчуждение частновладельческих земель. В правительственном сообщении, опубликованном 20 июня 1906 г., принудительное отчуждение объявлялось неприемлемым ни в какой форме. 6 июля Дума приняла обращение к народу. 8 июля министр внутренних дел П. А. Столыпин, уже имея на руках указ о роспуске Думы, по телефону известил ее председателя С. А. Муромцева о своем намерении выступить в Думе в понедельник 9 июля. Эта маленькая военная хитрость должна была

усыпить бдительность думцев и воспрепятствовать организации протестных действий. Дума была распущена под тем предлогом, что "выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область".

"Умиротворить" страну, где крестьянство составляло девять десятых населения, не потревожив при этом "священных прав собственности" помещиков, был призван энергичный саратовский губернатор П. А. Столыпин, назначенный в день открытия занятий I Думы 27 апреля 1906 г. министром внутренних дел и сделавшийся председателем Совета министров в день ее роспуска — 8 июля. Быстрый карьерный взлет самого молодого российского губернатора отчасти объясняется его обширными родственными связями, отчасти — произведшими на Николая II большое впечатление изобретательностью и отвагой, проявленными Столыпиным в борьбе с революционными выступлениями и "аграрными беспорядками" в Саратовской губернии, в наибольшей степени пострадавшей от "иллюминаций", как называли в то время поджоги крестьянами помещичьих усадеб. Столыпин ухитрялся минимально использовать войска, широко прибегая к помощи черносотенных дружин для разгона революционных митингов. Но, когда в уездном городке Балашове активисты "Союза русского народа" собирались расправиться с забастовавшими земскими медиками, Столыпин лично прибыл на место с командой казаков для утихомиривания "союзников" и даже был задет брошенным из толпы "патриотов" булыжником.

Столыпинская программа умиротворения страны была опубликована 24 августа 1906 г. Правительство провозгласило, что "не колеблясь противопоставит насилию силу". Революционное насилие, иногда до неразличимости сливавшееся с обычной уголовщиной, действительно приобрело невиданные масштабы. За 1906–1907 гг. в результате терактов и уличных столкновений было убито 4126 и ранено 4552 должностных лица. В августе 1906 г. в местностях, объявленных на чрезвычайном положении, вводились военно-полевые суды, благодаря "скорорешительности" которых за виселицей вскоре утвердилось прозвище "столыпинского галстука". В 1906–1910 гг. по приговорам военно-полевых и военно-окружных судов было казнено 3825 человек — больше, чем за два предшествовавших столетия. За этот же период около 30 тыс. человек подверглись административной высылке без суда на основании положения о чрезвычайной охране. К моменту смерти Столыпина из 157 млн российских подданных 152 млн проживали в "местностях объявленных на положении чрезвычайной или усиленной охраны".

Итогом реформаторских усилий правительства должна была стать "великая Россия", которая прежде всего мыслилась как "русское государство", освобожденное от пагубного воздействия "инородцев". Опорой власти и основой государственной мощи должен был стать "сильный и крепкий" крестьянин, освобожденный от пут "социалистической" общины.

Важнейшей частью программы становилась аграрная реформа, реализация которой началась указом 9 ноября 1906 г. Однако указы, изданные в перерывах между сессиями законодательных палат по 87-й статье Основных законов, подлежали утверждению законодателей или переставали действовать. А провести закон о земельной реформе, оставляющей в полной неприкосновенности "частновладельческие" земли, через свободно избранную крестьянскую Думу было решительно невозможно. Власти попытались исправить положение манипуляциями в ходе избирательной кампании. Во время выборов во II Думу был беззастенчиво использован, как теперь сказали бы, "административный ресурс" для создания желательного корпуса депутатов: значительные категории крестьян и рабочих не были допущены к выборам благодаря на диво ко времени подоспевшим сенатским "разъяснениям" выборного законодательства, губернаторы всеми средствами отстраняли от участия в губернских собраниях левых выборщиков, запрещая избирательные собрания, манипулируя рассылкой повесток, перенося место и изменяя назначенное время выборов.

Несмотря на все эти усилия, Дума второго созыва оказалась еще левее первой, поскольку в выборах приняли участие радикальные партии, убедившиеся в неэффективности тактики бойкота. В Думе образовалась внушительная социал-демократическая фракция (65 депутатов). Народники разных направлений — эсеры, трудовики и народные социалисты — получили в общей сложности 157 мест. Потерявшие 80 мест сравнительно с первой Думой кадеты были представлены 98 депутатами.

Занятия Думы открылись 20 февраля 1907 г. Правительственную программу реформ 6 марта представил в Думе П. А. Столыпин. Программа обещала крестьянам аграрную реформу в соответствии с указом 9 ноября и введение волостного земства. Легальные профсоюзы и введение государственного страхования призваны были решить "рабочий вопрос"; старообрядцам и иноверцам предоставлялась свобода "богомоления", а всем вообще российским подданным — неприкосновенность личности, расширенное самоуправление, в том числе волостное бессословное земство. Но все это лишь после прекращения "смуты", в более или менее отдаленном будущем, при соблюдении

"исторической преемственности" и "культурных традиций". "Противникам государственности, — гремел премьер с думской трибуны, заканчивая 10 мая речь по аграрному вопросу, — хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия". Великой России подобало "правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство его величества".

Дума, выслушав декларацию правительства, продолжила готовить аграрную реформу, радикально отличающуюся от возвещенной высочайшим указом 9 ноября: эсеры разработали проект "социализации" земли, социал-демократы ратовали за ее "муниципализацию", трудовики продолжали отстаивать "национализацию" в соответствии с перводумским "проектом 104-х" (все три предусматривали ликвидацию частной собственности на землю и различались только предлагаемыми способами распоряжения обобществленной землей).

Монархия оказалась на развилке, откуда открывалось три пути. Крайне правые предлагали ликвидировать законодательную Думу совсем (или вовсе ее упразднив, или сделав совещательной). Однако правительство и Николай II опасались взрыва возмущения в стране. Второй путь состоял в признании Думы выразителем воли нации и формировании министерства во главе с "общественными деятелями". Столыпин первоначально склонялся к этому варианту. Но правительство думского большинства — кадетское — было для власти принципиально невозможно. Кадеты продолжали оставаться на полулегальном положении, отказались осудить политический террор, и вообще эта партия, как выразился министр финансов Коковцов, "слишком много наобещала крайним левым элементам и слишком явно попала уже в зависимость от них". Возникла идея составить правительство с включением таких лиц, которые хотя и не представляли думское большинство, но пользовались доверием общественности. С таким Кабинетом, во главе которого предполагалось поставить многолетнего лидера московского земства Д. Н. Шипова, кадеты и даже умеренно левые "элементы" в Думе могли бы найти общий язык. Однако Шипов от предложенной чести отказался, мотивировав это тем, что в случае неизбежного конфликта с Думой "этот новый кабинет не может искать поддержки в традициях старого строя и будет поставлен в необходимость в самом скором времени... подать в отставку". Он советовал образовать кадетское министерство. Тогда ради продолжения "конституционного эксперимента" Столыпин окончательно выбрал третий путь — путь фальсификации народного представительства.

В первых числах мая 1907 г. начались заседания Совета министров, посвященные подготовке нового избирательного закона. Заседания были столь секретны, что на них даже не велось протоколов. Разработка проекта закона была поручена товарищу министра внутренних дел С. Е. Крыжановскому. Из трех подготовленных им вариантов Совет министров одобрил тот, который сам автор считал откровенно "бесстыжим". Государь император, подписывая указ, изволил с удовлетворением вымолвить: "Я за бесстыжий".

В пояснительной записке к проекту Крыжановский не без гордости подчеркивал, что проектируемая им система "помимо своей простоты и устойчивости, которую она вносит в результаты выборов, представляет и то еще преимущество, что дает возможность предопределить число представителей от каждого класса населения, установив таким образом состав Думы в соответствии с видами правительственной власти".

Частью эти "виды" были недвусмысленно обозначены 3 июня 1907 г. в Манифесте о роспуске Думы: "созданная для укрепления государства Российского Государственная дума должна быть русскою и по духу. Иные народности, входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены". Соответственно, новым выборным законом было полностью лишено представительства в Думе 10 среднеазиатских областей и губерний, польским губерниям было оставлено 12 мест из прежних 36, Кавказ посылал теперь 10 депутатов вместо 29. Почти такому же сокращению подверглось представительство крупных городов, жители которых, чаще поражаемые заразой либерализма, как оказалось, были мало расположены к поддержке "истинно русской" политики. Число городов, имевших право прямого выбора депутатов, было сокращено с 26 до 5. Единая прежде городская курия была разделена на два разряда, причем в первом разряде, куда попадали крупные предприниматели, купцы и домовладельцы, один выборщик приходился на тысячу избирателей, а во второй, включавшей городской "средний класс" — плательщиков "квартирного налога", то есть врачей, учителей, адвокатов и т. п., — на 15 тыс.

Главная же перемена в Манифесте не афишировалась и состояла в том, что Дума переставала быть крестьянской. Куриальный механизм был на сей раз отлажен таким образом, что абсолютное большинство выборщиков, 50,5% (вместо прежних 31%), избирала теперь

землевладельческая курия, крестьянская — 22,5% (вместо 42%), а выборы по рабочей курии производились только в шести промышленных губерниях. Теперь один выборщик по землевладельческой курии приходился на 230 человек, по крестьянской — на 60 тыс., а по рабочей — на 125 тыс. В губернских собраниях выборщиков обязательный депутат от крестьян избирался теперь не самими крестьянами, а всем составом губернских выборщиков, то есть крестьянский представитель избирался поместным дворянством на свой вкус. Неудивительно, что в III и IV Думах крестьяне в значительном числе появились и на правых скамьях.

Состав Думы, избранной по новому закону, находился в резком контрасте с социальной и национальной структурой населения. Дворяне, занимавшие 43% думских мест, по переписи 1897 г. составляли менее 1% населения. Крестьян в Думе оказалось 15%, лиц свободных профессий — 19,5%, промышленников и торговцев — 7,5%, священников и миссионеров — 10%, рабочих и ремесленников — 2,5%. По национальному составу Дума вышла, как и мечтал Столыпин, "истинно русской": 77% депутатов были "великороссами", на долю всех остальных "народностей", составлявших 44% населения империи, досталось 23% мест.

В результате манипуляций с избирательными куриями III Государственная дума давала и совершенно искаженную картину политического спектра. Левый фланг Думы был слаб и малолюден, там помещалось 13 трудовиков и 19 социал-демократов. Левыми в новой Думе оказалось 53 кадета, прежде составлявших думский центр. Господствующее положение в центре занимала фракция "Союза 17 октября" (154 депутата), к которой тесно примыкало 28 "прогрессистов". Зато в Думе впервые образовался мощный правый фланг (147 депутатов). В результате главную задачу столыпинского правления — создание новой социальной опоры монархии в лице крестьян-собственников — предлагалось решать Думе с преобладанием дворян-помещиков, размещавшихся на правых скамьях, и представителей торгово-промышленного сословия, составлявших партию октябристов.

В октябристах Столыпин нашел на первое время надежных союзников. Программа умеренно либерального и умеренно патриотического "Союза" отличалась неопределенностью, из-за которой газетные остряки нарекли партию "союзом пропавшей грамоты". По существу, она сводилась к "развитию и укреплению начал конституционной монархии и установлению тесного единения монарха с народом". В речи на первом всероссийском съезде Союза в феврале 1906 г. Д. Н. Шипов так пояснял этот пункт партийной программы: "Мы — искренние

монархисты по убеждению; мы видим в конституционной монархии противодействие идее деспотизма олигархии или массы. Монарх — выше всех политических партий, и поэтому свобода и право каждого гражданина наиболее обеспечены при конституционной монархии". Чтобы вполне оценить радикальность этой позиции, надо принять в расчет, что правые партии и сам Николай II не считали, что с появлением Думы и Основных законов Россия сделалась конституционной страной (из Основных законов было изъято упоминание о "неограниченности" монаршей власти, но осталась ее характеристика как власти "самодержавной"). Октябристы были безусловными сторонникам конституционной монархии и гражданского равенства, но они одинаково чурались как близоруко-реваншистской дворцовой "камарильи", так и непрактичных леваков — кадетов. Это сближало их со Столыпиным; близка к столыпинской была и неразработанная в деталях аграрная программа партии. Важным обстоятельством, обеспечившим возможность такого союза, была готовность октябристов ждать коренных политических реформ до того момента, когда для них возникнут социальные предпосылки, довольствуясь до тех пор частными мерами. Как и Столыпин, они были убеждены, что Россия может стать свободным правовым государством лишь тогда, когда основная масса населения — крестьянство, оценив преимущества частной собственности, поймет ценность свободы и права. До этого, как выражался Столыпин, писаные конституционные права будут лишь "румянцем на трупе". Кроме того, союз Столыпина с октябристами был в значительной степени скреплен "личной унией". С лидером октябристов А. И. Гучковым Столыпин познакомился в апреле 1906 г. в доме своего брата, известного петербургского журналиста А. А. Столыпина. Между двумя политиками сразу возникла "дружеская приязнь", и с тех пор они не только переписывались, но и частенько встречались в неофициальной обстановке. В этих приватных беседах они обсуждали политические проблемы и вырабатывали тактику совместных действий. В результате октябристы выдали Столыпину карт-бланш и на несколько лет стали "правительственной" партией в отечественном смысле слова: не правительство выполняло волю партии, а партия выполняла волю правительства, за что и получила прозвище "партии последнего правительственного распоряжения".

Третьеиюньская избирательная система позволяла создать в Думе два большинства. Первое, охранительно-монархическое большинство, необходимое для проведения репрессивных мер, образовывалось при солидарном голосовании октябристов и правых. Для чего А. И. Гучков при помощи Столыпина "произвел раскол в правом секторе Думы,

выделив из нее более умеренные элементы, которые могли бы оказать поддержку столыпинскому министерству". На сторону Столыпина стали умеренно правые и националисты, в отличие от крайне правых, во главе с Н. Е. Марковым и В. М. Пуришкевичем, лидерами черносотенного "Союза русского народа".

Второе, либерально-реформаторское большинство возникало при блокировании октябристов с кадетами, которые на своем пятом съезде в октябре 1907 г. смиренно постановили, что идут в Думу для "органической работы" в качестве "ответственной оппозиции".

Премьер, имея два большинства на все случаи жизни, получил полную свободу рук для проведения собственного курса. Третья Государственная дума стала послушным орудием в руках Столыпина — и проработала весь положенный по закону срок (1907–1912). Политическая стабильность была достигнута. Но и цена ее оказалась велика.

Дума первых двух созывов — бестолковая, истеричная, подчас хамоватая — вызывала отвращение не только у правых. Сергей Булгаков, принадлежавший к левому крылу второй Думы, с глубоким презрением писал о ее "нелепости, невежественности, никчемности, о том, что она в своем убожестве даже не в состоянии была заметить, что сама она не была пригодна ни для какого дела и утопала в бесконечной болтовне". Но — как ни прискорбно это сознавать — эта "говорильня" вполне выражала "чаяния" страны.

В праве III Думы говорить от лица нации сомневался даже ее председатель (с 1911 г.) Михаил Родзянко. Столыпинский курс законодательно оформляло грубо фальсифицированное народное представительство. Действия правительства оказывались, таким образом, вполне законными, но не легитимными, то есть правительство действовало в рамках законов, но сами эти законы не признавались страной справедливыми.

Столыпина "закономерность" действий правительства мало заботила. Он твердо вел линию, которую считал единственно верной. Важнейшие социально-экономические меры премьер в случае замедления и противодействия своим планам ничтоже сумняшеся проводил в обход законодательных учреждений, широко пользуясь 87-й статьей Основных законов, позволявшей принимать законодательные акты высочайшими указами в промежутках между сессиями законодательных палат. И даже специально устраивал для этой цели палатам внеурочные "каникулы".

Оправданием "чрезвычайщины" служили Столыпину ссылки на происки революционных экстремистов. "Государство обязано, — убеждал премьер Думу, выступая по вопросу об отмене закона о воен-

но-полевых судах, — когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада... Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна". Это "состояние необходимой обороны", по мысли Столыпина, требует не только применения широких репрессий, но и подчинения государства "одной воле, произволу одного человека".

Несостоявшееся умиротворение

Главной целью Столыпина было общее "умиротворение" страны, глубоко потрясенной революцией. Прочного умиротворения, однако, нельзя было достигнуть одними репрессиями. В записке, поданной царю в январе 1907 г., Столыпин доказывал: "Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбою с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления". В своих реформаторских намерениях Столыпин был исключительно тверд и искренен. Когда В. И. Гурко, заместитель министра внутренних дел, одним из первых приехал 12 августа 1906 г. на развалины премьерской дачи на Аптекарском острове, разнесенной бомбой террористов, причем была тяжело ранена дочь Столыпина, первой фразой, которую он услышал от премьера, было: "Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России".

Главной язвой было несовершенство крестьянского "уклада". За его исправление Столыпин и принялся со всей прямолинейностью и ревностью неофита. Специальных теоретических познаний и глубокого практического знакомства с аграрным вопросом у него не было. Дочь реформатора М. П. Бок простодушно отметила в своих воспоминаниях, что отец "очень любил сельское хозяйство и, когда бывал в Колноберже, весь уходил в заботы о посевах, покосах, посадках в лесу и работу в фруктовых садах". Этого "дачного" опыта было, разумеется, маловато. В 1902 г. Столыпин участвовал в трудах виттевского Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и там усвоил мнение, что для решения всех проблем достаточно уничтожить общинную чересполосицу и расселить крестьян по хуторам. Однако ясного представления о сложности дела и плана реформ к моменту своего назначения на пост министра внутренних дел бойкий про-

винциал не имел и позаимствовал разработки своего товарища (так официально называлась тогда должность заместителя министра) Владимира Гурко, занимавшегося подготовкой земельной реформы еще при Плеве.

Существо аграрной реформы, за которой закрепилось название "столыпинской", состояло в форсированном разрушении крестьянской поземельной общины и проведении "землеустройства" для ускоренного формирования класса "крепких" крестьян-собственников. Крепкий хозяин, решивший "аграрный вопрос" за счет односельчан, должен был — по замыслу премьера — иметь право голоса в местном самоуправлении и возможность вывести в люди детей (чему должно было служить введение всеобщего начального образования); для менее удачливых предусматривалось переселение в Сибирь и на другие окраины с наделением землей за счет аборигенов. Расширению частной крестьянской земельной собственности должно было способствовать предоставление крестьянам льготного кредита через Крестьянский поземельный банк.

Первым шагом на этом пути стало уравнение крестьян с другими сословиями в гражданских правах. Указом 5 октября 1906 г. крестьянам предоставлялось право свободного получения паспортов и выбора места жительства, отменялись телесные наказания по приговору волостных крестьянских судов.

9 ноября 1906 г. был опубликован указ "О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования". Пустое канцелярское название маскировало важнейший государственный акт, открывавший крестьянам выход из общины с "укреплением" надельной земли в личную собственность.

Существенно, что при этом большая часть земель переходила не в семейную собственность, каким доселе было деревенское владение наделом, а в личную собственность "домохозяина". Однако при этом правительство стремилось ограничить свободную мобилизацию земель и сохранить бывшие "надельные" земли в руках крестьянского сословия. "Крестьяне-укрепленцы" могли продать свои наделы лишь лицам, "приписанным к сельскому обществу". Надельная земля не могла быть заложена иначе как в Крестьянский банк и "завещана иначе как по обычаю".

Крестьянин мог "укрепить" за собой полевые участки в том виде, в каком ими пользовался (иногда число этих "полос" в разных полях доходило до сотни), или с согласия общины свести все эти полосы в один участок — "отруб". Если крестьянин выходил на "хутор",

то есть переносил на отруб усадебные постройки, он мог претендовать на дополнительную прирезку земли в размере оставляемой в деревне усадьбы. Для укрепления "полос" достаточно было получить разрешение простого большинства сельского схода, а для создания отруба или хутора — согласие двух третей крестьянского схода. Однако произвол общины был исключен. Если "сельское общество" по каким-либо причинам отказывалось в течение месяца со дня подачи заявления "выделенца" составить "приговор" с описанием укрепляемых участков, "выдел" оформлялся постановлением земского начальника.

Правительство всячески содействовало образованию хуторов, хуторянам, в частности, выдавались на особо льготных условиях ссуды Крестьянского банка. Предпочтение, отдаваемое хуторскому хозяйству, объяснялось не только тем, что при этом формировался слой крестьян, владевших участками, в наибольшей степени отвечающих требованиям рационального хозяйствования. Вторая цель правительства состояла в том, чтобы разрушить компактное и спаянное деревенское сообщество, ибо, как писал Столыпин, "дикая, полуголодная деревня, не привыкшая уважать ни свою, ни чужую собственность, не боящаяся, действуя миром, никакой ответственности, всегда будет представлять собой горючий материал, готовый вспыхнуть по каждому поводу".

Энергичные землеустроительные работы начались уже в январе 1907 г. (к 1911 г. землеустройством было занято уже более 5 тыс. казенных землемеров). Но только 14 июля 1910 г. был принят Государственной думой закон, утвердивший основные положения указа 9 ноября 1906 г. и несколько даже упростивший порядок выхода крестьян из общин.

В доказательство успешного хода столыпинской реформы обычно приводят статистические данные. Если судить по отчетам Главного управления землеустройства и земледелия, во главе которого стоял ближайший единомышленник Столыпина А. В. Кривошеин, то реформа действительно продвигалась успешно. С 1907 по 1915 г. 3 млн 373 тыс. домохозяев (36,7% от их общего числа) подали заявления о выходе из общины. Из них 2 млн 478 тыс. домохозяев (26,9%) формально укрепили землю в личную собственность. Из земельного запаса Крестьянского банка в 1906–1915 гг. было продано крестьянам 3,7 млн десятин земли, на которых к 1915 г. было образовано 7,7 тыс. хуторов и 14,3 тыс. отрубов. Из Европейской России за Урал переселилось 3 млн крестьян, по большей части малоземельных бедняков.

Реальность, скрывающаяся за этими цифрами, сложнее и гораздо в меньшей степени позволяет говорить об успехе. Достоверность самой этой статистики вызывает большие сомнения. Специальным

циркуляром Министерства внутренних дел служащим было объявлено, что "оценка их служебной деятельности" и продвижение по службе будут поставлены в зависимость от успеха реформы. Чиновники старались как могли. Выборочные проверки, проведенные министерством в нескольких губерниях, выявили до 10% приписок. Но даже реально выделившиеся не образовали чаемого "крепкого" крестьянства. Само Главное управление земледелия вынуждено было признавать, что "хутора, выделенные из общинных земель, во многих случаях маломерные и слабые". Новгородский агроном Анатолий Клопов, получивший право писать о положении дел в стране лично государю, в ноябре 1909 г. так описывал положение хуторян в центрально-черноземных губерниях: "… семьи из 10 человек, сидящие на клочке в 2–5–6 десятин земли, затратившие последние гроши, добытые путем займа, на перенос своих хат, живущие впроголодь на покупном хлебе уже теперь после обильного урожая... Доходов впереди никаких, и остаются неудовлетворенными... самые элементарные нужды. Многие сидят без воды, так как лужи, из которых они черпали воду, замерзли, на устройство же колодцев нет средств". Хутора, созданные на покупных землях, в частности на землях Крестьянского банка, были крупнее и крепче. Но и среди них около четверти были фиктивными (администрация банка предпочитала именовать их временно "не обустроенными"), владельцам не хватало средств, и они не торопились покидать деревню, а на хуторской земле ставилась "скверная хижина" и "намек на будущие постройки".

Структурные реформы обходятся дорого, но Столыпин, кажется, этого не понимал. На вооружения Россия потратила в 1907–1913 гг. 4,36 млрд рублей; на поддержку поместного дворянства — 987 млн, а на важнейшую аграрную реформу отпустили всего 56,6 млн. Несостоявшийся фермер, разоренный "отрубник", обозленный нищий переселенец стали наглядными "агитаторами" против реформы.

Экономический эффект столыпинской аграрной реформы был скромным, во всяком случае, в науке на этот счет продолжается полемика. К 1917 г. до 80% крестьянских земель продолжали оставаться в чересполосном состоянии и обрабатывались по архаической трехпольной системе. Общий подъем сельскохозяйственного производства в стране, по всей видимости, обеспечивался главным образом "культурными" помещичьими хозяйствами. Производительность основной массы крестьянских хозяйств оставалась крайне низкой. Лишь около 2% обособившихся хозяйств, причем почти исключительно в южных и северо-западных губерниях, крепко стали на ноги. Реформа шла чрезвычайно неравномерно. Так, например, в Олонец-

кой губернии выделов не состоялось ни одного, а в Архангельской — из 300 с лишком тысяч десятин надельной земли было "приватизировано" 200 десятин.

Гораздо более существенно, и здесь историки самых разных направлений вполне единодушны, что реформа провалилась политически. Либеральная реформа встречала стойкое сопротивление основной массы крестьянства в первую очередь именно из-за того, что проводилась силой. Деревенское сообщество привычно выступило "миром" против вмешательства в свои дела со стороны. Характерно, например, что до трети крестьян, подавших заявления о выходе из общины, вынуждены были забрать их под давлением односельчан, а согласие сходов получили лишь около четверти подавших заявление, остальные добились выхода из общины благодаря постановлению ненавидимых деревней земских начальников.

Помимо зажиточных крестьян, стремившихся к созданию устойчивого крупного фермерского хозяйства, бежала из общины и деревенская голытьба, которая не могла обработать наделы своими силами. 914 тыс. домохозяев, то есть более четверти покинувших общины, сразу же продали свои наделы. Большая часть их навсегда порвали с деревней и пополнили собой ряды наименее квалифицированного и наиболее взрывоопасного городского плебса.

Переселенческая программа, организованная бюрократически и крайне неэффективно, была практически сорвана. На старые пепелища возвратилось до полумиллиона человек, выселявшихся в Сибирь и Казахстан (около 17% от общего числа переселенцев), — без денег, без прав на землю и без уважения к обманувшей их власти.

Не разрушил Столыпин и сельского "мира". Административная реформа так и не была произведена, и "выделенцы" продолжали участвовать в мирских сходках, где решались важнейшие вопросы местной жизни. Более того, "мир" продолжал — совершенно противозаконно — распоряжаться земельным фондом. Исследование Вольного экономического общества обнаружило, что значительная часть крестьян, даже в сельских обществах, где были проведены "землеустроительные работы", оставалась в полном неведении относительно того, что они стали собственниками своих наделов, и общины продолжали по обычаю производить периодические переделы земли.

Усилив внутреннее напряжение в деревне, где "выделенцам" и особенно хуторянам соседи нередко пускали красного петуха, столыпинская аграрная реформа не заставила и самых зажиточных крестьян забыть о помещичьих землях (а из 130 тыс. крупных и средних земельных владений 107 тыс. принадлежали дворянам). Погромы усадеб перио-

дически возобновлялись. Власти относили их на счет революционных агитаторов. Но даже крайне правый депутат III Государственной думы крестьянин Амосенок понимал и предупреждал правительство с думской трибуны, что революционные агитаторы находят отзыв в крестьянской среде, только когда "нам и здесь не разрешают говорить даже по призванию нашего возлюбленного монарха батюшки-царя... Следовательно, когда нам закрывают рот всегда и на местах, то потому-то и происходит революция".

Помещик, разговорившийся при продаже имения с мужиками "поконсервативней", слышал уже в 1910 г. от почтенных стариков такие, например, характерные речи: "...теперь умней будем. Зря соваться не станем. Ждем войны. Война беспременно будет, тогда конец вам... Потому что воевать мы не пойдем, воюйте сами. Сложим ружья в козлы и шабаш. Которые дымократы, мужички, значит, начнем бить белократов — вас, господ. Всю землю начисто отберем и платить ничего не будем".

Последнее прибежище русского Бисмарка

Аграрная реформа Столыпина попала под огонь уничтожающей критики сразу с двух крайних флангов. Знаменитая максима премьера, что ставку надлежит делать "не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных", вызвала негодование и левых и правых. Социалисты, опасаясь, что успех реформы выбьет почву из-под революционной агитации в деревне, обвиняли Столыпина в том, что он отдал деревню на поток и разграбление "мироедам". Крайне правые готовы были терпеть Столыпина, когда требовалось давить революцию, но, едва опасность миновала, стали смотреть на него как на злейшего врага, и не случайно: реформа ставила целью создание новой социальной опоры власти взамен дворянства. Совет объединенного дворянства клеймил Столыпина за то, что его правительство "бросило всякую заботу о хозяйстве культурном и даже способствует его упразднению, поощряя всякое начинание в области перехода всей земельной площади к первобытному земледелию".

Цитаделью правых сделалась верхняя палата российского парламента — Государственный совет, половина членов которого после реформы 1906 г. назначалась царем, а другая половина избиралась "корпорациями" — от земств, дворянских собраний, православной церкви, биржевых комитетов, Академии наук и университетов.

По существу, Столыпину не удалось провести ни одного закона, обещанного в реформаторской правительственной декларации 24 августа 1906 г. Тогда предполагалось перестроить местное самоуправление, сообщив зажиточным крестьянам больший в нем вес. Тесно были связаны с крестьянской реформой и вероисповедные законы, долженствовавшие развить положения указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и облегчить положение старообрядцев, составлявших значительную часть среди крестьян северных губерний и Сибири, а также насильственно обращенных в православие униатов юго-западных губерний. Проект реформы местного самоуправления предусматривал ликвидацию особого крестьянского сословного самоуправления и создание бессословных земских учреждений на уровне волости, уезда и губернии. Вместо крестьянского сословного волостного суда предполагалось учредить выборных мировых судей, действующих уже на основе общегражданского, а не обычного крестьянского права. Центр тяжести местной правительственной администрации предполагалось перенести из губернии в уезды, поставив во главе уезда назначаемого сверху "уездного начальника" (эта мера встретила особое противодействие дворянства, поскольку со времен Екатерины II все коллегиальные учреждения уезда состояли под председательством предводителя дворянства), земских начальников должны были сменить участковые начальники, не обязательно из дворян. Введение всеобщего начального образования должно было обеспечить образовательным цензом массы крестьян, получавших более широкое представительство в земских учреждениях. Практически все объявленные Столыпиным либеральные реформы были выхолощены или заблокированы Государственным советом, но для их продвижения премьер ни разу не воспользовался 87-й статьей.

Постепенно в его деятельности начали разочаровываться и октябристы. 22 февраля 1910 г. Гучков выдвинул Столыпину ультиматум. Начав с того, что октябристы и в Думе, и в стране "чувствуют себя несколько изолированными", Гучков твердо завил, что "прискорбная необходимость" столыпинской системы "успокоения" прошла и "при наступивших современных условиях" уже нет "прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод". У октябристов были основания беспокоиться за свою будущность: на дополнительных выборах в трех главных торгово-промышленных городах — Москве, Петербурге и Киеве, в первой городской курии, считавшейся вотчиной октябристов, победили везде кадеты. Октябристы, не рискуя лишиться доверия своих избирателей, могли смещаться вслед за Столыпиным вправо только до определенной степени.

Столыпину для продолжения его конституционного эксперимента необходимо было заручиться другой силой, и он, двигаясь вправо, обратился к националистам. По его инициативе думская фракция умеренно правых учредила одноименную партию во главе с Н. П. Балашовым, слившуюся в январе 1910 г. с Всероссийским национальным союзом, программа которого объявляла, что "Союз имеет целью содействовать: а) господству русской народности, б) укреплению сознания русского народного единства, в) устройству бытовой самопомощи и развитию национальной культуры, г) упрочению русской государственности на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным народным представительством". Амбиции у новой партии националистов были глобальные. Балашов уверял журналистов, что в ближайшем будущем "России предстоит первенствующая роль в решении судеб человечества", когда "русский национализм разовьется и расцветет", а Запад вступит в "эпоху социалистических опытов".

Союз с Балашовым и компанией означал отступление Столыпина от первоначально взятого им курса, отказ от проведения либеральных реформ, отлагаемых в неопределенное будущее, и сосредоточение правительства на решении "национальных задач". В интервью корреспонденту "Нового времени" премьер заявил, что будущую Думу четвертого созыва он хотел бы видеть "с крепким устойчивым центром, имеющим национальный оттенок".

"Национальные задачи" никогда не были Столыпину чужды, разговоры о "великой России", "истинно русском" правительстве не были для него риторической фигурой. Но прежде либеральные реформы, в частности уравнение всех российских подданных в гражданских правах, были для него первоочередными задачами. В 1906 г. Совет министров по почину Столыпина принял постановление о частичной отмене ограничений гражданских прав евреев, причем, чтобы не вводить государя в искушение, министры согласились "не устраивать разногласия" и подать в качестве единодушного мнения Совета одно только мнение большинства (если журнал Совета подавался с "разногласием", государь мог утвердить в качестве закона любое из высказанных мнений). 10 декабря 1906 г. царь вовсе отказался утвердить журнал Совета министров, объяснив свое решение велениями "внутреннего голоса", противопоставить которому, разумеется, было нечего. Тогда Столыпин был огорчен провалом акции, теперь борьба за "русское господство" в империи становилась стержнем его собственной политики.

Из мероприятий нового курса наибольший шум вызвал "поход на Финляндию". С началом в 1905 г. всероссийской "смуты" прави-

тельству С. Ю. Витте пришлось принимать в пожарном порядке экстренные меры для "умиротворения" Финляндии, сделавшейся в результате русификаторской политики предшествующего десятилетия "пороховой бочкой" под самым боком имперской столицы. В ноябре 1905 г. автономия Финляндии была восстановлена в полном объеме, более того, финляндский сейм получил полномочия на разработку нового основного закона. С его утверждением в начале 1906 г. Финляндия оказалась наделенной самой демократической в Европе конституцией: однопалатный законодательный сейм избирался всеми гражданами старше 24 лет (включая женщин).

Своими мерами правительство Витте преобразовало финляндскую "пороховую бочку" в настоящую "черную дыру", вызывающую у властей постоянную головную боль. Собственно финляндцы утихли, но зато территория Великого княжества сделалась практически недоступна для действий российских властей. В Финляндии находили убежище исполнители российских террористических актов и "эксов" — "экспроприаций", или, попросту говоря, грабежей, совершаемых под политическими знаменами. Через Финляндию шел в Россию поток оружия и небезупречно "чистых" денег, подпитывающих революционные организации. В Финляндии находят себе убежище лица, преследуемые как по политическим мотивам, так и просто уголовные, разыскиваемые российским правосудием. И все потому, как констатировал сам Витте, что "финляндская администрация считала, что все это до них не относится, а русская администрация была стеснена и весьма ограничена в своих действиях в Финляндии".

Столыпин уже в 1907 г. обещал Николаю II "в случае нарушения финляндцами закона и неподчинения законным требованиям действовать силою *manu militari**". В октябре было образовано особое совещание по делам Великого княжества Финляндского, куда вошли, в частности, многие сотрудники убитого финляндцами генерал-губернатора Бобрикова, доведшего Финляндию до взрыва своими "обрусительными" мерами в 1898–1904 гг. Разработанный совещанием проект закона о соотношении общеимперского и финляндского законодательств сводил сейм на уровень губернского земского собрания. Законопроект был внесен в Думу 14 марта 1910 г. и вызвал многочисленные протесты ученых-юристов. Причем не только российских. Из Франции пришел протест, подписанный четырьмя сотнями депутатов Национального собрания. Финляндский сейм признал проект противоречащим основным законам Великого княжества.

* Воинской рукой *(лат.)*.

Октябристы и правые готовы были поддержать столыпинский курс в Финляндии. Решительно против проекта выступила в Думе лишь крошечная группа левых кадетов, глашатаем которой сделался П. Н. Милюков. За принятием этих законов, утверждал Милюков, "последует ненависть, злоба, отчаяние, за борьбой последует необходимость репрессий... Правительство провоцирует страну на поступки, которые оправдают жестокие меры управления, а иначе оно управлять не умеет".

Столыпин лично защищал проект в Думе. Признав юридическую спорность вопроса, премьер решительно отмел правовые аргументы: "Масса материалов, документов, актов, касающихся отношений Финляндии к России, дает возможность защищать всякую теорию: достаточно для этого повыдергать из архивных груд нужные для этого материалы". Премьер упирал на политическую целесообразность и обращался к патриотическим чувствам депутатов, утверждая, что отклонение проекта будет сочтено в Финляндии и на окраинах вообще признаком русской слабости. "Разрушьте, господа, — призывал он думцев, — этот опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, — презрение к нашей родине". Думская оппозиция из протеста покинула зал заседаний, оставшееся националистическое большинство высказалось за ускоренный порядок обсуждения и приняло проект в жесткой правительственной версии, отказавшись внести в него даже скромные смягчающие поправки, предложенные октябристами.

Успешно миновав Государственный совет, проект стал законом 17 июня 1910 г., в соответствии с которым финляндский сейм становился совещательным учреждением в вопросах не только "общеимперского", но и внутреннего законодательства. Закон имел "рамочный" характер, и до издания новых законов оставались в силе старые финляндские порядки, но антирусские настроения в Финляндии значительно усилились, финны были уверены, что российская власть вторично отобрала их законные права, но на этот раз уже с согласия народных представителей.

Национальная политика привела к окончательному краху как самого Столыпина, так и его "конституционного эксперимента". Наиболее отчетливо этот механизм виден на примере закона о западном земстве.

Переход Столыпина к "национальной" политике ознаменовался в мае 1909 г. внесением в Думу правительственного законопроекта об изменении порядка выборов членов Государственного совета от западных губерний, где не было земских учреждений и выборы представителя губернии производились губернскими съездами землевладельцев. Поскольку земельный ценз для участия в выборах был высок, а крупными землевладельцами в западных губерниях (Вилен-

ской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Минской, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской) были почти исключительно поляки, все девять избираемых членов Совета оказывались поляками. Группа членов Государственного совета по инициативе одного из главных идеологов русского национализма, многолетнего редактора газеты "Киевлянин" Д. И. Пихно, внесла законопроект об изменении порядка выборов, при котором для всех девяти губерний образовывалось два избирательных съезда выборщиков, русский и польский, причем русский избирал шестерых членов Государственного совета, а польский — трех. Предложение Пихно было встречено в Совете прохладно. С точки зрения старого "имперского" принципа против проекта возражал обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский: "Основное начало нашей государственности заключается в том, что в Российской монархии есть Русский царь, перед которым все народы и все племена равны". Однако Столыпин, ко всеобщему удивлению, высказался о проекте сочувственно и немедленно внес его в Думу.

Дума не успевала рассмотреть проект ранее осени, а выборы предстояли уже летом. Министерство внутренних дел одновременно с внесением проекта нового порядка выборов предложило отсрочить их на год. Октябристы предложили другой ход: произвести выборы по старому закону, но только на год, а за это время ввести в западных губерниях земские учреждения. Столыпину идея чрезвычайно понравилась, разом убивалось два зайца — защита русских интересов от "польского засилья" приобретала вид либеральной реформы.

Весной 1910 г. в Думе началось обсуждение правительственного законопроекта о введении земских учреждений в западных губерниях. Причем только в шести из девяти, поскольку в губерниях Виленской, Гродненской и Ковенской русское землевладение было настолько слабым, что обеспечить преимущественное положение в земстве русским землевладельцам было невозможно никакими законодательными ухищрениями.

В земское положение 1890 г. для западных губерний были внесены фундаментальные изменения. Вместо сословных курий вводились курии национальные (формально конфессиональные — одна для православных, вторая — для прочих, поскольку законодательно определить критерии "русскости" было невозможно). Каждая из курий выбирала фиксированное число гласных, причем "русская" — всегда значительно больше "польской". Число это определялось соотношением численности населения данной "нации" в рамках губернии и принадлежащей этому населению собственности в уезде. Подсчет велся следующим образом: если в некоторой губернии польское население составляло

2% и владело в данном уезде 38% недвижимости, эти проценты складывались и делились пополам, то есть в этом уезде поляки избирали 20% гласных. Особо было оговорено в проекте, что русские должны иметь большинство в управах и в составе земских служащих.

В Думе проект подвергся критике слева за нарушение равенства национальностей. Столыпин, лично выступавший в защиту проекта, публично отрекся от проповедуемого тогда либералами принципа свободного соревнования наций и культур. "Мы стремимся, — говорил он 7 мая 1910 г., — оградить права русского экономически и культурно слабого большинства от польского экономически и культурно сильного меньшинства... Достойна ли русского правительства роль постороннего наблюдателя, стоящего на историческом ипподроме или в качестве беспристрастного судьи у призового столба и регистрирующего успехи той или иной народности? Цель проекта — запечатлеть открыто и нелицемерно, что Западный край есть и будет край русский, навсегда, навеки!"

Проект был принят Думой с небольшими октябристскими поправками, было уменьшено число обязательных гласных от духовенства и исключено требование, чтобы председатели управ были исключительно русскими.

Государственный совет приступил к обсуждению законопроекта в феврале 1911 г. Небольшая группа "прогрессистов" и часть "центра" немедленно выступили против национальных курий, знаменующих, как выразился профессор М. М. Ковалевский, "отказ от общегосударственной идеи в интересах признания требований национальностей". Столыпин рассчитывал на поддержку мощной "правой" группировки. Но и среди правых обнаружились решительные противники проекта, поскольку понижение земельного ценза и тем самым умаление веса польского дворянства в пользу русской "полуинтеллигенции" могло служить нежелательным прецедентом, подталкивающим к демократизации земского положения 1890 г. для внутренних губерний. В защиту проекта высказалась только "партия шуровьев", группировавшаяся вокруг А. Б. Нейдгардта (брата жены Столыпина).

Столыпин решился прибегнуть к последнему методу давления на Совет. Николай II по его просьбе передал фракции правых через председателя госсовета М. Г. Акимова пожелание, чтобы правые поддержали правительственный проект. Правые возмутились и на заседании фракции составили письмо государю, в котором излагались причины неприятия правительственного проекта. Письмо передал В. Ф. Трепов, вследствие личной близости к царю получивший право испрашивать у государя аудиенцию. Трепов добился от царя разре-

шения фракции “голосовать по совести”. Мотивы царского решения были в значительной степени внеполитическими. Николая II давно уже раздражал самоуверенный Столыпин, нужда в котором вовсе не казалась такой острой, и он рад был случаю щелкнуть зазнавшегося премьера по носу.

4 марта 1911 г. Государственный совет значительным большинством отверг статью о национальных куриях. 5 марта Столыпин явился в Царское Село с прошением об отставке. Царь идею отставки отверг, дабы не создавать “парламентского” прецедента. “Во что же обратится правительство, зависящее от меня, — заметил царь, — если из-за конфликта с Советом, а завтра с Думой будут сменяться министры”. Тогда Столыпин выставил ультиматум. Он потребовал распустить обе палаты на три дня и принять закон по 87-й статье, а кроме того, удалить из Государственного совета лидеров правых П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова.

Николай II четыре дня обдумывал ответ и под давлением вдовствующей императрицы Марии Федоровны и некоторых великих князей, продолжавших верить в необходимость Столыпина, согласился на условия ультиматума. 10 марта он подписал указ о перерыве сессии законодательных палат с 12 по 14 марта и повелел Дурново и Трепову покинуть столицу и до конца года не посещать заседаний Госсовета. 14 марта закон о западном земстве был издан — хотя и в думской редакции, но в порядке чрезвычайного законодательства.

История с “западным земством” знаменовала крах “конституционного эксперимента”. Гучков в знак протеста против такого откровенного насилия над законом сложил с себя полномочия председателя Государственной думы. Дума внесла запрос о закономерности действий правительства. Отвечая на запрос в Думе, Столыпин 27 апреля настаивал, что “14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства”. Столыпин рассчитывал, что обуздание Государственного совета вызовет сочувствие в Думе, но большинство Думы решительно восстало против “нажима на закон”. Думское постановление, осуждавшее действия премьера, было принято небывалым большинством в 202 голоса.

Премьер оказался в тупике. Ближайший соратник П. Н. Балашов советовал ему распустить Думу и принять еще раз новый избирательный закон. Но такой диктаторский ход был возможен лишь при полной поддержке государя, а ее Столыпин лишился окончательно и бесповоротно.

Поклонники русского Бисмарка и по сей день уверены, что, кабы не пуля террориста, Столыпин привел бы Россию к могуществу и про-

цветанию. Петр Струве, в эмиграции ставший сильно идеализировать Столыпина, даже высказывал предположение, что, доживи Столыпин до Мировой войны, он "может быть... предупредил бы войну, как он это сделал раньше, во время боснийского конфликта".

Но Столыпин сделался политическим трупом задолго до выстрела Дмитрия Богрова в Киевском оперном театре. Вскоре после "парламентского кризиса", вызванного законом о западном земстве, царь отправил в Нижний Новгород Распутина. Целью поездки были "смотрины" тамошнего губернатора Хвостова на должность председателя Совета министров.

Для успеха затеянных реформ Столыпин требовал "20 лет покоя внутреннего и внешнего". Но сам же, действуя насильственно-бюрократическими приемами, разрушил возможность "внутреннего покоя". Насильственная земельная реформа подготовила почву для гражданской войны в деревне. Произвольная национальная политика убедила национальные окраины, что при столыпинском конституционном режиме "политическая свобода господствующей народности может совмещаться с полным отрицанием прав народностей недержавных", и в конечном итоге привела к взрывному росту националистических центробежных сил, разорвавших в 1917 г. империю.

Катастрофы можно было бы избежать, если бы в 1907 г. честолюбивый и энергичный российский премьер-министр не решился облагодетельствовать страну реформами вопреки ясно выраженной воле большинства страны.

Подробнее на эту тему

Pallot J. *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. Oxford, 1999.

Аврех А. Я. *П. А. Столыпин и судьбы реформ в России*. М.: Политиздат, 1991.

Корелин А. П. *Петр Аркадьевич Столыпин* // Российские реформаторы XIX — начала XX в. М., 1995.

Леонтович В. В. *История либерализма в России: 1762–1914*. М., 1995.

Степанов С. А. *Загадки убийства Столыпина*. М., 1995.

Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск, 2001.

Шацилло К. Ф. *"Нам нужна великая Россия"*. М., 1991.

Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000.

1917 Война и революции

3 августа 1917 г. в Москве на заседании съезда Всероссийского союза торговли и промышленности, объединявшего виднейших представителей большого бизнеса России, его председатель, банкир и меценат П. П. Рябушинский, резко критиковал "нерешительную политику" Временного правительства и вождей демократии, в которых видел виновников хозяйственной разрухи. Вывод же звучал вполне по-марксистски: "...настоящая революция была революцией буржуазной... Те лица, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать". "Министры-капиталисты" и социалисты во главе с "главноуговаривающим" революции Александром Керенским таковыми уже не воспринимались. Нужна была иная фигура для действия — установления твердой власти и наведения порядка. Генерал-диктатор.

Полководец на белом коне не раз эффектно завершал эпоху революционного кавардака, как дядя и племянник Бонапарты в образцово-буржуазной Франции или генералы и полковники в менее образцовой, но более веселой Латинской Америке с ее красочными пронунсиаменто. В России 1917 г. роль "завершителя" революции предназначалась только что назначенному главнокомандующему — Лавру Корнилову.

Л. Г. Корнилов родился в 1870 г. в Семипалатинской области в семье чиновника. В 1898 году окончил Академию Генерального штаба, затем

служил в Туркестанском военном округе, участвовал в русско-японской войне, был военным агентом в Китае, после чего находился на разных командных должностях на Дальнем Востоке, где дослужился до звания генерал-майора. С началом Первой мировой войны командовал на фронте дивизией, попал в плен; после бегства из австрийского лагеря в 1916 г. стал национальным героем, получил под командование корпус и чин генерал-лейтенанта. После Февральской революции Корнилов некоторое время командовал Петроградским военным округом и во время апрельской демонстрации пытался расстрелять рабочих и солдат артиллерийским огнем. Был переведен на должность командующего 8-й армией, отличился во время наступления в июне 1917 г., а после его провала приказал расстреливать бегущих солдат. 30 июня Керенский произвел Корнилова в генералы от инфантерии, 8 июля назначил командующим Юго-Западным фронтом, а 18 июля — главнокомандующим.

Новый главнокомандующий и его Ставка к началу августа подготовили доклад правительству, в котором требовали немедленно ввести смертную казнь в тылу, распустить солдатские комитеты, а их членов, допустивших "противозаконные" действия, предать суду, ограничить функции фронтовых комиссаров, провести в запасных полках аресты "зачинщиков" беспорядков, расформировать все большевизированные части, а солдат передать в "исправительные" лагеря.

Временное правительство постановило "принципиально признать возможность применения тех или иных мер в тылу, до смертной казни включительно, но проводить их в жизнь лишь по обсуждении в законодательном порядке отдельно каждой данной конкретной меры". Сам же Корнилов уже перебрасывал со "своего" Юго-Западного фронта 3-й конный корпус, который должен был развернуться в отдельную Петроградскую армию и взять под контроль столицу.

Готовился и "второй эшелон" наступления, для которого подтягивалось еще семь пехотных и три кавалерийские дивизии. В самом Петрограде заранее откомандированные офицеры должны были спровоцировать беспорядки со стороны солдат и занять важные пункты, арестовать некоторых членов коалиционного правительства, а главное — депутатов Советов. Донскому атаману Каледину и его казакам предстояло захватить железную дорогу Ростов — Москва и сковать силы Московского гарнизона.

Интрига состояла в том, что об этих передвижениях Временное правительство знало и их одобряло. Между Керенским и Корниловым велись переговоры (посредниками служили управляющий военным министерством бывший эсер-террорист Б. В. Савинков и отставной

обер-прокурор Синода князь В. Н. Львов) и было достигнуто соглашение о введении надежных войск в столицу и установлении военного положения для противодействия Советам. Правительство издало указ об отсрочке созыва Учредительного собрания с сентября до ноября 1917 г. Савинков 23 августа лично вручил Корнилову подготовленные по распоряжению Керенского законопроекты о введении смертной казни и военно-полевых судов в тылу.

Но далее события приняли неожиданный оборот. Ни сами главные участники этой драмы, ни посредники (по глупости или ведя двойную игру) не сочли нужным договориться о способах разделения полномочий: Корнилов потребовал передать ему верховную власть и соглашался оставить Керенского министром юстиции. В результате 27 августа 1917 г., когда конный корпус двинулся на Петроград, министр-председатель Временного правительства объявил верховного главнокомандующего российской армии мятежником. Корнилов обратился к нации по радио:

> Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистских Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, храмы, — молите Господа Бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо кроме сохранения великой России, клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. 27 августа 1917 г. Ставка.
>
> (*Цит. по:* Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 251)

Керенский в ответ обвинил генерала в вероломстве и развязывании братоубийственной войны. Его посещали делегации "военных и гражданских лиц, предлагая отправиться к генералу Корнилову, с тем чтобы раз и навсегда покончить с "недоразумением"; свое посредничество предлагали послы союзных России держав. Но Керенский не желал посредничества "между правительством и мятежным генералом".

Хорошо знавший Корнилова бывший начальник штаба русской армии М. В. Алексеев сказал, что у него "львиное сердце, а голова овечья". Бравый генерал плохо разбирался в политике — не видел различия между умеренным социалистическим руководством Петроградского совета, который твердо поддерживал оборонительные усилия России, и выступавшими против войны большевиками. Своему начальнику штаба, генералу Лукомскому, Корнилов пояснил, что пришла пора "немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался". Правда, в окружении Корнилова предполагали не только вешать и расстреливать, но и создать коалиционное правительство, в состав которого должны были войти видные промышленники А. И. Путилов и С. П. Третьяков, кадет А. В. Карташев, бывшие деятели царского режима Н. Н. Покровский, граф П. Н. Игнатьев, первый председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов и даже Г. В. Плеханов. Но на практике никаких мер к установлению новой власти мятежники принять не успели.

И в чисто военном плане операция была плохо подготовлена. Три дивизии двигались на Петроград по разным дорогам, без ясно определенной задачи и связи друг с другом, как будто их командующий не ожидал противодействия правительственных войск. Да и как представлял себе Корнилов действия кавалерии в миллионном городе со значительным гарнизоном, притом что наводить порядок предстояло добровольцам "кавказской национальности" из "дикой дивизии"?

Но до боев дело не дошло. Солдат и казаков остановили разобравшие пути железнодорожники, а многочисленные агитаторы распропагандировали несостоявшихся карателей всего за один день 29 августа. Командующий корпусом генерал Крымов вынужден был отправиться с повинной к Керенскому и после разговора с ним застрелился, а Корнилов вместе с поддержавшими его генералами угодил под арест, где просидел вплоть до самой победы большевиков, после чего отправился на юг и стал основателем белого движения. Разгром корниловщины только упрочил власть Советов и роль большевиков в них, а авторитет Керенского уронил — и тем самым ослабил либерально-демократические элементы в обществе. Умеренно правые и умеренные социалисты не смогли сговориться. В результате революционный маятник качнулся далеко за пределы амплитуды, при которой можно было рассчитывать на сочувствие большинства населения России. Малочисленные, но энергичные радикалы получили возможность расправиться со своими политическими конкурентами и под лозунгами со-

циалистического эксперимента выстроить общество, которому до сих пор не придумано точного названия.

Исчезновение монархии

Важнейшим фактором крушения монархии стала мировая война, но произошло оно вовсе не автоматически. Война вызвала патриотический подъем: австро-венгерские войска были разгромлены на полях Галиции, и русское командование стало готовить наступление на Венгрию и Берлин. Россия не зависела, как Великобритания или Германия, от импорта сырья; колоссальные людские резервы могли восполнить потери на фронте и недостаток рабочей силы в городах.

Но весной 1915 г. победы на Восточном фронте сменились поражениями. В расчетах на краткосрочность военных действий "ошиблись" все воюющие страны, но возможности для исправления ошибок у них были разные. У России вскоре иссякли запасы снарядов, выявилась нехватка тяжелой артиллерии и винтовок; изготовление современной техники, например самолетов, требовало поставок импортных деталей. Пришлось срочно создавать органы государственного регулирования экономики в военных условиях — систему Особых совещаний (по обороне, перевозкам, топливу, продовольствию) с целью мобилизовать промышленность на выполнение военных заказов. В их состав вошли чиновники, представители Думы и общественных организаций (Всероссийского земского союза, Союза городов и Военно-промышленных комитетов), выступавших посредниками между казной и предпринимателями в заготовке амуниции и вещевого довольствия для армии и помогавших раненым и беженцам. Но хрупкое общественное согласие, обеспечивавшее работу этого сложного механизма, держалось исключительно на патриотическом порыве, который стал выдыхаться после первых же неудач на фронте.

С трудом удалось наладить массовый выпуск давно освоенной военной продукции (новинки техники вроде автоматической винтовки так и не были запущены в производство). Но оказалось, что малая пропускная способность железных дорог, находившихся к тому же в двойном подчинении — Министерства путей сообщения и Ставки, — не могла обеспечить одновременно регулярного снабжения фронта и тыла и эвакуации из находившихся под угрозой захвата германской армией областей. Рост военных расходов привел к инфляции: в 1916 г. рубль стоил только 27 довоенных копеек. Одновременно были увеличены налоги на сахар, спички, керосин, табак и другие продукты

массового спроса; в итоге уровень потребления простого обывателя в 1916 г. составил 40–50% от уровня 1913 г. Сокращение "гражданского" производства и отсутствие товаров заставляли крестьян придерживать хлеб. Нехватка продовольствия, по данным Министерства внутренних дел, уже в 1915 г. была отмечена в 500 городах и вызвала огромные очереди и даже разгром магазинов. С 1916 г. стали вводиться карточки на продукты в тылу, а из действующей армии приходилось посылать команды охотников на "отстрел зайцев для нужд Северного фронта".

Вновь начались забастовки с политическими требованиями: в 1915 г. бастовали 570 тыс. человек, в 1916-м — уже 1 млн 170 тыс. В созванной летом 1915 г. Думе впервые после столыпинского переворота образовалось оппозиционное правительству большинство — Прогрессивный блок, включавший все основные думские фракции (октябристов, кадетов и прогрессистов, националистов). Блок требовал у Николая II "министерства доверия" из компетентных и ответственных чиновников, расширения прав общественных организаций и органов местного самоуправления. Навстречу оппозиции пошли даже министры, направившие коллективное письмо царю о необходимости смены курса и отставки престарелого премьера И. Л. Горемыкина. Ответом был временный роспуск Думы (3 сентября) и увольнение наиболее "либеральных" министров. Но Николай II не поддержал и план Ставки по введению военной диктатуры, объединявшей руководство тылом и фронтом в одних руках, с привлечением пользовавшихся общественным доверием министров.

Начался развал власти: с января 1916 до марта 1917 г. сменилось три премьер-министра, четыре военных министра и шесть министров внутренних дел; свои посты покинуло 57 губернаторов и градоначальников. Назначались наиболее послушные и бесцветные, мыслившие подобно тому же Горемыкину: "Верноподданные должны подчиняться, какие бы ни были последствия. А там дальше воля Божья". Император не понимал, что укоренившийся в народном сознании стереотип "добрый царь — плохие бояре" служит надежной защитой монархии. Самодержец не боялся открыто обнаружить свою некомпетентность, производил необъяснимые назначения, вопреки всем советам лично возглавил терпевшую поражение армию.

Именно в это время возросло влияние Распутина. Хитрый "возжигатель дворцовых лампад" (его официальная должность) ничего не "приказывал" Николаю II — давления царь не потерпел бы. Через фрейлину Вырубову Распутин узнавал о заботах и пожеланиях царя и царицы, никогда не перечил их твердым намерениям, но зато на основе точной информации сообщал о явлениях ему святых и Божьей

воле. Для мистически настроенной императрицы это было "божественным" подтверждением ее собственных мыслей, и она учила царя, как ему надо поступать. Так, знаменитый Брусиловский прорыв летом 1916 г. был остановлен Николаем II по требованию царицы (Распутину было "видение свыше"); через два месяца она требовала у мужа: "Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо..." При этом царь, по-видимому, искренне считал, что приближение к царской семье мужика, чье вызывающее поведение и скандальные похождения становились известными всей стране, подрывая престиж династии, есть его личное дело.

Безграмотные решения вроде очередного призыва в армию в разгар полевых работ приводили к волнениям в деревне, а мобилизация освобожденных от воинской службы среднеазиатских "инородцев" — к настоящему восстанию, с трудом подавленному через несколько месяцев. В ноябре 1916 г. правительство уже не в силах было справиться с продовольственным кризисом и объявило на 1917 г. продразверстку, которую губернские земства выполнять отказались. Паралич власти и дискредитация династии привели к тому, что в конце 1916 г. к царю обратились даже консервативный Государственный совет и съезд объединенного дворянства с просьбой об устранении влияния "безответственных сил". Поддержали ее и члены царской семьи. "Я только что возвратился из Бэкингемского дворца. Жоржи (английский король Георг. — *Прим. авт.*) был огорчен политическим положением в России. Агенты Интеллидженс Сервис, особенно очень хорошо осведомленные, предсказывают в России революцию. Я искренне надеюсь, Ники, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно", — предостерегал самодержца великий князь Михаил Михайлович. Но все было напрасно.

Неспособность Николая II понять сложность стоявших перед страной проблем активизировала оппозицию в Думе, и даже правоверные монархисты заговорили о дворцовом перевороте. Осенью 1916 г. лидер партии октябристов А. И. Гучков и его друзья обсуждали план захвата царского поезда во время проезда из Петрограда в Ставку. Арестованный царь должен был отречься в пользу наследника Алексея, а регентом назначить своего младшего брата Михаила. Можно предположить, что устранение непопулярного монарха в сочетании с энергичными мерами по наведению порядка в тылу могло бы не довести ситуацию в столице до взрыва. Но для осуществления замысла надо было иметь надежные воинские части под командой лихого генерала. Сам Гучков позднее признавал: "Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных воен-

ных к заговору привлечь не удалось". "Патриотическая тревога" правых обернулась кровавым фарсом: от рук убежденного монархиста В. М. Пуришкевича и князя Ф. Ф. Юсупова пал последний временщик Григорий Распутин. Но пародия на дворцовый переворот не смогла спасти монархию.

Императрица призывала мужа: "Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех... Распусти Думу сейчас же... Будь властелином, и все преклонятся перед тобой". Но было уже поздно. В царствование Николая II Россия прошла три периода развития (1894–1905, 1905–1914, 1914–1917). Начало каждого из этих витков давало возможность проведения реформ, а заканчивались они кризисом или революцией. Но во всех случаях царь и его ближайшее окружение неизменно отвергали сколько-нибудь последовательные реформы. В феврале 1917 г. Николай II больше всего думал о том, куда отправить детей после кори на отдых, и радовался отъезду из Петрограда в далекую и спокойную Ставку. "Мой мозг отдыхает здесь, — писал царь, — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно..."

События 25 февраля — 1 марта 1917 г. подробно изложены в учебниках: всеобщая стачка перешла в восстание войск и населения в Петрограде. Многовековая монархия, казавшаяся нерушимой основой российской государственности, рухнула за три февральских дня: государя некому было защищать, кроме столичной полиции и нескольких сотен оставшихся до конца верными солдат и офицеров. Разбежалось бессильное правительство. Николаю II отказала в поддержке армия — не только бунтовавший столичный гарнизон, но и командовавшие фронтами генералы. От царя отвернулась церковь — через несколько дней священники возносили молитвы за "благоверное" Временное правительство. Даже члены династии присоединились к победителям и нацепили красные банты, как это сделал будущий "император в изгнании" — великий князь Кирилл Владимирович.

2 марта 1917 г. российский император в вагоне личного поезда, остановленного всесильным профсоюзом железнодорожников, Викжелем, на станции Дно под Псковом, протянул прибывшим к нему посланцам из охваченного восстанием Петрограда листок бумаги с отречением от престола. Последняя церемония в истории империи прошла на удивление буднично — государь "точно эскадрон сдал".

...В эти решительные дни в жизни России сочли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Ду-

мой признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях и на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины.

В последнем акте царствования Николай остался верен себе. Отречение было недействительным, ибо нарушало имперский закон о престолонаследии: царь не имел права произвольно распоряжаться престолом и тем более отрекаться за сына-наследника. Парадокс состоял в том, что никогда не понимавший, как какой-то закон мог ограничивать самодержца, царь призвал своего преемника править "в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях" — тех самых, которые презирал как "парламентриляндию адвокатов".

Империю свалили очереди за хлебом, но никак не "немецкие деньги", о которых в последнее время опять немало говорят и пишут. Немецкий бизнесмен Парвус действительно подал в 1915 г. правительству Германии план подготовки России к революции, под который просил всего 5 млн марок. Этот "меморандум" от 9 марта 1915 г. включал несколько "мероприятий":

— Организация массовой общероссийской забастовки под лозунгом "Свобода и мир", руководимой из Петербурга. Она должна охватить оружейные заводы, железные дороги.
— Взрывы железнодорожных мостов, которые парализуют снабжение больших центров, прервут подвоз войск и снаряжения к линиям фронта, что вызовет массовые волнения внутри страны.
— Подготовка конгресса ведущих российских социалистов-демократов в Швейцарии — на нем должен быть выработан единодушный призыв к действиям против царизма...
— Организация восстаний и забастовок в регионах с политическими лозунгами, поджоги нефтяных депо.
— Поддержка русских изданий за рубежом и местных партийных газет. Они должны создавать всюду настроения против царизма.
— Поддержка лозунга РСДРП "Свержение правительства и скорейшее заключение мира".

— Подстрекание антирусских настроений на Украине, в Финляндии и на Кавказе.

(Комсомольская правда. 2001. 4 апреля)

Но совместные действия сепаратистов и революционеров оказались невозможными: Ленин отверг предложения украинских националистов, а другие левые партии поддерживали участие в войне до победного конца. "Массовая общероссийская забастовка" не состоялась ни в 1916, ни в 1917 г. Восстаний и диверсий на железных дорогах не было, да они и не понадобились: транспорт был дезорганизован несогласованными распоряжениями правительства и Ставки.

Что же касается пропаганды, то основной вклад в распространение антиправительственных настроений внесли не социалисты, а либералы. В обществе имели колоссальный успех думские речи лидера кадетов Милюкова, обличавшие "измену" и придворную "немецкую партию" под покровительством императрицы. Февральская революция была стихийным выступлением, никакие партии ее не готовили и не возглавляли, вопреки позднейшим уверениям советских историков о "руководящей роли" большевиков. Дума стремилась выторговать у царя уступки; царская чета полагала, что "самое трудное позади", и упорно видела врага в Думе, а Ленин и многие другие революционеры не ожидали скорого конца монархии.

"Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать", — страдал председатель Думы М. В. Родзянко, но в ночь на 28 февраля "нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка" и принял власть от имени Временного комитета членов Государственной думы. Рядом с ним появился другой центр власти — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Временный комитет с согласия Совета в ночь на 2 марта образовал Временное правительство из представителей Прогрессивного блока — кадетов во главе с П. Н. Милюковым, октябристов во главе с А. И. Гучковым, прогрессистов (А. И. Коновалов). Министром юстиции стал единственный представитель социалистов А. Ф. Керенский. 3 марта от престола отказался великий князь Михаил Александрович, призвавший граждан подчиниться Временному правительству до поры, пока созванное "на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа".

Без сопротивления новая власть утверждалась по стране. "С высоты от Лубянского пассажа вдаль к Охотному ряду темнела оживленной массой, может быть, стотысячная толпа. И между пешеходами

то и дело мчались в разных направлениях грузовые и пассажирские автомобили, на которых стояли солдаты, и прапорщики, и студенты, а то и барышни, и, махая красными флагами, приветствовали публику, а та, в свою очередь, восторженно кричала им "ура". Лица у всех взволнованные, радостные — чувствовался истинный праздник, всех охватило какое-то умиление" — так выглядела Москва 1 марта 1917 г.

Интеллигенты у власти

Россия в одночасье стала одной из самых демократических стран в мире. Упразднены были полиция и корпус жандармов; отменена смертная казнь, все вероисповедные и национальные ограничения в имущественных правах, выборе места жительства и поступлении на службу и в учебные заведения. Исчезла цензура, на страницах свободной прессы тех дней можно было встретить даже призывы к объединению "товарищей воров и грабителей". Граждане могли свободно объединяться в общества и проводить любые собрания в любом месте, за исключением рельсовых путей. Восстанавливался мировой суд, расширялись права суда присяжных и отменялся для них имущественный ценз. В административных судах можно было обжаловать решения уездных и губернских властей. Выборы в земства и городские думы должны были проводиться на основе всеобщего и равного избирательного права. На предприятиях было узаконено создание фабзавкомов (рабочих комитетов). Приказ № 1 Петроградского совета предписывал выбирать солдатские комитеты воинских частей; теперь солдаты могли курить на улице, ездить в трамваях, участвовать в политических организациях, а офицеры обязывались обращаться к ним на "вы". Ликвидировался государственный контроль над православной церковью, и через несколько месяцев Всероссийский церковный собор избрал нового патриарха — им стал московский митрополит Тихон.

Все ведущие политические партии (за исключением большевиков) обещали свою поддержку новому правительству, а само оно отличалось, говоря современным языком, высоким интеллектуальным рейтингом. Во всех составах Временного правительства участвовало 38 человек, принадлежавших к десяти различным партиям и беспартийных. Большинство из них (11) были юристами, остальные — экономистами (4), врачами (4), инженерами (4) и предпринимателями (2). Среди них был: академик (С. Ф. Ольденбург), профессора (А. А. Мануйлов, Н. В. Некрасов, С. С. Салазкин), приват-доценты (М. В. Бер-

нацкий, И. В. Годнев, А. В. Карташев, Ф. Ф. Кокошкин, П. Н. Милюков), доктора медицины (Годнев и Салазкин), истории (Милюков), политэкономии (Мануйлов), философии (Н. Д. Авксентьев). Шестнадцать человек прошли школу "российского парламентаризма" в качестве депутатов Думы. 10 человек испытали тюремное заключение и ссылки. Средний возраст министров составлял 45,5 года. Все они получили хорошую профессиональную и политическую подготовку, были известны общественной деятельностью и научными трудами, имели немалый жизненный опыт. Но всего через полгода последовал полный крах и утверждение у власти радикалов-большевиков...

> А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин были убиты матросами в январе 1918 г. Многие из министров ушли к белым и в эмиграцию (Авксентьев, Бернацкий, Д. Н. Вердеревский, А. И. Гучков, И. Ефремов, Карташев, Керенский, А. И. Коновалов, В. Н. Львов, Г. Е. Львов, Милюков, П. Н. Переверзев Ф. И. Родичев, С. А. Смирнов, М. И. Терещенко, Третьяков, И. Г. Церетели, В. М. Чернов, П. Юренев); в 1922 г. из советской России были высланы А. В. Пешехонов и С. Н. Прокопович. Другие служили советской власти (Мануйлов, Н. М. Кишкин, А. И. Верховский, П. Н. Малянтович, М. И. Скобелев, Н. В. Некрасов, А. М. Никитин, С. Л. Маслов, А. С. Зарудный). Внук основателя знаменитой галереи С. Н. Третьяков с 1929 г. стал сотрудничать с Иностранным отделом ОГПУ и был казнен фашистами в 1943 г. В 1938–1940 гг. Маслов, Верховский, Скобелев, Никитин, Шаховской, Малянтович и Некрасов были расстреляны чекистами; выжил в заключении лишь К. А. Гвоздев, освобожденный в 1956 г. Последним из министров Временного правительства в 1970 г. ушел из жизни Керенский, с 1940 г. живший в Нью-Йорке.
>
> (Измозик В. С. Временное правительство. Люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 163–169)

В 1920 г. В. И. Ленин обращался к бывшим политическим оппонентам: "Нашелся бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы начали социальную реформу?" Формально он был совершенно прав. Теоретически Временное правительство могло бы уже весной начать мирные переговоры с Германией, объявить о выборах в Учредительное собрание и от имени народа провозгласить реформы, в первую очередь аграрную.

Но правительство, хотя и сулило скорое начало переговоров о мире, считало своим долгом продолжать войну, несмотря на ее очевидную непопулярность. Уже в апреле нота министра иностранных дел Милюкова, которой иностранные державы уведомлялись, что Россия будет

твердо соблюдать свои обязательства перед союзниками по Антанте, привела к взрыву возмущения в Петрограде, в результате чего в отставку вынуждены были уйти военный министр и министр иностранных дел. Россию связывали союзнические договоры, финансовая зависимость и, наконец, моральный долг. Победа в войне, которая, хотя и в отдаленной перспективе, считалась неизбежной, сулила немалые барыши. Правительству — интеллектуальной элите страны — предстояло все это отбросить, и какой ценой? Надо было уступать занятую немецкими войсками территорию, то есть соглашаться на мир на тех же условиях, как это сделали через год большевики. В 1917 г. в войну вступили Соединенные Штаты, и перевес Антанты над странами германского блока стал очевидным. Сепаратный же выход из войны сделал бы Россию страной, потерпевшей поражение, заставил выплачивать долги или вызвал бы международную изоляцию демократического правительства, как потом большевиков.

Вопрос о земле был не менее сложным. Реализация простонародного идеала "черного передела" привела бы к насильственной ломке всего существовавшего землевладения. Если бы пострадали только баре-латифундисты, сдававшие землю в кабальную аренду и проживавшие в Петербурге или в Париже, было бы не так уж страшно. Но как быть с теми землевладельцами (кстати, не обязательно дворянами), которые завели товарные фермерские хозяйства? Как бы отреагировали солдаты на фронте, узнав о начавшейся дележке земли? Что делать с землями самих крестьян, отобранными когда-то у "инородцев" на окраинах империи или выделенными из общины в ходе столыпинской реформы? Что делать с казаками и их землями? Как относиться к совершенным сделкам на землю — продаже, залогу, дарению, договорам о долгосрочной аренде? Перечеркнуть все это одним махом должны были бы люди, всю жизнь боровшиеся за торжество законности.

Груз ответственности усугублялся тем, что в обществе не просматривалось согласия по этому поводу. "Братья! Не дайте России погибнуть, везите немедленно хлеб на станции и склады", — призывал М. В. Родзянко, но вместе с другими членами Думы протестовал против распоряжения министра земледелия А. И. Шингарева о реквизиции хлеба у помещиков. Правительство сразу решилось лишь на национализацию имущества и земли царской семьи. Тяжелая ситуация с продовольствием и снабжением городов заставила 25 марта объявить все хлебные запасы собственностью государства, подлежащей обязательной продаже государственным продовольственным комитетам по твердым ценам. Но владельцы укрывали хлеб или сбывали его до постановки на учет, который комитетам так и не удалось наладить.

Само же правительство вопреки обещаниям увеличило в августе в два раза закупочные цены, что повлекло за собой подорожание почти всех товаров.

Постановление "Об охране посевов" гарантировало неприкосновенность всем формам земельной собственности в деревне, но одновременно наделяло местные продовольственные органы правом передавать незасеянные поля новым владельцам, что крестьяне расценили как сигнал к дележу земель. В ответ Временное правительство грозило уголовной ответственностью и уговаривало: "Большая беда грозит нашей родине, если население на местах, не дожидаясь решения Учредительного собрания, само возьмется за немедленное переустройство земельного строя. Такие самовольные действия грозят всеобщей разрухой. Поля останутся незасеянными, и урожай не будет убран. В стране наступит нужда и голод. Да не случится этого".

Когда лидер эсеров, министр земледелия В. М. Чернов распорядился взять на учет не использовавшиеся самими помещиками пахотные земли, против него началась ожесточенная кампания со стороны дворянских обществ и съездов земельных собственников; обвиненный в сотрудничестве с немцами министр подал в отставку. Только 20 октября правительство приступило к обсуждению законопроекта о выкупе той части помещичьих земель, которая сдавалась в аренду крестьянам.

Но крестьян мало заботили форма и "классовый" состав власти; на уровне волостей и сел не было никакого "двоевластия". Сельские сходы диктовали свою волю приезжим "комиссарам" и часто без особого шума осуществляли земельный передел, не обращая внимания на губернскую и центральную власть: "Наша партия одна — Земля и Воля". "Черный передел" с захватом чужих земель и угодий вызывал войну крестьян против всех: государства, помещиков, хуторян, членов других общин и приезжих из городов, требовавших свою долю. Как отмечали современники, "в праздник деревня отправлялась в церковь, а после обедни всем миром грабила соседние усадьбы". В сентябре министр продовольствия С. Н. Прокопович заявил: "Переход к принуждению является безусловно необходимым", — и готовился послать в деревню вооруженные отряды. А оттуда поднималась волна крестьянских выступлений с захватом "частновладельческих" земель: в марте было 260 случаев, в апреле — 880, в мае — 3000.

Осенью Чернов горько раскаивался: "Надо было с самого начала революции в срочном порядке дать новые временные законы, которые бы урегулировали все землепользование... Надо было сделать из земельных комитетов прочные, авторитетные органы государственной власти на местах, способные своевременными мерами — когда нужно,

властными и решительными — предотвращать вспышки неудовлетворенных потребностей масс, идя навстречу тому, что в них есть здорового. Вместо этого мы опаздывали, опаздывали и еще раз опаздывали. Решительно каждая мера, направленная к вмешательству в старые неограниченные прерогативы собственников, натыкалась на ожесточенную оппозицию и вне, и внутри коалиционного правительства".

Путь медленных и частичных решений был бы возможным — при наличии сильной и эффективной "вертикали власти". Но ее-то у правительства и не было! С самого начала Временное правительство отодвинуло от власти Государственную думу, что было ошибкой. "Царская" Дума была избрана явно не демократически, но она была легитимным народным представительством, а главное — обладала опытом гласного обсуждения и принятия законов и контроля за финансами государства. В марте были уволены все губернаторы, хотя среди них были толковые администраторы; следом за ними упразднены земские начальники и весь полицейский аппарат. Глава государства князь Львов публично заявлял: "Правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением". На местах же царило не двое-, а многовластие при отсутствии какой-либо правовой системы.

В итоге срочно пришлось назначать временных судей, милицию; посылать из центра комиссаров. Назначенные комиссары часто не обладали ни опытом, ни авторитетом и должны были считаться с Советами, земствами, прочими комитетами общественных организаций и волостным крестьянским самоуправлением, а в случае конфликта их сменяли те, в чьих руках была сила, чаще всего местные гарнизоны. По той же причине спешно созданные продовольственные комитеты не смогли обеспечить проведение хлебной монополии. Разгром полиции и массовая амнистия привели к разгулу преступности, с которой не могла справиться непрофессиональная милиция из добровольцев.

Усталость от войны привела к развалу армии. Этому способствовали и поражения на фронте, и непонимание целей войны (в отличие от Германии, Россия не вела целенаправленной идеологической подготовки к ней своих граждан), и сам затяжной характер окопного противостояния под орудийным и пулеметным огнем. Эта война совсем не была похожа на войны прошлого. Отмена смертной казни и "старорежимной" дисциплины привела офицеров в ужас; но и в офицерском корпусе не было солидарности: многие прапорщики и поручики военного времени стали "социалистами" и выступили в качестве солдатских вожаков. Солдаты не понимали, почему пылкие

речи политиков не подкрепляются выдачей им новых сапог и провианта. По их мнению, в окопы должны были теперь отправиться полицейские и прочие тыловики (в том числе и рабочие с их восьми часовым рабочим днем); им же можно отдохнуть и съездить домой, засеять поля — но Гучков и Милюков почему-то не обещали землю.

Попытки восстановить дисциплину (введение вновь смертной казни после провала летнего наступления) вызвали протесты и волну расправ над офицерами и генералами. Если подобные проступки и наказывались, то очень легко. Сама же власть провоцировала нетерпение в ожидании скорого конца войны приказами о частичной демобилизации солдат старших возрастов. В итоге Керенский в сентябре говорил о 2 млн дезертиров; полки сами смещали и назначали командиров, а Советы распускали по домам солдат.

25 марта было образовано "Особое совещание" по подготовке закона о выборах. Свое первое заседание оно провело только через два месяца, списки избирателей были составлены в сентябре, а проект новой конституции — к концу октября 1917 г. Россия представала в нем президентской республикой с двухпалатным парламентом: нижняя палата должна быть выборной, а верхняя — состоять из представителей "важнейших организованных социальных и культурных сил страны" (земств, кооперативов, профсоюзов, торгово-промышленных организаций, высших учебных заведений) и служить "коррективом к партийной борьбе".

Правительство тщательно прорабатывало законы, медлило (долго обсуждался вопрос, давать ли избирательные права бывшему царю) и, по всей видимости, смертельно боялось "отклониться" от "стандартов" демократии. Как будто совершенные демократические процедуры в стране, граждане которой на протяжении многих веков обходились без "прав человека" и обладали минимумом политической грамотности (да еще при массовой неграмотности), но зато с традициями авторитаризма и патриархальности, могли исключить партийные распри, олигархическое правление или новую диктатуру. В этой ситуации победителями выходили безответственные горлопаны, опирающиеся на наиболее нетерпимых. Массы крестьян и рабочих (часто вчерашних крестьян, сохранявших надел в деревне) едва ли разбирались в юридических тонкостях — их волновали результаты, а не устройство новых государственных институтов. Временное правительство, как назло, запаздывало — в то время, когда каждая неделя усиливала кризис в стране.

"Наша дворничиха, тетя Паша, верит, что теперь все дешево будет. Хлеб, ждут, подешевеет до 3 копеек, сахар, масло тоже", — так вос-

приняли революцию рядовые обыватели. Вышло же наоборот: до войны фунт мяса стоил в Москве 19 копеек, в марте 1917 г. — 65 копеек, к ноябрю — 2 рубля 80 копеек. В городах вводились карточки на хлеб, затем на чай, сахар, молоко и другие продукты; устанавливались "твердые цены" на уголь, металл, нефть, кожу, соль, яйца, мясо, махорку. Предприятиям не хватало сырья и топлива. С перерывами работали железные дороги. Промышленники и казенные фабрики требовали дотаций, а рабочие и служащие — повышения зарплаты. Горничные, кухарки, прачки желали получать за сверхурочную работу по двугривенному в час и полагали, что после революции уже хозяева должны представлять им рекомендации — кто как кормит и как обращается с прислугой. Извозчики заламывали цены: "А торговаться будете, совсем не поеду, и никто меня не заставит, фараонов ныне нет". Пролетарии устраивали в переполненных вагонах "трамвайную борьбу с буржуями". Неуютно чувствовали себя в правлении "министров-капиталистов" и сами "буржуи".

...Купил газету сам, потому что все домашние пошли в хвосты за более существенным: кто за молоком, кто за хлебом. Осмотрел свою жалкую обувь, надо бы сменить подошвы, да сказали, что дешевле 12 р. сапожник не берет. Новые ботинки можно купить рублей за 70, а если встать в хвост у "Скорохода", то надо посвятить на это 3 дня (дают отпуски на кормежку и за "нуждой", т. е. так сговариваются сами хвостецы, чередуясь между собой). Пошел в контору. На трамвай, конечно, не попал, но мог бы доехать на буфере, если бы там уже не сидело, вернее, не цеплялось человек 20. По тротуарам идти сплошь не приходится. Он занят хвостами: молочными, булочными, табачными, чайными, ситцевыми и обувными. Зашел в парикмахерскую. Делаю это вместо двух раз в неделю только один: за побритье с "начаем" заплатил 1 р. 10 к. <...> Работают в конторах, на пристанях, на вокзалах, в амбарах (по транспортной части) лениво, небрежно и часто недобросовестно. Цены на все подымаются, а нравы падают. Дисциплины никакой нет. Мало-мальски ответственное дело (как у меня, например), а дрожишь беспрестанно. Все идет не так, как нужно, нервирует тебя целый день всякое зрелище, всякий разговор, каждая бумажка, а в особенности, заглядывание в неясности любого завтрашнего дня. И придя домой и усевшись за обеденный стол, узнавал, что стоит то, другое. Фунт черного хлеба 12 к., булка из какой-то серой муки 17 к., курица 5 р. 50 к. (старая, жесткая и даже не курица, а петух), стакан молока (может быть, разбавленного водой) — 20 к., огурец 5 к. штука, и это все приобреталось не где-нибудь поблизости от квартиры, а в Охотном ряду, так сказать, из первых рук, то есть

с соблюдением всевозможных выгод. После обеда пошли с горя, что ли, в электрический театр. Конечно, набит битком, и надо было заплатить за вход по 1 р. 50 к. с человека, а, бывало, за эту же цену сидели в Малом театре, смотрели Ермолову, Садовского, Лешковскую. Вот какая жизнь в Москве среднего буржуа на рубеже четвертого года войны и сто сорок пятого дня революции!

(Окунев Н. П. Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1990. С. 60–61)

На Государственном совещании в августе министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев говорил, что страна находится в "положении развала, распыленности власти, распыленности воли, групповых устремлений, где часто царствуют частные интересы, которые далеки от общего". Министр финансов Н. В. Некрасов конкретизировал: "За первые три месяца поступления государственного поземельного налога упали на 32% по сравнению с 1916 г., с городских недвижимых имуществ — на 41%, квартирных — на 43%, военного — на 29%, промыслового — на 19%". Выходом стало повышение налогов и работа печатного станка. По словам Некрасова, "ни одно царское правительство не было столь расточительным, столь щедрым в своих расходах, как правительство революционной России": за полгода напечатано более 1 млрд 200 млн бумажных денег — по сравнению с 290 млн в 1916 г. Масса обесцененных "керенок" (при сокращении производства к осени на 36%) вызвала дефицит повседневных товаров: папирос, мыла, чая, бумаги, тканей — и еще больший рост цен.

В столице власть переживала один кризис за другим. Новое коалиционное правительство, куда после ухода в апреле Гучкова и Милюкова вошли эсеры и меньшевики, распалось после провала июньского наступления на фронте и провозглашения автономии Украины. Именно в это время Военная организация и Петроградский комитет партии большевиков пытались поднять 3–4 июля восстание солдат и матросов для захвата власти. Оно было подавлено, но новое правительство продержалось только до корниловского выступления в августе.

Лидер либералов П. Н. Милюков в августе писал: "История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю... Спасение России в возвращении к монархии; знаем, что все события последних месяцев ясно показали, что народ не способен был воспринять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать это мы не можем. Признание есть крах всего дела и всей нашей

жизни, крах всего мировоззрения... Признать не можем, противодействовать не можем, соединиться с... правыми... тоже не можем", — по-видимому, он уже не верил в возможность воплощения демократических идей, слишком хороших для России. Что же оставалось?

От Корнилова до Ленина

Корниловская попытка окончилась неудачей. Обстоятельства этого провала были таковы, что социалисты, входившие во Временное правительство, окончательно и бесповоротно лишились доверия патриотического офицерства и умеренно правых предпринимательских кругов. В случае успеха этого союза ход событий был бы существенно иным.

"Передо мной "Московские ведомости" от 29 ноября 1917 года. Крупными буквами набрано: "Вчера в Петрограде открылось Всероссийское учредительное собрание. Старейший депутат социалист-революционер Шевцов предложил избрать председателем собрания лидера партии большинства — эсера Виктора Михайловича Чернова. В первом чтении принят закон о земельной реформе. Временное правительство сложило полномочия перед народными избранниками. Председатель Предпарламента эсер Н. Д. Авксентьев предложил ввести в России президентскую форму правления. А. Ф. Керенский — всенародный кандидат в первые российские президенты. Заявление большевиков: Каменев — "мы были на волосок от гражданской войны". Лидер меньшевиков-интернационалистов Лев Мартов предложил избрать правительство национального согласия "от народных социалистов до большевиков". Партия народной свободы заявляет, что поддержит такое правительство, если оно представит реалистическую экономическую программу. Керенский — "Россия не созрела для социалистического эксперимента". Учредительное собрание большинством против 97 голосов приняло заявление о моратории на военные действия до 1 апреля..."

Я стал лихорадочно листать следующие номера. Из них узнаю, что в декабре 1917 года было образовано однородное социалистическое правительство В. Чернова, в котором министром внутренних дел стал большевик М. Покровский, а министром просвещения — А. Луначарский. Кресло министра иностранных дел досталось Л. Мартову, правительство пригласило на пост председателя Главного экономического совета кадета А. Коновалова, а П. Милюков отправлен послом России в Лондон. Немцы согласились на пятимесячное перемирие, началась демобилиза-

ция трети состава русской армии. Земельные комитеты организованно проводят изъятие и распределение помещичьих земель, а в Петрограде заседает главный трудовой арбитраж — Центральная примирительная камера — с равным участием рабочих, профсоюзов и предпринимателей. Но больше всего меня потрясают события в большевистской партии. Оказывается, еще 10 октября 1917 года... в ЦК большевиков произошел раскол. Ленин и Троцкий оказались в меньшинстве. По их настоянию срочно был созван съезд партии, состоявшийся 17–19 октября в Петрограде. На этом съезде большинство депутатов с мест одобрили линию Каменева и Зиновьева о поисках компромисса с другими социалистическими партиями! Ленин и Троцкий и их немногочисленные сторонники вышли из РСДРП(б) и заявили о создании ими новой партии — Коммунистической. Опасность гражданской войны ликвидирована", — таким увидел возможное развитие событий один из крупнейших отечественных исследователей.

(Старцев В. И. Альтернатива. Фантазии и реальность // Коммунист. 1988. № 15. С. 33)

1 сентября 1917 г. Ленин в статье "О компромиссах" сделал от имени партии большевиков следующее предложение: "Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок. Меньшевики и эсеры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах". Такое предложение, означавшее переход правительства под контроль Советов (как раз в начале сентября большевистскими стали Советы обеих столиц), не устроил левые партии. Тогда Ленин меняет тактику: уже 15 сентября 1917 г. он шлет в ЦК РСДРП(б) письма с требованием подготовки вооруженного восстания.

А Керенский, оттолкнув умеренно правые силы, создал свой последний Кабинет, просуществовавший с 25 сентября по 25 октября и не предложивший стране ничего, кроме правой программы: продолжение войны, восстановление дисциплины в тылу, недопусти-

мость “земельных захватов”. Министры мечутся по стране, пытаясь погасить конфликты, вывезти с юга хлеб, прекратить забастовки. Они терпят поучения послов союзных держав (требующих “доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу”) и капитулируют перед общей стачкой железнодорожников, обещая им прибавки к жалованью. Порой правительство даже не могло собрать кворума, чтобы проводить заседания Кабинета. Керенский вновь и вновь произносит речи и проводит последнюю “реформу” — упраздняет Государственную думу и Государственный совет.

К осени власть растеряла кредит доверия. Она не имела прочной опоры даже в партиях своих министров. Кадеты еще в июне потерпели поражение на выборах в городские думы, а их отказ признать автономию окраин привел к разрыву с национальными “филиалами” партии на Украине и в Литве. На Всероссийской конференции меньшевиков в мае часть их во главе с Мартовым выступили против войны, а группа Плеханова — за ее продолжение. Раскол произошел и в партии эсеров: на левых — сторонников радикальных реформ и правых, поддержавших правительство.

В сентябре — октябре бастовало 2,4 млн человек. Разгул преступности и дороговизны пугал горожан. Озлобление на спекулянтов приводило к росту “антибуржуйских” настроений “улицы”, которые смыкались с недовольством распущенных солдат. По сообщениям армейских и губернских правительственных комиссаров, ситуация в армии обострилась — солдаты не хотели провести еще одну зиму в окопах.

Но если на фронте дисциплину еще как-то удавалось поддерживать, то тыловые гарнизоны вышли из-под контроля. Летом начались погромы под нехитрыми лозунгами: “Смерть богачам-кровососам! Разорвем их поганые глотки, чтобы они нас, несчастных, не предавали за медный пятак! За мной, уничтожим всех буржуев!” В Липецке, Ржеве, Новочеркасске, Ельце, Курске, Торжке, Екатеринбурге, Белгороде, Кутаиси, Острогожске солдаты громили винные заводы и склады, а затем лавки и магазины. 30 сентября историк Ю. В. Готье записал в дневнике: “Аграрные и городские погромы везде — Козлов, Тамбов, Рязань, Харьков, Одесса, Бендеры и т. д. Деморализация идет вширь и вглубь”. В первой половине октября 2-й гвардейский корпус (Юго-Западный фронт) “со страшными грабежами, предавая все помещичьи усадьбы огню и мечу, прошел... через всю Подольскую губернию”.

На имя Керенского и его министров приходили сотни телеграмм об "аграрных беспорядках", погромах, самоуправстве солдат, разгуле преступности. Об атмосфере того времени дают представление заголовки московских газет 25 октября 1917 г.: "Анархия", "На погромах", "Бои в Казани", "Захват фабрик и заводов", "Бесчинства солдат", "Продовольственные беспорядки", "Голод", "Разгром имения Тянь-Шаньского", "Захват мельниц", "Ультиматум городских служащих" и т. п. Распущенный Временным правительством финляндский сейм провозгласил свои верховные права на территории Финляндии, на Украине объявила себя высшей властью Центральная Рада. Уличные "хвосты" — очереди — и стихия городского дна быстро разочаровали обывателя в еще недавно восторженно принятой революции: ее символ — "царица-свобода" — стал восприниматься оборванной и опустившейся уличной девкой. Энтузиазм и митинговая активность сменились апатией и надеждой на любую власть, которая обеспечит наконец хоть какой-то порядок.

К тому времени на первое место выдвинулись большевики с лозунгами, намеченными Лениным в "Апрельских тезисах": власть — Советам (а не парламентской демократии западного типа); национализация земли, банков и синдикатов; контроль Советов над производством и распределением; устранение профессионального чиновничества, армии и полиции. В сентябре — октябре обозначился процесс "большевизации" Советов: сторонники Ленина получили значительное число голосов в местных органах власти. Сама партия увеличилась с 24 тыс. членов в феврале до 400 тыс. в октябре. Для 150-миллионной страны это немного, но остальные были не многочисленнее: в период небывалой ранее политической активности 1917 г. все партии едва ли включали 1,5% населения, и вопрос состоял в том, на чьей стороне были симпатии остальных.

"Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату, которому холодно в окопах. У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему", — гремел на митингах Троцкий, и его слова повторялись множеством других агитаторов. "Земля, хлеб и мир" звучало куда понятней, чем абстракции вроде "республики" и "демократии". Перед слушателями представали люди, которые, оказавшись у власти, все смогут. Другое дело, насколько эти десятки и сотни тысяч людей (и им сочувствовавшие) становились сознательными последователями учения Карла Маркса: на улице говорили, что большевик тем отличается от меньшевика, что хочет дать народу больше. Это, собственно, с обезоруживающей простотой признавал в 1917 г. и сам Ленин: "В ре-

зультате под знамя большевизма идет всякий недовольный, сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек".

Успех "большевизации" обеспечил ее антибуржуазный характер. Позднее развитие и особенности российского капитализма не смогли сделать его единой экономической базой общества, в котором отсутствовали те самые средние слои, которые обычно являются опорой многопартийности и стабильности политической системы.

> В предреволюционной России для получения избирательных прав требовалось отвечать имущественному цензу: обладать недвижимым имуществом, иметь торгово-промысловые свидетельства на право заниматься предпринимательской деятельностью, арендовать квартиру и уплачивать квартирный налог (так жили врачи, юристы, преподаватели, техническая интеллигенция, лица свободных профессий, чиновники). Если признать "средним классом" этих "цензовых граждан" (с соответствующим образованием, квалификацией, образом жизни, уровнем потребления и представлениями человека о самом себе), то в 1907 г. в 50 губерниях Европейской России их было 1288 тыс. За вычетом тех, "кому на Руси жить хорошо", т. е. высших чиновников, генералитета, латифундистов, крупной буржуазии (60 тыс. семей или 366 тыс. человек, т. е. около 0,34% населения), остается 5,5%; все остальные — 94,2% — были "низшим классом". Отставание России от развитых стран (в Великобритании в 1911 г. — 20,3%; в США в 1910 г. — 21,4%, а с фермерами — 37,9%) по численности среднего класса объяснялось неразвитостью института частной собственности и экономической отсталостью.
>
> (Миронов Б. Н. Опора, буфер и гарант // Родина. 2001. № 4. С. 47–48)

Глубокое расслоение общества и сохранявшийся с XVIII в. социокультурный раскол внушали не лучшие чувства к "господским" ценностям собственности и права. "Рабочие называют буржуями всех нерабочих, крестьяне — всяких "господ", — так характеризовала массовые настроения пресса того времени. Ленин оценил причины популярности своей партии: "По инстинкту, по чувству, по влечению революции против капиталистов сочувствует в России большинство населения".

Но не было фатальной предопределенности победы большевиков. Военный министр А. И. Верховский в октябре признал, что армия воевать больше не может, поэтому надо убедить союзников разрешить России выйти из войны, хотя бы временно. Это позволило бы уволить большую часть солдат, сформировать новую армию на добровольче-

ских началах, которая на заключительном этапе войны присоединилась бы к союзникам. Сотрудники американской миссии Красного Креста полковник Томпсон и подполковник Робинс 18–20 октября советовали Керенскому "украсть" у большевиков их лозунги передачи земли крестьянам и власти Советам и сформировать из социалистов правительство, ответственное перед ЦИК Советов первого созыва. В такое правительство могли бы войти "умеренные" большевики (как Каменев или Луначарский). А в рядах большевиков назревал раскол. Только 10 октября Ленин после упорного сопротивления смог одержать победу над Каменевым и настоял на принятии ЦК решения о вооруженном восстании. Если бы это решение не состоялось, пришлось бы созывать партийный съезд и терять время.

Но Керенский упрямо отказался от этих предложений. Он был уверен: "У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно", — и уволил Верховского "по состоянию здоровья". Позднее он выдвинет версию о заговоре "справа" против Временного правительства: якобы военные специально решили не оказывать ему поддержки, а затем, уже после падения правительства, подавить революцию. Начальник гвардейских частей округа полковник С. И. Назимов вспоминал, как 24 октября доложил министру-председателю: "При возникновении нового восстания часть полков, вероятно, примет активное участие для поддержания Советов, а другая отнесется пассивно и останется в казармах. Мое заявление произвело на Керенского потрясающее впечатление. Он схватился за голову и воскликнул: "Что вы говорите! Не может быть".

А большевистские вожди умели не только "слиться с массой"; созданный "большевизированным" Петроградским советом Военно-революционный комитет быстро организовал восстание, которое было осуществлено при подавляющем перевесе сил. У Временного правительства, как и у Николая II в феврале, не нашлось защитников: в Зимнем дворце оказалось 2 тыс. юнкеров и "дамская" рота. Как известно, кровопролитного "штурма" не было — подъезды со стороны набережной даже не охранялись.

Варианты мирного развития революции были возможны и после захвата большевиками власти. Но отсутствие нормальной "школы" легальной политической борьбы и острота межпартийных противоречий сделали невозможным компромисс не только левых с кадетами, но даже между левыми силами.

Уже в ходе восстания на II съезде Советов Мартов предложил создать коалиционное демократическое правительство. Предложение получило поддержку депутатов, но выступления других представите-

лей меньшевиков и эсеров с обвинениями большевиков в "авантюре" привели к разрыву. После яростной перебранки меньшевики и правые эсеры покинули съезд — и уступили противникам "арену революции", в чем каялись позднее.

В конце октября — начале ноября 1917 г. на переговорах Викжеля с большевиками и Комитетом спасения Родины и революции (включавшим меньшевиков, эсеров, представителей городской думы и профсоюзов служащих) была достигнута договоренность о создании "однородного социалистического правительства" во главе с В. М. Черновым, в которое от большевиков вошли бы А. И. Рыков, Л. Б. Красин, М. Н. Покровский. Соглашение с Викжелем было отвергнуто большинством голосов ЦК во главе с Лениным и Троцким. Логическим завершением этого курса был разгон в январе 1918 г. демократически избранного Учредительного собрания. Но вопреки всем ожиданиям большевики не только захватили власть, но и смогли ее удержать.

В истории России всегда особую роль играла центральная власть и государственный аппарат. Об этом писал Ленин, анализируя опыт выборов в Учредительное собрание: эсеры и меньшевики получили на выборах 62% голосов, кадеты и правые — 13%, большевики же всего 25% — и удержали власть, так как "имели, если позволительно употребить военный термин, могучий "ударный кулак" в столицах. В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот "закон" военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией. Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали...) в значительной степени решают политическую судьбу народа, разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными деревенскими силами".

Имея "ударные кулаки" в виде сконцентрированного в столице и крупных центрах пролетариата, солдат и матросов, большевики могли не обращать внимания на свой проигрыш в отдаленных губерниях. А поддержка большинства, хотя бы временная, была достигнута серией декретов нового правительства — Совета народных комиссаров. В ноябре 1917 — январе 1918 г. большевики провозгласили реформы, на которые не решилось Временное правительство: приняли декреты о мире и о земле (последний содержал, как известно, эсеровскую программу конфискации казенных и помещичьих земель и их передачу местным земельным комитетам и Советам для уравнительного распределения), "Декларацию прав народов России"; отменили сословия, титулы и чины; уравняли в гражданских правах мужчин и женщин. Был принят декрет о постепенной демобилизации армии и подписан

договор с немцами о перемирии. Появились декреты о восьмичасовом рабочем дне, бесплатном медицинском обслуживании и обучении в школе, увеличении на 100% размера пенсий по инвалидности рабочим, отделении церкви от государства и школы от церкви.

События октября 1917 г. до сих пор вызывают споры и полярно противоположные оценки — от "великой социалистической революции" до "переворота", совершенного группой экстремистов или даже участниками "жидомасонского заговора". Захват власти большевиками в Петрограде вполне можно назвать переворотом. Но за этим переворотом последовала подлинная революция — новая власть в короткий срок изменила не только политический режим, но и социальную структуру, преобразовала хозяйственный уклад, отношения собственности, духовную атмосферу.

Определения типа этой революции можно встретить самые разные: социалистическая, якобинская, пролетарско-якобинская, крестьянская, маргинальная и т. д. Такое различие во многом вызвано сложностью самого процесса, в котором слились различные по своему происхождению и целям политические силы: выступление пролетариата, солдатские бунты, крестьянская "общинная революция", национально-освободительное движение окраин. Катализатором этого процесса служила война, обострившая все противоречия в обществе и вызвавшая экономический кризис, с которым не смогли справиться ни монархия, ни демократия. События октября 1917 г. можно назвать "комплексом революций в эпоху мировых войн" (определение японского историка Харуки Вада). Результатом стало создание нового общественного строя, для которого до сих пор еще не нашли точных определений.

Подробнее на эту тему

Булдаков В. П. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия.* М., 1997.

Бурджалов Э. Н. *Вторая русская революция. Восстание в Петрограде*. М., 1967.

Вада Х. *Российские революции 1917 г. как комплекс революций в эпоху мировых войн* // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.

Рабинович А. *Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти*. М., 2003.

Рейли Д. *Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове.* Саратов, 1995.

1918 Красные, белые, розовые и зеленые

5 января 1918 г. в четыре часа пополудни старейший депутат Учредительного собрания эсер Шевцов попытался открыть заседание. Но словом самовольно завладел председатель ВЦИК советов Яков Свердлов, который потребовал во внеочередном порядке утвердить "Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа", провозглашавшую Россию республикой Советов, и утвердить декреты второго Всероссийского съезда Советов о мире и о земле. Принятие декларации означало бы признание власти большевиков, проигравших выборы в ненавистную им "учредилку". Большинством голосов собрание отказалось обсуждать предложение Свердлова и приступило к работе в соответствии с заранее намеченной повесткой.

Дискуссия об основах земельного законодательства затянулась на всю ночь. В пять часов утра на трибуну поднялся большевик Федор Раскольников, огласивший написанную Лениным декларацию, в которой говорилось, что Учредительное собрание встало "поперек дороги рабочему и крестьянскому движению" и потому большевики покидают его заседание. За большевиками потянулись левые эсеры.

Поднялся шум. На хорах матросы-большевики клацали затворами винтовок, грозили выступавшим расправой. Ораторов слушали плохо, но тем не менее работа собрания была продолжена. И тут в зале появился начальник караула Таврического дворца Александр Желез-

няков. Прервав речь Виктора Чернова об отмене частной собственности на землю, Железняков потребовал, чтобы все присутствующие "покинули зал заседания, потому что караул устал".

Декрет о роспуске Учредительного собрания появился на другой день.

...Учредительное собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти. Октябрьская революция, дав власть Советам и через Советы трудящимся и эксплуатируемым классам, вызвала отчаянное сопротивление эксплуататоров и в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя как начало социалистической революции.

Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества.

Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской Республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции.

Открытое 5 января Учредительное собрание дало, в силу известных всем обстоятельств, большинство партии правых эсеров, партии Керенского, Авксентьева и Чернова. Естественно, эта партия отказалась принять к обсуждению совершенно точное, ясное, не допускавшее никаких кривотолков предложение верховного органа Советской власти, Центрального Исполнительного Комитета Советов, признать программу Советской власти, признать "Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа", признать Октябрьскую революцию и Советскую власть. Тем самым Учредительное собрание разорвало всякую связь между собой и Советской Республикой России. Уход с такого Учредительного собрания фракций большевиков и левых эсеров, которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Советах и пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен.

А вне стен Учредительного собрания партии большинства Учредительного собрания, правые эсеры и меньшевики, ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению ее, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

> Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов. Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет:
> Учредительное собрание распускается.
>
> (Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 335–336)

Силовой разгон "учредилки" означал, что большевики и их союзники не намерены искать компромисса с политическими конкурентами в словесных дебатах. Но и их противники из числа демократов и либералов проявили не больше готовности к компромиссу. Кадеты, например, выступили против требования созыва Учредительного собрания образца 1917 г. в качестве главного лозунга антибольшевистского движения; временная военная диктатура, которую эсеры окрестили "правым большевизмом", казалась им более соответствующей положению страны. Полномасштабная гражданская война стала неизбежной.

Между красными и белыми

Гражданская война и по прошествии почти 90 лет по-прежнему остается "горячей" темой. Даже вполне академическая дискуссия о ее хронологических рамках и этапах превращается в спор о том, "кто виноват". Рассказы об ужасах красного и белого террора служат аргументами в дебатах политических партий. Общественное мнение шарахается из одной крайности в другую: вместо большевистских "неуловимых мстителей" в герои выдвигаются рыцарственные белые офицеры. Эта метаморфоза объяснима: слишком долго побежденная сторона являлась предметом клеймения, а не изучения. Отсюда и новые мифы.

События на фронтах, военные операции и действия полководцев "расписаны" в учебниках и "нарисованы" в атласах. Однако появившиеся за последнее время научные работы и масса интереснейших публикаций по истории белого движения заставляют вновь задуматься над тем, почему все-таки победили красные и не было ли альтернатив братоубийственному конфликту. Важно также, какова была "цена" Гражданской войны — в смысле не только материальных и людских потерь, но и влияния на последующее развитие страны.

Белые правительства утверждались на периферии страны, и это имело свои основания. Именно там находились крупные морские порты, жило более свободное и более зажиточное крестьянство, на окра-

инах располагались казачьи войска с их военной организацией и выучкой и "инородческое" население с особым укладом и традициями, делавшими их невосприимчивыми к влиянию большевизма. Но одновременно все это являлось минусом, так как делало необходимыми "ответ" советскому решению "аграрного вопроса", гибкую политику в отношении национальных окраин, затрудняло согласованные военные действия. К тому же большая часть промышленности находилась в центре страны, куда сходились и основные коммуникации. Колчаковская Сибирь, к примеру, располагала лишь 10,5% всех российских фабрик.

Вопреки пропагандистским утверждениям большевиков о страшной "белогвардейской диктатуре" на деле у белых диктатуры в чистом виде — как военной, так и гражданской — не было. Деникину приходилось считаться с Всевеликим войском Донским и Кубанской радой, Колчаку — со своевольными атаманами; у обоих не было четко работающего аппарата власти на местах.

Красная бюрократическая элита, свободная от традиций царской управленческой системы, оказалась гибче своих соперников. Большевики, пришедшие к власти под лозунгом "Вся власть Советам!", столкнувшись с рутинными проблемами управления, быстро создали мощную властную вертикаль, а посулив "инородцам" право на самоопределение, сумели реально сохранить великодержавие. В 1918–1920 гг. стала складываться система взаимоотношений большевистской партии и государства, которая сохранилась до последних лет советской власти. Руководящую роль в госаппарате играла партия. Высшее партийное руководство (Политбюро, Оргбюро, Центральный комитет) переводило партработников на другую должность или перемещало в другую губернию; проводниками политики партии были все высшие и центральные ведомства. Под непосредственным контролем ЦК РКП(б) работал Реввоенсовет, по партийным директивам действовали политотделы и военные комиссары в армии и партячейки в других учреждениях. Были ликвидированы небольшевистские профсоюзы, а оставшиеся становились с 1919 г. обязательными для рабочих и служащих. Летом 1919 г. Ленин уже говорил о "диктатуре партии как основе советского строя".

Другие партии вытеснялись из политики. 14 июня 1918 г. ВЦИК исключил из своего состава эсеров и меньшевиков. К концу года они были выведены из местных Советов, хотя сами партии не были запрещены, как и партия левых эсеров после странного "мятежа" в июле 1918 г. Эти и более мелкие партии (максималисты, революционные коммунисты, социал-демократы интернационалисты) теряли членов

не только из-за репрессий, но и из-за разочарования масс в их деятельности, и по материальным причинам: единственным "работодателем" осталось государство.

Продразверстка оказалась более эффективной, чем репрессии, Продармии и усилия комбедов в деревне. Национализация промышленности (в 1918 г. — крупной, в 1920 г. — всей) вызвала к жизни систему из 50 главков, руководивших деятельностью 37 тыс. предприятий, централизованно распределявших сырье, топливо и выработанную продукцию. Жизненной корректировкой этих порядков был сохранявшийся "черный рынок", где обыватель мог обменять, например, свою пайковую морковь на мерзлую лошадиную ногу, а администрация предприятия — добыть недостающие детали для станков. Этот "военный коммунизм" позволил сохранить промышленность от окончательного развала, худо-бедно обеспечить снабжение армии и городского населения, то есть около 40 млн человек.

Одновременно вырос громадный бюрократический аппарат из 4 млн совслужащих, среди которых были свои "низы" и пользовавшиеся привилегиями "верхи". Анкеты сотрудников центральных органов власти по переписи 1918 г. показали, что чиновники царских министерств, губернских учреждений, дореволюционных частных и общественных организаций составляли среди них более половины, а в хозяйственных ведомствах — от 70 до 100%. К старым бюрократам добавлялись "выдвиженцы" из рабочих, крестьян и красноармейцев с партбилетом и "начальственным" образованием.

Белые режимы оказались в экономической сфере не на высоте. Они не стремились "восстановить власть помещиков и капиталистов", как многие годы толковали советские учебники истории: предполагалось установить широкое местное самоуправление, сохранить профсоюзы, развивать приоритетные отрасли промышленности (с введением государственного контроля за производством в интересах народного хозяйства), провести финансовые реформы. В Сибири белое правительство начало крупномасштабные проекты реконструкции Транссиба (с помощью "межсоюзнического железнодорожного комитета") и освоения Северного морского пути, что позволило бы объединить Северный и Восточный белые фронты. Однако, несмотря на поддержку промышленников и кооператоров, финансовая стабильность белыми правительствами не достигалась. Повышение налогов и сильнейшая инфляция свели на нет приход от разработки шахт Кузбасса и развития золотодобычи. Зависимость от импорта и ничтожный экспорт не помогали стабилизировать бюджеты. Денационализация фабрик

и заводов и введение свободы торговли не остановили спад производства на Урале — во многом по причине бездеятельности и своекорыстия управителей заводов.

Возможно, правы те историки, которые считают, что белогвардейским лидерам для успеха достаточно было сосредоточить силы в одном регионе и превратить его в альтернативный Совдепии образец государственного и социального устройства. Но для этого надо было отказаться от имперских представлений о "единой и неделимой" России со столицами в Москве и Петрограде, что было для белых вождей неприемлемо. Перевеса сил, необходимого для наступления, не было. К февралю 1919 г. белые армии располагали на юге 92,5 тыс. штыков и сабель; на Восточном фронте — 140 тыс., на западе и севере — 116,5 тыс.; тылы белых фронтов насчитывали 188 тыс. человек, все вместе это составляло 537 тыс. человек. Красная же армия насчитывала в своих рядах 3 млн бойцов.

Когда регент Финляндии генерал Карл Маннергейм в начале 1919 г. предложил двинуть на Петроград 100-тысячную армию, требуя за это признания независимости страны, самоопределения Карелии и Олонецкой губернии, Колчак категорически от помощи отказался. Колчаковский министр внутренних дел В. Н. Пепеляев на просьбе бурят о самоуправлении наложил резолюцию: "Выпороть бы вас!"

Лозунг восстановления "единой и неделимой" России заставил в 1919 г. польское правительство отказаться от совместных действий с армией Деникина и даже пойти на контакты с большевиками. На Северном Кавказе против белых открыт был "второй фронт" (в Осетии, Ингушетии, Чечне, Дагестане) после приказа о мобилизации горцев в армию (ранее они были освобождены от воинской повинности), в то время как большевики участвовали в работе мусульманского "Совета обороны" Дагестана и их отряды даже воевали под зеленым знаменем. В ноябре того же года Деникин приказал судить как изменников депутатов Кубанской краевой рады за стремление создать федеративное государство (что вызвало распад кубанских казачьих частей); не захотел он иметь дело и с главнокомандующим войсками "самостийной" Украины Симоном Петлюрой.

Белое движение раскололось по вопросу, признавать или нет законодательство Временного правительства: лидеры Добровольческой армии выступали за признание, а донской атаман П. Н. Краснов — против; он опирался на помощь германской армии, а его оппоненты — на поддержку Антанты. Колчак и Деникин поддерживали лозунг "непредрешения" будущего государственного строя до Учредительного собрания, а советники Деникина вели монархическую пропаганду.

Происходили конфликты между Деникиным и Врангелем, между "добровольческими" и донскими генералами.

Белые так и не смогли объединиться и выдвинуть приемлемую для большинства населения программу. "В противобольшевистском стане все усилия Москвы, Киева, Ростова, Самары, всех политических и общественных организаций — правых и левых — по крайней мере в 1918 г. были направлены не на преодоление этих противоречий, а на поиски "вернейшей" ориентации и "наилучших" форм государственного строя. Ни того, ни другого мы не нашли", — признавал А. И. Деникин. Но такие поиски в белом стане были.

Деникин и особенно Врангель склонялись к "столыпинской" модели социально-политического реформаторства, например, по главному для подавляющего большинства населения вопросу о земле. В апреле 1919 г. правительство Юга России издало манифест о будущей реформе, проект которой предусматривал сначала возвращение всех захваченных земель и частичное их перераспределение... через три года после окончания военных действий. П. Н. Врангель в мае 1920 г. принял закон о земельной реформе. Отчуждению подлежала вся сдававшаяся в аренду земля; при этом не подлежали изъятию прежде выделенные хутора и отруба, церковные земли и "высококультурные хозяйства". Земля должна была распределяться между крестьянами в частную собственность и за выкуп, равный пятикратной стоимости среднего урожая с десятины, в течение 25 лет; прежние же владельцы должны были получить компенсацию от государства. Закон безнадежно запоздал: он действовал на крошечной части бывшей империи, и крестьяне уже не верили в успех белых.

Другой вариант национальной консолидации, опирающийся на старомосковские традиции, был предпринят на Дальнем Востоке. Летом 1922 г. во Владивостоке был созван Земский собор, который должен был определить форму правления во всей "освобожденной от советской власти России". В его состав вошли епископы, представители старообрядческих и мусульманских общин, военное командование и делегаты от воинских частей, атаманы казачьих войск, все волостные старшины и станичные атаманы, деятели профсоюзов и члены "несоциалистических комитетов", то есть представители всех слоев общества, за исключением левых партий. Впервые после марта 1917 г. дом Романовых был признан "царствующим". Идеология белого движения получала основу, на которой можно было бы приступить к построению "освященной исторической традицией" государственной системы. Законодательная власть осуществлялась Земской думой, исполнительная — Поместным советом. Основой местного самоуправления должны были стать цер-

ковные приходы. Собор избрал правителем Приамурья генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, армия которого во главе с "земскими воеводами" одержала ряд побед над советскими войсками. Но эти усилия на исходе Гражданской войны уже ничего не могли изменить — слишком неравны были силы и несопоставим военно-экономический потенциал. Немногочисленная "Земская рать" (8 тыс. бойцов) таяла в боях против превосходящих сил советской Дальневосточной республики, и в октябре 1922 г. Приморье было оставлено белыми войсками.

Некоторые историки склонны видеть причины утверждения "красного" и "белого" режимов к концу 1918 г. в кризисе как советской, так и "учредиловской" форм демократии. В Советской России реальная власть на местах быстро сосредоточилась не в Советах, а в чрезвычайных органах — ревкомах или постоянно работавших исполкомах Советов, а их отделы (военный, ЧК, транспортный) в свою очередь подчинялись прежде всего соответствующим центральным наркоматам.

Их противникам поначалу сопутствовал успех. В Самаре 8 июня 1918 г. было создано антибольшевистское демократическое правительство — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Оно провозгласило себя до созыва Учредительного собрания верховной "временной властью" на территории Самарской, Симбирской, Уфимской, части Казанской и Саратовской губерний и претендовало на управление всей освобожденной от большевиков территорией. Это было неплохое начало для реализации "третьего пути".

Комуч отменил советские декреты о национализации предприятий и банков, разрешил свободу частной торговли. Одновременно он признал действующими все декреты советской власти об охране труда. И хотя эти мероприятия не выполнялись ни частными предпринимателями, ни государственными управляющими, предприниматели перестали оказывать Комучу финансовую поддержку.

Подтвердив решение об отмене частной собственности на землю и переходе земли во всенародное достояние, правительство в то же время предоставило бывшим землевладельцам право снять урожай озимых 1917 г. Владельцы имений могли на законном основании отнимать у крестьян хлеб под охраной военных, получивших приказ "не останавливаться ни перед какими мерами воздействия на виновных". На практике возвращение бывших помещиков в свои имения сопровождалось массовыми порками крестьян.

Юридически корректная, но неуклюжая "демократическая" политика изменила настроения крестьянства и роковым образом повлияла на попытку Комуча создать массовую "народную армию" из добровольцев. Крестьяне воевать не хотели. Принудительная мобилизация вме-

сто ожидаемых 120 тыс. призывников из числа "трудовой демократии" дала едва 45 тыс. На съездах и сходах селяне заявляли, что гражданской войны не хотят и солдат для борьбы с большевиками не дадут. Действия комучевской армии по охране посевов и насильственные наборы привели к тому, что "население, с нетерпением ожидавшее ее прихода, часто чуть ли не с первых дней горько разочаровалось в своих ожиданиях", как признавали сами "комучевцы". "Буржуазное общество" все больше ориентировалось на белую Сибирь с ее военными лидерами, поскольку воспринимало "учредиловские" порядки "такой же "совдепщиной", как и по ту сторону Волги". В результате раскололась самая боеспособная часть армии — офицерство. Комуч претендовал на роль всероссийской власти. Однако другие областные правительства, прежде всего Сибирское, отказались признать его общенациональным центром, рассматривая его как партийную эсеровскую власть. Ставка Комуча на западную военную помощь дала возможность большевикам изобразить борьбу советской власти против него как защиту отечества от интервентов.

Началось разложение армии Комуча — дезертирство из ее рядов как крестьян, так и офицеров, что стало решающим фактором военных успехов советских войск в Поволжье. Правительство Комуча в конце концов вынуждено было бежать в Уфу и сдать полномочия эсеровски-кадетской Директории. Но и та вскоре пала в результате бескровного переворота, приведшего к власти адмирала Колчака. Принципы своих предшественников он оценивал однозначно: "Что такое демократия? Это развращенная народная масса, желающая власти. Власть не может принадлежать массам в силу закона глупости числа: каждый практический политический деятель, если он не шарлатан, знает, что решение двух людей всегда хуже одного; наконец, уже 20–30 человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупости".

Трагедия российской демократии и ее символа — Учредительного собрания — состояла, во-первых, в том, что она попыталась преодолеть пучину гражданской смуты со старым багажом половинчатых решений и формальной законности; во-вторых — и это уже от нее не зависело — в том, что к середине 1918 г. в потоке революционного хаоса наметилось две жесткие модели — "белая" и "красная". Почти одновременно и большевики (в августе 1918 г.), и Колчак (в ноябре) обещали обеспечить на контролируемой территории твердый порядок и законность. И наиболее активные силы общества, и испуганный обыватель выбирали порядок в виде привычной имперски-патерналистской системы.

Однако парадокс Гражданской войны состоял в том, что противоборствовавшие стороны не столько побеждали своих противников,

сколько постоянно проигрывали на "внутреннем" фронте и тем самым обеспечивали успех противоположной стороне. Судьбы революции и России зависели от третьей силы, которая могла бы выступить решающей в споре красных и белых.

Обыкновенный бунт

9 марта 1919 г. во время начала наступления войск Колчака особый отдел штаба советского Восточного фронта "экстренно" сообщил о вспыхнувшем восстании в прифронтовых Самарской и Симбирской губерниях: "Восстание охватило Сенгилеевский уезд, Мелекесский и Ставропольский. Количество восставших около 200 000 человек". О том же докладывала Казанская губчека: "В Ставропольском районе восстание, руководимое белогвардейцами и кулаками, элементами, недовольными мобилизациями, сдачей хлеба и скота. Ставрополь в руках восставших. Повстанцы свергают Советы, убивают советских работников, вырезают семейства коммунистов". Так в освобожденном от власти Комуча Среднем Поволжье началось крестьянское движение, известное в истории Гражданской войны как "чапанная война" (чапан — крестьянский кафтан).

В советской прессе восстание изображалось как происки "белогвардейских заговорщиков", которым помогли "слуги белогвардейцев — правые эсеры", а вместе с ними "преступные авантюристы" — эсеры левые и, естественно, "кулацкая шайка" (только меньшевиков не упоминали как напрочь в деревне отсутствовавших). Якобы под таким напором "часть крестьян, запутавшаяся в предательских сетях бессовестного обмана, сбитая с толку подлым преступлением провокаторов, примазавшихся к Советской власти, восстали против рабочих и бедноты".

Еще совсем недавно в учебниках по истории такие выступления именовались "антисоветскими кулацкими восстаниями". А вот поработавший в деревне после усмирения "чапанной войны" безвестный, но опытный большевистский "агитатор" Петров в непредназначенном для печати отчете рассказал о других причинах, уже не сваливая вину на белогвардейцев и эсеров. Вот как созревал и наконец "прорвался" мужицкий бунт.

В большое село Новодевичье у волжской пристани (там "не только кулаческая часть, но и беднота выросла и воспиталась в атмосфере буржуазных способов наживы") пришли продотрядовцы. На эти богатые хлебом районы легла основная тяжесть продразверстки и дру-

гих повинностей, а близость фронта потребовала от местной власти мобилизации людских и материальных ресурсов. Отряд явился после того, как уже потрудились чекисты: "...работавшая здесь чрезвычайка, во главе с убитым во время восстания председателем ее Казимировым, в высшей степени щедро употребляла избиение своих "клиентов" кулаками, прикладами, плетью, пиками и т. д.". Вновь прибывшие и уже обосновавшиеся "совработники" быстро нашли общий язык: "Находившийся здесь продотряд (Павлова) вел себя возмутительно: пьянствовал, совершал всяческие поборы (овец, молочные продукты), "отчуждал" безвозмездно что понравится, по ночам шла стрельба вверх и т. д. В пьянстве не уступали и ответственные представители: комиссар Белов, председатель ЧК Казимиров, начальник отряда Павлов, комиссар Стафеев". После такой "подготовки" на селян обрушился чрезвычайный налог, опись хлебных запасов и "мобилизация" людей и скота.

"Агитатор" Петров назвал только нескольких исполнителей-"перегибщиков" — больше по чину было не положено. Телеграмма зав. политотделом Восточного фронта Г. И. Теодоровича и члена Реввоенсовета фронта С. И. Гусева Ленину более откровенна: "Безобразия, которые происходили в Симбирской губернии, превосходят всякую меру. При взимании чрезвычайного налога употреблялись пытки вроде обливания людей водой и замораживания. Губернские организации смотрели на это сквозь пальцы. При реквизиции скота отнимали и последних кур... председатель уездного комитета партии участвовал, будучи членом ЧК, в десятках избиений арестованных и дележе конфискованных вещей и прочее. Партийная организация была теплой компанией грабителей, разбойников, белогвардейцев". Вот только появилась телеграмма не до, а после восстания, и "белогвардейцами" в ней названы свои "разбойники".

Как и 100, и 200 лет назад, мужик не сразу хватался за топор и вилы. Конфликт развивался поначалу в "легальной" форме. Волнения начались 3 марта со схода, созванного с ведома Белова сельским советом. На сходе обсудили, как изящно выразился "агитатор", "несколько случаев слишком решительной реквизиции т. Беловым хлеба и скота... в результате толпа пришла к убеждению, что необходимо дать отпор действиям продкомиссара в масштабе всей волости". Начинать бунт одним не хотелось — лучше всем вместе.

4 марта крестьяне приняли решение "командировать в г. Симбирск 4 делегатов... с ходатайством об увеличении продовольственной нормы на людей и скот". "Своему" начальству деревня уже не доверяла, но еще оставалась надежда на ходоков к высшей власти. Члены во-

лостного исполкома в тот же день отбыли в соседнее село — от греха подальше, в надежде, что крестьяне изберут новый состав, которому они сдадут дела и заодно переложат на него ответственность перед уездными и губернскими властями.

Это был тревожный признак. Настроение крестьян стало меняться. Теперь ситуация зависела от того, кто сумел бы первым поднять или, наоборот, успокоить толпу. Прибывшие "городские" опасности не замечали и попытались селян припугнуть. Кто-то из толпы выдвинул лозунги: "Да здравствует Советская власть, долой коммунистов-насильников!", "Долой коммунистов, комиссаров и евреев!" Другие мятежники захватили телеграф — все-таки шел уже XX в. Опыт усмирения крестьянских бунтов требовал решительных действий: зычного офицерского рыка, пальбы, немедленного ареста "зачинщиков", порки и публичного "прощения" покорившихся. Но большевики еще только учились...

Командир продотряда Павлов приказал "не употреблять оружия" и тем продемонстрировал слабость. Крестьяне набросились на продотрядовцев. "Когда началось отобрание оружия, надлежащего противодействия оказано не было; большое значение при этом имело местное происхождение красноармейцев". Павлов был убит, на следующий день было покончено и с чекистами. В соседние села отправились гонцы — поднимать народ, чтобы выступить "всем миром".

5 марта восстало село Русская Бектяшка, 7 марта — Усолье; восстание перекинулось на соседние волости. Как отмечали сами каратели, "все восстания начинаются по шаблону: появляется агитатор, сам влезает на колокольню и бьет в набат, затем приглашает собравшихся восстать против реквизиции скота, хлеба и сбора чрезвычайного налога. Каждое восстание начинается убийством председателя исполкома, членов совета и членов партии". 8 марта восставшие заняли уездный город Ставрополь, волнения перекинулись в волости соседней Симбирской губернии. Пришедшие из восставших сел зачитывали мужикам воззвания. Вместе с мятежниками приходили пугающие слухи: большевики восстали против коммунистов, коммунисты реквизируют кур и хотят поделить собственность крестьян.

> Граждане! В настоящее время мы являемся восставшими против коммунистов-насильников. Нам известно, что они насмехались над иконами и повыбрасывали их. Это была их первая вина. Затем они, коммунисты, производили разные бесчинства и насилия над женщинами. Женщины, вспомните вы, как по приезде их в село, прятались, убегали в чужие дома ночевать.

> Я призываю вас, граждане и гражданки, исполнить долг, который мы задумали сделать. Наша надежда в деле восстания не на оружие, а надежда на всевышнего Господа Бога, который нам помогает, и мы надеемся, что нам Господь Бог за нашу любовь друг к другу поможет. Не забывайте, граждане, что в единении сила. Нам оружие не страшно, страшна непреклонная воля народа...
>
> (Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: документы и материалы. М., 2002. С. 105)

Документы самих повстанцев и карателей дают картину бунтовской стихии. Попавшим под горячую руку разозленных мужиков приходилось туго: в Усинском перебили целый отряд красноармейцев; в Усолье "агитатор тов. Смирницкая мятежниками ударом дубиной убита, после убийства ей размозжили череп, затем через горло вбили внутрь кол и повесили на столбе".

Толпа громила местные Советы со всей обстановкой, запасом дров и "денежными ящиками", мстила — око за око. Повстанческий "комендант" Ставрополя Алексей Долинин "доводил до сведения" семейств красноармейцев и коммунистов: "...все причиненные над вами насилия и поругания со стороны крестьянской армии доносите мне, не стесняясь ничего". Его приказы запрещали "бесцельную стрельбу по городу, а также самочинные, не имеющие на то особого удостоверения от коменданта города Долинина, аресты, расстрелы, самосуды, обыски" с неизбежными "хищениями всякого рода имущества".

Внезапность бунта и его стремительное распространение застали советскую власть врасплох. Повстанческий "комендант" получал известия: "с. Изюково, Пискалы, Еремкино в крестьянских руках. Новая и Старая Бинарадка накануне восстания. Мусорка восстала и Ташелка. Красноармейцы отступили на хутор, верст на 8 за Мусорку. Отряд красных — человек до 150. В Самаре в войсках волнение".

Но власти уже оправились от шока и действовали. Восставших надо было заклеймить как врагов революции — для этого трупы 32 попавших в плен и зверски убитых красноармейцев были привезены в Сызрань и "выставлены в церкви бывшего женского монастыря для осмотра публики". Красные командиры утверждали, что во главе повстанцев стоят "генерал Бередичев и полковник граф Орлов", в природе не существовавшие. На важнейших направлениях концентрировались хорошо вооруженные карательные части с кавалерией, пулеметами и артиллерией.

В полевых боях крестьянские толпы терпели поражение. Успешной оказывалась партизанская тактика — бои в лесу, ложное отступление

и внезапное нападение на противника из засады. “Хрящевка. 11 марта. Сегодня было у нас сражение, начавшееся в 12 часов дня и окончившееся в 7 часов. Противник имел пехоты 2 роты и отряд 50 человек, 1 орудие трехдюймовое со 112 снарядами, 1 эскадрон кавалерии и 3 пулемета. Бой завязывался очень горячий. Разведку встретили и открыли по ней огонь. Подошла их пехота, и мы бились с нею, не уступая ни шагу, часа четыре с половиной. Потом отступили в село и из разных мест засады при вхождении красных открыли по ним огонь. Они стушевались. Мы в этот момент бросились народными силами на “ура”. Этим их устрашили. Они побежали в панике. В погоню пустили кавалерию с помощью пехоты, которая преследовала и колола красных. Потерь у нас в войсках не оказывается”, — сообщали повстанческие “Известия Ставропольского исполкома”.

О “сражении при Хрящевке” извещал и рапорт красных: “...часть отряда двинулась на Хрящевку, а после артиллерийской подготовки заняла большую половину Хрящевки, но под давлением многочисленного противника, вооруженного винтовками и пулеметами, принуждена была отойти на исходный свой пункт в дер. Белый Яр, причем с нашей стороны раненых, убитых и пропавших без вести около 70 человек, в том числе большой процент командного состава. Нами оставлен противнику один пулемет, замок от которого унесен. Противник понес громадные потери убитыми и ранеными. Нашей артиллерией сожжено много домов в Хрящевке. Наши войска и командный состав выказывают беззаветную отвагу... Со стороны противника убито и ранено 200 человек”. Кажется, о потерях толком не знала ни одна ни другая сторона. В борьбе за родное село крестьяне проявили стойкость и не дрогнули даже перед артиллерийским обстрелом. Росло ожесточение: мужики отрезали у пленных уши, носы и губы, отрубали руки и пальцы; красные палили из пушек по селам и на месте расстреливали сопротивлявшихся.

Однако победа крестьян была редкостью. Стихийно вспыхнувшее восстание подняло несколько десятков тысяч человек в ближайшей округе — но дальше не пошло, несмотря на надежды участников, отраженные эпическим “штилем” в сообщении исполкома Усинского волостного совета Борминскому сельсовету: “Восстание разрастается вплоть до Симбирска и Самары, сформированы отряды и везде коммунисты свергаются и бегут от восставших крестьян в панике. Мы сегодня вновь с подошедшими к нам отрядами намереваемся взять Сызрань”.

Как прежде крестьянские и городские “миры” использовали казацкие “круги” и брошенные чиновниками канцелярии, так и теперь бунтовщики приспосабливали для себя советские органы. “Мы объявляем,

что советская власть остается на местах, советы не уничтожаются, но в советах должны быть выборные лица, известные народу, — призывали повстанцы, представляя свои действия законными. — Мы ни на шаг не отступаем от Конституции РСФСР и руководствуемся ею".

В Ставрополе был сформирован "Совдеп", создан "революционный штаб", издавались "Известия Ставропольского исполкома". Новая власть использовала знакомые властные приемы: "Лица, желающие выразить какие-либо жалобы, или же доносы, по долгу гражданина должны подписывать их: имя, отчество и фамилия, и звание". Правда, сам комендант просил граждан "не стесняясь возвратить хотя бы печати и штемпели", необходимые для работы учреждений. Как и в XVII в., крестьяне истребляли "бумаги" и прочие канцелярские принадлежности — символы и орудия неправедной власти. При отсутствии пригодных кандидатов арестованным членам волостного совета предлагали опять "заседать в новом исполкоме и исполнять то, что прикажет волновавшийся на площади народ": "Бери власть, сукин сын, коли дают".

Командиры "крестьянских армий" докладывали о боях на Пискалинском и других "фронтах". Но никаких крестьянских войск, якобы окруживших Сызрань, не было. Объявленные мобилизация "всех граждан от 18 до 50 лет" и "наряды" подвод для военных нужд решались каждой деревней по-своему. Связанные родством, общими интересами или общей бедой соседние села откликались на призывы повстанцев, но более дальние колебались — кому охота бунтовать из-за "чужих" проблем? Да и сами крестьяне не рвались за пределы "своего" района: одни селения отказывались от присоединения к восставшим; жители других, как с. Троицкого-Богородского, хотя и присоединились и даже двинулись на Сызрань, но повернули с полпути обратно; третьи, как указал "агитатор" Петров, "ограничились пассивным участием... поставляли по требованию восставших подводы, сено, хлеб, высылали людей в караулы к штабу в Новодевичье".

Мужицкие "армии" в 300–400 человек были бессильны перед пушками и пулеметами. У крестьян не было оружия, кроме отобранного у продотрядовцев и красноармейцев (по 5–10 винтовок на отряд). Остальные шли в бой как во времена Разина и Пугачева — с кольями, вилами и косами; в Новодевичьем провели "мобилизацию" кузнецов, чтобы обеспечить повстанцев пиками. Сказались и противоречия между селами: "10 марта в Кирилловке были повстанцы из Мусорки численностью около 400 человек, вооруженных 6 винтовками, вилами, кольями, и хотели заставить кирилловцев совместно наступать на Филипповку, но кирилловцы, за отсутствием оружия, присоединиться

к ним отказались. Повстанцы ушли обратно в Мусорку, угрожая за отказ кирилловцам 11 марта пойти в наступление на них".

Крестьяне пытались договориться с властями, но переговоры "по-крестьянски" — это не выработка компромисса на правовой основе, а стремление убедить власть в своей "правде", которую она не может не признать очевидной. На практике они превращались в диалог глухих. Советский деятель воспринимал происходящее как "контрреволюционное восстание" кулаков и собирался устранить "всякие причины" пушками от имени "трудящихся крестьянской массы" и для их же безопасности. А представитель этих масс не понимал, почему прибывший "для следствия виновников" начальник не желает с ним потолковать с открытой душой и не видит разницы между хорошими большевиками и плохими коммунистами.

> Председатель волсовета Русской Бектяшки Михаил Поручиков по телеграфу взывал к секретарю Симбирского губкома РКП(б) Иосифу Варейкису: "Приветствуем партию большевиков и против них не идем, мы идем против насилия коммунистов. Вообще же контрреволюции нет, мы идем против неправильной реквизиции хлеба и скота... Мы желали бы, чтобы вы сами к нам приехали, дабы вы сами видели, кто восстал... Ведь, товарищ Варейкис, мы не саботажники, нам бы хотелось с вами самим поговорить; вы сами увидите, что мы правы и народ с удовольствием выслушает вас. Ответьте сейчас же, приедете к нам или нет". Варейкис: "Пока что к вам не еду, потому что высланы соответствующие ораторы, то есть пушки. Второе, я, конечно, у вас буду, иначе бы не приезжал в Сенгилей. Третье, вы не правы, что заставляете нас возиться с вами, причем, применять заставляете орудия. Контрреволюционный бунт, в котором, вы, Поручиков, тоже, по-видимому, являетесь участником, дает повод нам в корне на будущее время устранить всякие причины. Лично наша партия и губисполком, опирающиеся на трудящихся крестьянской массы, должна в этом случае в дальнейшем обезопасить их..." Поручиков: "Напрасно посылаете пушки, потому что они нам не страшны, а вот если вы не хотите кровопролития и идете рука об руку с нами, крестьянами, то приезжайте сами, если вы действительно справедливы, понятно? Я кончил". Варейкис: "Больше никаких переговоров я не веду, а из ваших речей понял, что необходимо действовать. Варейкис". Поручиков: "Значит, не приедете? Плохо, а мы вас ждем, чтобы вы пролили нам свет. Приезжайте, товарищ Варейкис, и все уладится. Мы вам выскажем, что у нас на душе, и вы нас поймете".
>
> (Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: документы и материалы. М., 2002. С. 128)

В итоге вопрос решался силой или угрозой ее применения: “Последнее предложение Новодевиченскому совету — немедленно сложить оружие; начинаю производить обход. Усольская, Печерская и другие волости идут за мной все как один. Волостной совет приговаривается к смертной казни. Красная армия с фронта движется на восставшую волость. Смерть врагам коммунизма. Да здравствует коммунизм и коммуна. За начальника войск, командир карательного отряда Самарского рабочего советского полка Г. Буйлов”.

Действия четырех мобильных и хорошо вооруженных карательных отрядов, согласованно двигавшихся с разных сторон, в считаные дни сломили сопротивление мятежников. 11 марта были заняты Узюково, Васильевка и Кирилловка. 12-го — Мусорка, Ивановка, Старая и Новая Бинарадка и Чувашский Сускан. 13-го после боя захвачены Хрящевка и Ставрополь; сдались Новодевичье и Ягодное. В ночь на 14 марта после артиллерийской подготовки взята деревня Мордово. Утром крестьяне Бектяшки просили “прекратить войну” и вышли с повинной. 15-го пала Ташелка.

“Чапанная война” закончилась. Общее число ее участников достигало нескольких десятков тысяч человек. По донесению командующего 4-й армией М. В. Фрунзе, “при подавлении движения убито, пока по неполным сведениям, не менее 1000 человек. Кроме этого, расстреляно свыше 600 главарей и кулаков. Село Усинское, в котором сначала был истреблен целиком отряд в 170 человек, сожжено совершенно”. Потери советской стороны составили 200 человек убитыми; соотношение потерь противоборствующих сторон было, по всей видимости, таким же и при подавлении других крестьянских выступлений.

Как писали газеты, “в противоположность этим единичным, ничего не значащим выступлениям, в общем течении жизни наблюдается заметный прогресс в политическом просветлении трудового народа деревни”. “Просветленные” селяне принимали резолюции о взыскании с себя чрезвычайного революционного налога и каялись: “Заслушав доклад т. Ковалева, мы поняли, что нас, простяков, одурачили кулаки, спекулянты, помещики, которые нашим трудом набивали себе карманы, и шлем проклятие всем негодяям, преступникам, буржуазии, угнетателям рабочих масс и будем стоять твердо за Советскую власть. Да здравствуют наши вожди рабочих и крестьян: товарищи Ленин и Троцкий и доблестная Рабоче-Крестьянская Красная Армия! Декреты мы будем проводить в жизнь, а также приветствуем хлебную монополию, которая только и может нас вывести из беды”.

Такие “заявления” еще недавно приводились в трудах по истории Гражданской войны в качестве доказательств поворота “трудящих-

ся" от белых к красным. Но наблюдательный "агитатор" Петров счел необходимым предупредить: крестьяне по-прежнему перевыбирают в Советы авторитетных "кулаков"; "идея свободной торговли для новодевиченских обывателей — святая аксиома и, как таковая, сможет их воздвигнуть на самое отчаянное сопротивление и, может быть, еще одно восстание".

"Зеленый" путь

Некоторые исследователи крестьянского движения убеждены, что зеленые могли бы составить противовес и красным, и белым, стать "третьей силой" в Гражданской войне (надо отметить, что на советском языке той эпохи "зелеными" называли не всех восставших крестьян, а подавшихся в партизаны дезертиров). Появившиеся в последнее время немыслимые прежде фундаментальные публикации документов военных и чекистских архивов показывают действительно массовое сопротивление деревни "рабоче-крестьянской" власти.

Мечтавшие получить по 20 десятин и тройке лошадей крестьяне обнаружили, поделив по ленинскому декрету землю, что "черный передел" не решил их проблем. "Прирезки" к наделам не компенсировали повышения цен на промышленные товары, не возмещали утраты посторонних заработков и рынков сбыта. К тому же приходилось наделять землей вернувшихся из голодных индустриальных центров односельчан. Ликвидация крупных товарных хозяйств и начавшиеся на хлебородных окраинах военные действия привели к сокращению хлебных поставок в северные губернии и города.

На почве голода произошло более 120 выступлений. Начались разгромы Советов и самосуды над их членами в Вятской, Тверской, Рязанской, Смоленской, Псковской, Пензенской, Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской, Казанской, Самарской губерниях. Весенние перевыборы показали сдвиг настроений вправо: крестьяне выдвигали крепких "хозяев". Гражданская война еще усилила нажим на деревню.

В мае 1918 г. вводится "продовольственная диктатура" — принудительная сдача зерна государству по твердым ценам. В июне начинается мобилизация в Красную армию пяти возрастов в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском военных округах; за первую половину 1919 г. было призвано еще 14 возрастов. В июле 1918 г. была введена военно-конская повинность: последовало пять мобилизаций лошадей. В августе Совнарком издал серию декретов: "О привлечении к заготовкам хлеба рабочих организаций", "Об организации уборочных

и уборочно-реквизиционных отрядов", "Положение о заградительных реквизиционных продотрядах, действующих на железнодорожных и водных путях". В октябре объявляется о единовременном чрезвычайном налоге в 10 млрд рублей. Местные органы, в свою очередь, увеличивали это обложение для собственных нужд.

Ответом было "тихое" сопротивление: мужики запутывали учет, дезертировали, убивали лошадей, прятали хлеб. В других случаях — особенно там, где новая власть не выплачивала деньги или применяла репрессии (аресты, распродажу имущества, избиения, купание в ледяной проруби), — деревня восставала. Именно крестьянское недовольство позволило относительно легко скинуть советскую власть в Сибири и Поволжье. По данным НКВД, только летом 1918 г. в 22 центральных губерниях произошло 73 восстания и 130 антисоветских выступлений; всего же в этом году было зарегистрировано более 400 крестьянских восстаний. Количество мелких конфликтов едва ли можно учесть. Только в одной Нижегородской губернии исследователи насчитали в том же году 128 антисоветских выступлений. Даже в Московской губернии восстал весь Верейский уезд. В августе г. Ливны был окружен 10 тыс. крестьян, разобравшими железнодорожные пути. Гарнизон и отряд ЧК были разбиты, город разграблен, советские и партийные работники растерзаны.

> В сентябре 1918 г. в Ручьевской волости Псковской губернии регистрация мужчин сначала шла спокойно, но вдруг "28-го числа толпа крестьян деревни Воробьево, смущаемая несколькими горланами, среди которых выделялись Козырь, Федор Иванов и др., стала волноваться, раздавались речи и крики о том, что теперь пишут, а потом будут "брать", "накинули петлю, остается только натянуть" и т. п.; толпа ворвалась в помещение комиссариата, стала требовать объяснения, для чего идет регистрация, и предъявления списков, увидела бланки для регистрации лошадей и порешила: "будут отбирать скот", и наконец, потребовала военного комиссара, арестовала его, делопроизводителя и сторожа комиссариата. На следующий день состоялся "суд" над комиссаром. Разъяренная толпа требовала расстрела, виселицы или "по уши в землю закопать"; нескольким сознательным товарищам с трудом удалось уговорить и спасти жизнь арестованных. Когда стало известно, что движется карательный отряд, движение приобретает еще более безличный характер: люди из соседних деревень, из другой волости бежали и выгоняли всех — идти бить красноармейцев, а если кто не пойдет, то на обратном пути грозили убить, и крестьяне бросали свои полевые работы и шли, часто без оружия, навстречу отряду, многие, дойдя до ближайшего леса, прятались

там, по суткам и более, чтоб только их не застали дома “на обратном пути”. После отступления отряда крестьяне, по-видимому, не знают, что делать с оставшимся им орудием, ставят его в укромное место, снимают панораму и прицел, но для чего-то закладывают снаряд и следующему более сильному отряду уже не сопротивляются, и покорно отдают оружие”, — так выглядело типичное “антисоветское выступление” в официальном документе той поры.

(Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. С. 132–133)

Большевики сделали ставку на “разжигание Гражданской войны в деревне”: до конца 1918 г. создано почти 140 тыс. комитетов бедноты. Входившие в них солдаты и беднота должны были обеспечить учет зерна, его изъятие и распределение, в том числе и для себя. Комбеды наводили порядок: “Кулак Артемьев вел агитацию против Советской власти и Красной Армии. С нетерпением ожидал белых, по приходе которых обещал повесить на березе семью председателя комбеда. Артемьев предан земле”. Бунтовщики наказывались контрибуциями, налагавшимися военными властями и чрезвычайными комиссиями на село или волость за “контрреволюционные деяния”. “Контрреволюционеров” ожидали появившиеся в 1919 г. концентрационные лагеря; для профилактики среди тех, кто туда не попал, была создана сеть местных ЧК. Во всей же крестьянской России была введена продразверстка на хлеб, а затем еще на 20 видов продовольствия и сырья, дровяная и гужевая повинности (для перевозок военных, продовольственных и других государственных грузов в города, к железным дорогам и пристаням).

На такой нажим крестьянство ответило восстаниями, подобными “чапанной войне”. На Украине атаман Григорьев возглавил 20-тысячное войско под лозунгом: “Власть Советам народа Украины без коммунистов!” Против белых и красных действовала Революционно-повстанческая армия батьки Махно в 30–35 тыс. человек. Махновцы не раз вступали в союз с Красной армией для борьбы с войсками Деникина и Врангеля, но не желали подчиняться приказам советского командования. В Саранске поднял мятеж командир 12-й армии Филипп Миронов. В феврале — марте 1920 г. восстание “Черного Орла и земледельца” (так подписывались воззвания штаба повстанцев) охватило территорию Казанской, Самарской и Уфимской губерний; армия крестьян достигала 35 тыс. человек. На его подавление было брошено до 10 тыс. штыков и сабель, артиллерия, бронепоезда.

1920 г., известный по учебникам как время решающих побед Красной армии, стал началом крестьянских войн против большевистской власти на пространстве от Сибири до Украины. Наиболее известной из них стала тамбовская "антоновщина": в 1921 г. две крестьянские армии численностью по 20–25 тыс. воевали против большевиков. В июле 1920 г. началось восстание в Нижнем Поволжье. Командир 9-й кавдивизии А. В. Сапожков объявил о создании из мобилизованных крестьян "Первой армии Правды". В воззваниях сапожковцы призывали "объединить все беднейшее рабоче-крестьянское население в одной идее, сломив слишком обуржуазившихся некоторых ответственных членов коммунистической партии под лозунгом "Вся власть Советам". Весной — летом 1921 г. отряд Н. Махно совершил глубокие рейды по всей Украине и Южной России, пока не был разгромлен карательными войсками.

В Сибири крестьяне и воевавшие против Колчака красные партизаны после издания декрета "Об изъятии хлебных излишков..." поднялись против большевистских "освободителей". На просторах Сибири бушевала "роговщина", действовала "народно-повстанческая армия" в Степном Алтае, создавались Ока-Голуметский, Ангарский и Верхоленский "фронты" в Иркутской губернии. Начался Вьюнско-Колыванский мятеж в Приобье, Бухтарминский мятеж, "лубковщина" в Томской губернии, Зеледеевское, Сережское и Голопуповское восстания (Енисейская губерния).

Западно-Сибирское восстание 1921 г. охватило Тюменскую губернию и соседние уезды Челябинской, Екатеринбургской и Омской губерний. Было убито около 5 тыс. партийных и советских работников. Из 60 тыс. повстанцев было сформировано несколько дивизий, входивших в четыре "фронта" во главе с главкомом — поручиком В. А. Родиным. Повстанцы провозгласили "Тобольскую Федерацию", захватили почти все большие города Сибири, заново создавали свои "Советы", издавали газету "Голос Народной армии". Здесь была объявлена полная свобода торговли, частного предпринимательства и собственности.

Даже Ленин признавал, что до 1921 г. "крестьянские восстания... представляли общее явление для России". Судя по количеству и размаху движений, они как будто должны были победить — сбросить негодную власть и установить вольную федерацию крестьянских "республик", но все же потерпели поражение — по тем же причинам, по которым крестьяне проигрывали и в XVII, и в XVIII столетиях. Усиление гнета государства и его слуг — будь то барин-помещик или "продкомиссар" — неизбежно вызывало ответную реакцию, как только насилие выходило за грань терпимого, по крестьянским понятиям, зла. Тог-

да внезапно по малейшему поводу ожесточались даже самые забитые мужики, поджигали и в прах разносили барские усадьбы и советские конторы. А затем...

В XX в., как и двумя столетиями раньше, крестьянская "правда" подразумевала возвращение к старым добрым временам, когда пахарь жил на свободной земле в рамках привычного общинного мироустройства, когда свои "новодевиченские" и чужие — "федоровские", "кирилловские" и прочие — были сами по себе со своими проблемами. При малейших разногласиях крестьянский "партикуляризм" и старые обиды тут же оживали. Порой даже соседние деревни не поддерживали друг друга, а "чужих" и подавно. Крестьяне остались равнодушными к призывам Филиппа Миронова, поскольку с ним шли не свои мужики, а казаки; жители Пензенской и Саратовской губерний не поддержали пришедшие на их территорию отряды тамбовских "антоновцев".

Крестьянская психология порождала иллюзии возможности уйти от борьбы, отсидеться дома, переждать. Поэтому крестьяне не пошли за правительством Комуча — как, впрочем, за любым другим. "Мобилизованные белогвардейцами крестьяне целыми полками сдавались или переходили в ряды Красной Армии, — вспоминал начальник политуправления РККА С. И. Гусев, — и, наоборот, из Красной Армии перебегали к белым также целые крестьянские части. Мотив при этом был один и тот же у обеих половинок перебежчиков: гражданский мир. Для предотвращения перехода на сторону противника белые вливали в ряды бойцов значительное количество офицеров (10–50%), а красные — не меньшее количество рабочих и коммунистов".

Казаки Стеньки Разина устраивали в захваченных городах и селах казацкие "круги". "Император" Емельян Пугачев имел при себе "Военную коллегию" и "производил" сподвижников в графы. Советские бунтовщики создавали "советы", "революционные штабы", "армии" и "дивизии", их командиры издавали "приказы по советской республике восставших войск": "Просим всех граждан присоединяться к нам от 40 лет до 60 лет бить коммунистов. Если кто не пойдет, то будет расстрелян. С 18 апреля по 1 мая чтоб были к назначенному числу все в рядах восставших войск, а то будет расстрелян".

Однако копирование официальных структур оказывалось поверхностным. Даже самые масштабные восстания, такие как Западно-Сибирское, не имели центрального органа власти. Не удалось создать армейских формирований из крестьян, хотя проводились насильственные мобилизации. Советские карательные отряды быстро рассеивали толпы мятежников, не говоря уже о том, что сами они покидали "полки" и "армии", как только начинались полевые работы.

Официально названные “антисоветскими”, эти выступления чаще всего были реакцией не на политические институты и программы, а на людей, их представлявших. Большинство крестьян выступали против конкретных местных начальников, не претендуя на большее. “Когда разъясняешь, что обозначает Советская власть, то говорят, почему не дали собраться Учредительному собранию. Когда сделаем все доводы, то соглашаются, но более молодые, а старики говорят, худой был царь, да хлеб был, но тут приходилось вступать в долгие прения. А все-таки, говорят, хозяина нет”, — рассказывали о своей работе с населением красные “агитаторы”.

Для мужиков и царь, и Учредительное собрание стояли в одном ряду, как символы верховной власти; о функциях и задачах этого органа никто не знал. Надежды крестьян на то, что Учредительное собрание могло бы дать им лучшую жизнь, мало чем отличались от надежд на “доброго царя”; поэтому в сознании российских обывателей 1917–1918 гг. вполне мог умещаться лозунг “Царь и Советы!”.

Сотни приговоров волостных крестьянских сходов и резолюций Советов говорят о проблемах, на деле тревоживших крестьян: тяжкие поборы и налоги, мобилизации, конфискации лошадей, скота, телег, теплой одежды; вопросы же гражданских прав и представительной демократии селян не волновали. Воззвания повстанцев перечисляют, против чего они выступали; но будущее устройство они представляли себе весьма неясно: “дать народу спокойную жизнь”, “полную власть передать самому народу”, “только выборные от всего народа в этом собрании установят порядок”.

> Урожай хлебов за 1918 год получился ничтожный, так как посев яровых вследствие холодной погоды происходил поздно; осенью застали заморозки. Ржи у меня было 184 снопа, ячменя 147 суслонов, выпало хлеба всего 40 пуд. Состоя на службе при Волисполкоме, осенью 1918 г. я был зачислен сочувствующим коммунистической партии и записался в число активных коммунистов, так как партийной программы мне было вовсе незнакомым, но за признание религии в декабре того года меня из партии исключили. Осенью 1918 года у меня конфисковали бесплатно хлеба 7 пуд. Весной и летом 1919 г. я отпустил по учету 4 пуда в Волисполком, и сам я добровольно раздавал за ничтожную плату местным гражданам более 60 пуд. <...> Урожай хлеба за 1919 год у меня получалось ржи 342 снопов, выпало 32 пуд., ячменя 82 суслона, выпало 47 пуд. 1(14) ноября в Усть-Кулом прибыли и заняли белогвардейцы, которые значительное количество коммунистов заарестовали и отправляли в Печорский край. 2(16) января 1920 года вечером белогвардейские начальники и милиция взяли меня под

арест как сочувствующего коммунистической партии и советского служащего и сразу же отправили под конвоем на Печору. Многие коммунисты и арестованные в Печоре были расстреляны. 7(20) января мы прибыли в Троицко-Печорское, и заключили нас под арест с военным караулом. 15(28) января меня из-под ареста освободили. Домой прибыл 19 января. Во время нахождения под арестом в Троицко-Печорском я видел раз во сне образ св. Николая Чудотворца, сияющий необыкновенным светом, величиной лик бога в человеческий рост... 1 марта 1920 г. красноармейцы прорвали с боем Аныбский белогвардейский фронт, белогвардейцы были выбиты, и Усть-Кулом остался под советской властию. Я был вновь мобилизован на службу делопроизводителем Усть-Куломского волостного отдела записей актов гражданского состояния. Урожай хлебов в 1920 г. получился хороший. У меня было ржи 372 снопа, ячменя 140 суслонов. Выпало ржи 27 пуд., ячменя 67 пуд., всего 94 пуда. В конце 1920 года у меня конфисковали в счет поставки 4 пуд. хлеба и одну корову бесплатно, каковая конфискация чувствительно отразилась настроению моего семейства...” — так эпически спокойно описал всю историю Гражданской войны в далекой северной деревне крестьянин-книгописец Иван Степанович Рассыхаев: сначала урожай — затем “политика”.

(“Дневные записки” усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева (1902–1953). М., 1997. С. 38–39)

К переменам в политике крестьянин относился примерно так же, как к природным явлениям и стихийным бедствиям. Но власть, по его мнению, должна вести себя “по-божески”. Ее “неправедное” поведение включало механизм перехода от смирения к бунту. Но бунт — это не сознательное неповиновение граждан; его цель — не изменение политического режима, а демонстрация (если не самому государю или Ленину, то хотя бы губернским начальникам) справедливости своих требований. Как только бунтари убеждались, что власть сильна, происходил обратный переход: достаточно было нескольких выстрелов в воздух, и крестьяне разбегались, сдавая оружие.

Отряды зеленых, состоявшие из дезертиров белых и красных армий, часто становились ядром крестьянских выступлений против большевиков и белогвардейцев, но об организации собственной власти “третьей силы” вряд ли задумывались — большая их часть продолжала мыслить по-крестьянски. Пожалуй, только в последних восстаниях, таких как “антоновщина”, можно заметить попытку создать “альтернативные” и, главное, действенные властные структуры. Но было поздно — в это время бунтам, едва охватывавшим одну-две губернии, уже противостояла мощная машина централизованной диктатуры. В итоге крестьян-

ское движение завершалось действиями батек-атаманов: "Куреня смерти" Ангела, Карася, Маруси и прочих, проникнутых духом "казацкого романтизма" (как выражаются иные национальные историки), то есть грабивших всех без разбора.

В стране не оказалось политической партии, способной возглавить разрозненную и стихийную борьбу крестьян; для этого нужно было не только время, но и массовая организация, печать. Эсеры (как правые, так и левые), программа которых была наиболее близка крестьянству, не имели ни единого руководящего центра, ни низовых ячеек, способных противостоять "пролетарской диктатуре". Они даже не смогли возглавить союзы трудового крестьянства — массовые беспартийные крестьянские организации, возникшие в разных регионах России и принимавшие участие в крестьянских восстаниях.

Война дорого обошлась крестьянам: по современным, весьма приблизительным подсчетам, на 100 тыс. убитых комбедовцев и прочих советских служащих и явно не меньшее число погибших красноармейцев приходится 1 млн человек расстрелянных повстанцев и зеленых; умерло в тюрьмах, пало от красного террора и в результате уничтожения мирного населения в зоне восстаний примерно 5 млн человек, как раз наиболее активных и самостоятельных, кто мог стать опорой "третьего пути".

Для большевиков ценой победы стало отступление от форсированного строительства коммунизма к либерализации экономической политики; не случайно партийные публицисты называли нэп "Брестским миром, заключенным с крестьянством". Появление этой альтернативы военному коммунизму и было главным результатом крестьянской войны. Но одновременное "упрощение" социальной структуры (с устранением дворянства, "буржуев", городских слоев, офицерства, казачества) и возрождение в ходе "черного передела" общинного традиционализма способствовали — в сочетании с "диктатурой пролетариата" — совсем другому пути.

Подробнее на эту тему

Гражданская война в России: "круглый стол" // Отечественная история. 1993. № 3.

Осипова Т. В. *Российское крестьянство в революции и Гражданской войне*. М., 2001.

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ. 1918–1922: документы и материалы. М., 1998. Т. 1.

Телицын В. Л. *"Бессмысленный и беспощадный"? Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг.* М., 2002.

1928 Соблазн большого скачка

В ночь с 11 на 12 июля 1928 г. в кремлевской квартире Николая Бухарина состоялась его тайная встреча с уже исключенным из партии Львом Каменевым. Обсуждали невиданно обострившиеся экономические и общественно-политические проблемы советского режима. В результате срыва хлебозаготовок страна была на грани введения карточек. Троцкий со своими сторонниками был выслан в Алма-Ату. Шла последняя крупная внутрипартийная баталия 1920-х гг. — борьба с так называемым "правым уклоном". Сталинская программа форсированной индустриализации за счет ограбления деревни через принудительно создаваемые колхозы противостояла бухаринской идее сбалансированного развития индустриального и аграрного секторов на базе кооперации индивидуальных крестьянских хозяйств и "врастания" крестьянина в социализм.

Впоследствии Каменев записал основные моменты этого разговора. Бухарин дал свой прогноз развития событий в случае победы сталинского варианта — как для своих сторонников, так и для партии и страны в целом: "Мы считаем, что линия поведения Сталина ставит под опасность всю Революцию. Мы можем погибнуть вместе с ней. Существующие расхождения между нами и им неизмеримо серьезнее всех тех, какие мы имели в прошлом с вами... Вот уже несколько

недель, как я не разговариваю со Сталиным. Это — беспринципный интриган, ни перед чем не останавливающийся, чтобы удержаться у власти. Он меняет теорию в зависимости от того, кто должен быть удален в настоящий момент... Он сейчас уступил, но чтобы лучше нас задушить. Мы это понимаем; он маневрирует с целью изобразить нас виновниками раскола...

Что касается его политической линии, то она такая: 1) капитализм рос либо за счет колоний, либо при помощи займов, либо в силу эксплуатации рабочего класса. Колоний у нас нет, займов нам не дают, стало быть, наша база: дань с крестьянства... 2) чем больше развивается социализм, тем сильнее крепнет сопротивление... 3) если надо взять дань и сопротивление будет возрастать, нужна твердая власть. Самокритика не должна касаться власти, а лишь исполнителей...

В результате получается полицейский режим. Теперь уже речь идет не о том, чтобы искать козлов отпущения, а решается, действительно, судьба революции. Все может погибнуть от таких теорий... Ночами я думаю иногда: "Имеем ли мы право молчать? Не недостаток ли это мужества?". Но прихожу к заключению: надо действовать осторожно. В пятницу доклад Рыкова. Мы поставим точку над "и". Я дам серию статей в "Правде". Нужно, чтобы партия поняла, куда он ведет ее... И в то же время колебания: следует ли выступать открыто или не следует? Если выступать, он задушит нас по вопросу о расколе. Если не выступать, он задушит нас хитрой шахматной игрой и отыграется на нас, свалив на нас ответственность, если не будет хлеба в октябре". На вопрос Каменева, на что Сталин рассчитывает, чтобы выполнить план по хлебозаготовкам, Бухарин ответил: "На возвращение к чрезвычайным мерам перед лицом повторяющихся затруднений". И подвел такой итог беседе: "И это — военный коммунизм и задушение".

В этой записи поразительно: во-первых, абсолютно адекватное понимание Бухариным сталинской партийной и экономической линии и ее последствий, во-вторых, "недостаток мужества", необходимого для противостояния "задушению", казалось бы, самого святого — революции. Священная корова партийного единства и трусливая боязнь раскола оказываются сильнее, чем перспектива собственной гибели и установления в стране "полицейского режима". Любимец партии "Бухарчик" готов (по крайней мере внутренне, что хорошо видно в каменевской записи) вернуться к "военному коммунизму", который Ленин в начале нэпа назвал "политикой, не отвечающей интересам диктатуры пролетариата". Так что же произошло с партией и страной за эти годы?

Конец Гражданской войны стал и концом закрепленных во второй программе партии (1919) военно-коммунистических методов строительства социализма путем тотального принудительного огосударствления всего и вся. Кровавая крестьянская война против советской власти в Сибири, Тамбовской и Воронежской губерниях, а затем и Кронштадтское восстание, в ходе которых выдвигались требования перевыборов Советов, свободы слова, печати и союзов, права крестьян свободно хозяйствовать, сигнализировали о необходимости смены курса.

Провозглашенная "новая экономическая политика", однако, новой была лишь частично. Беспощадное подавление восставших крестьян и матросов должно было наглядно показать, что отступления в политической сфере, в отличие от экономической, не будет. Спустя несколько месяцев после Кронштадта Ленин заявил по поводу Церкви: "Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они и не смели думать". Практика диктатуры пролетариата показала, что судьбу церкви разделило и все общество.

Пойти на уступки большевиков заставила крайне сложная обстановка в стране. Большевикам пришлось признать, что к экономическому и политическому кризису привела не только война, но и политика военного коммунизма. "Разорение, нужда, обнищание" — так характеризовал сложившееся после окончания Гражданской войны положение В. И. Ленин. Действительно, к 1921 г. население России по сравнению с осенью 1917 г. сократилось более чем на 10 млн человек, а промышленное производство уменьшилось в семь раз. В полнейшем упадке был транспорт, добыча угля и нефти находилась на уровне конца XIX в., резко сократились посевные площади, валовая продукция сельского хозяйства составляла 67% довоенного уровня. Народ был измучен. К тому же весной и летом 1921 г. в Поволжье разразился страшный голод. Он был спровоцирован не столько сильной засухой, сколько тем, что после конфискации излишков продукции осенью у крестьян не осталось ни зерна для посевов, ни желания засевать и обрабатывать землю. От голода и болезней погибло почти пять миллионов человек.

На X съезде РКП(б) (Российской коммунистической партии большевиков) провозглашается переход к нэпу, а в качестве первого шага — замена продразверстки продовольственным налогом, который представлял процентное исчисление от урожая. Первоначально торговлю образовавшимися в результате этого излишками продуктов предполага-

лось разрешить только на местах, через аппарат народного комиссариата продовольствия и кооперацию. Но нехватка промтоваров, слабость кооперации и свирепствовавший голод заставили большевиков уже в сентябре разрешить свободную торговлю хлебом, то есть признать ранее начисто отрицавшуюся ими рыночную стихию. Ленин определил новый порядок как "госкапитализм в пролетарском государстве".

Современники — как русские, так и иностранные — понимали переходный характер начинавшегося периода, но по-разному определяли направление движения. Одни считали, что большевики, несмотря на утопичность своих социалистических целей, перейдя к нэпу, тем самым открыли дорогу эволюции экономики, а затем и политики к капитализму и демократии. Такого мнения придерживались как либералы "сменовеховцы" (кадетский сборник 1921 г. "Смена вех"), так и меньшевики и эсеры. По-другому смотрели на нэп партийные теоретики в лице Ленина, Троцкого, Преображенского. Сначала они трактовали его как временное тактическое отступление, но с осени 1921 г. стали переходить к пониманию нэпа как своеобразного "окружного" пути к социализму — через сосуществование социалистического и буржуазного укладов и постепенное вытеснение первым второго, залогом чего было сохранение "командных высот" в политике, экономике и идеологии в руках большевиков. Часть большевистской партии и вовсе не приняла нэп, сочтя его "экономическим Брестом" и капитуляцией.

Ленин же настаивал на том, что разруха и общая технико-экономическая отсталость России позволяют строить социализм только постепенно, опираясь на "диктатуру пролетариата" в виде сложившегося в годы Гражданской войны государства-партии. Этот путь предлагал укрепление такого государства со всем его карательным аппаратом. Поэтому Ленин в 1921–1922 гг. требует "расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.". В соответствии с этой установкой в стране были ликвидированы последние остатки многопартийности, начались невиданные со времен римских императоров гонения на церковь, на знаменитом "философском пароходе" в 1922 г. были высланы виднейшие экономисты, социологи, философы и историки. Был существенно ужесточен и внутрипартийный режим. На том же X съезде партии вместе с решением о замене продразверстки продналогом была принята и резолюция о запрещении фракционной деятельности, фактически упразднившая внутрипартийную демократию и свободную дискуссию.

Нэповская социально-политическая модель, как она сложилась к 1922 г., предусматривала жесткий авторитарный режим в политике и смешанную административно-рыночную модель в экономике при

сохранении "командных высот" (то есть крупной и части средней промышленности и торговли, железнодорожного транспорта) в руках государства. Но в такой комбинации изначально, уже "на входе", были заложены трудноразрешимые противоречия политики и экономики, плана и рынка.

Экономика в годы нэпа

Несмотря на краткий отпущенный нэпу срок — около восьми лет, — внутри этого периода исследователи выделяют два хронологических отрезка (1921–1925 и 1926–1928). Для первого характерны развитие экономической реформы и достижение ею пика при частичном реформировании политической системы, для второго — нарастание противоречий и свертывание нэпа, когда политика партии фактически возрождает военно-коммунистические тенденции. На первом движущей силой является экономика, на втором — ее корректирует политика. Водораздел 1925–1926 гг. связан как с затуханием революционной волны в мире и ослаблением надежд на помощь извне, так и с усилением внутренней напряженности: нарастанием политической активности крестьянства, внутрипартийной борьбой между Сталиным и Троцким за место вождя, различными оценками экономических перспектив нэпа со стороны партийных экономистов.

В 1921–1924 гг. проводятся реформы управления промышленностью, торговлей, кооперацией, кредитно-финансовой сферой. Была проведена денационализация мелкой, а отчасти и средней промышленности, в результате чего в руках государства осталась лишь треть ранее национализированных предприятий. Разрешается создание небольших частных предприятий с числом рабочих не более 20. Воссоздаются крупные ярмарки, открываются биржи. Допускается участие иностранного капитала в форме концессий, смешанных акционерных обществ и совместных предприятий. К 1927 г. работало 92 таких предприятия, преимущественно в горнодобывающей промышленности.

Возобновляется развитие разных форм кооперации, причем в плане налоговом, кредитном и снабженческом кооперативные предприятия были поставлены в более выгодные условия, чем частные, считаясь более "социально близкими" советской власти.

Все это потребовало отмены принудительного труда и введения рынка рабочей силы, реформирования системы заработной платы. Была введена тарифная система оплаты труда, отменены характерные для "военного коммунизма" натуральные пайки, трудовые мобилиза-

ции. Создается двухуровневая банковская система: Государственный банк и сеть кооперативных и местных коммунальных банков. Денежная эмиссия как источник доходов государственного бюджета заменяется сложной системой прямых и косвенных налогов (промысловый, подоходный, сельскохозяйственный, акцизы на товары массового потребления и т. д.). Налоговое бремя и на первом этапе было весомым (в 1925 г. — от 35 до 52% дохода в частном секторе), а на втором стало непомерно расти.

Денежная реформа 1922–1924 гг. ввела в стране твердую денежную единицу, обеспеченную золотом, — червонец, а вместо обесценившихся "совзнаков" — медные и серебряные рубли, которые в чулках и комодах старшего поколения дожили и до нашего времени, они были копией "настоящих" царских монет из высокопробного серебра. Червонец на западных биржах оценивали почти в 5 долларов США (до 1926 г., когда торги по нему были прекращены).

Вместе с тем в руках государства оставались значительная часть промышленности, вся внешняя торговля, где большевики, как они выражались, сохранили за собой "командные высоты". Декретами Совнаркома в 1923 г. была определена новая структура и устав государственных промышленных предприятий (трестов) и государственной торговли (синдикатов). Они получили большую хозяйственную самостоятельность, их деятельность строилась на принципах хозрасчета и самоокупаемости.

Наиболее быстро приспособилась к нэпу мелкая промышленность, розничная торговля и деревня. Более медленными темпами шло восстановление тяжелой промышленности. Но внедрение хозрасчета, материальной заинтересованности, реабилитация понятия прибыли все же дали свои плоды. После страшной засухи 1921 г. и голодного 1922-го сельское хозяйство стало постепенно увеличивать свои объемы. К 1923 г. в основном были восстановлены дореволюционные посевные площади. В 1925 г. валовой сбор зерна почти на 20,7% превысил среднегодовой сбор наиболее удачного для России пятилетия 1909–1913 гг. К 1928 г. страна по основным экономическим показателям, в том числе и по национальному доходу, достигла довоенного уровня. Это создало условия для некоторого улучшения материального положения рабочих, крестьян, служащих. Реальная заработная плата рабочих к 1925–1926 гг. в среднем составляла 93,7% их довоенного заработка. Продолжительность рабочего дня равнялась семи часам при шестидневной рабочей неделе.

Но с ходом времени обнаружились и проблемы. Эффективность нэповской экономики в целом была ниже дореволюционной. Почти

90% валовой продукции промышленности производилось госпредприятиями, но производительность труда на частных предприятиях была почти в два раза выше. Высокие темпы роста в первые годы нэпа во многом объяснялись "восстановительным эффектом": в промышленности вновь начинало работать простаивавшее оборудование, в сельском хозяйстве вводились в оборот заброшенные ранее площади. Когда эти резервы стали иссякать, страна столкнулась с необходимостью огромных капиталовложений в промышленность. На иностранные инвестиции после отказа большевиков признать долги царского и Временного правительств рассчитывать не приходилось. Можно было бы попробовать привлечь частные капиталы, но тут потребовались бы определенные гарантии. Большевики пошли по пути усиления налогового пресса, повышения арендной платы и т. д. В середине 1920-х гг. был популярен анекдот про нэпмана, который на вопрос о том, как дела, отвечает: "Живу как картошка — если не съедят, то посадят, а если не посадят, так съедят".

Все это приводило к сворачиванию производства, нехватке промышленных товаров, увеличению цен, что, в свою очередь, тормозило рост жизненного уровня всех слоев населения. Серьезной проблемой была безработица. Жилищный вопрос, несмотря на проводимые в первые революционные годы "уплотнения буржуазии", не только не был решен, но и еще больше обострился. Городские квартиры превращались в многосемейные коммуналки, где, по словам известной песни Высоцкого, "на тридцать восемь комнаток всего одна уборная", вокруг городов росли рабочие поселки из бараков.

Главный узел проблем завязывался в деревне. Еще в 1921 г. Ленин сделал вывод, что "только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах". Поскольку последняя явно откладывалась, а страну надо было поднимать из руин, большевики отказались от продразверстки, ввели нэп, признали особые интересы и права деревни. Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., закрепил итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции. Социалистическое, а по сути военно-коммунистическое земельное законодательство 1918–1920 гг. было отменено. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского Наказа партии эсеров в 1917 г., отраженными в знаменитом Декрете о земле.

Передача практически всех сельскохозяйственных земель в трудовое пользование крестьянства и уравнительное перераспределение земли означали, во-первых, "осереднячивание" крестьянских хо-

зяйств, натурализацию производства, некоторое ослабление рыночных связей. Во-вторых, совершилось возрождение общины, которая в 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5% крестьянских земель. В известном смысле можно говорить вслед за экономистами 1920-х гг. об "экономически реакционных" результатах аграрной революции в России, или — словами современных историков — об "архаизации" послереволюционной структуры общества. Однако при этом из аграрной структуры были устранены помещики (главные носители архаики), а крестьяне, возродившие общинную организацию, сами были уже далеко не архаичны. С переходом к нэпу возобновился процесс социального расслоения деревни, но уже как органический, без насильственной экспроприации бедных богатыми.

Россия подошла к 1917 г. с развитой системой кооперации и с идеей кооперативного будущего всей страны, особенно деревни. Русское общество и ученые-аграрники (Александр Чаянов и др.) в кооперации искали пути преодоления тех социальных трудностей, которые неизбежно сопровождают модернизацию экономики на основе индустриализации. Для аграрной страны особенно важной была возможность включения в рыночную экономику с помощью кооперации огромной массы мелких крестьянских хозяйств. Процесс кооперирования, по Чаянову, позволял, не разрушая мелкого семейного хозяйства, выделить и организовать на началах крупного производства те отрасли или работы, где это давало несомненный экономический эффект. Создавалась такая система кооперативного хозяйства, где сами крестьяне — в своих интересах и в меру реальных возможностей — определяли степень и формы организации крупного общественного производства. Практика и до- и послереволюционного времени подтверждала высокие возможности кооперирования крестьянских хозяйств.

Правда, рост крупного товарного крестьянского хозяйства сдерживала государственная налоговая политика, всей тяжестью ложившаяся на зажиточных крестьян. Те, в свою очередь, пытались избежать фискального бремени, разделяя и искусственно уменьшая хозяйства — со всеми негативными последствиями для развития производства. Низкая товарность таких хозяйств не позволяла увеличивать объемы экспорта сельхозпродукции и, следовательно, импорта необходимого для модернизации промышленности оборудования. Образовывался порочный круг — повышение налогов в конечном итоге давало меньше дохода в бюджет.

Росла и политическая активность крестьян. В декабре 1923 г. уполномоченный ОГПУ по Павловскому уезду Воронежской губернии

докладывал в губернский комитет РКП(б): “Во всем уезде крестьянство словно сговорилось, что Советы на 1924 г. должны быть без коммунистов. Перевыборы Советов прошли очень шумно, и тут кулацкий элемент проявил свою политическую физиономию... Масса с большим шумом и негодованием отказывалась от голосования за списки в целом... Поэтому списки эти везде голосовались по одному человеку в отдельности и бывали случаи провала избранных кандидатов... Коммунисты, кои еще не работали на постах, а также коих масса знает как своих и хороших товарищей, проходили при голосовании, а коммунисты, уже работавшие и занимавшие посты, проваливались...”

Здесь уже хорошо видна напряженность между монополизировавшими политическую власть на государственном уровне большевиками (“коммунисты”) и фактической сельской властью на местах. К этому противоречию добавлялось и то, о котором говорилось выше, — раздел экономических ресурсов и бюджетных денег между контролируемой государством промышленностью и сельскими мелкими хозяевами. На идеологическом языке той эпохи это называлось вопросом “смычки” города и деревни. И этот вопрос все более переходил в плоскость политическую.

Политика в годы нэпа

Сложившаяся в самом начале мирного периода однопартийная система была еще, по выражению Анны Ахматовой, сравнительно “вегетарианской”. После окончания войны пошел на убыль террор. В 1922 г. были приняты Уголовный и Гражданский кодексы, проведена судебная реформа. Революционные трибуналы были упразднены, учреждалась адвокатура и прокуратура. Созданный в 1922 г. СССР юридически был федеративным государством, в котором за каждой из составлявших его суверенных республик сохранялось право выхода. Правда, поскольку реальная власть концентрировалась в руках местных партийных комитетов, а ключевые решения принимались высшими партийными инстанциями, то по сути это было, разумеется, унитарное государство.

Формально вся полнота политической власти в стране принадлежала Советам. Но фактически они ее не имели: в городе ею обладали партийные комитеты, в деревне, где сельские партийные ячейки были немногочисленны, традиционные органы общинного самоуправления — мирские сходы. Больше всего большевики опасались, чтобы “государственный капитализм в пролетарском государстве” не вышел из рамок, “определенных ему пролетариатом”, то есть, на деле,

партией. В 1921 г. Центральный Комитет РКП(б) выступил против легализации крестьянских союзов.

Начались аресты эсеров и меньшевиков, а затем и политические процессы, на которых их представителей обвинили в "контрреволюционной террористической деятельности". В 1923–1924 гг. партия эсеров и отдельные меньшевистские организации объявили о самороспуске, хотя большевикам так и не удалось добиться официального заявления о роспуске всей партии. К середине 1920-х гг. остатки многопартийности были ликвидированы. Абсолютная монополия РКП(б) обосновывалась исторической необходимостью. С предельной ясностью эту доктрину сформулировал член ЦК и профсоюзный деятель Михаил Томский: "В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные — в тюрьме".

Усиливалась система карательных органов советского государства. В 1922 г. знаменитая ВЧК была преобразована в ГПУ (Государственное политическое управление) при НКВД (Народном комиссариате внутренних дел), а затем ОГПУ (Особое главное политическое управление) при Совете народных комиссаров СССР. На органы ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД возлагался широкий круг задач: борьба с деятельностью зарубежных спецслужб; ведение разведывательной работы в зарубежных странах; выявление и пресечение любой деятельности против советской власти и государственного строя. Но главной их задачей было сохранение власти правящей партии, а следовательно, и своей власти.

Ужесточился контроль за интеллигенцией, разного рода ее съезды и всесоюзные совещания проводились только с разрешения ГПУ. В 1922 г. практически одновременно обрушились репрессии на Русскую православную церковь (более 20 тыс. священников, монахов и просто прихожан были сосланы или расстреляны), отплыл в Германию печально знаменитый "философский пароход", на Соловецких островах в Белом море возник СЛОН — первый лагерь политзаключенных, а в Москве — официальный цензурный орган при Наркомпросе (Главное управление по делам литературы и издательств). Конституция СССР 1924 г. закрепляла неравное представительство от рабочих и крестьян, а 15 категорий лиц были вообще лишены избирательных прав. Наряду с умалишенными политических прав лишались лица, "прибегающие к наемному труду", "живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий", "частные торговцы", "монахи и духовные служители церквей и религиозных культов", "служащие и агенты бывшей полиции", а также "члены царствовавшего в России дома".

Значительные перемены произошли и внутри самой партии. За время своего существования с 1903 г. она радикально изменилась. До 1917 г. это была подпольная организация профессиональных революционеров, чьей целью был захват власти. В 1917 г. она за короткое время сделалась массовой партией, хотя руководство ее и стремилось к заговорщицкому захвату власти. Во времена "военного коммунизма" партия стала государственным институтом, пытавшимся править с помощью вездесущего бюрократического аппарата. И только после окончания войны партия начала формироваться как государственная корпорация — партия-государство.

Наиболее значительные государственные решения принимались сначала Центральным Комитетом РКП(б). Но предварительно все они проходили обсуждение в более тесном кругу большевистских лидеров, руководящем органе партии Политическом бюро ЦК РКП(б), в состав которого в 1921 г. входили Зиновьев, Каменев, Ленин, Сталин, Троцкий, а также Бухарин, Калинин и Молотов в качестве кандидатов. И только после этого все вопросы закреплялись в решениях государственных, то есть советских, органов. Впрочем, и в числе руководителей государства были все те же имена: Ленин — председатель СНК; Калинин — председатель ВЦИК; Троцкий — народный комиссар по военным и морским делам; Сталин — народный комиссар по делам национальностей; Каменев — заместитель председателя СНК.

В 1922 г., после начала тяжелой болезни Ленина, в партии был создан пост Генерального секретаря, на который был назначен Сталин. Он начал централизацию и бюрократизацию партии: структура парткомов различных уровней была унифицирована, во главе их поставлены освобожденные секретари, призванные заниматься исключительно партийной деятельностью и утверждавшиеся оргбюро ЦК РКП(б) во главе со Сталиным. Так начинает складываться своеобразная "технология власти", при которой утверждение на любой значимый пост в области государственного управления, хозяйства, культуры и т. п. является прерогативой соответствующих партийных органов (ЦК, обкомов, горкомов, райкомов). Этот слой получил название номенклатуры. Именно опираясь на него, Сталин начнет завоевание партийной и политической власти.

Немаловажную роль в утверждении сталинской диктатуры сыграл и установленный им контроль над карательными органами. Сущность советского политического режима неизбежно делала партийного вождя полным хозяином органов безопасности. Сталин еще при тяжело больном Ленине, используя свое положение, стал, по существу, единственным руководителем органов безопасности. Укрепление личной

диктатуры Сталина и курс на форсирование темпов социалистического строительства оказывали решающее воздействие на деятельность ГПУ — ОГПУ — НКВД. Трудности и противоречия в ходе этого строительства усиливали стремление правящей партийной элиты все активнее использовать карательные органы в реализации намеченных планов. Большевистский политический режим не смог бы существовать без репрессий, без широкого применения методов насилия в управлении страной.

Исподволь, опираясь на отдельные высказывания Ленина, Сталин начинает подменять центральную идею большевизма — идею мировой революции — на не менее эффектную теорию строительства социализма в одной, отдельно взятой стране. Более того, дав партии эту новую установку, позволяющую выпутаться из щекотливой ситуации, когда пролетариат европейских стран не очень спешил совершать мировую социалистическую революцию, Сталин указал и на виновника этого неприятного положения — Троцкого с его теорией перманентной революции. Согласно этой теории российская буржуазно-демократическая революция перерастет в социалистическую, которая, в свою очередь, станет прологом мировой революции.

Присвоив себе функции главного "блюстителя" ленинизма, насаждая культ Ленина, Сталин тем самым, с одной стороны, укреплял вождистские настроения в партии и обществе, с другой — как бы автоматически переносил на себя и ленинский авторитет и те его качества, которыми он сам не обладал. Врагами были объявлены: Троцкий, "троцкисты", оппозиционеры, которыми теперь были все те, кто не разделял взглядов Сталина и способов его действия. Умелая работа с кадрами и контроль над информацией позволяли подбирать нужных людей при выборах на губернские конференции и партийные съезды и дали Сталину важные преимущества в борьбе с противниками. Именно этими способами Сталин оттеснил в 1924 г. Троцкого, который претендовал на роль наследника Ленина. По утверждению Троцкого, в 1923 г., когда состояние здоровья Ленина ненадолго улучшилось, он предлагал ему союз против Сталина. Затем, в 1925–1926 г., Сталин избавился от Зиновьева и Каменева и, наконец, раздавил "объединенных левых" в 1927 г. Сузив таким образом круг политических противников, он мог легко атаковать Бухарина и его союзников — Рыкова и Томского, отстранив их от власти как "правых уклонистов".

Оппоненты Сталина сопротивлялись. Но чем дальше, тем больше их голоса не встречали отклика в самой партии. За 1920-е гг. изменился состав партийцев. Массовые "ленинские призывы" увеличили число членов партии к 1927 г. до 1 млн 200 тыс. человек. Старые большеви-

ки с опытом подпольной борьбы и эмигрантским стажем составляли в ней всего 2%, люди с высшим образованием — 1%, со средним — 9%, с начальным — 63%. Бывшим пролетариям с крестьянскими корнями, солдатам и командирам Гражданской войны интеллектуально и психологически был ближе иерархически-командный сталинский стиль по сравнению с "интеллигентскими" рассуждениями Бухарина.

Между тем жесткая система политической власти чем дальше, тем больше вступала в противоречие с многоукладной рыночной экономикой.

Кризисы нэпа

Проявилось это в нескольких острых экономических и политических кризисах. Первый из них разразился в 1923 г., когда стремление трестов получить максимальную прибыль вызвало повышение цен на промышленные товары. Деревне стало не по карману их покупать, следовательно, государство не получило денег на зарплату рабочим и служащим. В 1925 г. крестьяне предпочли продавать государству технические культуры по более высоким ценам, а не хлеб по низким. Это вызвало сокращение экспорта хлеба и, соответственно, импорта оборудования для новых заводов. Обострился "товарный голод", так как промышленность была не в состоянии удовлетворить спрос деревни на технически сложные товары. В обоих случаях из кризиса выходили за счет валютных резервов и понижения цен на промышленные товары. В 1925 г. государство получило дополнительный источник дохода, вновь введя монополию на водку — "рыковку" (по имени тогдашнего председателя советского правительства). Но в конце 1927 г. крестьяне опять отказались продавать хлеб по низким ценам. Вновь срывалось продовольственное снабжение городов и планы экспорта зерна и импорта оборудования. На этот раз власти начали репрессивную кампанию против крестьян, предъявив им обвинение по 107-й статье Уголовного кодекса РСФСР о спекуляции. На конфискации "излишков" и административный произвол деревня ответила сокращением посевных площадей, массовым забоем скота и выдвижением лозунгов "долой советскую власть", "за Советы без коммунистов".

По сведениям, поступавшим в ЦК, тамбовские зажиточные крестьяне говорили: "Умрем с голоду, власть хлеб отбирает, а нам ничего не дает. От власти нам хорошего не получить, надо находить выход самим. Пора опять браться за оружие". В Ярославской губернии бывший рабочий Путиловского завода, выступая на деревенском сходе, заявил:

"Коммунисты должны поставить на своем съезде вопрос о свободе для всех политических группировок. Коммунисты, уйдите от руководства, вы разрушаете хозяйство, отдайте руководство тем, кто раньше хорошо руководил". В ответ на такие формы протеста в среде партийцев чрезвычайно популярным становится лозунг "Отвинтить голову кулаку с пением Интернационала".

Столкнувшись с фактическим отсутствием необходимых для модернизации средств, большевистская власть уже с середины 1920-х гг. попыталась решить эту проблему путем все большей централизации в руках государства финансовых и материальных ресурсов и ужесточения распределительной политики. Однако конкретные формы и методы корректировки экономического курса определились в результате сложной политико-идеологической борьбы среди партийных лидеров.

Главным предметом споров был вопрос о том, какие экономические рычаги может использовать государство для получения средств, необходимых для развития промышленности, в условиях, когда сельское хозяйство почти целиком находится в руках частных собственников и нет никакой перспективы получить иностранные кредиты?

В шумном хоре различных мнений постепенно определились две противоположные точки зрения. Первая была наиболее отчетливо сформулирована Е. А. Преображенским, крупным специалистом в области экономической и финансовой политики, возглавлявшим до 1927 г. финансовую комиссию ЦК РКП(б) и Совнаркома. Он заявил, что революция 1917 г. произошла в стране, в которой не было создано необходимой промышленной базы для претворения в жизнь социальных программ коммунизма. Все капиталистические страны создавали свою промышленность за счет средств, полученных от эксплуатации колоний. Социалистическую индустрию в советской стране можно создать только за счет эксплуатации "внутренней колонии" — крестьянской деревни.

Вторую точку зрения отстаивал Бухарин, тогда — главный редактор основной партийной газеты "Правда". Он считал, что война с крестьянством чревата для Советского государства пагубными последствиями, как экономическими, так и политическими. Поэтому развитие экономики страны необходимо основывать на союзе с крестьянством, обеспечивая крестьянам возможность повышения производительности труда, организуя кооперативы, поддерживая формы рыночного обмена. В 1925 г. Н. И. Бухарин произнес свои знаменитые слова, обращенные к крестьянам: "Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут".

Эти две конкурирующие программы не были лишь плодом теоретических, кабинетных изысканий их авторов. Они отражали противоречивую ситуацию, сложившуюся в стране. С одной стороны, стало зримо проявляться недовольство рабочих новым социальным неравенством, порожденным нэпом. С другой — предпринималась попытка более полно учесть интересы крестьянства, из-за позиции которого в конечном счете и был начат нэп. Правда, большинство партийцев все же поддержали Преображенского, идеи которого взял на вооружение Сталин. В свою очередь, Бухарин, сдавая позиции под нажимом Сталина и сталинцев, все более отступал, переделывал свою первоначальную теорию нэпа и приближался к Преображенскому. Он соглашался, что государство должно прибегнуть к "некоторому давлению" с целью выжать из крестьян необходимый для индустриализации капитал, а когда события приняли более серьезный оборот, в 1928 г. допускал возможность "небольшого" принуждения. Это, по сути, был лишь смягченный вариант большевистского администрирования, а не углубление нэпа в сторону рынка. Реальная альтернатива была предложена знаменитым ученым-аграрником, профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии Александром Чаяновым, который в эти годы именно из-за нее подвергался все более и более резким нападкам в печати.

Еще в начале нэпа советские государственные лидеры и идеологи определили соответствующую стратегию в отношении села. Она исходила из понимания ими законов прогресса, масштабов экономического роста и капиталовложений, взаимосвязанных в логической последовательности. Общественный прогресс, по их мнению, определялся ростом промышленного производства и его механизацией. Крупные производственные единицы рассматривались как безусловно более эффективные, отвечавшие требованиям современной экономики. Естественно, перевод производства на путь, ведущий в светлое социалистическое будущее, увязывался прежде всего с укрупнением масштабов и увеличением капиталовложений. Расплачиваться за это приходилось крестьянам. Сущностные характеристики крестьянства, его мелкобуржуазный характер — мелкое, неиндустриальное хозяйство, а потому, в большевистской интерпретации, реакционное и утопическое — делали его исчезновение неизбежным и желательным для строителей нового общества. Раскрестьянивание стало, соответственно, надежным показателем прогресса и нарождающегося "прекрасного нового мира".

Несмотря на поразительную близорукость и доктринерство этой модели, она утвердилась в особенности благодаря качествам больше-

вистских партийных кадров среднего и низшего звена, ставших становым хребтом советского государства-партии. По словам крупнейшего современного социолога Теодора Шанина, "горькое разочарование нарастало у этой группы людей, загруженных плохо оплачиваемой работой и сталкивающихся с трудностями повседневного управления, которому они были плохо обучены, с нехваткой ресурсов и упрямством крестьян, тогда как требованиям "из центра" не видно было конца-края. Общее настроение советских чиновников низшего уровня, членов партийных и комсомольских ячеек на местах, впоследствии непосредственных коллективизаторов — это злобная убежденность в том, что крестьянам слишком хорошо живется. То же самое они чувствовали и в отношении российского образованного среднего класса (вернее, того, что от него осталось) — этих любителей длинных предложений, произносимых с чувством собственной важности, которые увековечивают бесконечные сомнения и красиво живут. Словесные увертки экспертов и осмотрительность ученых выглядели как неповиновение, если не как явный саботаж, тогда как каждый день требовал простых решений и революционной отваги, как в 1919 г. Времени было мало, трудностей много, могла начаться война, а коммунизм все еще далеко. Иллюзия возможности большого скачка с легкостью прельщала людей, привыкших во времена Гражданской войны и военного коммунизма к кавалерийским атакам и предвкушавших новый Иерусалим, который, как казалось, уже где-то здесь, за углом". А реальность нэпа была далека от ожидаемого.

> Тянет на воздух, но "на воздухе" убийства, грабежи и ад музыкально-вокальных звуков. Поют и играют в домах, на бульварах, во дворах, и больше всего — в бесчисленных кабаре, кафе, "уголках", ресторанах, чайных, столовых; в наших местах у Сухаревой по Сретенке в каждом доме какое-нибудь "заведение", а по переулкам "самогон". Самогон распивочно, самогон навынос (4–5 млн бутылка)... На Кузнецком мосту и в Рядах, или на Тверской, на Петровке завелось много магазинов, по роскоши обстановки и товаров мало чем уступающих довоенным... На каждом шагу можно встретить и шикарную женщину, и франта по-европейски. Откуда-то явились и жирные фигуры, и красные носы. В газетах тысячи реклам о пьяных напитках, о гастрономии и об увеселениях самого легкого жанра. По содержанию этих реклам видно, что существует теперь и Яр и Стрельна, и всякие шантаны, только разве не под прежними названиями. Новые-то, пожалуй, оригинальнее. Что-то вроде "Не рыдай", или "Стоп-сигнал". Недавно разбирался процесс о содержательницах домов терпимости. Значит, все "восстановилось". И стоило огород горо-

дить?" — такой виделась советская действительность лета 1922 г. глазами пожилого москвича-служащего.

(Окунев Н. П. Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1990. С. 547)

Но дело было не только в этом. Мечта о "большом скачке" выражала и высвобождала потаенные амбиции нового поколения партийных активистов, которые вышли на арену слишком поздно, чтобы иметь революционные заслуги. Не было у них и достаточного образования, чтобы стать "спецами". Бравая армия сторонников и почитателей Сталина, партийцев низшего и среднего звена состояла в основном из крестьянских детей, рекрутированных через военную службу или комсомол. Ее типичный представитель — деревенский парень, выдвинутый комсомолом и не желающий после службы в армии возвращаться к повседневной канители в отцовском хозяйстве, имеющий лишь несколько классов школьного образования и овладевший минимумом марксистских фраз, но обладающий энергией и смекалкой.

Они были молоды, решительны, не очень грамотны и очень болезненно это переживали. Люди с таким складом ума больше всего ценят лояльность, послушание, строгий порядок и простые решения. Кроме того, революционный подъем только начинал достигать самых глухих уголков огромной страны и зажигать молодые сердца огнем нового мессианства и больших надежд. Наибольшее неудовольствие молодых кадров вызывали крестьяне (как им казалось, тупые и неповоротливые) и интеллигенты (слишком заумные). Чтобы повысить авторитет страны и самим продвинуться, им нужно было подчинить себе первых и заменить последних "верными товарищами" (в том числе из собственных рядов). Каждый уволенный "спец" или "вычищенный" "старый большевик" — это еще одно место на вершине власти, прежде недоступное. Сталинизм, по словам того же исследователя, для многих "был не столько капитуляцией перед страхом, сколько политической установкой, истинность, равно как и личная выгода которой ощущались интуитивно. Сочетание жесткого радикализма, всеобщего повиновения и карьеризма сформировало новые кадры коммунистической партии, новый тип социальной мобильности и новую политическую иерархию для будущего СССР".

Столкнувшись с новым политическим руководством, Чаянов изложил в полном объеме свои соображения относительно будущего советского сельского хозяйства в книге "Теория сельскохозяйственных кооперативов" в 1927 г. Основная его идея состояла в следующем. Чаянов был согласен с тем, что крестьянское хозяйство и сельское

общество СССР конца 1920-х гг. нуждались в реконструкции. Он соглашался и с формальными целями сталинской программы коллективизации, но предлагаемые методы считал неверными по всем параметрам. В соответствии со сталинской схемой увеличение размеров и механизация производственных единиц должны были гарантировать достижение высокой производительности труда и благосостояния на селе, а социальная справедливость и равноправие должны были наступить с уничтожением класса сельских эксплуататоров, то есть кулаков.

Чаянов же утверждал, что укрупнение производственных единиц не ведет с необходимостью к росту сельскохозяйственного производства. Развивающееся общественное разделение труда в основном "принимает форму выделения и специализации какого-либо его аспекта и занятых в сельском хозяйстве при возможном избирательном увеличении размера производственной единицы и капиталовложений, отражая тем самым наилучшее использование ресурсов — "вертикальную" сегментацию, соответствующую дифференциальным оптимумам". В то же время укрупнение всех производственных единиц может снизить продуктивность в целом. "Только большое" так же плохо, как и "только малое", если речь идет о сельском хозяйстве. Кроме того, для крупномасштабных хозяйств, созданных в одночасье, на местах не нашлось бы руководителей, способных ими управлять, управленцев пришлось бы "импортировать", они не имели бы корней и специфического знания местных условий. Они были бы также полностью зависимы от государственного аппарата — бюрократического, чужеродного и репрессивного. Маловероятно, что эти новые управленцы на местах были бы в меньшей степени эксплуататорами, чем прежние "мироеды-кулаки". Крестьянское сопротивление политике и декларациям, противоречащим их собственному повседневному опыту, было бы ожесточенным и разрушительным для сельскохозяйственных ресурсов, которые коллективизация якобы стремилась приумножить.

Альтернативная программа Чаянова по преобразованию сельского хозяйства страны состояла в развитии смешанной кооперации снизу (он называл это "вертикальной кооперацией" и "кооперативной коллективизацией"). Программа основывалась на его обследованиях реального кооперативного движения в России в 1910–1914 и 1922–1928 гг. Кооперативное движение рассматривалось им как демократическая альтернатива государственной централизации. Наилучшее решение проблемы увеличения производительности сельскохозяйственного труда в России, по мнению Чаянова, состояло в гибком сочетании крупных и малых производственных единиц, определяемом различ-

ными оптимальными размерами в каждой отдельной отрасли. Производством яиц, скажем, занимается семейное хозяйство, фуражом — вся деревня, лесным хозяйством — объединенные в одну производственную единицу несколько специализирующихся на этом деревень и т. п. Ученый поддерживал многоуровневое кооперативное движение, кооператив кооперативов, организованный "снизу" и развиваемый, а не управляемый государством.

Согласованная с крестьянским опытом, использующая крестьянские институты, широко открытая для крестьянской инициативы и притока кадров, эта программа была бы приемлемой для сельских сообществ и способной собирать их силы для преобразования деревни. Важно, что программа Чаянова отражала социальную реальность. На протяжении 1920-х гг. в советской деревне развивались и распространялись многочисленные кооперативные хозяйства. Организованные на основаниях, выработанных еще до революции, укорененные в местной почве благодаря замечательным приверженцам этой формы хозяйствования, тысячи кооперативов по снабжению, торговле, кредитованию и производству объединяли к 1928 г. более половины сельского населения. Сеть кооперативов продолжала расширяться, пока они не были выкорчеваны коллективизацией.

Массовость распространения кооперативов, а также авторитет Чаянова объясняют, почему именно его вариант стратегии преобразований на селе был принят бухаринским крылом руководства партии и включен в первоначальный вариант плана первой пятилетки (подготовленный под руководством экономиста Громана и отклоненный Сталиным в пользу собственного варианта с его совершенно фантастическими цифрами).

Корректировка плана произошла потому, что в 1927–1928 гг. режим столкнулся с двумя серьезными затруднениями. Во-первых, любое давление на крестьян лишь ухудшало кризисную ситуацию с хлебозаготовками, ведь именно в ответ на "товарный голод" 1927 г. деревня немедленно сократила производство для рынка. Во-вторых, уже началась первая пятилетка с ее ускоренными темпами, в то время как чаяновская ставка на постепенный рост кооперации и рынка потребовала бы неопределенно долгого времени, не гарантируя при этом твердых количественных результатов. Казалось, что делать такую ставку рискованно, а физическое принуждение крестьянства методами военного коммунизма выглядело надежнее. Воспользовавшись очередным кризисом нэпа, Сталин в 1929 г. объявил о "великом переломе", о "наступлении социализма по всему фронту" и ускоренном превращении СССР в великую промышленную державу. Как замечательно выра-

зился член ЦК и ленинградский партийный вождь Киров, любимец рядовых партийцев, “технически, может быть, и нельзя, а по-большевистски мы сделаем”.

И они “сделали”

Сталинская модернизация в виде знаменитого “большого скачка” в развитии тяжелой промышленности и сплошной коллективизации деревни была куплена слишком дорогой ценой. Его результатом были: отставание других отраслей экономики, прежде всего легкой промышленности и сельского хозяйства; сверхцентрализация и предельное ограничение сферы деятельности рыночных механизмов; полное подчинение производителя государству и все более широкое применение мер внеэкономического принуждения и насилия, повлекшего за собой многомиллионные жертвы. Наконец, была подорвана главная производительная сила и богатство деревни — крестьянское умение и желание работать.

Вот что писали в 1929 г. уральские крестьяне в газету “Правда”: “...вы сто миллионов крестьянства опозорили — далее некуда. Во время хлебных заготовок что не проделывали: плевали в глаза, бороду дергали — все не опишешь. Вам уже некого стало грабить, вы набросились на трудового крестьянина. Ведь народ отошел не от советской власти, а от дурных поступков. Кто не шел в коммуну, отбирали книжки общепотребительские, налагали по 200–300 руб. целевые. Социализм и коммунизм затеяли еще рано, когда настроете машин, тогда может поскорее все будет. Пишете закрепить колхозы, что это за слово “закрепить”? Это разве времена Екатерины великой, которая писала, чтобы люди не переходили от помещика к помещику? <...> Вы с намерением делаете все это, чтобы подорвать советскую власть. Еще предупреждаем, будем воевать другой раз, но уже не так, как воевали. Вы сделайте по всей России машинные товарищества, они самые подходящие для крестьян и для государства. Весь народ в машинные товарищества пойдет охотно, и весь секрет: народ забудет скоро все обиды. Еще просим взять власть у несознательного элемента и дать ее честным середнякам, тогда Россия будет спасена от страшной беды, которая уже над головой. Мы все партизаны, да здравствует трудовая крестьянская советская власть, да здравствует свободный народ. <...>

Дорогой редактор, к тебе великая просьба, мы все партизаны Верхнетеченского района, деревни Ангюговой, спаси Россию пока не поздно, у нас не хватает более терпенья”.

В стране утвердилась командно-мобилизационная хозяйственная модель, ставшая экономической основой тоталитарного режима. Произошло то, о чем предупреждали в 1925–1927 гг. Чаянов и Бухарин: сталинская программа коллективизации "во имя прогресса" фактически сломила социальную силу крестьян, "перекачала" их ресурсы в индустриальное строительство, в армию и на нужды государственно-партийного аппарата, который многое воспринял в своих действиях по отношению к крестьянам от раннего колониализма в его самых тяжелых и неэффективных формах.

Но если бы в 1928 г. у Бухарина и других оппозиционеров хватило духу стать гражданами, а не рабами партдисциплины... то, может быть, в народе не возникло бы такого объяснения названия ВКП(б) — "Второе Крепостное Право (большевиков)".

Подробнее на эту тему

Вишневский А. Г. *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР.* М., 1998.

Гимпельсон Е. Г. *Нэп и советская политическая система. 20-е годы.* М., 2000.

Горинов М. М. *НЭП: поиски модели развития*. М., 1990.

Коэн С. *Бухарин: Политическая биография. 1888–1938.* М., 1988.

Нэп: приобретения и потери. М., 1994.

Цакунов С. В. *В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы*. М., 1994.

Шанин Т. *Три смерти Александра Чаянова* // Социологические исследования. 1995. № 1; или http//www.yabloko.ru/themes/History/Shanin/3-deaths-of-chaynov.htm/

1948 Победа над победителями

12 января 1948 г. в Минске “попал под машину” председатель Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс. 24 января 1948 г. из аппарата ЦК ВКП(б) был списан в архив “проект изменений и дополнений отдельных статей Конституции СССР, подготовленный с учетом предложений, поступивших в Редакционную комиссию”. А 10 февраля в Москве встреча советского руководства с югославскими товарищами завершилась разрывом отношений.

События эти, произошедшие в разных пластах социальной жизни и на первый взгляд никак не связанные друг с другом, тем не менее были элементами единого нового курса и означали, что недолгий период колебаний советского руководства завершился выбором жесткой политической линии. Вскоре последовали и массовые репрессии, однако, разительно отличавшиеся от террора 1930–1940-х. Прежде карательный аппарат режима обрушивался на врагов и вредителей, представлявших собой, хотя бы в теории, осколки эксплуататорских классов. Теперь врагами провозглашались “перерожденцы” и “безродные космополиты”, зараженные “низкопоклонством перед Западом”. По существу же врагом власти оказалось “поколение победителей” — люди, почувствовавшие в себе человеческое достоинство, научившиеся отличать пропаганду от реального положения дел,

повидавшие, хоть одним глазком, иные порядки и начавшие мечтать, а нередко и публично заявлять требования, несовместимые с теми формами политической и хозяйственной жизни, которые утвердились в СССР до войны. Этот новый советский народ, победивший в небывало тяжкой войне и весьма существенно отличавшийся от довоенного благодаря приобретенному опыту, не без оснований был убежден, что в тяжелую годину оказал советской власти небезусловную поддержку, и ожидал выполнения прямо не проговоренных, но довольно ясно обозначенных во время войны условий: роспуска колхозов, прекращения репрессий и гонений на церковь, некоторой демократизации политического режима. Власти, поколебавшись, решили никакой либерализации не проводить, а победителей жестоко приструнить. Совместным действием репрессивной и пропагандистской машин народу не позволили осмыслить и свести многообразие военного опыта в единую картину, из которой следовали реформаторские выводы. На место народной памяти о войне была внедрена идеологема победы, достигнутой исключительно благодаря мудрому руководству партии и лично великого вождя. Победы, свидетельствующей о прочности и эффективности системы — "превосходстве советского строя".

Человеческий фактор "временных неудач"

Идеологема эта в сжатом виде заключена в стандартном названии параграфа советских школьных учебников: "Победа советского народа в Великой Отечественной войне". Очевидно, что настойчивое отделение отечественной войны от мировой имеет целью закамуфлировать то травматическое для советского исторического сознания обстоятельство, что во Вторую мировую войну СССР вступил 17 сентября 1939 г. в качестве фактического союзника гитлеровской Германии, с которой разделил Восточную Европу в полном соответствии с секретным протоколом заключенного 23 августа 1939 г. Договора о ненападении, вошедшего в историю под названием пакта Молотова — Риббентропа.

Но гораздо более существенно другое. Понятие "отечественная война" предполагает полное всенародное единодушие в противостоянии врагу, вторгшемуся на родную землю, и высокий боевой дух войска, бьющегося за правое дело. Советской идеологемой подразумевалось, что в этом смысле война сделалась отечественной непосредственно 22 июня 1941 г., когда войска вермахта пересекли советскую

границу. Между тем обстоятельства катастрофического отступления Красной армии лета — осени 1941 г. позволяют утверждать, что и с народным единством, и с духом войска поначалу не все обстояло благополучно. А подлинно отечественной война стала существенно позже, при изменившемся составе "советского народа".

Советская официальная историография в объяснении причин "временных неудач" Красной армии в первый период войны твердо держалась тех пунктов, которые были намечены Сталиным — сначала в радиообращении 3 июля, а затем, 6 ноября 1941 г., в докладе на торжественном заседании Моссовета по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции. Успехи вермахта объяснялись: 1) внезапностью вероломного нападения — немецкая армия была заблаговременно мобилизована и придвинута к рубежам СССР, который, твердо веруя в нерушимость договора о ненападении, жил мирной жизнью; 2) неравенством технического оснащения: "Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию, а наши славные летчики покрыли себя славой бесстрашных бойцов. (*Аплодисменты*.) Но самолетов у нас пока еще меньше, чем у немцев. Наши танки по качеству превосходят немецкие танки, а наши славные танкисты и артиллеристы не раз обращали в бегство хваленые немецкие войска с их многочисленными танками. (*Аплодисменты*.) Но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев. В этом секрет временных успехов немецкой армии".

Эти объяснения не выдерживают критики и рассыпаются при минимальном сопоставлении с источниками. Разумеется, сосредоточение трехмиллионной группировки вермахта у западных границ СССР не было тайной для советской разведки. Скрытая мобилизация и стратегическое развертывание РККА начались в апреле — мае 1941 г., задолго до немецкого вторжения. Штабы трех фронтов (в мирное время числившихся округами) — Северо-Западного, Западного и Юго-Западного — уже 19 июня 1941 г. получили приказ наркома обороны о выходе на полевые командные пункты, устроенные по приказу наркомата от 27 мая 1941 г.

Числом и качеством военной техники Красная армия нисколько не уступала вермахту. На 22 июня, по данным М. И. Мельтюхова, которые считаются наиболее достоверными, на советско-германской границе против 4364 танков, 42 601 полевых орудий и минометов, 4795 самолетов у Германии имелось советских 15 687 танков, 59 787 орудий и минометов, 10 743 самолета. Причем доля техники новейших образцов в Красной армии была нисколько не ниже, чем в вермахте и люфтваффе, и эта современная техника зачастую была гораздо совершеннее немецкой.

В последние 20 лет с легкой руки Виктора Суворова, автора популярных "ревизионистских" бестселлеров, широкое распространение получила легенда об "обезоруживающем ударе" люфтваффе, уничтожившем технику РККА в первые же дни войны. Однако с учетом рассредоточения войск на обширном театре военных действий, сколько-нибудь существенно ослабить советскую передовую группировку, насчитывавшую 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковую, 31 моторизованную дивизии, 16 воздушно-десантных и 10 противотанковых бригад, при наличных тогда технических средствах было решительно невозможно. Для примера: крупное соединение советских ВВС, получившее задачу остановить наступление танковой группы Гейнца Гудериана на брянском направлении, совершив за один день, 3 сентября, 780 самолето-вылетов, "уничтожили около 30 танков, 16 орудий и до 60 автомашин с живой силой", что было признано большим успехом и отмечено особой поздравительной телеграммой Сталина. Всего же за шесть дней в этой операции летчики совершили 4 тыс. успешных самолето-вылетов, что не помешало группе Гудериана разбить войска Брянского и Юго-Западного фронтов и, пройдя с боями 300 км, завершить 17 сентября окружение "киевского котла". 26 июня против 3-й танковой группы вермахта было брошено сразу пять авиадивизий, которым удалось уничтожить 30 немецких танков, что также было воспринято как значительный успех, но на движении группы никак не отразилось. Нет ни малейших оснований считать действия немецкой авиации более эффективными. Даже во время Курской битвы три эскадры гораздо более совершенных, чем в 1941 г., немецких пикирующих бомбардировщиков считали невероятным успехом применения нового вооружения уничтожение 44 советских танков, 20 орудий и 50 автомашин за 946 боевых вылетов. По крайней мере те командиры РККА, которым не было нужды оправдываться и искать "объективные причины" разгрома вверенных им войск, столь убийственной эффективности не замечали. Например, в докладе оперативного отдела штаба 2-го стрелкового корпуса, две дивизии которого на несколько дней смогли приостановить немецкое наступление на подступах к Минску, отмечалось, что "потери от авиационных бомбардировок и пулеметного обстрела с воздуха, несмотря на низкие высоты и абсолютное господство авиации противника, оказались очень незначительными".

Да и советская авиация вовсе не была выведена из строя. За первые три месяца войны ВВС совершили 250 тыс. самолето-вылетов, атакуя наступающие танковые и моторизованные колонны противника

и даже совершая бомбардировки его глубокого тыла. Тем не менее во всех без исключения популярных изданиях, посвященных началу войны, неизменно приводится чудовищная цифра — 800 советских самолетов были уничтожены на земле, не успев подняться в воздух. При детальном рассмотрении обнаруживается (но эти подробности в популярную литературу уже не попадают), что в абсолютном большинстве случаев противник получил достойный отпор (22 авиадивизии из 25 попавших под первый удар весьма успешно отразили налеты немецкой авиации на свои аэродромы), а потери техники были минимальными. "При малейшем организованном отпоре немцы атаку прекращают и уходят… в бой с нашими истребителями вступать избегают; при встрече организованного отпора уходят даже при количественном превосходстве на их стороне... на советские аэродромы, где базируются истребительные части, ведущие активные действия и давшие хотя бы раз отпор немецко-фашистской авиации, противник массовые налеты прекращал..." — докладывал Ставке 10 июля 1941 г. командующий авиацией Западного фронта. Две трети потерь "на земле" приходятся на три авиадивизии Западного фронта, у которых таким образом было уничтожено "654 самолета, что составило 80% от первоначального числа самолетов в этих дивизиях". Ключевые слова в предшествующей цитате — "организованный отпор". При углублении в источники обнаруживается, что самолеты трех авиасоединений были просто брошены сбежавшими "сталинскими соколами". На второй день войны командиры этих дивизий с частью летчиков были обнаружены самовольно "перебазировавшимися" в районы Брянска и Орши, за 500–800 км от линии фронта. Очевидно, что такое "перебазирование" означало бегство.

То же самое творилось и на земле. Немцы практически не заметили существования только что отстроенного по последнему слову военной науки Брестского укрепрайона, лежащего прямо на пути танковой группы Гейнца Гудериана. Сражались некоторые доты — все они были капитально вооружены не только спаренными пулеметами, но и орудиями. Например, 3-я рота 17-го пулеметного батальона удерживала четыре дота Брестского УРа на берегу Буга у местечка Семятыче до 30 июня. Но подвиг этот был стратегически бесплодным — укрепрайон как целое уже не существовал, поскольку "командир Брестского укрепрайона генерал-майор Пузырев с частью подразделений… в первый же день отошел на Бельск (40 км от границы), а затем далее на восток".

Советские военные историки в монографии "1941 год — уроки и выводы" определяют картину отступления Северо-Западного

фронта как типичную: "...последствия первых ударов противника оказались для войск Северо-Западного фронта катастрофическими. Войска армий прикрытия начали беспорядочный отход... Потеряв управление, командование фронта не смогло принять решительных мер по восстановлению положения и предотвращению отхода..." Потеря управления вовсе не была вызвана отсутствием средств связи. Связь технически была обеспечена отлично: помимо множества телефонных аппаратов и кабелей, три радиостанции имелись в каждом стрелковом полку при штабе и по пять радиостанций было в каждом батальоне.

И несмотря на эту выдающуюся техническую оснащенность, Красная армия в беспорядке отступала. Задача, поставленная перед вермахтом по плану "Барбаросса" — "основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев", — была выполнена уже к середине июля 1941 г.

Приходится заключить, что разгром Красной армии летом — осенью 1941 г. имел не военно-стратегические или технологические, а "организационно-психологические" причины или, попросту говоря, был вызван неготовностью к войне Красной армии и советского общества. Той армии и того общества, которые были созданы в 1930–1940-е сталинским террором.

Неготовность общества была вызвана двумя важными обстоятельствами. Во-первых, страна отнюдь не была идейно однородна. Организованное вооруженное сопротивление коммунистической власти после революции было подавлено действительно сравнительно быстро (последние "банды басмачей" в Туркмении были рассеяны в 1932-м). Коллективизация — "вторая гражданская война в деревне" — и репрессии 1930–1940 гг. деморализовали наиболее многочисленные дореволюционные социальные группы, носителей традиционной морали, и заставили умолкнуть общественное мнение в его общепринятом смысле. Общество лишилось не только инструментов автономного действия (партии, профсоюзы), но и органов выработки независимого суждения (пресса, университеты, церковь). Страна затихла. Но это гробовое молчание вовсе не означало единомыслия. Многие граждане СССР не считали советский строй сообразным человеческим и божьим установлениям, не верили в его долговременность и с нетерпением ожидали его краха в результате какого-то неожиданного катаклизма. Особенно много было таких людей среди старших возрастных групп, заставших в сознательном возрасте порядки "думской монархии".

Во-вторых, советские люди были совершенно дезориентированы в отношении процессов, происходящих в фашистской Германии. После августа 1939 г. на территории СССР была прекращена всякая публичная антифашистская пропаганда. Более того, по личному указанию Сталина, "в связи с новой международной обстановкой" Главрепертком прослушал 13 220 допущенных прежде произведений, так или иначе затрагивающих образ Германии, из которых 4200 не разрешил исполнять и показывать, так как в них были обнаружены антифашистские мотивы. Из советских газет совершенно исчезли упоминания о германских коммунистах и антифашистской борьбе социалистов Европы, занимавшие в 1933–1938 гг. значительное место. Германия, прежде изображавшаяся страной острых социальных противоречий, ведущей агрессивную внешнюю политику, сделалась образцом успешного социального и промышленного развития.

Зримо рос товарооборот: если в 1939-м он составлял 61 млн марок (0,6% от всего внешнеторгового оборота Германии), то за 1940 г. возрос в десять раз и достиг 607 млн марок. Из СССР в Германию поставлялось продовольствие, горючее, стратегическое сырье для военной промышленности. В обмен из Германии везли станки и оборудование. Стратегические партнеры консультировались по всем европейским проблемам. По приказу из Москвы все партии, входившие в Коминтерн, должны были отказаться от принятой на недавнем конгрессе тактики и прекратить строительство антифашистских народных фронтов. В официальных заявлениях советского МИДа гитлеровский режим стал представляться миротворцем, а Англия и Франция — разжигателями войны.

Сотрудничество СССР и Германии представлялось отнюдь не тактическим маневром, а, напротив, долговременной стратегией. В декабре 1939 г. в телеграмме Иоахиму Риббентропу в ответ на поздравление с 60-летием Иосиф Сталин подчеркивал, что "дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной". 1 августа 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР нарком иностранных дел Вячеслав Молотов разъяснял, что "в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии".

О сложностях и противоречиях в отношениях Германии и СССР открыто не говорилось, но они усиливались. Осенью 1940 г. Молотов сообщил Риббентропу о готовности СССР уже и формально примкнуть к державам "оси" при условии, что к южному "центру притя-

жения советских интересов" наряду с Болгарией и черноморскими проливами будут отнесены Иран, Индия, Восточная Турция и Ирак. Гитлер был категорически не согласен, а германский МИД отделывался отписками в том смысле, что ответ согласуется с остальными участниками пакта и вот-вот поступит. Но это была уже оттяжка времени. В декабре 1940 г. Гитлер утвердил план "Барбаросса", назначив нападение на СССР на май 1941-го. В Москве разрабатывались аналогичные планы против Германии. Историки продолжают спорить, были ли эти планы наступательными или оборонительными. Но план разгрома Германии "мощным ударом, на чужой территории, малой кровью" обсуждался. В составленных в мае 1941-го Генеральным штабом под руководством Георгия Жукова "Соображениях по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками" говорилось: "Считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск". Гражданам об этих планах ничего не сообщалось. Более того, в "Правде" от 14 июня 1941 г. было опубликовано сообщение ТАСС, отрицающее возможность нападения Германии на Советский Союз.

В результате в начальный период войны весьма значительная часть как военнослужащих, так и гражданского населения оказалась не готова решительно противостоять врагу. Тем более что в первое время военные действия разворачивались на тех территориях, которые уже находились под германской оккупацией в 1915–1918 гг. и где хорошо помнили "культурного немца", быстро восстановившего элементарный порядок быта, весьма выгодно отличавшегося от позднейшего советского. О том, что теперь войной на СССР идет совершенно "другой немец", подозревали очень немногие. Следствием тайных надежд на освобождение от большевистского режима с помощью немцев, о которых господствовали несообразные представления в первый период войны, были и огромные безвозвратные потери Красной армии пленными и дезертирами, так и весьма широкая готовность гражданского населения к сотрудничеству с врагом.

Дезертировали целые части. Типичную картину рисует в докладе Ставке 17 июля 1941 г. начальник Управления политпропаганды Юго-Западного фронта А. И. Михайлов: "...в частях фронта было много случаев панического бегства с поля боя отдельных военнослужащих, групп, подразделений. Паника нередко переносилась шкур-

никами и трусами в другие части, дезориентируя вышестоящие штабы о действительном положении вещей на фронте, о боевом и численном составе и о своих потерях. Исключительно велико число дезертиров. Только в одном 6-м стрелковом корпусе за первые 10 дней войны задержано дезертиров и возвращено на фронт 5000 человек... По неполным данным, заградотрядами задержано за период войны около 54 000 человек, потерявших свои части и отставших от них, в том числе 1300 человек начсостава...” Схожая картина наблюдалось и на других фронтах.

Всего же до конца 1941 г., по подсчетам современных историков, в немецкий плен сдалось 3,8 млн бойцов и командиров Красной армии (в том числе 63 генерала), 1,5 млн дезертировали (подсчет произведен Марком Солониным на основании официальной статистики Генштаба, представленной в сводном отчете “Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил” под редакцией генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева). Именно эти “безвозвратные потери” были в 1941 г. самыми многочисленными. Санитарные потери — больные и раненые, которые хотя бы теоретически могли вернуться в строй, — составляли в этот период 22%. В мотивированной и дееспособной армии по мировому опыту войн XX столетия нормой считаются санитарные потери порядка 75%. Но к этой норме Красная армия приблизится лишь к концу 1942 г. (всего же за год они составляли 67,25%, а затем до конца войны колебались в диапазоне 75–79%).

Летом 1941 г. многие советские граждане ощущали себя перед тяжким выбором: бороться с немцем, защищая не только родину, но и ненавистную власть, или попытаться вместе с немцем скинуть большевистский режим. Крайние позиции твердо и сразу заняли лишь незначительные меньшинства. Дезориентированное большинство колебалось, ставя себе единственную цель — выжить.

Об удельном весе решительных сторонников той и другой позиции дает некоторое, хотя и очень приблизительное представление соотношение численности советских партизан и коллаборационистов, действовавших на стороне Германии с оружием в руках. Общая статистика по всей стране до сих пор неизвестна, но подсчитанные результаты по Ленинградской области (включавшей тогда и нынешнюю Новгородскую), видимо, типичны для великорусских областей. В партизанском движении на этой территории участвовало 2,5 тыс. человек, а после ее освобождения было репрессировано НКВД как активные пособники гитлеровцев 3 тыс.

Несмотря на усиленные призывы, в том числе в речах самого Иосифа Сталина, “создавать партизанские отряды, конные и пешие”,

по заключению безусловно заслуживающего в этом случае доверия историка, а во время войны партизана-диверсанта И. Г. Старинова, "именно органы и войска НКВД сыграли ведущую роль в развертывании партизанского движения, создании отрядов и диверсионных групп на первом этапе, т. е. до мая 1942 г." Большинство партизанских отрядов, созданных в Белоруссии к сентябрю 1941 г., "полностью формировались из сотрудников НКВД и милиции, без привлечения местных жителей, связь с партийно-советским активом не была установлена... в дальнейшем, в процессе создания обкомами партии партизанских отрядов из числа местного партийно-советского актива, их руководящее ядро по-прежнему составляли оперативные сотрудники НКВД... В конце 1941-го и в начале 1942 г. продолжалось создание и заброска партизанских формирований... основой для формирования партизанских отрядов по-прежнему являлись бойцы истребительных батальонов, оперативные работники НКВД и милиции, агентура органов госбезопасности... Совершенно четко была определена подчиненность: органы НКВД ведали организацией и руководили деятельностью партизанских отрядов, лишь информируя о состоянии этой работы первого секретаря обкома... Общая картина такова. На февраль 1942 г. органы НКВД совместно с партийными органами подготовили и перебросили в тыл врага 1798 партизанских отрядов и 1533 диверсионных группы, общей численностью 77 939 человек. Если исходить из того, что в 1941 г. общее число партизан на оккупированной территории составило около 90 тыс. человек, а число партизанских отрядов — 2 тысячи, то получается, что 90% было подготовлено органами НКВД. Они же и руководили ими". Причем успех этих партизанских отрядов был невелик, а жизнь непродолжительной: "УНКВД по Ленинградской области направило в тыл противника 287 отрядов общей численностью 11 733 человека. К 7 февраля 1942 г. из них осталось всего 60 отрядов численностью 1965 человек, т. е. около 17%... На Украине органы госбезопасности оставили в тылу врага и перебросили туда 778 партизанских отрядов и 622 диверсионные группы общей численностью 28 753 человек. Однако по состоянию на 25 августа 1942 г. ...действующими значились только 22 отряда, насчитывающие 3310 человек. Следовательно, за 12 месяцев войны уцелели менее 3% партизанских отрядов и групп из числа заброшенных в тыл врага в 1941 году... не лучше обстояло дело в Белоруссии... К январю 1942 г. из 437 групп и отрядов, которые были заброшены в тыл противника, прекратили свое существование 412, или 95%... В первую же военную зиму почти все крупные формирования, насчитывающие несколько сотен человек, были уничтожены либо распались на отдельные группы... К середи-

не 1942 г. численность партизан составляла 65 тысяч человек...” 30 мая 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко. Но только в конце 1942 г. партизанское движение стало действительно массовым (к 1944 г. в Белоруссии советских партизан было около 370 тыс., на Украине — около 220 тыс.).

Антибольшевистские силы, напротив, организуются самостоятельно и нередко даже встречают препятствия со стороны немцев. В первые же месяцы войны во всех оккупированных районах СССР начинают создаваться разнообразные “службы порядка”, в литературе получившие собирательное называние “полицаи”, которым лишь позднее оккупационные власти придали некоторое единообразие. Первоначально же они создавались преимущественно крестьянами как отряды самообороны от банд вооруженных дезертиров. Неоднократно повторявшиеся директивы Ставки верховного главнокомандования о превращении всей оккупированной немцами территории в выжженную пустыню весьма способствовали росту численности этих отрядов, достигшей к концу 1942-го 80 тыс. человек. В одной только Белоруссии к исходу 1941 г. в составе “корпуса белорусской самообороны” числилось 20 тыс. человек. На Украине к лету 1942 г. более 150 тыс. человек состояли в отрядах местной “украинской национальной самообороны”, не считая прямо сформированных немцами 70 полицейских батальонов общей численностью 35 тыс. человек, выполнявших преимущественно карательные функции.

Уже осенью 1941 г., несмотря на препоны, которые чинились политическими властями, продолжавшими проводить “расовые” ограничения, более прагматичное командование вермахта приступило к формированию “национальных” частей, укомплектованных советскими гражданами. Всего в этот период было создано 90 “восточных” батальонов: 26 “туркестанских”, 13 “азербайджанских”, 9 “крымско-татарских”, 7 “волго-уральских” и т. д. Казакам, признававшимся “арийцами”, потомками древних готов, было позволено формировать собственные части в апреле 1942 г.

Разрешение на формирование собственно “русских” боевых соединений последует только в самом конце войны, после учреждения 14 ноября 1944 г. в Праге Комитета освобождения народов России во главе с генералом Андреем Власовым. Но это не мешало вермахту массово использовать добровольцев из бывших советских граждан в качестве так называемых “добровольных помощников” (“хиви” — от нем. *Hilfswillige*). В первые месяцы войны желающих было немало. По воспо-

минаниям очевидца, описывавшего ситуацию в районе Полоцка, осенью 1941 г. "все ждали с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию… сотни заявлений о приеме добровольцев посылались в ортскомендатуру, которая не успела даже хорошенько осмотреться на месте..." Первоначально "хиви" занимали подсобные должности — водителей, кладовщиков, санитаров, грузчиков… К апрелю 1942-го в германской армии числилось 200 тыс. "хиви". С лета 1942 г., "русских" добровольцев начали вооружать, преимущественно в тех соединениях вермахта, которые действовали на Украине, а также на Дону и Кубани. В окруженной под Сталинградом 6-й армии к ноябрю 1942 г. было 51800 "хиви", а в трех пехотных дивизиях этой армии "русские" составляли до 40% личного состава (впервые эти данные опубликовал западногерманский историк Манфред Кериг: *Kehrig M.* Stalingrad. Analys und Dokumentation einer Schlacht. Deutscheverlags-Austalt, Stuttgart, 1974).

Таково было поведение активного меньшинства. Но окончательно склонить чашу весов в тотальной войне могло только "молчаливое большинство". В начале войны оно пребывало в нерешительности, и эта неопределенность стала главной причиной тревоги советского руководства, порой больше походившей на панику. В середине сентября 1941 г. Иосиф Сталин в телеграмме даже просил Уинстона Черчилля "высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР", подчеркивая, что без решительной помощи союзников "Советский Союз либо потерпит поражение, либо… потеряет надолго способность к активным действиям на фронте борьбы с гитлеризмом…". Радикально изменились настроения "молчаливого большинства" под влиянием практического столкновения с чудовищным "новым порядком", который устанавливал оккупационный режим. Процесс этот занял довольно значительное время, но уверенно можно утверждать, что к осени 1942-го "молчаливое большинство" советских граждан решительно встало на сторону Красной армии, положив начало формированию нового советского народа — победителя в войне, которая с этого времени действительно приобрела характер отечественной.

Опыты народной войны

Состав "советского народа", вышедшего победителем из войны, решительно изменился в сравнении с предвоенным. Активные антисоветские силы по большей части были истреблены, а оставшиеся — стигма-

тизированы уже не как сомнительные "враги народа", но несомненные "изменники родины". Сталинская номенклатура утвердилась в представлении о прочности безупречного советского строя, но подавляющее большинство рассчитывало на мирную трансформацию режима.

Самую решительную и энергичную, хотя и не самую многочисленную новую социальную группу, изменившую характер целого, составляли *фронтовики*. В результате демобилизации, завершившейся к концу 1948 г., из армии вернулось 8,5 млн человек. Иосиф Бродский, писавший о фронтовиках, что они "в пехотном строю смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою", пожертвовал исторической точностью ради поэтической убедительности. Страшный и горький опыт войны способствовал внутреннему освобождению бойца, укреплению его человеческого достоинства. Вернувшиеся с победой фронтовики разительно отличались от довоенных "армейцев".

Репрессии командного состава РККА, достигшие пика в 1938–1940 гг., были завершающей фазой создания армии, беспрекословно подчиненной политическому руководству, армии, построенной по образу казармы, на принципе нерассуждающего повиновения приказам вышестоящего начальства и хамского помыкания нижестоящими. На протяжении этой кампании, совпавшей по времени с началом коллективизации (1929), сводки Главного политического управления РККА фиксировали постоянное падение воинской дисциплины. Причем менялся характер проступков: если в 1927–1929 гг. большую часть дисциплинарных нарушений составляли отказы от исполнения приказа, коллективные заявления и коллективные голодовки, то к 1939-му безусловно лидировали пьянство и рукоприкладство. Рост числа самоубийств среди курсантов и младшего командного состава приобрел эпидемический характер (1171 случай в 1939-м против 118 в 1931-м). Специальная комиссия, созданная для исследования причин этого явления, констатировала, что в числе главных причин сведения молодыми командирами счета с жизнью лидируют "боязнь ответственности" и "нечуткое и незаконное поведение командиров".

Неудивительно, что армия казарменного типа не выдержала столкновения с противником в высокоманевренной войне, требующей сознательности, ответственности и инициативы каждого. Собственно говоря, эта армия потерпела сокрушительное поражение и была уничтожена к концу 1941 г. Но уже осенью, не останавливая репрессивных карательных мер (вроде знаменитого приказа № 270 от 16 августа 1941 г., которым объявлялось, что семьи командиров и политработников, сдающихся в плен, дезертирующих в тыл, срывающих знаки различия, подлежат аресту, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев

лишаются государственного пособия), командование предприняло шаги, позволившие изменить неформальные отношения в войсках. Тогда же, в августе, директивой Ставки было дано разрешение назначать на командные должности рядовых, если они проявили стойкость и инициативность. 4 октября 1941 г. политическим и надзирательным органам в армии приказом "О фактах подмены воспитательной работы репрессиями" была дана ясная директива умерить служебное рвение не по разуму. Для того чтобы остановить, а затем и обратить вспять отлично вооруженную и искусно управляемую вражескую армию, оказалось недостаточно политруков, воспитывающих в бойцах "беспредельную преданность большевистской партии и Советскому правительству", и заградотрядов. Как всегда, на войне оказались востребованы такие качества человеческой личности, которые доставляют неудобство тоталитарным режимам в мирные эпохи, — самостоятельность, инициативность, способность к риску и самопожертвованию ради товарищей.

Парадоксальным образом в условиях, когда в глазах командования жизнь солдата не стоила и ломаного гроша, ценность человеческой личности, значение ее качеств в товарищеской среде поднялись невероятно высоко, несопоставимо с мирным временем. "Человек с ружьем" ощущал свою уникальность, он переставал быть простым "винтиком". Эту метаморфозу хорошо сформулировал писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев устами героя рассказа "Знаменательная дата": "На войне я был до необходимости необходимым. И не всяким меня заменить можно было. Вот предположим, что вместо меня на том левом фланге с тем же ручником другой солдат. И уже уверенности нет, что он немца задержит — и глаз другой, и смекалка, и характер послабже, может… Там такое чувство было, словно ты один в своих руках судьбу России держишь".

Фронтовики переставали бояться не только физической смерти, но и прежде устрашающих своей непогрешимостью "органов". Это касалось даже тех, в ком до войны жила простодушная вера "невиновных у нас не сажают". Они доказали свою верность Родине кровью, и, когда сталинский репрессивный аппарат выхватывал из их рядов брата-фронтовика, это вызывало негодование. Да и выхватывали по большей части "за разговоры". Армейская контрразведка (особые отделы НКВД, с 19 апреля 1943 г. — Главное управление контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны, подчинявшееся лично Сталину) с июня 1941 по 10 мая 1946 г. арестовала 699 741 человека, из которых 70 тыс. были расстреляны. Но только 43 505 человек были арестованы по обвинению в шпионаже. Главным направлением деятельности СМЕРШа

был именно политический сыск в армии и среди "окружающего населения", репрессии за пресловутую "антисоветчину". При этом "органы" разрушали товарищеское доверие в войсках, выстраивая собственную сеть осведомителей и доносчиков, пользовавшихся заслуженной ненавистью сослуживцев.

Поэт Давид Самойлов, начавший свою войну в 1942 г. на страшном Волховском фронте под Тихвином, свидетельствовал: "Портила качество человеческих отношений на фронте, а может быть, вообще снижала высокое самоощущение нации — сталинская бацилла недоверия и взаимной слежки, распространившаяся и на фронт". И тем не менее разговоры на фронте были весьма откровенными, невзирая на разнообразных "осведомителей".

"Как очевидец и как историк свидетельствую, — писал Михаил Гефтер, ушедший на фронт добровольцем, едва окончив истфак МГУ, — 41-й, 42-й множеством ситуаций и человеческих решений являли собой стихийную десталинизацию", "в тяжких испытаниях войны возродился — вместе с чувством личной ответственности за судьбы отечества — и личный взгляд, вернее, зародыш личного взгляда на то, каким ему, отечеству, надлежит стать уже сейчас и тем паче в будущем".

Формирование нового взгляда ускорялось под влиянием прежде недоступной информации. Война тесно сводила людей, не имевших шансов сдружиться в мирной жизни. Плечом к плечу оказывались крестьяне и инженеры, недоучившиеся студенты и недавние заключенные. Для многих горожан открытием стали обычные рассказы об ужасах коллективизации и о том, что деревня живет впроголодь. 12 июля и 24 ноября 1941 г. указами Президиума Верховного Совета СССР было освобождено из мест заключения свыше 600 тыс. человек, из которых 175 тыс. немедленно попали в действующую армию, именно с этого момента стали широко распространяться сведения об устройстве и населении ГУЛАГа.

Процесс "стихийной десталинизации" не коснулся, однако, самого Сталина. Критика, как правило, не касалась никого выше фронтового начальства и в исключительных случаях переходила от персональных оценок к политическим обобщениям. Тем не менее фронтовой опыт стимулировал в людях способность вариативно мыслить, критически оценивать ситуацию и не принимать наличное положение дел за единственно возможную реальность. С войны пришел человек, обладающий опытом сравнения родных порядков и быта с европейскими (за рубежами СССР побывало 7 млн солдат и офицеров). "Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, был нравственным и психологиче-

ским ударом", — вспоминал Константин Симонов. Особенно врезались в память солдат повсеместно железные крыши крестьянских домов и брошенные во дворах велосипеды (в СССР того времени — такой же символ материального преуспеяния, как позднее личный автомобиль). Психологический шок неизбежно преобразовывался в новый образ реальности, в основе которого уже не лежали идеологические клише. Эта реальность дает разные варианты развития ситуации, которая становится в какой-то степени зависимой от индивидуального выбора. И дух свободы, рожденный войной, не мог раствориться в восстановлении довоенного порядка бесследно.

Особый опыт вынесли из войны *советские граждане, оказавшиеся в оккупации*. Точное их число неизвестно. До войны на территориях, занимавшихся немецкими войсками на сколько-нибудь продолжительное время, проживало около 80 млн человек. Плановым порядком под руководством созданного 24 июня 1941 г. Совета по эвакуации при СНК СССР в 1941–1942 гг. было эвакуировано около 17 млн (какая доля из оккупированных позднее районов, неизвестно). Однако данные эти далеко не полны, поскольку в первые недели войны значительная часть номенклатурных работников, особенно связанных с организацией террора в 1930–1940 гг., на собственный страх и риск бежали с домочадцами и скарбом из прифронтовой полосы. Начальник Управления политпропаганды Юго-Западного фронта бригадный комиссар А. И. Михайлов подробнейшим образом докладывал об этом в Москву начальнику Главного политуправления Льву Мехлису. 6 июля 1941 г.: "...в отдельных районах партийные и советские организации проявляют исключительную растерянность и панику. Отдельные руководители районов уехали вместе со своими семьями задолго до эвакуации районов. Руководящие работники Гродненского, Новоград-Волынского, Коростенского, Тернопольского районов в панике бежали задолго до отхода наших частей, причем вместо того чтобы вывезти государственные материальные ценности, вывозили имеющимся в их распоряжении транспортом личные вещи. В Коростенском районе оставлен архив райкома КП(б) и разные дела районных организаций в незакрытых комнатах". 11 июля 1941 г.: "Следует отметить, что ряд работников партийных и советских организаций оставили районы на произвол судьбы, бегут вместе с населением, сея панику. Секретарь РК КП(б)У и Председатель РКК Хмельницкого района 8.7 покинули район и бежали. 5 июля районные руководители Янушпольского района также в панике бежали. 7 июля секретарь Улановского РК КП(б)У, председатель РИКа, прокурор, начальник милиции позорно бежали из района. Госбанк покинут на произвол

судьбы. В райотделе связи остались ценности, денежные переводы, посылки и т. п. В этом районе отдел милиции бросил без охраны около 100 винтовок...” Исследователи оценивают число советских граждан, оставшихся на оккупированных территориях, приблизительно в 70 млн человек.

При описании ужасов немецкой оккупации советская популярная литература неизменно ссылалась на Генеральный план “Ост”, разрабатывавшийся в 1940–1941 гг. ведомством рейхскомиссара по вопросам консолидации германского народа Генриха Гиммлера. План этот, так никогда и не приобретший окончательную форму, предусматривал во всех своих вариантах частичное уничтожение (“расово неполноценных” славян, евреев, цыган и проч.), а по большей части вытеснение коренного населения европейской территории СССР в Западную Сибирь. Остаться на месте должно было не более 15 млн местных жителей, пригодных для дальнейшего онемечивания, им отводилась роль дешевой рабочей силы для обслуживания нужд рейха и германских колонистов.

Однако редко говорится о том, что этот план был совершенно неизвестен даже высшим офицерам вермахта, мало сведущим в “расовой теории” и, как правило, этими идеями брезговавшим. Например, фельдмаршал Мориц фон Бок летом 1941 г. во время продолжительной беседы в главном штабе группы армий “Центр” с министром по делам оккупированных восточных территорий Альфредом Розенбергом впервые был ознакомлен с основными принципами переустройства СССР по плану “Ост”. По свидетельству адъютанта, он “усомнился в психическом состоянии” своего гостя и его начальства, о чем и заявил ему в глаза с солдатской прямотой.

В результате режим на оккупированных территориях существенно различался в зависимости от того, находились ли они в 200-километровой прифронтовой полосе (здесь гражданская администрация подчинялась командованию вермахта) или включались в состав тыловых комиссариатов в ведомстве Розенберга. По большей части немецкая администрация в полосе ответственности вермахта не стремилась обострять отношения с местным населением и предпочитала выставлять в качестве руководства к действию публично и громогласно провозглашенные цели войны — “крестового похода Европы против большевизма”.

Значительная часть населения, оставшегося на оккупированных территориях, причем не только недавно аннексированных СССР, имея весьма смутное представление о германских планах, поначалу встречала немецкие войска как освободителей от коммунистического гнета.

Типичную картину рисовал руководитель подпольного "Комитета содействия Красной Армии" в Могилеве Казимир Мэттэ в докладе Центральному штабу партизанского движения от 19 апреля 1943 г.: "Количество населения в городе уменьшилось до 47 тыс. (до войны было более 100 тыс.). Значительная часть советски настроенного населения ушла с Красной Армией или же вынуждена была молчать и маскироваться. Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие "бывшие люди" и т. д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В этом числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности много учителей, врачей, бухгалтеров, инженеров и др. Очень многие молодые женщины и девушки начали усиленно знакомиться с немецкими офицерами и солдатами, приглашать их на свои квартиры, гулять с ними и т. д. Казалось както странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения. Немцы сразу после прихода в город, кроме усиленной антисоветской агитации, провели широкую вербовку в тайную агентуру, особенно молодых девушек и женщин, в том числе бывших комсомолок... Говоря о молодежи, нужно отметить, что очень резко бросалось в глаза отсутствие у значительной ее части патриотизма, коммунистического мировоззрения... Такое поведение, по-моему, явилось результатом слабого воспитания в советском духе в семье, школе и комсомоле". Дело, разумеется, было не в "слабом воспитании", а в расчете на радикальную перемену участи. Внимательный наблюдатель Павел Ильинский в написанных в 1950-е в США мемуарах так передает настроение крестьян в окрестностях Полоцка: "Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым. Ближайшее будущее никто иначе просто не мог себе представить. Все ждали также с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию… Только теперь... зная досконально чудовищные идеологические основы Третьего рейха, мы можем понять, в какое бешенство должна была приводить столпов национал-социализма наша претензия на участие в вооруженной борьбе против большевиков. Ни о русских формированиях, ни о мобилизации, ни о приеме добровольцев не могло быть тогда, конечно, и речи! Протянутая рука была отвергнута и осталась беспомощно висеть в воздухе".

Но в зоне ответственности немецкого армейского командования были возможны случаи локального самоуправления. В этом смысле

уникальной по масштабам была “Локотская республика”, созданная с благословения командующего 2-й танковой группой генерал-полковника Рудольфа Шмидта, в декабре 1941 г. сменившего на этом посту Гейнца Гудериана. К лету 1942 г. в состав Локотского округа самоуправления входило восемь районов Брянской и Орловской областей с населением более полумиллиона человек. Немецкие войска с территории округа были выведены. Здесь действовало собственное правительство во главе с обербургомистром Константином Воскобойником (после его гибели в январе 1942-го во главе округа встал Бронислав Каминский), имелась правящая “Народная социалистическая партия России” (совершенно черносотенная), “государственный банк” и театр. Был собственный суд, однажды приговоривший к смертной казни двух немецких военнослужащих, уличенных в убийстве и грабеже (казнь была приведена в исполнение публично на главной площади Локтя). В округе функционировало 9 больниц и 37 сельских медпунктов, работало 345 школ, были открыты детские дома для сирот и дом престарелых, издавалась газета “Голос народа” (отчетливо антисемитская). Для обороны от диверсантов НКВД из народной милиции округа была образована “Русская освободительная народная армия”, включавшая к весне 1943 г. пять стрелковых полков, зенитный и автобронетанковый батальоны (укомплектованные танками, брошенными при отступлении Красной армией). В конце августа 1943 г. ввиду приближения Красной армии эта “армия Каминского” бежала вслед за уходящими войсками вермахта и принимала участие в подавлении Варшавского восстания.

На Украине прогерманские настроения были еще сильнее, чем в России и Белоруссии, но и там немцы не попытались создать союзную им украинскую армию и национальное правительство. На подобные предложения офицеров вермахта Гитлер отвечал: “Вы в этом ничего не понимаете. Россия — это наша Африка, русские — это наши негры”. Между тем предложения создать прогерманское правительство России выдвигались и русскими, причем задолго до появления в немецком плену генерала Андрея Власова. 12 декабря 1941 г. плененный под Вязьмой генерал-лейтенант Михаил Лукин (в плен он попал тяжелораненым, в бессознательном состоянии, немецкие врачи ампутировали ему ногу; протокол его допроса был опубликован только в 1994-м) на допросе заявил: “Если у крестьянина сегодня нет никакой собственности и он в лучшем случае (в Сибири) получает 4 кг хлеба на трудодень, если средний рабочий зарабатывает 300–500 рублей в месяц (и ничего не может купить на эти деньги), если в стране царят нужда и террор и жизнь тускла и безрадостна, то понятно, что эти люди

должны с благодарностью приветствовать освобождение от большевистского ига. Хорошо живется только высшим советским функционерам... и евреям. Несмотря на это, я не верю ни в организованное, ни в стихийное восстание на русской стороне, уж очень обескровлен народ. Все, что в течение двух десятилетий поднималось против красных властителей, уничтожено, сослано либо умерло... Поэтому толчок должен произойти исключительно извне, т. е. вы силой должны опрокинуть организованную власть, не рассчитывая при этом на какую бы то ни было поддержку со стороны русского руководства или русского народа, как бы сильна ни была его ненависть к большевизму… Если вы сформируете русское правительство, вы тем самым вызовете к жизни новую идею, которая будет работать сама на себя. Народ окажется перед лицом необычной ситуации: есть, значит, русское правительство, которое против Сталина, а Россия все еще жива; борьба направлена только против ненавистной большевистской системы; русские встали на сторону так называемого врага — значит, перейти к ним — не измена родине, а только отход от системы. Тут возникают новые надежды!"

Такие надежды у многих действительно возникали, особенно ввиду допущения в городах мелкого частного предпринимательства, напоминающего времена нэпа. Этот дух хорошо передают воспоминания Елены Скрябиной, эвакуированной из блокадного Ленинграда в Пятигорск незадолго до прихода туда немцев: "Большая часть населения Пятигорска "приняла" немецкую оккупацию. Произошло это в основном потому, что немцы предоставили полную свободу частному предпринимательству. Процветают не только частные предприятия, но даже и отдельные коммерсанты: они пекут пирожки и продают их на рынках, предлагают свою продукцию в рестораны и кафе, работают в тех же ресторанах официантами и поварами, торгуют квасом и минеральной водой. Знающие немецкий язык работают в немецких учреждениях переводчиками и курьерами, за что в дополнение к зарплате получают еще и продовольственные пайки. В церквах идут службы, венчания, крещения. Приводятся в порядок церкви и цветники. Открыты театры. Они всегда переполнены, и билеты нужно заказывать за несколько дней до спектакля".

Но к концу 1942 г. надежды рухнули окончательно. Прежде всего, как свидетельствует Мэттэ, "зверское обращение с русскими военнопленными и массовая их гибель в лагерях... вызвали большое озлобление против немцев и среди значительной обывательской части".

Не оправдались и надежды на возвращение свободы крестьянского труда и прав собственности. Закон о новом порядке землепользования был объявлен только 16 февраля 1942 г. Формально колхозы упраздня-

лись, но от этого крестьянину легче не становилось. Вся земля поступала в ведение германского сельскохозяйственного управления и должна была обрабатываться крестьянскими общинами под руководством управляющих. В общинах устанавливалась круговая порука в несении денежных и натуральных податей. Переход к подворным личным хозяйствам разрешался лишь в тех общинах, которые не имели недоимок по натуральным поставкам. Крестьяне обязаны были ежегодно сдавать 90 кг зерна с 1 гектара пахотной земли (примерно пятая часть тогдашнего урожая), 4 кг куриного мяса, 100 яиц и 360 литров молока со двора. Выполнить эти, казалось бы, не очень тяжкие нормы было невозможно, поскольку немецкие управляющие часто привлекали крестьян с лошадьми на принудительные работы (ремонт дорог, гужевая повинность), не сообразуясь с хозяйственным циклом, а за невыполнение поставок и гужевой повинности грозили суровые репрессии.

Местное самоуправление и права частной собственности немцы восстанавливали только в регионах, присоединенных к СССР непосредственно перед войной. 14 июня 1942 г. Альфред Розенберг на пресс-конференции в Берлине так объяснял это различие: "Нет ничего удивительного в том, что германские власти принимают в Белоруссии и на Украине другие решения в вопросе восстановления хозяйства, чем те, которые приняты в Литве, Латвии и Эстонии. Дело в том, что в результате 23-летнего хозяйничанья большевики разрушили в Белоруссии и на Украине все основы цивилизации. Перед лицом далеко идущих аграрных реформ Советской власти для германских властей не представлялось возможным покончить с наследием большевизма одним росчерком пера. Что же касается Литвы, Латвии и Эстонии, то в этих странах жизнь строится на основе самоуправления. Что правильно для одних, то может оказаться в корне ошибочным для других".

В результате такой политики германских властей к зиме 1942 г. наметился радикальный перелом в настроениях жителей оккупированных советских территорий. Ширилось советское партизанское движение, начались массовые переходы "полицаев" в партизанские отряды. Только после сталинградского разгрома германская администрация сделала попытку повернуться лицом к тем, кто готов был сотрудничать с оккупантами. Теперь уже все народы, кроме евреев и цыган, признавались арийцами, и им разрешалось создавать свои национальные формирования в войсках СС, а также собственную вертикаль местного самоуправления вроде учрежденной 31 декабря 1943 г. в Минске "Белорусской рады". Однако время для такой игры было безвозвратно упущено — зверства СС и СД затмили и вытеснили из народной памяти прежние "подвиги" НКВД.

Однако опыт жизни в оккупации имел в сравнении с фронтовым важную особенность. Бывшие в оккупации приняли наибольшую долю тягот, но враг не был для них абстракцией. То есть "фашист вообще", разумеется, был преступником и исчадием ада. Но почти у всякого бывшего в оккупации в "частном" опыте был хотя бы один "свой" немец (итальянец, испанец…), оказавшийся при ближайшем знакомстве простым и даже добрым человеком. Поэтому бывшие под оккупацией в среднем оказывались менее податливы на обобщающие пропагандистские клише. Именно это имел в виду опытный пропагандист, редактор "Литературной газеты" Алексей Сурков, когда на пленуме ЦК ВЛКСМ в январе 1945 г. говорил: "Мы сейчас имеем дело с аудиторией молодой, которая не похожа на нашу довоенную аудиторию… Мы сейчас имеем миллионы молодежи, побывавшей от года до трех лет в немецкой оккупации. Это своеобразная молодежь… Среди этой молодежи у кого из-за духовной нестойкости, у кого из-за идейной бедности какая-то тлетворная капля фашистского яда проникла, и эти капли нужно выживать".

Свой особый опыт вынесли из войны *остарбайтеры* — советские граждане, вывезенные на работу в Германию. По данным Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, на 1 марта 1946 г. таких граждан числилось 5,3 млн. Две трети из них были вывезены с территории Украины, остальные из Белоруссии, РСФСР и Прибалтийских республик. Рекрутировалась преимущественно молодежь. Первоначально набирали добровольцев. Первый железнодорожный состав с Украины отправился 22 января 1942 г. и был переполнен из-за избытка желающих. Но уже скоро желающих не стало ввиду тревожных слухов о дурном обращении с украинскими работниками в Германии. В дальнейшем принудительная вербовка населения — мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет — возлагалась на Украине и в Белоруссии на немецкие комендатуры, а в Прибалтийских республиках — на местные комиссии. Советская пропаганда рисовала страшные картины издевательств и угнетения в "немецком рабстве". Иногда такие суждения немцам приходилось выслушивать и от собственных сотрудников, рассчитывавших на другое отношение. 27 февраля 1945 г. бывший киевский бургомистр Леонтий Форостовский на последнем пленарном заседание членов Комитета освобождения народов России, на котором председательствовал генерал Андрей Власов, жестко упрекал немецкого куратора организации оберфюрера СС Э. С. Крёгера: "Я сам лично послал в Германию 45 тысяч юношей и девушек — и почти половина из них ехала добровольно, — потому что я вам доверял и верил, что эти молодые люди помогут своим трудом

освободить нашу родину от большевизма. А что вы с ними сделали? Они стали бесправными рабами, и вы даже теперь не хотите облегчить их положение. Препятствуете нам на каждом шагу, когда мы хотим этим несчастным людям помочь. И это вы называете социализмом?" Немецкая пропаганда, напротив, расхваливала сытую и счастливую жизнь "восточных рабочих".

Очевидно, что подневольный труд неполноправного работника на чужбине не был сладок. Но он сильно отличался от практики ГУЛАГа. Близкое знакомство со славянскими "унтерменшами" решительно разрушало стереотипы простых немцев. 15 апреля 1943 г. начальник 3-го управления Главного управления имперской безопасности представил начальству сводный доклад "Представления населения о России: результаты использования в империи советских военнопленных и остарбайтеров". В докладе отмечалось, что немецкие работодатели потрясены производительностью и добросовестным отношением "русских" к работе, их технической осведомленностью, чистоплотностью, религиозностью. Особенно удивляла наблюдателей прочность в среде остарбайтеров семейных привязанностей (немцы под влиянием нацистской пропаганды были уверены, что институт семьи в СССР совершенно разрушен): "Остарбайтеры очень много пишут и получают много писем. Они проявляют много заботы о своих родных, особенно в периоды германского отступления. Они покупают много писчей бумаги и различных предметов для подарков… Русские часто фотографируются, чтобы послать снимки своим родным. Один русский сильно плакал из-за того, как он рассказывал, что его с женой направили сюда, а четверо их детей вынуждены были остаться дома..."

Несомненно, следствием такого знакомства было реальное смягчение отношений при жестких формальных рамках (остарбайтеры получали гораздо меньшую заработную плату, чем немецкие рабочие, были ограничены в выборе места жительства и свободе перемещения). И для многих неизбалованных советской жизнью людей такая "каторга" представлялась вполне сносной. Елена Скрябина так описывала в дневнике быт остарбайтеров в промежуточном лагере под Лодзью: "Все, что мы, советские, получаем здесь, кажется нам роскошью. На нас четверых и еще на одну семью, мать с сыном, выделили две большие комнаты с балконом. Еды вполне хватает: на каждого 300 граммов хлеба, три яблока, 50 граммов масла, 100 граммов колбасы, джем. На обед овощной суп. В магазинах можно купить бумагу, конверты, мыло. В овощных продают морковь и капусту. Все баснословно дешево. Как в сказке..." По прибытии в Германию ее впечатления не изменились: "Война изменила судьбы русской и украинской молодежи. В 16–17 лет

их оторвали от родины, забросили на чужбину, где на них смотрят через колючую проволоку, как на диких зверей в зоопарке или в цирке. Постепенно отношение к ним меняется. Девушки начали получать кое-что из вещей и теперь мало чем отличаются от немок. Остригли волосы, сделали модные прически, ходят в красивых платьях и туфлях на высоком каблуке. Стоптанных тапочек уже не увидишь. После рабочей смены и по воскресеньям они работают в немецких домах и плату берут не деньгами, а одеждой, которую наша портниха им перешивает. Гораздо труднее одеться юношам, но они достают поношенные пиджаки и несут их к той же Александре на переделку, а платят — продуктами, которые они получают от местных крестьян за свой тяжелый труд. Наши "остарбайтеры" завоевали хорошую репутацию как на фабрике, так и среди местного населения: работают быстро и хорошо... Во многих отношениях они превзошли рабочих других национальностей... Каждый немец стремится заполучить к себе в цех как можно больше русских..."

На родине возвращавшихся репатриантов ждал холодный прием (все они проходили через фильтрационные лагеря НКВД) и поражение в правах на местах прежнего жительства. Местные власти старались придерживать средства, специально выделяемые для помощи репатриантам ("давать-то им жалко — не стоят они этого"), органы ЗАГС не регистрировали детей репатрианток, рожденных вне родины ("они не наши дети"). "Прижим" этот, совершенно уже противозаконный, нередко мотивировался вполне откровенно: "Мы им тут контрреволюцию разводить не дадим", — поскольку рассказы возвращенцев о своем заграничном житье звучали, а нередко и юридически квалифицировались как "антисоветская агитация". Попасть под новые репрессии можно было, например, за констатацию: "В Германии мы жили в несколько раз лучше, чем здесь. Крестьяне живут в Германии хорошо, одеваются так же, как и в городе, разницы между городом и деревней нет" (Смоленская область) или "Германия и ее порядки произвели на нас очень хорошее впечатление. Дом самого обыкновенного крестьянина хорошо обустроен: электрическое освещение, отопление, красивая мебель. У нас такие дома редко встречаются, только у наиболее интеллигентных людей. Немцы слишком культурны. Работать у помещика было нетрудно, и питание было очень хорошее" (Калужская область).

Власти всячески пытались пресечь подобные разговоры, считая их "восхвалением западного образа жизни". Но совершенно остановить распространение такой информации не могли, поскольку ради этого пришлось бы репрессировать и побывавших за границей фронтови-

ков. Однако изолировать бывших пленных и остарбайтеров пытались. После войны все эти люди оказались носителями невидимого клейма "неполноценных" граждан. Клеймо помещалось в хранившихся у "кадровиков" анкетах, где после войны появился пункт о пребывании в плену или оккупации. У тех, кто там побывал, практически не имелось шансов на профессиональную карьеру или обучение в престижном вузе, а коммунисты, побывавшие на оккупированной территории во время войны, исключались из партии (они составили 29,2% "вычищенных" из ВКП(б) в 1945–1947 гг.).

Крушение надежд

При описании победного мая 1945 г. главное слово во всех тогдашних письмах и дневниках — "надежда". Надежда не просто на восстановление довоенной жизни, но на ее переустройство. Даже такие опытные царедворцы, как "красный граф" Алексей Толстой, были уверены, что "после мира будет нэп, ничем не похожий на прежний нэп… Будет открыта возможность личной инициативы, которая не станет в противоречие с основами нашего законодательства и строя, но будет дополнять и обогащать их. Будет длительная борьба между старыми формами бюрократического аппарата и новым государственным чиновником, выдвинутым самой жизнью. Победят последние. Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен. Расцветут ремесла и всевозможные артели, борющиеся за сбыт своей продукции. Резко повысится качество. Наш рубль станет международной валютой. … Китайская стена довоенной России рухнет". В немалой степени исполнение надежд, как писал фронтовик Виктор Некрасов, связывалось с тем, что Сталин "понял теперь всю силу народа, понял, что нельзя его больше обманывать".

Народ действительно довольно энергично выразил стремление к новой жизни. Началось движение за возвращение домой в среде эвакуированных и мобилизованных рабочих. Характерную картину рисует тревожный доклад Ростовского обкома ВКП(б): "Поступающие за последние дни мая месяца сигналы с отдельных предприятий оборонной промышленности свидетельствуют, что отдельные мобилизованные в период войны рабочие ошибочно считают свою работу на предприятиях, шахтах, стройках уже законченной, делают прогулы, настаивают на освобождении от работы, а некоторые встают на путь дезертирства". Рабочих уже не пугали суровые наказания за нарушение трудовой дисциплины, поскольку указ об амнистии в связи с победой

над Германией, опубликованный 7 июля 1945-го, был воспринят как предвестник близкой отмены репрессивных рабочих законов 1940 г.

Особенно тяжелы были условия жизни рабочих эвакуированных предприятий. Комиссия ЦК ВКП(б), изучившая в сентябре — октябре 1945 г. положение на ряде оборонных заводов, сделала, например, такое заключение по танковому заводу в городе Омске: "Проверкой установлено, что настойчивые требования рабочих возвращения на прежнее место жительства вызываются тяжелыми жилищными условиями, неудовлетворительным снабжением одеждой и обувью и продуктами питания... Дома и общежития совершенно не благоустроены и не приспособлены к зимним сибирским условиям… Рабочие и их семьи испытывают исключительно острую нужду в одежде, обуви и белье. За 1945 г. на одного работающего в среднем выдано готовых швейных изделий — 0,38 штуки и обуви — 0,7 штук. Некоторые рабочие обносились до того, что не могут показаться в общественном месте". Мириться с такими условиями жизни в мирное время рабочие были уже не готовы. Начались "волнения", особенно внушительные на заводах Урала и Сибири, где работали в основном эвакуированные.

Для крестьян надежды на перемены к лучшему связывались с изменением колхозной системы. Формальная "добровольность" колхозного хозяйства в годы войны окончательно улетучилась. Колхозы превратилась в зону тяжелого и почти не оплачиваемого подневольного труда. Колхозники, не выполнявшие новых, повышенных в 1942 г. "минимумов трудодней", приговаривались к исправительно-трудовым работам в тех же колхозах на срок до шести месяцев с удержанием четверти заработка в пользу колхоза. Заработок этот, впрочем, был в значительной степени формальностью — из-за принудительных хлебозаготовок во многих колхозах крестьяне за свой труд в общественном хозяйстве вообще ничего не получали. По подсчетам Елены Зубковой, "в целом по СССР в 1946 году 75,8% колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, а 7,7% — вообще не производили оплату зерном. В Российской Федерации колхозов, оставивших без хлеба своих колхозников было 13,2%, а в некоторых областях России, например Орловской, Курской, Тамбовской, колхозов, не выдавших колхозникам зерна по трудодням, было от 50 до 70%".

Выход из кризиса колхозной системы видели в роспуске колхозов не только крестьяне, но и многие вполне лояльные режиму функционеры. Повсеместно ходили слухи о грядущем роспуске колхозов. Но лишь в редких случаях колхозники не ограничивались разговорами, а переходили к демонстрациям. Работники нескольких колхозов Псковской области отказались подписать традиционное поздрави-

тельное письмо Сталину, мотивируя свой отказ тем, что "это письмо имеет скрытый смысл, так как товарищ Сталин просил народ оставить колхозы еще на семь лет, а местные руководители обязались не распускать колхозы и теперь собирают подписи колхозников. Если письмо будет подписано, то колхозы не распустят".

Мысль о том, что "теперь, когда мы победили, и война окончилась, по-видимому, колхозы будут распущены, так как они свою роль сыграли", высказывали и председатели колхозов. Как минимум они рассчитывали на сокращение бюрократического государственного произвола. Типичной можно считать позицию И. П. Иванова, председателя колхоза "Победитель": "Вот дали бы колхозу самостоятельно вести хозяйство, не вмешивались во внутреннюю их жизнь, не давали бы никаких планов, а обязали бы сдать государству необходимое количество продукции, и мы сдали бы ее. А как сдали бы — это наше дело. Мы стали бы обрабатывать земли меньше, но лучше — и тогда сами были бы с хлебом и город завалили бы продуктами". Некоторые радикальные колхозники и даже бригадиры шли дальше, призывали разрушать колхозы явочным порядком: "Лучше идите на свои огородные усадьбы, сажайте свои огородные культуры, остальные, на вас смотря, тоже бросят работу. А коммунисты ничего с нами сделать не смогут, распустят колхоз".

Судя по отчетам партийных органов, нередко инициаторами роспуска колхозов выступали фронтовики и репатрианты, побывавшие за границей: "… [они] видели там хуторскую систему, индивидуальное хозяйство, но не все оказались достаточно политически грамотными, чтобы разобраться и дать правильную оценку нашей действительности и действительности капиталистической. В результате они иногда ведут среди колхозников разговоры в нежелательном для нас направлении".

Одной из форм протеста был индивидуальный выход из колхоза. Решались на этот шаг, сопряженный с бременем чудовищных налогов на "единоличные хозяйства", немногие. Но число единоличников росло довольно заметно. Например, в Челябинской области число единоличных хозяйств с 1947-го по 1948-й увеличилось с 1078 до 1907 дворов.

Общей была и надежда на прекращение церковных гонений. В годы войны произошло весьма заметное оживление народной религиозности. Многие вновь находили в вере опору в жизни и утешение в горестях. Победа только усилила эти настроения. По сравнению с 1940-м число прихожан, церковных браков и крещений в 1946-м возросло на порядок. Властям пришлось шире раздавать разрешения на создание новых приходов. Уполномоченным Совета по делам рус-

ской православной церкви трудно было отказывать, поскольку нередко в роли ходатаев об открытии храмов выступали демобилизованные фронтовики, отличавшиеся, по свидетельству уполномоченных, "чрезмерной требовательностью". Не меньшую настойчивость проявляли женщины, объяснявшие необходимость храма тем, что они "потеряли на фронте своих детей, не знают, где и как они похоронены, и что в связи с этим им негде, кроме как в церкви, облегчить свое горе". В 1939 г. во всей России оставалось лишь около 100 соборных и приходских храмов русской православной церкви. В 1946-м их было уже 10 544, а в 1949-м — 14 477.

В городской образованной среде росло понимание того, что эти надежды несбыточны без общей демократизации политической системы. Особенно сильны были эти настроения в высшей школе, где даже создавались конспиративные студенческие политические кружки. Но о том же говорили, например, 28 декабря 1946 г. (разговор записали техники Министерства госбезопасности) боевые генералы Василий Гордов и Филипп Рыбальченко: "Нам нужно было иметь настоящую демократию". Многие ожидали перемен в избирательной системе советов. И выборы в Верховный Совет СССР, проведенные в феврале 1946 г. по довоенной схеме — участвовали только кандидаты от единственного избирательного "блока коммунистов и беспартийных", — вызвали многочисленные нарекания даже совершенно лояльных власти людей.

Слабость народного протеста в немалой степени объяснялась отсутствием объединяющей идеи. Между чувством неудовлетворенности строем и действием, направленным на изменение этого строя, большая дистанция. Необходима программа таких действий. Этого решающего звена решительно недоставало, что афористично сформулировал Вячеслав Кондратьев: "Мы многое не принимали в системе, но не могли даже представить какой-либо другой".

Люди устраивали быт и продолжали надеяться на власть. И эти надежды на обновление строя не были совсем беспочвенны. Повод питать такие надежды подал сам Иосиф Сталин, когда в своей первой военной речи не только употребил сугубо церковное обращение "братья и сестры", но и посулил, что "наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы". Изменение тона советской пропаганды, возвращение в патриотический пантеон исторических героев дореволюционной России и прекращение церковных гонений в 1943-м только укрепили эти надежды. Тесное взаимодействие СССР с западными союзниками и создание 26 июня 1945 г. Организации

Объединенных Наций, воспринимавшейся как механизм преодоления и разрешения потенциальных конфликтов мирным путем, действовали в том же направлении.

Более того, к концу войны на самых верхних ступенях советского руководства сложилась фракция, готовая к некоторой демократизации строя. Публичная политическая линия явно была результатом колебаний вследствие конкуренции внутрипартийных группировок. С одной стороны, власти всячески боролись с "антисоветскими" настроениями, вызванными "низкопоклонством перед Западом". С другой — в недрах системы готовились довольно существенные реформы.

К июлю 1946 г. специально созданной при Верховном Совете редакционной комиссией из ведущих правоведов был подготовлен обширный перечень изменений и дополнений Конституции СССР. Оставляя в неизменности главные черты советского строя, проект тем не менее укреплял реальные механизмы защиты гражданских прав. Предусматривалось усиление независимости прокуратуры, которая становилась единственным законным органом надзора за "точным исполнением законов не только министерствами СССР и подведомственными им учреждениями, но и всеми органами государственного управления СССР и местными органами государственной власти". Статья 128 Конституции СССР, трактующая о неприкосновенности жилища и тайне переписки, дополнялась важным указанием: "… обыск как личный, так и в жилища, выемка почтовой и телеграфной корреспонденции могут быть произведены не иначе, как по постановлению Суда или с санкции Прокурора". Из статьи 124, в которой гарантировалась свобода совести, должны были исчезнуть слова "и свобода антирелигиозной пропаганды".

15 июля 1947 г. решением Политбюро создается комиссия во главе с Андреем Ждановым для подготовки новой Программы ВКП(б). Новая программа провозглашала: "Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество". Замечательно, что образ этого коммунистического завтра был не слишком аскетичным. Выдвигалась задача "… обеспечить каждому трудящемуся отдельную благоустроенную комнату", а каждой семье "отдельную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам". Предполагалось даже наладить массовое производство автомобилей, "имея в виду предоставить каждому гражданину возможность пользоваться легковым автомобильным транспортом". Кроме того, предполагалось и некоторое расширение хозяйственных свобод для мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей.

Эволюция политической системы мыслилась как "развитие социалистической демократии на основе завершения построения бесклассового социалистического общества". Развитие это должно было сопровождаться "отмиранием принудительных форм диктатуры советского народа, заменой мер принуждения на воздействие общественного мнения, сужением политических функций государства, превращением его по преимуществу в орган управления хозяйственной жизнью общества". Сама организация власти должна была стать менее централизованной в результате предоставления больших прав региональным и местным советам.

Параллельно с разработкой новой программы партии и в связке с ней шла подготовка "Генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 годы", выполнение которого и должно было создать материально-экономическую базу "для вступления нашего общества в коммунизм". Эту работу лично курировал председатель Госплана СССР, блестящий ученый-экономист Николай Вознесенский, протеже и союзник Жданова. План содержал реалистичные механизмы роста выпуска продукции по всем основным позициям, причем впервые за все время планового хозяйства предполагался и значительный рост группы Б — производства продуктов потребления.

Однако в начале 1948 г. колебания завершились. Сталин окончательно выбрал жесткую политическую линию, предполагавшую прежние формы и методы управления, рассчитанные на экстремальные условия. Причин такого поворота было много. Но основными следует считать две. Во-первых, болезнь Андрея Жданова, который в конце 1947 г. отошел от дел, в результате чего верх над блоком "реформаторов" (Жданов, Кузнецов, Вознесенский) взяла группировка "устрожителей", возглавляемая Маленковым и Берией. Во-вторых, осложнение международного положения. Не всех восточноевропейских политиков устраивало давление советского руководства, настаивавшего на буквальном копировании советского опыта "социалистического строительства". Лидеры Чехословакии, Польши и Югославии, по крайней мере, хотели уклониться от коллективизации сельского хозяйства, указывая на своеобразие своих стран, их высокое экономическое развитие, превосходящее советские стартовые позиции 1917 г. Югославский лидер Иосип Тито оказался упорнее других и решился в феврале 1948-го на прямой разрыв с СССР. Сталин в условиях холодной войны не мог допустить дальнейшего ослабления "социалистического лагеря" и взял подобающий жесткий курс, внутренняя политика не могла ему не соответствовать.

Период сравнительно мягкой "профилактики" в отношении инакомыслящих под лозунгом "борьбы с низкопоклонством" сменился новой волной жестких репрессий, которым до 1953 г. подверглось око-

ло 600 тыс. человек. Общий идеологический "знаменатель" для удара по всем, кто хотя бы гипотетически мог способствовать аккумулированию народного военного опыта и выработке программы действий, нашелся не сразу. Крупные репрессивные удары поначалу наносились или вовсе без публичного обоснования, или под уникальными для каждого случая предлогами. Первыми под каток попали остатки старых оппозиционных идеологов. 26 октября 1948 г. была издана совместная директива Министерства государственной безопасности и Прокуратуры СССР, предписывающая повторно арестовывать отбывших сроки заключения троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, белоэмигрантов и националистов, даже при отсутствии новых данных об их "враждебной" деятельности. Дела "повторников" рассматривались Особым совещанием при МГБ, которое отправляло их в ссылку на поселение.

Второй крупнейший репрессивный удар был нанесен по "реформаторской" группировке внутри ВКП(б). В ходе "ленинградского дела" (1949–1952) Военной коллегией Верховного суда СССР и Особым совещанием при Министерстве госбезопасности были осуждены и приговорены к расстрелу или длительному тюремному заключению свыше 200 партийных и советских работников Ленинграда — сотрудники А. А. Жданова времен его работы в Ленинграде, в том числе председатель Совета министров РСФСР М. И. Родионов и председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский (заместитель председателя Ленгорисполкома в 1935–1938). Им инкриминировалось намерение создать "националистическую" российскую коммунистическую партию, отделив ее от ВКП(б), и перенести столицу РСФСР в Ленинград. Заодно была произведена атака на ленинградскую интеллигенцию, хранительницу подлинной и чрезвычайно неудобной для коммунистической власти памяти о блокаде (в частности, был ликвидирован народный Музей блокады Ленинграда, якобы недостаточно выпукло представивший в своей экспозиции ведущую роль партии). В связи с "ленинградским делом" были репрессированы и сотни коммунистов в Москве, Горьком, Мурманске, Рязани, Симферополе, Севастополе, Новгороде, Пскове, Таллине и других городах.

Аналогичные разгромы последовали в 1950–1952 гг. в Эстонии и Грузии ("мингрельское дело"). На этот раз в вину местным руководителям было поставлено то, что они "не ведут должной борьбы с буржуазным национализмом", проявляют "политическую неразборчивость" при выдвижении кадров, "допускают развитие антирусских настроений".

"Националисты" были, разумеется, естественным "врагом" режима, явно приобретавшим черты имперскости, но непригодным для фабри-

кации “заговора” в масштабах всей страны. Всеобъемлющее обозначение такого удобного врага вскоре было изобретено, и репрессивная кампания пошла под знаменем борьбы с “безродными космополитами”, под которыми в первую очередь подразумевались евреи. Выбор жертвы отлично соответствовал задачам кампании. Евреи были расселены по всей стране, их было немало в научной и культурной элите, многие из них занимали ответственные государственные посты. Кроме того, у советских евреев со времен войны была своя общественная организация — Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), которому была предназначена зловещая роль “националистического центра”, хотя занимался Комитет исключительно формированием позитивного образа СССР за рубежом.

Дополнительное “удобство” евреев в качестве врага-космополита заключалось в том, что они имели теперь собственное государство за пределами СССР, созданное в соответствии с резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины от 29 ноября 1947 г. Но атака на советских евреев началась даже до формального образования еврейского государства. Декларация независимости Израиля была провозглашена 14 мая 1948 г., а первый удар по Еврейскому антифашистскому комитету был нанесен 12 января, когда агентами Министерства государственной безопасности в Минске был убит глава Комитета Соломон Михоэлс. Тогда же начались первые аресты среди членов ЕАК. Следствие о “сионистском заговоре” тянулось несколько лет. Суд завершился в июле 1952 г. 13 из 15 обвиняемых были приговорены к расстрелу. Всего же в связи с “делом ЕАК” в течение 1948–1952 гг. было репрессировано (приговорено к расстрелу и разным срокам лишения свободы) 125 человек.

Однако вместе с завершением этой серии дел (всего таких процессов, связанных с процессом над членами ЕАК, было около 70) кампания по судебному преследованию “космополитов” не завершилась. Ее заключительным аккордом должно было стать стартовавшее 13 января 1953 г. “дело врачей”, якобы злоумышлявших против руководителей партии и страны. И только смерть Сталина позволила спустить на тормозах это дело, породившее настоящую панику, поскольку вслед за кремлевскими оказались под подозрением доведенного до психоза общества вообще все врачи. Как вспоминал позднее известный патологоанатом профессор Я. Л. Рапопорт, “в обывательской среде распространялись слухи один нелепее другого, включая “достоверные” сведения о том, что во многих родильных домах были умерщвлены новорожденные или что некий больной умер непосредственно после визита врача, тут же, естественно, арестованного и расстрелянного. Резко упало посещение поликлиник, пустовали аптеки…”

Манипулируя массовыми настроениями, власти смогли обеспечить "всенародное одобрение" карательной кампании. Подготовленное психологически таким образом общество легко признало "вредными" философские, биологические, экономические и социологические воззрения, отличающиеся от одобренных начальством.

Продолжилось и обычное закручивание гаек. Голод 1946–1947 гг. был приписан "саботажникам" из числа нерадивых крестьян, и 2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ "О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни", по которому без суда, распоряжением районного начальства, не только колхозника, но и единоличника можно было сослать в Сибирь. Всего за три месяца проведения в жизнь указа на "спецпоселение" отправилось 23 тыс. крестьян. С 1948 по 1950 г. в стране был закрыт 31 православный монастырь, и ни одно ходатайство верующих об открытии церкви не было удовлетворено после марта 1948 г. Проекты Конституции и партийной программы отправились в архив.

В этой атмосфере сгорел без видимого результата порыв к обновлению жизни, с которым советский народ вышел из войны. Сгорел, казалось, дотла и навсегда.

Могло бы дело пойти иначе, будь Жданов покрепче здоровьем, а Тито не так опасно для Кремля упорен в отстаивании югославской независимости. Но пройдет немного лет, и фронтовики наряду с новым поколением молодежи окажутся главной движущей силой реформаторской оттепели.

И только в эпоху нового "застоя" в конце 1970-х народная память о войне окажется забитой бурьяном бюрократической пропаганды до такой степени, что ее подлинными носителями вместо фронтовиков будут считаться ветераны СМЕРШ.

Подробнее на эту тему

1941 год — уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992.

Merridale, Caterine. *Ivan's war. Life and Death in the Red Army, 1939–1945*. NY, Metropolitan Books, 2006.

Александров К. М. *Армия генерала Власова. 1944–1945*. М.: Яуза: Эксмо, 2006.

Ермолов И. *Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944*. М.: Центрполиграф, 2010.

Зима В. Ф. *Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов*. М.: ИРИ РАН, 2000.

Зубкова Е. Ю. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953.* М.: РОССПЭН, 1999.
Ковалев Б.Н. *Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации*. М.: Молодая гвардия, 2011.
Ломагин Н. А. *Неизвестная блокада*. Кн. 1–2. СПб.: Нева; М.: ОЛМА, 2002.
Мельтюхов М. И. *Проблема соотношения сил сторон к 22 июня 1941 года* // Великая Отечественная катастрофа 3. М.: Эксмо: Яуза, 2007. С. 16, 39.
Полян П. М. *Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине.* М., РОССПЭН, 2002.
Россия и СССР в войнах XX *века. Потери вооруженных сил*. М.: ОЛМА-пресс, 2001.
Сенявская Е. С. *1941–1945. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование*. М., 1995.
Скрябина Е. А. *Страницы жизни*. М.: Прогресс-Академия, 1994.
Солонин М. С. *22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?* М.: Яуза: Эксмо, 2007.
Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. *Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры*. М.: РОССПЭН, 2011.

1957 Накануне коммунизма

18 июня 1957 г. на заседании Президиума Совета министров СССР обсуждался вопрос о поездке членов Президиума ЦК КПСС на празднование 250-летия Ленинграда (в 1953-м по случаю смерти Иосифа Сталина торжества не состоялись). Однако обсуждение тут же вышло за рамки конкретного вопроса по форме и по существу. По форме составлявшие значительную часть Президиума Совмина члены Президиума ЦК КПСС потребовали переквалифицировать собрание в созыв Президиума ЦК партии. По существу же члены Президиума обвинили первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева в просчетах в руководстве экономикой и недопустимом стиле руководства.

Большинство членов Президиума ЦК (председатель Совета министров Н. А. Булганин, председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, первые заместители председателя Совета министров В. М. Молотов, Л. М. Каганович, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров и заместитель председателя Г. М. Маленков) приняли решение о смещении Хрущева с занимаемого поста. По сложившейся традиции главу партии фактически назначал Президиум, и его предложение формально утверждалось Пленумом ЦК КПСС.

Для Хрущева ситуация стала критической. Но у него нашлась поддержка, и дискуссия была перенесена на пленум ЦК КПСС. Он и при-

нял решение, подводившее черту под очередным после смерти Сталина потрясением на советском политическом олимпе. В "Истории Коммунистической партии Советского Союза" — каноническом "кирпиче" периода "застоя" — оно представлялось победой здоровых демократических сил над ретроградами-сталинистами: "В то время как партия, претворяя в жизнь решения XX съезда, настойчиво добивалась успехов в развитии народного хозяйства, в подъеме жизненного уровня народа, против ее линии выступила образовавшаяся в Президиуме ЦК КПСС группа Молотова, Кагановича, Маленкова и других. Ее участники вели фракционную работу, противодействовали одобренному XX съездом КПСС курсу партии на исправление ошибок и недостатков, порожденных культом личности… Пленум Центрального Комитета КПСС, состоявшийся в июне 1957 г., в единодушно принятом постановлении "Об антипартийной группе" отметил, что антипартийная группа ставила своей задачей изменить политическую линию партии, сорвать осуществление решений XX съезда КПСС".

Однако так ли уж стремились члены так называемой антипартийной группы вернуться к недавнему и хорошо им памятному политическому режиму и тянули "ведущую и направляющую силу советского общества", а вместе с ней всех остальных назад?

1953–1957 годы: выбор пути

Парадоксально, но к моменту смерти "вождя всех времен и народов" в высшем советском руководстве, пожалуй, не было (за исключением разве что Молотова) убежденных последователей сталинского курса.

Лаврентий Берия первым стал разоблачать Сталина и организовал для членов ЦК прослушивание бесед вождя со следователями по "делу врачей". К.М.Симонов в мемуарах передал изумление тех, кто, как и он, впервые узнал, что руководителем таких "дел" был сам Сталин. Берия предложил "восстановить законность [о гарантиях прав личности граждан он заявил уже в речи на похоронах Сталина 9 марта]... и зря людей не посылать в лагеря". Подтверждением этих намерений стало прекращение "дела врачей" и "мингрельского дела" в Грузии, а также амнистия 1953 г., под которую попало более миллиона человек, осужденных на срок до пяти лет. Началась реабилитация арестованных после войны военных.

Министр внутренних дел Берия направил на имя Маленкова и Хрущева представление об амнистии всех репрессированных внесудебными органами ("тройками") и ограничении прав Особого совеща-

ния при министре с правом заключения на десять лет. На заседании Президиума ЦК Хрущев, Молотов и Каганович выступили против. Предложения по освобождению репрессированных были отклонены, но ГУЛАГ все же передавался из ведения МВД в Министерство юстиции. В МВД готовили проекты ликвидации системы принудительного труда ввиду "экономической неэффективности и бесперспективности" и предложения о пересмотре дел заключенных по "контрреволюционным преступлениям". В обвинительной речи на июльском Пленуме 1953 г. Г.М.Маленков заявлял, что Берия хотел восстановить отношения с Югославией и отказался от планов построения социализма в "братских" странах Восточной Европы. Таким образом, документы ведомства Берии свидетельствуют, что у него имелись реформаторские планы (насколько глубоки они были и какие цели ставили — тема отдельного разговора), но в июне того же года едва ли существовавший в природе "заговор Берии" был ликвидирован вместе с ним самим.

В условиях кризиса режима абсолютной власти, лишенного механизма ее легитимного наследования, любые корректировка курса и изменение властных полномочий сопровождались "разборками" в правящем кругу. С 1948 г. эта тенденция набирала силу и к 1953-му достигла апогея. Устранение Берии носило все черты "классических" дворцовых переворотов былого времени: заговор группы "вельмож" против наиболее сильной правящей фигуры, силовая акция по его "свержению", пропагандистское оформление переворота в виде соответствующих решений Пленума ЦК и, наконец, скорый и тайный суд-расправа.

Реформаторскую инициативу попытался перехватить Г.М.Маленков. Он считал необходимым отдать приоритет отраслям легкой и пищевой промышленности, принять меры поддержки деревни: снизить налоги, списать недоимки за прошлые годы, увеличить размеры приусадебных хозяйств колхозников, повысить заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию. Эти решения были приняты на сентябрьском пленуме ЦК 1953 г. В программной речи на сессии Верховного Совета СССР в марте 1954-го Маленков первым из советских лидеров заявил, что новая война "означает гибель мировой цивилизации".

Историкам еще предстоит выяснить, кто из двух лидеров был более активен. Тормозил "сталинист" Маленков реформаторскую активность Хрущева или, наоборот, намеревался в качестве "технократа" распускать колхозы и создавать фермерские хозяйства? Хрущев в начале 1950-х как раз занимал наиболее жесткую позицию в отношении деревни. Ему принадлежала инициатива закона 1948 г. о выселении из деревни "паразитических и преступных элементов" на срок

до восьми лет, он же организовал "почин" трудящихся Шполянского района Киевской области по выполнению трехлетнего плана развития животноводства 1949–1951 гг. за один год под девизом "Шполянцы подчиняют себе время".

Хрущев же успешно возглавил "борьбу с бюрократизмом" в 1954 г., когда ликвидировались сотни управлений, трестов и прочих контор. Это был публичный удар по авторитету председателя Совета министров Маленкова, затем обвиненного в отрыве от "живой работы с людьми" и "бумаготворчестве". Но партийный аппарат был взят Хрущевым под защиту: когда Маленков на совещании в ЦК резко отозвался о коррупции в номенклатурной среде, в гробовой тишине Хрущев подал встреченную дружными аплодисментами зала реплику из президиума: "Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат — это наша опора".

Хрущев "разоблачил" курс Маленкова на гармоничное развитие тяжелой и легкой промышленности и тут же выдвинул собственную инициативу освоения 13 млн гектаров целинных и залежных земель в Сибири и Казахстане. Первые советские телевизоры показали выступление Хрущева перед отправляющейся покорять целину молодежью: "вождь" предстал человеком, умеющим по-простому и даже доверительно общаться с народом, говорить без бумажки, даже улыбаться и шутить, как потом это станет делать Горбачев.

1955 г. начался со снятия январским Пленумом ЦК КПСС Георгия Маленкова с поста главы правительства, хотя два года назад такой же пленум под аплодисменты присутствовавших объявил его "преемником тов. Сталина", "естественным и законным кандидатом" на его место. Присутствовавший на пленуме А. Т. Твардовский поразился тому, "как в полчаса увял этот человек, исчезла вся его значительность, был просто толстый человек на трибуне под устремленными на него указательными пальцами у протянутых рук президиума, запинающийся, повторяющийся, "темнящий", растерянный, чуть ли не жалкий".

> Не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы местных советских органов, товарищ Маленков плохо организует работу Совета министров, не обеспечивает серьезной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям Совета министров. При рассмотрении многих острых вопросов товарищ Маленков проявлял нерешительность, не занимал определенной позиции… В своей деятельности на посту Председателя Совета министров СССР товарищ Маленков не проявил себя также достаточно политически зрелым и твердым большевистским руководителем. В этом отношении ха-

рактерна речь товарища Маленкова на пятой сессии Верховного Совета СССР. По своей направленности эта речь с большими экономическими, мало обоснованными обобщениями, напоминала скорее парламентскую декларацию, рассчитанную на соискание дешевой популярности, чем ответственное выступление главы Советского Правительства. В этой же речи товарищем Маленковым было допущено теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности…

Товарищ Маленков в своей речи на собрании избирателей 12 марта 1954 года допустил также теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности гибели мировой цивилизации в случае, если империалистами будет развязана третья мировая война… Война приведет не к гибели цивилизации, а к гибели капитализма, к расширению наших границ, к расширению и утверждению нашего учения, учения, созданного Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. А товарищ Маленков говорит "о гибели цивилизации"! Такой лозунг не мобилизует, а демобилизует людей, и полезен он нашим врагам", — так разъяснял Хрущев членам Верховного Совета СССР причины смещения Маленкова.

(А товарищ Маленков говорит о "гибели цивилизации": стенограмма заседания партийной группы Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. // Источник. 2003. № 6. С. 29–30)

Но вместо "оргвыводов" в виде — в лучшем случае — ссылки и публичного разоблачения с шельмованием соперник был отправлен зампредом в Совет министров, назначен министром электростанций и даже не выведен из президиума ЦК. Так входила в обычай новая бескровная техника ротации кадров. На место Маленкова была поставлена фигура галантного, но безынициативного "штатского маршала" Н. А. Булганина.

СССР энергично стремился преодолеть международную изоляцию. В ответ на вступление ФРГ в НАТО СССР, Албания, Болгария, Чехословакия, Восточная Германия, Венгрия, Польша и Румыния подписали Варшавский договор, предусматривавший образование единого военного командования со штабом в Москве и размещение советских войск на территории стран-участниц. Но одновременно был заключен договор о возвращении суверенитета Австрии. 3 июня 1955 г. начались трудные переговоры с Японией. Через год обе стороны провозгласили прекращение состояния войны и установили дипломати-

ческие отношения, правда, на радостях советский лидер пообещал ей уступить, но так и не уступил несколько Курильских островов, до сих пор остающихся камнем преткновения в отношениях двух стран.

В июле 1955 г., после десяти лет холодной войны, состоялась встреча в Женеве глав СССР (Никита Хрущев), США (Дуайт Эйзенхауэр), Великобритании (Энтони Иден) и Франции (Эдгар Фора). Это была первая, но не последняя в нашей истории попытка "разрядки международной напряженности": на совещании обсуждался главный в то время "германский вопрос", а также проблемы разоружения и расширения контактов между Западом и Востоком. Ни по одному из них достичь соглашения не удалось, но стороны все же были довольны: контакт состоялся, переговоры велись откровенно и доброжелательно, без взаимных угроз.

"Дух Женевы" вызвал немыслимое прежде появление в Москве западногерманского канцлера Конрада Аденауэра — главного "поджигателя войны" по советской терминологии. Результатом стало установление дипломатических отношений с ФРГ. СССР в одностороннем порядке сократил численность армии на 640 тыс. человек и отказался от военно-морской базы Порккала-Удд в 20 км от финской столицы Хельсинки. Корабли королевского британского флота пришли с визитом доброй воли в Ленинград, а советские — в Портсмут.

Были восстановлены разорванные при Сталине отношения с Югославией. Затем последовали соглашение о строительстве металлургического комбината в Индии, предложение Египту о 300-миллионном кредите для строительства Асуанской плотины, триумфальный визит Хрущева и Булганина в Индию, Бирму и Афганистан с заявлениями о поддержке национально-освободительных движений в колониях, договоры о торговле и экономическом сотрудничестве с Бирмой, Египтом, Ливаном, Афганистаном, Аргентиной, Уругваем, установление дипломатические отношения с Индонезией, Камбоджей, Лаосом.

Попутно решались внутрипартийные проблемы: бывший когда-то "вторым" человеком в партии Л. М. Каганович был отстранен от руководства планированием промышленности, а В. М. Молотов, вздумавший сопротивляться нормализации отношений с Югославией и Австрией, вынужден был признать свои ошибки и присутствовать на их обсуждении в парторганизации "собственного" Министерства иностранных дел.

Наконец, в том же году началась подготовка к очередному съезду КПСС. Сейчас уже ясно, что вопрос, читать или нет доклад о культе личности, был решен еще до съезда, но в 1957 г. Каганович признал, что "напряжение" в его отношениях с Хрущевым началось в октябре

1955 г. “с вопроса о Сталине, о культе личности”. Как и о чем именно спорило “коллективное руководство”, нам неизвестно, но именно осенью 1955 г. Хрущев “внес предложение о Сталине”, расколовшее советскую верхушку. 30 декабря был обновлен состав комиссии по реабилитации и во главе ее вместо В. М. Молотова был поставлен секретарь ЦК П. Н. Поспелов. Комиссии поручили “изучить материалы” о репрессиях в годы правления Сталина, хотя едва ли кто-то из числа членов партийного руководства сомневался в том, какие именно “материалы” должны были обнаружиться. Но одно дело доложить строго засекреченную информацию узкому кругу посвященных, и совсем другое — публично и официально признать не отдельные “ошибки”, а преступления “вождя и учителя” при соучастии практически всех здравствовавших высших руководителей страны.

К 25 января 1956 г. был готов проект отчетного доклада Хрущева съезду, в котором не было даже намеков на какие-либо “разоблачения”. 5 февраля Хрущев представляет второй вариант доклада — и опять ни слова о культе личности. 9 февраля заслушивался доклад комиссии с цифрами: “1935–1940 годы в нашей стране являются годами массовых арестов советских граждан. Всего за эти годы было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 920 635 человек, из них расстреляно 688 503 человека”. “Самому Поспелову было трудно читать, — вспоминал А. И. Микоян, — один раз он даже разрыдался”. Хрущев попытался убедить президиум рассказать все делегатам съезда и вновь потерпел неудачу.

Его уговаривали перенести доклад на следующий съезд. Но Хрущев нашел процедурную хитрость: “Во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов ЦК и членов Президиума ЦК, уже не действует, ибо съезд по значению выше. Отчетный доклад сделан, теперь каждый член Президиума ЦК и член ЦК, в том числе и я, имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада”.

Если процесс нельзя остановить, его надо возглавить. Выписка из протокола заседания президиума от 13 февраля 1956 г. гласит: “Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности. Утвердить докладчиком Хрущева Н.С.”. “Съезд выслушал меня молча”, — вспоминал сам Хрущев об атмосфере, в которой на закрытом заседании в последний день работы прозвучал его доклад “О культе личности и его последствиях”. Но это было только начало. После съезда содержание доклада оглашалось перед 7 млн коммунистов и 18 млн комсомольцев. То, о чем до этого момента мог-

ли лишь шептаться на кухне, что считалось "антисоветской пропагандой", стало официальной — и оттого еще более тяжелой — правдой.

> В те годы необоснованные репрессии проводились в массовых масштабах, в результате чего партия понесла большие потери в кадрах. Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция. Значительная часть этих дел сейчас пересматривается, и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военной Коллегией Верховного суда уже реабилитировано 7679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно. Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных, военных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства. Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы.
>
> (Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. М., 2002. С. 79–80)

Однако коллеги усилий Никиты Сергеевича не оценили. "Если до конца первой половины 1955 г. он соблюдал нормы коллективного руководства, то во второй половине 1955 г. эти нормы Хрущев стал грубо нарушать", — так оценил эволюцию нового лидера Л. М. Каганович. Но к тому времени и многие из сторонников Хрущева уже начали выражать недовольство его взрывным и непредсказуемым поведением.

Битва на пленуме

Далее последовал июньский "заговор" 1957 г., но, кажется, среди "заговорщиков" не было единства. Во всяком случае, "примкнувший к ним" секретарь ЦК Д. Т. Шепилов в интервью 1991 г. искренне возмущался,

что Хрущев связал его имя с Молотовым, и жаловался на "неподготовленность всего этого дела".

Действительно, отнюдь не все оппоненты Никиты Сергеевича были завзятыми сталинистами. С Молотовым и Кагановичем как будто все ясно — первый на самом деле противостоял Хрущеву по многим вопросам, и в особенности по поводу десталинизации, но в то же время он терпеть не мог Кагановича. К активным действиям Молотова и Кагановича подтолкнул сам Хрущев, заговоривший о том, что собирается осенью расширить Президиум: в этих словах они увидели предвестие грядущей чистки. А Маленков, в отличие от Молотова и Кагановича, поддерживал инициативы Хрущева. Другого выхода он не видел. "Или мы их, или они нас", — сказал он Сабурову. Последнего же, как и других новых членов и кандидатов в члены Президиума (Первухина, Булганина и Шепилова), в сталинизме обвинить было трудно. Занимавший высший государственный пост страны престарелый К. Е. Ворошилов был вполне декоративной фигурой, и хотя на его руках тоже было немало крови, он присоединился к коллегам из-за постоянных насмешек Хрущева. "Он просто в грязь втаптывает тех товарищей, которые с ним не согласны", — сетовал он. Что же касается Булганина, то Хрущев заявлял: "Пост председателя Совета министров не предназначен для идиота". Впрочем, он и публично, на заводском партсобрании, мог обозвать того же Молотова "малосостоятельным человеком".

На заседании 18 июня Булганин занял место председателя собрания, и противники Хрущева высказали все, что думали. Маленков утверждал, что Хрущев совершает "одну ошибку за другой". Ворошилов назвал Хрущева "невыносимым" и потребовал его отставки.

> Тов. Молотов подробно остановился на вопросе реорганизации управления, считая ее неправильной, говорил о неправильности приписывания ему, будто он против целины. Это неверно. Верно то, что он возражал против чрезмерного увеличения и доведения сразу до 20–30 млн га, что лучше вначале сосредоточиться на 10–20 млн, подготовить как следует, чтобы освоить хорошо и получить высокие урожаи. Тов. Молотов опровергал приписываемое ему торможение политики мира — это неправда, но, видимо, эта выдумка нужна была для того, чтобы оправдать необходимые шаги по внешней политике. Его выступления против Югославии относились к вопросам не внешней политики, а к антипартийным, антисоветским выступлениям югославов, за которые мы их критиковали и должны критиковать. "С Хрущевым как с первым секретарем ЦК больше работать нельзя, — сказал Молотов. — Я высказываюсь за освобождение Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК.

После Молотова выступил Булганин. Он начал с того, что рассказал о фактах неправильных методов руководства работой государственных органов, в том числе Совмина, о нетоварищеском отношении даже по отношению к нему лично. Булганин говорил об ошибках по существу ряда решений. “Я, — заключил Булганни, — полностью присоединяюсь к предложению об освобождении Хрущева”.

Выступили товарищи Первухин и Сабуров. Они оба заявили, что раньше хорошо относились к Хрущеву, так же как Хрущев к ним. “А теперь мы видим, что Хрущев зарвался, зазнался и затрудняет нам работу. Его надо освободить”. Тов. Микоян, верный своей тактике маневрирования, сказал, что верно, есть недостатки в работе Хрущева, но они исправимы, поэтому он считает, что не следует освобождать Хрущева.

После нас выступил сам Хрущев. Он опровергал некоторые обвинения, но без задиристости, можно сказать, со смущением. Часть упреков признал, что действительно, я, мол, допускал ошибочное отношение к товарищам, были ошибки и в решении вопросов по существу, но я обещаю Президиуму, что я исправлю эти ошибки. В защиту Хрущева выступили секретари ЦК: Брежнев, Суслов, Фурцева, Поспелов, хотя и оговаривались, что, конечно, недостатки есть, но мы их исправим.

По-иному выступил, единственный из всех, секретарь ЦК Шепилов. Он честно, правдиво и убедительно рассказал про недопустимую атмосферу дискредитации и проработки Президиума ЦК, созданную Хрущевым в Секретариате ЦК. В особенности Хрущев чернил Ворошилова как “отжившего, консервативно-отсталого” деятеля. В то же время Хрущев лицемерно оказывал Ворошилову внешне любезность и “уважение”. Шепилов рассказал о ряде неправильных решении Секретариата за спиной Президиума ЦК. Фактически Хрущев превратил Секретариат ЦК в орган, действующий независимо от Президиума ЦК.

(Каганович Л. М. Памятные записки рабочего коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советского государственного работника. М., 2003. С. 583–584)

Конечно, цитируемые мемуары Л. М. Кагановича вряд ли можно считать объективным источником. Но считать “заговором” пусть и бурное заседание высшего партийного органа тоже трудно — заклятые друзья Никиты Сергеевича как будто не собирались сажать его под арест с последующей организацией показательного судилища и тихой казни. Не видно и “антипартийной линии” — едва ли кто-то из “заговорщиков” всерьез планировал принципиальные изменения во внутренней и внешней политике державы или тем более отмену решений XX съезда КПСС.

Речь шла *персонально* о Хрущеве, объеме полномочий партийного лидера в рамках "коллективного руководства" и "технологии" принятия важнейших государственных решений. И здесь Хрущеву пришлось признать свои ошибки и даже обещать их исправить. "Я прошу учесть, что я никогда нигде не учился", — извинялся он перед коллегами. Хрущев тяжело переживал поражение, как будто даже плакал, умолял маршала Жукова спасти его, обещая, что никогда этого не забудет.

Хрущева поддержал старый друг, первый секретарь ЦК компартии Украины А. И. Кириченко, и опытный заместитель председателя Совета министров А. И. Микоян. Первому секретарю и поддержавшей его группе секретарей ЦК удалось отсрочить решение до появления всех членов и кандидатов в члены Президиума, а затем затянуть прения на несколько дней. "Антипартийная группа" действовала как-то до удивления демократически, не ограничивая время ораторам и давая желающим повторные выступления, в то время как промедление было смерти подобно. Закулисные переговоры результата не принесли: на сторону Хрущева встал М. А. Суслов, но прибывший ночью М. З. Сабуров присоединился к противникам Хрущева. Хрущев позвонил Булганину: "Друг, приди в себя. Куда тебя занесло? Они тебя втянули в это дело, чтобы использовать в своих целях... Брось их". Булганин колебался, но к "другу" так и не перешел.

Три дня шли баталии. Вместе с секретарями ЦК и кандидатами в его члены (Г. К. Жуковым, Л. И. Брежневым, Е. А. Фурцевой, Н. М. Шверником, Н. А. Мухитдиновым, Ф. Р. Козловым) у Хрущева было большинство, однако кандидаты не имели права голоса. Противники били кулаками по столу и не стеснялись в выражениях — будущий генсек, а тогда кандидат в члены Президиума и секретарь ЦК Брежнев рухнул в обморок после окрика Кагановича. Но сторонники Хрущева действовали по-революционному. Пока в Кремле шли споры, военный министр маршал Г. К. Жуков и председатель КГБ при Совете министров СССР генерал армии И. А. Серов военными самолетами доставили в Москву членов ЦК. 20 июня отобранная "группа товарищей" явилась в Кремль и потребовала встречи с заседавшими.

Под их давлением Президиум согласился назначить внеочередной пленум ЦК. "…Мы вели критику Хрущева по-партийному, строго соблюдая все установленные нормы с целью сохранения единства, — с горечью признавал много лет спустя Каганович, — а Хрущев организовал "настоящий фракционный акт, ловкий, но троцкистский". Другое дело, что прошедшие огонь, воду и медные трубы сталинской эпохи партийные функционеры позволили себе расслабиться и не заручились поддержкой самого партийного аппарата — тех членов ЦК,

которые заняли свои должности благодаря Хрущеву. Они уже не требовали отставки Хрущева, предлагали только, чтобы он снял с себя должность первого секретаря.

Но было уже поздно. 22 июня начал работу пленум ЦК партии. На первом заседании председательствовал Хрущев, на остальных — Суслов. Теперь все было сделано грамотно. Согласно регламенту, предложенному на первом заседании Хрущевым, ораторы во времени не ограничивались. На многолюдном пленуме такой порядок не позволил выступить многим желающим — для выступления в прениях записалось 215 человек, а выступило 60. Прения были ограничены по времени только на четвертый день, когда исход пленума был уже ясен.

На первом заседании Суслов объяснил противостояние в Президиуме ЦК КПСС "резкими нападками" Маленкова и его сторонников на культ личности первого секретаря и его попытки "разъединить членов Президиума". Хрущев-де "мотается по всей стране" и выдвигает авантюрный лозунг "догнать и перегнать" США по производству мяса, масла и молока. Но при этом, отметив конкретные претензии лично к Хрущеву, Суслов высказался так, что можно было понять: большинство членов Президиума ЦК ставили под сомнение политический курс партии и XX съезда. Что, безусловно, являлось "недостойным поклепом" в адрес "коллективного руководства ЦК" и "напряженной инициативной работы тов. Хрущева", несмотря на его отдельные недостатки.

Следом сам Хрущев провозгласил хвалу в адрес собравшихся: "Мы, члены Президиума ЦК, мы слуги пленума, а пленум хозяин". Основной же удар по противнику нанес Г. К. Жуков: он первым представил выступление Маленкова и его коллег как подрывающий единство в ЦК заговор, к коему они "готовились задолго и тщательно" и "согласовали между собой роли". Доказательством стали… выдержки из документов Военной коллегии Верховного суда. Из последних следовало, что Молотов, Маленков и Каганович в 1937–1938 гг. являлись "главными виновниками арестов и расстрелов партийных и советских кадров" (38 679 "руководящих работников") — преемники этих кадров как раз и заполняли кремлевский зал. Вот Каганович, "с санкции и по личным запискам" которого были уничтожены 300 человек. Вот резолюция Молотова на "расстрельном списке": "Мерзавцу, сволочи и бляди — одна кара — смертная казнь как таковая". А вот Маленков — в его сейфе оказались материалы о слежке "за маршалами и ответственными работниками", а сам он сочинял проект особой "тюрьмы для партийных кадров". В довершение атаки старый знакомый Хрущева по работе в Москве, министр внутренних дел Николай

Дудоров, просветил собравшихся о роли Маленкова в "ленинградском деле" и "сговоре" с Берией в 1953 г.

Это был настоящий маршальский удар по "тем, кто за раскол" — теперь по отношению к ним употреблялись уже суровые определения: "заговорщическая группа", "антипартийный заговор", "заговор против партии". Цель же "заговора" объяснил сам Хрущев: его противники стремились "захватить ключевые посты, чтобы добраться до нужных материалов и уничтожить следы своих преступлений".

Под крики с мест ("палачи!", "двурушники!") "заговорщики" еще пытались напомнить, что они на самом деле желали не допустить сосредоточения власти "в руках одного человека". Но приходилось только оправдываться. Маленков утверждал, что за маршалами не следил, а тюрьму устраивал "по личному указанию тов. Сталина". Каганович огрызался, что не только он повинен в происходившем, а теперь хотят "добить тех, кого выгодно, и замалчивать других". "А вы разве не подписывали бумаги о расстреле по Украине?" — обратился он с прямым вопросом к Хрущеву. Тот нашелся: "Все мы одобряли. Я много раз голосовал и клеймил" — но в итоге именно "вы разобрались", а сам он в Политбюро в те страшные годы не состоял. Булганин выглядел откровенно жалко, особенно когда его стали просить поведать пленуму "о бытовых делах" — Никита Сергеевич не зря заметил, что глава правительства ни одной юбки не пропускал. С другими и спорить не пришлось. "Я тебя, тов. Сабуров, уважал, а теперь я знаю, кто ты такой", — бросил Хрущев в лицо первому заместителю Председателя Совета министров. Тот мог лишь согласиться — да, такой вот, виноват, "запутался"…

Только Молотов держался твердо: "Я не так часто меняю свое мнение". Его объявили "партийным барином" и предъявляли новые бумаги из того же архива Военной коллегии с красноречивыми резолюциями "Бить и бить". Но Молотов упорно повторял: это Хрущев принижает Совет министров, помыкает "нами как пешками" и выдвигает лозунг "догнать и перегнать" Америку без каких-либо обоснованных расчетов. Несгибаемый нарком искренне не понимал, как мог лидер Коммунистической партии Советского Союза Н. С. Хрущев отправиться ночью в баню к президенту Финляндии и пробыть там до шести утра!

Заседания пленума шли под лозунгом сохранения единства партии, которое понималось как согласие всей партии и всех членов ЦК со взглядами первого секретаря. Его участники как будто не замечали поставленных членами "антипартийной группы" проблем — их интересовало, кто к кому ходил, кто с кем ехал, о чем говорил, куда звонил и т. д.

Разгром завершился оргвыводами. По предложению Хрущева пленум на последнем заседании 29 июня принял постановление "Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М." и вывел последних вместе с М. З. Сабуровым из состава членов Президиума ЦК КПСС, а "примкнувшего к ним" Д. Т. Шепилова — из кандидатов в члены Президиума ЦК и Секретариата ЦК. Все они, за исключением Сабурова, были устранены и из ЦК. М. Г. Первухин был понижен из членов в кандидаты в члены Президиума ЦК, а Н. А. Булганин получил строгий выговор с предупреждением. "Выпоротые" Булганин и Ворошилов сохранили — на время — членство в Президиуме и посты Председателя Совета министров СССР и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Однако осуждение "заговорщиков" завершилось вполне лицемерно. Пункт резолюции, в котором Маленков, Каганович и Молотов обвинялись в персональной ответственности за массовые репрессии, был объявлен секретным и не подлежал публикации в печати. Был засекречен и пункт постановления, касавшийся роли Булганина, Первухина и Сабурова. Член ЦК и министр черной металлургии А. Г. Шеметьев призвал было издать закрытым письмом цитировавшиеся Жуковым документы, но это предложение было отклонено.

В оглашенный Хрущевым список членов Президиума ЦК вошли поддержавшие его кандидаты — Л. И. Брежнев, Г. К. Жуков, Ф. Р. Козлов, Е. А. Фурцева и Н. М. Шверник. Новыми полноправными членами стали секретари ЦК А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, О. В. Куусинен. Кандидатами в члены Президиума стали секретарь ЦК П. Н. Поспелов и группа региональных руководителей — первых секретарей Свердловского обкома и компартий Латвии, Белоруссии, Грузии.

Без всяких дискуссий, опросом членов Президиума ЦК 29 июня 1957 г., было принято постановление (проштампованное в тот же день решениями правительства) об освобождении Молотова и Кагановича от обязанностей первых заместителей председателя, а Маленкова — от обязанностей заместителя Председателя Совета министров СССР. Молотов также лишился поста министра государственного контроля, а Маленков — поста министра электростанций СССР. Не оставил Хрущев на прежних постах и Первухина с Сабуровым: их "ушли" из первых заместителей председателя Совмина и поставили под контроль верного А. И. Микояна в Государственный комитет по внешним экономическим связям. Сам же Совет министров потерял посты первого заместителя председателя правительства — до июля 1957 г. их было несколько.

Похоже, это и было одним из главных итогов конфликта в советских верхах. Отныне центр власти в высшем руководстве СССР

переместился из правительственных структур в партийные, а именно — в Секретариат ЦК КПСС. Теперь в Президиуме ЦК утвердились местные партийные начальники, большинство из которых были избраны в состав высших органов партии XX съездом КПСС. Для них борьба со сталинизмом означала прежде всего упрочение своего положения. Секретари ЦК КПСС, являясь членами Президиума ЦК КПСС, со временем сконцентрировали в своих руках решение практически всех основных политических и экономических вопросов. О перемещении властных полномочий в аппарат ЦК партии свидетельствовал и факт почти официального восстановления поста второго секретаря ЦК КПСС, упраздненного после смерти И. В. Сталина.

В конце 1950-х гг. интересы Хрущева и "новых кадров" совпадали. Они заключались в установлении высшими партийными структурами контроля над всеми сферами советского общества. Руководство народным хозяйством и правоохранительной системой уже стало партийной привилегией. На очереди стояла армия, возглавляемая министром обороны Г. К. Жуковым. Именно он спас Хрущева в 1957 г. Но маршал осмелился издать приказ "о состоянии воинской дисциплины в армии", который пресекал попытки критики командиров на партийных конференциях. Кроме того, он стал ликвидировать политорганы в войсках и сокращать политработников, которые "сорок лет болтают и потеряли всякий нюх и вкус к делу". Он запрещал командующим военными округами напрямую обращаться в ЦК. И в октябре того же 1957 г. Никита Сергеевич убрал неудобного спасителя под предлогом нарушения "партийных принципов руководства вооруженными силами". В 1958 г. Хрущев, оставаясь главой партии, стал одновременно Председателем Совета министров СССР.

В коммунизм и обратно

Еще в марте 1953 г. Хрущев предлагал создать в честь покойного вождя Пантеон. "Я являюсь продуктом сталинской эпохи... При Сталине, так сказать, я пошел на партийную работу, при Сталине выдвигался, Сталин меня выдвигал: я стал членом Политбюро, я стал секретарем крупнейшей партийной организации — украинской. Одним словом, я был со Сталиным, я боготворил Сталина, я Сталина поддерживал", — кажется, вполне искренне оценивал свою карьеру Никита Сергеевич майской ночью 1962 г. за ужином в болгарской Варне.

А с другой стороны: "Ко мне Сталин относился лучше, чем к другим. У меня, кого некоторые из Политбюро считали чуть ли не его

"любимчиком", у меня "сидела" только жена сына. Он меня иногда называл польским шпионом, Хрущевским, заставлял плясать, ну, в общем, и все. Не сравнить с тем, что творилось и делалось с другими". — "О чем Вы сожалеете больше всего?" — "О крови. У меня руки по локоть в крови. Я свято верил тогда в Сталина и все делал... Это самое страшное, что лежит у меня на душе" (из беседы с драматургом Михаилом Шатровым).

И это тоже правда. Аресты шли в 1936–1937 гг. в Москве, а затем с 1938 по 1940 г. только на Украине было репрессировано 167 565 человек, включая 2 тыс. из числа республиканского и советского "актива". Большинство он знал лично и собственноручно давал санкцию: "Арестовать. Н. Хрущев". "Я иной раз фамилий назвать не могу, потому что не знаю, кто сидит здесь, кто в тюрьме", — простодушно заявлял он в декабре 1938 г. на пленуме украинского комсомола. В 1955 г. по его распоряжению были уничтожены бумаги Берии, документы о Сталине и других руководителях партии — всего 11 бумажных мешков, остался только акт об этой "утилизации". Публикаторы материалов из личного архива Хрущева отметили отсутствие в нем многих документов (Два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущева: в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 436).

Однако верный сталинец мог до конца дней хранить свои убеждения, как это делал Молотов. Униженный своевольным барином и запятнанный его преступлениями слуга вознаградил бы себя доставшейся властью, а подданных — известной либерализацией режима, как вел себя Берия, но едва ли стал бы принципиально ворошить прошлое. Хрущев же пошел на максимально возможную гласность и неожиданное для современников разоблачение тирана.

В истории бывают ситуации, когда не слишком осознанные действия не самых выдающихся фигур создают условия, которые затем не могут устранить или исправить деятели, намного более выдающиеся и могущественные. Недалекий император Петр III подмахнул поданный ему манифест "о вольности дворянства" и тем самым создал качественно новую социальную действительность — свободного от государства дворянина, вернуть которого в хомут государственного контроля уже не смогли ни изворотливая Екатерина II, ни строгий Павел I.

Так случилось и с хрущевским выступлением. Его доклад нанес удар не только по Сталину, но и по самой системе, вопреки воле и логике Хрущева. Он не мыслил ставить под сомнения достоинства советского строя: в докладе речь шла именно о "советской демократии", "демократическом централизме", "социалистической законности". Но до-

клад неизбежно заставлял задуматься о причинах культа личности. Официальные заклинания (“партия создала вождя, создала бога для себя, и она утратила власть над этим богом. И вот этот бог, созданный партией, народом, поднял руку против партии, против народа”) сути не меняли, поскольку не могли объяснить, как такое стало возможно в стране победившего социализма. В том же 1956 г. не какой-нибудь “советолог”, а авторитетный лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти поставил диагноз: культ личности был порожден самой советской системой.

Внутри страны подобные оценки публично не произносились, но приостановить процесс осмысления прошедшего было невозможно, несмотря на принятое летом 1956 г. обтекаемое постановление ЦК КПСС о культе личности и разосланное в декабре письмо к партийным организациям “Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов”. Начались проработки за “ревизионизм” и приговоры за “клевету на советскую действительность”: только за первые три месяца 1957 г. к уголовной ответственности было привлечено более 100 человек. В этом смысле хрущевский доклад стал началом конца социализма, несмотря на все усилия Хрущева укрепить его. Кроме того, свергнув Сталина с пьедестала непогрешимого “вождя и учителя”, он навсегда снял “неприкосновенность” с личности первого человека страны, в том числе и с себя.

В 1957 г. простоватый на вид Никита Сергеевич переиграл опытнейших выучеников сталинской школы. Но, кажется, дело не только в ловкости в аппаратных играх. Ни решительный и циничный Берия, ни осторожный Маленков не могли переступить невидимую черту, разделявшую общество на “массы” и “вождей”, дела которых не подлежали осуждению. Хрущев же смог совершить этот прыжок в неизвестность. Кроме того, малообразованный (писавший резолюции “азнакомица”) прагматик Хрущев оказался сильнее соперников, мысливших в рамках традиционных догм. Для Маленкова, например, “диктатура пролетариата” была святая святых марксизма, а Хрущев легко расстался с этой идеей, заменив ее идеей общенародного государства.

Полуграмотный Никита Сергеевич и его держава как-то сумели не пропустить начавшуюся научно-техническую революцию, что впервые в советской истории обеспечило нашей стране приоритет в некоторых научно-технологических отраслях. Началось освоение целины — 36 млн гектаров степей в полосе от Волги до Западной Сибири, большей частью на территории современного Казахстана. В 1958 г. были ликвидированы государственные машинно-тракторные

станции, колхозам была продана их техника. В промышленности был взят курс на ускорение технического прогресса (этому вопросу был посвящен пленум ЦК в 1955 г.), результатом стало появление первой советской атомной электростанции, ледокола, реактивного гражданского самолета Ту-104. Запуск в 1957 г. первого в мире искусственного спутника продемонстрировал мощь советской науки и техники. Был принят план электрификации железных дорог: в 1960 г. с московских вокзалов исчезли паровозы, на пригородных маршрутах пошли первые электрички. В 1954 г. на международной выставке в Лондоне наши "Столичная" и "Московская" водки были признаны лучшими, посрамив американскую "Смирновскую водку № 21".

Сокращение армии и обычных вооружений означало качественное обновление военного потенциала, возникла целая отрасль из сотни предприятий, связанных с изготовлением ядерного оружия и средств его доставки. Появились атомные подводные лодки и самолеты-ракетоносцы, а созданная в 1956 г. межконтинентальная ракета Р-7 вывела на орбиту космический корабль Юрия Гагарина. В августе 1964 г. Хрущев лично подписал секретное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР "О работах по исследованию Луны и космического пространства", поставившее задание: в 1968 г. совершить посадку советского корабля на лунную поверхность и вернуться обратно.

В 1960-х гг. советский военно-промышленный комплекс включал более 900 заводов, НИИ и КБ, на которых работало более 3,5 млн человек — 5% всех занятых в производстве. Так были заложены основы для создания военно-стратегического паритета с США. В октябре 1960-го весь мир обошли кадры выступления Хрущева на ассамблее ООН, где он, стуча по кафедре ботинком, обещал "закопать" Америку. Однако, провозглашая наступление на капитализм, Хрущев-прагматик прежде всего хотел укрепить позиции Советского Союза в Восточной Европе, а затем приступить к постепенному улучшению отношений с Западом. Одним из самых секретных документов холодной войны стало конфиденциальное послание британскому премьер-министру Гарольду Макмиллану в апреле 1959 г., в котором советский лидер предложил заключить договор о ненападении между СССР и Англией, соглашаясь при этом даже на присутствие в Англии американских военных баз.

Были расширены права союзных республик: им передавались промышленные предприятия, административно-территориальное устройство, законодательство о судопроизводстве. В феврале 1957 г. были реабилитированы, возвращены из мест ссылки и вновь получили автономию балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки и карача-

евцы (права поволжских немцев и крымских татар восстановлены не были). В 1956 г. была объявлена амнистия гражданам, сотрудничавшим во время войны с фашистами, реабилитировались и бывшие военнопленные.

Но, наверное, самое главное в реформах хрущевского десятилетия — это их "человеческое лицо": государство показало, что может не только карать и даже миловать, но и создавать условия для нормальной жизни. Произошла отмена "крепостного права" в промышленности. Рабочие и служащие получили право менять место работы, предупредив администрацию за две недели. Именно с хрущевского времени мы живем с пятидневной рабочей неделей и двумя выходными. Оплачиваемый отпуск по беременности и родам увеличивался с 70 до 112 дней. Закон о пенсиях 1956 г. увеличил размер пенсий примерно в два раза и ввел самый низкий в мире возраст ухода на пенсию (60 лет для мужчин и 55 для женщин) — правда, это касалось только горожан. Но с 1964 г. пенсии впервые стали получать и колхозники.

Стал меняться окружавший обычного человека повседневный быт. Отменялась плата за обучение в школе и введенный во время войны шестипроцентный налог на холостяков. Прекратилась практика принудительных государственных займов, хотя выплаты по ранее выпущенным были заморожены и возобновилось только в 1975 г. Вводилось всеобщее восьмилетнее образование, была создана система ПТУ, заочного и вечернего обучения в вузах, именно тогда в СССР была ликвидирована неграмотность.

Некоторый подъем сельского хозяйства после решений 1953 г. привел к недолгому изобилию продуктов (далеко не везде) и техническому прогрессу в торговле: открылись первые советские "супермаркеты", или "магазины без продавца", появились первые бумажные упаковки-пирамидки с молоком, первые автоматы по продаже папирос, спичек, газированной воды. Товарами массового потребления стали телевизоры (за 1953–1958 гг. их число увеличилось с 0,2 млн до 3 млн), радиоприемники и холодильники. Первые неподъемные советские магнитофоны стали распространять неподвластные цензуре голоса Галича, Визбора, Окуджавы.

Развитие "большой химии" принесло в повседневную жизнь чулки и носки из синтетических волокон. Появился "высококачественный каракуль из волокон капрона и вискозы", и сам Никита Сергеевич щеголял в папахе из искусственного барана. Юбки, платья и брюки из шерсти с лавсаном можно было не гладить каждый день. Писком моды первой половины 1960-х был плащ "болонья", а открытие магазинов "Синтетика" стало таким же символом хрущевских реформ, как

театр "Современник" — первый театр, созданный не по министерскому велению, а в результате свободного объединения актеров-единомышленников, или вольные поэтические вечера в московском Политехническом музее.

На улицах появились первые стиляги. Простые советские женщины стали носить красивые, хоть и непрочные капроновые чулки, у которых постоянно спускались петли, прозрачные блузки стали обнажать недостатки нижнего белья — пришлось налаживать выпуск дамских гарнитуров и ночных рубашек с капроновыми кружевами. С этими новшествами совпал закон 1955 г. "Об отмене запрещения абортов" и разрешение браков с иностранцами, хотя, как известно, секса в СССР "не было". Зато был позволен выезд за границу туристов организованными группами, желание попасть в их состав вызывало множество драм и интриг на предприятиях и в конторах, а "отлучение" от них становилось серьезным наказанием. В 1956 г. за границу выехало 560 тыс. человек, а за два последующих года — около 1,5 млн. Советские граждане получили возможность лично познакомиться с простыми иностранцами — на Всемирном фестивале молодежи и студентов, открывшемся в июле 1957 г. в Москве и собравшем 34 тыс. человек из 131 страны мира. Многие смогли оценить жизненный уровень других стран. Сравнение, как правило, получалось не в пользу социалистической действительности — на первой американской промышленной выставке в Москве в 1959 г. демонстрировался быт "среднего" американца — его дом, бытовая техника, автомобили…

Постановление ЦК КПСС и Совета министров 1958 г. "Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками" признало, что и при победившем социализме "у части населения проявляются еще вредные пережитки помещичье-буржуазного строя", и повысило цены на вредные изделия: пол-литровая бутылка водки стала стоить 2 рубля 87 копеек. В духе гласности появились было в печати даже сведения о производстве водки. Но его ударный рост в эпоху "развернутого строительства коммунизма" был сочтен неудобным, и данные о потреблении самого популярного российского напитка в 1964 г. исчезли из статистических сборников "Народное хозяйство СССР".

Именно при Хрущеве городское население по численности сравнялось с сельским. Еще одним "знаком" реформ стало массовое жилищное строительство. В Москве оно было намечено десятилетним планом 1952 г. (памятниками ему стали престижные дома на проспектах Мира, Кутузовском и Комсомольском в Москве), но именно Хрущев, выступая перед избирателями, заявил, что скоро каждая семья получит но-

вую квартиру. Началось строительство пятиэтажек упрощенного типа (с малогабаритными квартирами, совмещенными санузлами и крохотными кухнями), предназначенных первоначально под общежития для строительных рабочих.

В 1956–1960 гг. было введено в строй почти в два раза больше жилья, чем в предыдущей пятилетке. "Хрущобы" тогда дали возможность сотням тысяч людей начать жить в отдельных квартирах. Но оборотной стороной новоселий стало возведение бетонных "Черемушек" в старых городах на месте исторической застройки. Несмотря на фантастические темпы строительства (рекорд — дом за пять дней!), жилья не хватало, и Хрущев нервничал. При посещении одного из зданий он с трудом уместился в "совмещенном санузле", но на предложение "на полметра увеличить сортир" рассердился: "Что вы говорите! Если мы решили построить 5 миллионов таких квартир, то таким образом потеряем 2,5 млн квадратных метров… ничего, я пролезаю, и другие пролезут".

Атмосфера "великого десятилетия" была особенной и уже никогда не вернулась. Первые в Советском Союзе массовые социологические опросы молодежи (анкета "Что вы думаете о своем поколении?", опубликованная в "Комсомольской правде" 6 января 1961 г. и собравшая свыше 19 тыс. отзывов) на радость тогдашнему истеблишменту показали безусловное одобрение его курса. Спустя много лет ставший маститым социологом автор этого опроса Б. А. Грушин как будто даже с некоторым удивлением признал "наличие у масс живого, неподдельного, в том числе и чисто материального, интереса к строительству нового общества, причем интереса, до поры до времени этим строительством с лихвой удовлетворяемого". По его мнению, можно даже говорить о возникновении "новой породы или разновидности людей. Сохранявшие анатомию и физиологию *homo sapiens*, новые особи существенным образом отличались от своих прародителей как раз менталитетом — общим образом мыслей и чувств, а также специфически советскими механизмами восприятия мира и специфически советской же логикой оценки вещей".

Это мировосприятие было основой успеха реформ, но оно же определяло их пределы. Трудно представить, как бы восприняли современники Хрущева "призывы ЦК КПСС" о переходе к рыночной экономике, политическому плюрализму, а то и к "новому мышлению", которым с надеждой внимали их потомки во времена "перестройки". Удачей Хрущева было то, что его представления и надежды подданных на лучшую жизнь на какое-то время совпали, и это совпадение давало ощущение, что для советского человека непосильных задач нет. Потом наступило отрезвление.

Высокие темпы прироста промышленной продукции в 1950-е (10% в год) порождали лихие прогнозы о построении коммунистического общества в СССР. Хрущев в 1957 г. настоял на перестройке хозяйственного управления с отраслевого на территориальный принцип — возможно, он интуитивно пытался сломать жесткую управленческую вертикаль и монополию центра на принятие решений. Вместо 140 союзных, союзно-республиканских и республиканских министерств появилось 105 территориальных совнархозов. Тогда же Хрущев пообещал "догнать и перегнать Америку". Поначалу речь шла лишь о производстве мяса и молочных продуктов, но вскоре этот лозунг был распространен на "основные виды продукции промышленности и сельского хозяйства". Принятая на XXII съезде в 1961 г. новая Программа КПСС обещала построение "материально-технической базы коммунизма" через 20 лет. "Я внимательно все изучил. Предложения хорошие, их надо принимать… Думаю, проводить дискуссию нет смысла", — так прошло "обсуждение" документа на Совете министров.

К 40-летию Октябрьской революции научно-популярные журналы рисовали картины утверждения коммунизма через 40 лет (то есть в 1997 г.) в США, где последний безработный финансовый магнат с горя вынужден был просить разрешения вести единоличное хозяйство — и великодушно получал его. А сам Хрущев вводил в жизнь транспорт без кондукторов и мечтал о сети "прокатных гаражей" (зачем советскому человеку личная машина?), о "домах типа гостиниц", в которых "должны быть столовые, детские сады, детские ясли, полное коммунальное и общественное обслуживание", о бесплатных обедах на работе и в школах, бесплатном проезде в городском транспорте, об "улицах без дворников" и даже "городах без милиции"...

Главным стимулом для достижения всего этого Хрущев считал коммунистический энтузиазм в сочетании с демократизацией — провозглашенным в Программе переходом от государственного управления к общественному самоуправлению. В отчетном докладе ЦК XXII съезду КПСС он объявил: "Каждый советский человек должен стать активным участником в управлении делами общества!"

Однако специфика хрущевской демократизации означала прежде всего количество привлеченной к государственным делам "общественности". В партийном аппарате появились внештатные инструкторы, на тысячах предприятий и строек — производственные совещания, в работе которых ежегодно принимало участие около 40 млн человек. С 1956 г. с закона о государственных пенсиях начались всенародные обсуждения проектов законов. На оргработе по выборам в Советы всех уровней участвовали миллионы человек, сотни тысяч членов

профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций выступали в качестве пропагандистов и доверенных лиц. Но основа советских выборов, их безальтернативность, оставалась неприкосновенной. Энтузиазм испарялся и потому, что инициированные "сверху" общественные объединения (производственные совещания, "бригады коммунистического труда") на деле ничего не решали. От "масс" требовалась безоговорочная поддержка, демонстрируемая во время встреч Хрущева с "общественностью", на которых ее представители состязались в славословии "дорогому Никите Сергеевичу".

Идеологическое давление даже усиливалось, потому что развитие страны и общества порождало новые "опасности" и соблазны. "Начальник" советского комсомола А. Н. Шелепин на одном из пленумов ВЛКСМ с тревогой говорил о выезжающих за границу соотечественниках, которые "оказываются неспособными увидеть за внешними сторонами капитализма его антинародную сущность, восхищаются тем, что, как говорят, лежит на поверхности, не замечают огромных налогов, большой квартирной платы, не видят, что в магазинах в капиталистических странах нет народа, что покупательная способность очень низкая, а по приезде домой расхваливают, что они видели в капиталистических странах на поверхности в витринах магазинов". А тут еще, как на грех, начиная с 1956 г. СССР стали посещать тысячи иностранных туристов. "Открыли новое неядерное, небаллистическое, но межконтинентальное оружие — американский туризм", — заявлял на Всесоюзном совещании по идеологии в декабре 1962 г. секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев. Появилась и другая головная боль — зарубежное радиовещание, а технический прогресс вкупе с повышением благосостояния позволял советским гражданам иметь миллионы радиоприемников.

Сам Никита Сергеевич еще в более карикатурном виде, чем его предшественник, пытался, хотя и совершенно искренне, руководить культурой и заявлял: "Мы за самоуправление в искусстве и за творческие союзы, если это помогает развиваться искусству в правильном направлении". На практике это выражалось в "разносах" литераторов и художников. "Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет. На эту часть тела смотрит изнутри, из стульчака. Вот это такое ваше искусство. И вот ваше назначение, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите", — эта тирада была обращена к скульптору Эрнсту Неизвестному. Впрочем, порой Хрущев бывал и прозорлив. "Какой дурак пойдет под этим знаменем строить коммунизм?" — сказал он про произведения не склонных к соцреализму московских художников.

Но главное было не в этом. Производство достигло максимума возможностей в рамках плановой экономики: объем производства увеличился в 1,5 раза. Но уже с начала 1960-х стали видны недостатки территориального управления экономикой: местничество, разрыв межрегиональных связей, отрыв предприятий от научно-исследовательских организаций. Да и диктат над предприятиями остался прежним, только опустился на ступеньку ниже. СССР успешно делал танки и ракеты, иногда удачно заимствовал технологии — так, в 1959–1963 гг. было целиком закуплено 50 химических заводов. В тех же отраслях, где передача технологий ограничивалась по военно-стратегическим соображениям (например, электронике), отставание стало явным. Советские станки, автомобили, сельскохозяйственное или бытовое оборудование, вычислительная техника, как правило, не выдерживали сравнения с американскими, западноевропейскими или японскими образцами.

Еще менее успешными оказались реформы на селе. Среднегодовое производство зерновых на душу населения едва превышало уровень 1913 г. На продолжение начатой в 1953 г. аграрной политики у советского руководства попросту не хватало денег. Но поднять розничные цены (при трехкратном увеличении закупочных цен и иных дотациях колхозам) оно не решилось, и это бремя оказалось слишком тяжелым для бюджета. Освоение целины поначалу дало отличные результаты, но из-за эрозии почвы и засух урожаи на целинных землях стали быстро падать.

Вместо победных рапортов приходили просьбы: “Простите, уважаемый Никита Сергеевич, не можете ли вы помочь нам в наших насущных нуждах, без удовлетворения которых наше дальнейшее существование невозможно. Очень часто многие наши рабочие, особенно москвичи, прибывшие по комсомольским путевкам, остаются без хлеба, не говоря уже о других продуктах. А не покушаешь хотя бы хлеба, то работать нет сил...” Такие письма в газетах не печатали — они хранились в архиве ЦК КПСС под грифом “секретно”.

Внедрение кукурузы было разумным шагом для развития животноводства, но выведение новых сортов применительно к российским условиям требовало по крайней мере десятка лет, а отдачу, вплоть до урожаев в Якутии, ждали немедленно. Планировалось увеличить в 3,5 раза производство мяса, чтобы догнать США: “Держись, корова из штата Айова”. Вышло наоборот — спасаться пришлось отечественной корове. В 1959 г. началась кампания по сселению “неперспективных” деревень, а затем наступление на крестьянское личное хозяйство: коров надлежало продавать колхозам и совхозам, а те должны были

обеспечить своих работников молоком и мясом. Глава партии и государства обрушился на имевших скот горожан — это их телята и поросята съели "огромное количество хлеба". Особенно невзлюбил Хрущев коз — "врагов городских парков".

Ценой "успеха" стало "сокращение" миллионов неповинных животных. Понадобилось 15 лет, чтобы восстановить в деревне поголовье свиней. Строительство электростанций привело к сокращению добычи речной рыбы, опустели аквариумы в рыбных магазинах, которые еще помнят люди старшего поколения. Зато стали рекламировать мороженую морскую рыбу, и на прилавках появилась "китовая колбаса", которую тут же окрестили "никитовой". С 1962 г. хлеб в учреждениях общепита стал платным — по копейке за кусок. В том же году последовало повышение розничных цен на мясо и молоко, что вызвало протесты. Первому секретарю пришлось столкнуться с народным возмущением, в Новосибирске и Караганде ему пришлось убегать от толпы. Наибольшую известность получили события 1962 г. в Новочеркасске, где граждане требовали "Долой Хрущева!" и "Хрущева на колбасу!", а в столкновении с войсками погибло 24 человека. В следующем году суровая зима и засуха привели к закупкам зерна за границей — это было для Хрущева бóльшим позором, чем вывоз советских ракет с Кубы во время Карибского кризиса, поставившего мир на грань новой мировой войны.

Ослабление "крепостного режима" в деревне стимулировало уход в город, а отмена репрессий за невыполнение "трудодней" сделала ненужным для колхозников труд в "общественном хозяйстве". Показные кампании "из школы — в колхоз" в сочетании с "наступлением" на личных коров и свиней не побуждали лучше работать в колхозах, а, напротив, выталкивали крестьян из деревни. Отток квалифицированных и энергичных людей в города, отсутствие перспектив, ломка привычного уклада жизни привели к тому, что именно в 1960-е деревня стала пить больше города.

Хрущев пытался исправить хозяйственный механизм путем перестройки управления — разделением партийных и советских органов по производственному принципу на промышленные и сельские. Только к концу правления он согласился с необходимостью интенсификации сельскохозяйственного производства (применением удобрений, развитием орошения, комплексной механизации). На 1964 г. деревне были выделены самые крупные капиталовложения за всю историю советской власти — 5 млрд 400 млн рублей против 985 млн в 1953 г. Появились планы создания специализированных хозяйств с подчинением центральным управлениям-главкам по производству зерна, мяса, мо-

лока, яиц и т. д. Чиновники уже делили, кто будет Главгусь, Главбаран и Главсвинья. На практике успели создать Птицепром — первое агропромышленное объединение, снявшее на некоторое время проблему куриного мяса и яиц.

Эти новации возникли в рамках существовавшей экономической модели. Альтернативные варианты (допущение многоукладной экономики, развитие семейных, тем более фермерских хозяйств, предпринимательская деятельность селян) не предусматривались. Правда, ходили слухи, будто первый секретарь подумывал о дальнейшей судьбе колхозов. Институту истории АН СССР в сентябре 1964 г. дали задание подготовить к предстоящему пленуму аналитический материал о коллективизации, для чего предоставили ученым доступ к некоторым секретным документам центрального партийного архива. В результате "наверх" пошел доклад о репрессиях и массовом голоде в деревне в 1932–1933 гг. Но он уже не понадобился. Отпущенное правлению Хрущева историей время истекало. Продовольственные трудности, притеснение владельцев приусадебных хозяйств и повышение цен быстро привели к падению популярности Никиты Сергеевича.

Задуманная в 1964 г. очередная перестройка в сельском хозяйстве грозила ликвидацией партийного контроля над экономикой. Подобные тенденции были заложены и в проекте новой конституции СССР, предусматривавшем повышение роли системы Советов всех уровней, создание постоянного Комитета конституционного надзора, избираемого Верховным Советом, и расширение прав союзных республик. Принятый на XXII съезде новый Устав партии вводил принцип ротации кадров выборных партийных органов (ЦК КПСС, обкомов, горкомов и райкомов), их члены могли быть избраны не более чем на три срока подряд.

Возникновению оппозиции способствовало "нестеснительное", импульсивное поведение Хрущева: он мог лично обозреть загаженный общественный туалет на вокзале, демонстративно приехать в Кремль (открытый при нем для посещений граждан) на красном "москвиче", публично заявить с трибуны собравшейся высшей номенклатуре: "Среди нас слишком много болтунов" или срочно обратить внимание на какую-то проблему. "Понимаете, я беру утром газету "Известия" и не знаю, что там сегодня опубликовано", — жаловался секретарь ЦК Михаил Суслов.

Хрущев тяжело переживал неудачи, выходил из себя, обрушивал гнев на окружавших, будь то очередной партийный начальник или московские художники. Но охранительный подход к сталинскому "наследству" (он так и заявлял в 1957 г: "Нашего Сталина мы никому

не отдадим") не позволил даже поставить вопрос о создании иного механизма власти с присущими ему законностью, ответственностью, правом граждан на информацию и выбор новых политических лидеров. Демократический "задел" 1953–1964 гг. был слишком слаб для формирования новой организации власти, а инерция сложившейся системы огромна.

Ситуация обострялась традиционным для режима отсутствием у 70-летнего Хрущева "законного наследника". "Второй" человек в руководстве Ф. Р. Козлов тяжело болел, и на его место претендовали Л. И. Брежнев (в 1963 г. он стал заместителем Хрущева по партии) и А. Н. Шелепин — оба в качестве секретарей ЦК обладали неплохими позициями в аппарате. Они и возглавили заговор.

13 октября в 16:00 Брежнев открыл заседание Президиума, сразу же перешедшее к единодушному осуждению деятельности Никиты Сергеевича. Хрущев пытался "переломить" ход событий, но безуспешно: все выступавшие (Л. И. Брежнев, П. Е. Шелест, А. Н. Шелепин, А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, Ш. Р. Рашидов и другие) требовали его отставки. На следующий день Хрущев отказался от сопротивления. "Вы уже все решили", — бросил он в лицо соратникам, хотя и не удержался от упрека в поддержке всех его инициатив. Сломленный Хрущев согласился подписать заранее заготовленное заявление об отставке. Страна узнала о смене власти лишь 16 октября, тогда же с главных улиц исчезли портреты Хрущева, а из газетных киосков — его труды.

Однако сам бывший лидер в заключительном слове на заседании Президиума сквозь слезы назвал свою отставку "победой партии". Дело не только в формальном соблюдении процедурных норм, хотя, как известно, демократия начинается с процедуры. Начавшийся процесс "раскрепощения" общества и "десталинизации" при всей непоследовательности этого курса все же изменил условия и "атмосферу" политического соперничества среди "наследников" Сталина. Силовое воздействие и в 1964 г. не исключалось, но было сведено к минимуму по сравнению с событиями 1949–1957 гг. Хрущев мог гордиться, что итогом его правления было простое голосование, "тогда как Сталин велел бы их всех расстрелять".

Был и еще один результат. К концу хрущевского десятилетия власть навсегда лишилась божественного ореола в глазах "простых советских людей", а сами они почувствовали себя обманутыми: их вроде бы подвели к дверям коммунистического рая, но вход разрешался лишь начальникам и прочей номенклатуре. С этого момента духовный кризис советского строя сделался почти необратимым. Мы не можем,

конечно, уверенно сказать, что последовало бы за отставкой Хрущева в 1957 г., но, возможно, многих разочарований хрущевской эпохи удалось бы избежать. Обновление же руководства было неизбежно — сталинские "зубры" должны были в любом случае уступить свое место. А "технократически"-государственная верхушка, пожалуй, легче могла бы трансформировать систему примерно по китайской модели.

Подробнее на эту тему

Аксютин Ю. В. *Хрущевская "оттепель" и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг*. М., 2004.
Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: *Документы*. М., 2002.
Зубкова Е. Ю. *Общество и реформы 1945–1964*. М., 1993.
Молотов, Маленков, Каганович. 1957: стеногр. июньского пленума ЦК КПСС и др. документы. М., 1998.
Сушков А. В. *Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть*. Екатеринбург, 2009.
Таубман У. *Хрущев*. М., 2005.

1968 “Я — могу — говорить!”

25 августа 1968 г. в Москве на Красной площади, в самом сердце столицы и в 100 метрах от Кремля, над сенатским куполом которого развевалось красное знамя с серпом и молотом, произошло невероятное. Это была политическая демонстрация в поддержку Пражской весны — попытки радикальных демократических преобразований, закончившейся вводом советских войск в Чехословакию. Семь человек — Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг — сели на парапет у Лобного места и развернули изготовленные дома плакаты. На них было написано: “Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!” по-чешски и “Позор оккупантам!”, “Руки прочь от ЧССР!”, “За вашу и нашу свободу!” по-русски. Демонстрация продлилась несколько минут, которые потребовались, чтобы до Лобного места добежали сотрудники КГБ (Комитета государственной безопасности, преемника ВЧК — ГПУ — НКВД) в штатском, дежурившие на Красной площади в ожидании выезда из Кремля чехословацкой делегации. Плакаты вырвали из рук демонстрантов, а их самих, несмотря на то что никто не сопротивлялся, избили и затолкали в машины. В октябре состоялся суд, по приговору которого “за антисоветскую деятельность” двоих отправили в лагерь, троих — в ссылку,

одного — в психиатрическую больницу. Горбаневскую, у которой был грудной ребенок, отпустили. Несмотря на цензуру и всеобщее молчание, об этой демонстрации узнали в СССР и во всем мире. Узнал о ней и народ Чехословакии, перед лицом которого семеро смельчаков спасли честь России и россиян — ценой собственного благополучия, здоровья, а для некоторых из них и жизни.

Горстка людей выбрала и реализовала альтернативу — стать свободными гражданами в несвободной стране. Горстка граждан показала всем остальным, *как это делается*, и навсегда впечатала этот опыт в память нации. Обратившись к герценовскому лозунгу времен второго польского восстания 1863–1864 гг. — "За вашу и нашу свободу!", — они не только продолжили традицию гражданского сопротивления и независимого противостояния неправой власти, но и начали вновь тот процесс, о котором писал Герцен применительно к николаевской эпохе: "…под личиной наружного рабства свершалось внутреннее освобождение". Десятки сопротивлявшихся в 60-е гг. превратились в сотни в 1970-е и изменили не только советскую ментальность, но и жизнь в 1980-е. Их было меньшинство, но по закону, сформулированному социологом Вильфредо Парето, для начала перемен в стране должна накопиться "критическая масса" в 20% несогласных граждан. Когда после описанных событий прошло 20 лет и выросло новое поколение, началась перестройка. Годы брежневского "застоя" в значительной степени подготовили ее грузом накопившихся проблем и противоречий, а также складыванием форм и кадров самой различной оппозиции и несогласия. Как кричал в своих песнях Владимир Высоцкий, "и ни церковь, ни кабак — / Ничего не свято! / Нет, ребята, все не так! / Все не так, ребята…".

"Новый курс" Брежнева

Смена руководства КПСС в 1964 г. в разных кругах была встречена по-разному. Одни ожидали реставрации былых порядков и корректировки "волюнтаризма и субъективизма" Хрущева, другие надеялись на продолжение десталинизации, которой на XXII съезде КПСС был, по-видимому, дан новый импульс (вынос тела Сталина из Мавзолея, переименование Сталинграда в Волгоград, так и не выполненное решение о сооружении на Красной площади памятника жертвам политических репрессий). Главный редактор "оттепельного" журнала "Новый мир" Александр Твардовский в программной статье первого номера за 1965 г. писал: "Мы приветствуем споры, дискуссии, как

бы остры они ни были, принимаем самую суровую и придирчивую… критику. Мы считаем это нормальной жизнью в литературе. И сами не намерены уклоняться от постановки острых вопросов и прямоты в своих суждениях и оценках. На том стоим". Резонанс статьи был огромный, и спустя несколько месяцев в "Известиях" появился ответ другой стороны — статья известного скульптора, автора знаменитых монументов Мамаева кургана Евгения Вучетича. Он предупреждал, что "есть правда и есть только видимость правды, есть правда факта и правда явления. И надо обладать острым, проницательным взглядом художника, чтобы отделить одну от другой". Деление правды на разряды (прямо по Булгакову — "кароши люблю, плохой — нет"), конечно, готовило отказ от нее вообще. Имя автора статьи о "двух правдах" быстро стало нарицательным, а сама она воспринималась как манифест консерваторов. Развитие этого направления в 1960-е гг. не встретило серьезного сопротивления "наверху", да и номенклатура устала от перемен с непредсказуемыми последствиями и жаждала стабильности.

Взамен утопически-мобилизационой хрущевской идеи о построении коммунизма к 1980 г. партийными идеологами выдвигается теория "развитого социализма" как высшей, наиболее зрелой его стадии (впервые озвучена Брежневым в 1967-м, вошла в преамбулу Конституции 1977 г.). Соответственно, вся система общественных отношений стала рассматриваться под углом зрения соответствия "критериям зрелости". Началась обычная российская подгонка действительности под желаемую схему. По словам историка Е. Ю. Зубковой, "если проследить развитие основного потока нашей общественно-политической литературы с конца 1960-х гг., нетрудно заметить, как постепенно "мельчали" недостатки, "исчезали" трудности, растворялась связь между понятиями "антагонизм" и "социализм", зато росли "успехи" и "достижения". А когда грянул август 1968 г., победа консервативных сил стала очевидна даже оптимистам. По словам сотрудника Твардовского Александра Кондратовича, "Более мрачного года, чем 68-й, я не знаю. Был 37-й, но он был скрыт для многих. Был 52-й, но 53-й унес Сталина, и забрезжила надежда. 68-й — крах последних иллюзий и надежд".

Какие же обстоятельства мешали реальному реформированию общества? Партийно-государственная номенклатура, сосредоточив в своих руках всю полноту экономической и политической власти, не была заинтересована в сколько-нибудь серьезных переменах. Отсутствовали уничтоженные еще в 20–30-х гг. самоорганизующиеся социальные механизмы, способные составить альтернативу государственной монополии на власть и собственность: рыночное саморегулирование, многообразие форм общественного самоуправления

и т. п. Массовые репрессии и идеологическая обработка общественного сознания способствовали складыванию у миллионов советских людей не только конформистского подхода к окружающим их порядкам, но и консерватизма, основанного на боязни проявить политическую инициативу. Примитивизация представлений о социализме при Сталине вела к такому его восприятию, когда за лозунгом коллективизма не оставалось места для соблюдения прав и интересов конкретной человеческой личности. Даже в школьных букварях обязательно подчеркивалось, что Я — последняя буква алфавита. Идея уравнительности на деле оборачивалась равенством в нищете (но при сохранении невиданных льгот и привилегий для партийно-государственной элиты). Все это сформировало у большинства советских людей представление о том, что социализм может быть только таким и терпеть надо ради светлого будущего, если не собственного, то хотя бы детей и внуков. Как пелось в популярной песне, "жила бы страна родная, и нету других забот".

После снятия Хрущева новое руководство (первый секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, Председатель Совета министров Алексей Косыгин, председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный) выступило за проведение экономической реформы. Это была очередная попытка добиться стимулирования промышленного и сельскохозяйственного производства без изменения основ административно-командной системы управления и отказа от внеэкономического принуждения. О таковых устремлениях еще М. Е. Салтыков-Щедрин писал: "Ищут путей, как бы превратить убыточное хозяйство в доходное, не меняя оного".

Реформа началась в марте 1965 г., когда были приняты меры по решению социальных проблем села, частичному использованию экономических методов управления, повышению закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Однако главный акцент в политике на селе был все же сделан на повышении роли Министерства сельского хозяйства в планировании и руководстве производством, а также увеличение капиталовложений и списание долгов колхозов.

Тем не менее в результате реформы уже в 1970 г. совокупная рентабельность совхозного производства составила 22%, а колхозного — 34%. Однако по мере свертывания линии на развитие внутренних стимулов крестьянина к труду, даже несмотря на многомиллиардные вливания (в 1966–1980 гг. в сельское хозяйство было направлено около 400 млрд рублей капиталовложений), уже к началу 1980-х колхозы и совхозы оказались в целом убыточными. Отставание социальной сферы на селе усилило отток населения в города. Введение стабильных

денежных окладов колхозникам привело к росту индифферентности, падению стимулов к труду. В результате за 25 лет (1964–1988) освоенная пашня сократилась на 22 млн гектара. Потери сельскохозяйственной продукции составляли от 20 до 40% от урожая. Страна столкнулась с серьезными перебоями в продовольственном снабжении.

В сентябре 1965 г. партийное руководство объявило о реформе в промышленности. Подготовленная на основании предложений харьковского экономиста Е. Г. Либермана, она предполагала изменения в планировании и усиление экономического стимулирования промышленного производства. Было сокращено до минимума число директивно планируемых показателей. Наряду с сохранением жестких нормативов по валовому объему выпускаемой продукции были введены и новые показатели, призванные обеспечить ее качество. Для экономического стимулирования производителей было разрешено оставлять в распоряжении предприятий часть доходов, которая делилась на три фонда. Это был фонд материального поощрения, фонд социально-культурного и бытового развития (строительство жилья, клубов, пансионатов и др.), фонд самофинансирования производства. Вводилась и практика корректировок плановых заданий снизу самими предприятиями. Директивные же органы были лишены права менять план в ходе его реализации. В то же время был восстановлен отраслевой принцип управления промышленностью, расширены права министерств, что полностью сохранило ведомственную управленческую вертикаль и входило в неизбежное противоречие с декларированной "самостоятельностью" предприятий. На новом витке повторилось старое противоречие нэповских времен — между "командными высотами" и частными интересами предприятий и их работников.

Но даже такая половинчатая реформа дала неплохие результаты — в годы восьмой пятилетки (1966–1970) среднегодовые темпы прироста национального дохода выросли с 6,5 до 7,7%, а темпы роста производительности труда увеличились с 6 до 6,8% (по данным экономиста Г. И. Ханина).

Однако, не успев развернуться, реформа начала выхолащиваться тем крылом в высшем партийно-государственном руководстве, которое опасалось даже частичного перехода к рыночным отношениям и выступало за сохранение без изменений существующей системы управления экономикой. Шансы этой части руководства на победу были выше, так как ее возглавлял набиравший силу Леонид Брежнев.

Работник аппарата ЦК КПСС Федор Бурлацкий позже вспоминал: "В аппарате пересказывали слова Брежнева по поводу доклада Косыгина на сентябрьском пленуме 1965 года: "Ну что он придумал? Реформа,

реформа… Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема".

Победа его линии на свертывание реформы стала очевидной после поражения Пражской весны 1968 г., когда попытки придать "второе дыхание" социализму в Чехословакии с использованием рыночных механизмов вылились в массовое движение за общественное обновление и вызвали испуг не только у консерваторов в Коммунистической партии Чехословакии, но и у советского руководства. Экономическое реформирование в СССР после этого пошло на убыль, а вслед за этим поползли вниз и экономические показатели: среднегодовые темпы прироста национального дохода с 7,7% в годы восьмой пятилетки упали до 3,5% в 1981–1985 гг.

Руководство пыталось объяснить такое положение исключительно объективными факторами. Например, неблагоприятной демографической ситуацией и снижением удельного веса трудоспособного населения (что делало невозможным в условиях продолжения экстенсивного развития экономики обеспечивать ее потребности в рабочей силе). Или истощением традиционной сырьевой базы (прежде всего топливно-энергетической), резким удорожанием добычи и перевозки сырья, физическим износом и моральным старением оборудования (сохранившегося еще с 1920–1930-х гг.), значительным увеличением военных расходов и т. д. Все эти обстоятельства действительно негативно сказывались на развитии экономики СССР.

Но не менее важной причиной ее плачевного состояния был кризис самой "социалистической организации труда". Академик Татьяна Заславская в начале 1980-х гг. прямо заявила о том, что главная причина экономических неудач коренится в неспособности существующей системы обеспечить эффективное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала человека общества.

В то время как лидерам страны пути выхода из предкризисного состояния виделись в расширении числа отраслевых министерств и ведомств (к началу 1980-х их было уже более 100 союзных и 800 республиканских), для многих стало очевидным, что без смены самой экономической системы, без создания экономических стимулов к труду добиться перелома в экономике невозможно. При этом "материальные стимулы", которые вводились реформой 1965 г. и, вероятно, считались достаточными с точки зрения руководства, на самом деле не могли стимулировать рабочих, так как составляли лишь 3% от их заработной платы.

Существовавшая система не стимулировала и развития научно-технического прогресса, без которого было невозможно перей-

ти от индустриального к постиндустриальному обществу. Несмотря на широковещательные заявления о "соединении достижений научно-технического прогресса с преимуществами социализма", к концу 1970-х гг., когда США и лидирующие страны Западной Европы начали путь к постиндустриальному обществу, в СССР его примитивными формами было охвачено менее 10–15% рабочих промышленности. В то же время работали вручную 40% рабочих промышленности, 55–60% строителей, до 75% работников сельского хозяйства. К 1985 г., когда в США работало 1,5 млн ЭВМ и 17 млн персональных компьютеров и ЭВМ, в СССР насчитывалось не более нескольких десятков тысяч аналогичных машин преимущественно устаревших моделей. В результате к середине 1980-х гг. СССР вновь (как и в 1920-е) оказался перед угрозой нового стадиального отставания от стран Запада. Избежать этого при сохранении существующей системы было уже невозможно.

"Бровеносец в потемках"

После октября 1964 г. к власти пришло новое (в сравнении со сталинским окружением) поколение руководителей, средний возраст которых составлял 55–57 лет. Лидером партии стал Леонид Брежнев. По мнению участников событий тех лет, реальной альтернативой ему был Алексей Косыгин, назначенный главой правительства. Этим во многом объясняется натянутость их взаимоотношений. В Политбюро ЦК КПСС у Брежнева не было стабильного большинства. Одним из ближайших сподвижников Брежнева стал Подгорный, а наибольший вес в новом руководстве первоначально имели секретари ЦК Михаил Суслов, Александр Шелепин, Юрий Андропов.

Главный идеолог партии Суслов бдительно следил не только за "чистотой марксизма-ленинизма", но и за равновесием сил в Политбюро: когда преимущество склонялось к Брежневу, переходил на сторону Косыгина, когда верх брал Косыгин, перемещался в прежний стан. По мере укрепления власти Брежнева происходили и кадровые перемещения. Все большие позиции во властных структурах занимали родственники, давние соратники нового вождя или лица, выражавшие ему свою безграничную поддержку. Так, заведующим общим отделом ЦК стал давний брежневский приятель еще по Молдавии Константин Черненко, а с поста директора кишиневской партийной школы на должность заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК был определен Сергей Трапезников. Последний буквально потряс

академическое начальство, произнеся на совещании в ЦК, что партия поставила его, “чтоб руководить всёй наукой”. “Под родственников” Брежнева создавались даже новые министерства.

С самых первых месяцев после прихода к власти Брежнева под лозунгом борьбы с “субъективизмом и волюнтаризмом” Хрущева началась борьба против ряда принципиальных направлений его курса. В экономике не просто произошел возврат к прежней централизованной системе управления, но и началось ее разрастание. Только за 1976–1983 гг. численность управленческого аппарата выросла на 3 млн и достигла 18 млн человек, на содержание которых ежегодно затрачивались десятки миллиардов рублей. К этому времени на каждые 6–7 человек в стране приходилось по одному “управляющему”… Свертывание экономических методов управления и рост государственного аппарата превращали партию в неэффективный, забюрократизированный механизм.

В эти годы усилился партийный контроль над всеми сторонами жизни общества. Уже на XXIII съезде КПСС (1966) были отменены все новации в партийной жизни, принятые при Хрущеве, в том числе и положение о ротации партийной номенклатуры. В уставе КПСС, принятом на XXIV съезде в 1971 г., вводилось право партийного контроля за деятельностью администрации не только на производстве (как и ранее), но и в научно-исследовательских институтах, учебных заведениях, учреждениях культуры и здравоохранения. “Брежневская” конституция СССР 1977 г. впервые в истории страны закрепила руководящую и направляющую роль КПСС в обществе, определив ее в качестве “ядра политической системы” (знаменитая 6-я статья).

Брежнев в большей степени, чем Хрущев, использовал чисто аппаратные приемы в своей деятельности: как и его предшественники, он опирался на Секретариат ЦК, проводил предварительные обсуждения готовящихся вопросов (предвосхищая сами решения). Важнейшие для страны решения, как и при Сталине, принимались узким кругом лиц. Под лозунгом “борьбы за единство партии” глушилась любая точка зрения, не совпадающая с “генеральной линией”. При Брежневе были негласно запрещены несогласованные выступления членов Политбюро и секретарей ЦК на пленумах и съездах партии, введена практика специальных разрешений Секретариата на поездки членов выборных партийных органов по стране, согласование текстов официальных выступлений лидеров партии перед общественностью и т. д. Регламентация достигла абсурдных размеров, когда по личной просьбе Брежнева во время его речей перед большими аудиториями в нужных местах Подгорный должен был вставать и аплодировать, показывая пример

залу. Позже, при проведении съездов партии и комсомола в Кремлевском дворце съездов, рассаживали специальные группы скандирующих, обеспечивавших "бурные продолжительные аплодисменты".

С конца 1960-х гг. начинается и с годами все более усиливается кампания по возвеличиванию самого Брежнева. Принимается специальное решение о показе по телевидению Брежнева и остальных членов руководства в соотношении 3:1. Вновь вводится в оборот дискредитированное Сталиным обращение "вождь" (впервые его произнес член Политбюро ЦК КПСС Андрей Кириленко при вручении ему Брежневым звезды Героя Социалистического Труда). В 1973 г. принимается постановление о мерах по "повышению авторитета вождя". Вслед за этим ему присваивается звание генерала армии, а затем и маршала Советского Союза. Он награждается несколькими звездами Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, орденом Победы, двумя орденами Октябрьской Революции, двумя международными Ленинскими премиями, многочисленными наградами зарубежных стран. Шутили, что художникам нередко приходилось подрисовывать на парадных портретах "вождю" левое плечо пошире, чтобы туда поместились все его многочисленные регалии. Одновременно до невероятных размеров раздувается военная биография полковника Брежнева. Даже в вышедших в свет в 1969 г. воспоминаниях Г. К. Жукова появляется мифическая сцена поисков маршалом во время визита в 18-ю армию начальника ее политотдела Л. И. Брежнева, который — вот незадача — "как раз находился на Малой Земле, где шли тяжелые бои".

Курс на "стабилизацию", получивший официальное закрепление в решениях партийных съездов, означал не только "резервирование мест" за номенклатурными работниками, но и консервацию существующих порядков. Это вело к безнаказанности руководителей любого ранга, расцвету коррупции, злоупотреблений служебным положением, фантастическому разрыву между словом и делом. Брежнев стал наиболее последовательным выразителем интересов партийно-государственной номенклатуры, а его правление стало для нее буквально золотым веком.

Для идеологического обоснования курса на свертывание демократических импульсов 1953–1964 гг. окружение Брежнева использовало вначале кампанию борьбы с "субъективизмом и волюнтаризмом" Хрущева, а затем и концепцию "развитого социализма". В основе ее лежала идея "однородности" советского общества, якобы отсутствия внутри него каких-либо реальных противоречий, бесконфликтного развития. Это, в свою очередь, вело к формированию у руководства КПСС и советского государства крайне самодовольного и близору-

кого восприятия окружающей действительности. Идея "развитого социализма" опиралась на вполне реальный факт создания индустриального общества в СССР, но оптимистически предполагала "развитие социализма на его собственной основе", не создавая тому никаких материальных стимулов.

Вскоре после снятия Хрущева началась полоса негласной реабилитации Сталина. Все чаще не только его имя, но и образ не только присутствует, но и даже становится центральным в художественных произведениях, кинофильмах, мемуарах, периодике. Перед XXIII съездом КПСС в 1966 г. академики Петр Капица и Игорь Тамм, писатели Константин Паустовский и Корней Чуковский, актеры Олег Ефремов и Иннокентий Смоктуновский, режиссеры Георгий Товстоногов и Михаил Ромм и другие представители советской интеллигенции обратились к Брежневу с письмом, в котором выражали беспокойство по поводу наметившейся "частичной или косвенной реабилитации Сталина". Как своеобразный ответ на это письмо прозвучало выступление на съезде первого секретаря московского горкома КПСС Николая Егорычева, который заявил: "В последнее время стало модным... выискивать в политической жизни страны какие-то элементы так называемого "сталинизма", как жупелом, пугать им общественность, особенно интеллигенцию. Мы говорим им: "Не выйдет, господа!" Характерно, что противники ползучей ресталинизации названы "господами" — так в СССР было принято обращаться только к идейно и социально чуждым.

В 1970 г. эта кампания привела к снятию Твардовского с поста главного редактора "Нового мира". Именно он добился в 1962-м публикации рассказа Александра Солженицына "Один день Ивана Денисовича", впервые, сказавшего художественно необычайно сильно и страшно, правду о лагерях. Журналу предъявили обвинения в "очернительстве" советского прошлого. Создавший знаменитый образ народного героя Великой Отечественной Василия Теркина Твардовский в 1963-м добивается публикации страшноватой и едкой сатирической поэмы "Теркин на том свете", написанной в 1950-е гг., в которой советская бюрократическая система изображена как царство мертвецов и мертвечины. В это время он пишет поэму "По праву памяти", в которой точно фиксирует стремление властей вернуться к казенному единомыслию и поставить крест на достижениях 1960-х: "Какой, в порядок не внесенный, / Решил за нас особый съезд: / На этой памяти бессонной, / На ней как раз поставить крест".

Консервативные идеологические установки и довольно радикальная экономическая реформа 1965 г. были плохо совместимы, и такое

положение долго сохраняться не могло. К концу 1960-х гг. началось свертывание экономической реформы и окончательное оформление консервативного курса как определяющего. Происходило это в то время, когда отставание СССР от Запада в научно-техническом и социальном планах становилось стадиальным. Это, кстати, прекрасно понимали даже рядовые советские граждане, среди которых был популярен анекдот: "Западный мир стоит на краю пропасти и смотрит вниз, что это мы там делаем". После смещения Хрущева произошел своего рода откат к сталинизму, к сталинской модели развития, но без равной Сталину фигуры харизматического вождя и без массовых репрессий. Власть, казалось, и не собиралась учитывать изменения, происходившие в обществе. А они были разительны.

"Кто ответит мне — что за дом такой…"

В 1960–1970-е гг. изменилась демографическая ситуация в стране: в результате "второго эха" войны рождаемость снизилась на 25%, смертность увеличилась на 15%. Рост населения наблюдался лишь в Средней Азии и Закавказье. Завершение индустриализации означало и усиление процессов урбанизации. За 25 лет (1960–1985) в город переехало свыше 35 млн сельских жителей. Число городов с населением свыше миллиона человек выросло с 3 до 23. 70% городского населения было занято в промышленности, строительстве и на транспорте.

Значительно вырос и образовательный уровень народа. В 1960–1970-е гг. был осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию. В результате к концу 1970-х гг. среднее и высшее образование имели более 64% населения страны (в 1959-м — 17%). В сравнении с полуголодными 1930–1940 гг., в 1960–1970-е значительно улучшилось материальное положение людей: росла заработная плата, действовала всеобщая система пенсионного обеспечения, преобладающим типом городского жилища стали отдельные квартиры, в повседневную жизнь вошли телевизоры, холодильники, радиоприемники, улучшилась структура питания. В 1970 г. первую партию легковых автомобилей выпустил завод в Тольятти, сооружение которого началось лишь тремя годами ранее.

Немалую роль в этих достижениях, однако, сыграла не интенсификация производства, а экспорт в колоссальных количествах нефти и газа на Запад. За 1970–1985 гг. страна получила порядка 170 млрд долларов от продажи энергоносителей (так называемые нефтедоллары). Однако истрачены они были в основном на закупки продовольствия

и одежды, бытовых предметов. В принятии политических решений, связанных с производством и распределением национального дохода, не участвовали те структуры политической системы, которые должны были по своему статусу бороться за "интересы трудящихся": профсоюзы, молодежные организации и др. Традиционные же структуры власти по-прежнему исходили из приоритета обороны и развития тяжелой промышленности. Становилось очевидным, что без реального демократического преобразования управления народным хозяйством добиться перемен к лучшему невозможно. В отсутствие же таких перемен доля потребления в национальном доходе СССР, по некоторым данным, составляла не более 35–38% (по официальной статистике — 70–75%), в то время как в развитых западных государствах — от 65 до 82%. Даже в тех странах социалистического лагеря, где хоть частично действовали элементы рынка и остатки демократических традиций, уровень жизни был намного выше, чем в СССР.

Одним из "факторов торможения" в эти годы стал глубокий нравственный кризис. Сохранение псевдодемократической системы под лозунгами социалистической демократии и гуманизма по мере углубления разрыва между декларациями и реалиями жизни вели общество к духовному кризису. Главным противоречием между властью и обществом, сложившимся в эти годы, стало противоречие между существующей политической системой и новыми потребностями и запросами стремительно выросшего в интеллектуальном и культурном отношении населения страны. Реализовать эти объективные запросы и качественно новые условия жизни власть не могла. Но если в прежние годы от выступлений против режима уберегала карательная машина ОГПУ — НКВД — КГБ, то в новых условиях страх перед карательными органами стал намного меньше, хотя репрессии сохранились, утратив лишь массовый характер и наиболее откровенные формы.

По мере свертывания процессов десталинизации в обществе возникали ростки оппозиционной "антисистемы". В 1960-е гг. в советском обществе возникла новая форма духовной оппозиции — диссидентство. По словам одного из его лидеров Андрея Синявского, "советское диссидентство — это интеллектуальное, духовное и нравственное сопротивление". "Спрашивается теперь: сопротивление чему? Не просто ведь советскому строю вообще. Но — сопротивление унификации мысли и ее омертвению в советском обществе". Инакомыслие и действие на основе его — вот главное в движении. Как пишет современный исследователь, "Идея, что можно действовать не против власти и не за нее, а независимо от нее, что культурная и гражданская инициатива может просто игнорировать негласные запреты, не имеющие ни-

какого законного обоснования, была, конечно, абсолютно нова для советского человека. Но она была и привлекательна — тем, что позволяла проявлять себя открыто, не прячась, не уходя в подполье. Ключевым для нового типа социального поведения стало слово "независимость".

В 1965 г. были арестованы и в начале 1966 г. осуждены писатели Юрий Даниэль и Андрей Синявский, опубликовавшие свои новаторские и критические произведения за границей. Приговор был жестким: семь и пять лет лагерей строгого режима. Во время процесса состоялась первая в советское время демонстрация под правозащитными лозунгами 5 декабря (день советской Конституции 1936 г.) 1965 г. К памятнику Пушкину пришло около 200 человек, развернувших плакаты с надписями "Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!" и "Уважайте советскую Конституцию!" Правозащитники считали, что законы следует понимать так, как они написаны, а поскольку на бумаге конституция 1936 г. гарантировала гражданские права и свободы, то они стали добиваться их осуществления. Тем самым была пробита первая брешь в стене советского двоемыслия, а власти были буквально ошарашены такой постановкой вопроса.

Дополнит эту позицию Александр Солженицын в своем знаменитом послании 1974 г. "Жить не по лжи!". "Наш путь: ни в чем не поддерживать лжи сознательно! Осознав, где граница лжи (для каждого она еще по-разному видна), — отступиться от этой гангренной границы! <...> Будут нас тысячи — и не управятся ни с кем ничего поделать. Станут нас десятки тысяч — и мы не узнаем нашей страны! Если же мы струсим, то довольно жаловаться, что кто-то нам не дает дышать — это мы сами себе не даем!"

В 1967 г. за свою деятельность были арестованы поэт Юрий Галансков и публицист Александр Гинзбург. В 1968 г. впервые в качестве репрессивной меры властей против инакомыслящих были использованы возможности специализированных психиатрических лечебниц. В 1969 г. в них были помещены арестованные поэт Илья Габай и генерал Петр Григоренко. В мае 1969 г. была создана первая в СССР открытая общественная ассоциация — Инициативная группа защиты прав человека в СССР (Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев и др.). С 1965-го начал свою правозащитную деятельность академик Андрей Дмитриевич Сахаров. В 1974-м был выслан на Запад лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 г. Александр Солженицын. В конце 1979 — начале 1980 г. были арестованы или сосланы почти все лидеры и активные участники правозащитного движения в СССР (в том числе в Горький был сослан Сахаров). Открытым ассоциациям в стране был положен конец.

В СССР действовали также и национальные движения и организации: Украинское национальное движение, Литовское национально-демократическое движение, Эстонское национально-демократическое движение, Армянское национальное движение, Грузинское национальное движение, Крымско-татарское движение за возвращение в Крым, движение турок-месхетинцев за возвращение на родину, еврейское движение за выезд в Израиль, движение советских немцев за выезд в ФРГ и др. Все они также подверглись репрессиям в конце 1970-х.

Несмотря на "террористически-атеистический", по выражению священника Александра Меня, характер советского государства, под спудом официальной идеологии началось постепенное религиозное возрождение. Кризис доверия к власти и нарастание общей "кривды" режима способствовали усилению интереса как к традиционным, так и к новым формам веры. В 1980 г. в стране существовало более 3 тыс. незарегистрированных религиозных объединений. Если в 1960-е гг. советские социологи говорили о 10–15% верующих среди городского населения, то десятилетием позже их уже было 20–30%, причем значительную часть составляла новообращенная молодежь. Классическим примером бурной и плодотворной миссионерской, катехизаторской и социальной деятельности стал приход Сретенской церкви Новой Деревни под Москвой, где служил отец Александр Мень — "ангел-чернорабочий", по словам поэта Александра Зорина. Причем реальной поддержки патриархии, строго контролировавшейся партией и КГБ, новые процессы в церкви не получили. За это ее критиковали как Солженицын, так и священники Глеб Якунин, Дмитрий Дудко, Николай Эшлиман.

Инакомыслие и организованные формы протеста возникали в различных и порой весьма неожиданных областях. Так, по данным Л. М. Алексеевой, за 1955–1985 гг. произошло 76 забастовок: три из них состоялись во второй половине 1950-х, 17 — в 1960-е, 25 — в 1970-е, 31 — в начале 1980-х. Люди требовали повышения зарплаты, сохранения льготных отпусков и т.д. Конфликты разрешались в результате переговоров, причем нередко при посредничестве парткомов и профкомов.

Важные события произошли в Советской армии. 8 ноября 1975 г. замполит большого противолодочного корабля "Сторожевой" капитан 3-го ранга Валерий Саблин арестовал командира, занял его место на мостике и повел корабль в нейтральные воды, где обратился к руководителям страны с воззванием. Не выступая против советской власти и "коммунистической перспективы", он предупреждал о пагубности проводимого в стране курса. В обращении говорилось: "Граждане, отечество в опасности! Его подтачивают казнокрадство и демагогия, показуха и ложь... Вернуться к ленинским принципам, к демократии

и социальной справедливости... Уважать честь, жизнь и достоинство личности...” В письме командиру флотский политработник так объяснял мотивы выступления моряков: “...мы не предатели Родины, а наше выступление носит чисто политический характер. Надо разбудить народ от политической спячки!” Поднятые в воздух военные самолеты обстреляли “Сторожевой” и вынудили его остановиться. Саблин был отдан под трибунал и расстрелян.

Власть откликнулась на все эти выступления совершенствованием репрессивного аппарата. С приходом в 1967 г. к руководству КГБ секретаря ЦК Юрия Андропова борьба с инакомыслием была поставлена на “научную” основу. По его предложению было создано пятое управление КГБ по борьбе с инакомыслием. Его сотрудники были внедрены во все или почти все учреждения, организации и движения — молодежные, религиозные, национальные, общественно-политические. Они вели скрытое и открытое наблюдение не только за правозащитными деятелями, но и за их потенциальными союзниками, прослушивали телефоны. Изменились и средства воздействия: в большинстве случаев диссидентов судили не за их политическую деятельность, а как нарушителей уголовного законодательства. Им ставился беспрецедентный в мировой медицинской практике диагноз “шизофренический синдром агрессивного антисоветизма”. Многие из них были осуждены на принудительное “лечение” в специализированных психиатрических лечебницах, находившихся на балансе МВД. Борьба с инакомыслием методами “карательной психиатрии” — это ноу-хау Андропова, о чем не мешало бы вспомнить сегодня, прежде чем ставить ему памятники.

При Брежневе вновь была ужесточена цензура. Множество интересных книг, статей, кинофильмов так и не увидели свет по причинам идеологического характера. Так начала складываться знаменитая “полка”, на которую попадали самые талантливые и правдивые произведения, впоследствии составившие золотой фонд советской литературы, кино и т. д. В личной беседе с писателем Василием Гроссманом главный идеолог партии Михаил Суслов сказал, что его новаторский и необыкновенно смелый по мысли роман “Жизнь и судьба” будет опубликован только “лет через триста”. К счастью, ошибся…

Совершенно уникальную роль в поздней советской культуре и общественной жизни сыграл театр. Георгий Товстоногов, Юрий Любимов, Анатолий Эфрос, Олег Ефремов, Галина Волчек и другие создатели авторского театра во многом взяли на себя функции крепко задушенных университетской кафедры и церковного амвона. Их лучшие спектакли стали школой не только художественности, но и гражданственности, злободневной в лучшем понимании этого слова. Гамлет Высоцкого

читал со сцены стихи Пастернака, связывая драмы шекспировских, сталинских и брежневских эпох, а во время знаменитого монолога ибсеновского "врага народа" доктора Стокмана, обличавшего преступный конформизм большинства, в зале театра "Современник" зажигался свет, и то самое большинство могло посмотреть в глаза друг друга.

Расширялся круг неподконтрольных власти источников информации. Основными были тамиздат (книги, издававшиеся за рубежом и нелегально ввозившиеся в СССР) и самиздат (напечатанные на пишущих машинках здесь). Наиболее читаемыми были "Архипелаг ГУЛАГ" Александра Солженицына, ставший практически обязательным чтением интеллигенции, и книги по национальным и политическим проблемам Абдурахмана Авторханова. Большое влияние на общественное сознание оказывала тамиздатная периодика, особенно журнал "Посев", за чтение которого, как и "Архипелага...", можно было запросто получить восемь лет тюрьмы.

Зарубежное радиовещание на СССР давало картину событий в стране и мире, в корне отличную от той, что преподносила советская пропаганда. "Есть такой обычай на Руси — вечерами слушать Би-би-си", — говорили "совграждане", настраиваясь на короткие волны своих радиоприемников в надежде сквозь вой глушилок и помехи эфира услышать "Голос Америки", "Немецкую волну" или другие западные радиостанции. Наутро на работе, как правило, шел обмен новостями и оживленное обсуждение услышанного.

Наконец коммунистическая власть 1 августа 1975 г. нанесла сама себе мощный удар, подписав Хельсинкские соглашения. Ирония судьбы была в том, что СССР пошел на их подписание, в частности, для обеспечения свободы действий при подавлении антикоммунистического сопротивления в социалистических странах Европы. Взамен же Брежнев был вынужден подписать документы по правам человека. Их публикация в центральных советских газетах произвела на значительную часть общества впечатление разорвавшейся бомбы. В 1976 г. в Москве была создана группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, которую возглавил Юрий Орлов.

"Тут не трубу, тут всю систему менять надо"

В экономической области все более становилась ясна полная несостоятельность советской хозяйственной системы. Темпы роста производительности труда падали даже по официальным данным. Так,

в 1966–1970 гг. они составляли в среднем за год 6,8%, в 1971–1975-х — 4,4%, в 1976–1980-х — 3,8%. Фактически же за эти периоды они составили 4,1, 1,4 и –0,3% соответственно. Но во второй половине 1970-х гг. началось абсолютное падение производительности труда и объемов производства.

Потребительский спрос оставался неудовлетворенным. Например, в докладе комиссии академика Кириллина в 1979 г. утверждалось: "Трудно найти такую товарную группу, на товары которой спрос удовлетворялся бы полностью… По ориентировочным оценкам, в 1970 г. — 20%, а в 1978-м — уже 53% прироста сбережений образовалось в результате неудовлетворенного спроса". В 1980 г., по подсчетам ленинградского математика и экономиста Е. Я. Крола, неудовлетворенный спрос составил уже 75%. По данным доклада той же комиссии, в 1978 г. телефонов в СССР было в десять раз меньше, чем в США, компьютеров — в 100 раз меньше. В 5% городов и 15% поселков не было водопровода, а в 30% городов и 60% поселков — канализации. Неэффективность советской экономики и до сих пор потрясает воображение: при нулевом приросте продукции сельского хозяйства в 1976–1985 гг. государственные капиталовложения в него составили 150 млрд долларов. СССР добывал железной руды в семь раз больше, чем США, чугуна из нее выплавлял в три раза больше, чем США, а стали из этого чугуна — вдвое больше. Машин из этого металла выпускал по стоимости почти столько же, как и США. При всей риторике о "преимуществах социализма" СССР проигрывал США экономическое соревнование, равно как и вообще холодную войну.

Таким образом, развитие советской системы в середине 1960-х — начале 1980-х гг. вело к углублению противоречий между властью и обществом. Все попытки даже умеренного политического реформирования, предпринятые при Хрущеве, были надолго прерваны Брежневым и его окружением. Застойные явления в экономическом развитии сопровождались устойчивой тенденцией к застою и в политической жизни, культуре, социальном развитии СССР. Брежневские 18 лет правления, как 18 ступеней вниз, неизбежно вели государство и общество к кризису…

"От Ильича до Ильича"

В 1974 г. кинорежиссер Андрей Тарковский снял фильм "Зеркало", с трудом выпущенный цензурой и шедший "вторым экраном". Сюжет непростого философского фильма был построен на образе зеркала —

мистической памяти человека, его высшего суда. Зеркало не дает человеку соврать, учит его говорить правду о самом себе и стране, о прошлом и настоящем. Первый эпизод фильма — своеобразный ключ ко всему, что Тарковский хотел сказать зрителю. Женщина-логопед невероятно напряжено работает с заикающимся, косноязычным подростком. Через несколько минут происходит чудо — мальчик с трудом, но вполне ясно произносит: "Я — могу — говорить!" Как речь делает человека, так способность к свободному слову и действию — гражданина. Без этой альтернативы "рабскому покою", которая буквально проросла в годы брежневского "застоя", не совершилась бы демократическая революция 1991 г.

Если бы семеро не вышли на площадь…

Подробнее на эту тему

Аман И. *Александр Мень: Свидетель своего времени*. М., 2004.
Алексеева Л. *История инакомыслия в СССР*. М., 1992.
Вайль П., Генис А. *60-е. Мир советского человека*. М., 1998.
Вишневский А. Г. *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. М., 1998.
Медведев Р. А. *Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева.* М., 1991.
Новиков В. И. *Высоцкий*. М., 2005.
Пихоя Р. Г. *Советский Союз: История власти. 1945–1991*. М., 1998.

1987 Человеческий фактор

27 января 1987 г. Генеральный секретарь Центрального комитета КПСС Михаил Сергеевич Горбачев в докладе на пленуме ЦК признал провал провозглашенного за два года перед тем партийного курса: “…дело перестройки оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем — более глубокими, чем это представлялось нам раньше”.

Уже само по себе подобное публичное признание с высочайшей трибуны было делом невиданным, но выводы были и вовсе революционными. Генсек во всеуслышание объявил, что причина неудач коренится не в отдельных частных недостатках, а в самом существе советской системы: “…образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития... Корни этого торможения — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших, а подчас и не отвечающих реальностям политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления”.

Осторожный Михаил Сергеевич сделал все, чтобы не испугать престарелых соратников и преподнести им революционную новацию в оболочке традиционных советско-бюрократических штампов. Доклад носил рутинное название “О перестройке и кадровой политике партии”, а в тексте неоднократно подчеркивалось, что “речь, разуме-

ется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы", а всего лишь о том, чтобы "с максимальной эффективностью использовать все ее возможности".

Впрочем, первоначальные замыслы Михаила Сергеевича едва ли простирались далее обновления партийно-хозяйственной номенклатуры под знаменем возвращения к "ленинским нормам". "В условиях перестройки, — докладывал пленуму Горбачев, — когда с такой остротой встала задача активизации человеческого фактора, мы должны еще раз вернуться к ленинской постановке вопроса о максимуме демократизма социалистического строя, при котором человек чувствует себя хозяином и творцом".

Но, решившись "активизировать человеческий фактор", Горбачев запустил процессы, которые уже не в состоянии был ни направлять, ни остановить.

Ускорение "назад к Ленину"

Решимость Горбачева имела простое объяснение: Советский Союз стоял на пороге глубокого кризиса. Социалистическая экономика исчерпала свои возможности уже к середине 1970-х, когда была остановлена "косыгинская" реформа, вводившая в хозяйственную жизнь зачатки рыночных отношений. Нужда, однако, заставила бы проводить реформы, как пришлось их начать в 1978 г. Коммунистической партии Китая. Но советской власти крупно подфартило. Мировой топливный кризис 1973 г. привел к резкому повышению цен на нефть, и освоение примерно в то же время крупнейших месторождений в Западной Сибири позволило отложить реформы в долгий ящик. За счет обильно притекающих в страну "нефтедолларов" не только подкармливались африканские и азиатские диктаторы, "ступившие на путь строительства социализма", но и поддерживался скромный достаток основной массы неизбалованных советских граждан.

Падение нефтяных цен на мировых рынках в 1985 г. окончательно подкосило систему. Накопленных ресурсов хватило бы для продолжения прежней жизни максимум на пять лет. Далее неизбежный крах экономики "развитого социализма" привел бы к социальному взрыву колоссальной силы.

Для обновления системы требовались люди нового склада. 11 марта 1985 г. Генеральным секретарем был избран Михаил Горбачев. В отличие от ветхих старцев, которых страна привыкла видеть у кормила государства в предшествующее десятилетие, новый генсек был срав-

нительно молод (всего 54 года) и бодр, имел два высших образования, охотно "встречался с людьми" и говорил "без бумажки".

Никакого ясного плана реформ Горбачев в ту пору не имел. Социализм представлялся ему вполне жизнеспособным строем, в советскую систему надлежало внести лишь некоторые частные исправления.

23 апреля 1985 г. новый Пленум ЦК КПСС объявил курс на "ускорение научно-технического прогресса". Решить задачу предполагалось испытанными административными приемами. Изобретатель концепции "ускорения" академик А. Г. Аганбегян предлагал повысить эффективность социалистической экономики за счет опережающего развития машиностроения. Корнем зла объявили упадок "производственной и исполнительской дисциплины" по причине пьянства. 17 мая 1985 г. было опубликовано постановление ЦК КПСС "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма". Продажа спиртного отныне должна была производиться только в ограниченном числе специализированных "торговых точек" и только с двух часов пополудни до семи вечера. Производство "ликеро-водочной продукции" предполагалось сократить вдвое в ближайшие четыре года.

Административными методами пытались на первых порах поднять и качество производства. В мае 1986 г. была создана госприемка — служба государственных контролеров, независимая от администрации предприятий.

Отдал дань Горбачев и реорганизациям бюрократического аппарата в хрущевском стиле. 22 ноября 1985 г. в единое суперведомство Государственный комитет по агропромышленному комплексу (Госагропром, в народе тут же прозванный "Минарбузом") были слиты министерства сельского хозяйства, сельского строительства, плодоовощного хозяйства, пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности и госкомитет по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства.

Власти метались от ужесточения борьбы с хозяйственной самодеятельностью граждан к ее поощрению. 15 мая 1986 г. вышло постановление ЦК КПСС о борьбе с нетрудовыми доходами, призывавшее к искоренению чуждой социализму частнособственнической идеологии. Но не успели граждане включиться в новую борьбу со стяжателями, как 14 августа было разрешено создание кооперативов по сбору и переработке вторичного сырья, а 19 ноября 1986-го появился "Закон об индивидуальной трудовой деятельности". Два новых закона открывали путь, хотя и тернистый, легальному частному предпринимательству.

Все эти экономические новации только способствовали ускоренному краху советской хозяйственной системы. Прямолинейный Егор

Лигачев, назначенный в Политбюро ЦК курировать антиалкогольную кампанию, вел дело прямиком к сухому закону. Производство "ликеро-водочных изделий" сократили на 40% в первые же полтора года, в местах традиционного виноделия вырубались сортовые виноградники. В ожидании открытия винных магазинов у дверей выстраивались километровые очереди, а после "штурма" оттуда нередко выносили задавленных насмерть. По официальной статистике, потребление алкоголя сократилось с 8,4 литра в 1984 г. до 3,3 литра в 1987-м. Но страна вовсе не стала меньше пить. В ход пошли алкогольные суррогаты от дешевых одеколонов до мебельной морилки. В магазинах появились объявления о продаже одеколона с 14 часов и не более двух пузырьков "в одни руки". Производство самогона приняло небывалые прежде масштабы.

Гигантский Госагропром (5 тыс. чиновников коего должны были вести отчетность по 150 тыс. показателей) оказался недееспособен, и фактическое распоряжение сельским хозяйством перешло в руки районных и областных агропромышленных объединений, в результате чего распределение дефицитных ресурсов оказалось в руках местных партийно-хозяйственных кланов. В 1989 г. Госагропром без лишнего шума распустили, восстановив сельскохозяйственные ведомства, но контроль центра за этой важной сферой был утрачен.

Госприемка, в которую отвлекались с производства лучшие специалисты, браковала до половины промышленной продукции. Директора и трудящиеся возмутились — план горел, а вместе с ним и премии. Вскоре госприемка приказала долго жить.

Катастрофой обернулось массированное вливание капиталов в машиностроение — отрасль, не дающую скорой отдачи на потребительском рынке. Советское машиностроение на мировой уровень не поднялось, а казна была истощена, государство вынуждено было резко сократить закупки продовольствия и предметов потребления за рубежом. Начался настоящий "товарный голод".

Гораздо большее значение, нежели эти экономические акции, имела "кадровая политика" Горбачева, преследовавшая две основные цели. Во-первых, устранялись откровенные коррупционеры — "перерожденцы" вроде ленинградского партийного начальника Романова, жившего буквально по-царски (для свадьбы его дочери позаимствовали музейные императорские сервизы), и московского — Гришина, превратившего столицу в свою криминально-феодальную вотчину. Во-вторых, с верхних ступеней номенклатуры постепенно устранялись все не сочувствовавшие реформаторскому курсу Горбачева. За первые два года своего правления Горбачев сменил 70% членов Политбю-

ро, 60% секретарей областных парторганизаций и 40% членов ЦК КПСС. На освободившиеся места генсек ставил людей, пользующихся его личным доверием. Министерство иностранных дел возглавил Эдуард Шеварднадзе, Верховный Совет — друг Горбачева со студенческих времен Анатолий Лукьянов, отдел ЦК, ведавший идеологией и пропагандой, — сторонник радикальных перемен, сосланный после свертывания косыгинских реформ послом в Канаду, Александр Яковлев. "На Москву" вместо Гришина был переведен энергичный секретарь свердловского обкома Борис Ельцин.

Но подлинное новшество горбачевской политики, имевшее далеко идущие последствия, заключалось в "гласности". Словечко это, не переводимое на другие европейские языки, впервые появилось в России в эпоху первой "оттепели" в начале царствования Александра II. В 1862 г. Чернышевский ехидничал, что "гласность — это бюрократическое выражение, придуманное для замены выражения "свобода слова" и придуманное по догадке, что выражение "свобода слова" может показаться неприятным или резким кому-нибудь". Горбачевская гласность поначалу и предполагала только оглашение фактов лихоимства, нераспорядительности и т. п. явлений, мешающих реализации "потенциала социализма". Но и ограниченная открытость власти для "критики снизу", даже простое описание реального положения дел, была для отвыкшей от этого страны явлением чрезвычайным, быстро изменившим общественную атмосферу.

Первым актом новой политики стал показ по телевидению 17 мая 1985 г. встречи Горбачева с ленинградским партийным "активом". Впервые многое из того, о чем говорилось "в закрытом порядке" в партийных верхах было, по выражению Горбачева, "выплеснуто на всех". Цензура продолжала существовать, но рамки допустимого были существенно раздвинуты. В феврале 1986 г. на XXVII съезде партии Горбачев провозгласил, что "зон, свободных от критики" быть вообще не должно. Однако на практике власть продолжала "дозировать" информацию, доступную общественности.

Подлинная цена дозированной информации была невелика, что особенно ясно показала страшная катастрофа, произошедшая в ночь на 26 апреля 1986 г. на Чернобыльской атомной электростанции недалеко от Киева. Выброс радиоактивных элементов в результате аварии был в 90 раз больше, чем в Хиросиме. Радиоактивное облако дотянулось до стран Центральной и Северной Европы, где предпринимались энергичные меры по оповещению населения об опасности и его защите. В СССР об аварии коротко сообщили только 28 апреля, эвакуация жителей из смертельной "тридцатикилометровой зоны" нача-

лась 2 мая. Первомайская демонстрация и детский праздник на улицах Киева были проведены с обычной помпой.

Стратегия слома "механизма торможения", которую сам Горбачев избегал формулировать прямо (это сделал экономист Гавриил Попов), предполагала сокрушить его "массовым движением трудящихся, опирающимся на волю руководства партии". Главной задачей горбачевской гласности тем самым становилась пропаганда реформаторских идей и обличение пороков административной системы, сложившейся после смерти Ленина.

Интеллигенция с энтузиазмом включилась в процесс "ликвидации белых пятен" — фальсификаций и умолчаний, которыми изобиловала отечественная история. Именно в это время родился знаменитый афоризм о России как о стране с "непредсказуемым прошлым". Объектом главного удара новой публицистики стала сталинская эпоха. В 1986 г. на экраны был выпущен блестящий фильм Тенгиза Абуладзе "Покаяние", снятый еще в 1984-м, но отправленный "на полку" советской цензурой. Гротескное изображение диктаторского режима советского типа завершалось символической сценой. Услышав, что улица имени великого вождя не ведет к храму, пожилая дама задумчиво вопрошала: "Зачем нужна улица, если она не ведет к храму?" Образ улицы, не ведущей к храму, стал символом "реального социализма".

В качестве идеальной альтернативы сталинского "бесконечного тупика" был создан идиллический образ ленинской "новой экономической политики". Истинным продолжателем дела Ленина был провозглашен Николай Бухарин, превратившийся под пером отечественных мифотворцев из теоретика "военного коммунизма" в провозвестника "социализма с человеческим лицом".

"Больше демократии — больше…"

За "социализм с человеческим лицом" ратовали тогда даже будущие радикальные либералы. Юрий Афанасьев писал в 1987 г.: "Мы, будучи верны социализму подлинному, не намерены довольствоваться социализмом декларативным, который словно в насмешку поименовали "реальным социализмом"... Не всякая наша реальность социалистична, зато потенции социализма реалистичны. Они совсем не исчерпаны предшествующим развитием, скорее, задействованы лишь в малой степени".

Социологические опросы того времени, результаты которых начали публиковать, показывали, что подавляющее большинство советских граждан привержены идеям социального равенства. До 85% опрошен-

ных были уверены, что "государство должно предоставлять больше льгот людям с низким доходом". Огромной популярностью пользовались борцы с привилегиями номенклатуры.

На этом, в частности, заработал свой первый политический капитал Борис Ельцин. Новый московский начальник держался чрезвычайно скромно и повел энергичную борьбу за социальную справедливость — ездил в троллейбусе, заходил в обычные магазины и поликлиники, обрушился на "торговую мафию" и действительно довел до суда дела о коррупции и хищениях в московской торговой сети. Отдыхая, играл с охранниками в волейбол. Этими нехитрыми приемами Борис Ельцин приобрел в Москве чрезвычайную популярность.

Только благодаря безусловному господству в обществе патерналистских настроений, свидетельствовавших, как казалось, о нерушимости "социалистического выбора", Горбачев решился допустить массы до реального политического действия. В январе 1987 г. на пленуме ЦК он провозгласил курс на "серьезную, углубленную демократизацию советского общества", дабы "включить в перестройку решающую силу — народ". "Глубинную суть перестройки", как она представлялась на тот момент партийным начальникам, Егор Лигачев выразил в афористической формуле — "больше социализма". Но, хотя, как шутили тогдашние острословы, демократия отличалась от горбачевской "демократизации" примерно так же, как канал от канализации, результаты самой умеренной "демократизации" политической и экономической жизни оказались губительными для социализма.

Первоначально "демократизация" распространилась только на внутрипартийные отношения и управление производством. 30 июня 1987 г. был принят закон "О государственном предприятии". Закон наделял предприятия экономической независимостью, в течение непродолжительного времени они должны были перейти на полный "хозрасчет" и "самофинансирование". Роль центральных ведомств сводилась к определению "контрольных цифр" хозяйственных показателей и объема "государственного заказа", размеры которого должны были постепенно снижаться. Производимую сверх госзаказа продукцию предприятие могло реализовывать по "договорным" ценам. Полноправным хозяином предприятия становился трудовой коллектив, члены которого получали право выбора директоров и начальников структурных подразделений.

Введение "производственной демократии" имело катастрофические последствия для социалистической экономики. Статья закона, предусматривавшая банкротство убыточных предприятий, которых было около трети, осталась мертвой буквой благодаря лоббистским

усилиям директорского корпуса. Трудовые коллективы стремились обратить львиную долю доходов на потребление и прекратили инвестиции в производство. Дешевые товары замещались дорогими "новыми" марками, не отличающимися от старых ничем, кроме этикеток. Дефицит "предметов первой необходимости" только усилился, сомнения в возможности выбраться из экономического кризиса социалистическими мерами становились все сильнее.

Гласность скоро перестала умещаться в рамках "социалистического выбора". В майском номере журнала "Новый мир" за 1987 г. была опубликована статья Ларисы Пияшевой "Где пышнее пироги?", доказывающая на общепонятных примерах, что только рынок обеспечивает эффективное хозяйствование, а социализм с рынком никаким образом несовместим.

Толчком к радикальному пересмотру социалистических мифов послужило 70-летие Октябрьской революции. Новые данные, преданные гласности в ходе этой кампании, о сопротивлении самых разных социальных групп и отдельных лиц установлению большевистской диктатуры и о чудовищной цене, заплаченной страной за построение казарменного социализма, подорвали в корне мифологему свободного "социалистического выбора".

Экономическая реальность подтачивала веру в идеалы социализма. Революционное значение имело разрешение новых кооперативов, оформленное в феврале 1987 г. серией постановлений Совмина и закрепленное через год в законе "О кооперации". Появление "хозяйствующих субъектов" с принципиально иным статусом, нежели государственные предприятия, способствовало ускоренному разложению социалистического хозяйства. Кооперативы, обладавшие полной свободой хозяйственной деятельности, начали перекачивать к себе ресурсы госпредприятий, при которых большинство из них и были образованы. В эту сферу быстро переместилось множество предприимчивых людей. К началу 1990 г. в кооперативном секторе было занято почти 8 млн человек (4,9 млн — члены кооперативов и 2,9 млн — наемные работники), и еще миллион человек были заняты индивидуальной трудовой деятельностью. Образовался значительный численно, а главное, чрезвычайно энергичный слой людей, которые уже не связывали свое преуспеяние с социалистическими распределительными схемами и нуждались не в государственной "опеке", а в свободе действий.

Не менее разрушительно на социалистическое хозяйство воздействовал и закон "Об аренде". Арендатор получал право выкупа предприятия по ничтожной "балансовой" стоимости. Фактически через

механизм “аренды с выкупом” оказались приватизированы целые отрасли промышленности, в первую очередь текстильная и легкая. В 1990 г. в СССР было уже 6,2 тыс. арендных предприятий, на которых работало 3,6 млн человек.

В результате к 1990 г. в СССР сформировалась альтернативная государственному социализму система хозяйства с совершенно иными ценами и заработками. Параллельное существование этих систем не могло не порождать многочисленных злоупотреблений лиц, приставленных к “социалистической собственности”. Через кооперативы и по “договорным” ценам (всегда значительно более высоким, чем государственные) реализовывалась значительная часть продукции госпредприятий. Вместе с тем мгновенное появление слоя преуспевающих кооператоров, образование системы торговли с высокими ценами, но не знающей дефицита, породили надежды на возможность ускоренного и безболезненного решения всех экономических проблем путем перехода к свободному рынку.

“Партия и правительство” продолжали проявлять заботу о “населении”. 8 сентября 1989 г. Политбюро ЦК КПСС в очередном постановлении признало: “…в стране сложилось нетерпимое положение”, когда “трудящиеся справедливо выражают крайнее недовольство перебоями и исчезновением из свободной продажи многих товаров, и особенно мыла, стиральных порошков, школьных тетрадей и карандашей, лезвий для бритья, зубной пасты, гальванических элементов и батарей, игл к швейным машинам, застежек “молния”, электрических утюгов, чайников, плиток, а также обуви, меховых изделий, лесных и строительных материалов”. Список можно было бы продолжать бесконечно. Но народ, по крайней мере самая энергичная его часть, уже перестал чувствовать себя “населением” — объектом попечительных забот благодетельной власти и готов был позаботиться о себе сам.

Этот тектонический сдвиг в массовом сознании отразили шахтерские забастовки. Уже летом 1989 г. шахтеры Кузбасса выдвигали в числе основных требований незамедлительный переход к рыночной экономике. Разочарование не только в “реальном социализме”, но и в социалистическом идеале, всплеск симпатий к экономическим и политическим моделям Запада достигли пика в 1990 г. Тогда в СССР, по данным социологических опросов, 32% граждан считали образцом государственного и социального устройства США (уже в 1992-м таких осталось лишь 13%), а Китай — только 4%.

Другим неожиданным для советских властей последствием демократизации общественной жизни оказались взрывной рост национализма, обострение межнациональных отношений и, наконец, образование мощных сепаратистских движений. Разочарование в коммунистических идеалах вело к оживлению националистических идеологий — наиболее простого и универсального выхода "широких масс" из состояния социального разочарования. Восстановления своих попранных прав потребовали народы, подвергшиеся принудительным переселениям в сталинское время. Ленинско-сталинский Союз, "нерушимость" которого обеспечивалась механизмом репрессий, затрещал по швам немедленно вслед за ослаблением партийной "вертикали". Как только страх тотального насилия ушел (а это произошло в первый же год перестройки), национальная мина, заложенная создателями Союза, взорвалась.

Видимость благополучия по части "нерушимой дружбы народов" была нарушена уже в марте 1986 г., когда произошли массовые драки между русскими и якутами — студентами Якутского государственного университета. Инцидент спустили на тормозах, в результате чего националы удостоверились в отсутствии у союзного центра решимости и далее применять жестокие репрессии. Национальные движения начали расти как грибы после дождя.

Одна из первых организаций такого рода — патриотическое движение "Память" — возникла в 1985 г. как объединение культурно-просветительных, историко-краеведческих и трезвеннических организаций. Но уже в конце года у руля там оказались радикальные националисты. 21 мая 1986 г. новый лидер движения Дмитрий Васильев опубликовал "Обращение патриотического общества "Память" к русскому народу, ко всем народам нашей великой державы", в котором, ссылаясь на "Протоколы сионских мудрецов", трактовал экономический кризис как результат еврейских происков и призывал превратить перестройку в борьбу с "сионистской агентурой".

Национальные отношения портились, часть консервативной номенклатуры готовилась отстаивать свои господствующие позиции под националистическими знаменами. Генеральный секретарь ЦК КПСС продолжал произносить ритуальные заклинания вроде того, что "в СССР в принципе решен национальный вопрос", но их магическая сила иссякла.

Летом 1988 г. начинается формирование республиканских "народных фронтов". Требования фронтов были поначалу в высшей степени

умеренными. Хартия народного фронта Эстонии, опубликованная 9 сентября, главной целью организации провозглашала "поддержку курса КПСС на перестройку", и лишь в конце списка значилась защита республики от "диктата и засилья союзных ведомств". Но постепенно руководящие позиции во всех фронтах занимают радикалы, все громче начинают звучать голоса о "советской оккупации" Прибалтики в 1939–1940 гг. и необходимости восстановления государственной независимости.

Наиболее губительные последствия для союзного руководства имел конфликт Азербайджана и Армении из-за Нагорного Карабаха (армянское название — Арцах) — области, заселенной преимущественно армянами и "прирезанной" в 1920-е гг. к Азербайджану ради умиротворения Турции. В советские времена автономная область была "падчерицей" республиканского руководства, обделявшего ее разного рода централизованно распределяемыми ресурсами, и среди армянского населения росло желание перейти под юрисдикцию Армении. Первые митинги с такими требованиями прошли в области в октябре 1987 г. и вызвали ответные манифестации в Баку. Обстановка накалялась. Вялая реакция руководства СССР приводила к тому, что верх на обеих сторонах конфликта брали экстремисты, подталкивавшие к "силовому решению вопроса". 26 февраля 1988 г. Горбачев в очередной раз призвал "трудящихся" Армении и Азербайджана "сосредоточиться на решении конкретных экономических, социальных, экологических и других проблем". 27 февраля в Сумгаите началась резня армян. Милиция бездействовала, и для прекращения погромов с большим запозданием были двинуты безоружные курсанты военных училищ, падавшие в обморок при виде обезображенных трупов.

Набирающий силу экономический кризис усиливал стремление республик и даже отдельных регионов к обособлению. Начинают создаваться таможенные барьеры, на дорогах выставляются заставы, не допускающие вывоза из области дефицитной продукции. Повсеместно вводятся "талоны" — аналог "карточек" сталинской эпохи, воспользоваться которыми мог только местный житель. Помимо водки и табака вскоре начинает нормироваться и "раздача" основных продовольственных товаров — мяса, колбасы, масла… В Казани вдобавок к 17 видам повсеместно принятых талонов вводятся карточки на гробы. Единое экономическое пространство начинает распадаться.

В тех республиках, где внутренние национальные отношения были осложнены сепаратизмом автономий, использование силы союзным центром во всех случаях приводило лишь к укреплению "национа-

лов" и ожесточению конфликтов. 4 апреля 1989 г. в Тбилиси начался массовый митинг, организованный лидером "неформального объединения" национальной оппозиции Звиадом Гамсахурдиа (сыном классика грузинской литературы Константина Гамсахурдиа), с требованиями не допустить выхода Абхазии из состава Грузии. 9 апреля войска по распоряжению командующего Закавказским военным округом генерал-полковника Н. Н. Родионова разогнали митингующих "саперными лопатками". Сотни людей были ранены, 19 погибли, в том числе и беременные женщины. Арестованный Гамсахурдиа сделался национальным героем.

Существование СССР в прежнем унитарном виде оказалось под вопросом. Для преодоления экономического кризиса и радикальной перестройки "советской федерации" необходимы были решительные действия союзных властей. Но Горбачев избрал уклончивую и потому обреченную на неудачу политику "центризма".

Самоубийство "центра"

На исходе 1987 г. Михаил Горбачев предпринял попытку обновить партийный идеологический арсенал доктриной "общечеловеческих ценностей". Первоначально это средство предназначалось "для наружного употребления". К числу "общечеловеческих" были отнесены задачи поддержания мира, разоружение и предотвращение экологической катастрофы.

Однако постепенно под давлением журнальной публицистики и более радикальных соратников в ЦК Горбачев начал включать в число "общечеловеческих ценностей" права человека, идеал правового государства и даже основные элементы "западной" модели политической демократии, например разделение властей.

В связи с этим у Горбачева обнаружились критики как "слева", так и "справа". Причем термины эти приобрели совершенно несвойственное им прежде и ныне утраченное значение. "Левыми" назывались противники Горбачева, упрекавшие его в непоследовательности и медлительности. Лидером этого направления осенью 1987 г. стал Борис Ельцин, выступивший в октябре на пленуме ЦК с резкой критикой консерваторов в ЦК.

"Справа" на Горбачева вели наступление ортодоксальные коммунисты. Манифестом этого направления стала статья Нины Андреевой "Не могу поступаться принципами", опубликованная 13 марта 1988 г. в газете "Советская Россия". Автор — дотоле никому не известный

преподаватель одного из ленинградских институтов — осуждала руководство партии за отказ от принципов классовой борьбы и сталинских методов "социалистического строительства". Статья была воспринята как "установка" ЦК и перепечатана во всех областных партийных газетах, что вызвало немалое смущение умов. Публикация случилась в момент отъезда Горбачева в очередное зарубежное турне. На заседании политбюро сразу после его возвращения Лигачев, поддержанный Громыко и Воротниковым, защищал сочинение Андреевой как "образец партийной публицистики". Большинство политбюро вслед за Горбачевым осудило "антиперестроечный манифест" и поручило А. Н. Яковлеву подготовить ответ. 5 апреля в "Правде" была опубликована редакционная статья "Принципы перестройки: революционность мышления и действия", где Андреевой была дана резкая отповедь. "Демократы" вздохнули с облегчением. Сам же Горбачев заговорил, что перестройке угрожают две опасности: ельцинский "авангардизм" слева и сталинистский консерватизм — справа. Между этими Сциллой и Харибдой Горбачев пытался проводить линию "центризма".

Основные контуры политической реформы были намечены на XIX Всесоюзной партконференции, проходившей в Москве с 28 июня по 1 июля 1988 г. Горбачев не позволил консерваторам свернуть разговор на частные усовершенствования хозяйственного механизма. Конференция провозгласила целью политических реформ построение в СССР "правового государства", для чего предполагалось прежде всего лишить партийные органы хозяйственно-распорядительных функций, передав их советам, обновленным в соответствии с принципами парламентаризма. Согласие партийной номенклатуры на передачу власти советам было куплено оговоркой о совмещении постов председателя совета и партийного комитета соответствующего уровня. Планировалась и реформа "советского федерализма", "расширение прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций". В качестве ближайшего конкретного шага в реализации этой программы предстояло собрать Съезд народных депутатов СССР в составе 2250 человек. Причем две трети его состава должны были избираться непосредственно гражданами "на альтернативной основе", а треть — "общественными организациями".

На конференции "левые" и "правые" вступили в лобовую конфронтацию. На заседании, которое транслировалось (небывалое новшество) в прямом эфире, лицом к лицу столкнулись Борис Ельцин и Егор Лигачев. Ельцин резко выступил против камуфляжного "совмещения

постов", требовал ввести возрастной предел для членов Политбюро и утверждал, что "если бы на месте товарища Лигачева был какой-то другой человек, то перестройка пошла бы быстрее". Неповоротливый Лигачев только и мог ответить: "Борис, ты не прав!" Тем не менее Ельцин принес повинную за чрезмерно острое выступление на октябрьском пленуме и просил о "политической реабилитации". Лидеры правых и левых были одинаково унижены, а решения конференции, казалось, укрепили позиции Горбачева в борьбе с наметившимися крайностями политического спектра.

Но настроение страны быстро менялось ввиду хронического отсутствия стирального порошка и под влиянием либеральной публицистики, которая в тот период оказалась талантливее как коммунистической, так и националистической. Авторитет КПСС неудержимо падал. "Первые лица" советско-партийной номенклатуры проигрывали на всех альтернативных выборах. Неизменно поддержку получали те лидеры, которых номенклатура хотела "утопить". Опальный Борис Ельцин получил в Москве 89,4% голосов. Молодежь шла на выборы под лозунгом "Борис, ты прав!".

Не оправдали надежд консерваторов назначенцы на съезд от "общественных организаций". От КПСС, ВЛКСМ и Комитета советских женщин действительно были избраны в основном консерваторы. Однако сотрудники исследовательских институтов Академии наук подняли форменный бунт и не позволили Президиуму Академии сформировать депутацию по своему вкусу, а в публичной полемике победу одержали "демократы". От Академии были избраны недавний политический ссыльный Андрей Сахаров, Николай Шмелев, Александр Яковлев, Геннадий Лисичкин и Юрий Карякин, составившие на съезде ядро радикальной оппозиции.

В начале работы съезда, длившегося с 25 мая по 9 июня 1989 г., тон задавало послушное воле начальства большинство провинциальных делегатов. Горбачев был избран Председателем Верховного Совета. Съезд провозгласил, что принимает на себя всю полноту власти в стране, а чтобы никто особенно не обольщался относительно природы этой власти, избранный заместителем Горбачева А. И. Лукьянов предупредил: "Тот, кто под лозунгом "Вся власть Советам!" подразумевает власть без партийного руководства, сознательно тянет нас на семь десятилетий назад".

Однако при избрании членов Верховного Совета, который отныне должен был стать профессиональным постоянно действующим органом, а не собираться, как в советские времена, на три дня в год для "штемпелирования" партийных директив, случился скандал. Ап-

паратчики подготовили списки загодя, и Горбачев искусно пресекал все попытки "демократов" развернуть о них дискуссию. Но на третий день работы съезда "демократы" взбунтовались: ректор Московского историко-архивного института Юрий Афанасьев публично обвинил Горбачева в том, что он, опираясь на "агресивно-послушное большинство" съезда, формирует "сталинско-брежневский" Верховный Совет.

Депутаты съезда были организованы в региональные группы, от которых назначались ораторы. "Демократам" при такой постановке дела слово доставалось редко, и 7 июня Гавриил Попов объявил о формировании Межрегиональной депутатской группы, лидерами которой стали Андрей Сахаров, Юрий Афанасьев и Борис Ельцин. В группу вошло 388 депутатов, стремившихся к ускорению реформ.

Политика бесповоротно стала публичной. В октябре 1987 г. власти не разрешили напечатать выступление Ельцина на пленуме ЦК (сегодня только очень зоркий глаз способен увидеть содержащуюся в нем "крамолу"), в мае 1989-го в прямом эфире на всю страну произносились речи, какие прежде, таясь от детей, вели вполголоса по ночам на кухнях. Страна приникла к экранам, боясь пропустить хотя бы одно выступление "демократов". Телевизоры выставляли в окна первых этажей, и прохожие толпами собирались у них во время очередного острого выступления. "Межрегионалы", на съезде составлявшие меньшинство, стали лидерами общественного мнения.

На II съезд народных депутатов в декабре межрегиональная группа явилась значительной общественной силой и выступила с развернутой программой радикальной политической реформы. Главным пунктом было требование отмены 6-й статьи конституции, закреплявшей монополию КПСС на власть в качестве "руководящей и направляющей силы" общества. Председательствующий на съезде Горбачев грубо заткнул рот Сахарову, огласившему реформаторскую программу, и через два дня после этой стычки академик скончался. Безусловным лидером "демократов" теперь стал Ельцин.

Влияние идей межрегиональной депутатской группы было гораздо более значительным, чем доля их на съезде. Опросы общественного мнения показывали, что требование об отмене 6-й статьи поддерживало в целом по стране более половины граждан, а в крупных городах до 70%.

В экономической политике "межрегионалы" требовали немедленного ускоренного перехода к рынку и демонтажа "унитарно-имперского государства", образования новой добровольной федерации. В ответ 24 мая 1990 г. председатель Совета министров СССР Николай Рыжков обнародовал в Верховном Совете правительственную программу дей-

ствий по “переходу к регулируемой рыночной экономике” за 10–15 лет. В качестве первого шага предусматривалось вместо либерализации цен их повышение вдвое, а на хлеб — втрое. Через два часа после трансляции рыжковского доклада последние остатки товаров были сметены с прилавков государственных магазинов. Страна перешла на “натурообмен”: бригада артистов получала за концерт три курицы и два десятка яиц. Народ перестал верить в способность КПСС изменить положение к лучшему даже во главе с генсеком-реформатором.

Стремление к обособлению от консервативного центра усиливалось. В августе 1989-го прибалтийские народные фронты, не дожидаясь решения союзной комиссии о пакте Молотова — Риббентропа, провозгласили целью полную независимость своих республик и уже весной 1990-го пришли к власти в результате парламентских выборов. В январе 1990 г. российские “демократы” приняли на вооружение новую стратегию — завоевать большинство в России, объявить о ее суверенитете и проводить реформы независимо от “союзного центра”. С этой целью был создан предвыборный блок “Демократическая Россия”. Учредителями его выступили кандидаты демократической ориентации от 22 регионов России. Программа блока повторяла требования “межрегионалов”.

Одновременно на Горбачева усиливали натиск консерваторы. В феврале 1990-го на пленуме ЦК его обвинили в “мягкотелости”. Горбачеву, Яковлеву и Шеварднадзе досталось за провал экономических реформ, развал Варшавского блока и отказ от коммунистической идеологии. Впервые перед Горбачевым встала необходимость выбирать между правыми и левыми. Он склонился к союзу с “правыми”, и “Правда” напечатала серию статей с разносной критикой “демократов”, а местные партийные комитеты, приняв, по обыкновению, эти статьи за руководство к действию, приступили к исключению из партии сторонников “Демократической платформы” — фракции, созданной в январе 1990 г. лидерами Межрегиональной депутатской группы.

Несмотря на агитацию против “Демократической России” в центральных СМИ, 4 марта на выборах народных депутатов РСФСР блок одержал уверенную победу и сформировал крупнейшую фракцию съезда. “Демократы” Гавриил Попов и Анатолий Собчак возглавили советы в столицах. Популярность Горбачева к этому времени упала настолько, что он даже не решился идти на всенародные выборы и 15 марта был избран президентом СССР на съезде народных депутатов голосами “центристов”. Против кандидатуры Горбачева голосовали как “демократы”, так и “державники” — сторонники сильного унитарного государства, образовавшие группу “Союз”.

16 мая открылся Первый съезд народных депутатов РСФСР, проходивший в упорной борьбе между "демократами" и коммунистами-консерваторами. Основная борьба проходила за состав Верховного Совета и пост его председателя. 28 мая Горбачев выступил на съезде с призывом голосовать против Ельцина и поддержал лидера Компартии России Полозкова. 29 мая председателем Верховного Совета РСФСР был избран Ельцин 535 голосами против 502, а его заместителем стал экономист-реформатор, заведующий кафедрой в Московском институте народного хозяйства Руслан Хасбулатов. 12 июня, в последний день работы, съезд принял декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Примеру России вскоре последовали все остальные республики СССР, принявшие аналогичные декларации. Первоначально суверенитет означал только верховенство республиканских законов над общесоюзными, то есть речь шла лишь о новом распределении полномочий между республиками и "союзным центром", однако в дальнейшем логика политической борьбы привела к радикальному пересмотру понятия "суверенитет".

Горбачев тем временем продолжал лавировать между "демократами" и консерваторами, но такое лавирование не могло продолжаться долго. Взрыв произошел на XXVIII съезде КПСС в начале июля 1990 г. Одобренная съездом платформа "К гуманному демократическому социализму" была невнятным клоном программных документов европейских социал-демократов. А новый устав, формально допускавший сосуществование внутри КПСС фракций, в действительности лишь усиливал влияние партийной верхушки. 10 июля Горбачев был избран Генеральным секретарем партии голосами партийного "болота". Тогда Борис Ельцин заявил о выходе из КПСС и демонстративно покинул зал. Его примеру последовали Попов и Собчак, а затем еще 54 народных депутата России, написавшие в коллективном заявлении, что "надежды на преобразование КПСС в парламентскую партию оказались иллюзорными". Покинувшие КПСС призывали "всех сторонников обновления страны к объединению" в общественном движении "Демократическая Россия".

С выходом радикальных "демократов" из КПСС закончился период, когда движение обновления питалось идеалом "социализма с человеческим лицом". Теперь оппоненты КПСС, взявшие верх в республиканских органах власти, приняли на вооружение откровенно антикоммунистическую идеологию. В союзном правительстве, напротив, верх взяли консерваторы, подталкивавшие Горбачева к применению силы для сохранения унитарного, по существу, Союза. Ни одна из сторон не имела опыта политического действия в условиях реаль-

ной демократии, неизбежно сопряженного с поиском компромиссов. Лобовое столкновение делалось неизбежным.

На улицу выходят граждане

22 июня 1990 г. Верховный Совет России сформировал правительство под руководством Ивана Силаева, которое взяло на вооружение программу быстрого перехода к рынку, разработанную группой экономистов во главе с Григорием Явлинским. Программа, получившая известность под названием "500 дней", предусматривала в качестве первого шага приватизацию и децентрализацию экономики, а затем ликвидацию государственного контроля за ценами и реструктуризацию хозяйства. Поскольку реализовать программу можно было, по мнению Явлинского, только в СССР в целом, в августе — сентябре было достигнуто соглашение Ельцина и Горбачева о совместном проведении программы как союзной.

Однако консерваторы в Политбюро заставили Горбачева отказаться от этого плана, катастрофического для старой союзной номенклатуры. В качестве инструмента давления они использовали совещание военных депутатов союзного и республиканских верховных советов. Полковник Алкснис вынес Горбачеву приговор: "Вы потеряли армию". Уже через два дня после совещания Горбачев выдвинул план укрепления президентской власти.

Торжество новой линии было закреплено в декабре на IV съезде народных депутатов СССР. Съезд внес в Конституцию изменения, значительно расширявшие полномочия президента. На новую должность вице-президента был назначен бывший профсоюзный функционер Геннадий Янаев. Министры либеральных взглядов — глава МВД Вадим Бакатин и глава МИДа Эдуард Шеварднадзе — покинули союзное правительство. Причем Шеварднадзе, объявив о своей отставке, бросил в зал ошеломляющее известие: "Наступает диктатура…" Николай Рыжков, впервые заговоривший о социалистическом рынке, был "по болезни" освобожден от должности главы Совета министров. Его место занял министр финансов Валентин Павлов, известный готовностью к чрезвычайным мерам для восстановления планово-распределительной системы хозяйства.

Новое руководство страны было готово к применению силы в политической борьбе. 13 января 1991 г. в Вильнюсе созданный при помощи союзного КГБ коммунистический Комитет общественного спасения при поддержке Советской армии попытался совершить госу-

дарственный переворот и свергнуть правительство Народного фронта. Через неделю схожая попытка была предпринята в Латвии. В обоих случаях попытка не удалась в результате народного сопротивления. Российское правительство решительно поддержало прибалтийских "демократов" в борьбе с союзным центром.

Компартия стремительно теряла влияние: в 1990 г. из партии вышло 1,8 млн человек. После прибалтийских событий от Горбачева отшатнулись даже умеренные реформаторы. Член Президентского совета авторитетный экономист Станислав Шаталин потребовал от Горбачева вернуться к программе радикальных экономических реформ или "уйти в отставку вместе со всем окружением". 19 февраля отставки Горбачева потребовал в выступлении по телевидению Борис Ельцин. Начался новый виток острой борьбы за власть между ними. Ельцин и его сторонники рассматривали предстоящий референдум о сохранении СССР как способ отстранения Горбачева от власти и предлагали сказать Союзу "нет".

Однако на референдуме, прошедшем 17 марта 1991 г. в девяти республиках (Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия и Эстония от проведения референдума отказались), более 76% голосовавших высказалось за сохранение СССР. Победу Горбачеву обеспечила иезуитская формулировка вопроса о "сохранении… обновленной федерации".

На какой-то момент установился баланс сил. Но тут Горбачев допустил грубый политический промах. 29 марта должен был начать работу внеочередной съезд народных депутатов РСФСР. Накануне несколько десятков депутатов обратились к Горбачеву с просьбой оградить их "от диких выходок и откровенного глумления" со стороны "агрессивно настроенных элементов" на пути к залу заседаний. В ночь на 28 марта в Москву были введены войска.

Большинство депутатов были глубоко оскорблены такой "защитой" и потребовали вывода войск. Ельцин в своем выступлении призвал к образованию "широкой демократической коалиции партий, рабочих движений и различных объединений, включая прогрессивно мыслящих членов КПСС". В результате единство коммунистов было расколото. Полтораста депутатов-коммунистов образовали фракцию "Коммунисты за демократию" во главе с популярным политиком, героем афганской войны полковником Александром Руцким.

Съезд, который, по мысли Горбачева и его союзников, должен был отстранить Ельцина от власти, принял ельцинские требования: полномочия председателя Верховного Совета были расширены, а на июнь были назначены выборы президента РСФСР. Горбачев искал компромисса. 23 апреля в резиденции президента СССР в Ново-Огареве

Горбачев и руководители девяти республик, участвовавших в референдуме 17 марта, выработали "Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса".

Консерваторы потребовали введения чрезвычайного положения или отставки Горбачева на пленуме ЦК 24 апреля. Горбачев, имея на руках сильный козырь — "Заявление 9+1", как стали называть ново-огаревское заявление, пошел ва-банк и заявил о своей отставке. Пленум испугался и отставку отклонил "исходя из высших интересов страны, народа, партии…". Однако консерваторы готовы были терпеть Горбачева только при условии его решительной борьбы с российскими радикалами ради восстановления власти "союзного центра". А это ему было уже не по силам.

Выборы президента РСФСР прошли 12 июня: с большим отрывом выиграл тандем Ельцина и Руцкого, набравший 57,3% голосов. Умеренно консервативные коммунисты — Н. И. Рыжков в паре с генералом Б. В. Громовым — набрали 16,8%. Представители крайне реакционного коммунистического крыла генерал А. М. Макашов и либерального коммунизма В. В. Бакатин набрали чуть более 3% каждый. Их обошла новая "звезда" — Владимир Жириновский (7,8%), выступавший под антикоммунистическими и националистическими лозунгами. Новый расклад политических сил особенно отчетливо обнаружился в крупных городах. Мэрами Москвы и Ленинграда были выбраны радикальные "демократы" Гавриил Попов и Анатолий Собчак, избиратели Ленинграда одновременно проголосовали за возвращение городу названия Санкт-Петербург. Одним из важнейших актов нового российского президента был указ о "департизации", обнародованный 20 июля. Указом прекращалась "деятельность организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР". Это был убийственный удар для Компартии, разрушавший ее структуру.

17 июня премьер-министр Валентин Павлов, выступая на заседании Верховного Совета СССР, обнародовал данные о катастрофическом положении союзной экономики. Дефицит бюджета составлял 39 млрд рублей. Премьер потребовал наделить Кабинет министров чрезвычайными полномочиями. Павлова поддержали министр обороны Д. Т. Язов, пугавший депутатов развалом армии, и председатель КГБ В. А. Крючков, утверждавший, что все лидеры демократического движения — американские "агенты влияния", реализующие план разрушения СССР, выработанный ЦРУ еще в 1977 г. "Обстоятельства таковы, — заявил Крючков, — что без действий чрезвычайного

характера уже просто невозможно обойтись". Проект нового союзного договора, согласованный в этот день в Ново-Огареве руководителями девяти республик, Павлов и его товарищи подвергли резкой критике.

12 июля проект нового союзного договора "суверенных государств", предусматривавший радикальное преобразование СССР (аббревиатура расшифровывалась теперь как "Союз советских суверенных республик"), был утвержден Верховным Советом СССР. В договоре указывалось, что государства, образующие союз, "обладают всей полнотой политической власти, самостоятельно определяют свое национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов власти и управления" и "являются полноправными членами международного сообщества". Фактически новый СССР должен был стать конфедерацией самостоятельных государств. Подписание договора было намечено на 20 августа в Москве.

29 июля состоялась встреча Ельцина, Горбачева и президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Горбачева уговорили после подписания договора сменить ключевых министров союзного правительства — Павлова, Крючкова, Язова, Пуго и др. Содержание этого разговора стало известно председателю КГБ Крючкову. Консерваторы приступили к подготовке государственного переворота с целью восстановления в полном объеме власти союзного центра.

18 августа Горбачев был изолирован на даче в Крыму. Утром 19 августа гражданам было объявлено, что "в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей" обязанности президента СССР исполняет вице-президент Янаев. Далее последовало "заявление советского руководства" об образовании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) в составе вице-президента Г. И. Янаева, заместителя председателя Совета обороны СССР О. Д. Бакланова, председателя КГБ В. А. Крючкова, премьер-министра В. С. Павлова, министра внутренних дел Б. К. Пуго, председателя Крестьянского союза В. А. Стародубцева и президента Ассоциации государственных предприятий А. И. Тизякова.

Цели и средства новой власти были означены в "Обращении к советскому народу" и "Постановлении № 1". Начатая Горбачевым перестройка, утверждалось в них, зашла в тупик и угрожает "распадом государственности". Для спасения отечества на полгода объявлялось чрезвычайное положение, приостанавливалась деятельность оппозиционных КПСС партий и движений, восстанавливалась цензура и прекращался выпуск нелояльных газет. В Москву были введены вой-

ска, а в качестве пряника всем горожанам обещали предоставить земельные участки под дачи.

Сопротивление гэкачепистам возглавило руководство России. Уже утром 19 августа Борис Ельцин своим указом объявил действия ГКЧП "правым, реакционным, антиконституционным переворотом", а его членов — вне закона. Российское руководство немедленно поддержали правительства прибалтийских республик и Молдавии, а после непродолжительного раздумья — Украины, Казахстана и Киргизии.

Члены ГКЧП обращались к "советскому народу". Борис Ельцин адресовался к "гражданам России". Кто одержит верх в этом открытом противостоянии, было неясно. Провинция выжидала, как показали позднейшие социологические опросы, до 40% россиян готовы были признать законность ГКЧП. Его поддержала депутатская группа "Союз", руководство Азербайджана, Грузии, Татарстана и ряда областей России.

Однако инициаторы реставрационного переворота просчитались в оценке "человеческого фактора". Судьбу страны решили "люди с улицы", вдруг почувствовавшие себя гражданами, не готовыми променять уже распробованную свободу на дармовые дачи. В центре Москвы движение танковых колонн было парализовано толпами людей, не желавшими возвращения легко узнаваемого в риторике ГКЧП советского прошлого.

К вечеру 19 августа у Белого дома, как стали называть здание Верховного Совета РСФСР на Краснопресненской набережной, где обосновалось российской правительство, постоянно дежурило до 50 тыс. человек. Народное настроение оказало решающее влияние на настроение войск. Днем 19 августа на защиту Белого дома демонстративно пришли под трехцветным знаменем, ставшим в этот день символом свободы, первые войска — десять бронемашин под командой майора Сергея Евдокимова. Отказались выполнять приказы ГКЧП главком военно-воздушных сил Евгений Шапошников и командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачев. Грачев с присущей ему прямотой приказал десантникам, если войска получат приказ стрелять в народ, "брать хунту". Но и маршала Язова вовсе не прельщала сомнительная слава российского Пиночета. Офицеры спецназа КГБ "Альфа" — последняя надежда ГКЧП — также отказались штурмовать Белый дом. В ночь на 21 августа Язов приказал войскам покинуть столицу. В общей неразберихе движение войск было принято за начало атаки, при попытке остановить ее погибло три молодых человека. По счастью, более жертв не было. Граждане утвердили свою волю малой кровью. "Население" признало победу граждан и немедленно

внесло в движение свой вклад, сокрушив памятник "железному Феликсу" на Лубянке.

Вернувшийся 22 августа в Москву Горбачев капитулировал перед российским правительством, которое переняло все функции федеральных ведомств. 23 августа он был принужден подписать указ о роспуске КПСС. На следующий день был ликвидирован союзный Совет министров. Вместе с коммунистическим режимом рухнули и государственно-партийные скрепы, на которых держался СССР. 1 декабря 70% граждан Украины на референдуме высказались за независимость. 8 декабря на встрече в Беловежской Пуще руководители России, Украины и Белоруссии подписали соглашение о ликвидации СССР.

Начатая Горбачевым в 1987 г. "демократизация" привела, таким образом, к исчезновению реформируемого государства. Почитатели и хулители Горбачева будут еще долго спорить о подробностях политических контроверз этой бурной эпохи, личных качествах и роли генсека. Одно несомненно: Горбачев не мог избрать для России "северокорейский" вариант казарменного социализма и полной изоляции от внешнего мира — по складу характера и темпераменту он мало подходил на роль диктатора. Но вот "китайский" путь для Горбачева был реальной альтернативой. Он вполне мог, подобно "китайским товарищам", форсированно провести непопулярные, но неизбежные экономические реформы, сохранив однопартийную систему и опираясь на существующий партийно-государственный механизм. Горбачев выбрал путь "демократизации" в надежде, что этот процесс можно направлять. Но управляемой демократии не существует.

Подробнее на эту тему

Goldman M. *What Went Wrong With Perestroika*. N.Y.L., 1992.

Малиа М. *Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917–1991.* М., 2002.

Согрин В. В. *Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина.* М., 2001.

Ясин Е. Г. *Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ.* М., 2003.

1997 Пейзаж после битвы

25 июля 1997 г. союз "олигархов", заключенный в 1996-м накануне президентских выборов, рассыпался в прах. Медиамагнаты Борис Березовский и Владимир Гусинский насмерть рассорились с владельцем "Норильского никеля" Владимиром Потаниным. Обида была чудовищна и непомерна. Крупный пакет акций государственной компании "Связьинвест" (монополиста на российском рынке телекоммуникаций) был продан в этот день на аукционе претенденту, который утверждал, будто просто выложил за него больше денег, а не тому, кто считал, что он по уже сложившемуся обычаю о покупке договорился.

Телевизионные компании, подконтрольные обиженным "олигархам", устроили выволочку председателю Госкомимущества Альфреду Коху. В защиту сделки выступили недавно пришедшие в правительство "молодые реформаторы" Анатолий Чубайс и Борис Немцов, которого Борис Ельцин публично провозгласил своим преемником. И тогда главной мишенью медиамагнатов стало правительство "молодых реформаторов". Анатолия Чубайса и его товарищей обвинили в получении взятки в форме гонорара за ненаписанную книгу. Книга, впрочем, в 1999 г. благополучно вышла. Но в 1997-м в результате скандала, раскрученного олигархическими СМИ вокруг "дела писателей", ее авторы были дискредитированы и изгнаны из правительства.

Тем самым была сорвана последняя попытка Бориса Ельцина активизировать реформы и обновить власть. Наметившаяся было возможность постепенной трансформации "олигархического" капитализма, сложившегося в результате приватизации, в "капитализм с человеческим лицом" оказалась упущенной. Зато открылись перспективы для реванша той части номенклатуры, которая чувствовала себя обделенной при разделе государственной собственности.

Шокирующая терапия

После августовской революции 1991 г. идея социализма, хотя бы и самого демократического, окончательно потеряла кредит доверия в российских правительственных кругах. Широкую популярность получили идеи классического либерализма, отрицавшего право государства на малейшее вмешательство в экономические процессы. Вместе с тем идеологи новой власти были убежденными "демократами". Возможность ограничения политических свобод они решительно отвергали, несмотря на то что сочетание политической демократии с экономической свободой чревато коллизиями, с которыми в той или иной степени сталкиваются все бедные страны при проведении рыночных реформ.

Российские власти, увлекшиеся дележом союзного наследства и выморочного имущества КПСС, медлили с проведением реформ, что вызывало нарастающее недовольство в стране. Программу преобразований президент обнародовал только в конце октября на второй сессии V съезда народных депутатов РСФСР.

План включал три блока мероприятий: либерализацию, финансовую стабилизацию и приватизацию. Прежде всего единовременное введение свободных цен должно было ликвидировать товарный дефицит, определить рыночную стоимость товаров, сделав деньги универсальным средством платежей, запустить механизм рыночной конкуренции, заставить производителей бороться за деньги покупателя. Финансовая стабилизация должна была остановить инфляцию и привести к созданию устойчивой национальной валюты. Затем должна была начаться приватизация жилья и государственной собственности. Президент честно предупредил: "Хуже будет всем", но рассчитывал на быстрый успех, обещая уже через полгода "снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года — стабилизацию экономики, постепенное улучшение жизни людей".

Программа реформ была разработана молодыми учеными-экономистами. Им же поручено было и проводить ее в жизнь. 6 ноября Бо-

рис Ельцин сформировал новое правительство совершенно необычного состава. Исполняющим обязанности председателя правительства президент, получивший дополнительные полномочия для проведения экономических реформ, назначил самого себя. Первым заместителем председателя и фактическим главой Кабинета стал лидер "Демократической России" Геннадий Бурбулис, заместителями председателя правительства по экономической и социальной политике были назначены соответственно Егор Гайдар и Александр Шохин, Анатолий Чубайс, также в ранге заместителя председателя правительства, был поставлен во главе Государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом.

Душой и идейным лидером правительства был Егор Гайдар. Тридцатипятилетний экономист-теоретик выступал решительным сторонником быстрых и радикальных перемен. Достаточно было, по его мнению, запустить рыночные механизмы, а "железная рука рынка" уже сама должна была не только привести к изобилию потребительских товаров, но и к структурным преобразованиям в народном хозяйстве, перекошенном в сторону военно-промышленного комплекса. Ускоренная приватизация — создание массы собственников — должна была решить не только экономические, но и политические задачи, обеспечив гарантии демократического развития страны. "Если собственность раздроблена между множеством владельцев, — утверждал Анатолий Чубайс в сентябре 1992 г., — ни один из них не имеет исключительного права и физической возможности командовать остальными… Это просто невозможно сделать: вся власть частного собственника над остальными людьми заключается в том, что он может (или не может) предложить потребителям лучшие условия, чем его конкуренты. В этом смысле рыночная экономика — это гарантия не только эффективного использования средств, ресурсов, основных фондов и так далее, но также и гарантия свободы общества и независимости граждан".

Реализация этой программы была, однако, серьезно осложнена политической борьбой, и результаты реформ оказались совершенно не теми, к каким стремились ученые-экономисты. Предполагали, что в результате либерализации цены вырастут приблизительно в три раза. Исходя из этого предположения было предусмотрено повышение на 70% заработной платы для работников бюджетной сферы, пенсий, стипендий и т. п. Разрыв в уровне заработков и цен был бы в таком случае довольно значительным, но не катастрофическим, и временное падение жизненного уровня воспринималось бы как естественная плата за расставание с "административно-командной системой". Однако цены вопреки расчетам немедленно подскочили в 10–12 раз, а к концу года — в 26 раз,

и большинство населения оказалось за чертой бедности. Стремительная инфляция обесценила вклады в Сбербанке, которые правительство не в состоянии было индексировать, отчего пострадали прежде всего старики-пенсионеры, долгие годы копившие "про черный день".

Верховный Совет потребовал значительно увеличить расходы на ликвидацию "зазора" между ценами и доходами населения. Эта мера ставила крест на попытках правительства сверстать бездефицитный бюджет, без чего немыслима финансовая стабилизация, и угрожала срывом всей программы реформ. Это первое наступление Гайдару удалось отбить, сославшись на то, что увеличение бюджетного дефицита приведет к разрыву отношений с Международным валютным фондом, займы которого были оговорены жесткими условиями. А без займов МВФ страна уже через месяц оставалась без продовольствия.

В феврале правительство выступило с меморандумом об экономической политике на 1992 г. Предполагалось уже в марте освободить цены на энергоносители, снизить субсидии предприятиям и ликвидировать бюджетный дефицит. Либерализация цен на энергоносители и исчезновение дешевых правительственных кредитов ставили перед угрозой банкротства большинство промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Эта перспектива привела к изменению расстановки сил в парламенте. Прежнее большинство, сплотившееся ради борьбы за независимость от ретроградного союзного центра, распалось. Новые проблемы провели новые разграничительные линии. Гайдаровскую шокотерапию поддерживало около четверти депутатов съезда, половина выступали решительно против, четверть колебались.

Борис Ельцин бросил весь свой огромный авторитет на поддержку гайдаровского курса. Конфликт парламента с правительством стал конфликтом с президентом. Против реформ и с резкой критикой политики президента выступил вице-президент Александр Руцкой. Его выступление 8 февраля на заседании Конгресса гражданских и патриотических сил стало сенсацией. Недавний лидер "Коммунистов за демократию" резко критиковал правительство с державно-националистических позиций.

Новая расстановка сил вполне обнаружилась в апреле на VI Съезде народных депутатов. Съезд признал "ход экономической реформы неудовлетворительным в области социальной защиты граждан, инвестиционной, промышленной и аграрной политики, комплексности проводимых мероприятий".

В соответствии с буквой советской Конституции 1977 г. Советы были органами неразделимой власти, совмещали законодательные

и контрольно-распорядительные полномочия. Система кое-как функционировала только благодаря тому, что власть Советов была фикцией, а сами Советы — лишь ширмой для партийного руководства. Съезд решил воплотить букву Конституции в жизнь. Результаты оказались катастрофическими. Первым делом съезд наделил себя правом вносить поправки в Конституцию и принялся перекраивать Основной закон из соображений сиюминутной "политической целесообразности".

Благодаря контролю над Центральным банком Верховный Совет получал могущественный рычаг воздействия на экономическую политику и уже летом 1992 г. сделал ход, едва не сорвавший реформы вовсе и, во всяком случае, сообщивший им затяжной характер.

Предприятия, получив свободу, стали поднимать до небес цены на свою продукцию. Каждое повышение в одной отрасли влекло повышение цен в смежных отраслях, и далее по цепочке то же самое делали поставщики сырья, энергоносителей — возникал порочный круг. Предприятия утрачивали возможность расплачиваться с поставщиками, платить зарплату работникам и налоги казне.

Формально следовало банкротить нерентабельные предприятия. Но в условиях непрозрачной экономики неплатежеспособными оказывались даже заведомо высокоприбыльные нефтедобывающие предприятия. 28 июля председатель Центрального банка Виктор Геращенко распорядился предоставить дешевые кредиты государственным предприятиям для проведения взаимозачетов, чтобы разрубить узел неплатежей. Масса ничем не обеспеченных денег прилила в хозяйство. Промышленность была спасена от краха, а масса работников — от безработицы. Верховный Совет предпочел гиперинфляцию социальным осложнениям. Но программа "шокотерапии" была практически сорвана. Правительство вынуждено было вносить поправки в собственную программу и продолжать реформы в борьбе с Верховным Советом. Впрочем, народу от этих борений легче не было — именно тогда родились крылатые слова "шок без терапии".

Центр тяжести реформаторской политики был перенесен на программу приватизации, которая должна была не только обеспечить промышленности "эффективного собственника", но и создать многочисленный "средний класс" акционеров приватизированных предприятий.

Обсуждалось несколько вариантов приватизации. Один из них, предложенный еще в программе "500 дней", предполагал преобразование предприятий в акционерные общества и затем продажу акций "эффективным собственникам" после проведения тщательной подготовки и оценки. Однако людей, обладающих капиталами и опытом

распоряжения ими, в России просто не было, а на западных инвесторов смотрели косо. Для предпродажной подготовки предприятий не было ни специалистов, ни времени. А на исполнение такой "правильной" приватизации требовалось минимум 15 лет. Правительство же торопилось ввести в законные рамки неудержимо идущий процесс "прихватизации" государственной собственности главным образом директорами казенных предприятий через "дочерние" кооперативы и "аренду с выкупом".

11 июля 1992 г. Верховный Совет утвердил законы о приватизации. За основу была взята модель быстрой и бесплатной приватизации. Предприятия преобразовывались в акционерные общества, а граждане получали чеки — ваучеры, служившие средством для покупки акций. Номинал ваучера был назначен в 10 тыс. рублей. Цифра эта не означала ничего, кроме результата деления балансовой стоимости подлежащих приватизации предприятий на число жителей России. Однако с этим номиналом начали связываться преувеличенные ожидания. Главный "приватизатор" Анатолий Чубайс даже неосторожно посулил, что вскоре за ваучер можно будет купить две "Волги".

Программа была результатом борьбы четырех разнородных социальных групп, интересы которых должна была удовлетворить. В свою пользу старались обратить приватизацию, во-первых, члены трудовых коллективов, полагавшие, что фабрики должны принадлежать работникам; во-вторых, директора, которые управляли предприятиями и были по своему опыту и положению лучше всех, казалось бы, подготовлены к роли действительных хозяев; в-третьих, рядовые граждане, не работавшие на приватизируемых предприятиях, но претендовавшие на свою долю "общенародной собственности", и, наконец, новые предприниматели, уверенные, что только они и есть искомые "эффективные собственники".

Каждая группа получила свой шанс. Для трудовых коллективов была дополнительно предусмотрена "вторая модель" приватизации, предполагающая приобретение контрольного пакета акций предприятия его работниками на льготных условиях. Директора получили "третью модель", позволявшую руководству предприятия, выступающему в качестве "инициативной группы", выкупить по символической цене 20% акций предприятия при согласии трудового коллектива. Все получили ваучеры, а новые предприниматели — возможность их покупать (единственное существенное дополнение, внесенное в программу Анатолием Чубайсом; по первоначальному замыслу, принадлежавшему экономисту Виталию Найшулю, чеки должны были быть именными). Теоретически модель была действующей.

Однако целей своих реформаторы достигли только отчасти. К моменту завершения летом 1994 г. первого — чекового — этапа приватизации 2/3 ВВП России производились в негосударственном секторе экономики. Однако приватизация "по Чубайсу" породила и ряд изъянов в отношениях собственности. Три четверти промышленных предприятий оказались приватизированы по "второй модели", то есть их собственниками, обладавшими контрольным пакетом акций, стали трудовые коллективы, заинтересованные больше всего в повышении заработной платы, а не в развитии производства. Не возник и многочисленный "средний класс", который мог бы служить надежной социальной опорой новой конструкции государства. Владельцы ваучеров могли сами обменять их на акции предприятий, и те, кому это удалось, не остались внакладе, но таких было очень немного. Остальные вынуждены были прибегнуть к услугам чековых инвестиционных фондов. Предполагалось, что фонды, сосредоточивая у себя ваучеры, сформируют портфели акций промышленных предприятий, а граждане, ставшие владельцами акций ЧИФов, будут получать дивиденды. Однако считаные единицы из 2 тыс. возникших по всей стране ЧИФов превратились в устойчивые инвестиционные компании, а подавляющее большинство их бесследно исчезли, оставив доверчивых граждан с носом и обогатив собственное руководство, по позднейшей оценке Анатолия Чубайса, "неквалифицированное, а то и просто полууголовное". Не доверяя ЧИФам и не имея возможности купить непосредственно акции известных предприятий, многие владельцы ваучеров продали их по дешевке перекупщикам, действовавшим в интересах владельцев крупных капиталов.

В результате законодательной необеспеченности и торопливости вместо "народного капитализма" приватизация на практике открыла дорогу усиленной концентрации капитала в руках немногочисленной (по весьма приблизительным расчетам авторитетных экономистов — не более 10 тыс. человек) группе оборотистых дельцов, тесно связанных с чиновным миром.

"Да, да, нет, да"

Падения производства и роста цен приватизация не остановила. За первые три квартала 1992 г. производство мяса и колбас сократилось на 30%, страна по большей части перешла на хлеб и макароны. Естественное недовольство "временными трудностями", конца которым было не видать, подпитывало разнообразную оппозицию.

Общественное мнение было глубоко возмущено тем, что новая элита, вступившая в борьбу с номенклатурой под лозунгами "борьбы с привилегиями" за идеалы социальной справедливости и построение общества "равных возможностей", оказавшись у власти, немедленно стала распоряжаться казенной собственностью как своей частной. Освобожденная пресса смаковала подробности строительства находящимися у власти "демократами" шикарных дач и вселения председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова в роскошную квартиру, предназначавшуюся некогда для семейства Леонида Брежнева. Генералы демократической гвардии, занимая высокие посты в системе государственного управления, входили в руководство коммерческих структур и банков, обеспечивая им льготные условия за счет "административных ресурсов".

Одновременно свертывались привычные формы общественного потребления, стремительно ухудшалось общедоступное медицинское обслуживание, большинство потеряло возможность пользоваться железнодорожным и авиационным транспортом. Не выдерживали и уходили из власти идейные "демократы первой волны". Газета "Известия", в эпоху перестройки — флагман демократической прессы, теперь убеждала читателей не ждать "нового светлого будущего" от "демократов от КПСС и их опоры — биржевиков, воротил теневого бизнеса, спекулянтов-перекупщиков и прочих уважаемых деловых людей". Нарастание социальных контрастов, вообще непривычных для России, в самых резких и неприкрытых формах, какие в массовом сознании связывались скорее с "банановыми" республиками, нежели с "процветающим Западом", уязвляли самолюбие. Страна явно становилась "державой второго сорта".

Коммунистическая оппозиция начинала смыкаться с "державной", образуя диковинный "красно-коричневый" альянс. На оппозиционных митингах алые коммунистические стяги мирно соседствовали с церковными хоругвями, а портреты государя императора Николая II — с изображениями его убийцы Ленина.

Естественным средоточием оппозиции правительственному курсу стал Верховный Совет. Первая крупная схватка развернулась в декабре 1992 г. на VII съезде народных депутатов. Депутаты потребовали отставки Гайдара и правительства и наделили себя правом приостанавливать решения президента и правительства. Тогда Борис Ельцин с трибуны съезда обратился через головы депутатов непосредственно к гражданам России. Обвинив съезд в саботаже реформ и создании из Верховного Совета "оплота консервативных сил и реакции", президент потребовал проведения всенародного референдума. Вопрос он предлагал только

один: “Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации: нынешнему составу Съезда и Верховного Совета или президенту России?” Огласив этот своеобразный ультиматум, Ельцин покинул съезд, предложив последовать за собой всем своим сторонникам, которых оказалось немного. Съезд, в свою очередь, принял обращение к гражданам России, в котором обвинил президента в превышении полномочий.

Отношения исполнительной и законодательной власти зашли в тупик. Временному разрешению конфликта способствовал председатель Конституционного суда Валерий Зорькин. Благодаря его энергичному вмешательству лобового столкновения на сей раз удалось избежать. 14 декабря правительство возглавил пользовавшийся полным доверием “красных директоров” глава “Газпрома” Виктор Черномырдин, заявивший, что он “за рынок, но не за базар”, но на деле продолжавший, хотя и менее энергично, мероприятия гайдаровского правительства.

Шаткий компромисс рухнул уже в феврале. На заседании президиума Кабинета министров 11 февраля Борис Ельцин решительно стал на защиту Гайдара. “Не могу согласиться, — заявил президент, — что экономические реформы в России пошли по худшему варианту. Они пошли по единственно возможному варианту”. Причину того, что реформы потребовали больших жертв и не дали скорого результата, президент видел в “разногласиях между законодательной и исполнительной властями по вопросу ограничительной финансовой, денежно-кредитной политики”. Законодателям было ультимативно предложено или дать возможность правительству проводить жесткий экономический курс, или провести референдум, на котором граждане решат, президенту или парламенту готовы они предоставить решающие властные полномочия.

Восьмой съезд народных депутатов России 13 марта наложил мораторий на проведение любых референдумов. Съезд провозгласил, что все власти должны руководствоваться Конституцией, но при этом сам легко менял конституционные нормы и, в частности, узаконил процедуру импичмента — отрешения президента от власти в случае нарушения им конституционных норм.

20 марта Ельцин объявил по телевидению о введении “особого порядка управления” до преодоления конституционного кризиса. Любые действия любых органов власти объявлялись недействительными и не имеющими силы, если они противоречили указам президента. В стране вводилось прямое президентское правление. Референдум о доверии властям назначался на 25 апреля.

Конституционный суд признал не соответствующими закону основные положения указа. Но и у противников президента не было решающего перевеса. Внеочередной съезд народных депутатов 29 марта, хотя и не смог инициировать процедуру отрешения главы государства от должности, принял постановление о проведении референдума 25 апреля, сформулировав вопросы таким образом, что три из четырех были направлены против президента. Граждан приглашали ответить:

1. Доверяете ли Вы президенту РФ Б. Н. Ельцину?
2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом РФ и правительством с 1992 года?
3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента РФ?
4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Верховного Совета РФ?

Телевидение и радио, где большинство журналистов симпатизировали президенту, развернули пропагандистскую кампанию, призывая граждан на вопросы референдума отвечать "Да, да, нет, да". Всенародное голосование, однако, не принесло бесспорной победы ни одной из противоборствующих сторон. В нем приняло участие 64% граждан, обладающих правом голоса. Из них 58,7% выразили доверие президенту и 53% одобрили политику президента и правительства. При этом 34 млн человек высказались за досрочные перевыборы президента, а 46,2 млн — за перевыборы народных депутатов. Непосредственные "юридические последствия" могли иметь только два последних ответа и только в том случае, если бы переизбрания потребовало не менее 53 млн граждан, то есть простое большинство имеющих право голоса. Президент трактовал итоги всенародного волеизъявления как мандат на продолжение радикальных реформ. Оппозиция причислила неявившихся голосовать к своим сторонникам. При таком допущении большинство получалось за нее.

Глубокий раскол в обществе продемонстрировали первомайские демонстрации. В Москве их было две, колонна "конструктивной оппозиции" шла под синими профсоюзными знаменами, колонна "непримиримой" коммунистически-патриотической оппозиции двигалась под алыми стягами Фронта национального спасения и "Трудовой России". Шествие "непримиримых" закончилось столкновением с милицией. В результате побоища на Калужской площади ранения получило более 600 человек (из них 205 — милиционеры, один из которых от полученных ран через несколько дней скончался).

Власть в стране оказалась парализована. Верховный Совет отвергал все вносившиеся правительством законопроекты и приостановил действие указов президента, а от себя приготовил законопроект, ставивший средства массовой информации под контроль законодательной власти.

Летом обе противоборствующие стороны вооружились собственными проектами новой конституции. Конституционное совещание, созванное по почину президента, разработало проект Основного закона, делавшего Россию президентской республикой. Конституционная комиссия Верховного Совета завершила разработку собственного проекта, в соответствии с которым Россия становилась республикой парламентской. Для его утверждения на 17 ноября был назначен созыв очередного съезда народных депутатов.

В этих обстоятельствах президент решился на крайний шаг. 21 сентября он огласил указ № 1400 "О поэтапной конституционной реформе". Указ прекращал полномочия Верховного Совета и съезда народных депутатов и назначал на 12 декабря выборы в новый законодательный орган — Государственную думу. В ночь на 24 сентября открылся X Чрезвычайный съезд народных депутатов РФ. Съезд полностью одобрил политическую линию Верховного Совета. Вокруг Белого дома, где заседал съезд, на котором окончательно восторжествовали реставраторские — "красно-коричневые" — элементы, стали группироваться вооруженные отряды экстремистов — Русского национального единства, Союза офицеров, казаков, военизированных отрядов авантюристов, получивших боевой опыт в молдавско-приднестровском конфликте. В ночь на 24 сентября вооруженные сторонники Верховного Совета во главе с лидером Союза офицеров Тереховым совершили неудачный налет на штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. Конфликт перешел в кровопролитие.

28 сентября здание Верховного Совета было блокировано милицией. Предпринимались попытки примирить противоборствующие стороны. Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин предложил "нулевой вариант" — одновременные перевыборы всех ветвей власти. Ельцин предложил собственный "нулевой вариант" (перевыборы президента через полгода после перевыборов парламента). Однако председатель Верховного Совета Хасбулатов и вице-президент Руцкой заявили об отказе от каких-либо компромиссов с Ельциным и призвали ко всеобщей забастовке.

Примирить противников попытался патриарх Алексий II, попросивший дирекцию Третьяковской галереи выдать ему для молебна о примирении древнейшую икону Владимирской богоматери (после

богослужения на сыром октябрьском воздухе у иконы XII в. началось отслоение красочного слоя). Однако переговоры, проходившие 1–2 октября, потерпели крах, и 3 октября сторонники парламента приступили к насильственному свержению "антинародного режима". По призыву Александра Руцкого и генерала Альберта Макашова их вооруженные сторонники прорвали милицейские кордоны, захватили близстоящее здание московской мэрии. Колонна грузовиков под коммунистическими кумачовыми и черно-желто-белыми монархическими знаменами, с лозунгами: "Долой Тель-Авидение!", двинулась на захват телецентра в Останкино. Взять телецентр, охраняемый спецназом, осаждавшим не удалось, но в результате перестрелки, завязавшейся при попытке штурма, погибло несколько десятков человек, в том числе случайных прохожих.

Телеканалы один за другим прекращали работу. В Кремле, куда вечером из загородной резиденции на вертолете возвратился президент, царила, по воспоминаниям Егора Гайдара, "атмосфера последнего заседания Временного правительства". На улице безраздельно господствовали "красно-коричневые". Войска не желали принимать участие в подавлении мятежа, имевшего вид народного восстания. Группа "Альфа" штурмовать Белый дом решительно отказалась. И тогда Егор Гайдар призвал своих сторонников выйти к зданию Моссовета на Тверской "для защиты демократии". Уже к ночи там собралось до 15 тыс. человек. Эта безоружная интеллигентная толпа разительно отличалась видом и настроем от бесчинствующих сторонников Руцкого и Макашова. И только при виде такого явного контраста войска склонились на сторону президента. Глубокой ночью 4 октября Борис Ельцин лично приехал в Министерство обороны, где Виктор Черномырдин проводил чрезвычайное заседание Кабинета министров. Министр обороны Павел Грачев лишь после долгих колебаний отдал приказ о применении танков, потребовав письменного распоряжения Верховного главнокомандующего.

С семи утра начался танковый обстрел Белого дома. К вечеру порядок в столице был восстановлен. По неполным официальным данным, погибло 150 человек. Всенародно избранный Верховный Совет, ставший "угрозой демократии", был ликвидирован. Лидеры "демократов" утверждали, что "с фашизмом покончено", а гражданская война пресечена в зародыше, парализовавшее страну двоевластие закончилось. Предстоящие в декабре парламентские выборы и утверждение новой конституции, устанавливавшей четкое разделение властей, должны были убрать последние помехи на пути рыночных реформ и становления политической демократии.

Выборы, однако, преподнесли властям неприятный сюрприз. По партийным спискам, на основании которых избиралась половина депутатов Государственной думы — нижней палаты нового российского парламента, выиграла Либерально-демократическая партия демагога-скомороха Владимира Жириновского (23% голосов против 16% у пропрезидентского “Выбора России” и 12% у КПРФ). По случаю ожидавшегося триумфа гайдаровского “Выбора России” в Кремле было устроено грандиозное шоу. “Встреча нового политического года” транслировалась в прямом эфире. Торжество было испорчено: гости разбежались, сникшие ведущие едва дотянули программу до конца в полупустом зале. Один из участников — Юрий Карякин — бросил прямо в микрофон: “Россия, ты одурела!”

Россия, разумеется, находилась в полном душевном здравии. Протестным голосованием граждане всего лишь выставили торжествующей власти свою оценку по “поведению” и “успеваемости”. Успехи были неважные.

Регистрируемый официальной статистикой валовой внутренний продукт составлял около половины от уровня кризисного 1990 г., инфляция не унималась. Росло социальное расслоение. Доходы 10% наиболее обеспеченных граждан превышали доходы 10% наименее обеспеченных в 11 раз (в благоустроенных развитых странах этот фундаментальный показатель находится на уровне 6).

Впрочем, полнота этих данных вызывает сильные сомнения. Жить действительно было трудно, но весьма значительная часть производства и доходов граждан не попадала в сводки Госкомстата. Доля “теневой экономики” достигала, по оценкам некоторых экспертов, 40% валового внутреннего продукта. Наличные (в пору высокой инфляции — долларовые) и неденежные формы расчетов, господствующие в этой сфере экономики, приводили к тому, что государственный бюджет хронически недополучал налоговых поступлений. Дефицит достиг гигантских размеров. Государство задерживало выплату своих долгов. Действительно в отчаянном положении оказались бюджетники — работники государственных предприятий, военнослужащие, учителя, пенсионеры.

Признав, что ваучерная приватизация не привела к оживлению промышленности, не создала “среднего класса” и ничего не дала бюджету, правительство летом 1994-го объявило о переходе ко второму, “денежному” этапу приватизации.

За счет приватизации планировалось получить в бюджет 1995 г. более 8 трлн рублей (весь дефицит бюджета составлял 50 трлн). Таких

поступлений можно было ожидать только от продажи высокоприбыльных предприятий, каковыми были нефтяные компании, однако Государственная дума исключила "стратегическую" "нефтянку" из плана приватизации. Распродажа госсобственности за "живые" деньги порождала злоупотребления. Чиновники по сговору с покупателями занижали цены и устраняли от конкурсов нежелательных конкурентов. Вместо честных аукционов устраивались фиктивные. Отдельные, особенно вопиющие случаи получали скандальную известность. Так, Краснодарская табачная фабрика была продана за 60 млн долларов, хотя почтенная зарубежная фирма предлагала 167 млн. Чиновники, причастные к проведению аукционов, наживали крупные состояния, казне перепадали крохи.

Доходы от приватизации к концу августа 1995 г. едва достигали 500 млрд рублей (6% плана, бюджет горел синим пламенем). Чтобы спасти бюджет и обойти запрет Госдумы, решено было реализовать идею "залоговых аукционов", высказанную главой "ОНЭКСИМ-банка" Владимиром Потаниным еще в марте. Суть идеи заключалась в том, что коммерческие банки выдают правительству кредиты под залог акций высокоприбыльных предприятий. По истечении известного срока правительство должно было организовать конкурс по продаже заложенных акций и либо вернуть кредит, либо передать акции в полную собственность кредитора. Механизм был прост, изящен и юридически безупречен.

Всего было проведено 12 залоговых аукционов, но только в четырех крупнейших цена передаваемого в залог пакета устанавливалась выше 100 млн долларов. "ОНЭКСИМ-банк" выдал правительству в кредит 170 млн долларов под залог 38% акций "Норильского никеля" и 130 млн — под залог 51% акций нефтяной компании "Сиданко". Банк "Менатеп" выдал правительству 159 млн долларов под залог 45% нефтяной компании "ЮКОС" и вместе со "Столичным банком сбережений" — 100 млн за 51% акций Сибнефти.

Счетная палата, находившаяся под контролем оппозиционной Государственной думы, проанализировав механику проведения залоговых аукционов, призвала законодателей признать сделки "притворными" и, соответственно, юридически ничтожными. Но тут выяснилось, что договоры составляли юристы банков, не зря получающие высокое жалованье. Отменить сделки было невозможно без больших потерь — финансовых и репутационных — для власти. Правительство даже не предусматривало средств для возврата кредитов в бюджете 1996 г. У него были другие заботы. Как писал позднее Анатолий Чубайс, "170 млн в декабре 1995 года — это были ого-го-го какие деньги. Это был какой-то аб-

солютно невероятный прорыв в то время… Деньгами, полученными от залога "Норильского никеля", мы мгновенно заткнули кучу бюджетных проблем. И в первую очередь дыры по зарплатам".

Ради латания бюджетных дыр государство пользовалось и более рискованными приемами. 11 октября 1994 г. курс рубля вдруг упал на валютной бирже более чем на 30%. Президент объявил "черный вторник" результатом диверсии и "попыткой финансового путча". Совету безопасности было отдано распоряжение найти диверсантов. Диверсантов не нашли. И немудрено, поскольку главным "диверсантом" и подлинным виновником "черного вторника" был Центробанк, позволивший "обвалить" рубль, чтобы скупить побольше "дешевых" рублей и расплатиться с частью бюджетных долгов. Уже 13 октября курс вернулся к докризисной отметке.

Отдельные граждане обогащались при помощи чистого мошенничества. Бесчисленные "банки" и "страховые компании" выстраивали одну за другой финансовые пирамиды, сказочно обогатившие учредителей, доставившие умеренный доход первым вкладчикам и вчистую разорившие миллионы припозднившихся доверчивых "партнеров". Весьма значительную роль в создании крупных частных капиталов играли льготные кредиты и таможенные льготы, которыми ведавшие их раздачей чиновники одаривали, разумеется, небескорыстно, доверенных предпринимателей.

В результате залоговых аукционов бизнес-ландшафт России радикально изменился. Выделилась группа сверхбогатых предпринимателей, получивших широкие возможности влиять на политические решения и не совсем точное наименование "олигархи". Среди них ведущее положение занимали Рэм Вяхирев (Газпром), Владимир Гусинский (группа "Мост"), Вагит Алекперов ("ЛУКойл"), Борис Березовский (Логоваз), Владимир Потанин ("ОНЭКСИМ-банк"), Михаил Ходорковский (банк "Менатеп"), Александр Смоленский ("Столичный банк сбережений").

Глава Госкомимущества Альфред Кох не скрывал, что "на ваучерном этапе приватизации мы сами создали некий искусственный спрос", а "на денежном этапе спрос, напротив, был ограничен, так как денег было немного, и потому нужна была индивидуальная работа с каждым покупателем". Шахматист Гарри Каспаров довольно точно описал результат этой "индивидуальной работы", сказав, что "в России существуют только назначенные собственники".

Рядовые граждане, впрочем, тоже вполне успешно обустраивались в новой реальности. Исследования социологов показывали, что группа, не мыслящая жизни вне патерналистско-эгалитарной системы

общественных отношений, перестала численно расти. "Советского" идеала крепко держалась приблизительно треть населения. Около 20% российских граждан придерживались радикальной либерально-индивидуалистической идеологии, ни в коем случае не желая возврата к советскому прошлому и рассчитывая только на собственные силы. Около половины относились критически к сложившейся реальности, но в то же время не желали и реставрации прежних порядков. В 1995 г., по социологическим опросам, 70,6% россиян ставили политическую и гражданскую свободу выше материального благополучия. Большинство рассчитывало на улучшение своего положения в рамках нового порядка в ходе его естественной эволюции.

Власти, однако, решили укрепить свои позиции, заручившись поддержкой "патриотического электората", и привлечь на свою сторону "державников" с помощью "маленькой победоносной войны". 11 декабря 1994 г. российские войска были введены в Чечню.

Кавказский узел

Основания конфликта федеральных властей с чеченскими были заложены еще в 1990 г., когда Общенациональный конгресс чеченского народа (род народного фронта) во главе с популярным летчиком генералом Джохаром Дудаевым провозгласил своей целью полную независимость Чечни и выход ее из состава не только СССР, но и РСФСР. Воспользовавшись провалом московского августовского путча 1991 г., Дудаев взял власть в свои руки, распустив Верховный Совет республики во главе с Доку Завгаевым, занявшим осторожную позицию в отношении ГКЧП. В этот период успехам Дудаева содействовали российские руководители, прежде всего Бурбулис и Хасбулатов, рассчитывавшие использовать генерала как еще один инструмент в борьбе с Горбачевым и союзной номенклатурой. Осенью 1991 г. после исчезновения "союзного центра" российские власти оказались лицом к лицу с сепаратистским анклавом, элита которого уже почувствовала экономические выгоды независимости (за счет спекуляций российской нефтью, поступающей на перерабатывающие заводы в Чечне). Достижение компромисса на основании предоставления Чечне особого статуса в рамках федерации было, однако, вполне возможно. Подобный договор был успешно заключен с Татарстаном, который, так же как и Чечня, отказался в 1992 г. подписать Федеративный договор на общих основаниях. Дудаев рассчитывал уладить дело в ходе личных переговоров с Борисом Ельциным. Но российский президент, дове-

ривишись своим советникам — плохим знатокам кавказских нравов, посчитал ниже своего достоинства лично встретиться с чеченским лидером. Генерал обиделся — коса нашла на камень.

Пострадавшими оказались ни в чем не повинные рядовые граждане — русские и чеченцы. Русские, составлявшие значительную часть населения северной равнинной Чечни, стали подвергаться вытеснению, их подозревали в нелояльности к новой чеченской власти. Федеральный центр фактически установил экономическую блокаду Чечни. Режим Дудаева зашатался. В 1993 г. против Дудаева составлялась уже довольно влиятельная коалиция чеченских кланов. Считалось, что дни его правления сочтены. И тут главные "специалисты по Кавказу" в российском правительстве — советник президента Сергей Шахрай и министр по делам национальностей Николай Егоров — решили ускорить дело. В ночь на 28 ноября танковая колонна чеченской "оппозиции", полностью укомплектованная российскими офицерами, завербованными Федеральной службой безопасности в подмосковных дивизиях, была разгромлена при попытке войти в Грозный. Вмешательство российских спецслужб в чеченские дела вышло наружу. Дудаев сделался национальным героем, чеченское общество сплотилось вокруг своего защитника. Опростоволосившимся российским инициаторам акции ради собственного спасения не оставалось другого пути, как попытаться спрятать концы в воду, развязав большую войну.

10 декабря Егоров потребовал, чтобы Дудаев "прибыл в Моздок для подписания акта о сдаче оружия". Генерал, естественно, отказался, на что и был расчет, и тогда 11 декабря российские войска были введены в Чечню для "разоружения незаконных формирований и восстановления конституционного порядка" в соответствии с *секретным* указом президента (Российская конституция допускает использование армии на российской территории только в случае введения чрезвычайного положения, которое должен утвердить парламент). Борис Ельцин, подписав указы, скрылся в больнице "для операции на носовой перегородке".

Министр обороны, бравый десантник Павел Грачев, уверял, что дело будет решено в кратчайшие сроки "одним парашютно-десантным полком". На чем основывались эти хлестаковские заявления, неясно по сей день. Российские войска, в составе которых были необученные солдаты-первогодки, встретив стойкое и профессионально организованное сопротивление, терпели одну неудачу за другой. Особенно тяжелые потери понесли федеральные войска, брошенные на отчаянный штурм Грозного в новогоднюю ночь.

Командование федеральных войск вовсю использовало единственное свое бесспорное преимущество — авиацию. При бомбежках и ракетных ударах во множестве гибли мирные жители. Все большее число чеченцев, даже и не сочувствовавших первоначально Дудаеву, уходили в горы мстить за погибших родственников. К осени 1995 г. в Чечне погибло и пропало без вести более 5 тыс. солдат Российской армии. Потери боевиков неизвестны. Мирных жителей, по неполным данным общественных правозащитных организаций, погибло около 100 тыс. человек. Партизанская война принимала афганские масштабы.

Победить в такой войне, как показывает опыт последнего столетия, регулярная армия не может. Тем не менее в январе 1995 г. российские генералы рапортовали Верховному главнокомандующему, что "конституционный порядок" в Чечне восстановлен, осталось будто бы произвести окончательную "зачистку" от отдельных уцелевших "бандитов". Сепаратисты тем временем добивались своих целей, нанося болезненные террористические удары по мирным российским жителям, и время от времени предпринимали крупные диверсии, показывая собственную силу. В июне крупный отряд боевиков под командой Шамиля Басаева захватил больницу в Буденновске; в январе 1996-го отряд Салмана Радуева беспрепятственно вошел в дагестанский город Кизляр и на обратном пути взял в заложники жителей целого села Комсомольского; в марте чеченские войска на три дня демонстративно отбили у "федералов" Грозный.

Существование свободной, во всяком случае неподконтрольной властям, прессы не позволяло чиновникам слишком безоглядно врать об "успехах". Пресса служила средством организации и мобилизации общественного мнения. После Буденновска возмущение страны достигло точки кипения. По почину коммунистической фракции Государственная дума начала обсуждать возможность импичмента — отставки президента. Думе пригрозили, что она будет распущена, и, не желая повторять конфронтации 1993 г., палата ограничилась вотумом недоверия правительству. Путем сложных закулисных переговоров Ельцину удалось сохранить на посту премьера Черномырдина, но "силовые" министры были отправлены в отставку.

Чеченская авантюра завершилась и полным политическим провалом: "державников" власть на свою сторону не привлекла, а либералов отпугнула. Кризис доверия существующей власти ярко обнаружился на думских выборах в декабре 1995 г. Попытки кремлевской администрации выстроить "партию власти" — псевдополитическую структуру для лоббирования в законодательном органе собственных интересов в условиях свободной политической борьбы — успехом не увенчались.

Предвыборный блок "Наш дом — Россия" (народное название "Наш дом — Газпром"), возглавляемый премьером Черномырдиным, единственный из трех таких новообразований с трудом перешагнул избирательный барьер, набрав 9,8% голосов. Сильные позиции в Думе заняла оппозиция: коммунистическая — КПРФ (22,3%), националистическая — ЛДПР (11,6%), и социал-демократическая — "Яблоко" (6,9%).

К исходу 1995 г. рейтинг популярности Бориса Ельцина политтехнологи "искали с микроскопом". По самым оптимистическим оценкам, главе государства доверяли не более 5%. К весне он и вовсе опустился до уровня "погрешности" социологических опросов. Ближайшие сотрудники президента — начальник охраны Александр Коржаков и ответственный за чеченскую кампанию Олег Сосковец — предлагали вовсе отменить выборы. Став достоянием гласности, этот план окончательно подорвал кредит доверия президенту, при всех обстоятельствах подчеркивавшего свою приверженность демократии. Тем не менее тяжелобольной Борис Ельцин объявил о своем твердом намерении участвовать в президентских выборах в июне.

Решение это не было простой прихотью или результатом неумеренного властолюбия. Другого кандидата у "партии власти" просто не было. Высокую вероятность приобретала победа лидера коммунистов Геннадия Зюганова, не сулившая ничего доброго функционерам "антинародного режима", как выражался тогда лидер коммунистов. Перед лицом такой опасности вокруг президента сплотились "олигархи".

Семь крупнейших российских предпринимателей, контролировавших примерно половину российской экономики, на Всемирном экономическом форуме в швейцарском курортном городке Давосе приняли решение оставить взаимные несогласия и бросить все материальные и информационные ресурсы для обеспечения победы Ельцина. Примирились даже заклятые дотоле враги Владимир Гусинский и Борис Березовский. Злые языки немедленно окрестили союз "семибанкирщиной", по аналогии с Семибоярщиной времен Смуты.

Битва при "Связьинвесте"

Победа досталась Ельцину ценой чрезвычайных усилий и только во втором туре. Первый тур 16 июня основные противники "сыграли", по существу, вничью (35,28% голосов было подано за Ельцина, 32,03 — за Зюганова). За две недели между первым и вторым туром Борис Ельцин успел проделать два неожиданных маневра, очередные "загогулины", как он сам выражался: отправить в отставку Коржакова и Сосковца,

а третьего "призера" первого тура, генерала Лебедя, привлечь в свою "команду" на должность секретаря Совета безопасности (председателем числился сам президент). Второй тур 4 июля Ельцин выиграл с внушительным отрывом (53,8% против 40,3).

Политическое "чудо" выращивания рейтинга главы государства практически от нуля до победы, имевшее простое объяснение (выбирать российские граждане опять должны были "из двух зол"), "олигархи" приписали собственным усилиям и потребовали благодарности. Сразу после выборов Владимир Потанин получил должность первого вице-премьера, Борис Березовский стал заместителем секретаря Совета безопасности, Анатолий Чубайс занял ключевой в российской властной системе пост руководителя президентской администрации, где велась разработка всех стратегических законопроектов и готовились основные кадровые назначения.

Победа едва не оказалась пирровой. Сердце президента не выдержало напряжения избирательной кампании, и в ноябре он вынужден был лечь в больницу. Оправившись после тяжелой операции, Борис Ельцин решительно взял бразды правления в свои руки и в марте 1997 г. устроил капитальную перетряску Кабинета министров. Первыми вице-премьерами под прикрытием бессменного "политического тяжеловеса" Черномырдина стали Анатолий Чубайс и Борис Немцов. Остальные ключевые должности в Кабинете также заняли либералы. Все говорило о том, что Борис Ельцин, оставив суетные заботы о сохранении власти, решил посвятить второй срок завершению тех реформ, символом которых он стал в эпоху бархатной революции 1991 г.

Программа кабинета "молодых реформаторов" в существенной части была подготовлена гайдаровским Институтом экономических проблем переходного периода. Окончательный вариант программы, утвержденный президентом, получил название "семь главных дел", по числу основных стратегических направлений деятельности правительства.

Первым делом надлежало ликвидировать долги бюджета по заработной плате. Деньги предполагалось получить с 15 крупнейших предприятий — должников казны, не останавливаясь перед доведением должников до банкротства.

На втором месте стояло в правительственном плане сокращение расходов государства. Этой цели должна была служить реформа систем социального обеспечения. Льготы и пособия впредь должны были получать адресно только действительно нуждающиеся. Кроме того, предполагалось урезать расходы на содержание вооруженных сил и государственного аппарата.

Далее значились меры, долженствующие вызвать подъем экономической активности: понижение налоговых ставок, реформирование "естественных монополий" (Газпром, энергосистема страны, железнодорожное ведомство), снижение доходности государственных краткосрочных обязательств (ГКО), служивших источником сверхдоходов банков, кредитовавших правительство под непомерно высокие проценты, дабы направить средства в реальный сектор экономики.

"Молодые реформаторы" решительно взялись за дело. 28 апреля президент утвердил указ о проведении реформы жилищно-коммунального хозяйства. Жилье, расходы на содержание которого пользователи, в том числе и вполне обеспеченные, оплачивали только на 27%, предполагалось сделать самоокупающимся к исходу 2003 г. Льготы предполагалось оставить только истинно нуждающимся. Были сделаны решающие шаги к развязыванию "чеченского узла". В марте Москва позволила провести реальные выборы в Чечне, на которых победу одержал лидер "договороспособных" боевиков Аслан Масхадов. 12 апреля он подписал с президентом России мирный договор, которым стороны обязывались руководствоваться во взаимных отношениях принципами, регулирующими отношения между суверенными государствами, и воздерживаться от применения силы при решении спорных вопросов.

Трудности ожидали реформаторов прежде всего в финансовой сфере. Им удалось в кратчайшие сроки погасить долги государства перед пенсионерами и заморозить некоторые "популистские" статьи бюджета, рассчитанные на подкуп избирателей во время избирательной кампании, но неисполнимые по существу.

Однако денег в доходной части бюджета катастрофически недоставало. Налоговые послабления, рассчитанные на выход части предпринимателей "из тени", могли принести ощутимые результаты только через несколько лет. Ради ускоренного латания бюджетных дыр решено было прибегнуть к продаже государственных пакетов акций наиболее привлекательных для потенциальных инвесторов предприятий.

25 июля состоялся самый крупный аукцион в российской истории. На продажу было выставлено 25% акций компании "Связьинвест" — тогда монополии в сфере телекоммуникаций и телефонной связи. Победу одержал "кипрский" банковский консорциум *Mustcom Ltd.*, который составили "ОНЭКСИМ-банк", Дойчебанк и американский финансист Джорж Сорос. Консорциум выложил за акции 1,855 млрд долларов. Второй претендент на "Связьинвест" — финансовая корпорация "Альфа", партнерами которой выступали медиамагнаты Борис Березовский (крупный акционер и фактический владелец

канала ОРТ) и Владимир Гусинский (глава холдинга "Медиа-Мост", которому, в частности, принадлежал канал НТВ), — предложил меньшую сумму, будучи уверенным, что Владимир Потанин (владелец "ОНЭКСИМ-банка") будет действовать согласно достигнутым некогда договоренностям: а в 1996 г. при заключении "давосского перемирия" "Связьинвест" был обещан Владимиру Гусинскому.

Владимир Потанин публично признал, что незадолго до проведения аукциона он вновь встречался с Анатолием Чубайсом, Борисом Березовским и Владимиром Гусинским. На этой встрече, по его словам, Гусинский и Березовский предложили группе "ОНЭКСИМ-банка" не вступать в конкурентную борьбу, а достигнуть "договоренности, в результате которой пакет акций мог быть приобретен практически по стартовой стоимости". По утверждению Потанина, "ОНЭКСИМ-банк" от предлагаемой договоренности отказался. Проигравшие аукцион, однако, были убеждены, что ОНЭКСИМ нарушил данное обещание.

"Молодые реформаторы", стремившиеся выстроить новые отношения и разорвать зависимость власти от крупного бизнеса, стали на защиту аукциона. Борис Немцов назвал аукцион "примером честной приватизации" и сожалел о том, что "вместо того чтобы успокоиться, проигравший устроил истерику".

Конфликт вылился в длительную "информационную войну", которую медиамагнаты повели теперь уже не против конкурента, а против "молодых реформаторов" в правительстве. Первым залпом начавшейся войны стала опубликованная 4 августа в "Новой газете" статья Александра Минкина "Я люблю, когда тарелки очень большие", в которой вице-премьер правительства и глава Госкомимущества Альфред Кох обвинялся в получении взятки в форме гонорара за ненаписанную книгу о приватизации в России. 13 августа Кох ушел в отставку.

СМИ, принадлежавшие обиженным олигархам, не унимались. Продолживший свои изыскания Минкин быстро выяснил, что соавторами Коха были практически все ведущие "молодые реформаторы". 28 октября в интервью газете "Коммерсантъ" Анатолий Чубайс подтвердил, что для подготовки фундаментальной монографии о развитии частной собственности в России был собран "коллектив, который, собственно, и занимался созданием частной собственности в нашей стране: Чубайс, Мостовой, Бойко, Казаков, Кох..."

Прокуратура занялась расследованием "дела писателей". Не дожидаясь окончания расследования, президент решил избавиться от сотрудников с подпорченной в глазах общественности репутацией. 13 ноября был отправлен в отставку заместитель главы президентской

администрации Александр Казаков. На следующий день уволено еще два незадачливых "писателя" — бывший глава Госкомимущества Максим Бойко и руководитель Федеральной службы по несостоятельности Петр Мостовой. Анатолий Чубайс 20 ноября лишился поста министра финансов, но его отставку с поста вице-премьера президент не принял.

Расследование "дела писателей" было прекращено в 1999 г. по амнистии. Тогда же в издательстве "Вагриус" вышла книга "Приватизация по-российски" — ценное пособие для историков. Но это уже не имело никакого значения.

Ближайшим результатом "битвы при "Связьинвесте", как окрестили информационную войну некоторые журналисты, был раздрай в стане "олигархов" и крушение правительства "молодых реформаторов".

Побочным, но не менее важным следствием "информационной войны" стало "грехопадение" СМИ. Телеканалы и органы печати, уже завоевавшие доверие полнотой и достоверностью поставляемой информации и рассматривавшиеся страной как каркас нарождающегося "гражданского общества", были очевидным образом использованы владельцами для достижения частных экономических и политических целей. Медиамагнаты продемонстрировали, что для них СМИ не бизнес, но средство манипулирования общественным мнением, инструмент неформальной, неизбираемой политической власти. Значительная часть российского общества готова была смириться с экономическими трудностями ради гражданских и политических свобод. Многообразие СМИ, представлявших интересы различных групп и в совокупности дававших полную свободу выражения любого мнения, считалось едва ли не главным достижением "эпохи Ельцина". Теперь общественное доверие СМИ было подорвано в корне. В ходе политической борьбы после разразившегося в 1998 г. финансового кризиса эти результаты "информационной войны" сыграли роковую роль.

Дело семейное

23 марта 1998 г. Борис Ельцин отправил в отставку премьер-министра Виктора Черномырдина и вице-премьера Анатолия Чубайса. Никаких внятных комментариев по этому поводу дано не было, и страна была уверена, что это очередная причудливая "загогулина", президентский каприз. Через несколько недель только выяснилось, что президентский указ был реакцией на провал экономической политики правительства, поставившей государство на грань банкротства. Но-

вый премьер — 36-летний Сергей Кириенко, лишь с третьего раза утвержденный Думой, представил программу жесткой финансовой политики, главными элементами которой были повышение налогов и сокращение государственных расходов. Программа была подвергнута радикальной критике "слева" в Государственной думе. "Справа" борьбу на уничтожение Кириенко повели "олигархи". Подконтрольная им пресса аттестовала моложавого премьера не иначе как "киндер-сюрпризом".

Правительство, не имея надежной поддержки, было лишено возможности действовать решительно. Финансовая катастрофа началась 13 августа обвальным падением рынка российских ценных бумаг и достигла пика 17 августа, когда правительство приостановило выплаты по внешним долгам и объявило о переоформлении внутреннего долга. Пирамида государственных краткосрочных обязательств (ГКО), в течение нескольких лет создававшая видимость финансового благополучия, рухнула в одночасье, рубль был девальвирован на треть, курс упал с 6 до 9,5 рубля за доллар.

В стране началась паника, усилившаяся после отставки Кириенко, последовавшей 24 августа. Курс рубля к доллару тут же упал снова, на сей раз сразу втрое, взлетели оптовые и розничные цены, большинство банков прекратили операции. В обстановке финансового хаоса жизненный уровень граждан вернулся к показателям начала 1992 г.

Борис Ельцин представил Думе в качестве "нового" премьера Виктора Черномырдина. В обращении к гражданам России президент мотивировал свой выбор необходимостью "обеспечить преемственность власти в 2000 году". Ни для кого, однако, не было секретом, что "преемственность власти" на предстоящих президентских выборах необходима была президенту не только ради продолжения реформ. "Преемственность" была необходима ему и ради сохранения положения "семьи" — политической группировки, состоящей из родственников президента, доверенных бизнесменов и чиновников. Сам Ельцин служил для нее скорее ширмой, активную роль играла в становлении "семейного дела" дочь президента Татьяна Дьяченко. Влиятельным членом и "серым кардиналом" "семьи" числился Борис Березовский. Входил в нее и муж другой президентской дочери Валерий Окулов, избранный в марте 1997 г. на пост генерального директора крупнейшей российской авиакомпании "Аэрофлот".

Виктор Черномырдин, которого Борис Ельцин отрекомендовал стране "политическим тяжеловесом", безусловно, был подходящим кандидатом, чтобы, как выразился президент, "обеспечить стабильность". Но Дума "нового старого" премьера решительно отвергла.

В команде президента начался раздрай. Часть ближайших сотрудников стали лоббировать кандидатуру московского мэра Юрия Лужкова. Но было очевидно, что российский премьер накануне выборов приобретает гигантский "административный ресурс", гарантирующий ему победу на президентских выборах, если он пожелает этим ресурсом воспользоваться. От Лужкова и его московской команды "семья" ничего хорошего ожидать не могла, и сторонники Лужкова — пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский и секретарь Совета безопасности Андрей Кокошин — были с позором отправлены в отставку.

Думе был представлен другой "политический тяжеловес" — министр иностранных дел Евгений Примаков. Дума с восторгом утвердила "государственника со славным советским прошлым". Первым заместителем председателя правительства, непосредственно отвечающим за экономическую политику, был назначен выдвинутый коммунистической фракцией бывший председатель советского Госплана Юрий Маслюков. Группировавшиеся вокруг Маслюкова "крепкие хозяйственники" советской закалки начали поворачивать страну в сторону "социально ориентированной" "реальной экономики", утверждая, что всякий рынок нуждается в "направляющей руке". Правительство Примакова — Маслюкова, впрочем, не успело совершить ничего губительного для рынка. Вскоре стали сказываться результаты оздоравливающего влияния на экономику девальвации рубля, совершенной правительством Кириенко. Экономическое положение страны быстро улучшалось. Социалист Примаков пожинал плоды трудов "монетариста" Кириенко. Популярность Примакова росла.

Примаков между тем начал сближение с левым большинством Государственной думы и повел решительное наступление на "олигархов", включая принадлежащих к кругу "семьи". Генеральная прокуратура в конце 1998 г. завела по его почину несколько уголовных дел против компаний, тесно связанных с Борисом Березовским. "Семья" ответила выбросом в публику убийственного компромата. Несколько телеканалов продемонстрировали видеозапись, где "человек, похожий на генерального прокурора" Юрия Скуратова, развлекался в компании девиц явно предосудительного поведения.

Указом президента Скуратов был отстранен от должности, но Совет Федерации — верхняя палата российского парламента, в компетенцию которой входило назначение и снятие генпрокурора, отказался исполнить волю президента. Напрасно глава Федеральной службы безопасности В. В. Путин и министр внутренних дел С. В. Степашин доказывали правомерность смещения прокурора. Рейтинг Бориса Ельцина

в стране резко пошел на убыль. Государственная дума вновь возбудила вопрос об отставке заметавшегося президента. Евгений Примаков почти не возражал.

Это обстоятельство переполнило чашу терпения президента, и он 12 мая 1999 г. отправил Примакова в отставку. Оскорбившийся Евгений Максимович бросился в объятия Юрия Лужкова и объявил о своей готовности участвовать в президентских выборах. Московский мэр метил на менее хлопотную, но более хлебную должность бессменного премьера.

"Семейные" интересы пришли в столкновение с интересами могущественных финансово-промышленных групп, как федеральных, так и крупнейших региональных. Выбор "преемника" для Бориса Ельцина все более осложнялся и наконец свелся к выбору кого-либо из "людей в погонах", на первый взгляд не связанных ни с какими "олигархическими" группировками. 19 мая деморализованная провалом импичмента Дума безропотно утвердила на должности премьера Сергея Степашина. В помощь ему правительство было усилено членами "семейного" клана, первым вице-премьером был назначен выходец из окружения Березовского Николай Аксененко.

"Мягкий силовик" Степашин получил в качестве испытательного срока всего три месяца. В августе после вторжения банд Басаева и Хаттаба в Дагестан, в борьбе с которыми федеральные силы обнаружили полную беспомощность, Степашин был отправлен в отставку. 16 августа премьер-министром был назначен глава Федеральной службы безопасности Владимир Путин.

Страна, уставшая от калейдоскопической смены премьеров, не придала большого значения тому, что в первом же публичном выступлении новый глава Кабинета объявил о готовности подчиниться воле Бориса Николаевича Ельцина и в целях сохранения политической стабильности баллотироваться в президенты. Нового премьера воспринимали как скоропреходящую политическую фигуру.

Невзрачный и немногословный премьер, однако, обнаружил настоящий талант. В течение двух месяцев ему удалось, в чем немалую подмогу оказал ему телеканал ОРТ, вызвать в стране античеченскую истерику и соблазнить страну возможностью быстрого силового решения чеченской проблемы. Вторая чеченская война под псевдонимом "антитеррористической операции" была встречена почти всеобщим восторгом. Рейтинг премьера, пообещавшего террористов "мочить в сортире", ко времени думских выборов в декабре достиг небывалых прежде высот, ему доверяло до 70% граждан.

В новогоднюю ночь 31 декабря 1999 г. Борис Ельцин преподнес стране сюрприз. Поздравив "дорогих россиян" с наступающим Новым годом, президент объявил о своей досрочной отставке. Глава правительства В. В. Путин в полном соответствии с Конституцией приступил к исполнению президентских обязанностей.

Ошарашенные телезрители застыли с бокалами шампанского. Гадали, чего ожидать от подающего надежды симпатичного, но малознакомого полковника государственной безопасности, щедро сдабривающего свою речь, внешне выдержанную в духе экономического либерализма, державной риторикой. Чокались и выпивали с разными чувствами. Ликовал Борис Березовский, только что виртуозно исполнивший операцию по внедрению в Думу новой партии власти — специально под Путина сконструированных "медведей" (межрегиональное движение "Единство"). Сомневаться в благодарности будущего президента — верного преемника Ельцина и защитника дела "семьи" — не было никаких причин. Кусали локти недавние компаньоны Березовского в попытке овладеть "Связьинвестом". Они все поставили на Лужкова и проиграли: лихой "телекиллер" Сергей Доренко, получив полную свободу действий на ОРТ Березовского, в два месяца успешно "замочил" московского мэра с его "Отечеством". А ведь если бы осенью 1997-го компаньоны держались чуть скромнее, не поставь они целью своротить совокупными усилиями правительство "молодых реформаторов", преемником Ельцина вполне мог бы стать простодушный и "предсказуемый" Борис Немцов, в свите которого уж точно не нашлось бы места неприметным "людям в штатском".

Но кто же станет в новогоднюю ночь ломать голову над подобными политическими "загогулинами"? С Новым годом, с новым счастьем!

Подробнее на эту тему

Буртин Ю. Г. *Новый строй. О номенклатурном капитализме*. М., 1995.

Гайдар Е. Т. *Дни поражений и побед*. М., 1997.

Нисневич Ю. А. *Российский транзит* // Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее. М., 2002.

Пивоваров Ю., Фурсов А. *Русская система и реформы* // Pro et contra. 1999. №4.

Приватизация по-российски / под ред. А. Б. Чубайса. М., 1999.

Согрин В. В. *Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина*. М., 2001.

Ясин Е. Г. *Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ.*

Горизонт ожиданий
Вместо эпилога

> История принадлежит живущему в трояком отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать *монументальный*, *антикварный* и *критический род* истории.
>
> Фридрих Ницше. *О пользе и вреде истории для жизни**

Очевидно, что у этой книги не может быть послесловия. Потому что не бывает времени “после истории”. История — поток событий движется бесконечно. История — рассказ о прошлом должна остановиться на некотором безопасном расстоянии от “сегодня”. Историк может повествовать лишь о событиях, отмеченных печатью “исторической давности”.

Главная опасность, угрожающая историку при неосторожном приближении к сегодняшнему дню, исходит не от власти и не от цензуры. Это опасность совсем иного рода. С разбегу угодив в сегодня, историк немедленно теряет статус профессионала и попадает в малопочтенный разряд “пикейных жилетов”, обо всем имеющих мнение, которому, как правило, грош цена. Сам характер нашего ремесла не допускает суждения о событиях и деяниях, результаты которых — хотя бы предварительные — еще не наступили.

Борьба за гражданскую свободу в России, не затихшая полностью с приходом к власти Владимира Путина, но принявшая новые формы, еще далека от завершения. Мы же, авторы этой книги, ограничились тем, что из множества сюжетов, составляющих в совокупности полнозвучную симфонию истории, попытались выбрать “развилки”, имеющие отношение в основном к одной теме — мучительному становлению в России гражданского общества. Пройдет время, и наше общество, если ему суждено

* Перевод Я. Бермана.

стать свободным, сможет спокойно заняться другими — весьма важными! — предметами. Например, историей ментальностей или гендерными исследованиями. В этих областях совсем иная система развилок и другая дистанция исторической давности. Но, не прояснив для себя случайностей нашей прихотливой "гражданской истории", мы еще долго будем несвободны и сможем лишь мечтать о спокойствии и досуге, необходимых для подобных занятий. Ибо общество несвободное обречено неустанно зубрить монументальную историю "героических предков" и прятаться от вездесущей власти в антикварной истории дотошных краеведов.

Профессиональные историки, решившиеся в довольно необычной форме представить политическую историю России, не стали по вышеназванным причинам давать развернутую характеристику правлению ныне действующего президента. Нам не дано знать, чем завершится виток постсоветской истории, современниками которого мы являемся. Речь не идет об очередном изменении политической линии и даже не об очередной реформе — или ее отсутствии. Важно то, что страна переживает сейчас очередную "развилку" — одну из тех, что рассматривается в этой книге. И от всех нас в какой-то мере зависит, чем мы окажемся через 15–20 лет — "либеральной империей", "управляемой демократией", "просвещенным абсолютизмом" или, не дай бог, "несостоявшимся государством" (*failed states*, как зовут их англоязычные политологи).

На подобные вопросы отвечают не те, кто пишет историю, а те, кто ее делает. А делаете ее вы, читатель. И всегда делали. А если не делали, то за вас ее делали другие люди, более решительные в отстаивании собственного "проекта будущего". В успехе этих энергичных людей нет ничего фатального. Принимаемые ими судьбоносные решения часто были вызваны сиюминутными соображениями и мелкими интересами. Только при обратном взгляде из настоящего в прошедшее вся цепочка естественных следствий этих поступков ошибочно представляет фатально закономерным и само исходное решение в точке развилки. Между тем акт, от которого тянется эта необходимая цепочка, был результатом свободного, хотя и не всегда осознанного выбора. "Не говорите: *иначе нельзя было быть*, — заметил мудрый Пушкин по поводу "Истории" Полевого. — Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но не возможно ему предвидеть *случая* — мощного мгновенного орудия провидения". Этот случай и есть развилка свободного выбора. Не упускайте свой случай.

Игорь Курукин, Никита Соколов

Научно-популярное издание

corpus 823

ИГОРЬ КУРУКИН, НИКИТА СОКОЛОВ

ВЫБИРАЯ СВОЮ ИСТОРИЮ

РАЗВИЛКИ НА ПУТИ РОССИИ
ОТ РЮРИКОВИЧЕЙ ДО ОЛИГАРХОВ

Главный редактор Варвара Горностаева

Ведущий редактор Евгений Коган

Художник Андрей Бондаренко

Ответственный за выпуск Ольга Энрайт

Технический редактор Татьяна Полонская

Корректоры Ирина Дьячкова, Екатерина Комарова, Ольга Понизова

Верстка Константин Москалев, Марат Зинуллин

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные

Подписано в печать 10.10.14. Формат 70×100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура *OriginalGaramondC*
Печать офсетная. Усл. печ. л. 51,6
Тираж 3000 экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ОАО "Первая Образцовая типография",
Филиал "УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ"
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги
или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Произведено в Российской Федерации в 2024 г.
Изготовитель — ООО “Издательство АСТ”

ООО “Издательство АСТ”
129085, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 1,
комната 705, пом. I, 7 этаж
Контактный адрес электронной почты: ask@ast.ru

“Баспа Аста” деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс,
705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО “РДЦ-Алматы”
Дистрибьютор и представитель по приему претензий
на продукцию в Республике Казахстан: ТОО “РДЦ-Алматы”

Интернет-дүкен: www.book24.kz
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы “РДЦ-Алматы” ЖШС
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС
050039 Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”, литер Б, офис 1
Тел.: +7 (727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: +7 (727) 251-58-12, доб. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123112 г. Москва, Пресненская наб., д. 6, строение 2, БЦ “Империя”
Тел.: +7 (499) 951-60-00, доб. 574
E-mail: opt@ast.ru